

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПУШКИН
ИССЛЕДОВАНИЯ
И МАТЕРИАЛЫ

ПУШКИН
ИССЛЕДОВАНИЯ
И МАТЕРИАЛЫ

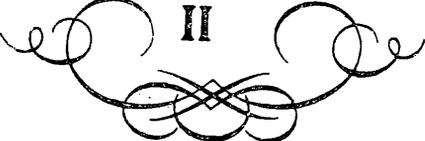
II

II

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ПУШКИН
ИССЛЕДОВАНИЯ
И МАТЕРИАЛЫ

ТОМ
II

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — ДЕНИНГРАД
1 9 5 8

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. П. Алексеева

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий второй том «Исследований и материалов» о Пушкине выходит в том же объеме, по тому же плану и с той же рубрикацией публикуемых материалов, что и первый том этой серии сборников, изданный Институтом русской литературы (Пушкинским Домом) Академии наук СССР в 1956 году. О характере этого издания, его основных задачах и отношении его к предшествующим сборникам, посвященным изучению жизни и творчества Пушкина, подробно говорилось уже в «Предисловии» к первому тому (стр. 3—5). Отметим здесь лишь, что начата серия пушкинских сборников имеет ближайшей целью отражать на своих страницах новейшие достижения советских пушкиноведов и намечать очередные задачи изучения великого русского поэта и его творчества на ближайшие годы. Пушкинский Дом и в дальнейшем предполагает в первом разделе настоящих сборников печатать исследования и статьи о Пушкине обобщающего или теоретического характера с постановкой проблем более широкого значения; в следующих же разделах предполагается объединять частные темы, отдавая предпочтение статьям, содержащим рукописные данные, впервые вводимые в научный оборот, или соображения, требующие специального обоснования.

В настоящем издании, в отличие от первого тома, в разделе «Материалы и сообщения» выделен особый подотдел — «Заметки»: здесь объединены материалы о Пушкине незначительного объема самого различного характера и назначения. Хотя некоторые из них посвящены на первый взгляд второстепенным подробностям биографии и творческого наследия Пушкина и имеют непритязательную форму «заметок на полях», поправок и уточнений, отдельных наблюдений и т. д., но всякий исследователь знает, какое неожиданное значение могут иметь все подобные заметки для дальнейшего изучения смежных и более общих вопросов и проблем. Некоторые из этих заметок окажут помощь для последующего комментирования произведений Пушкина, прояснят спорные моменты в его биографии, уточнят библиографические справки; другие будут полезны для решения более общих вопросов о значении Пушкина в русской и мировой культуре, для исследования русского литературного процесса.

Придавая большое значение библиографической информации о широко разветвленных изучениях Пушкина в СССР и за рубежом и необходимости сосредоточить ее в специальном пушкиноведческом органе, редакция расширила в предлагаемом томе отдел «Критических обзоров и рецензий» и «Хронику».

В настоящем сборнике тексты Пушкина всюду приводятся по большому Академическому изданию: Пушкин, Полное собрание сочинений, тт. I—XVI, Изд. Академии наук СССР, 1937—1949, с сохранением право-

писания и пунктуации этого издания. Исключение сделано только для тех случаев, когда цитируются другие издания, тексты которых представляют отличия от текстов большого Академического издания (например, малое Академическое издание: А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, Изд. Академии наук СССР, 1949, и другие).

В редактировании настоящего издания ближайшее участие принимал Н. В. Измайлов. Все публикуемые статьи и материалы поступили в редакцию до ноября 1956 года.

С Т А Т Ь И

Н. В. ИЗМАЙЛОВ

ЛИРИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ В ПОЭЗИИ ПУШКИНА 30-х ГОДОВ

1

Лирическая и лирико-эпическая поэзия Пушкина 30-х годов представляет собой один из наименее изученных разделов не только в истории всего его творчества, но и в сравнительно мало разработанной истории его лирической поэзии или, вернее, тех поэтических произведений, которые не очень точно объединяются обозначением «мелкие стихотворения». Внимание исследователей Пушкина привлекали и привлекают прежде всего его крупные поэтические произведения — поэмы и стихотворные повести, драматургия, роман в стихах (хотя нельзя сказать, чтобы «Евгений Онегин» был изучен достаточно глубоко и всесторонне), далее — политическая лирика 10—20-х годов и произведения 20-х годов, связанные с народно-песенным творчеством; ряд работ посвящен изучению прозы Пушкина — художественной, исторической, публицистической; здесь в центре внимания исследователей находятся «История Пугачева», «Капитанская дочка», повести, мемуары, наконец, в последние годы — «История Петра».

Что касается «мелких стихотворений» 30-х годов (т. е. за шестилетие 1831—1836, составляющее последний, петербургский период жизни Пушкина), то здесь подвергались изучению лишь отдельные произведения и отдельные вопросы. Общие линии творческого развития Пушкина-лирика этих лет остаются неясными и не вскрытыми. Между тем этот период — едва ли не самый значительный во всем лирическом творчестве Пушкина по совершенству форм, глубине мысли, широте идейно-тематического охвата — требует особенно пристального внимания.

Развитие лирического (в собственном смысле) творчества Пушкина, т. е. поэзии, воплощающей прежде всего личное отношение поэта к окружающему миру, его личные восприятия и суждения о нем, его переживания и раздумья, — еще с начала 20-х годов шло в направлении освобождения от жанровых разграничений к созданию новой поэзии, чуждой всяких условностей, свободной по форме, всеобъемлющей по содержанию, определяющейся лишь тем, что в нее вложены размышления поэта о важнейших вопросах его личной и общественной жизни, в их взаимоотношениях и глубочайших связях. Отсюда следуют постоянные, характерные для Пушкина искания новых форм лирической поэзии, с наибольшей простотой выражающих самое сложное и значительное содержание, и вместе с тем искания новых принципов составления лирических сборников; последнее имеет важное значение для раскрытия содержания лири-

ческих стихотворений и их внутренних связей, подсказывая читателю определенное понимание авторских замыслов.

Первый сборник лирики, изданный Пушкиным, — «Стихотворения» 1826 года, суммировавший его лирическое творчество от лицейского времени до половины 20-х годов (1815—1825), построен по традиционному жанровому делению, идущему от XVIII века и проведенному в изданиях двух крупнейших поэтов, старших современников и наставников Пушкина — Жуковского и Батюшкова. Пушкин, разумеется, не следовал буквально принятой тем или иным из этих поэтов классификации, так как его творчество в нее не укладывалось,¹ но, создавая свою собственную, сохранял важнейший, основной, жанровый принцип.

Сборник «Стихотворений Александра Пушкина» 1826 года составлен из пяти основных разделов: «Элегии», «Разные стихотворения», «Эпиграммы и надписи», «Подражания древним», «Послания»; особо выделены «Подражания Корану».

Распределение стихотворений по этим разделам показывает, однако, что уже в это время формальное понятие жанра не имело для Пушкина существенного и решающего значения.² Самым крупным и едва ли не самым значительным по содержанию разделом являются «Разные стихотворения», но они включают и типичное послание («К Овидию»), и элегии («Гроб Анакреона», «Фонтану Бахчисарайского дворца», «Певец», «Уединение», «К морю»), и баллады («Русалка», «Песнь о вещем Олеге», «Прозерпина»), и такое «лирическое» (в смысле, применяемом Жуковским) стихотворение, как «Наполеон». То же — в той или иной степени — относится и к другим разделам: твердых и точных границ между ними нет.³ Нет, однако, и точно соблюдаемой хронологии внутри разделов, и

¹ «Стихотворения В. Жуковского» в третьем издании (тт. I—III, СПб., 1824), наиболее полно и наиболее близком по времени к изданию «Стихотворений Александра Пушкина», делятся на «Лирические стихотворения» (т. е. имеющие общественно-политическое, одическое значение), «Романсы и песни», «Послания», «Элегии», «Смесь» (куда входят отдельным циклом «Сельские стихотворения» — из Гебеля), «Баллады»; вне этих разделов помещены: в начале I тома, перед «Лирическими стихотворениями» — «Орлеанская дева», в конце III тома, после баллад — поэмы и повести в стихах, а также последняя баллада «Замок Смальгольм», только что разрешенная тогда цензурой. «Опыты в стихах и прозе К. Батюшкова» (1817) распадаются на «Элегии», «Послания», «Смесь» (к которой присоединены «Эпиграммы, надписи и пр.»).

² Понятие жанра, в его существенном, а не формальном смысле, никогда не отрицалось Пушкиным: содержание лирических стихотворений в ряде очень значительных произведений определяет их композицию и заставляет относить к тому или иному жанру; но это не влияет на формальные определения и на распределение стихотворений в сборниках. Так, одно из значительнейших произведений лирики зрелого периода — «К вельможе» (1830) — является, конечно, посланием, и так оно названо в белой рукописи и в первопечатном тексте, хотя Пушкин не включал его в особый раздел «посланий», потому что самое деление на подобные рубрики исчезло из его сборников. Посланием по форме является и сатира «На выздоровление Лукулла» (1835) — и эта форма без сомнения очень традиционна для античной поэзии и для сатирической поэзии эпохи классицизма (в XVII—XVIII веках). Однако Пушкин не назвал своей сатиры посланием, ограничившись мистифицирующим подзаголовком — «Подражание латинскому». Лирические жанры, таким образом, продолжали жить в его поэзии, но проявлялись лишь в определенных случаях, когда того требовало идейно-тематическое содержание стихотворения.

³ Нарушение жанрового распределения вызвало недоуменное замечание П. А. Плетнева в письме к Пушкину от 26 сентября 1825 года (Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XIII, Изд. Академии наук СССР, 1937, стр. 234; ссылки на это издание в дальнейшем даются сокращенно: Акад., том, страница). Пушкин не отозвался на это замечание, хотя состав сборника, посвященный ему Плетневым, был им пересмотрен и кое в чем изменен.

если в предисловии «От издателей», написанном П. А. Плетневым, выражено желание, «чтобы на собрание наше смотрели, как на историю поэтических его <т. е. Пушкина> досугов в первое десятилетие авторской жизни», то в расположении материала исторический принцип не выдержан, и лишь годы, проставленные в оглавлении при заглавии каждого произведения, напоминают о нем. Но отсутствие четкой хронологической последовательности в сборнике не противоречит тому, что Пушкин, формально следуя распределению материала по жанрам, по существу уже здесь не считался с ним в полной мере.⁴

Наблюдаемый, таким образом, с половины 20-х годов отход Пушкина от установленных лирических жанров как основы классификации требовал создания иной системы расположения и преподнесения читателю всей массы новой лирической поэзии, создаваемой поэтом в 20-х годах, особенно начиная с 1824 года. Отказ от жанрового распределения был подчеркнут в двух частях «Стихотворений Александра Пушкина», изданных в 1829 году, почти механически проведенным хронологическим расположением стихотворений по годам, от 1815 до начала 1829, с выделением лишь некоторых, по преимуществу мелких, вещей (эпиграмм, альбомных и дружеских записей и т. п.) в отдел «Разных годов». Внутри каждого года материал расположен без соблюдения хронологии (что едва ли было бы и возможно для самого автора, исключая некоторые случаи, тем более, что даже отнесение к тому или иному году дает ряд нарушений, вольных и невольных, подлинной хронологии). Но, помимо хронологического распределения по годам, осуществившего пожелание, выраженное в предисловии издателей к сборнику 1826 года, — видеть в издании «историю поэтических его досугов», — в сборниках 1829 года проведена, хотя и непоследовательно, другая система, основанная на идейно-тематическом значении важнейших, определяющих и опорных произведений, выделенных почти в каждом году.

Первая часть издания открывается посланием 1815 года «Лицинию» — крупнейшим общественно-политическим выступлением Пушкина лицейского времени; 1817 год начат большим стихотворением «Торжество Вакха»; 1820 — элегией «Погасло дневное светило...», начинающей новый период в творчестве поэта; 1822 — балладой нового типа, противопоставленной балладному творчеству Жуковского — «Песнь о вещем Олеге»; сборник заканчивается «Подражаниями Корану» (1824). Намеченная система проведена здесь, как сказано, далеко не последовательно. Многие годы открываются далеко не самыми значительными стихотворениями, принадлежащими к ним, а наиболее крупные по значению иногда спрятаны в середину года. Так, послание «К Овидию» и элегическая ода «Наполеон» занимают VI и VII места 1821 года; элегия «К морю» —

⁴ Самый термин «поэтические досуги», употребленный Плетневым, представлял дань старой традиции, рассматривавшей поэзию как плод «легкого» вдохновения: сам Пушкин смотрел на нее иначе — как на результат напряженного труда и работы мысли; в посвящении Плетневу четвертой и пятой глав «Евгения Онегина» (1828), определяя свой роман как

Небрежный плод моих забав,
Бессонниц, легких вдохновений, —

он тут же раскрывает истинный смысл этого определения, заставляя читателя видеть под «небрежными» и «легкими» формами романа его сущность как результат

Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

III место среди стихотворений 1824 года. Но то, что почти каждый из этих годов открывается произведением характерного для всего периода жанра — любовно-медитативной элегией, представляет само по себе не случайность, но также систему: 1821 год начинается элегией «Мой друг, забыты мной следы минувших лет...»; 1823 — элегией «Простишь ли мне ревнивые мечты...», 1824 — элегией антологического типа «Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снедает...». Отсутствие заглавий у этих и многих других подобных элегий подчеркивает их медитативное содержание и отсутствие темы, подающейся конкретной формулировке.

Вторая часть «Стихотворений» 1829 года открывается важнейшим программным стихотворением 1825 года (т. е. перед 14 декабря) — элегией «Андрей Шенье»; следующие годы начинаются — каждый — столь же программными для своего, последекабрьского времени произведениями: 1826 — декларативной одой «Пророк», 1827 — «Стансами» («В надежде славы и добра...»), 1828 — важнейшим общественно-теоретическим заявлением «Чернь» («Поэт и толпа»). Последний в сборнике 1829 год содержит лишь одно стихотворение — послание альбомного характера и вполне нейтрального значения к Е. Н. Ушаковой («Вы избалованы природой...»). Зато заключающий сборник раздел «Разные годы» открывается внешне сентиментальным, а для посвященных в биографию поэта — многозначительным стихотворением «Птичка» («В чужбине свято наблюдаю...»), относящимся к периоду кишиневской ссылки поэта. Во всем этом чувствуется продуманная система, только не проведенная до конца; во всяком случае, эта система не имеет ничего общего с прежним и традиционным распределением стихов по формальному жанровому признаку.

Стремление к группировке стихотворений, к их объединению не по жанровым, а по внутренним признакам возрастает и определяется после 1830 года. Здесь, в сборниках и публикациях 30-х годов, можно проследить, как мы полагаем, определенные идейно-тематические, а вместе с тем (хотя и не всегда) формально-художественные единства, составляющие более или менее оформленные «циклы» (если понимать этот термин в его широком смысле). Выяснение существования этих единств, их состава, их смысла и значения составляет основную задачу предлагаемой работы.

2

Обратимся прежде всего к рассмотрению сборника стихотворений, изданного Пушкиным весной 1832 года, — «Стихотворения Александра Пушкина. Третья часть». Сборник этот, содержащий в хронологическом порядке, по годам, стихотворения 1829, 1830, 1831 годов и, в отделе «Разные годы», несколько более ранних произведений, служит продолжением и завершением двух первых частей и подводит итоги творчеству поэта до 1830 года включительно (немногие стихотворения 1831 года являются своего рода концовкой хронологического ряда).

Изданию сборника предшествовало двукратное составление списков стихотворений, предназначенных для включения в него. Эти списки и представляют для нас особый интерес.

Первый список,⁵ черновой, был начат не ранее середины апреля

⁵ ИРЛИ (ПД) № 515 (Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. Научное описание, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1937, стр. 201). Список написан на обороте черновика

1830 года и постепенно пополнялся в 1830—1831 годах, вплоть до начала сентября 1831 года. Последнее по времени написания внесенное в него стихотворение — «Бородинская годовщина», помеченное в печати «5 сентября 1831 г.». После «Бородинской годовщины» добавлено в списке «Эхо», датировка которого этим, однако, не определяется.⁶

Второй список⁷ представляет собой беловой текст, переписанный, с некоторыми изменениями, с первого. Составление его относится к первой половине сентября 1831 года — точнее, по весьма убедительному определению Б. В. Томашевского, ко времени между 5 и 14 числами этого месяца.

Хронологическая последовательность отсутствует в том и в другом списках. Но если в первом из них порядок стихотворений почти сплошь случайный, так как список составлялся постепенно и дополнялся по памяти, то второй список намечает некоторые тематические группы, пусть и не очень выдержанные, но всё же определяемые внутренними, идейно-тематическими признаками.

Вслед за стихотворением большого философского содержания — «Брожу ли я вдоль улиц шумных...», намеченным как вступительное к сборнику, идет ряд произведений любовного характера или, по крайней мере, связанных с отношениями поэта к женщинам: «Я вас узнал, о мой оракул...», «Приметы» («Я ехал к вам: живые сны...»), «Что в имени тебе моем?..» («Собаньской»), «Когда твои младые лета...». За ними — три сонета 1830 года («Сонет», «Поэту», «Мадона»). Далее, однако, порядок теряется. Произведения большого общественно-политического, философского и психологического значения — «Олегов щит», «К вельможе», «Анчар», «19 октября 1827» («Бог помочь вам, друзья мои...»), «26 мая 1828» («Дар напрасный, дар случайный...»), «Арион», «Бесы», «Аквилон», наконец, «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье...») — перемежаются эпиграммами, стихотворениями любовно-психологического содержания и некоторыми из стихотворений, вызванных кавказским путешествием 1829 года («Фаргат-Беку», «Делибаш», «Дон»); среди этого, несомненно рассчитанного, «беспорядка» записаны подряд три стихотворения из того же «кавказского» цикла: «Кавказ», «Монастырь на Казбеке», «Обвал»; в отдельную группу собраны пять антологических стихотворений, объединенных формально-метрическим признаком — гекзаметром⁸ (и поэтому обозначенных в списке заголовком «Экзам.<стры>»): «К Дельвигу» («Кто на снегах возрастил...»), «Труд», «Статуя» (т. е. «Царско-сельская статуя»), «Рифма», «Рыбак» (т. е. «Отрок» — «Невод рыбак расстилал...»); наконец, объединены вместе три стихотворения 1830 года,

письма Пушкина к С. Л. и Н. О. Пушкиным от 6—11 апреля 1830 года (Акад., т. XIV, стр. 77, № 462); опубликован П. О. Морозовым (Пушкин и его современники, вып. XVI, 1913, стр. 120—121) неподалеку и неточно; в исправленном виде напечатан и прокомментирован Б. В. Томашевским в его книге: Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения. Л., 1925, стр. 114—115; ср. сборник «Рукою Пушкина», изд. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 256—257, № 16, с подробным комментарием на стр. 257—260.

⁶ В Акад., т. III, 2, стр. 1233, датировано «1831 г., предположительно 5 сентября—9 октября»; в беловом списке (см. ниже) стихотворение помечено «1829», что явно не соответствует действительности.

⁷ ИРЛИ (ПД) № 716 (Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский, ук. соч., стр. 255); опубликован П. О. Морозовым (Пушкин и его современники, вып. XVI, стр. 117); в исправленном виде Б. В. Томашевским в ук. соч., стр. 116, с комментариями; ср.: Рукою Пушкина, стр. 260, № 17, с комментариями на стр. 261—263.

⁸ Или, точнее, элегическим дистихом, которым написаны все эти пьесы.

которые можно определить как «прощальные»: «В последний раз твой образ милый...» («Прощание»), «Закливание», «Для берегов отчизны дальней...». Два стихотворения 1831 года, посвященные Польскому восстанию — «Клеветникам России» и «На взятие Варшавы» (т. е. «Бородинская годовщина»), — записаны, естественно, рядом; за ними следует еще одна пьеса 1831 года — «Эхо» — и заключающее список стихотворение «Каков я прежде был, таков и ныне я...» 1828 года, поставленное здесь, быть может, случайно.

Наблюдаемые в списке тематические группы стихотворений остаются, однако, только намеченными. В самом сборнике 1832 года распределение материала проведено иным образом — в хронологическом порядке, по годам, с исключением некоторых стихотворений списка и добавлением других, в нем не бывших. Нам важно отметить при этом, что, во-первых, расположение стихотворений внутри каждого года отнюдь не хаотично, а строго обдуманно и имеет глубокий внутренний смысл; во-вторых, что, как сказано, ряд произведений, вошедших в список, не включен в сборник, и их исключение также, несомненно, мотивировано. Нужно рассмотреть и то и другое.

Первый год сборника — 1829 — начинается тематически единым «Кавказским» циклом, открывающимся таким декларативным, обобщающим, программным стихотворением, как «Кавказ». В порядке стихотворений почти выдержаны этапы путешествия Пушкина через горы — до «лагеря при Евфрате» («Не пленяйся бранной славой...») — и обратно в Россию («Дон»). Не вполне оправданное положение занимает «На холмах Грузии...» (между «Делибашем» и «Не пленяйся бранной славой») — для того, быть может, чтобы ослабить и затушевать очень интимное, любовное значение стихотворения, обращенного к оставленному в Москве предмету любви — Н. Н. Гончаровой.⁹ «Кавказский» цикл замыкается стихотворением «Олегов щит», оканчивающим собой всю тему войны 1828—1829 годов. В нем поэт наружно-комплиментарно, но достаточно ясно выразил свое отрицательное отношение к этой бесплодной и не блестящей кампании и к ее лжегероям — Паскевичу, Дибичу и самому Николаю.¹⁰ Отдельно от этих «кавказских» стихотворений помещено лишь обращение «Калмычке» («Прощай, любезная калмычка!...»), носящее иронический, почти сатирический характер по адресу дам петербургского общества. Его иронический тон, очевидно, и явился причиной исключения из «кавказской» сюиты, так же как и исключения «Дорожных жалоб», помещенных с ним рядом. Лишь позднее, планируя в конце 1836 года первый сборник своих стихотворений (об этом ниже), Пушкин ввел, по-видимому, все «кавказские» стихотворения (кроме «Олегова щита», не связанного с поездкой в армию), а также «Дорожные жалобы» и «Калмычке» в один общий раздел «Стихов, сочиненных во время путешествия (1829)».

⁹ См. статью М. П. Султан-Шах «М. Н. Волконская о Пушкине в ее письмах 1830—1832 годов» (Пушкин. Исследования и материалы, т. I, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1956, стр. 262—267), а также комментарий Б. В. Томашевского к стихотворению «На холмах Грузии» в издании: А. С. Пушкин. Стихотворения, т. 3. Библиотека поэта, Большая серия, изд. 2-е, Л., 1955, стр. 836—837.

¹⁰ Ср. с этим стихотворением набросок двух вступительных строк к «Домику в Коломне» — «Пока меня без милости бранят...» (Акад., т. V, стр. 371), где так язвительно упоминаются «русские Камиллы, Аннибалы»; план к полемическим строкам повести в стихах — так называемого «Езерского»: «Зачем ничтожных героев? Что делать — я видел Ипс(иланти), Паске(вича), Ермолова» (Акад., т. V, стр. 410); скрыто иронические строки о Паскевиче в «Предисловии» к «Путешествию в Арзрум» (Акад., т. VIII, 1, стр. 443—444; 2, стр. 1021—1027), наконец, оставшееся в черно-

1829 год в сборнике 1832 года заканчивается стихотворением «Брожу ли я вдоль улиц шумных...». Это не только хронологически точно (стихотворение написано 26 декабря 1829 года), но и дает философский итог тридцатого года жизни поэта — мудрое признание закономерности вечного движения, смены поколений, отмирания старого и рождения нового — и оптимистическое утверждение вечной жизни природы, жизни, освещенной сознанием и чувством человека.

Следующий, 1830 год открывается стихотворением «В часы забав или праздной скуки...», обращенным, как известно, к московскому митрополиту Филарету в ответ на его стихотворную полемику с пушкинской элегией «26 мая 1828» («Дар напрасный, дар случайный...»); последняя помещена в конце сборника, в разделе «Разные годы». Помещение обоих стихотворений напоминало осведомленным читателям о выступлении митрополита против скептического и «безбожного» поэта: Пушкин, включая «26 мая», не отказывался от выраженных в нем мыслей; а между тем обращение к Филарету, возглавившее годовой раздел, принимало иной, обобщенный смысл, уже не относящийся к Филарету, — смысл обращения поэта к своему гению-руководителю, воплощающему в себе моральное чувство; оно близко по мысли к «Пророку» 1826 года и относится, конечно, к ряду произведений на тему о назначении поэта, образующих в творчестве Пушкина такой внутренне единый, хотя внешне и не объединенный цикл.

За обращением к Филарету следует послание «К вельможе» — прощальное, картинное и удивительно «умное» изображение этапов мировой истории от кануна французской революции 1789 года до современности, вместе с тем — глубокая и сильная критика буржуазного порядка, установившегося после «вчерашнего падения»; это — своего рода введение к будущим занятиям Пушкина историей французской революции, но введение, написанное за три месяца до июльской революции 1830 года и, словно в предчувствии ее близкого взрыва, заканчивающееся картиной недолгой тишины в последние годы реставрации.

Два следующих стихотворения тесно связаны по смыслу между собой — «Поэту» (сонет 1830 года) и «Ответ анониму»: оба имеют темой разрыв между поэтом и обществом, одиночество поэта и непонимание окружающих его душевной жизни. К той же теме о положении и назначении поэта относятся в сборнике такие значительные произведения, как «Мощарт и Сальери», «Эхо» (последнее начинается собой произведения 1831 года), также полулюбовное, полумедитативное стихотворение «Приметы», заканчивающее всю книгу и говорящее о «мечтанье вечном», которому предаются поэты, и, может быть, «Бесы» — пьеса, которую нельзя понимать только как балладу о путнике, попавшем в метель и под влиянием суеверного ямщика видящем вокруг себя рой бесов: угнетенное состояние

вике восторженное приветствие освобожденной Греции («Восстань, о Греция, восстань...» — Акад., т. III, 1, стр. 169). Следует отметить, что другой черновой набросок — «Опять увенчаны мы славой...», написанный на одном листе с обращением к Греции (ПД № 160) и напечатанный в Акад. изд. (т. III, 1, стр. 168) как отдельное стихотворение, рассматривается Б. В. Томашевским как начало (первые две строфы) стихотворения, обращенного к Греции (см.: А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, т. III, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1949, стр. 146; А. С. Пушкин. Стихотворения, т. 3. Библиотека поэта, Большая серия, изд. 2-е, Л., 1955, стр. 491). Но такое объединение, как и композиция стихотворения «Восстань, о Греция, восстань...», представляется очень спорным. Для нас же важно то, что попытка Пушкина писать о минувшей войне в хвалебном, одическом тоне была брошена в самом начале работы над черновиком.

путника в какой-то мере выражает ощущения человека, поэта, одинокого и захваченного вихрем пустой и мертвящей жизни; здесь не символика (которую видел М. О. Гершензон, но которая вовсе не свойственна Пушкину), но образное воплощение психологического состояния, имеющего глубокие общественные основания.

В том же разделе 1830 года даны вместе, под №№ IX—XIII, пять антологических стихотворений в античных формах — гекзаметрах и пентаметрах, образующих элегические дистихи, по два, три и четыре двустишия. Античные размеры, до тех пор у Пушкина встречающиеся очень редко («Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий...» — перевод из А. Шенье, 1823; «В роще Карийской, любезной ловцам, таится пещера...» — по-видимому, набросок перевода из Овидия,¹¹ 1827, — тот и другой гекзаметрами; «Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы...» — Дельвигу, 1829, элегический дистих), именно в 1830 году входят в его поэзию как размеры антологических стихотворений; в 30-х годах они встречаются уже систематически. Возможно, что здесь сказалося и впечатление от выхода в свет перевода «Илиады», выполненного Гнедичем и изданного в 1829 году. Подтверждение этому можно видеть в том, что обращенное к Дельвигу стихотворение «При посылке бронзового сфинкса», в предварительном списке входящее в пять «гекзаметров», перенесено в 1829 год, а здесь, в 1830 — заменено двустишием «На перевод Илиады».

Заключительным стихотворением 1830 года в сборнике помещен сонет «Мадона», посвященный Н. Н. Гончаровой, тогда невесте Пушкина. Обращение к ней, замыкающее именно 1830 год, имеет, очевидно, скрытый и глубокий смысл, подчеркивающий завершение целого периода жизни поэта, особенно в сочетании с предшествующими ему в том же году стихотворениями — «В часы забав иль праздной скуки...», «Ответ анониму», «Цыганы» — с их мотивами отказа от былых увлечений в преддверии новой жизни.

Отдел произведений 1831 года невелик, потому что и лирическое творчество Пушкина в этом году было небогато. Он открывается стихотворением «Эхо», возвращающим читателей, как уже было сказано, к теме о положении и назначении поэта, о его широком и отзывчивом восприятии действительности и о его одиночестве в мире, где он не находит себе отзыва. За ним идут два стихотворения, посвященных проблемам Польского восстания и западноевропейской интервенции, — «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», — два важнейших общественно-политических выступления Пушкина этой эпохи, вместе с тем воплощающих в себе мысль, высказанную в стихотворении «Эхо», о широкой и мгновенной отзывчивости поэта на самые злободневные и волнующие явления современности.

Последний раздел сборника — стихотворения разных годов — построен также, по нашему мнению, глубоко обдуманно. Он обнимает стихотворения с 1822 («Узник») до 1829 года («Подъезжая под Ижоры...», «Собрание насекомых», «Приметы»), расположенные в хронологическом порядке, но отобранные так, что в них чередуются мотивы социально-политического протеста («Узник», «Анчар»), напоминания о декабристах («19 октября 1827»), воспоминания о своей собственной ссылке («К Язы-

¹¹ См.: Д. П. Якубович. К стихотворению «Таится пещера» (Пушкин и Овидий). Пушкинский сборник памяти проф. С. А. Венгерова (Пушкинист IV), М.—Пгр., 1922, стр. 282—294.

кову», «Зимний вечер»), скептическое отрицание окружающей поэта бессмысленной жизни («26 мая 1828») — с мотивами нежной и задумчивой полулюбовной лирики («Каков я прежде был...», «Подъезжая под Ижоры...», «Приметы»), маскирующей политические и философские темы своим интимным тоном, но заключающей в себе и мысли о психологии поэтического творчества («Приметы»). Включенная сюда же литературная эпиграмма «Собрание насекомых» благодаря своей анонимности лишена персональной направленности, давая возможность читателям гадать о предметах насмешки автора.

Таково содержание сборника, на первый взгляд механически расположенное, по существу же — строго обдуманное. Но, как было сказано выше, имеет значение не только то, что и в каком порядке в нем помещено: характерно и то, что в него не вошло из списка, составленного в 1831 году, т. е. то, что исключено и по каким мотивам.

Сравнивая второй, беловой список, составленный в сентябре 1831 года,¹² со сборником 1832 года, мы видим, что при издании исключены, во-первых, почти все эпиграммы, входившие в список: две эпиграммы на Булгарина 1830 года («Не то беда, Авдей Флюгарин...» и «Не то беда, что ты поляк...»), одна на Надеждина (или «Сапожник», или «Мальчишка Фебу гимн поднес...», или «Надеясь на мое презренье...» — все три 1829 года), а также внесенная особо в список эпиграмма «Седой Свистов (Хв.остов)! ты царствовал со славой...» (1829), относящаяся к тому же Надеждину; одна из трех эпиграмм на Каченовского («Там, где древний Кочерговский...» или «Журналами обиженный жестоко...» — обе 1829 года). Оставлены были в сборнике, из намеченных в списке семи, лишь две эпиграммы, направленные в свое время на того же Каченовского — «Литературное известие» и «Как сатиры безымянной...» (обе 1829 года), но ко времени составления сборника обе они, сохраняя сатирическую соль, потеряли, однако, персональное значение — особенно потому, что журнал Каченовского «Вестник Европы» прекратился с 1830 года и полемика с ним отошла в прошлое. Все остальные эпиграммы Пушкин исключил, не желая возобновлять в собрании стихотворений мелкой журнальной полемики ни с Булгариным, только что заклеянным двумя статьями Феофилакты Косичкина, ни с Надеждиным, отношения с которым в конце 1831 года изменились настолько, что статьи Ф. Косичкина против общего врага — Булгарина — печатались в «Телескопе». Не были помещены и эпиграммы на Каченовского, носившие слишком резкий характер и отзывавшиеся на определенные, конкретные события журнальной борьбы: в сборнике, подводившем итог целому периоду, таким полемическим выступлениям не могло быть места, тем более, что с прекращением «Литературной газеты» и после статей Феофилакты Косичкина Пушкин вообще, по-видимому, решил на время отказаться от полемики — впредь до начала издания задуманной им в 1832 году газеты.

Помимо эпиграмм, в сборник 1832 года не вошло несколько лирических стихотворений большого значения, внесенных в предварительный список. Это прежде всего два стихотворения, антологических по форме, но политических по смыслу — «Арион» (1827) и «Аквилон» (помеченный, быть может намеренно, 1824 годом, но написанный, вероятно, позднее и отделанный в 1830 году), — оба связанные с крушением декабристов и с участием Пушкина в движении («Арион» — несомненно, «Аквилон» — весьма

¹² ПД № 716; см. о нем выше.

вероятно); Пушкин, по-видимому, не хотел вводить в сборник, где были и «Анчар», и «19 октября 1827», еще два произведения, которые бы могли вызвать подозрения властей напоминанием о пережитых политических бурях.

Исключена — по причинам, для нас неясным, — «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье...»); стихотворение напечатано два года спустя в «Библиотеке для чтения» и введено затем в IV часть «Стихотворений Александра Пушкина» 1835 года.

Не введено в сборник 1832 года стихотворение, обозначенное в первом списке (ПД № 515) «Осень 1 окт.», а во втором (ПД № 716) — «Осень в деревне 1830». Что это за стихотворение? Напечатавший впервые списки П. О. Морозов оставил его без объяснения и не раскрыл сокращения «1 окт.».¹³ Б. В. Томашевский,¹⁴ а вслед за ним и М. А. Цявловский¹⁵ читали сокращение «1 окт.» как «Первые октавы» и в сопоставлении с названием второго списка «Осень в деревне» считали, что оба они означают стихотворение «Осень» («Октябрь уж наступил. Уж роща отряхает...»), написанное в октавах, относя, таким образом, создание его — или, по крайней мере, создание его начальных октав — к 1830 году. Последнему, однако, противоречит то, что все черновые тексты «Осени», находящиеся в тетради бывш. ЛБ № 2371 (теперь ИРЛИ (ПД), ф. 244, оп. 1, № 838) и известные нам полностью — с первых набросков и до конца, написаны несомненно в 1833 году, во вторую, а не в первую «Болдинскую осень», и никаких следов работы 1830 года нельзя обнаружить.¹⁶ Очевидно, нужно искать другое решение. По нашему убеждению, сокращенное обозначение «Осень 1 окт.» нужно читать «Осень 1 октября», и обозначенное так стихотворение — это «Румяный критик мой, насмешник толстопузый...», помеченное в белой рукописи (как эпиграфом-заголовком, подобным «26 мая, 1828»): «1 окт.<ября> 1830 Болд.<ино>»,¹⁷ а на обороте, после конца всего текста: «10 окт.<ября>». Стихотворение обращено к некоему, очевидно, воображаемому, самодовольному и вместе угодливому перед знатью «критику», подобному тем, с кем поэт ведет разговор в строфах «Езерского», кто требовал от него лишь «светлых» и красивых картин и воспевания героев. Данное в нем изображение русской осенней природы, русской деревни и похорон ребенка было самым решительным и сильным отрицанием всех требований как официально-реакционной критики, так и господствующей сентиментально-романтической поэтики, возглавляемой Жуковским, с одной стороны, и эпигонами Пушкина — с другой. Никто из тогдашних поэтов, даже наиболее близких Пушкину по направлению, — ни Вяземский, ни Баратынский, ни Языков, не говоря о Дельвиге (за исключением, быть может, Полежаева), — не решился бы на такое изображение и освещение русской деревни. Написанная одновременно (осенью 1830 года) картина русской деревни в строфах «Путешествия Онегина» («Иные нужны мне картины: Люблю песчаный косогор...» и т. д.) выдержана в ином, ироническом и вместе сочувственном тоне, в мягких и легких чертах и оборвана ироническим

¹³ Пушкин и его современники, вып. XVI, 1913, стр. 117—121.

¹⁴ Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения, стр. 115.

¹⁵ Рукою Пушкина, стр. 259.

¹⁶ См. черновые тексты и варианты «Осени» в Акад., т. III, 2, стр. 916—937. В примечании к стихотворению (стр. 1248) отмечено отсутствие всяких следов переделки рукописей 1833 года с какой-либо предшествующей им рукописи 1830 года, нам неизвестной.

¹⁷ Рукопись ПД № 131. См.: Акад., т. III, 2, стр. 844, с факсимиле (между стр. 848—849).

восклицием: «Тьфу, прозаические бредни! Фламандской школы пестрый сор! Таков ли был я, расцветая?..». Всё это внешне очень близко к рассматриваемому стихотворению, и тем не менее в принципе отлично. Сопоставлять его можно лишь с писавшейся в то же время «Историей села Горюхина». Во всей русской поэзии не было ни до этого, ни долго после подобного изображения, и современное литературоведение по праву сопоставляет пушкинские стихи со стихами Некрасова. Недаром Жуковский, печатая в 1841 году, в IX томе посмертного издания стихотворение «Румяный критик мой...» (притом без его желчного, язвительного окончания, опубликованного лишь позднее П. В. Анненковым в качестве самостоятельного отрывка «Из записки к приятелю»),¹⁸ дал ему название, ничем не оправданное, — «Каприз»: настолько противоречило его поэтическим представлениям пушкинское изображение русской осенней деревни. И сам Пушкин, внося стихотворение в оба списка 1830—1831 годов, внося его затем вновь в список 1836 года (о чем придется говорить ниже), так и не напечатал его, хотя, очевидно, им дорожил. Может быть, здесь влияли цензурные соображения: данное Жуковским название «Каприз» объясняется, вероятно, опасениями вмешательства цензуры по поводу пушкинского изображения «религиозных чувств» народа в лице «мужичка», который

...несет подмышкой гроб ребенка
И кличет издали ленивого попенка,
Чтоб тот отда позвал да церковь отворил.
Скорей! ждять некогда! давно бы скоронил.

Наконец, не вошли в издание 1832 года три стихотворения исключительно важного для автора интимно-психологического значения, намеченные в списках. Это, как можно его назвать, «прощальный» лирический цикл 1830 года, посвященный образом женщин, в прошлом любимых Пушкиным, с которыми он теперь, переходя к новой жизни, прощался навеки, но которые, тем не менее, даже и после смерти одной из них, продолжали тревожить его мысли. Одно из этих стихотворений — наиболее «нейтральное» и условное «Заклинание» («О, если правда, что в ночи...») — внесено в оба списка, причем во второй — под заведомо ложной датой «1828». Другое — «Для берегов чужбины (в окончательном тексте: отчизны) дальней...» — отсутствует в первом списке, но внесено во второй также под заведомо вымышленной датой «1828». Оба стихотворения обращены, всего вероятнее, к Амалии Ризнич, предмету одесской любви Пушкина в 1823 году, умершей в 1825.¹⁹ Третье стихотворение обозначено в первом списке условным заголовком «К EW»; эти две буквы, слитые вензелем, означают, как указал Б. В. Томашевский,²⁰ «Elise Woronzow» — графиню Е. К. Воронцову. Во втором списке оно по-

¹⁸ См.: Акад., т. III, 2, стр. 1215. Можно, однако, предполагать, что в имеющейся перебеленной рукописи записан не весь текст стихотворения, но с пропуском, и какая-то его часть, между стихами 22 («И песенкою нас веселой позабавить?») и 23 («Куда же ты? — В Москву» и т. д.), отсутствует и нам не известна, так как здесь чувствуется логический пропуск.

¹⁹ Соображения П. Е. Щеголева (Из жизни и творчества Пушкина, изд. 3-е, М.—Л., 1931, стр. 260—261, 273—275, в статье «Амалия Ризнич в поэзии Пушкина»), отвергающего отнесение этих стихотворений к А. Ризнич, устарели по материалу и не убедительны по своему чисто психологическому методу.

²⁰ Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения, стр. 115, 117. Сомнения М. А. Цявловского (Рукою Пушкина, стр. 261) не имеют достаточных оснований. В примечании к стихотворению («Прощание»; Акад., т. III, 2, стр. 1214—1215) Т. Г. Зенгер допускает вероятность отождествления стихотворений «К EW» и «В последний раз».

мечено — опять-таки неверно — 1829 годом. Эти ложные даты затушевы-вают происхождение и значение стихотворений, написанных (или по край-ней мере отделанных — хотя это мало вероятно) в Болдине, в октябре — ноябре 1830 года. Но во втором списке (ПД № 716) они помещены все вместе как единый «прощальный» цикл, что, невзирая на разные даты, подчеркивало их психолого-биографическое единство. Ни одно из них не было напечатано ни в сборнике 1832 года, ни вообще при жизни Пушкина.²¹ Поэт отказался от мысли их опубликовать, даже под вымыш-ленными или неточными датами.

Таковы возможные наблюдения относительно сборника 1832 года и истории его составления. Выводы, которые можно из них сделать, сво-дятся к следующему: 1) Пушкин, продолжая в сборнике хронологический порядок стихотворений, установленный в издании 1829 года, внутри го-дов располагал их строго обдуманно (в главных, так сказать, опорных моментах) и стремился группировать тематически и по смыслу, создавая из них своего рода «циклы» или смысловые ряды; 2) наиболее для него важные по личным и общим соображениям стихотворения — «прощаль-ный» цикл 1830 года, «Румяный критик мой...», «Арион» — поэт, по-зрелом размышлении, изъел из сборника, оставляя в нем лишь произведе-ния, уже напечатанные²² или не могущие вызвать ни цензурно-поли-тических, ни личных сомнений и толкований.²³

²¹ Исключение составляет, быть может, стихотворение «В последний раз твой образ милый...», положенное на музыку, под заглавием «Прощание», знакомым Пушкину молодым композитором А. П. Есауловым. Ноты этого романса были отпечатаны от-дельным изданием. Известен единственный его экземпляр, теперь хранящийся в Пуш-кинском Доме (см. о нем статью С. С. Попова «Забытый романс А. Есаулова на текст Пушкина»: «Советская музыка», 1937, № 5, май, стр. 81—85, с нотным текстом ро-манса на стр. 76—80; биографический очерк об А. П. Есаулове, того же автора — стр. 86—89). На нотной тетради романса нет никаких выходных данных, которые бы позволили уточнить хронологию; возможно, что это — корректурный экземпляр и ноты не были выпущены в свет. Между тем Пушкин в письме к П. В. Нащокину от 3 августа 1831 года из Царского Села запрашивал своего московского друга: «Что ж не присылаешь ты Есауловского романса, исправленного во втором издании? Мы бы его в моду пустили между фрейлинами» (Акад., т. XIV, стр. 204, № 650; см. также стр. 179, № 617 и стр. 181, № 619; ср. в издании: Пушкин. Письма, т. III. Под ре-дакцией Л. Б. Модзалевского, М.—Л., 1935, стр. 307—310 и по указателю). О каком романсе — очевидно, на слова Пушкина — идет здесь речь? Трудно допустить, чтобы такое глубоко интимное лирическое стихотворение, как «В последний раз...», притом еще неизданное, могло быть «пущено» Пушкиным «в моду между фрейлинами». Свои неизданные стихи поэт, во всяком случае, не склонен был давать какому бы то ни было композитору. Известен и другой романс Есаулова на слова Пушкина: «Ночной зефир», напечатанный в 1834 году под заглавием «Гишпанская песня» в музыкальном журнале А. Варламова «Золова арфа» (см.: Н. Синявский и М. Цявловский. Пушкин в печати. 1814—1837. Изд. 2-е, М., 1938, стр. 111—112, № 1005; указанную статью С. С. Попова; статью С. К. Булича «Пушкин и русская музыка» в сборнике Петер-бургского университета «Памяти А. С. Пушкина», 1900, стр. 52—54, и отдельный оттиск, стр. 18—21). Романс был выпущен и отдельно. По предположению С. К. Бу-лича, об этом издании идет речь в переписке Пушкина с Нащокиным (и к «Гишпанской песне», конечно, гораздо более подходит намерение Пушкина «пустить его в моду между фрейлинами»). С. С. Попов, напротив, доказывает, — и с серьезными основаниями, — что публикация «Золовой арфы» 1834 года была первой, сделанной ранее отдельного издания или одновременно с ним, и к 1831 году отдельное издание относиться не может. Вопрос, казалось бы решенный С. С. Поповым, аргументацию которого приняли после-дующие редакторы стихотворений Пушкина, представляется нам, однако, далеко не ясным и требующим для разрешения дополнительных данных, пока неизвестных.

²² Из ненапечатанных ранее произведений помещено всего три: «Узник» (1822), «Каков я прежде был...» (вольное переложение из Андрея Шенье, 1828) и «Сказка о царе Салтане» (1831).

²³ Цензурные сомнения могло вызвать — и вызвало действительно — стихотворение «Анчар»: Пушкин рассчитывал, очевидно, что его недавняя публикация в «Северных

Начиная с этого времени отказ от печатания стихотворений важнейшего значения — как общественного, так и чисто личного — становится для Пушкина правилом. После издания сборника 1832 года, подытоживавшего его творчество 20-х годов, Пушкин-лирик становится поэтом «для себя», за самыми редкими исключениями, объясняемыми его общественным положением и отношениями, журнальной деятельностью и другими причинами.

3

Последний изданный Пушкиным поэтический сборник — «Стихотворения Александра Пушкина. Часть четвертая», вышедший в свет в сентябре 1835 года, — почти ничего не прибавляет к обнародованию лирического творчества поэта. В него вошли: 1) три сказки, 2) «Песни западных славян», 3) баллады в народном духе — «Гусар» и переводы из Мицкевича, 4) некоторые из «Подражаний древним» (к этим антологическим стихотворениям можно условно отнести и «Красавицу» — «Всё в ней гармония, всё диво...»). Из чисто лирических произведений мы видим здесь только «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824), напечатанный до того уже дважды как пролог к I главе «Евгения Онегина» (в изданиях 1825 и 1829 годов), и «Элегию» («Безумных лет угасшее веселье...», 1830), предназначавшуюся еще для сборника 1832 года, но напечатанную только в «Библиотеке для чтения» в 1834 году. Введение в сборник «Разговора книгопродавца с поэтом», в свое время явившегося декларацией отказа Пушкина от романтического взгляда на сущность и задачи поэтического творчества, имело, по-видимому, теперь почти то же значение: как раз около 1835 года стало усиливаться в русской поэзии враждебное Пушкину позднеромантическое течение, возглавляемое Кукольниковым, Тимофеевым и Бенедиктовым, и начал выходить боевой орган московских любомудров-романтиков — «Московский наблюдатель», заявлявший себя противником «коммерческого направления» в литературе; при этом «коммерческое направление» понималось не только в смысле беспринципности «Библиотеки для чтения», но и в смысле демократических и общественных тенденций в литературе, с которыми в те годы всё более сближался Пушкин. Характерно то, что Белинский, напечатав очень суровую рецен-

цветах» автоматически обеспечит и разрешение на помещение в сборник. Но стихотворение обратило на себя внимание III Отделения и Бенкендорфа и стало предметом неприятных для Пушкина объяснений. Идя навстречу цензурным придиркам, поэт в тексте сборника заменил слово «царь», бывшее в последней строфе публикации «Северных цветов», на слово «князь», возвращаясь, таким образом, к тексту обеих рукописей стихотворения, где термин «царь» вовсе не встречается. Следует отметить, однако, что Д. Д. Благой, выступивший недавно (в статье «„Анчар“ Пушкина» в сборнике «Академику В. В. Виноградову к его шестидесятилетию», М., 1956, стр. 94—116) с критикой некоторых мнений автора настоящей статьи, высказанных тридцать лет назад («Из истории пушкинского текста. „Анчар, древо яда“». — «Пушкин и его современники», вып. XXXI—XXXII, 1927, стр. 3—14), придает этой замене излишнее значение: антимонархический политический смысл стихотворения должен был быть понятен читателю в обоих случаях. С другой стороны, помещаемая ниже в настоящем сборнике статья В. Г. Боголюбовой «Еще раз об источниках „Анчара“» убедительно показывает, с каким вниманием относился Пушкин к естественно-научной литературе об анчаре (хорошо, по-видимому, ему известной) и как силен в его стихотворении реальный «яванский» колорит; последняя черта определяет возможность — как художественную, так и идейную — замены «царя» «князем» без ущерба для смысла стихотворения.

зию на IV часть «Стихотворений Александра Пушкина»,²⁴ использовал затем, в капитальной своей статье «О критике и литературных мнениях „Московского наблюдателя“» цитату из «Разговора книгопродавца с поэтом» как аргумент против «светского» взгляда С. П. Шевырева на литературное творчество.²⁵

Элегия «Безумных лет угасшее веселье...» (названная, впрочем, «элегтией» лишь в силу традиции и за отсутствием другого обозначения) привлекла к себе внимание Белинского, выделившего ее в своем отрицательном восбже разборе IV части «Стихотворений» Пушкина как «одно драгоценное перло, напомнившее нам его <т. е. Пушкина> былую поэзию, напомнившее нам былого поэта... Да! такая элегия может выкупить не только несколько сказок, даже целую часть стихотворений!...»²⁶ Белинский имел основание так писать потому, что «Элегия» явилась, действительно, единственным образцом медитативной, глубоко личной поэзии, единственным стихотворением-исповедью, напечатанным Пушкиным в 1832—1835 годах. Непоявление других подобных ему стихов в печати заставляло предполагать и отсутствие их вообще, т. е. предполагать отказ Пушкина от лирической (в собственном смысле) поэзии.

Таким образом, сборник 1835 года не дает материала для нашей темы — анализа лирических циклов в поэзии Пушкина 30-х годов.

Однако в сборнике есть один цикл, который нельзя не отметить, хотя он и не относится прямо к лирике, — это «Песни западных славян», объединенные самим Пушкиным по формальным и тематическим признакам именно как цикл, невзирая на их разнородное происхождение.

«Песни западных славян» принадлежат к эпосу и — в обработке Пушкина — даже пересказы и компановки Мериме приобретают значение и характер подлинно народного эпоса, не говоря о песнях, заимствованных поэтом из сборника Вука Караджича и из устных источников. Но Пушкин-поэт является по преимуществу поэтом-лириком, вкладывающим в объективное изображение действительности свое глубоко личное восприятие ее, свое субъективное отношение и субъективную оценку, сливающим воедино эти два элемента творчества — объективный и субъективный, эпический и лирический. В своих повествовательных произведениях — поэмах и стихотворных повестях, «Евгении Онегине» — он сочетает всегда эпическое и лирическое начала, и лиризм в большинстве случаев является определяющим тоном. Не изменяет он этому тону и в большинстве «Песен западных славян». В воссоздаваемый им из очень скудных материалов народно-песенный эпос балканских славян он вкладывает нередко чисто лирический элемент — взволнованное отношение поэта-певца к изображаемым событиям и героям, то пафос, то скорбь, негодование или иронию, нежность или суровую беспощадность. Лирический элемент в «Песнях западных славян» возникает из самого материала, из народной скорби и пафоса борьбы, вложенных в народное творчество; этот лирический элемент подсказывался, по-видимому, Пушкину и его интересом к «Слову о полку Игореве», в котором можно установить известную общность тона с некоторыми из «Песен западных славян» (ср. такие песни, как «Битва у Зеницы-Великой», «Воевода Милош»). Наконец, нужно иметь в виду, что, если хронология работы Пушкина над «Песнями за-

²⁴ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. II, Изд. Академии наук СССР, М., 1953, стр. 82—84.

²⁵ Там же, стр. 129.

²⁶ Там же, стр. 84.

падных славян» неясна и начало ее или, по крайней мере, зарождение замысла на основе ритмических опытов можно, по очень вероятному предположению Б. В. Томашевского, отодвинуть к 1828 году,²⁷ то основная работа и ее завершение падают на 1833—1834 годы, т. е. одновременны с работой над «Историей Пугачева». Пушкин не мог не сопоставлять прославленную в песнях национально-освободительную борьбу сербов с крестьянской борьбой под руководством Емельяна Пугачева; и это также один из вероятных источников взволнованного лиризма, проникающего «Песни западных славян».

Другим циклом своего рода являются антологические стихотворения в античном роде, начинающиеся (как сказано было выше) гекзаметрической группой 1830 года, вошедшей в III часть «Стихотворений»; эти «подражания древним» — переводы и переложения из Анакреона, Афиня, Горация и других греческих и римских поэтов — частью напечатаны в сборнике 1835 года, большей же частью остались в рукописях, относящихся преимущественно к 1833, 1835 и 1836 годам. Составляя в самом конце 1836 года рукопись нового (неосуществившегося) собрания своих стихотворений, Пушкин внес в него все напечатанные в четырех сборниках 1829—1835 годов мелкие стихотворения в античном роде, разделив их на «Подражания древним» и «Эпиграммы и надписи».²⁸ Необходимо, однако, отметить, что этот «античный цикл» не может входить в состав того лирического творчества Пушкина, которое нас непосредственно интересует.

Итак, начиная с 1832 года, когда было закончено собрание стихотворений за все предшествующие годы, с 1815 по 1831, публикация Пушкиным своих лирических (в собственном смысле) стихотворений почти прекращается — настолько, что и читающая публика, и критика (включая Белинского) стали смотреть на него, как на писателя, совершенно отказавшегося от поэзии, в особенности лирической.²⁹

Причины молчания Пушкина-лирика в 30-х годах разнообразны и сложны. Прежде всего влияло то охлаждение к нему читателей и критики, которое наметилось, начиная с «Полтавы» и VII главы «Евгения Онегина», а углубилось после «Бориса Годунова»: Пушкин переставал быть понимаемым, он уходил вперед, а современникам казалось, что он остановился на месте и даже деградирует. Сборник 1835 года был встре-

²⁷ См. его статью «Генезис „Песен западных славян“»: «Атеней. Историко-литературный временник», кн. III, Л., 1926, стр. 35—45.

²⁸ Распределение материала по этим двум разделам в точности неизвестно. Но можно предположить, что в первый вошли все переложения из античных поэтов и антологические (в собственном смысле) стихотворения, а во второй — мелкие стихотворения, не носящие античного характера. О сборнике 1836 года см. ниже.

²⁹ Стихотворение «Туча», напечатанное в 1835 году в новом журнале московских любителей-романтиков «Московский наблюдатель», стремившемся восстановить традиции «Московского вестника», было лишь любезностью по адресу прежних товарищей по этому журналу и могло быть воспринято лишь как картина природы вполне объективного, почти антологического характера, без отношения к переживаниям поэта. Другое стихотворение, помещенное в том же «Московском наблюдателе», — «На выздоровление Лукулла» (1835, ч. IV, сентябрь, кн. II, вышедшая в конце декабря), будучи сильнейшим политическим выступлением Пушкина этого времени, было вызвано определенными общественными причинами, а напечатано было в единственном журнале, связанном в это время с Пушкиным старыми личными связями его издателей и не враждебном ему (вспомним, что в 1835 году «Телескоп» занимал по отношению к Пушкину очень сдержанную, если не отрицательную позицию, а выступать в беспринципном журнале Сенковского «Библиотека для чтения» он не считал более возможным).

чен недоумением и подтверждал, казалось, мнение о том, что Пушкин как поэт-лирик кончил свой путь, и это мнение подкреплялось изданиями «Истории Пугачева» и прозаических «Повестей». О том, что Пушкин как поэт-лирик более не существует, писал неоднократно и Белинский, начиная с «Литературных мечтаний»; молодой критик с тревогой замечал, что на первые места в русской поэзии незаконно выдвигаются поэты — эпигоны романтизма, враждебные пушкинскому направлению. Бенедиктов, издавший в 1835 году сборник своих стихотворений и объявленный Шевыревым первым в русской поэзии «поэтом мысли»,³⁰ стал в глазах реакционной части критики и массового читателя поэтом, призванным не только заменить, но и превзойти умолкнувшего Пушкина.

Последний, не имея собственного или близкого по духу печатного органа, занятый притом усиленными и крупными работами — сначала «Историей Пугачева», позднее историей Петра I, отвлекавшими его от участия в журналах, был чрезвычайно стеснен в возможностях появляться в печати, если бы даже того и хотел. Открывшаяся, казалось, в 1834 году возможность участвовать в новом журнале — «Библиотеке для чтения» — могла быть использована лишь для помещения нейтральных, по преимуществу эпических произведений — сказок, «Песен западных славян», баллад и т. д.: дух и направление нового журнала были Пушкину совершенно чужды, помещать в нем произведения субъективной философско-психологической лирики было невозможно, а с усилением в редакции журнала влияния Сенковского участие в нем Пушкина прекратилось.³¹

Между тем лирическое творчество поэта не прекращалось. В 1833—1835 годах он создал ряд чрезвычайно значительных произведений медитативной лирики, посвященных по преимуществу одной общей теме, в разных ее аспектах: положению в обществе мыслящего и чувствующего человека, ведущему его к неизбежному столкновению с окружающим миром. Тема эта рассматривается Пушкиным как в морально-философском, так и в социально-политическом плане в форме исповеди, размышления, воспоминания, часто — в историческом или литературном образе, не имеющем, казалось бы, никакого непосредственного к нему отношения («Странник», «Полководец», «Мирская власть»), но на самом деле глубоко личного значения. При этом, что очень важно отметить, общественная атмосфера, в которой живет Пушкин в 30-е годы, его собственное личное и общественное положение таковы, что лирические признания этого времени принимают всё более скорбный характер, доходящий до пессимизма, из которого выходом могут служить лишь художественное творчество («Вновь я посетил...») или мысль о всенародном признании в далеком будущем («Я памятник себе воздвиг...»). Такого характера произведения никак не могли появляться в случайных журналах или таких чуждых ему, как «Библиотека для чтения» или «Московский наблюдатель». Характерно то, что большую часть стихотворений этих лет общественно-философского порядка Пушкин даже не доводит до окончательной обработки и оставляет в получерновых или совершенно неотделанных черновых рукописях. Так продолжается до 1836 года.

³⁰ «Московский наблюдатель», 1835, ч. III, август, кн. 1, стр. 439—459, и в особенности стр. 442—444, 446, 458.

³¹ Последним произведением, напечатанным здесь, была «Сказка о рыбаке и рыбке» — в томе X журнала, вышедшем в свет 1 мая 1835 года. См.: Н. С. Ильяевский и М. Цявловский. Пушкин в печати. 1814—1837. Изд. 2-е, М., 1938, стр. 121, № 1047.

1836 год приносит новое положение. Пушкин начинает издавать свой печатный орган — если не журнал, то, по крайней мере, трехмесячный сборник — «Современник», в котором, конечно, является и возможность помещать свои лирические стихотворения — даже самые глубоко личные. Выбор собственных стихотворений, помещенных Пушкиным в «Современнике» 1836 года, представляет значительный интерес, но до сих пор недостаточно оценен и проанализирован (кроме отдельных случаев) исследователями пушкинского журнала.³² Столь же интересен выбор стихотворений, предназначенных, по-видимому, для следующих томов «Современника», но следует отметить, что именно летом 1836 года пишется (и доводится до окончательной отделки) ряд важных, очень значительных стихотворений общественно-философского содержания, а некоторые, написанные раньше, переписываются набело (например, «Странник», вчерне написанный в 1835 году). К этим группам стихотворений, — напечатанных и предназначенных к печати, — мы и должны обратиться.

4

Пушкин поместил в «Современнике» очень немного своих стихотворений; но эти немногие стихотворения выбраны строго обдуманно, и в них прослеживаются некоторые общие идейно-тематические линии.

Напечатанное в I томе стихотворение «Пир Петра Первого» открывает собой пушкинский «Современник» и, как признано давно комментаторами, является своего рода программой, декларативным произведением, сочетающим историческую картину с публицистическим обращением к совре-

³² Ни в одной работе, посвященной пушкинскому «Современнику», нет полного и детального анализа стихотворений Пушкина, помещенных в журнале. Д. Е. Максимов (в статье «„Современник“ Пушкина (1836—1837 гг.)», составляющей приложение к исследованию В. Евгеньева-Максимова «„Современник“ в 40—50 гг., от Белинского до Чернышевского», Изд. писателей в Ленинграде, 1934, стр. 369—418) касается вскользь «Родословной моего героя» для подкрепления некоторых социологических положений, большей частью очень спорных; автор притом неправомерно объединяет пушкинский «Современник» 1836 года с посмертным, 1837 года, что очень затемняет его выводы. Столь же сжато говорит о художественном материале «Современника» Н. Л. Степанов (статья о «Современнике» в книге: Очерки по истории русской журналистики и критики, т. I. Изд. Ленинградского государственного университета, Л., 1950, гл. XVII, стр. 402—414); но его очерк содержит верное замечание о том, что «помещение Пушкиным в журнале „Родословной моего героя“ было ответом на болгаринскую демагогию» (стр. 406). Две кандидатские диссертации, посвященные «Современнику», — М. П. Еремина и В. В. Ерофеева (насколько можно о них судить по авторефератам) — не дают анализов стихотворений Пушкина, помещенных в журнале, как лирических произведений. М. П. Еремин («Журнал А. С. Пушкина „Современник“ (1836 год)», Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина, М., 1950) вообще не касается этого вопроса; В. В. Ерофеев («„Современник“ Пушкина в журнально-литературном движении 30-х годов XIX века», Академия наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Л., 1952) выделяет стихотворение «Полководец» как отражение борьбы Пушкина с реакционной историографией и «Пир Петра Первого» как обсуждение темы о Петре I, строителе сильного русского государства и «призыв Пушкина к прощению декабристов» (стр. 16). Но эпиграмма «Саложник» и, в сущности, «Родословная моего героя» остаются неразъясненными, так же как и личное, эмоциональное значение «Полководца». Старые работы дореволюционного времени (статья Б. Б. Глинского «Загробный журнал Пушкина» — «Исторический вестник», 1897, т. LXVII, январь, стр. 241—279, — и И. Евдокимова «„Современник“ Александра Пушкина» — «Русский библиофил», 1915, кн. II, стр. 61—77) ничего не содержат для нашей темы; но рассматривает ее и чисто библиографическая работа Н. В. Здобнова (История русской библиографии до начала XX века. Изд. 2-е, Изд. Академии наук СССР, М., 1951, стр. 189—195).

менности. Петр Первый — предмет размышлений и трудов Пушкина в последние годы его жизни — дан здесь в том же аспекте, в каком поэт уже раньше изображал его в «Арапе Петра Великого» и в «Полтаве»: и там и здесь подчеркнуты его самые положительные (в личном плане) черты — великодушие, человечность, широкий взгляд на вещи.³³ Но это, однако, не иконописный, идеализованный и стилизованный образ: он согласовался с той общей концепцией развития личности и деятельности Петра, которую составил себе Пушкин, — развития от «вспыльчивости» и деспотической необузданности в молодости до «снисходительности его в возмужалости», когда благоразумие «с малой примесью самовластия» сочетались «с тою вольною системою, коей ознаменовано последнее время царствования Петра». ³⁴ Подчеркивая эти стороны в личности своего героя, Пушкин указывал современному царю на необходимость великодушия в самодержавии; он повторял мысль, высказанную уже в 1830 году в стихотворении «Герой» («Оставь герою сердце! Что же Он будет без него? Тиран...») и, как можно думать, по тому же поводу — как призыв быть великодушным к побежденным врагам — декабристам: стихотворение «Пир Петра Первого» написано в конце 1835 года, когда, в связи с десятилетием восшествия Николая на престол (иными словами — с десятилетием восстания 14 декабря), можно было ожидать амнистии декабристам. Печатаемая стихотворение в «Современнике», уже весной 1836 года, Пушкин переносил, вероятно, неосуществившееся в декабре ожидание амнистии на десятую годовщину приговора — 13 июля 1826—1836 годов. Вместе с тем образ Петра и картина его созидательной деятельности были программой для самого «Современника» — идти путем Петра, отстаивать просвещение, основы которого были им заложены, бороться против всяких попыток остановить развитие просвещения и изолировать Россию от западноевропейской культуры (напомним статью Пушкина «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной», напечатанную в III томе «Современника», и спор с Чаадаевым об исторических судьбах России в октябре того же 1836 года).³⁵

Выпустив II том «Современника» почти без своего редакторского наблюдения и без своих стихотворений, Пушкин поместил в III томе три произведения, написанные в разное время и, казалось бы, очень несхожие по тематике, жанрам и назначению. Это — «Полководец», стихотворение, написанное в 1835 году, «Родословная моего героя» (т. е. извлечение, в переработанном виде, восьми строф из написанного в 1833 году начала поэмы или повести в стихах, известной под названием «Езерский») и эпиграмма, или «притча» «Сапожник», написанная еще в 1829 году.

³³ Ср. в III песни «Полтавы» описание пира Петра на поле Полтавской битвы, после победы, когда он «славных пленников ласкает И за учителей своих Заздравный кубок подымает».

³⁴ См.: И. Фейнберг. Незавершенные работы Пушкина. Изд. «Советский писатель», М., 1955, стр. 20—21, 43—44 и сл.

³⁵ Помещенное в том же томе «Современника», в пятой главе «Путешествия в Арзрум», стихотворение «Стамбул гяуры нынче славят...», определенное здесь как «начало сатирической поэмы, сочиненной янычаром Амином-Оглу», представляет собой своеобразное развитие той же темы о борьбе между старым и новым, которая занимала Пушкина в связи с работой о Петре. Самый текст «Путешествия в Арзрум», наполненный именами сосланных на Кавказ декабристов (данными в печати начальными буквами), показывает направление мыслей издателя «Современника». Помещенная в I томе журнала, трагедия «Скупой рыцарь» входит в широкий контекст размышлений Пушкина о феодализме и о судьбах дворянства в истории; в ней можно видеть и чисто личные реминисценции; но она не относится прямо к нашей теме.

Помещение в «Современнике» стихотворения «Полководец» внешним образом объясняется тем, что в 1836 году — за год до двадцатипятилетнего юбилея Отечественной войны — воспоминания о ней оживились и вопрос о роли обоих главнокомандующих — М. Б. Барклая-де-Толли и М. И. Кузубова — стал вновь предметом обсуждения; отсюда та острая реакция, которую вызвало стихотворение в общественных кругах.³⁶ Но «Полководец» имел и другую, глубоко скрытую и очень личную сторону, отзываясь на переживания самого поэта. Этой другой, субъективной стороной стихотворение входит в ряд лирических медитаций, написанных в 30-е годы, начиная с «Ответа анониму» (1830), «Эхо» (1831) и других, где ставилась тема, глубоко и постоянно волновавшая Пушкина, об отношении поэта, а в более общем смысле — выдающейся мыслящей личности к окружающему его обществу, о месте этой личности в историческом процессе, о непонимании обществом значения и роли одинокой личности — будь это полководец, поэт, политический деятель, как Радищев, или непризнанный пророк, изображенный в «Страннике», т. е. тот же одинокий борец против тяготящих его общественных условий. Ряд подобных образов составляет в поэзии Пушкина 30-х годов своеобразный «цикл», частично оформившийся в том же 1836 году и к которому придется еще вернуться.

По существу та же тема, но в совершенно иных формах, затемняющих сопоставление, выражена и в «Родословной моего героя», и в притче «Сапожник».

Обе публикации вызваны вполне злободневными обстоятельствами журнальной борьбы 1836 года. Оба стихотворения отзываются на те нападения, которым подвергся со стороны враждебного журналистского лагеря «Современник» еще до выхода в свет I тома в полных инсинуаций статья Сенковского, и особенно после напечатания в I томе статьи Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» — в злобных статьях Булгарина в «Северной пчеле» (№№ 127, 128, 129, — 6, 8 и 9 июня). Вне полемики, возгоревшейся вокруг пушкинского журнала, невозможно объяснить и понять появление в нем этих стихотворений.

Эпиграмма или «притча» «Сапожник» при написании в 1829 году была направлена против Н. И. Надеждина и ближайшим образом против его статей в «Вестнике Европы» о «Полтаве» и о «Графе Нулине». Тогда она не была напечатана — зачем же Пушкин напомнил о ней через семь лет, когда его отношения с Надеждиным, издателем «Телескопа», давно уже приобрели совершенно иной, почти союзнический характер? Очевидно, изменился адресат эпиграммы, но не изменилось положение, создавшееся в 1829—1830 годах, в эпоху «Литературной газеты», возобновлением которой, по мнению враждебных Пушкину журналистов и по собственному заявлению издателя в том же третьем томе журнала, был «Современник». Теперь эпиграмма направлена была против этих противников пушкинского журнала, в частности против Сенковского и «Библиотеки для чтения», а равно и Булгарина, и «Северной пчелы». В последних словах эпиграммы («Но чорт его несет судить о свете: Попробуй он судить о сапогах!») с полным правом перенесена на Булгарина (в меньшей степени — на Сенковского) насмешка над притязаниями журналистов на

³⁶ См.: В. А. Мануйлов и Л. Б. Модзалевский. «Полководец» Пушкина. Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, вып. 4—5, М.—Л., 1939, стр. 125—164, в особенности стр. 149—162.

«светскость» и нападкамии их на «аристократизм» редакции «Современника», возобновлявшими бывшие нападки на «Литературную газету».

Тот же смысл — борьбы против Булгарина и Сенковского — имело и помещение в «Современнике» «Родословной моего героя». Разумеется, содержание стихотворения шире и выходит далеко за рамки журнальной полемики: иронически изложенное родословие Езерских, обращение к читателю, который пренебрегает историческим прошлым своего рода, а вместе с тем и историческим прошлым своей страны (а Пушкин считал неуважение к предкам и к прошлому признаком дикости), но гордится «звездой двоюродного дяди»,³⁷ грустно-ироническая оценка измеления, материального и морального падения старого барства, — всё это было направлено против современного чиновного дворянства и против новой, придворной аристократии.³⁸ Пушкин писал о той «жадной толпе», «стоящей у трона», к которой через несколько месяцев пришлось с таким гневом и негодованием обращаться Лермонтову.

За три года, прошедшие между работой Пушкина над повестью (или романом) в стихах о бедном чиновнике Езерском и опубликованием в «Современнике» «Родословной моего героя», расстановка сил в литературе и журналистике существенно изменилась, а вместе с тем изменился и адрес пушкинской сатиры. В 1833 году еще свежи были в памяти перипетии журнальной борьбы «Литературной газеты», и перед Пушкиным стояли два основных противника, участвовавших в битвах 1830 года: Булгарин с «Северной пчелой» и Полевой с «Московским телеграфом». Первый был прямо назван в «Езерском» (строфа VIII) под его известной эпиграмматической кличкой:

Мне жаль, что нет князей Пожарских,
Что о других пропал и слух,
Что их поносит шут Фиглярин...

и это упоминание сохранилось в «Родословной моего героя», так как сохранился объект сатирического нападения Пушкина:

Мне жаль...
Что их поносит и Фиглярин...

Второй был прямо и недвусмысленно обозначен в черновых набросках к «Езерскому»:

(Мне жаль...
Что геральдического льва)

³⁷ Ср. слова «русского» в разговоре с «испанцем» в третьем отрывке начатой вчерне повести «Гости съезжались на дачу...» (Акад., т. VIII, 1, стр. 42; Полное собрание сочинений в десяти томах, т. VI, Изд. Академии наук СССР, М., 1949, стр. 569): «Мы гордимся не славою предков, но чином какого-нибудь дяди или балами двоюродной сестры. Заметьте, что неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности». В этих словах — как бы конспект, развернутый затем в строфах «Езерского». Отрывок датируется, не очень точно, концом 1829—началом 1830 года (последнее вернее, по связи с полемикой «Литературной газеты»); строфы «Езерского» писались в конце 1832 — первой половине 1833 года.

³⁸ Но не против современных принципов демократизма и равенства людей, как ошибочно считал Белинский, посвятивший десять лет спустя, в XI статье о Пушкине (1846), несколько страниц страстному и возмущенному разбору «Родословной» (В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. VII, Изд. Академии наук СССР, М., 1955, стр. 536—541): критик-демократ, верно почувствовав связь между стихотворением и бывшей полемикой «Литературной газеты», гневно осудил «Родословную» за ее мнимый аристократизм, защиту дворянской спеси и феодальных начал, — так, как можно было бы писать о самом злободневном явлении литературы; это уже показывает, насколько велика была сатирическая и полемическая сила стихотворения; но Белинский, разбирая его, ошибался в определении адреса «Родословной».

- а. Лягает бешеным копытом
Какой-то журнал
Ушами славный либерал
- б. Лягает немощным копытом
Демократический журнал
Четвероногий либерал.
- в. В журналах немощным копытом
Лягает бешеный осел:
Дух века вот куда зашел!³⁹

Это прямое обозначение Полевого и его журнала в другом черновом наброске к «Езерскому» дано в ином, более обобщенном виде, относящемся ко всему «торгашескому» направлению в журналистике, к которому Пушкин в первую очередь и справедливо относил Булгарина, но причислял (с гораздо меньшим основанием) и Полевого:

Мне жаль, что шайка торгашей
дворянство прежних дней
Лягает в плоских эпиграммах...⁴⁰

Приведенные выше варианты а—в дают в последнем чтении текст, где упоминание о журналистике устранено и заменено более общим определением:

Мне жаль...
Что геральдического льва
Демократическим копытом
Лягает ныне и осел:
Дух века вот куда зашел!⁴¹

Эта редакция с одним незначительным исправлением — «У нас лягает и осел» — вошла в беловой текст «Езерского», а затем, вновь исправленная в том же стихе («Теперь лягает и осел»), была напечатана в «Родословной моего героя».

Лжедемократизму Булгарина и Сенковского — основных врагов Пушкина и его «Современника» в 1836 году — здесь противопоставлен демократизм самого поэта, иронически заявленный в форме напоминания о «Моей родословной», но, тем не менее, вполне серьезный (чего не захотел понять в своем разборе Белинский, неправильно расценивавший «аристократизм» и дворянскую «спесь» Пушкина):

Я сам — хоть в книжках и словесно
Собратья надо мной трунят —
Я мещанин, как вам известно,
И в этом смысле демократ...

Наконец, в нескольких стихах VII строфы «Родословной» (составленной из частей VIII и IX строф «Езерского») содержится намек на одну из постоянных мыслей Пушкина, связанную с его размышлениями о положении, роли и задачах дворянства в России, с одной стороны, и о независимости и свободе поэтического творчества, опирающегося на родную, народную почву, с другой: мысль о необходимости, ради душевного спокойствия и плодотворного труда, вернуться «на землю», где

... в нашем тереме забытом
Растет пустынная трава...

В тексте «Езерского» эта мысль выражена гораздо полнее и сильнее, однако с оттенком такой симпатии к дворянскому поместному быту, ко-

³⁹ Акад., т. V, стр. 414.

⁴⁰ Там же, стр. 408.

⁴¹ Там же, стр. 414.

торый может привести к очень ошибочным «социологическим» заключениям, если понимать сентенции Пушкина прямолинейно и формально:

Мне жаль, что мы, руке наемной
 Дозволя грабить свой доход,
 С трудом ярем заботы темной
 Влечим в столице круглый год,
 Что не живем семьею дружной
 В довольстве, в тишине досужной,
 Старая близ могил родных
 В своих поместьях родовых,
 Где в нашем тереме забытом
 Растет пустынная трава...⁴²

Эта мысль неоднократно выражалась Пушкиным в письмах и произведениях начиная с конца 20-х годов: в «Романе в письмах» (1829), «Осени» (1833), «Пора, мой друг, пора!..» (1834?), «Вновь я посетил...» (1835) и других.

Таким образом, «Родословная моего героя», несмотря на неполноту и известную недосказанность формулировок, сравнительно с полным текстом «Езерского», представляет собой один из важнейших программных документов, напечатанных Пушкиным в «Современнике»: стихотворение входит целиком в литературную борьбу Пушкина этого времени и выражает его взгляды несравненно сильнее и полемически более остро, чем это могло быть сделано в журнальных статьях, требовавших спокойствия и осмотрительности.⁴³

Таковы важнейшие стихотворения Пушкина, помещенные им в «Современнике».⁴⁴ Число их невелико, но подбор многозначителен и характерен, и ни один исследователь пушкинского «Современника» не должен пройти мимо них.

Стихотворения эти были, однако, лишь единичным опытом обнародования разнородных по темам и жанрам произведений, в которых известная общность их внутренней направленности была незаметна и непонятна читателю. Особенно непонятной оказалась, как говорилось выше, «Родословная моего героя».

⁴² Акад., т. V, стр. 100—101; ср. т. III, 1, стр. 427—428, а также черновые тексты в т. V, стр. 407—409, 415—418, где поместный и «феодальный» характер этих размышлений еще определеннее выражен («Мне жаль... Что мы в свободе беспечальной Не знаем жизни феодальной В своих владеньях родовых, Среди подручников своих» — стр. 409).

⁴³ Основная мысль введения к повести в стихах, известной теперь под названием «Езерский», никак не отразилась в извлеченной из него «Родословной моего героя», так как Пушкин обрывает последнюю именно на социальной характеристике героя, о ком затеял свой рассказ, перемещая тем самым центр тяжести с проблемы литературной к проблеме социальной. Литературная же проблема, ставшая для нас ясной лишь после исследования и опубликования всех сохранившихся материалов «Езерского», заключается в выдвигании нового, «ничтожного» героя — коллежского регистратора, мелкого петербургского чиновника из обедневших дворян, — на смену героям романтической поэзии и герою «онегинского типа» («Хоть человек он не военный, Не второклассный Дон Жуан, Не демон — даже не цыган...» — Акад., т. V, стр. 103; в черновиках к этой строфе отрицательная часть определения героя еще ярче и полнее — см. там же, стр. 411—412, а также 417). С этим связано и утверждение любимой Пушкиным мысли — о свободе поэтического творчества, независимого от чьего бы то ни было давления — власти, критики или «толпы» (строфы XI—XV «Езерского», не вошедшие в «Родословную моего героя»).

⁴⁴ Кроме указанных выше, Пушкин поместил в «Современнике» антологическое стихотворение «Из А. Шенье» («Покров, упитанный язвительною кровью...», 1835, в I томе) и отрывок стихотворения о Кутузове («Перед гробницею святой...», 1831), в тексте «Объяснения» по поводу «Полководца» (в IV томе).

Но Пушкин, имея в своем распоряжении журнал, который должен был быть не только борцом за просвещение и распространителем передовых литературно-эстетических, научных и, по возможности, общественных взглядов, но и органом, где можно было печатать даже наиболее личные, субъективные художественные произведения поэта-издателя, — не переставал стремиться к осуществлению этой последней задачи. Он хотел, по-видимому, использовать «Современник» для помещения своих остававшихся до тех пор под спудом важнейших стихотворений, написанных в последние годы. Следом этих намерений остались: нумерация, частично сохранившаяся на рукописях некоторых произведений 1836 года, и список предположенных к печати стихотворений 1830—1836 годов, — то и другое, по-видимому, было связано с «Современником».

5

Вопрос о «цикле» 1836 года, определяемом цифрами, поставленными на рукописях некоторых стихотворений, был нами рассмотрен в недавнее время.⁴⁵ Но он требует и некоторых дополнительных замечаний и некоторых поправок к его разрешению. Напомним основные данные.

Беловые (или перобеленные, с поправками) автографы некоторых стихотворений Пушкина, написанных (или, по крайней мере, доработанных и отделанных) летом 1836 года, носят на себе римские цифры, поставленные в качестве заголовков; до последнего времени они не обращали на себя внимания исследователей и не были прокомментированы. В настоящее время известно четыре таких порядковых номера: II, III, IV, VI; I и V — а может быть, и VII и следующие — остаются неизвестными. Предполагаются они так:

I — не известно.

II — «Отцы пустынники и жены непорочны». Дата — 22 июля (или: июня, но скорее июля) 1836 года. Датировка июлем принята и в Академическом издании (автограф ПД № 951, быш. ГПБ № 32, из бумаг кн. В. Ф. Одоевского, репродуцированный в «Современнике», 1837, т. V, и до недавнего времени считавшийся утраченным).

III — «(Подражание италиянскому)» («Как с древа сорвался предатель ученик...»). Дата — 22 июня 1836 года (автограф — ПД № 235).

IV — «Мирская власть» («Когда великое свершалось торжество...»). Дата — 5 июля <1836 года>, переправленная из «5 июня»⁴⁶ (автограф был в Париже; снимок в ИРЛИ (ПД), ф. 244, оп. 1, №1747).

V — не известно.

VI — «Из Пиндемонта» (первоначально было «Из Alfred Musset» — «Недорого ценю я громкие права...»). Дата — 5 июля <1836 года> (автограф ПД № 236).

Итак, два места — I и V — остаются пока незаполненными: стихотворения, занимавшие их, нам не известны, и только будущие находки — как видно, не невозможные — помогут их заполнить. Публикуя вновь найденный автограф «Мирской власти», мы высказали предположение, что отсутствующими стихотворениями могут быть: на I месте — «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», на V — «Когда за городом, задум-

⁴⁵ Н. В. Измайлов. Стихотворение Пушкина «Мирская власть» (Вновь найденный автограф). «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», 1954, т. XIII, вып. 6, стр. 548—556.

⁴⁶ Там же, стр. 553, и репродукция между стр. 548 и 549.

чив, я брожу...». Это предположение и теперь представляется нам наиболее вероятным. Действительно, все четыре известных нам стихотворения написаны (или, по крайней мере, отделаны) Пушкиным летом (в июне—июле) 1836 года, когда он жил на даче под Петербургом, на Каменном острове. Тогда же, несколько позднее прочих, написаны и оба предполагаемых нами стихотворения: «Когда за городом...» датировано в автографе (ПД № 238) «14 авг.<уста> 1836. Кам.<енный> остр.<ов>»; «Я памятник себе...» носит дату (на перебеленном автографе в тетради бывш. ЛБ № 2384, теперь ПД № 846, л. 57₂) «1836 авг.<уста> 21. Кам.<енный> остр.<ов>». Отсутствие римских цифр над этими перебеленными текстами можно объяснить тем, что стихотворения не были еще доработаны (это особенно относится к «Я памятник себе воздвиг...», переписанному в тетради, а не на отдельном листе, как прочие). С формальной стороны оба стихотворения почти не отличаются от известных четырех. Последние написаны шестистопными ямбами с парной — поочередно мужской и женской — рифмовкой и с цезурой после третьей стопы, т. е. «александрийским» стихом, в котором, впрочем, цезура ощущается слабо, часто совершенно не чувствуется, что придает стиху замечательную гибкость, простоту, свободу и разнообразие. Таким же александрийским стихом написано «Когда за городом, задумчив, я брожу...». Что касается стихотворения о памятнике, то оно написано также шестистопным ямбом, но четырехстишными строфами с перекрестными рифмами и усеченным (четырёхстопным) четвертым стихом. Здесь строфичности требовала давняя горадианско-державинская традиция, которой следовал Пушкин; усечение же последнего стиха каждой строфы, в отличие от Горация и Державина, введено им, очевидно, чтобы подчеркнуть смысловые концовки, столь значительные в этом стихотворении («Александрийского столпа», «И милость к падшим призывал», «И не споривай глупца»).

По смыслу, как будет показано дальше, оба стихотворения вполне подходят к остальным четырем. Если же их отвести, придется искать им замены среди стихотворений других годов, что мало вероятно.

Основной для нас вопрос — это, конечно, вопрос о смысле и значении рассматриваемого «цикла». То, что перед нами не случайный подбор стихотворений, но глубоко обдуманная сюита — не вызывает сомнений.⁴⁷ Четыре известных нам стихотворения написаны, как сказано, летом (в июне—июле) 1836 года и собраны в цикл, вероятно, в августе (до переезда, в начале сентября, с Каменного острова в город); если признать принадлежность к циклу двух названных выше стихотворений — то в самом конце августа.

Это было время, чрезвычайно трудное, тяжелое и мучительное для Пушкина. Издание «Современника» доставляло много хлопот, бесконечные огорчения и досады. Пушкина жестоко теснила подозрительная и придирчивая цензура, руководимая его личным врагом, клеветом С. С. Уварова, М. А. Дондуковым-Корсаковым. С ними обоими Пушкину приходилось бороться не только за содержание и направление, но и за самое существование журнала. 26 августа была запрещена Главным управлением цензуры статья Пушкина «Александр Радищев»; искажались и портились «Письма из Парижа» А. И. Тургенева, смелые, критические

⁴⁷ Т. Г. Цявловская сделала наблюдение, что римская цифра «IV» над «Мирской властью» переправлена из написанной сначала «V». Это очень вероятно, хотя и не несомненно, и подчеркивает еще более обдуманность цикла.

статьи Д. В. Давыдова о войнах 1812—1814 годов; вызывали придирки статьи Пушкина «Российская академия», «Мнение М. Е. Лобанова», «Вольтер», стихи Ф. И. Тютчева, позднее — «Капитанская дочка» и пр.⁴⁸

С другой стороны, противники и конкуренты Пушкина в журналистике — Булгарин в «Северной пчеле», Сенковский в «Библиотеке для чтения» — вели против «Современника» неустанную и яростную борьбу, которую правильнее назвать травлей. Как явствует из недавно опубликованных писем Карамзиных к Андрею Н. Карамзину, последняя строфа стихотворения Пушкина «Я памятник себе воздвиг...», говорящая о равнодушии поэта к клевете, бесстрашии к обидам, отказе от спора с глумцом, — эта строфа являлась не только декларацией общего характера, но и ответом на выступления враждебной критики и на толки публики, в особенности — на выпады Булгарина в «Северной пчеле».⁴⁹ Стихотворение, вызванное прежде всего желанием Пушкина в поэтической форме подвести итог своему творческому пути, определялось вместе с тем и конкретными обстоятельствами сложной журнально-литературной борьбы, в которых находился Пушкин в период издания «Современника».

Тяжесть положения Пушкина усугублялась тем, что Гоголь, который мог быть ценнейшим ему помощником в журнале, уехал в июне за границу. Старые литературные друзья — П. А. Вяземский, В. Ф. Одоевский, помогавшие Пушкину в издании «Современника», расходились с ним всё более во взглядах и — особенно Вяземский — старались направлять журнал совсем не в ту сторону, в какую хотел вести его Пушкин. Статьи Вяземского во II томе «Современника» вызвали, как известно, крайне резкий отзыв Белинского⁵⁰ об «аристократическом» и «салонном» характере пушкинского журнала — отзыв, который не мог не взволновать Пушкина. В. Ф. Одоевский, бывший значительно ближе к Пушкину по взглядам, чем был в это время Вяземский, не мог, тем не менее, удовлетворять требованиям Пушкина к журналу и укрепить его положение. А молодой литературный делец А. А. Краевский, начинавший около Пушкина свою журналистскую карьеру, уже обдумывал предательство «Современника» и организацию нового журнала, в котором бы Пушкин не имел решающего влияния. Вести в таких условиях литературную, а тем более журнальную работу становилось для Пушкина почти невозможным, а его желание опе-

⁴⁸ В августе 1836 года Пушкин писал Д. В. Давыдову по поводу рассмотрения его статьи о партизанской войне в военной цензуре: «Тяжело, нечего сказать. И с одною цензурою напляшешься; каково же зависеть от целых четырех? Не знаю, чем провинились русские писатели, которые не только смирны, но даже сами от себя согласны с духом правительства. Но знаю, что никогда не бывали они притеснены, как нынче: даже и в последнее пятилетие царствования покойного императора, когда вся литература сделалась рукописною благодаря Красовскому и Бирухову» (Акад., т. XVI, стр. 160, № 1251).

⁴⁹ См.: Ираклий Андроников. Тагильская находка. «Новый мир», 1956, № 1, стр. 168, сообщение Александра Карамзина в письме от 31 августа 1836 года, со слов Н. А. Муханова: «Пушкин показал ему только что написанное им стихотворение, в котором он жалуется на неблагоприятную и ветреную публику и напоминает свои заслуги перед ней. Муханов говорит, что эта пьеса прекрасна». Булгарин незадолго до того поместил в «Северной пчеле» (№№ 127, 128 и 129, 6, 8 и 9 июня) три большие статьи — «Мнение о литературном журнале „Современник“», — наполненные злобными обвинениями, иронией, инсинуациями и угрозами по адресу Пушкина, по поводу статьи «О движении журнальной литературы», написанной Гоголем, но сочтенной за пушкинскую программу «Современника».

⁵⁰ «Молва», 1836, ч. XII, № 13, вышедший в начале августа; см.: В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. II, Изд. Академии наук СССР, М., 1953, стр. 233—238.

реться на новую силу — взять в «Современник» Белинского, которого он распознал по его первым статьям, не могло в то время осуществиться.

Не меньше, чем журнальная борьба вокруг «Современника», волновали Пушкина его положение в отношении Николая I и его ближайших помощников — Бенкендорфа и Уварова, его положение в петербургском обществе, наконец, его имущественное положение. И то, и другое, и третье в 1836 году всё более осложнились. Пушкин — писатель, гражданин и глава семьи — всё сильнее чувствовал окружающую его ненависть «света», ощущал всё явственнее сжимающееся вокруг него и его жены кольцо интриг, клеветы и предательства. Происшедшие в этом году столкновения, едва не кончившиеся дуэлями, с В. А. Соллогубом, С. С. Хлюстиным, Н. Г. Репниным, достаточно показывают его напряженное состояние. Всё более задыхаясь в тягостной зависимости от русского самодержавия и в удушающей атмосфере петербургского высшего общества, в которой принужден был жить, он не мог вместе с тем получить разрешение ни на поездку за границу, ни на отставку и отъезд на жительство в деревню.⁵¹ Всё это было источником тяжелых раздумий поэта о своем положении в настоящем и в будущем, об отношении к самодержавной власти и к обществу, о свободе творчества и свободе мысли, стесненных и попираемых современным общественным строем. В неотправленном письме к П. Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 года, подводя итог своим взглядам на прошлое и на современность России, он писал: «Quoique personnellement attaché de coeur à l'Empereur, je suis loin d'admirer tout ce que je vois autour de moi; comme homme de lettre, je suis aigri; comme homme à préjugés, je suis froissé...».⁵²

Не будет преувеличением сказать, что Пушкин в 1836 году чувствовал себя в большем одиночестве, чем за десять лет до того, тотчас после разгрома декабристов — его «друзей, братьев, товарищей»: тогда, в 1826 году, он живо ощущал восторженное сочувствие общества, широкого круга читателей; теперь «общество» было ему враждебно, а сочувствие читателей он перестал ощущать и не мог его вызвать ни последними сборниками своих сочинений, ни «Пугачевым», ни «Современником».

В таких условиях создавались стихотворения, отразившие в себе, с разных сторон и в разных формах, настроения и раздумья поэта и объединенные им, для будущей публикации, в своего рода если не тематический, то смысловой и формально-художественный цикл.

Три из этих стихотворений — «Отцы пустынноики и жены непорочны...», «Подражание италиянскому» и «Мирская власть» — облечены в формы церковно-религиозной поэзии: евангельской легенды и христианской молитвы. Это обстоятельство давало повод многим дореволюционным биографам и комментаторам Пушкина писать о глубокой и искренней религиозности Пушкина в последние годы его жизни, о его успокоенности и примирении с действительностью. Это, конечно, не так, но вопрос не решается просто и прямолинейно, а представляет две стороны. Несом-

⁵¹ В письме Пушкина к отцу, С. Л. Пушкину, от 20 октября 1836 года мы читаем: «J'avais compté aller à Михайловское; je n'ai pas pu. Ça va encore me déranger pour un an, au moins. A la campagne j'aurais beaucoup travaillé: ici je ne fais rien, que de la bile» («Я рассчитывал поехать в Михайловское — и не мог. Это расстроит мои дела, по меньшей мере, еще на год. В деревне я бы много работал; здесь я ничего не произвожу, кроме желчи»; Акад., т. XVI, стр. 173, № 1268).

⁵² «Хотя я лично сердечно предан императору, я далек от того, чтобы восторгаться всем, что вижу вокруг себя; как литератор — я раздвоен; как человек с предрассудками — оскорблен...» (Акад., т. XVI, стр. 172, № 1267).

ненно, что Пушкин как мыслитель всегда тяготел к материализму, хотя бы и стихийному, и был атеистом, т. е. отрицал необходимость и возможность существования какого-либо сверхчувственного, духовного начала. Но несомненно и то, что в последние годы жизни Пушкин нередко обращался к мотивам и образам, связанным с религиозными представлениями, и обращался к ним не только как к художественным фикциям, к элементам поэзии, но и видя в них воплощения известных моральных требований и истин, соответствующих его этическим воззрениям. Размышления о бурной молодости, о совершенных им ошибках, свойственные зрелому Пушкину, принимают нередко характер «покаяния». Таково «Воспоминание» (1828), где носителями возмездия за прошлые грехи выступают

Две тени милье, два данные судьбой
Мне ангела во дни былые —
Но оба с крыльями, и с пламенным мечом,
И стерегут — и мстят мне оба. ⁵³

Мотив покаяния слышится и в ответе поэта митрополиту Филарету — «В часы забав иль праздной скуки...» (1830), совершенно независимо от личного отношения Пушкина к этому лицемерному и бездушному иерарху, которое не могло не быть отрицательным. В глубоко интимном и искреннем обращении к жене — «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...» (1834?) — мечтая о «побеге» «В обитель дальнюю трудов и чистых нег», он пишет план продолжения, где мы читаем: «О скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню — поля, сад, крестьяне, книги; труды поэтические — семья, любовь etc. — религия, смерть».⁵⁴

В 1835 году он обращается к сочинению Джона Бениана ((John Bunyan, 1628—1688) «The Pilgrim's Progress» («Странствие паломника») и сжато перекладывает в стихи, с очень значительной переработкой, ее первые главы (стихотворение «Странник», о котором придется еще говорить).⁵⁵ Книга сурового проповедника-пуританина, борца против режима реставрации Стюартов, написанная им в тюрьме, привлекла Пушкина прежде всего своим страстным протестом против общественного строя, под гнетом которого, при видимости внешнего благополучия, задыхается осознавший себя и свое положение человек; отсюда может быть лишь один выход — полный разрыв с «обществом» и уход из него; но Пушкина привлекал и

⁵³ Акад., т. III, 2, стр. 654—655.

⁵⁴ Там же, стр. 941. С. М. Бонди в личной беседе высказывал мнение, что этот «план» может быть программой перевода какого-то — вероятно, английского стихотворения. Если это даже и так, что нужно еще установить, то самый выбор темы и ее формулировка не теряют своего значения. Датировка стихотворения и программы — предположительная и основана на соответствии его содержания настроениям, переживавшимся Пушкиным в июне 1834 года, в момент «ссоры» его с царем и Бенкендорфом, и выраженных в письмах этого времени к Н. Н. Пушкиной.

⁵⁵ Книга Бениана была широко известна не только в Англии, но и в других странах, в том числе и в России, где, в переводе на русский язык, выдержала несколько изданий в начале XIX века, в годы распространенности мистических верований и деятельности Библейского общества. В библиотеке Пушкина сохранилось третье издание перевода «Сочинений Иоанна Бюниана», Москва, в типографии С. Селивановского, 1819, четыре части в трех переплетах (Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание. Пушкин и его современники, вып. IX—X, 1910, стр. 17, № 59). Возможно, что Пушкин пользовался и одним из английских изданий. Часть первая издания занята «Путешествием христианина к блаженной вечности». В своем вольном переложении Пушкин использовал стр. 11—16, при этом ослабляя морально-религиозные тенденции автора и значительно усиливая мотивы «скорби» странника и разрыва его с обществом. Изменена и вся композиция отрывка (сон заменен рассказом о себе).

звучащий в книге мотив покаяния, самообличения и очищения от прошлых грехов, сродный отдельным моментам в его собственной биографии, когда он мучительно задумывался о своей жизни.

Одновременно со стихотворением «Из Пиндемонти» (на том же листе, где его черновик, — ПД № 237) сделан набросок, оставшийся неоконченным и неотделанным:

Напрасно я бегу к сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам...

Он близок по теме и образности к «Страннику», близок вместе с тем и к стихотворениям, его окружающим, на евангельские и религиозные темы, особенно к «Молитве» — «Отцы пустынноики и жены непорочны...», поскольку последнее является выражением чувств «падшего», которого молитва «крепит неведомою силой». Отсюда нужно заключить, что три рассматриваемых стихотворения («Отцы пустынноики и жены непорочны...», «Подражание италиянскому», «Мирская власть») не являются ни случайностью в творчестве Пушкина, ни только формально-художественным использованием чуждых ему понятий и образов. В них вложено много глубоко личного и очень значительного.

Несомненно, однако, и то, что идейное содержание этих стихотворений много шире и глубже их прямого смысла.

В стихотворении II — «Отцы пустынноики и жены непорочны...» — Пушкин, перекладывая стихами молитву Ефрема Сирина, пользуется ее фразеологией, чтобы поставить перед собой (а следовательно, и перед читателями его стихов) некий этический идеал человека, сформулированный раннехристианским аскетом, всем известный и вместе с тем нимало не соответствующий понятиям окружающих автора людей. Пожелания «смирения, терпения и любви», содержащиеся в стихотворении, не должны вызывать недоумения. Во-первых, Пушкин здесь точно воспроизводил слова молитвы; во-вторых, не следует отождествлять значения этих христианских понятий с этическими понятиями Пушкина. Пушкин, окруженный врагами, в непрестанной борьбе, мог временами, в моменты тяжелых раздумий о своей жизни, желать покоя, желать себе сил и способностей переносить свое положение и стать выше его. В этом, как кажется, смысл рассматриваемого стихотворения.⁵⁶

Третье по порядковому номеру стихотворение «Подражание италиянскому» («Как с древа сорвался предатель ученик...») представляет собой, как известно, вольное переложение сонета Франческо Джанни (Fr. Gianni, 1760—1822) «Sopra Giuda», известного Пушкину во французском переводе.⁵⁷ Его содержание основано на евангельской легенде о самоубийстве

⁵⁶ Характерно то, что критик консервативного и ортодоксально-религиозного направления Н. И. Черняев, разбирая стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны...», назвал первую его часть «поистине гениальным вступлением», но самое переложение молитвы Ефрема Сирина признал «несравненно ниже оригинала», стихи — «водянистыми и бледными»: Пушкин, перекладывая молитву, «оказался бессильным передать ее красоту» и, хотя был, по мнению критика, «в последние годы жизни человеком бесспорно верующим и религиозным», у него, «несмотря на его гений, чего-то недоставало для того, чтобы писать переложения... молитв и священного писания» (Н. И. Черняев. «Пророк» Пушкина в связи с его же «Подражаниями Корану». Харьков, 1898, стр. 44—46). Критик верно почувствовал отсутствие у поэта подлинной религиозности — но не мог этого прямо признать.

⁵⁷ См. статью Б. В. Томашевского «Источники стихотворения „Как с древа сорвался предатель-ученик“»: Пушкин и его современники, вып. XXXVIII—XXXIX, 1930, стр. 78—81.

предателя Христа — Иуды; Пушкина привлекло в нем изображение казни предателя, а предательство, клевета, измена — особенно предательство со стороны друга — были в глазах поэта тягчайшим из возможных преступлений; к осуждению предательства или клеветы он возвращался не раз в своей поэзии (ср. «Коварность», 1824; «Желание славы», 1825; «Так море, древний душегубец...», 1826; «Воспоминание», 1828; некоторые из «Песен западных славян» — «Видение короля», «Битва у Зеницы-Великой», «Песня о Георгии Черном», «Сестра и братья», 1834; «На Испанию родную...», 1835; выпущенные отрывки из «Вновь я посетил...», 1835, и пр.).

Четвертое стихотворение — «Мирская власть», каков бы ни был конкретный (но еще не раскрытый) повод к его созданию, представляет собой произведение с несомненно очень сложным, многогранным содержанием. Уже его заглавие — «Мирская власть» — содержит в себе противопоставление «мирской», т. е. гражданской, государственной власти, действующей насильем — власти моральной, духовной (не в церковном смысле, так как для поэта важен не ритуальный, а именно моральный смысл изображаемого им евангельского предания). И эта «мирская» власть, грубо вмешивающаяся в область духовных, моральных переживаний, решительно им осуждается. С негодованием осмеивается мнимая, показная религиозность «мирской» власти:

Или распятие казенная поклажа
И вы боитесь воров или мышей? . .

С еще большим негодованием осуждается антинародный характер этой «мирской власти»:

Иль опасаетесь, чтоб чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь род Адамов искупила,
И, чтоб не потеснить гуляющих господ,
Пускать не велено сюда простой народ.⁵⁸

Официальная «мирская власть» николаевской империи рассматривала религию и церковь как единственный источник воспитания и образования народа в духе смирения и подчинения. Но сама эта власть решительно запирала доступ народу даже к церковным обрядам, там, где опасалась умаления сословных привилегий «гуляющих господ». Стихотворение Пушкина, опирающееся на драматическое евангельское предание, оказывалось направленным против бесчеловечной и антинародной «мирской власти». Этим вполне объясняется то, что стихотворение, не пропущенное цензурой (или не включенное Жуковским, из опасения цензуры) в посмертное издание, увидело свет впервые в герценовской «Полярной звезде» на 1856 год: и русская цензура, и Герцен — обе стороны одинаково сознавали большой общественный смысл, политическую остроту и демократическое направление написанного на религиозную тему пушкинского стихотворения.

Пятое в цикле стихотворение, как сказано, не известно. Шестое озаглавлено было Пушкиным сначала «Из Alfred Musset», потом имя французского поэта заменено именем итальянского «Из Пиндемонти». То и другое имя — маскировка, примененная из цензурных соображений:⁵⁹

⁵⁸ Курсив наш. — Н. И.

⁵⁹ Академик М. Н. Розанов в обстоятельной статье «Об источниках стихотворения Пушкина „Из Пиндемонте“» (Пушкин. Сборник второй (Пушкинская комиссия Обще-

стихотворение целиком пушкинское, одно из наиболее откровенных и глубоко субъективных в его поздней лирике. В отличие от трех рассмотренных нами, оно построено не на церковно-религиозной тематике и фразеологии, но на понятиях и терминах современной публицистики, выражающих совершенно четко политическую мысль автора. Применение классического образа («Я не ропщу о том, что отказали боги...») еще подчеркивает горькую иронию и презрение к предмету рассуждения — буржуазному парламентаризму, а цитата из «Гамлета» показывает близость настроений Пушкина к настроениям шекспировского героя, глубоко презирающего и отрицающего ненавистный ему придворно-феодалный мир. Первая часть стихотворения (стихи 1—13) заключает суждение о двух основных системах государственного управления того времени: о самодержавной монархии, которая лишь названа («Зависеть от царя...»),⁶⁰ но в определении даже не нуждается (это определение дано в помеченной тем же днем «Мирской власти»), и о буржуазной парламентской «демократии» — безразлично, в форме ли конституционной монархии или республики («зависеть от народа»): обе они одинаково отвергаются («Не всё ли нам равно? Бог с ними»). Русскую самодержавную власть Пушкин хорошо знал по своему двадцатилетнему жизненному опыту (со времени окончания Лицея), а в 30-х годах, особенно с 1834, пришел к принципиальному и полному отрицанию ее, даже при условии признания некоторых положительных черт в ее носителе Николае I. Западно-европейский и американский парламентаризм он внимательно изучал, в особенности с 1831 года, намереваясь писать историю французской революции от ее истоков — борьбы городов и крестьянства против феодалов в средние века; результатом этих изучений явились резко отрицательные изображения современных буржуазных демократий: английской в «Путешествии из Москвы в Петербург», американской в «Джоне Теннере», а в историческом плане — изображение классовый борьбы в период упадка феодализма в «Сценах из рыцарских времен». Отвергнув обе эти системы, Пушкин противопоставляет им, однако, не какую-либо третью (потому что третьей системы он не мог видеть в то время), но полную свободу мыслящей человеческой личности — в данном случае, личности поэта — от всякой системы и всякой власти, — противопоставляет независимость, доходящую до индивидуализма, высокое сознание своего личного человеческого достоинства, доведенное до отрицания всяких общественных обязанностей. Было бы ошибкой понимать подобное настроение, как анархический индивидуализм, как отказ от служения народу и обществу: в гражданском служении Пушкин всегда видел свое писательское призвание. Но здесь сказывается тяжелое состояние поэта, сохранившего де-

ства любителей российской словесности). Редакция Н. К. Пиксанова, ГИЗ, М.—Л., 1930, стр. 111—142) утверждает наличие реальных оснований для обоих подзаголовков — «Из Alfred Musset» и «Из Пиндемонти», однако собранный им материал не решает вопроса: сходство стихотворения Пушкина с произведениями этих поэтов ограничивается общими для поэзии эпохи романтизма мотивами свободолюбия, освобождения личности от гнета общественных условий; но о зависимости Пушкина от Мюссе или Пиндемонти не может быть и речи.

⁶⁰ Форма белого автографа (установленная последним вариантом чернового) «Зависеть от властей» представляет собой попытку цензурного приспособления текста и ошибочно введена в основной текст Академического издания (т. III, 1, стр. 420; ср. т. III, 2, стр. 1031—1032); в последующих изданиях справедливо восстановлено первоначальное чтение: «Зависеть от царя, зависеть от народа». Форма «властей» разрушает противопоставление: «от царя — от народа», так как и в том и в другом случаях понимается «власть».

кабристские идеалы и ясно сознающего между тем невозможность общественной деятельности и борьбы в условиях 30-х годов — в период высшего торжества и могущества николаевской монархии, — в той общественной и литературной обстановке, о которой говорено выше. Пушкин задыхался — и стихотворение «Из Пиндемонти» звучит, как вопль человека, задыхающегося и ищущего хоть глотка чистого воздуха.

В этом смысле — стремления к свободе во что бы то ни стало — можно, как кажется, сопоставить «Из Пиндемонти» с двумя другими стихотворениями, выражающими те же настроения, и прежде всего с отрывком, начинающимся стихом «Не дай мне бог сойти с ума». Стихотворение это принято датировать 1833 годом — по давней традиции, идущей от Анненкова,⁶¹ но которая не имеет твердых оснований, кроме сближающей его будто бы с «Медным всадником» темы сумасшествия. Правильнее, быть может, отнести его к 1835—1836 годам, сопоставляя со стихотворениями «Странник» и «Из Пиндемонти»: безумным, «чья речь и дикий плач Докучны и кому суровый нужен врач», считают «ближние» Странника, осмелившегося порвать с привычным укладом жизни во имя внутренней и внешней свободы; «сильным и вольным» мог бы быть сумасшедший, если бы его «оставили на воле». Воля безумного безгранична, и ее проявления («Я пел бы в пламенном бреду... заслушивался волн... глядел бы, счастья полн, в пустые небеса...») близко совпадают с желаниями поэта, встречающегося от «громких прав», «От коих не одна кружится голова», чтобы иметь возможность «Никому отчета не давать... По прихоти своей скитаться здесь и там, Дивясь божественным природы красотам...». Разница здесь в том, что в одном случае освобождение достигается ценой безумия, воля бессознательна, — и это приводит человека вновь к порабощению; в другом — орудием освобождения является разум, возвышенное самосознание человека, нераздельное от свободы, но самая эта свобода, отрицающая современное общество, остается мечтой, несбыточность которой горько сознается поэтом. Трагический и безысходный круг, составляемый этими тремя стихотворениями, с несравненной глубиной и силой выражает положение мыслящего человека «с душою и талантом» в условиях николаевской монархии 30-х годов.

Таковы четыре известных нам стихотворения из задуманного в августе (?) 1836 года цикла. Если верно высказанное нами предположение о возможности заполнения двух пустующих мест, то на первом месте нужно поставить «Я памятник себе воздвиг...», написанное 21 августа 1836 года. Это одновременно и утверждение поэтом своего значения в русской исторической и национальной жизни, своего места в настоящем и будущем России (строфы 1—3), и декларация своих прав на бессмертие, т. е. своего взгляда на то, чем должен быть истинный народный поэт, и, в последней строфе, заявление о своем отношении к временным и мелким явлениям литературного «быта». Если сообщение Ал. Н. Карамзина, отмеченное выше, и справедливо по отношению к этой последней строфе, то первые четыре выходят по смыслу далеко за пределы журнальной полемики 1836 года и представляют широчайшее обобщение, подказанное поэту не соображениями полемики, но всей общественно-политической и литературной обстановкой 30-х годов. В этом обобщении — значение стихотворения, и оно-то позволяет предположительно включить его в цикл «самораскрытый» Пушкина, о котором идет речь.

⁶¹ Пушкин, Сочинения, т. III, изд. П. В. Анненкова, СПб., 1855, стр. 39.

Пустующее пятое место, по нашему мнению, должно занимать стихотворение «Когда за городом, задумчив, я брожу...», написанное 14 августа. Оно по форме представляет такое же размышление, монолог для себя, как «Из Пиндемонти», «Мирская власть», «Отцы пустынноики...», как и более ранние «Вновь я посетил...» или «Полководец». В нем, как и в некоторых других, характер размышления, внутреннего монолога, выхваченного из целого потока мыслей и переживаний, подчеркивается обрывом последнего стиха:

Стоит широко дуб над важными гробами,
Колебясь и шумя...

То же — в стихотворении «Из Пиндемонти», а также в более раннем «Вновь я посетил...».⁶² Стихотворение построено на противопоставлении двух кладбищ: городского, как образа неволи, пошлости, антихудожественности, унижения человека, — и деревенского (вернее, усадебного), как воплощения воли, покоя, широты, поэтичности, близости к природе. Это не руссоистское противопоставление города и природы, выраженное, например, в «Цыганах»: это выражение того глубоко выстраданного Пушкиным стремления к свободе мысли и творчества, свободе от условностей и деспотической опеки, какое мы видим в ряде его писем к жене 30-х годов, в ряде стихотворений («Пора, мой друг, пора...», «Странник», «Вновь я посетил...», «Из Пиндемонти»; в более раннее время — в 1830 году — в строфе XLVI восьмой главы «Онегина», в словах, обращенных к герою Татьяной). Вместе с тем чувствуется здесь и не раз повторяющийся в творчестве Пушкина — особенно в 30-х годах — мотив возвращения к земле, в родную усадьбу, о чем мы уже говорили в связи с «Родословной моего героя». Действительно, кладбище, изображенное в стихотворении «Когда за городом, задумчив, я брожу...» — не крестьянское, сельское кладбище (напомним набросок «Стою печален на кладбище...» 1834 года, а также картину похорон ребенка в стихотворении «Румяный критик мой...»), но усадебное, помещичье («кладбище родовое, Где дремлют мертвые в торжественном покое»; ср. «Старая близ могил родных В своих поместьях родовых» — в «Езерском»). Стихотворение, таким образом, связано с целым комплексом сложных социальных размышлений Пушкина о положении, роли и судьбе дворянства — и это показывает, насколько большое значение имели для него высказанные в нем мысли. Но необходимо при этом помнить, что мысль о народе, о его подневольном положении, о необходимости для поэта сблизиться с ним — этими размышлениями не только не исключается, но, наоборот, в них подразумевается. Доказательством этому, помимо всех произведений 30-х годов, посвященных изображению крепостничества, крестьянской

⁶² Вероятно, таким же намеренным обрывом мысли является последняя строка стихотворения на 19 октября 1836 года — «Была пора: наш праздник молодой...», оборванного на воспоминании о восстании 14 декабря:

И над землей сошлись новы тучи,
И ураган их...

То, что стихотворение не должно было иметь продолжения, доказывается, как кажется, тем, что и черновой автограф его оборван на том же воспоминании — на последнем полном стихе белового текста:

Над сходились новы тучи
(Акад., т. III, 2, стр. 1045).

борьбы, Пугачевского восстания, помимо работ о Радищеве, являются строфы так называемого «Памятника», писанного почти одновременно со стихами о кладбище.⁶³

Таков этот лирический цикл 1836 года. Мы имеем право называть этот ряд «циклом», так как известная общность мысли, целенаправленность, наконец, общность художественной формы сообщают ему внутреннее (а отчасти и внешнее) единство. В то же время стихотворения этого цикла многими нитями связаны с другими важнейшими произведениями медитативной лирики, с раздумьями-монологами, столь характерными для поэзии Пушкина 30-х годов.

Другой вопрос — насколько мог бы Пушкин напечатать — в «Современнике» или иначе — этот важный для него цикл. В этом приходится очень сомневаться. Известно, что первое (по нашему предположению) стихотворение — «Я памятник себе воздвиг...» — было напечатано после смерти Пушкина в искаженной редакции, обработанной для приспособления к цензуре Жуковским, и эта редакция просуществовала до 1881 года; «Мирская власть» увидела свет полностью лишь в герценовской «Полярной звезде», а в России — в издании Геннади 1870 года; пятое (предполагаемое) стихотворение — «Когда за городом, задумчив, я брожу...», не включенное в посмертное издание по цензурным соображениям, напечатано было полностью Анненковым в VII, дополнительном томе его издания (1857); шестое — «Из Пиндемонти» — опубликовано впервые с большими цензурными изъятиями в том же дополнительном томе 1857 года, а полностью, без цензурных изъятий, напечатано лишь в первом издании под редакцией П. А. Ефремова, 1880 года.

«Посмертная» история шести стихотворений показывает, что только два из них были напечатаны беспрепятственно, а четыре (или два, если считать только известные) — испытывали долгие цензурные мытарства. Отсюда можно предположить, что сугубо внимательная, подозрительная и придирчивая к «Современнику» цензура не пропустила бы их, по крайней мере без изменений, и при жизни Пушкина. Это обстоятельство отчетливо характеризует общественное значение пушкинского лирического цикла 1836 года.

Сомневаясь, быть может, в возможности напечатать намеченный цикл целиком, Пушкин составил — вероятно, осенью того же 1836 года — другой список, в который включил два (или три — если верно наше предположение) стихотворения из первого цикла и добавил к ним еще пять

⁶³ Вопрос о том, какие стихотворения занимали I и V места в разбираемом ряде, нашими предположениями, конечно, не решается окончательно и остается открытым. Какие, однако, стихотворения могут быть названы вместо «Я памятник себе воздвиг...» и «Когда за городом...»? Из написанных в 1836 году очень близок — и тематически, и по форме — к другим стихотворениям нашего ряда черновой набросок «Напрасно я бегу к сионским высотам...» (Акад., т. III, 1, стр. 419, и 2, стр. 1029), но стихотворение лишь начато, и мы не можем судить о том, во что бы оно вылилось. Из стихотворений 1835 года подходят по своему медитативному характеру, большим философским мыслям, вложенным в них, наконец, по метрической форме — «Полководец» и «Странник», а также — написанное в иной форме «Вновь я посетил...»; но первое (так же как и «Туча») было только что напечатано; третье — слишком нарушало бы метрическое единство ряда; остается «Странник», и очень возможно, что именно он должен был входить на одно из пустых мест ряда или продолжить его. В предшествующие годы — 1832—1834 — трудно указать произведения, соответствующие характеру известных нам под номерами: ни «Осень», ни «Французских рифмачей суровый судия...» такими не могут считаться. Обращенное к жене стихотворение 1834 (?) года «Пора, мой друг, пора...», по-видимому, далеко не закончено, да и слишком интимно для цикла произведений обобщенно-философского значения.

других, взятых из разных годов. Список дает новый намеченный цикл, тематически и формально не единый, но объединенный общими настроениями, вложенными в них. Обратимся к этому списку.

6

Список, о котором идет речь, находится на обороте согнутого вдвое листа,⁶⁴ на трех других страницах которого написан беловой с поправками текст первых 42 стихов стихотворения «Странник». Текст списка таков (первое заглавие — «Из Вууан» — надписано после остального текста):

Из Вууан
Кладбище
Мне не спится
Молитва
Сосны
Осень в деревне
Не дорого ценю
Зачем ты бурный Аквилон
Последняя туча

Последняя строчка зачеркнута. Далее начата еще строчка — вероятно, «Мне не спится», и тотчас зачеркнута как начатая вторично по ошибке. Сбоку записана и зачеркнута дата: «1825».

Список прокомментирован в свое время М. А. Цявловским,⁶⁵ но в комментарий его нужно внести некоторые поправки и дополнения.

Датировка списка не очень точно определяется, но пределы ее не вызывают сомнений: список составлен после 14 августа 1836 года (даты написания стихотворения «Когда за городом, задумчив, я брожу...», обозначенного в списке как «Кладбище») и до конца декабря того же года (так как «Аквилон» напечатан в «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“» 2 января 1837 года), — вернее всего, осенью (в сентябре—октябре) 1836 года. Почти все стихотворения легко устанавливаются.

«Из Вууан» — «Странник», стихотворение, писавшееся в июне или июле 1835 года (дата на перебеленной рукописи «26 ию 1835» не может быть установлена в отношении месяца), но переписывавшееся на бело, вероятно, позднее — немногим ранее или одновременно с рассматриваемым списком, так как последний находится на обороте перебеленного текста начала «Странника».

«Кладбище» — «Когда за городом, задумчив, я брожу...», написанное 14 августа 1836 года, или (что менее вероятно) «Стою печален на кладбище...», дсшедшее до нас лишь в черновом автографе 1833—1834 годов; не известно, было ли оно перебелено; но, недоработанное и брошенное, оно едва ли могло войти в список.⁶⁶

⁶⁴ Рукопись бывш. ЛБ № 2377А, № 3, теперь ПД, ф. 244, оп. 1, № 941. Полный фабричный лист почтовой бумаги, с водяным знаком: АГ 1834; жандармские цифры: 4 и 48 (бумага № 155). Список на листе 4. Текст «Странника», написанный на нем, — Акад., т. III, 2, стр. 987—988.

⁶⁵ Рукою Пушкина, стр. 285—286.

⁶⁶ Если принять это последнее предположение, т. е. считать, что «Кладбище» — это «Стою печален...», то в таком случае начальная дата составления списка немного отодвигается — до 22 июля (или июня) 1836 года, когда написано стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны...».

«Мне не спится» — «Стихи, сочиненные ночью во время бессоницы...», стихотворение, написанное в октябре 1830 года, но переписанное и обработанное, по-видимому, в 1835 году.

«Молитва» — очевидно, «Отцы пустынники и жены непорочны...», беловая рукопись которого помечена «22 июля (или: июня) 1836».

«Сосны» — несомненно, «Вновь я посетил...», стихотворение, помеченное «26 сентября 1835».

«Осень в деревне» — по мнению М. А. Цявловского, основанному на списках стихотворений, приготовленных для издания 1832 года, — «Осень» («Октябрь уж наступил...»), написанная в октябре—начале ноября 1833 года, а начатая, как предполагалось, осенью 1830 года. Но, как было показано выше, списки 1830—1831 годов имеют в виду не «Осень», тогда еще не существовавшую, но «Румяный критик мой, насмешник толстопузый...» — стихотворение, помеченное 1 и 10 октября 1830 года. Вероятно, и рассматриваемый список под обозначением «Осень в деревне» имеет в виду то же самое стихотворение, которое так названо во втором списке к изданию 1832 года.⁶⁷

«Не дорого ценю» — «Из Пиндемонти», помеченное 5 июля 1836 года.

«Зачем ты, бурный Аквилон» — стихотворение «Аквилон», помеченное в беловом автографе, а затем в печати, 1824 годом; как говорилось выше, эта дата едва ли соответствует действительности; отделано и закончено оно было, согласно помете на том же беловом автографе, в Болдине, 7 сентября 1830 года. «Аквилон», как и «Осень в деревне», входит в рассмотренные выше списки стихотворений, предназначенных для издания 1832 года.

«Последняя туча» — стихотворение «Туча» («Последняя туча рассеянной бури...»), датированное по утраченной теперь рукописи 13 апреля 1835 года (или, во всяком случае, написанное не позднее середины июня 1835 года). Как заметил М. А. Цявловский, Пушкин, вспомнив, что стихотворение уже напечатано,⁶⁸ вычеркнул его.

Таким образом, в небольшой этот список вошли только не напечатанные к осени 1836 года стихотворения 1830, 1833 (?), 1835 и 1836 годов; это показывает, что составлен он был не для сборника стихотворений, но именно для журнальной публикации новых, неизданных вещей. Отбор их позволяет сделать некоторые наблюдения.

В список вошли несколько произведений очень важного для Пушкина значения. Разнообразные по тематике, поэтическому стилю и стиховой форме, они объединяются общим характером — своей медитативностью, сочетанием глубоко личного начала с широкими обобщениями философ-

⁶⁷ Следует заметить, что раскрытие обозначения «Осень в деревне» в списке 1836 года как стихотворения «Румяный критик мой, насмешник толстопузый...», быть может, и не является беспорным. Если в списках 1830—1831 годов обозначения «Осень в деревне» и «Осень. 1 окт.<ября>», несомненно, соответствуют этому произведению, то в списке 1836 года Пушкин под тем же названием «Осень в деревне», — возможно, ошибочным, — мог иметь в виду другое, позднейшее — «Осень», написанную октавами в Болдине в 1833 году («Октябрь уж наступил — уж роща отряхает...»). Поставленная рядом с «Вновь я посетил...», «Осень» составила бы с ним пару, связанную по теме, разработанной в двух разных аспектах (глубоко внутреннее единство с «Осенью» еще сильнее чувствуется в черновых текстах «Вновь я посетил...»). Включение «Осени» в этот список вполне естественно; отсутствие же в нем (и в других объединениях) такого важного, крупного и вполне законченного стихотворения представляется необъяснимым.

⁶⁸ В журнале «Московский наблюдатель» (1835, ч. II, май, кн. II, стр. 175); книжка прошла цензуру 15 июля 1835 года. Ср. письмо Пушкина к А. А. Краевскому от 18 июня 1836 года (Акад., т. XVI, стр. 36, № 1073).

ского, этического, общественно-политического содержания. С формальной точки зрения трудно, конечно, назвать эти восемь стихотворений циклом, но по существу они объединены глубокой внутренней связью, позволяющей видеть в них объединение циклического типа.

О значении некоторых из них — «Из Вулуан» («Странник»), «Кладбище» («Когда за городом, задумчив, я брожу...»), «Молитва» («Отцы пустынноики и жены непорочны...»), «Осень в деревне» («Румяный критик мой, насмешник толстопузый...»),⁶⁹ «Не дорого ценю» («Из Пиндемонти»), «Зачем ты, бурный Аквилон» («Аквилон») — уже говорились раньше, и нет надобности к ним возвращаться. Новые произведения, не включавшиеся раньше в проекты изданий, характеризуются теми же свойствами.

«Последняя туча рассеянной бури...» — одновременно и объективная картина природы, и выражение субъективного состояния поэта после пронесшейся над ним «бури» — его столкновения с царем и Бенкендорфом, или еще шире — выражение страстного желания поэта получить свободу и покой от всего, что многие годы тревожило и тяготило его жизнь. Напечатанное одиноко и случайно в «Московском наблюдателе», оно воспринималось только как картина природы, особенно потому, что «Московский наблюдатель» был совершенно чужд воззрениям и настроениям Пушкина. Введенное же в контекст, поставленное рядом с «Аквилоном», оно получило бы совершенно иной смысл, иное звучание, настойчиво напоминая бы читателю о бурях, пронесившихся в последнее десятилетие не только над жизнью поэта, но и над общественно-политической жизнью России вообще. Поэтому исключение «Тучи» из списка нужно объяснять не только тем, что она уже была напечатана, но и другими вероятными соображениями, одновременно эстетическими и политическими: два стихотворения рядом или почти рядом на одинаковую тему создавали впечатление художественного однообразия — и этим, быть может, слишком явно подсказывался читателю скрытый смысл обоих произведений.

«Мне не спится, нет огня...» («Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы») — написано в Болдине в октябре 1830 года, а переписано и отделано значительно позже, по-видимому в 1835 году.⁷⁰ Стихотворение это — одно из наиболее значительных «раздумий» в лирике Пушкина; созданное в Болдинскую осень, в переломный момент жизни поэта, оно отражает и чувство глубокого одиночества, в котором он находился, и сознание бессмысленности жизни, тяготеющей над ним, и возмущение этой бессмысленностью, и желание во что бы то ни стало овладеть внутренней логикой жизни:

Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...

Рационалистическое, характерное для Пушкина заключение становится еще яснее и выразительнее при сопоставлении его с поправкой, внесенной Жуковским в последнюю строку при печатании стихотворения в посмертном издании:

Я понять тебя хочу,
Темный твой язык учу...⁷¹

Поправка имеет целью не только «улучшение рифмы» (как полагает редактор Академического издания), но и замену пушкинского рациона-

⁶⁹ Ср. выше прим. 67.

⁷⁰ Акад., т. III, 2, стр. 860—862 и 1220—1221.

⁷¹ Том IX, СПб., 1841, стр. 163.

лизма — признанием мистической темноты бытия, свойственным Жуковскому.

Наконец, «Сосны» — так условно названо стихотворение «Вновь я посетил Тот уголок земли, где я провел...», написанное 26 сентября 1835 года в Михайловском (может быть, впрочем, это не только обозначение, но Пушкин думал так озаглавить стихотворение в печати, и это заглавие следовало бы ввести в основной текст). Для этого углубленного в себя, медленно текущего ряда размышлений о своем прошлом и о будущем, связанного с картинами любимых им мест, Пушкин выбрал необычный и, казалось бы, не лирический размер — драматический белый пятистопный ямб, без цезур; такой стих придал стихотворению характер внутреннего монолога, перемежающегося паузами, меняющего тон в зависимости от места, где находится и которое рассматривает поэт: каждое место в усадьбе и вокруг нее вызывает разного рода воспоминания, эмоции и размышления. Обработывая стихотворение, Пушкин не только сократил его, устранив длинноты и излишние, по его мнению, подробности, но изъяс целые отрывки, представлявшие ему слишком откровенными и слишком интимными, оставляя лишь то, что имеет общее значение и носит сдержанно-спокойный характер. Самое откровенное и трагическое признание, бывшее в конце чернового текста стихотворения и потом изъятые (от «я еще Был молод, но уже судьба и страсти» до «И ненависть и грезы мести бледной»),⁷² по смыслу очень близко ко второй (также изъятая при публикации) половине «Воспоминания» (1828). Но к скорбному воспоминанию о печальной, мучительной юности в размышлении 1835 года присоединяется новая и важнейшая мысль — о спасительном влиянии поэзии, благодаря которому он прошел через тяжкое испытание и «воскрес душой»: это признание совершенно точно характеризует переживания Пушкина и его творчество в Михайловском зимой 1824—1825 годов.⁷³

Сдержанно-грустные размышления о прошлом, подводящие итог жизни поэта почти за двадцать лет (с 1817 года, когда он впервые приехал в Михайловское), сменяются в конце стихотворения мыслью о будущем, о новых поколениях, т. е. о вечном движении и развитии в природе и в человеческом обществе, — с характерным для Пушкина оптимистическим обращением: «Здравствуй, племя Младое, незнакомое!» и т. д. Среди лирических стихотворений последних лет жизни поэта «Сосны» являются одним из важнейших по мысли, по содержанию и одним из своеобразнейших и совершеннейших по художественной форме.

Как видно, небольшой список стихотворений, рассматриваемый нами, очень значителен и разнообразен в смысле тем, образов, мыслей и художественных средств. Осуществление его в печати при жизни Пушкина раскрыло бы ряд чрезвычайно важных, неизвестных читателям и критике моментов его лирического творчества и показало бы всю несостоятельность широко распространенных тогда суждений о том, что Пушкин как поэт-

⁷² Акад., т. III, 2, стр. 996 и 1003—1005.

⁷³ Напомним испытанный в это время поэтом сильнейший прилив творческих сил, выразившийся в работе над «Борисом Годуновым», в создании таких утверждающих, активных произведений, как «Андрей Шенье», «Вакхическая песня», «Желание славы», в гордом признании, высказанном в письме к Н. Н. Раевскому от второй половины июля 1825 года: «Je sens que mon âme s'est tout-à-fait développée, je puis créer» («Чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития, я могу творить» — Акад., т. XIII, стр. 198).

лирик исчерпал себя, окончил свой путь и представляет явление прошлого. Но Пушкин не успел напечатать ни цикла, обозначенного номерами, ни стихотворений, входящих в последний список. Эти вершинные произведения его зрелой лирики увидели свет лишь в посмертном «Современнике» или в дополнительных томах посмертного издания, а некоторые — через много лет после смерти поэта. Лирика 30-х годов осталась при жизни Пушкина скрытым от читателей творчеством «для себя».

7

В самом конце 1836 года (или даже в начале января 1837 года) Пушкин заключил договор с книгопродавцем Плюшаром на издание сборника своих стихотворений.⁷⁴ В архиве Пушкина сохранилась заготовленная для сборника рукопись в виде писарских копий с печатных текстов, размещенных по отделам в обложках с заголовками, надписанными рукой Пушкина.⁷⁵ На этой рукописи необходимо остановиться.

Полное суждение о предположенном Пушкиным издании стихотворений затруднительно потому, что рукопись сборника сохранилась не полностью — или составление ее не было закончено Пушкиным; состав и порядок стихотворений в отделах, несомненно, спутан — уже после смерти Пушкина, и тексты сложены случайно, в полном беспорядке, с нарушением нумерации; часть материалов, возможно, использована для посмертного издания 1838—1841 годов.⁷⁶ То, что сохранилось, представляет следующие особенности.

В рукопись вошли только те стихотворения, которые уже были напечатаны в «Стихотворениях Александра Пушкина» (части I—IV, 1829, 1832 и 1835); ни одно стихотворение, отсутствующее в этих четырех частях, сюда не введено или, по крайней мере, не сохранилось.

Сборник разделен на отделы, объединяющие стихотворения по жанровым признакам и частично повторяющие отделы издания 1826 года, с прибавлением новых, соответственно новым жанрам, возникшим в поэзии Пушкина после 1825 года, и отчасти — соответственно практике изданий других поэтов, в особенности четвертого издания стихотворений Жуковского 1835—1836 годов. Мы видим в сборнике обложки следующих отделов, надписанные рукой Пушкина:

Стихотворения лирические, т. е., по-видимому, декламационного, ораторского типа; ср. в издании Жуковского.

⁷⁴ Письма А. А. Плюшара к Пушкину от 23 декабря 1836 года и Пушкина к Плюшару от 29 декабря см.: Акад., т. XVI, стр. 204, № 1316; стр. 206, № 1321. Ср.: Пушкин и его современники, вып. XIII, 1910, стр. 109, 125—127, и ниже заметку Р. Б. Заборовской о подлиннике письма Пушкина к Плюшару (стр. 224—228).

⁷⁵ Рукопись бывш. ЛБ № 2393, теперь ИРЛИ (ПД), ф. 244, оп. 1, №№ 1169—1179 bis. В. Е. Якушкин, составляя описание рукописей Пушкина, принял поправки и заглавия на обертках, сделанные Пушкиным, за принадлежащие руке Жуковского (с вопросом); он описал рукопись очень кратко («Русская старина», 1884, т. XLIV, декабрь, стр. 574, XXX), и она выпала из поля зрения позднейших исследователей, почему не вошла и в сборник «Рукою Пушкина» (1935). См. статью Л. Б. Модзалевского «Новое о неосуществленном издании стихотворений Пушкина 1836 г.» («Книжные новости», 1936, 10 марта, № 7, стр. 19—21) и его же заметку «Неопубликованные записи Пушкина» (Временник Пушкинской комиссии, вып. 3, 1937, стр. 18).

⁷⁶ Однако же в переплетенный сборник копий (бывш. ЛБ № 2395, теперь ИРЛИ (ПД), ф. 244, оп. 8, № 93), служивших для подготовки посмертного издания, не вошел ни один лист из рукописи бывш. ЛБ № 2393: это ясно по бумаге и почерку переписчиков, различных в той и другой рукописях.

Подражания древним. Ср. сборник 1826 года; состав отдела, видимо, сохранился не полностью.

Послания. Ср. сборник 1826 года.

Эпиграммы, надписи и пр. Ср. сборник 1826 года; возможно, что сюда теперь перенесена часть материала из отдела «Подражания древним».

Баллады и песни. Ср. в издании Жуковского: 1) «Романсы и песни», 2) «Баллады», выделенные как вполне определенный жанр. У Пушкина понятие баллады более широко и свободно; из «песен» в этом отделе «Певец» 1816 года, но состав отдела, быть может, и спутан.

Сонеты. Здесь, однако, кроме трех сонетов 1830 года, находятся стихотворения разных жанров, разного стиля и содержания, внесенные, быть может, Жуковским, который написал и второе заглавие: «Песни. Стансы. Сонеты»; но «Анчар», например, не подходит ни под одно из этих определений, если только не рассматривать его как «стансы».

Стихи, сочиненные во время путешествия (1829). Здесь, в последовательности поездки в армию и обратно (кроме, однако, «На холмах Грузии...») собран весь цикл «кавказских» стихотворений.

Песни западных славян. Последние два отдела, действительно, обладают тематическим, а второй — и жанровым единством и составляют «циклы» в собственном смысле.

Вольные подражания восточным стихотворениям. Сюда, кроме «Подражаний Корану» и стихов на библейские мотивы, входят «Пророк» и «Ангел».

Простонародные сказки. Здесь отсутствует напечатанная в III части стихотворений «Сказка о царе Салтане»; «Жених», которого Пушкин определял как «простонародную сказку» (см. список, опубликованный в сборнике «Рукою Пушкина», стр. 266, № 20), перенесен в отдел «Баллад и песен», в чем, вероятно, нужно видеть вмешательство Жуковского после смерти Пушкина.

Разные стихотворения. Первоначально отдел назван «Смесь» (ср. в четвертом издании стихотворений Жуковского 1835—1836 годов); сюда вошли и «Поэт и толпа», и «Разговор книгопродавца с поэтом» — вместе с тем «Прозерпина», перевод из «Конрада Валленрода» и пр.

Последний раздел — без пушкинского заглавия, с надписью Жуковского: «Разговорные» (т. е. драматические произведения?), куда входят «Моцарт и Сальери», «Пир во время чумы» и «Сцена из Фауста». Последняя, впрочем, носит № XX, т. е. перенесена из какого-то другого отдела.

Как видно, в числе отделов нет ни «элегий», ни отдела, посвященного лирическим произведениям медитативного рода и крупного значения — или они должны были раствориться в отделе «Разных стихотворений»; но подобного рода произведения вообще отсутствуют или не сохранились в рукописи; достаточно назвать такие, вошедшие в первые две части «Стихотворений», как «Погасло дневное светило...», «К Овидию», «Демон», «К морю», «А. Шенье», «19 октября» (1825), «Воспоминание» и почти всю любовную лирику 20-х годов.⁷⁷

Возможно, что все они должны были войти в другие, не осуществленные отделы; возможно и то, что часть рукописи, содержавшая эти

⁷⁷ Стихотворения, включенные в III и IV части «Стихотворений» (1832 и 1835), должны были, по-видимому, войти в сборник целиком. Экземпляр этих двух частей, переплетенных вместе и прошедших вновь цензуру 2 декабря 1836 года, сохранился в библиотеке Пушкина (Пушкин и его современники, вып. IX—X, 1910, стр. 83, № 308). Однако многие стихотворения, напечатанные там, в рукописи отсутствуют.

стихотворения, затеряна или была использована при подготовке посмертного издания.⁷⁸

Как бы то ни было, рукопись 1836 года дает слишком зыбкий материал для окончательных суждений. Мы можем лишь сказать, что Пушкин в этом последнем, предположенном сборнике хотел отменить хронологический порядок первых трех частей «Стихотворений» (нарушенный уже там наличием отдела стихотворений «Разных годов») и сгруппировать материал частично по внутренне-тематическим признакам (например, кавказские стихотворения 1829 года), совпадающим в иных случаях с жанровыми («Песни западных славян», «Простонародные сказки», «Подражания восточным стихотворениям», «Подражания древним», драматические произведения, «Сонеты»). Некоторые отделы, однако, образованы по жанровому признаку в его классическом, чисто формальном понимании («Лирические стихотворения», «Послания»), другие же крайне расплывчатые («Баллады и песни», «Эпиграммы и надписи» — в особенности раздел, быть может, и не принадлежащий выбору Пушкина, которому Жуковский дал название «Песни, стансы, сонеты»). Важнейший же для Пушкина в 30-х годах род лирики — выражающий отношение поэта к миру, содержащий его переживания и размышления, т. е. то, что принято называть медитативной лирикой, не находит себе в сборнике определенного места. Здесь требовались иные принципы группировки или циклизации стихотворений, но в сохранившейся рукописи (содержание которой дано выше) отсутствуют как соответствующие разделы, так и самый материал; нет, как сказано, ни одного стихотворения 1830—1836 годов, не бывшего до тех пор в печати, более того, нет ни одного, не вошедшего в сборники 1829—1835 годов, и недостает многих, бывших в этих сборниках.

Чем же объяснить то странное явление, что Пушкин, с половины 20-х годов отрицавший жанровое деление лирики, стремившийся в 1829 и 1832 годах представить читателю картину своего творчества в его хро-

⁷⁸ К тому же времени — ноябрю—декабрю 1836 года — относится другой план издания стихотворных произведений, очень краткий и суммарный, составленный, по-видимому, ранее или параллельно проекту сборника, рассмотренному выше, как предположение иного распределения материала. План таков:

Лирические стихотворения
Элегии
Сказки (простонародные стихотворения)
Смесь

К слову «Элегии» приписано карандашом «8», однако из этой цифры трудно сделать какие-либо выводы. «Лирические стихотворения» здесь, быть может, понимаются в более широком смысле, чем в проекте сборника; но остается еще ряд стихотворений, не укладывающихся в четыре раздела плана. На том же листе, ниже плана, записаны вычисления, представляющие, по-видимому, расчет размеров сборника, составленный из сложения количества страниц в «Стихотворениях» 1829—1835 годов по частям, с вычетом первых четырех (не занятых) страниц каждой части, в таком порядке: 206 (т. е. часть III, 1832: 210—4); 188 (т. е. часть IV, 1835: 192—4); 220 (т. е. часть I, 1829: 224—4); 172 (т. е. часть II, 1829: 176—4). Сумма $206 + 188 + 220 + 172 = 786$ округлена до 700 (страниц) и делением на 16 получен размер сборника: $43\frac{3}{4}$ печатного листа. Расчет, конечно, грубый и приблизительный, но он характерен как показатель того, как арифметически подходил Пушкин к составлению этого «коммерческого» сборника. План и вычисления записаны на обороте счета от книгопродавца — по-видимому, Я. В. Матюшина (см. ниже в статье Г. Г. Ариель-Залесской); счет не имеет даты, но заканчивается на покупке 17 октября 1836 года (см. указанные выше публикации Л. Б. Модзалевского во «Временнике Пушкинской комиссии», вып. 3, 1937, и в «Книжных новостях», 1936, № 7).

нологии, т. е. в его историческом развитии, теперь, подводя итог своей более чем двадцатилетней деятельности, решительно отказывается от историзма и возвращается, хотя и не в полной мере, к устарелой для него и для русской поэзии вообще жанровой классификации? Ответ, как кажется, может быть дан такой.

Проект издания стихотворений 1836 года, составленный в то время, когда Пушкин находился в мучительно тяжелом положении — и моральном, и материальном, был вызван в значительной мере денежными соображениями. Совет «книгопродавца» «поэту», выраженный некогда в многозначительной формуле:

Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать, —

не только не утратил для поэта своего смысла, но был еще оживлен литературно-журнальной борьбой 1835—1836 годов, и Пушкин сознательно ему следовал. Но для того чтобы скоро реализовать сборник, нужно было и подготовить его быстро, без затраты времени и нового труда, лишь с самой поверхностной правкой,⁷⁹ обеспечив максимально-безболезненное прохождение его через цензуру. А этого можно было достичь, перенеся в новое издание готовый, процензурованный материал прежних сборников, без добавления чего-либо нового, неизданного, что могло смутить цензуру или требовало творческой художественной отделки. Но сборник не должен был быть и точным повторением прежних, а совсем новым, притом — замкнутым в себе, отдельным изданием. Он не был и подведением итогов всего творческого пути поэта — поскольку в него не входило почти ничего из произведений последних пяти лет (1832—1836). В лучшем случае он мог считаться итогом — да и то неполным — предшествующего периода — от первых шагов Пушкина-лицеиста (1815) до начала 30-х годов (1831). В этих условиях не было оснований сохранять хронологический принцип первых трех сборников: хронологическое размещение стихотворений имело бы смысл лишь в том случае, если бы сборник был пополнен неизданными произведениями последних пяти лет или входил в число других томов собрания сочинений Пушкина. Теперь же погодное расположение материала, заканчивающееся 1831 годом, только подчеркивало бы отсутствие произведений последних лет, т. е. мнимое иссякновение творческих сил поэта-лирика, о чем так много писали в журналах и говорили среди читателей. В этих соображениях, как кажется, нужно искать оснований отказа Пушкина от хронологического принципа в пользу жанрово-тематического.⁸⁰

⁷⁹ Некоторые исправления имеют существенное значение, например перемена заглавия стихотворения «Чернь» на «Поэт и толпа», — но почти все они относятся к заглавиям и подзаголовкам. Исправления в тексте случайны, и даже явные ошибки переписчика не устранены.

⁸⁰ Л. Б. Модзалевский в указанной выше статье («Книжные новости», 1936, № 7, стр. 20) справедливо отмечал, что «Жуковский, давая в посмертном издании жанровую систему пушкинской лирики, следовал в этом отношении желанию самого Пушкина», т. е. воспроизвел в посмертном издании жанровые рубрики сборника 1836 года (с некоторыми отступлениями), почему «посмертное издание... не является в этом отношении (т. е. в распределении материала лирики, — Н. И.) худшим, как это было принято считать до сих пор». Но Л. Б. Модзалевский напрасно был склонен определять систему расположения сборника (а не только его поправки) как «последнюю творческую волю Пушкина» и сожалеть о том, что «мы теперь не имеем возможности полностью восстановить его жанровую систему в отношении лирики, испорченной Жуковским, и напечатать издание стихотворений поэта в одном томе в том виде, какой ему хотел придать сам Пушкин накануне смерти...» (стр. 21). Не говоря о том, что, как было выше показано, состав и расположение сборника нам далеко не во всем из-

Следует отметить, однако, что и выпуск сборника в том виде, в каком он был предположен, и в том составе, в каком он нам известен, не дал бы читателям ничего нового и не раскрыл бы перед ними лирической поэзии Пушкина последнего периода. Пушкин оставался бы в глазах критиков и читателей (даже критиков-друзей, подобных Белинскому) тем, чем он сделался для них к середине 30-х годов, — поэтом прошлого, явлением почти историческим (в смысле его несовременности), и сборник лишь подтвердил бы сложившееся убеждение в том, что поэтический голос любимого некогда поэта-лирика навеки умолкнул. Только в случае продолжения «Современника», — а вопреки мнению издателя, такая возможность была очень сомнительна, так как Бенкендорф считал, что разрешение издать «4 тома статей чисто литературных... на подобие английских трехмесячных *Reviews*»⁸¹ дано Пушкину только на один 1836 год и не распространяется на будущее, — только в дальнейших томах «Современника», предположенных на 1837 год, мог Пушкин осуществить свое желание — раскрыть перед читателями последние и важнейшие произведения своей лирической поэзии, и раскрыть притом в известной системе, в объединенных внутренними связями циклах, два проекта которых, намеченные в 1836 году, рассмотрены выше.

Но намерениям Пушкина не суждено было осуществиться. Его творчество 30-х годов стало известно русскому обществу лишь из публикаций в посмертном «Современнике», в некоторых альманахах и журналах, и — еще через четыре года — в дополнительных томах посмертного издания.

Спустя полтора месяца после смерти Пушкина представитель близкой к поэту семьи Карамзиных, Александр Карамзин, писал в Париж своему брату Андрею:⁸² «Говорили, что Пушкин умер уже давно для поэзии. Однако же нашлись у него многие поэмы и мелкие стихотворения. Я читал некоторые, прекрасные до нельзя. Вообще в его поэзии сделалась большая перемена, прежде главные достоинства его были удивительная легкость, воображение, роскошь выражений *et une grace infinie, jointe à beaucoup de sentiment et de chaleur*;⁸³ в последних же произведениях его поражает особенно могучая зрелость таланта; сила выражений и обилие великих, глубоких мыслей, высказанных с прекрасной, свойственной ему простотою; читая их, поневоле дрожь пробегает и на каждом стихе задумываешься и чуешь гения».⁸⁴

Этот отзыв внимательного и дружески настроенного современника дает замечательно верную, проникновенную оценку лирической поэзии Пушкина 30-х годов.

вестны, и посмертное издание в этом отношении не может нам помочь, — за пределами сборника 1836 года остается такое множество (и важнейших!) произведений, что современный редактор, пожелавший распределить издание лирики Пушкина по жанровым и тематическим рубрикам, был бы поставлен в безвыходное положение. В этом отношении именно посмертное издание наглядно показывает неприменимость жанровой схемы сборника 1836 года к полному собранию стихотворений Пушкина. Нет оснований считать расположение лирики в сборнике 1836 года последней авторской волей поэта: жанровая система в нем вызвана обстоятельствами издания.

⁸¹ Письмо Пушкина к А. Х. Бенкендорфу от 31 декабря 1835 года. Акад., т. XVI, стр. 69, № 1116.

⁸² Письмо от 13 марта 1837 года.

⁸³ И бесконечное изящество, соединенное с большим чувством и жаром (франц.).

⁸⁴ Цитируется по подлиннику: ИРЛИ (ПД), ф. 244, оп. 18, № 265. Ср. публикацию Ир. Андроникова «Тагильская находка» («Новый мир», 1956, № 1, стр. 200), с неточностью в переводе французской фразы, где *«une grace infinie»* («бесконечное изящество») передано как «беспощадность».

Б. В. ТОМАШЕВСКИЙ

СТРОФИКА ПУШКИНА *

1

Естественной единицей счета в стихотворной речи является стих. В самом определении понятия «стих» часто фигурирует этот термин «единица стихотворной речи». В действительности это определение не вполне точно. Известно, что в отдельных частных случаях это определение даже зыбко. Если оставаться в пределах пушкинского материала, мы иногда не можем с точностью выделить метрическую единицу — стих и, разрешая задачу определения единства стиха, обращаемся к чисто формальному признаку графического единства строки, хотя отлично сознаем, что это графическое единство должно отражать объективное единство, присущее самой звучащей речи, а не ее письменному выражению. Возьмем, например, стихи:

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

По графическому принципу мы здесь насчитываем 5 стихов. Однако едва ли не тождественно звучание следующего стихотворного отрывка:

Чем дальше в лес, тем больше дров;
Теперь пошло на молодцов.

Эти стихи можно записать:

Чем дальше в лес,
Тем больше дров,
Теперь
Пошло
На молодцов.

Таким образом, два стиха превращаются в пять. Существенным отличием первого примера от второго является рифма, заканчивающая строки. Но эта рифма только тогда являлась бы решающей приметой стиха, если

* Автор настоящего исследования Б. В. Томашевский безвременно скончался 24 августа 1957 года. Работа представлена была им для печати за несколько месяцев до смерти, но выправить ее корректуру Б. В. Томашевский, к сожалению, уже не успел. В следующем томе данного издания будет дана подробная характеристика покойного ученого и его выдающихся заслуг в изучении жизни и творчества А. С. Пушкина. — *Ред.*

бы она была необходимым и достаточным условием единства стиха.¹ Наличие же, с одной стороны, белых стихов, а с другой — внутренних рифм является причиной того, что в отдельных частных случаях рифма перестает быть приметой отдельного существования метрической единицы. Возьмем стихи «Будрыс и его сыновья»:

Три у Будрыса сына, как и он, три литвина,
Он пришел толковать с молодцами.
«Дети! седла чините, лошадей проводите,
Да точите мечи с бердышами.

С точки зрения рифмовки здесь не четыре стиха, а шесть: каждый нечетный стих составляет пару рифмующих стихов. Однако Пушкин не разделил эти стихи графически на пары строк и, следовательно, имел какие-то основания считать каждую такую рифмующую пару метрических элементов за один стих.²

Я привожу эти примеры не для того, чтобы пересматривать вопрос о том, что такое стих и на чем основано его единство, а для того, чтобы показать, что те средства, которыми пользуется поэт для создания единства стиха, иногда могут служить средством и для его разложения на более мелкие единства и, наоборот, для сочетания стиховых единиц в более крупные объединения.

В действительности стихотворная речь есть речь, конструктивно распадающаяся на единства разных степеней, и самый стих может быть раз-

¹ В другом случае Пушкин разбил стихи по признаку рифмы, не обращая внимания, что получившиеся строки не имеют правильной меры иначе, как в соединении:

Мне изюм
Нейдет на ум,
Цукерброд
Не лезет в рот.

Получилось странное чередование двухстопных хореев и ямбов. Между тем правильнее было бы сохранить целостность стихов: на это указывает и продолжение:

Мне изюм нейдет на ум,
Цукерброд не лезет в рот,
Пастила не хороша
Без тебя, моя душа...

Следовательно, реально мы имеем простое четверостишие четырехстопного хореев. Этот пример ставит под сомнение правильность деления стихов «Ночной зефир...».

² В данном случае основанием для такого деления (повторяющего деление польского оригинала Мицкевича), по-видимому, было то, что шестистишие ААВССВ воспринималось на привычном фоне перекрестных четверостиший с холостыми нечетными стихами: АВСВ. Следует сопоставить эту строфу с английской балладной строфой, известной по переводу Жуковского «Смальгольмский барон». По условиям польского стиха в «Трех Будрысах» все рифмы женские, а акцентный стих урегулирован до чистого анапеста (как и у Жуковского).

Вот английский образец (третья строфа баллады В. Скотта «The Eve of Saint John», оригинала «Смальгольмского барона»):

Yet his plate-jack was braced, and his helmet was laced,
And his vaunt-brace of proof he wore;
At his saddle-gerthe was a good steel sperthe,
Full ten pound weight and more.

ложен на более мелкие единицы, и наоборот, комбинация стихов может создавать более крупные единицы, из которых каждая распадается на ряд стихов.

В отдельных частных случаях, подобных приведенным, мы не можем с достаточной убедительностью сказать, по каким разделам происходит деление речи на основные метрические единицы — стихи и где мы имеем более крупные и более мелкие подразделения.

Нашим предметом является изучение группировки стихов. Раздел метрики, изучающий эти группировки, условно именуется строфикой.

Название это многозначно, а поэтому необходимо остановиться на некоторых определениях, чтобы в дальнейшем наша номенклатура явлений не вызывала бы недоразумений.

По существу строфика ведаёт всеми формами группировки отдельных стихов в сложные единства. Однако следует различать две формы объединения стихов.

В одной форме объединение стихов не подчинено никакому циклическому закону. Такова форма «Руслана и Людмилы», южных поэм и т. д. Это не значит, что такое объединение стихов совершенно произвольно. Однако доля произвола настолько велика, что четкая граница между отдельными группами стихов отсутствует, и если даже условно разделить эти поэмы на стиховые группы, то эти группы друг на друга не налагаются, т. е. ни одна из этих групп не воспроизводит остальных по своей структуре. Каждое объединение стихов индивидуально. По отношению к подобным формам можно говорить о «строфической тенденции», но не более. С точки зрения строфики эти произведения аморфны, по крайней мере так же, как с точки зрения метрики проза аморфна в сравнении со стихом. Эти произведения можно назвать астрофическими, и их изучать следует особо, не в общем ряду форм строфических.

Непосредственным объектом строфики являются стиховые формы, в которых объединение стихов циклично, т. е. каждая группа накладывается на её подобную в том смысле, что какие-то элементы в этих группах тождественны и расположены в одинаковом порядке.

Формы строфические и астрофические не отделены друг от друга резкой разделяющей чертой. Имеются явления промежуточного характера, но они сравнительно редки у Пушкина. Сюда относятся вольные стансы, которые вообще сводятся к тому, например, что стихотворение всё поделено на четверостишия, но порядок рифм в этих четверостишиях не везде одинаков, или даже наряду с четверостишиями, в качестве эквивалентных частей произведения, фигурируют пятистишия. Таково стихотворение «К морю».

С другой стороны, существует особая форма «кусковой» композиции (например, «Леда»), в которой всё произведение распадается на небольшие куски, каждый с особым строфическим построением.

Мы пока оставим в стороне эти промежуточные формы и обратимся к формам строго строфическим.

В строгих формах строфических произведений мы имеем точную повторяемость определенных метрических и ритмико-синтаксических признаков, которые разбивают произведение на законченные группы, и каждая такая группа в определенном отношении тождественна прочим. Строфа есть высшее стиховое единство, осуществляемое средствами организации в ритмические группы звучащего (ритмико-интонационного) материала речи. Более крупные единства создаются уже на основе композиционно-тематической.

2

Остановимся на тех признаках, которые формально определяют строфичность произведения и которые отражают средства, при помощи которых строится строфа. Это, во-первых, рифма (вообще говоря, каталектика). Строфа вообще определяется последовательностью рифм.

В пределах пушкинского материала (если оставить в стороне отдельные исключения, относящиеся к черновым опытам) роль рифм сводится к следующему.

Пушкин оперирует двумя родами рифм — мужской и женской. Рифмы дактилические и гипердактилические у него являются редкими исключениями, поэтому в первом приближении можно совершенно ими пренебречь.

Согласно традиции XVIII века и карамзинистов Пушкин пользуется этими рифмами по всем правилам классического французского стихосложения. Эти правила именуются законом чередования (альтернанса). Правила чередования сводятся к двум: два смежных стиха одного рода окончания должны рифмовать друг с другом; два не смежные, рифмующие между собой стиха должны обнимать собою стихи на одну только рифму. Иначе говоря, отклонениями от правил являются следующие случаи.

1. Когда два соседних стиха одного рода окончания не рифмуют друг с другом, например:

Прекрасной дочерью своей
Гордится старый *Кочубей*.
И то сказать: в Полтаве нет
Красавицы, Марии равной.

Здесь помещены подряд два мужских стиха, не рифмующих между собою.

2. Когда между двумя рифмующими, не смежными стихами находятся стихи на две и более рифмы. Таков следующий отрывок Пушкина, одновременно нарушающий и первое правило:

Страшно и скучно. *А*
Здесь новоселье, *В*
Путь и ночлег. *С*
Тесно и душно. *А*
В диком ущелье — *В*
Тучи да снег. *С*

Между стихами на рифму *А* заключены стихи на рифмы *В* и *С* и т. д.

Первое из этих правил Пушкин считал обязательным только в пределах строфы. При переходе от строфы к строфе это правило иногда не соблюдалось, т. е., например, строфа могла оканчиваться мужским стихом, а следующая строфа начинаться тоже мужским стихом на другую рифму (см., например, «Вольность»).

Французы были гораздо строже в соблюдении этого правила. Достаточно напомнить, что в строгих формах (у Расина, Корнеля и за ничтожными исключениями у Мольера), если один акт трагедии или комедии кончался парой женских стихов, то следующий начинался обязательно парой мужских стихов, хотя эти пары были разделены антрактом.³

³ Французское стихосложение, не допускающее стихов без рифм, и понятие «строфа» сводит к комбинации рифм, хотя именно во французской поэзии мы встречаем многочисленные образцы строф, состоящих из циклической комбинации стихов двух и более разных размеров. Вот как определяет строфу Морис Граммон: «Французская строфа есть группа свободных стихов, образующая полную систему рифм. В эту систему могут входить один раз или несколько раз два и даже три последова-

Пушкин часто отступал от этого правила на стыке строф. Точно так же в астрофических формах внутри одной песни поэмы мы иногда находим нарушение этого правила на стыке двух синтаксических периодов («абзацев»):

Встает и, тихо пробираясь,
В уединенный сходит сад.
Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.

Или:

Но поздний жар уж не остынет
И с жизнью лишь его покинет.
Не серна под утес уходит,
Орла слыша тяжкий лет...

Так, членение строфическое или синтаксическое для Пушкина было достаточно, чтобы прекратить действие чередования рифм. Обратное — нарушение такого чередования всегда свидетельствует о членении произведения на более мелкие группы.

Однако в отдельных случаях закон чередования соблюдался Пушкиным и в переходах от строфы к строфе. Этот закон соблюдался автоматически, если первый и последний стих строфической группы имели разного рода окончания, например, строфа начиналась женским стихом, а кончалась мужским, или наоборот (строфы «Воеводы», «Кавказа»). Но в иных случаях по закону чередования рифм строфа замыкалась стихом того же окончания, что и начальный стих. Таковы, например, октавы. Тогда для соблюдения закона чередования в двух соседних строфах роды окончания обменивались своими местами, т. е. на месте мужского стиха оказывался женский и наоборот. Так написан «Домик в Коломне». Между тем у Пушкина до этого были октавы, в которых закон чередования не переходил границы строфы и где каждая октава одинаково начиналась и заканчивалась женским стихом («Кто видел край, где рокошью природы...»).

Пользуясь разными формами рифмовки (смежной, перекрестной, охватной), удаивая рифму (*rimes redoublées*), поэт создавал определенную конфигурацию стихов, повторение которой определяло рифменную формулу строфы. В описании отдельных строф всегда приходится начинать как с основного признака — с последовательности рифм внутри строфы.

тельных стиха, рифмующих между собой; но две последовательные смежные рифмы, т. е. четыре стиха, из которых два первых — на одну рифму, а два последних — на другую, разрушают систему, а следовательно, и строфу. Строфы на религиозные, философские и элегические сюжеты называются стансами, а в песнях — куплетами (*Maurice Grammont. Petit traité de versification française. Paris, 1908, стр. 78*). Это определение очень характерно по тому даже несколько мелочному отношению к рифмовым комбинациям, создающим строфу. Неясно только, как следует понимать слово «полная» (система рифм). М. Граммон разумеет не только то, что не должно быть общих рифм у двух строф, но и то, что строфа не должна «разниматься» на части с замкнутой рифмовкой. Например, строфу В. Гюго *AbAbCCCCdEEEd* («Наполеон II») он называет «в действительности сочетанием двух строф из четырех и восьми стихов». Этот ригоризм не имеет оснований. Если быть строго последовательным, то можно дробить строфу Гюго на группы в 4, 3 и 5 стихов, из которых ни одна не имеет с соседней общих рифм, но тогда придется отрицать существование сложных строф, обильно представленных во французской поэзии, например классической одической строфы *AbAbCCdEEEd*, которую тоже можно рассматривать как сочетание четверостишия и канонического шестистишия. Вот почему терминам «полнота» или «замкнутость» рифмовки я предпочитаю термин «цикличность».

Возможно построение строфы на основе одной каталектики (последовательности разного рода окончаний), даже при отсутствии рифмы. Примеры этого у Пушкина наблюдаются в хорейских строфах.

3

Вторым признаком структуры строфы является определенная последовательность в ней стихов разного размера. В общем случае это сочетание стихов одного рода стопы, но с разным числом стоп. Таковы стихи:

Романов и Зернов лихой,
Вы сходны меж собою:
Зернов! хромаешь ты ногой,
Романов головою.

Но в редких случаях мы имеем объединение в строфе стихов различного рода. Например:

Внимает он привычным слухом
Свист;
Марает он единым духом
Лист...

Односложные четкие стихи, конечно, не соразмерны ямбическим нечетным строчкам.

Таковы же куплеты эпиграфа «Пиковой дамы», писанные в подражание песне Рылеева:

А в ненастные дни
Собирались они
Часто,
Гнули — бог их прости! —
От пятидесяти
На сто...

Двухсложные стихи хорейского типа, замыкающие трехстишия, не однородны с анапестами полных стихов.

Для строфических групп неравностопных характерны два случая:

1) смена размеров совпадает с системой рифмовки, т. е. равные стихи рифмуются между собой;

2) смена размеров не совпадает со сменой рифм.

Первый случай обычнее, особенно в четверостишиях.

Отметим следующие тенденции в расположении рифм и размеров разной длины.

При смешении мужских и женских стихов обычно строфическая группа замыкается мужским стихом (приблизительно $\frac{3}{4}$ всех случаев).⁴

При смешении неравных стихов обычно строфическая группа замыкается коротким стихом (90%).

⁴ Это отмечалось уже в литературе. В частности, в «Метрическом справочнике к стихотворениям А. С. Пушкина» говорится: «В строфах со смешанными клаузулами (т. е. с перемежающимися мужскими, женскими и прочими окончаниями) наблюдается интересная тенденция заканчивать строфу мужским стихом: из 5212 строк 3568, т. е. около 68%, заканчивается таким образом. Из 76 строфических типов, служащих для построения целых (равнострофических) стихотворений, 50 оканчиваются мужским стихом и всего 20 — женским» (Н. В. Лапина, И. К. Романович, Б. И. Ярхо. Метрический справочник к стихотворениям А. С. Пушкина. Изд. «Academia», М.—Л., 1934, стр. 36). На фоне общей тенденции к мужским клаузулам женские имеют особую стилистическую функцию, характерную, например, для элегических стихотворений Пушкина начала 20-х годов.

Но при этом характерно, что в таких случаях преобладающим окончанием является не мужское, а женское (около 60%).

Это явление вызывается стремлением к компенсации неравенства стихов, что отчетливо слышно в четверостишиях:

В дыму, в крови, сквозь тучи стрел
Теперь твоя дорога;
Но ты предвидишь свой удел,
Грядущий наш Квироса!

Или:

Тадарашка в вас влюблен
И для ваших ножек,
Говорят, заводит он
Род каких-то дрожек.

Здесь четные стихи по числу стоп короче нечетных, но зато четные стихи обладают лишним неударным слогом, который и компенсирует различие в длине строк.⁵

Соединение строк разной длины обычно в одической традиции. Встречается оно в песнях и в балладах. У Пушкина из шестидесяти различных строфических форм около трети построено на неравностопных стихах.⁶

4

Третий признак, определяющий единство строфы, это — ритмико-интонационная замкнутость. Этот признак является и определяющим и в то же время подчиненным.⁷

Определяющим он является потому, что в речевом отношении строфа равносильна периоду прозаической речи, условно говоря, «абзацу». Но это сказывается только в общей тенденции к синтаксической замкнутости строфы. Точно так же и каждый отдельный стих представляет собой замкнутую речевую единицу — предложение или более или менее обособленную часть предложения.

Но эта тенденция реализуется в системе некоторых метрических и рифмовых признаков, которые вообще и являются жесткой приметой единства строфы. Поэтому возможен перенос (enjambement) между стихами, и

⁵ Уточняя механизм этой компенсации, можем сказать, что она происходит не столько за счет неударного последнего слога, сколько за счет последнего ударного, получающего большую протяженность, когда за ним следует неударный слог. Поэтому можно утверждать, что трехстопный ямб в строго строфическом смещении с четырехстопным звучит иначе, чем в стихотворении чистого трехстопного ямба.

⁶ Примером строф, построенных исключительно на сочетании стихов разного размера, без участия рифмы, являются русские подражания античным строфам. Для Пушкина имеет значение из этих форм только элегический дистих.

⁷ М. Граммон, останавливаясь на вопросе о синтаксической замкнутости строфы, отрицает ее как условие образования строфы. Он пишет: «Когда-то строфа заключала в себе законченный смысл, развитие которого завершалось в пределах рифмовой системы. Так наблюдается чаще всего до нашего времени; но это не является необходимым условием, и наши великие лирические поэты не считали этого ненарушимым правилом» (Maugice Grammont. Petit traité de versification française, стр. 78—79). М. Граммон упускает из виду, что есть разница между ненарушимым правилом и нормой. Он мотивирует свое положение наличием редких строфических переносов, не задумываясь над тем, что самое понятие «перенос» не могло бы возникнуть, если бы не было нормы в совпадении ритмических и интонационно-синтаксических членений речи. Будучи последовательным, он отрицает право именоваться строфами за восьмистишиями типа *AbAbCdCd*.

так же возможен и перенос между строфами. Примеры этому есть у Пушкина. Так, в «Вольности» читаем:

Где всем простерт их твердый щит,
 Где сжатый верными руками
 Граждан над равными главами
 Их меч без выбора скользит
 И преступленья свысока
 Сражает праведным размахом...

Здесь фраза, начавшаяся в IV строфе оды, кончается в первых строках V строфы, чему не препятствует даже такое сильное разграничение этих строф, как столкновение двух нерифмующих стихов мужского окончания на стыке соседних строф.

В данном случае этот перенос мало мотивирован и, по-видимому, не всеми воспринимался как законное явление. Недаром во многих списках оды последние два стиха читаются:

Где преступленья свысока
 Разится праведным размахом.

Это искажение пушкинского текста имеет целью разбить синтаксические единицы последних пяти стихов цитированного места и придать начальным двум стихам V строфы некоторую синтаксическую самостоятельность. По-видимому, перенос из строфы в строфу воспринимался как ошибка, которую необходимо поправить.

Известным примером строфического переноса является место из третьей главы «Евгения Онегина»:

И задыхаясь, на скамью

XXXIX

Упала...

Здесь перенос мотивирован как прием звукописи.

Таким образом, при наличии твердых метрических примет синтаксическое единство не определяет границы строфы.

Однако мы имеем ряд случаев, когда одна только ритмико-синтаксическая примета определяет единство строфы.

Подобно тому как единство стиха имеет внешнее графическое выражение в форме единства строки, точно так же и строфы имеют свои графические средства разделения. Если исходить из этих внешних примет выделения строфы, то мы заметим, что среди строф, насчитывающих по 8 стихов, имеется много таких, которые, с точки зрения конфигурации рифм, распадаются на два самостоятельных четверостишия перекрестной рифмовки. Таковы строфы стихотворений: «Романс» (1814), «Наполеон» (1821), «Чем чаще празднует лицей» (1831) и т. д.

Формально мы имели бы право разлагать эти стихотворения на четверостишия. Но существо дела этому препятствует. То, что автор сгруппировал эти четверостишия попарно, обязывает нас рассматривать эти стихотворения как писанные восьмистишиями. И действительно, в них после восьми стихов преобладают более глубокие синтаксические разделы, чем после четвертых. Для Пушкина строфической единицей было сочетание из 8 стихов, которое, конечно, так же распадалось на два четверостишия, как четверостишия в свою очередь распадалось на два двестишия.

В дальнейшем мы увидим, что Пушкин различно относился к такой синтаксической группировке четверостиший в более крупные строфические

единицы, но в целом ряде стихотворений отчетливо это членение не на четверостишия, а на восьмистишия.

Перечисленные признаки позволят нам отличить строфическую форму от астрофической и выделить строфическую группу, равно как и найти ей место в классификации.

5

Следует отметить, что по сложившейся традиции не всякую строфическую группу стихов называют строфой, и за этим, может быть, есть своя доля основания, объясняемая не только капризом номенклатуры, но и существом дела.

Под строфой обычно понимают только более или менее крупную группу стихов. Если циклический закон распространяется на малое число стихов, то эти короткие группы не называются строфами. Вряд ли в этом случае имеется твердая номенклатурная традиция, и я позволю себе ввести условную номенклатуру, считаясь с обычным словоупотреблением.

Дело в том, что стихи естественно группируются, вообще говоря, парно. Поэтому, если цикл рифмового построения распространяется на пары стихов, то подобные циклы, как слишком короткие и осуществляемые как бы автоматически, никакой номенклатурой не фиксируются как формы строфические. Однако для двустиший мы будем различать три случая. Первый, наиболее обычный, это — смежная рифмовка александрийского стиха (*rimés plates*).

Эти чередующиеся пары мужских и женских стихов не членят произведения на группы, и александрийский стих смежной рифмовки представляет собой непрерывный поток стиховой речи, членимый только синтаксически. Тенденция к группировкам двустиший вообще в александрийском стихе этого образца у Пушкина не наблюдается. Произведения этого стиха одинаково начинаются как с пары мужских, так и с пары женских стихов (ср. «Безверие» или «К Овидию»), причем иногда оканчиваются тем же родом окончания, что и начинаются, т. е. содержат нечетное число двустиший («Послание цензору» начинается и кончается мужской парой стихов, «Желание славы» — соответственно женской парой). Такие стихотворения не разложимы.

Однако могут быть и случаи, когда пары стихов систематически образуют группы, например четверостишия смежной рифмовки («Ворон к ворону летит...», «Туча»). Синтаксические группировки двустиший в этих стихах заставляют нас рассматривать их как писанные четверостишиями.

Но особый случай представляет собой стих «Черной шали». Это произведение разбито на двустишия, резко отделенные друг от друга. Концы двустиший представляют собой совершенно замкнутую единицу в тематическом и синтаксическом отношении. Двустишия равнозначны песенным куплетам. Недаром Пушкин публиковал ее под названием «Молдавская песня».

Это произведение следует рассматривать как строго строфическое, несмотря на исключительную короткость строфических единиц. Строфическая форма данной «Молдавской песни» показывает, в среде какой литературной традиции зародился замысел данного произведения. Четырехстопный амфибрахий мужского окончания — размер исключительный как для Пушкина, так и для русской поэзии вообще. Поэтому можно безошибочно определить происхождение данной формы.

«Черная шаль» Пушкина датирована 14 ноября 1820 года. В феврале того же года в «Невском зрителе» появилось стихотворение Жуковского

«Мщение», писанное таким же размером (написано оно было еще в 1816 году, но Пушкин, по-видимому, узнал его в печати).

Изменой слуга паладина убил:
Убийце завиден сан рыцаря был.

Свершилось убийство ночью порой —
И труп поглощен был глубокой рекой.

Стихи Жуковского не оригинальны. Они представляют собой перевод из Уланда («Die Rache»). Однако размер русского перевода не воспроизводит точно немецкого оригинала. Переводчик сохранил парное строфическое построение и постоянство мужских окончаний. Но размер, четырехстопный амфибрахий, является выровненной передачей четырехударного акцентного стиха немецкого подлинника:

Der Knecht hat erstochen den edeln Herrn,
Der Knecht wär' selber ein Ritter gern.

Er hat ihn erstochen im dunkeln Hain
Und den Leib versenket im tiefen Rhein.⁸

Ясно, что «Черная шаль» восходит не к немецкому оригиналу, а к его русской интерпретации.

Зависимость «Черной шали» от «Мщения» очевидна. Между этими произведениями налицо и тематическая переключка. Так, второе двустишие «Мщения» предопределяет двустишие «Черной шали»:

Мой раб, как настала вечерняя мгла,
В дунайские волны их бросил тела.

Таким образом, проблема создания песни на основе «местного колорита» Молдавии разрешалась Пушкиным в духе баллад Жуковского.⁹

Стих «Черной шали» не вполне уединен в творчестве Пушкина. Но во всех других случаях двустишия сочетаются в более крупные строфические единицы, да и происхождение их, по-видимому, иное.

Не считаются равносильными строфам и четверостишия. Объясняется это относительной короткостью стихотворной группы. С точки зрения рифмовки возможны только три основных типа построения четверостиший: перекрестные, охватные и смежные рифмы. Эта ограниченность комбинаций приводит к тому, что четверостишия вообще гораздо меньше индивидуализированы, чем комбинации большего числа стихов. Одни и те же комбинации применялись в весьма разнообразных стихотворных формах и родах. Таким образом, они не связаны с какими-нибудь жанровыми приметам, или, во всяком случае, эти жанровые приметы чрезвычайно широки и выбки. По-видимому, это и является причиной, что стихотворения, писанные четверостишиями, обычно не рассматриваются как состоящие из строф. Их именуют обычно стансами (во французском значении этого слова), хотя этимология этого слова (от итальянского stanza) и не

⁸ Уланд писал и другие баллады таким же размером, например «Siegfrieds Schwert». Вообще эта форма нередко встречается в немецкой поэзии. Жуковский тем же размером перевел из Уланда «Три путника» (1820).

⁹ Отличие стиха Пушкина от стиха Жуковского заключается в том, что Пушкин соблюдает цезуру после шестого слога (то же в других случаях применения данного стиха; ср. «Узник» и «Подражания Корану», IX). У Жуковского подобной цезуры нет.

оправдывает смыслового различия этого термина от термина «строфы».¹⁰ Это же распространяется и на пятистишия.

Характерной чертой строфы в узком смысле слова является ее индивидуальный характер. Так как комбинация в шесть стихов и выше (за малыми исключениями) по законам комбинаторных сочетаний повторяется очень редко, то каждая особая строфа в литературной традиции замыкается в пределах узкой сферы употребления. Она звучит индивидуально. В этом и есть существенное отличие строфы от станса.

Естественно, что должна существовать и верхняя граница строфы, определяемая пределом восприятия цикличности расположения строфических примет. Французские поэтики полагают такой границей 12 стихов. Однако строфа «Онегина» насчитывает 14 стихов и не кажется перегруженной. А. Шенье написал «Jeu de raime» строфами в 19 неравносложных стихов, но этот опыт, пожалуй, следует признать экспериментальным. Строфическое единство в этой оде Шенье на слух едва воспринимается. Чтобы уловить возврат рифм и размеров, необходимо выучить наизусть заранее структуру подобной строфы.¹¹

Вопрос о теоретическом пределе строфы не может здесь занять нашего внимания. Достаточно констатировать, что у Пушкина нет строф более чем в 14 стихов.

¹⁰ Этот термин вообще недостаточно усвоен поэтикой, и вокруг него часто возникают недоразумения. Образцом неразберихи, господствующей в ходовых представлениях, является следующий пассаж из популярной статьи, имеющей целью просветить начинающих поэтов: «Слово „станса“ происходит от латинского слова stanza, что означает на русском языке остановка или покой (отсюда станция). Термин взят по ассоциации и подчеркивает, что после каждой строфы получается как бы известный отдых, передышка — при переходе к новой строфе. Эта строфа зародилась в эпоху трубадуров во Франции. Трубадуры называли стансами небольшие песенки, которые можно было исполнять, не сходя с места. Впоследствии песенная основа стансов утерялась, а это привело к неясности и неопределенности термина. В немецкой поэзии его стали применять даже к октаве и к произведениям большого размера (от 4 до 12 строф). Несколько позднее стансами стали называть небольшие лирические произведения элегического характера. Такое понимание закрепилось в русской поэзии» («Литературная учеба», 1941, № 2, стр. 89, статья Ф. Головенченко «Строфы»). Оставляем на ответственности автора оригинальную этимологию слова, сообщения о трубадурах, о немецкой поэзии (напомню лишь, что октаву итальянцы всегда именовали stanza). Слово это проникло во Францию из Италии в середине XVI века, долгое время употреблялось как синоним «строфы» и лишь прикреплялось к жанрам, противопоставленным оде. Стансы как форма стихотворения установились с эпохи Малерба, и в несколько неопределенном значении слово это дошло до наших дней. Различие между терминами «строфа» и «станс» Ф. Мартинон, учитывая обычное словоупотребление, определяет так: «Ода и строфа более притязательны, чем стансы, и предполагают более восторженный лиризм и иногда, но не обязательно, более длинные группы стихов. С другой стороны, стихотворения элегические или развивающие моральные или философские идеи и не превосходящие шести стихов обычной одной меры будут, очевидно, стансами» (Ph. Martinon. Les Strophes. Etude historique et critique sur les formes de la poésie lyrique en France depuis la Renaissance. Honoré Champion, éditeur, Paris, 1911, стр. 456). Попытка разграничить стансы от строф тем, что в стансах запрещен строфический перенос, основывается на определениях словарей, исходящих из этимологии слова (stanza по-итальянски — комната, помещение). Как раз в Италии этот термин с подобным запретом не считается. Автор цитируемой статьи заимствовал свои сведения, очевидно, в книге Н. Н. Шульговского «Теория и практика поэтического творчества» (СПб., 1914, стр. 414) и в «Литературной энциклопедии». По дороге немецкая поэтика превратилась в немецкую поэзию, а «количество стихов» в строфе в число «строф» в произведении.

¹¹ Ф. Мартинон в своей книге «Les Strophes» пишет по поводу оды Шенье: «Какое же здесь единство, и мог ли думать поэт хоть одну минуту, чтобы нашлось человеческое ухо, способное следить за ритмом столь странным, еще усложненным непрерывным разногласием рифм и размеров?» (стр. 425).

Следует отметить, что к области строфики относятся и явления так называемой «твердой формы», т. е. однокуплетных произведений, построенных по заранее определенному образцу. Для Пушкина вопрос о твердой форме ограничивался формой сонета.

Особое место в классификации строф занимает цепная форма терцин, дважды примененная Пушкиным.

6

В собственном творчестве Пушкина мы не замечаем такого разнообразия строфических форм, которое характерно для некоторых поэтов конца XVIII века и даже для отдельных его современников. В этом отношении Пушкин был классиком в строгом смысле этого слова. Поиски причудливых строф не были предметом его творческих заданий. Поэтому мы имеем у него сравнительно ограниченный репертуар циклических форм стихотворений.

Преобладающей формой его являются короткие стансы — четверостишия. При этом и поле применения этих форм сравнительно ограничено. В метрических формах Пушкин также никогда не увлекался изобретательством (в этом отношении резким контрастом по отношению к нему были такие поэты, как Дельвиг или Катенин).

Господствующими метрами Пушкина были ямбы (четырёх- и шести-стопные) и несколько реже — хорей.

Но любопытно, что не реже, чем стансы равностопные, Пушкин употреблял стансы, построенные на комбинациях стихов разного числа стоп. Это одинаково замечается как в ямбе, так и в хорее.

Из других размеров едва ли не единственным, применяемым Пушкиным в строфических формах, был амфибрахий. Трехсложные размеры занимают особое положение в истории русского стиха, особенно до 30-х годов. Особое положение они занимают и у Пушкина. Естественно, что нам придется рассматривать амфибрахические строфы особо от ямбических и хорейских.

Что касается строф в узком смысле слова, то у Пушкина доминируют строфы в шесть и восемь стихов. Имеется только один случай семистишной строфы, относящийся к лицейскому периоду, это «Делия» («Ты ль передо мною...»). И здесь мы имеем преимущественно ямбические и хорейские формы — как равностопные, так и смешанные.

Десятистишия у Пушкина исключительно редки. Классической одической строфой он воспользовался только два раза, причем в одном случае в порядке пародирования архаической оды. Лишь два стихотворения («Бородинская годовщина» и «Опытность») написаны десятистишиями, не повторяющими классической канонической строфы оды (*AbAbCCdEEEd*).

Из более длинных строф Пушкин употреблял только одну строфу — онегинскую, им самим изобретенную. Эту строфу следует изучить отдельно от других.

7

Из предыдущего явствует, что в строфических произведениях существенно важной чертой является индивидуальный характер строфы. Строфа является своеобразным ритмико-мелодическим рисунком. Совершенно естественно, что более или менее развитая строфа обладает своеобразным эмоционально-тематическим наполнением. Отсюда естественно, что в большинстве случаев строфа прикрепляется к определенному жанру

или его подразделению. Из обзоров строфических форм у Пушкина мы убедимся, что для него строфическая индивидуальность стиха всегда сопровождалась определенным тематическим и жанровым наполнением.

Достаточно привести два примера. В Лицее Пушкин написал прихотливой строфой «Воспоминания в Царском Селе». Эта строфа настолько ассоциировалась в его представлении с темой Царского Села, что когда он в 1829 году, через пятнадцать лет, снова вернулся к той же теме и написал новые «Воспоминания в Царском Селе», он вернулся и к старой строфе.

Точно так же строфа «19 октября 1825 года» («Роняет лес багряный свой убор...») до мельчайших деталей воспроизводится в стихотворении «19 октября 1836 года» («Была пора: наш праздник молодой...»). Повторение было до того полное, что Пушкин, начиная с 1830 года отказавшийся от цезуры в пятистопном ямбе, здесь снова вернулся к ней, чтобы ни в чем не уклониться от образца 1825 года. Так тема лицейской годовщины связывалась у Пушкина с определенной строфической формой.

Можно даже сказать, что строфа есть сама по себе некоторый лирический или эпический жанр (или поджанр), т. е. произведения, объединяемые одинаковостью строф, представляют собой некоторую жанровую общность.

Жанровая общность есть сложное историческое явление. Приметой жанра могут быть разные компоненты художественного произведения в различной их комбинации.

Поэтому и строфа наполняется разным конкретным содержанием в зависимости от исторических условий ее применения. Нельзя а priori очертить круг явлений, анализом которых следует заняться в первую очередь, чтобы охарактеризовать индивидуальность строфы. Эта индивидуальность диктуется для одной строфы одним, для другой — другим. Характеристика строфы не замыкается в определенную форму интонации, ни в известную конфигурацию ритмов. Для художника и ритм и интонация в строфическом оформлении есть явления значащие, т. е. выражающие целый ряд оттенков мысли, чувства, настроения, отношения к внешнему миру, движения темы, композиции произведения и т. д. Достаточно вспомнить правила сонета о выборе и расчленении темы, о подборе слов, чтобы понять, какими иной раз неожиданными чертами может характеризоваться тот или иной частный вид строф. Еще отчетливее заметно это на строфах эпических произведений. Октавы Ариосто и Тасса вызывают в представлении поэта целый мир фантастических образов с их характерным колоритом. Октавы Байрона и английских поэтов переносят нас в сферу романтической иронии и весьма специфического по своим свойствам сюжета шуточной повести с своеобразным построением, где сюжет утопает в литературно-полемических отступлениях.

Таким образом, охарактеризовать природу строф вообще нет возможности. А в беглом обзоре строфики Пушкина это невозможно и в частности, так как описание свойств каждой отдельной строфической формы, с учетом свойственной Пушкину ее особенности, характерной для его произведений, составило бы для каждой строфы предмет особого этюда. Поэтому мы принуждены пользоваться иными средствами, заменив анализ особенностей строфы конкретным указанием на круг произведений, с которым он связан. Самые названия произведений уже показывают в дальнейшем конкретно на характер жанра, определяемого строфой.

Всякий жанр определяется традицией, т. е. присутствующим у художника сознанием принадлежности его произведения к уже существовавшему ранее кругу других произведений. Чем уже или дробнее жанр, тем

конкретнее в сознании поэта круг произведений, определяющих жанр.¹² Вот почему характеристика жанра совпадает с определением его ближайшей генетики. Чем конкретнее и полнокровнее воспринимается строфа, тем более примеров контакта между отдельными произведениями, связанными общностью строфы.

Наличие этой общности так же не свидетельствует о «заимствовании», «подражании», как об этом не свидетельствует и принадлежность произведения к более широкому жанру. Дело идет не о подражательности, а о литературном фоне, на котором развиваются новые явления литературы, оригинальность которых нисколько не ущерблена существовавшей до них традицией в литературе. Это соотношение между литературной оригинальностью и литературной традицией выразил Пушкин в словах: «Обряды и формы должны ли суеверно поработать литературную совесть? Зачем писателю не повиноваться принятым обычаям в словесности своего народа, как он повинуется законам своего языка? Он должен владеть своим предметом, несмотря на затруднительность правил, как он обязан владеть языком, несмотря на грамматические оковы» (черновой набросок письма по поводу «Бориса Годунова»).

Избрать строфу значит овладеть языком данной строфы. Язык строфы определяется ее исторической судьбой, т. е. определенным образцом, писанным в данной форме.

Пушкин крайне редко обращался к строфическому изобретательству и отлично владел художественным наследием прошлого; можно заранее заключить, что, обращаясь к той или иной строфической форме, Пушкин заранее воспринимал ее в круге жанровых, эмоциональных и тематических ассоциаций с другими произведениями, в которых эта строфа уже употреблялась. Как писались стихи на голос, так же они писались и на строфические мотивы. Иногда это даже совпадало. Так, «Рефутация г-на Беранжера», распевавшаяся на определенный мотив, в силу этого восприняла и строфу песенки Дебро.

Литературная традиция никогда не связывала оригинальности творчества Пушкина. Основная черта его творчества это — то, что он умел быть оригинальным именно тогда, когда продолжал традицию. Поэтому-то его поэзия так крепка корнями в прошлом и тем не менее всегда обращена в будущее.

Мы уже видели на примере «Черной шали», как строфа, избранная Пушкиным, обнаруживает литературную традицию, от которой он отправляется. И в этом смысле весьма показательны литературные традиции, на которых основаны строфические формы Пушкина.

Источником строфических форм Пушкина является прежде всего русская поэзия XVIII и начала XIX века.

Однако прямо или косвенно на выборе строф отразились и западные традиции. Естественно, что в первую очередь эти традиции следует искать во Франции. Существуют издавна освященные обычаем законы соответствия между силлабическим стихом французов и русским стихом. Согласно этой традиции четные стихи французов передаются русским ям-

¹² Конечно, в разных положениях находились поэт XVIII века, писавший десятистрочной одической строфой, представленной неисчерпаемым числом образцов, и Лермонтов, писавший «Казначейшу» онегинской строфой и потому заявлявший о существовании одного лишь своего предшественника:

Пишу Онегина размером.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

бическим стихом, а нечетные — хорейским.¹³ Отсюда ясно, что любая французская строфа могла быть адекватно передана русским стихом двухсложного размера. Строфические же традиции французской литературы обильны. Это в первую очередь разнообразные формы оды. Начиная с Малерба французская ода была отлично известна Пушкину. Оды Ж. Б. Руссо заучивались в Лицее и входили в литературное воспитание как высшие образцы классической лирики. Таковы же были и оды Лебена. Наконец, элегические оды сентиментальной лирики эпохи Империи не остались также без следа в творчестве Пушкина.

Наряду с одами следует учитывать и разнообразие французских стансов, в частности, стансов Вольтера. Известные стансы Сидевиллю («*Si vous voulez que j'aime epoque...*») Пушкин перевел, стараясь сохранить их строфическое своеобразие («Ты мне велишь пылать душою...»). Наконец, необходимо учитывать и возможность передачи богато представленных во Франции форм песни.

Любопытно, что, отразив в своем творчестве классическое наследие французской литературы, Пушкин решительно отбрасывал все доклассические формы французской лирики, вроде триолетов, рондо и т. п.¹⁴ Эти литературные «забавы», дискредитированные в достаточной степени к началу XIX века, казались Пушкину недостойными внимания, хотя старшие карамзинисты не отказывались от их воспроизведения. Заодно с триолетами Пушкин долгое время отрицал и сонеты, пока не пересмотрел этого вопроса под натиском романтической поэзии на Западе и в России. Менее органичны влияния других культур. Немецкие и итальянские строфы, встречающиеся у Пушкина, по-видимому, проникали к нему только при посредстве русских имитаций. К концу 20-х годов источником некоторых строфических форм являлась английская поэзия, но сфера ее влияния довольно ограничена. Кроме того, английские стихотворения не давали возможности адекватно передавать их в русских стихах, еще связанных с классической традицией. Поэтому передача английских форм является одновременно и их приспособлением. Наконец, польская поэзия дала Пушкину строфу «Будрыс и его сыновья».

8

Приступая к обзору реального материала строф Пушкина, мы должны отметить сложность вопроса о классификации материала. Строфа является комбинацией различных признаков. Здесь присутствуют и признаки объема, и признаки конфигурации рифм и сочетания размеров, и признаки жанра и литературной традиции, и, наконец, степень оригинальности того или иного сочетания стихов в строфе. Вряд ли хоть один из этих признаков является одинаково доминирующим во всех строфических формах. А следовательно, мы лишены единого логического признака деления. Да и надо признать, что логические основы классификации, примененные к жизни исторических явлений, всегда несколько искажают картину дей-

¹³ А именно двенадцатисложник (alexandrin), десятисложник и восьмисложник соответственно передаются шести-, пяти- и четырехстопным ямбом, семисложник — четырехстопным хореем (см. у Пушкина переводы из Шенье «Близ мест, где царствует...», из «Девственницы» Вольтера, из его же стансов «Ты мне велишь...», а также «Прозерпину» из Парни).

¹⁴ Эти формы культивировались французскими поэтами до Плеяды. Плеяда дает уже классические формы строф. Беглый очерк строфической реформы, произведенной в эпоху Маро и Ронсара, см. в книге: Ph. Martinon. Les Strophes.

ствительности, в которой всегда присутствуют сложные связи, ускользающие от сетки логической рубрикации. Естественнее всего было бы вести изложение хронологически, но этому препятствует, с одной стороны, природа материала, создающая большие неудобства при переходе от явлений одной формы к явлениям совершенно другого характера, а с другой стороны, препятствует то, что исследуемый материал далеко не охватывает всего творческого наследия Пушкина. Поэтому я позволю себе расположить материал по метрическим признакам. Это превратит изложение в ряд коротких этюдов об отдельных строфических формах Пушкина. Сам материал покажет, как Пушкин обращался с разными строфическими формами.

Естественно, что все отдельные случаи мы должны осознавать на фоне общей эволюции творческого пути Пушкина. Поэтому я не задерживаюсь на характеристике литературной функции данного произведения в творчестве Пушкина, заранее предполагая известным как творческий образ Пушкина вообще, так и его эволюцию и связь называемых здесь произведений с общей проблематикой творчества Пушкина и его путей.

Привлечение всех этих материалов в изложение привело бы к необходимости делать обширные экскурсы в сторону от поставленной задачи — описания и систематизации строф, употребляемых Пушкиным.

9

По метрическим признакам выделим в первую группу ямбические строфы Пушкина. Среди них сначала обратимся к коротким строфам или стансам. В свою очередь эти короткие строфы будем подразделять на равностопные и неравностопные.

Наименьшей длиной равностопных ямбических стансов Пушкина являются четверостишия.

Мы уже говорили, что двустишия классического типа александрийского стиха нельзя рассматривать как строфическую форму. Этот александрийский стих представлен преимущественно в раннюю пору деятельности Пушкина и является прямым наследием XVIII века. Александрийский стих удобнее изучать не со строфической, а с метрической точки зрения.

Итак, обратимся к четверостишиям ямбического размера. Естественно, что наибольшее число таких четверостиший писано четырехстопным ямбом. Это преимущественно четверостишия перекрестной рифмовки, замыкаемые мужским стихом формулы $AbAb$ ¹⁵ (44 случая). Сюда относятся из ранних стихов Пушкина «Старик» (1814?), из позднейших «Я помню чудное мгновенье...», «Цветок засохший, безуханный...», «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» и др. Подобные стансы наиболее характерны для 20-х годов. Последние стихотворения такого рода писал Пушкин в 1830 году («В часы забав...» и Постскрипtum к «Моей родословной»).

Близки к этому же типу четверостишия обратного чередования рифм, т. е. замыкаемые женским стихом, по формуле $aBaB$ (16 случаев). Сюда относятся «Аквилон», «Анчар» и др.

Обе формы перекрестных четверостиший четырехстопного ямба не имеют точного прикрепления к определенному лирическому жанру. Это

¹⁵ В этих формулах — строчная буква изображает мужскую рифму, прописная — женскую.

вообще «лирические стихотворения», самого разнообразного содержания, характерные именно для 20-х годов пушкинской лирики. В этом отношении любопытно одно исключение. На годы после 1830 падает только одно стихотворение. Оно написано по формуле *aBaB*, т. е. с женским окончанием последнего стиха. Оно имеет определенный жанровый характер. Это баллада «Гусар». По-видимому, в 30-х годах эта форма перестала быть для Пушкина нейтральной, и он применяет ее в особой функции, резко отличая от тем лирики 20-х годов.

Искать исторические корни подобных форм не приходится. Подобные перекрестные четверостишия четырехстопного ямба были широко распространены во всей лирике 20-х годов. Формы эти не были новыми. Уже Ломоносов культивировал четверостишные ямбы в «Одах духовных», лирико-медитативный характер которых определил употребление подобных размеров в дальнейшем развитии русской поэзии. Спорадически этот размер встречается почти у всех поэтов XVIII века, но получает особое распространение только в XIX веке, в связи с жанровым перераспределением лирики и отмиранием канонических лирических форм, культивировавших иные размеры и строфы.

Среди четверостиший Пушкина особое место занимают охватные формы *aBba*. Такой формой стансов написаны два стихотворения: «Храни меня, мой талисман...» (1825) и «19 октября 1827». Любопытно, что в обоих стихотворениях имеются тематические повторения целых стихов. В первом начальный стих первой строфы является замыкающим для всех остальных строф; во втором оба четверостишия начинаются одинаково: «Бог помощь вам, друзья мои...». Впервые эта форма появляется в «Руслане и Людмиле» (песнь IV), где три строфы с однообразно замыкающим стихом — «Приди, о путник молодой» — обрамлены повторенной строфой рифмовки *aBaB* («Ложится в поле мрак ночной...»). Во всех случаях однообразно выдержана форма четверостиший, начинающихся и замыкающихся мужским стихом, т. е. нарушающих чередование при переходе от строфы к строфе. С чередованием (т. е. по формуле *aBba AbbA* и т. д.) строфа эта применена в стихотворении 1821 года «Десятая заповедь». В стихотворении «Что в имени тебе моем?..» трижды повторенная строфа *aBba* (без чередования) замыкается строфой *aBaB*.

Примером парной рифмовки по формуле *aaBB* являются строфы из «Полтавы» (1828): «Кто при звездах и при луне...». Того же строя стихотворение «Не знаю где, но не у нас...», но без графического разделения на четверостишия.

Среди четверостиший других ямбических размеров мы имеем у Пушкина представленные единичными стихотворениями формы перекрестной рифмовки по формуле *AbAb* (последний стих мужской). Стихотворение «Погреб» лицейского периода писано трехстопным ямбом и примыкает к формам эпикурейской или анакреонтической лирики,¹⁶ и стихотворение «Там у леска...» писано пятистопным ямбом, являвшимся в эти годы

¹⁶ Образцов подобной строфы в поэзии начала XIX века много. Вот, например, послание Вяземского «К Перовскому» (1811):

Прощаясь в час разлуки,
Ты пей, чтоб грусть топить,
Дорогой пей от скуки,
На месте — пей, чтоб пить.

Подобным размером Ломоносов переводил Анакреона.

приметой оссианической и элегической лирики. Кроме того, той же строфой, но без графического разделения писана элегия «Не спрашивай...» (1817).

Затем мы имеем перекрестную формулу *aBaB* (последний стих женский) в стихотворении «Коварность» (1824) пятистопного ямба (без графического разделения) и в двух стихотворениях шестистопного ямба: «Нет, нет, не должен я, не смею, не могу...» (1832) и во фрагменте «Чу, пушки грянули!..» (1833).

Особой структуры строфа «Певца» (1816). Это четверостишие пятистопного ямба охватной рифмовки *aBba*, с присоединением начальных слов строфы. Все рефрены однообразно построены в форме вопроса: «Слышали ль вы?», «Встречали ль вы?», «Вздохнули ль вы?». Сложность построения усугубляется повторением в каждой строфе второй строки:

Певца любви, пеаца своей печали

Таким образом, все женские рифмы в стихотворении одинаковы.¹⁷

Хотя нам и не известен прототип подобной строфы и, следовательно, можно предположить, что она изобретена Пушкиным, но все эти повторения явно тяготеют к форме романа. Повторение начальных слов строфы в качестве припева мы находим, например, в «Стансах» И. И. Дмитриева:

Я счастлив был во дни невинности беспечной,
Когда мне бог любви и в мысль не приходил:
О возраст детских лет! почто ты был не вечный?
Я счастлив был.

Разница та, что у Дмитриева этот припев сам является рифмующим стихом четверостишия. Подобное повторение начальных слов без рифмы является канонизованной формой французского рондо. Всякого рода повторения вообще свойственны песням и романсам.

Вот пример одного из таких романсов, близких по структуре к пушкинскому, «*Les Adieux d'une bergère*» Мильвуа:

Adieu vous dis, fleur tendre et solitaire,
Qu'en mon enclos je cultivais jadis.
Pour votre emploi, ne le soupçonnais guère:
Ne vous connus que quand je vous perdis.
Adieu vous dis.

Начальные слова, рефрен и заключительное слово четвертого стиха повторены в каждой строфе (всего в романсе пять куплетов). Аналогично построен весьма популярный в свое время романс Купиньи «*Il est trop tard*» (1799), и вообще эта фактура характерна для сентиментального романа эпохи Консульства и Империи.¹⁸

¹⁷ См.: В. Жирмунский. Композиция лирических стихотворений. Пгр., 1921, стр. 63.

¹⁸ Характерно, что Пушкин избрал и размер стиха (пятистопный ямб), свойственный этому роду романсов (французский декасиллаб). В данных французских романсах рифмуются стихи по формуле *AbAb* и рефреном является первое полуступище первого стиха 4 слога (как и в «Певце»). Этот рефрен иногда рифмует с мужскими стихами куплетов, и тогда все эти стихи на протяжении всего романа имеют общую рифму (романс Мильвуа, романс «*M'aïmeras-tu*»), иногда же он оставался без рифмы, как и у Пушкина (романс Купиньи). Некоторые из романсов той же фактуры имеют, подобно «Певцу», охватные рифмы, но обычно с обратным расположением мужских и женских окончаний (что при нерифмующем рефрене неизбежно по закону чередования), например, романс Купиньи «*Fleur de beauté*» и его же «*Il est à lui*» (в обоих романсах — постоянный рефрен, повторяющий начальные слова первого куплета):

10

Значительно разнообразнее форма стансов, построенных на сочетании ямбических стихов разных размеров.

Наиболее употребляемой из всех подобных размеров является форма, в которой сочетаются чередуясь шести- и четырехстопные ямбы, рифмуемые по формуле *aBaB* (последний стих — женского окончания). Если оставить в стороне лицейский мадригал «К. А. Б.», который только случайно воспроизводит данную конфигурацию стихов, мы получим цикл стихотворений, очень близких друг другу по эмоционально-тематическому характеру. Это — «Под небом голубым...» (1826), «Воспоминание» (1828), «На холмах Грузии...» (1829). Несколько в стороне от этих стихотворений стихи, обращенные к Гнедичу, «С Гомером долго ты беседовал один...» (1832). По-видимому, там же строфа в недоработанном фрагменте «Ты просвещением свой разум...» (1834).

Структура этой строфы имеет особенности. Деление на четверостишия проведено не отчетливо. Во всяком случае, Пушкин не разделял эти стихи графически на отдельные четверостишия и давал сплошным потоком. Тем не менее синтаксическое членение именно на четверостишия достаточно ясно.

Строфы эти не изобретены Пушкиным. На правильной смене двенадцати- и восьмисложных стихов (соответствующих шести- и четырехстопному ямбу) построены так называемые французские «ямбы», особенно ставшие популярными после появления в 1830 году книги «Ямбов» О. Барбье.¹⁹ Предшественником Барбье явился А. Шенье, написавший несколько «ямбов» таким же размером. Один из этих ямбов Пушкин цитировал в примечаниях к элегии «Андрей Шенье».

Comme un dernier rayon, comme un dernier zéphyre
Anime la fin d'un beau jour,
Au pied de l'échafaud j'essaye encor ma lyre.
Peut-être est-ce bientôt mon tour.

Il est à lui pour jamais, sans partage,
Au noble ami qui l'aura su charmer,
Ce coeur timide, et qui voudrait aimer
Sans l'asservir, doucement s'il l'engage,
Il est à lui.

Встречались и другие системы рифмовки четверостишия (см. «La Clé du Caveau», изд. 3-е, стр. 140, 177, 178; здесь названо тринадцать романсов данного строя с легкими вариациями, все — эпохи Империи, все распевавшиеся на модные мотивы Бланджии и других композиторов). Ср. романс Вяземского 1817 года, воспроизводящий структуру французских романсов этого типа, но далекий от них по содержанию и тону:

Как трудно жить в мудреной школе света:
Садись впросак, или сажай впросак.
Жизнь мастерство; и мастер в ней не всяк,
Кто не сказал, ума спросяся совета,
Как трудно жить!

Все куплеты однообразно кончаются рефреном: «Как трудно жить», но в начальных стихах куплетов эти слова не повторяются.

¹⁹ М. Граммон так определяет термин «ямб»: «Это — стихотворение, в котором двенадцатисложные стихи последовательно чередуются с восьмисложными; рифмы перекрестные, так что стихотворение на деле состоит из четверостиший. Пределы стихотворения не ограничены... Ямб стал жанром после А. Шенье и О. Барбье» (M. Grammont. Petit traité de versification française, стр. 85).

Но не эти ямбы были источником пушкинской строфы. Ямбы Шенье и Барбье имели своим предшественником эподы Горация:

Beatus ille qui procul negotiis
Ut prisca gens mortalium
Paterna rura bobus exercet suis.
Solutus omni fenore.

Но в свою очередь, переводя латинские метры на французскую строфу, Шенье обратился к уже существовавшему во Франции образу, не связанному с сатирическими ямбами Горация. У Шенье и Барбье сатирический тон горацевых ямбов возобладал в качестве окраски данной строфы. Эта сатира совершенно отсутствует в элегических стихах Пушкина. Но если мы обратимся к французскому прототипу строфических построений Шенье и Барбье, мы установим правильную генеалогию пушкинской строфы. Я имею в виду знаменитую предсмертную оду Жильбера «Ode imitée de plusieurs psaumes» (1780), известную под названием «Прощание с жизнью».²⁰

Особенно известна была строфа из этой оды:

Au banquet de la vie, infortuné convive,
J'apparus un jour, et je meurs:
Je meurs, et sur ma tombe, où lentement j'arrive,
Nul ne viendra verser des pleurs.

В элегической лирике конца XVIII века и начала XIX века ода Жильбера послужила предметом многочисленнейших вариаций и подражаний, чему способствовала и поэтизация биографии Жильбера. Имеются реминисценции из этой оды и у Пушкина. Они неоднократно отмечались. Это известные стихи из лицейского послания А. М. Горчакову (1817):

Мне кажется: на жизненном пиру
Один с тоской явлюсь я, гость угрюмый,
Явлюсь на час — и одинокий умру.
И не придет друг сердца незабвенный
В последний миг мой томный взор сомкнуть...²¹

Другая строфа этой оды, тоже часто цитируемая, отразилась в другом стихотворении Пушкина той же поры. Жильбер писал:

Salut, champs que j'aimais, et vous douce verdure,
Et vous riant exil des bois!
Ciel, pavillon de l'homme, admirable nature,
Salut pour la dernière fois!

Пушкин ему вторил («Я видел смерть...», 1816):

Небес лазурная завеса,
Любимые холмы, ручья веселый глас,
Ты утро — вдохновенья час,
Вы, тени мирные таинственного леса,
И всё — прости в последний раз.

²⁰ Мартинов в своей книге «Les Strophes» (стр. 141 и сл.) излагает подробную историю этой строфы. Она изобретена Депортом в конце XVI века, но употреблялась очень редко.

²¹ Эти стихи имеют соответствие и с заключительными стихами оды Жильбера:

Qu'ils meurent pleins de jours! que leur mort soit pleurée!
Qu'un ami leur ferme les yeux!

Ср. замечания по поводу этой параллели в книге: В. В. Виноградов. Стиль Пушкина. Гослитиздат, М., 1941, стр. 165—166, прим. 2; ср. стр. 177.

В последнем примере любопытно и то, что два последних стиха воспроизводят ритмический рисунок оригинала.

Однако строфа Жильбера попала к Пушкину через посредников. Отмечу отличие французской строфы от пушкинской. У Жильбера, как и в ямбах Шенье и Барбье, нечетные стихи женские, а четные — мужские. Между тем у Пушкина мы имеем обратное явление. То, что на русском языке именно короткие стихи имеют женское окончание, объяснимо тем законом компенсаций неравных строк, о котором говорилось. Но если бы Пушкин непосредственно воспроизводил строфу французского оригинала, он бы, вероятно, не отступил в этом от подлинника. Недаром в последнем примере реминисценции из Жильбера он точно воспроизвел в трех последних стихах чередование мужских и женских стихов оригинала.²² Но у Пушкина в памяти было два русских образца перенесения строфы Жильбера в русскую поэзию. Первый из них — это «Выздоровление» (1807) Батюшкова:

Как ландыш под серпом убийственным жнеца
Склоняет голову и вянет,
Так я в болезни ждал безвременного конца,
И думал: Парки час настанет.²³

²² В русской поэзии имеются элегии, воспроизводящие последовательность рифм оригинала. Такова, например, элегия Мих. Дмитриева «Прошедшее»:

Нет! нет! не возратить погибших наслаждений!
Младенчество мое! где ты?..
Где юность резвая, век милых заблуждений,
И вы, крылатые мечты?..

(Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах, ч. I, изд. 2-е, СПб., 1821, стр. 315). И здесь магистральной темой является подведение жизненных итогов. Еще раньше, в 1800 году, тем же размером, как и М. Дмитриев, Востоков написал стихотворение «К богине души моей», но без рифм. У Пушкина аналогичный строй имеет шутивное четверостишие «Н. Д. Киселеву» (1828).

²³ К 1815 году относится другое стихотворение Батюшкова, писанное тем же размером, — «К другу»; по-видимому, и оно отразилось на формировании пушкинской строфы, как и «Выздоровление», с которым, впрочем, пушкинские стихи связывает лаконичность в развитии темы, совершенно отсутствующая в разнутом стихотворении «К другу». Однако одна тема стихов «К другу», возможно, отразилась на «Воспоминании»:

На нем, когда окрест замолкнет шум градской
И яркий Веспер засияет
На темном севере, твой друг в тиши ночной
В душе задумчивость питает..

Традиция этой строфы, по-видимому, от Батюшкова, была подхвачена до Пушкина еще Баратынским, например, в ранней редакции стихотворения «Делии» (1821):

Зачем нескромностью двусмысленных речей,
Руки всечасным пожиманьем,
Притворным пламенем коварных сих очей,
Для всех увлажненных желаньем,
Знакомить юношей с волнением любви,
Их обольщать надеждой счастья
И разжигать шутя в смятенной их крови
Бесплодный пламень сладострастья?

Впервые к подобной строфе Баратынский обратился в 1820 году в стихотворениях элегического тона, писанных под явным влиянием Батюшкова: «Весна», «Послание к барону Дельвигу», и в 1821 — «Уныние». Стихи Баратынского развивают обычные элегические мотивы и прямой переключки со стихами Пушкина не имеют. Впрочем, следует обратить внимание на стихи «Послания к барону Дельвигу»:

Известно, что Пушкин обратил свое внимание на начальные строфы этого стихотворения, отметив неточность образа. Не без полемики с Батюшковым он включил этот образ ландыша во вторую главу «Евгения Онегина» (строфа XXI).

Но стихи Батюшкова лишь отдаленно связаны с одой Жильбера, переключаясь с ней темой умирающего поэта, ставшей к этому времени избитой.

Другой образец русской передачи оды Жильбера является простым переводом этого стихотворения. Это — «К провидению» Гнедича (1819):

Увы! минутный гость я на земном пиру,
Испивши горькую отраву,
Уже главу склонял ко смертному одру,
Возненавидя жизнь и славу.
Уже в последний раз приветствовать я мнил
Великолепную природу.
Хвала тебе, мой бог! ты жизнь мне возвратил,
И сердцу гордость и свободу!

Перевод Гнедича вместе с его переводом «Андромахи» появился на страницах «Сына отечества» тогда, когда Пушкин уже был на юге. Он немедленно по получении журнала написал Гнедичу:

«Видел я прекрасный перевод Андромахи, которого читали вы мне в вашем эпикурейском кабинете, и вдохновенные строфы:

Уже в последний раз приветствовать я мнил
и проч.

Они оживили во мне воспоминанья о вас и чувство прекрасного, всегда драгоценное для моего сердца...» (Каменка, 4 декабря 1820 года).

Оба цитированных стихотворения, отправляясь от строфы Жильбера, придают ей тот именно вид, который и усвоен был Пушкиным: женские и мужские окончания поменялись местами. Этот признак заставляет нас признать, что Пушкин воспроизвел не строфу французского оригинала, а его русские имитации.

Ода Жильбера была написана до эпохи расцвета элегии во Франции. Недаром и определялась она не как элегия, а как подражание псалмам (т. е. духовная ода). Это был смешанный жанр, содержащий в себе и элементы тех эмоций и настроений, которые позднее стали достоянием элегии. В век Парни и Мильвуа ода Жильбера воспринималась как чистая элегия.

Строфа Пушкина, происходящая от данной оды, является специфически элегической. Все три элегии, писанные этой строфой, объединены единой темой — воспоминания. Устранен лишь мотив воспоминаний предсмертных, что и естественно: тема умирающего поэта была решительно дискредитирована в середине 20-х годов.

Может возникнуть вопрос, чья же роль как передатчика этой строфы была значительнее для Пушкина: Батюшкова или Гнедича. Придется склониться, пожалуй, в пользу Гнедича. Об этом косвенно свидетель-

И вот стужилась ночь, и всё в глубоком сне —
Лишь дышит влажная прохлада;
На стогнах тишина! сияют при луне
Дворцы и башни Петрограда.

По тем же следам, что и Баратынский, пошел и В. И. Туманский, написавший в 1822 году стихотворение «Музы» в той же строфической форме.

ствует то, что последнее стихотворение, писанное в данной форме, адресовано Гнедичу. Обращаясь к нему, Пушкин избрал ту именно строфу, которой он был обязан самому Гнедичу. Самую форму стихотворения он избрал в тесной связи с адресатом послания. Вряд ли необходимо оговаривать тот факт, что данная строфа, имевшая определенную традицию и связанная с определенным комплексом мотивов, приобрела у Пушкина совершенно оригинальное воплощение и свойственный только ему индивидуальный отпечаток.

11

Из других форм смешанных четверостиший с правильным чередованием стихов встречается у Пушкина строфа, состоящая из чередования четырех- и трехстопных ямбов, рифмовки *АБАВ* (последний стих мужской). Так написана «Слеза» (1815):

Вчера за чашей пуншевою
С гусаром я сидел,
И молча с мрачною душою
На дальний путь глядел.

Подобные строфы часто встречаются в поэзии начала века. Имеются они у Жуковского, например «Мотылек» (1814):

Вчера я долго веселился,
Смотря, как мотылек
Мелькал на солнышке, носился
С цветочка на цветок.

Так же написан «Убийца» Катенина, прогремевший в свое время. Однако «гусарская» тема «Слезы» заставляет предполагать прототип пушкинской строфы не в этих стихотворениях, а в «Пленном» Батюшкова (1814):

В часы вечерняя прохлада
Любуясь рекой,
Стоял, склоня на Рону взгляды
С глубокою тоской,
Добыча брани, русский пленный,
Придонских честь сынов,
С полей победы похищенный
Один толпой врагов.

Впрочем, Пушкин несколько видоизменяет строфу Батюшкова. В «Пленном» стихи сгруппированы в восьмистишия. Пушкин разложил эту строфу на четверостишия.²⁴

Любопытно собственное замечание Пушкина по поводу строфы «Пленного»: «Он неудачен, хотя полон прекрасными стихами. — Русский казак

²⁴ Возможно, что это разложение строфы на четверостишия произошло отчасти под влиянием цитированного «Мотылька» Жуковского. На это показывают некоторые лексические параллели (начиная с вступительного слова «вчера»). Так, характерна заключительная строфа «Мотылька»:

«Так наслажденье изменяет!» —
Вдохнувши, я сказал:
«Пока не тронута — блистает!»
Дотронься — блеск пропал!»

Ср. в «Слезе»:

Вдохнул — и замолчал

поет, как трубадур, слогом Парни, куплетами французского романса» (1830).

Трудно, однако, расшифровать, имел ли в виду Пушкин точное совпадение строфы Батюшкова с каким-нибудь французским романсом или же общий ритмический тип строфы. Дело в том, что строфа «Пленного» не типична для французского романса. Зато чрезвычайно распространена была строфа в 8 стихов с обратным движением женских и мужских стихов, типа «Певца во стане русских воинов» (или, точнее, «Мечтателя»). Но строфа эта не связана с «трубадурной» поэзией.²⁵ К трубадурному жанру применялась другая строфа, с тем же движением форм, что и у «Пленного», но с укороченными четными стихами. Строфа эта известна в русском языке по переводу Жуковского из Монкрифа «Алина и Альсим», по «Усладу» Катенина и др. Строфа эта, идущая, кажется, от Монкрифа, считалась специфически «трубадурной». Вот, например, строфа романса Виже «L'Absence»:

Las! plaignez la triste aventure
Du troubadour;
Son coeur aimait d'amitié pure
Objet d'amour.
N'eût senti pour tendre maîtresse
Un si doux feu:
Lui semblait, le voyant sans cesse,
Le voir trop peu.²⁶

То, что Пушкин думал о подобной строфе, доказывается и тем, что у Парни действительно имеется романс, писанный такой формой («Vous qui de l'amoureuse ivresse», 1777). Это дает основание думать, что наиболее характерным в данной строфе для Пушкина было при смене длинных и коротких строк сохранение мужской рифмы на четных местах. Сам Пушкин подобной строфы не употреблял.

12

По-видимому, таким же разложением на четверостишия строфы «Певца во стане русских воинов» является четверостишие стихотворений «Мансурову» (1819) и «Генералу Пушкину» (1821).

Строфа «Певца во стане русских воинов» была предметом подражаний Пушкина, но с нею он обращался свободно. В оригинале строфа Жуковского состоит из двенадцати стихов, представляющих собой соединение трех аналогичных четверостиший четырех- и трехстопного ямба, срифмованных по формуле *aBAb* (последний стих женский):²⁷

На поле бранном тишина;
Огни между шатрами;
Друзья, здесь светит нам луна,
Здесь кров небес над нами.
Наполним кубок круговой!
Дружнее! руку в руку!
Запьем вином кровавый бой
И с падшими разлуку.

²⁵ Сюда относятся, например, многочисленные и популярные в свое время песни Латеньяна (1697—1779) на мотив «Жоконда» (песенки на слова: «Monsieur l'curé n'espérez plus» или «Lisette est faite pour Colin»).

²⁶ Ср. балладу из романа Ш. Нодье «Le Peintre de Salzbourg» (1803). У Мартина историческая справка об этой строфе явно неполна (Les Strophes, стр. 151).

²⁷ В той же форме применил эту строфу Жуковский в «Громобое».

Кто любит видеть в чашах дно,
 Тот бодро ищет боя...
 О, всемогущее вино,
 Веселие героя!

Стихи Жуковского рано стали формой пародических сатир. Таковы стихи Батюшкова «Певец в беседе славяноросов». Несомненным подражанием-пародией «Певца» является стихотворение «Пирующие студенты» Пушкина (1814). Однако Пушкин не придерживался точно объема строфы Жуковского. Он сводит в строфы неравное число четверостиший. Только в трех строфах насчитывается по 12 стихов; в шести по 8 стихов и в одной 16. Таким образом, явно воспроизводя строфу Жуковского, Пушкин не придерживается арифметической точности при объединении четверостиший в строфе и считает возможным пользоваться свободой. Подобная свобода вызвана в какой-то мере различием в воспроизведении интонационной системы стихотворной композиции у Жуковского и у Пушкина. У Жуковского принцип синтаксического связывания и интонационной симметрии проводился гораздо последовательнее, чем у Пушкина, руководившегося в композиции стихов более логическим началом, чем интонационно-мелодическим. Для Жуковского вообще типично построение строф из сведенных воедино тождественных четверостиший, причем обычно соединение именно трех четверостиший. Для Пушкина эта форма строфы чужда. Четверостишия его гораздо автономнее, и далее сведения двух четверостиший в одно восьмистишие он вообще не идет.

Поэтому и строфы стихотворения «Мечтатель» (1815), насчитывающие только по 8 стихов, мы должны признать за видоизменение строф «Певца во стане».

На первый взгляд это эпикурейское мечтательное стихотворение не имеет ничего общего с военной песнью Жуковского. Внимательное сличение этих стихотворений показывает, что они гораздо ближе по теме друг к другу, чем это можно было бы предполагать. «Мечтатель» Пушкина — стихотворение, полемически направленное против тезиса «Певца во стане». Жуковский призывает воинов на бой «за славою». Пушкин решительным образом склоняется к «мирной неге». Поэтому всё в стихах Пушкина контрастно теме Жуковского. Этот контраст подчеркивается рядом лексических и тематических параллелей. Если Жуковский начинает стихи с пейзажа, построенного на рифмующихся словах «луна» и «тишина», так же начинает и Пушкин:

По небу крадется луна,
 На холме тьма седеет,
 На воды пала тишина,
 С долины ветер веет...

Но Жуковский ведет певца в стан, на пирушку воинов. В «Мечтателе» певец стремится к ленивому одиночеству. Жуковский выразил это в строфе:

Так, братья, чадам Муз хвала!
 Но я — певец ваш юный!..
 Увы! почто судьба дала
 Не звучные мне струны!
 Доселе тихим лишь полям
 Моя играла лира!
 Вдруг жребий выпал: к знаменам!
 Прости, и сладость мира,

И отчий край, и круг друзей,
 И труд уединенный!
 И всё!.. Я там, где стук мечей,
 Где ужасы войны!

Пушкин почти теми же словами рисует совершенно противоположное. его мечтатель бежит «от бранных знамен» в тихое уединение:

И тихий, тихий льется глас;
 Дрожат златые струны.
 В глухой, безмолвный мрака час
 Поет мечтатель юный;²⁸
 Исполнен тайною тоской,
 Молчаньем вдохновенный,
 Летает резвою рукой
 На лире оживленной.

Если Жуковский говорит:

Хвала вам, чада прежних лет!
 Хвала вам, чада славы!
 Дружиной смелой вам вослед
 Бежим на пир кровавый!..

Мечтатель Пушкина восклицает:

Пускай...
 И бранны вьются знамена,
 И пышет бой кровавый—
 Прелестна сердцу тишина;
 Нейду, нейду за славой.

Жуковский провозглашает хвалу воинам. Пушкин с тем же обращается к мирной музе:

И муза верная со мной:
 Хвала тебе, богиня!

Так последовательно тема Жуковского подвергается полемической переработке. Единство строфы подчеркивает это единство темы и полемическую направленность стихотворения.

13

Из других форм ямбических четверостиший смешанного размера, употребляемых Пушкиным, мы уже не находим форм с такой же определенной ориентацией на традицию или на индивидуальное произведение.

1. Строфическая форма стихотворения «К ней» (Эльвине) (1815),

²⁸ В. В. Виноградов справедливо заметил: «...Пушкин тонко улавливает новизну экспрессивной окраски в стиле Жуковского. Например, в стихотворении «Мечтатель» (1815) есть строки, которые так и кажутся выхваченными из лирики Жуковского:

И тихий, тихий льется глас...»

(В. В. Виноградов. Стиль Пушкина, стр. 151).

состоящая из трех шестистопных ямбов и замыкающего трехстопного стиха, с перекрестной рифмовкой (последний стих мужской):

Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку,
Я вяну, прекрати тяжелый жизни сон;
Скажи — увижу ли... на долгую ль разлуку
Я роком осужден?²⁹

Подобная строфа имеет большую традицию, но не в элегической, а в одической поэзии. Так написана одна из знаменитейших од Малерба, первую строфу которой постоянно цитируют в учебниках поэтики как образец затрудненной метафоры (1627):

Donc un nouveau labeur à tes armes s'apprête:
Prends ta foudre, Louis, et va comme un lion
Donner le dernier coup à la dernière tête
De la rébellion.³⁰

Эта строфа получила распространение во французской одической лирике. Такого же построения пользовавшаяся большой популярностью ода Тома «О должностях общества» (1762). Эта ода была переведена Нелединским-Мелецким с сохранением размера подлинника (1813):

Проснися, отложи губительну беспечность,
О смертный! и потщись полезным свету быть.
Не медли! Близок час! Глубокий мрак на вечность
Готов тебя покрыть.³¹

Если строфа «Эльвины» воспроизводит эту одическую строфу, то здесь Пушкин, в противоположность тому, что мы встречали раньше, не считается с жанровой традицией строфической формы и переносит ее из жанра омертвевшей для него оды в живой и актуальный жанр элегии. Естественно, что при таком перенесении трансформируется эмоциональное звучание строфы.

Близка к этой форме ода Мордвинову (1826), но там мы видим иную последовательность рифм (перекрестная рифмовка, замыкаемая женской рифмой, а последний стих насчитывает четыре стопы):

Под хладом старости угрюмо угасал
Единый из седых орлов Екатерины.
В крылах отяжелев, он небо забывал
И Пинда острые вершины,

Строфа эта традиционна во французской оде. Мы находим ее у Ж. Б. Руссо, Вольтера, Лабрена. Но вряд ли Пушкин обращался непосредственно к французским источникам. Эта форма имела уже рус-

²⁹ Эта же строфа применена в «Наполеоне на Эльбе» (1815; три начальные четверостишия).

³⁰ Внимание авторов поэтик здесь привлекало то, что, сравнив Людовика со львом, Малерб немедленно меняет образ, развивая сравнение с Геркулесом, поразившим гидру. Мартинон указывает, что, вопреки общему мнению, строфа изобретена не Малербом; ее применил Депорт в 1591, Мальи в 1560, Перрон в стихах, изданных в 1522 году.

³¹ Тематика од подобной структуры была широка. Темы, которые в конце XVIII века стали достоянием элегии, в начале века были предметом оды. Данная строфа являлась удобной формой для подобных тем. См., например, «Одиночество» Луи Расина (сына).

скую традицию. Так написана Державиным «Евгению. Жизнь Званская» (1807):

Блажен, кто менее зависит от людей,
Свободен от долгов и от хлопот приказных,
Не ищет при дворе ни злата, ни честей,
И чужд сует разнообразных!

Эти стихи Державина хорошо знакомы были Пушкину. Из них он взял эпиграф к «Осени»:

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?

Независимо от Державина эту строфическую форму употребил в 1806 году Жуковский, перенеся ее в элегический жанр. Так он написал «Вечер»:

Ручей, виющийся по светлому песку,
Как тихая твоя гармония приятна!
С каким сверканием катишься ты в реку!
Приди, о Муза благодатна...

В дальнейшем Жуковский несколько раз возвращался к этой форме, но, по-видимому, уже не без влияния «Жизни Званской» Державина. Так, в 1815 году он написал «Славянку», сельский пейзаж которой, с одной стороны, повторяет элегическую линию «Вечера», а с другой — сближается с конкретными чертами описания Званки:

И вдруг открытая равнина предо мной:
Там мыза, блеском дня над рощей озаренна;
Спокойное село над ясною рекой,
Гумно и нива обнаженна.

Но не эта элегическая линия отразилась на стихотворении Пушкина, характеризуемом политическим пафосом оды. По-видимому, отправным моментом была ода-элегия Жуковского 1809 года «На смерть фельдмаршала графа Каменского». Со стихами Жуковского оду Пушкина сближает общий приподнятый тон и архаическая лексика:

Еще великий прах... Неизбежимый Рок!
Твоя, твоя рука себя нам здесь явила;
О, сколь разительный смирения урок
Сия Каменского могила!

Стихотворение Жуковского, посвященное образу деятеля XVIII века, подсказало Пушкину строфический мотив для оды, обращенной к Мордвинову, точно так же связанному с той же эпохой, что и Каменский.³²

2. Несколько уединенное место занимает строфа «Памятника», отличающаяся от предыдущей местами женских и мужских стихов (последний стих мужской). Пушкин не воспроизвел строфы державинского «Памятника». Впервые она применена Пушкиным в составе «Наполеона на Эльбе» (1815, два заключительных четверостишия).

³² Такой же строфой написано стихотворение, приписываемое Пушкину, «Цель нашей жизни». См. по этому поводу работу В. В. Данилова в сборнике: Пушкин. Исследования и материалы. Труды Третьей Всесоюзной Пушкинской конференции, М.—Л., 1953, стр. 298—313. По мнению В. В. Данилова, стихотворение это датируется 1814 годом. По его же мнению, по идее стихотворение близко к «Жизни Званской» Державина (стр. 313).

Не ясно, опирался ли здесь Пушкин на русскую традицию. Строфа эта встречается у французских одописцев (у Ж. Б. Руссо ода 1716 года графу Цинцендорфу, у Лебрена известная ода молодому Расину 1755 года), однако нет ничего общего между этими произведениями и «Памятником», кроме принадлежности к общему жанру оды.

По-видимому, здесь Пушкин не имел в виду никакого определенного образца.

Впрочем, здесь необходимо учесть, что именно одну из од Горация («Odi profanum vulgus et atæeo») подобной строфою перевел В. В. Капнист:

Непросвещенну чернь с презреньем изгоняю,
А вы! безмолвствуйте: парнасских жрец богинь,
Для юношей и дев стихи я воспеваю
Еще неслыханны доньнъ.³³

3. Так же уединенна строфа послания В. Ф. Раевскому (1822), состоящая из чередований пяти- и четырехстопных ямбов с перекрестной рифмовкой и женским стихом в конце.

Ты прав, мой друг — напрасно я презрел
Дары природы благосклонной.
Я знал досуг, беспечных муз удел,
И наслажденья лени сонной...

Мне не известен прототип этой оды,³⁴ но любопытно, что одновременно с Пушкиным и независимо от него эту строфу (сведенную из двух четверостиший в восьмистишия) применил Рылеев в думе «Борис Годунов»:

Москва-река дремотною волной
Катилась тихо меж брегами;
В нее, гордясь, гляделся Кремль стеной
И златоверхими главами.

Это совпадение, причина которого пока не ясна, может быть не случайно. Дума Рылеева была напечатана в конце декабря 1822 года.³⁵

³³ По данным Мартинона, эта строфа встречается во французской поэзии у А. Шенье, у Ламартина, у В. Гюго. Вообще же она возникла в XVII веке (Rarin, 1610) и неоднократно применялась Корнелем (Ph. Martinon. Les Strophes, стр. 123).

³⁴ Данные Мартинона показывают, что во французской поэзии подобная строфа встречалась исключительно редко (Ph. Martinon. Les Strophes, стр. 148).

³⁵ Почти такая же строфа (но в отличие от пушкинской — с бесцезурными пятистопными стихами) была применена Жуковским в 1814 году в «Старушке»; эта баллада была напечатана только в 1831 году, но в рукописи хорошо была всем известна, особенно же арзамасцам; от нее происходило арзамасское прозвище Уварова:

На кровле ворон дико прокричал —
Старушка слышит и бледнеет.
Понятно ей, что ворон тот сказал, —
Слегла в постель, дрожит, хладеет.

В обратной последовательности женских и мужских окончаний чередование пятистопных и четырехстопных ямбов мы находим у Вяземского («К воспоминанию», 1815; напечатано в 1823 году):

Прошедшего привет, воспоминанье!
Отрадой сердце посети!
Ты замени остылое желанье;
Будь мне подпорой на пути!

Мы рассмотрели ямбические формы Пушкина, не превышающие четырех стихов. Из более длинных форм отметим пятистишия четырехстопного ямба. Пушкин пользовался только одной конфигурацией рифм, которая получается из перекрестной рифмовки при удвоении третьего стиха. Но порядок мужских и женских рифм у него встречается различный.

В стихотворении П. А. Осиповой (1825) замыкающий стих женский (формула *aVaaB*):

Быть может, уж недолго мне
В изгнаныи мирном оставаться,
Вздыхать о милой старине
И сельской музе в тишине
Душой беспечной предаваться.³⁶

Обратное следование окончаний (*AbAAb*) в двух стихотворениях 1830 года — «Паж» и «В последний раз...»:

В последний раз твой образ милый
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой
И с негой робкой и унылой
Твою любовь вспоминать.

По-видимому, жанровая характеристика этой строфы весьма нейтральна, подобно тому, что мы наблюдали по отношению к четверостишиям перекрестной рифмовки.³⁷ Подобная рифмовка встречается у Пушкина в вольных стансах «К морю» (1824) на фоне обычных четверостиший. В этом стихотворении два пятистишия такой структуры (и одно по формуле *aBaBa*).

У самого Пушкина эта форма встречается в составе «Андрея Шенье»:

Подъялась вновь усталая секира
И жертву новую зовет.
Певцу готов; задумчивая лира
В последний раз ему поет.

³⁶ Быть может, стимулом к тому, чтобы обратиться к этой форме, послужило одно стихотворение В. Туманского. Послание Осиповой писано 25 июня 1825 года, а в «Северных цветах» на 1825 год появилось стихотворение В. Туманского «Моя любовь», которое могло обратить на себя внимание Пушкина своей темой (Крым):

Там, нежась в лени и в мечтах,
В час лунных, сладостных туманов,
Как будто видишь на горах,
Вокруг мечетей, на гробах,
Блуждающие тени ханов.

³⁷ Впрочем, может быть, не случайно совпадение строфы «Пажа» со строфой романа А. Мюссе 1829 года «L'Andalouse»:

Avez-vous vu, dans Barcelone,
Une Andalouse au sein brun!
Pâle comme un beau soir d'automne!
C'est ma maitresse, ma lionne!
La marquesa d'Amaëgui.

По указанию Мартинона, строфа эта была в моде около 1828 года (у Сент-Бева в «Стихах Ж. Делорма» она применена десять раз); см.: Ph. Martinon. Les Strophes, стр. 185, 186. Изобрел ее Маро, и применялась она у поэтов Плеяды.

Пятистишия Пушкина — не его изобретения. Они встречались и ранее, например, у Капниста — «Другу моему»:

Взгляни, как, снегом покровенны,
Высоких гор верхи блестят;
Как сосны инеем нагбенны,
И реки, льдом отягощенны,
В брегах оцепенев стоят.

15

Шестистишия четырехстопного ямба встречаются четырех родов: 1) по формуле *AbAbAb* — «Кипренскому» (1827) (ср. стихотворение «К Юрьеву» (1819), в котором два последние стиха строфы повторяют во всех трех строфах два первых стиха соответствующих строф):

Любимец музы легкокрылой,
Хоть не британец, не француз,
Ты вновь создал, волшебник милый,
Меня, питомца чистых муз, —
И я смеюсь над могилой,
Ушед навек от смертных уз...³⁸

2) по распространенной в поэзии формуле *AAbCCb* («Усы», 1816; «Зимнее утро», 1829), достаточно обезличенной частым применением; 3) по более оригинальной формуле *aaBcBc* («Перед гробницею святой», 1831) и 4) по формуле *aBaBcc* («Черкесская песня» в «Кавказском пленнике»), происхождение которой не известно.³⁹

³⁸ Подобная строфа встречается у Капниста:

Святой восторг благотворенья!
Что в мире сладостней тебя?
Благого образ провиденья:
В других зреть счастливым себя,
Добру все посвятить мгновенья,
Несчастных как родных любя.

³⁹ Данные об этой строфе, приведенные у Мартинона, заставляют предполагать, что эта строфа не французского происхождения (см.: Ph. Martinon. Les Strophes, стр. 292). В эпоху Маро и Пляды распространена была в восьмисложном стихе строфа с нарушением правил альтернанса: *AbAbcc*. Наряду с ней встречаются отдельные случаи и других форм, в том числе и *aBaBcc*, но строфы эти представлены в образцах, которые вряд ли были знакомы Пушкину в 1820 году (романсы в «Астрее» Urfé; строфы Сент-Амана и др.). Точно так же трудно ставить Пушкина в зависимость от писанных такой же строфой стихов М. М. Хераскова «Почерпнутые мысли из Экклезиаста» (М. М. Херасков. Творения, ч. VII, стр. 3—4 и сл.). Однако между стихами Хераскова и Пушкина, вероятно, были связующие их промежуточные звенья. Характерной общей чертой является рефренный характер заключительного стиха:

В кипящей младости моей
Имел в прохладах я забаву,
Алкая сердцем и душой
Вкушать житейскую отраву.
Горька мне сладость ныне та.
Я рек: всё в свете суета!

Соответственно последние стихи строф читаются: «Всё тень одна и суета», «Науки только суета», «И всё на свете суета». Прототипом стихов Хераскова являются стихи А. П. Сумарокова «Апреля в первое число»:

Апреля в первый день обман,
Забава общая в народе,

Остановимся на третьей из перечисленных строф:

Перед гробницею святой
Стою с поникшею главой...
Всё спит кругом; одни лампы
Во мраке храма золотят
Столбов гранитные громады
И их знамен нависший ряд.

Подобное сочетание рифм довольно редко. Во французской классической поэзии эта строфа ведет начало от стансов Малерба, писанных в 1608 и 1609 годах, «Для герцога Беллегарда», «Слава Генриху Великому», «Для Генриха Великого». Вот начало одного из стихотворений Малерба, писанного такой строфой:

Pleine de langues et des voix,
O roi, le miracle des rois,
Je viens de voir toute la terre,
Et publier en ses deux bouts
Que pour la paix ni pour la guerre
Il n'est rien de pareil à vous.

Возможно, что между строфой Малерба и строфой Пушкина были передаточные звенья.⁴⁰ Но не следует забывать, что строфические формы Малерба были отлично известны Пушкину с лицейской скамьи.

Эта строфа интересна тем, что первоначально Пушкин применил ее в совершенно другом жанре — в песне председателя («Пир во время чумы»):

Когда могущая Зима...

Общим для обоих стихотворений является только мрачность эмоции.

В лицейский период Пушкин написал несколько стихотворений шестистишиями пятистопного ямба. Это было время, когда пятистопный ямб считался приметой оссианической, элегической лирики.

Сюда относится вставной эпизод в «Эвлее» (1814), писанный обычной формой шестистишия (*ААВССб*),⁴¹ и более оригинальная строфа *АbbАсс* применена была в двух стихотворениях того же года: «Рассудок и любовь» и «Гараль и Гальвина».

Характерной особенностью этой строфы у Пушкина является обязательность рефрена:

Младой Дафнис, гоняясь за Доридой,
«Постой, — кричал, — прелестная! постой.
Скажи: „Люблю“ — и бегать за тобой
Не стану я — клянуся в том Кипридой!»
«Молчи, молчи!» — Рассудок говорил,
А плут Эрот: «Скажи: ты сердцу мил!»

Последние два стиха каждой строфы заключали одинаково построенные реплики Рассудка и Эрота. Подобная же рефренность встречается и

На выдумки лукавить дан,
Нагая правда в нем не в моде,
И всё обманом заросло
Апреля в первое число.

Все строфы однообразно оканчиваются словом «число».

⁴⁰ См.: Ph. Martinon. Les Strophes, стр. 229, 230.

⁴¹ Строфическая часть (речь Эвлеги, три строфы) точно воспроизводит строфу оригинала («Isnel et Asléga» Парни, песнь IV).

в «Гарале и Гальвине», где каждая строфа кончается словами «воитель молодой». То, что это не случайно, а входит в характеристику данной строфы, показывают и стихотворения В. Туманского. Вот начало одного из них (оба романа являются как бы частями одного диалога между Иснелем и Аслегой, оба написаны в 1819 году):

Аслега, друг, преступный, но прекрасный!
Увидеться с тобою я спешил;
Я бросил меч — и латы положил —
Но ах! забыт тобой, Иснель, несчастный.
Прощай — иду... в чужих странах терпеть,
Любить тебя, любить и умереть.

Эти слова «любить и умереть» оканчивают каждую строфу обоих романсов.

Романсы Туманского являются переводами из хорошо известной поэмы Парни «Isnel et Asléga». Именно отсюда и переведенный Пушкиным эпизод «Эвлеги». Вот оригинал Парни:

Belle Asléga, belle, mais trop coupable,
Pour arriver jusqu'à toi, du guerrier
J'ai déposé l'étrincelant acier.
Je t'ai perdue, et le chagrin m'accable.
En d'autres lieux Isnel ira souffrir,
T'aimer encore, et combattre, et mourir.

Последний стих с некоторыми видоизменениями повторяется в конце каждой строфы. В соответствующем романсе, адресованном Иснелю, рефреном является последнее слово «mourir».

Можно считать, что Пушкин заимствовал строфу непосредственно у Парни.

Однако не исключена возможность и того, что Пушкин имел в виду не только строфу Парни, но ему также были известны и другие произведения на ту же строфу. Самое имя «Гараль» является прочитанным по-французски именем «Harald». Это имя ведет нас к романсу Мильвуа «Harald aux longs cheveux»:

Dans la Norwège, Harald aux longs cheveux
S'en revenait de la côte africaine.
Du haut des monts une flèche soudaine
Vint en sifflant percer son bras nerveux,
Près du torrent où la fille étrangère
Pleurait, assise au tombeau de sa mère.

Слова «au tombeau de sa mère» повторяются в конце каждого куплета, образуя рефрен (как и у Парни, не полный, т. е. с вариациями начала стиха, что воспроизведено и Пушкиным, и Туманским).

Стихи Парни и Мильвуа одинаково относятся к оссианическому жанру. Отличие их в том, что мужские и женские окончания обменялись местами. К этому жанру принадлежит и «Гараль и Гальвина».

Что же касается стихотворения «Рассудок и любовь», то оно скорее зависит от мадригальной поэзии эпохи Помпадур и Дюбарри, чем от элегических настроений Парни и Мильвуа. Для Пушкина 1814 года, может быть, и характерно, что он одинаково черпал из обоих источников и еще недостаточно дифференцировал отдельные течения в любовной лирике французов. Эта дифференциация наступает в его поэзии только позднее — в конце 1815 или даже в 1816 году.

16

Разнообразнее шестистишия из разноstopных ямбов. Их можно поделить на два класса: с доминирующим преобладанием четырехstopного ямба и с преобладанием шестистopного ямба.

К первому относятся три стихотворения, представляющие две стрoфические формы.

Первая форма — по числу stop 444242 на одних мужских рифмах, все четырехstopные стихи оканчиваются на одну рифму, а двухstopные на другую, так что формула рифм такова: *aaabab*. По этой формуле написаны «Обвал» (1829) и «Эхо» (1831). В этой строфе нарушается французское правило чередования рифм.

Данная строфа — английского происхождения. Об этом свидетельствует, например, стихотворение Козлова «К полевой маргаритке» из Бернса (напечатанное позднее, в 1833 году); оно отличается тем, что четырехstopные стихи оканчиваются не на одну, а на две разные рифмы:

Цветок пунцовый, полевой!
Ты, бедный, встретился со мной
Не в добрый час; тебя в красе
 Подрезал я!
Жемчуг долин, не можно мне
 Спаси тебя!

Козлов упростил английский оригинал, где, так же как в имитациях Пушкина, соблюдено единство рифм четырехstopных стихов:

Wee, modest, crimson-tipped flower,
Thou's met me in an evil hour;
For I maun crush amang the stoure
 Thy slender stem:
To spare thee now is past my power,
 Thou bonny gem.

Стихотворение Бернса писано в 1786 году.

О происхождении строфы Пушкина в литературе был спор. А. В. Дружинин в 1855 году высказал мнение, что Пушкин заимствовал эту строфу непосредственно у Бернса. В. П. Гаевский, без достаточных оснований, связывал «Эхо» Пушкина с «Эхом» Мура. Вопрос, по-видимому, правильно решен в статье Н. В. Яковлева «Последний литературный собеседник Пушкина».⁴² Пушкин обратился к стихотворению Барри Корнуоля «Прибрежное эхо»:

I stand upon the wild sea-shore
I see the screaming eagle soar
I hear the hungry billows roar,
 And all around
The hollow answering caves out-pour
 Their stores of sound.

Строфу эту Барри Корнуоль заимствовал именно у Бернса, для которого она обычна, в то время как у Корнуоля она представлена только в данном примере.

Обращу внимание на одну особенность этой строфы. Бернс, как и другие английские поэты, не различал рода рифм, и хотя по условиям английского языка и стиля у него доминировала мужская рифма, но спорадически он применял и женские рифмы. У Барри Корнуоля на протя-

⁴² Пушкин и его современники, вып. XXVIII, 1917, стр. 20—27.

жении данного стихотворения все рифмы мужские. Преобладание мужских рифм в английском стихе и приводило к тому, что создавалась традиция передавать колорит английского стиха в русских переводах выдержанным выбором одних мужских рифм. Поэтому Пушкин, даже если бы отправлялся непосредственно от строф Бернса, несомненно сохранил бы мужской строй рифм.⁴³

Другая форма строфы с преобладанием четырехстопных ямбов это — строфа стихотворения «Не дай мне бог сойти с ума...» (1833). Стихи расположены в порядке 443443, с обычным расположением рифм шестистишия, но с выдержанными мужскими рифмами *aabccbb*:

Не дай мне бог сойти с ума.
 Нет, легче посох и сума;
 Нет, легче труд и глад.
 Не то, чтоб разумом моим
 Я дорожил; не то, чтоб с ним
 Расстаться был не рад...

Все признаки данной строфы заставляют предполагать об английском ее происхождении. И в самом деле, это одна из распространенных строф английской поэзии. Имеется она у Байрона, Т. Мура, Вильсона⁴⁴ и других известных Пушкину поэтов. Однако, чтобы утверждать, имел ли Пушкин в виду определенный образец или просто перенес в русские стихи английскую схему, необходимо исследовать весь круг английской поэзии, которая была в пределах внимания у Пушкина. Шестистишия, построенные преимущественно на александрийском стихе, представлены у Пушкина в двух формах, близких друг другу. Первая форма состоит из шести-стопных стихов и одного (пятого) трехстопного. Рифмовка обычная — *ААВССВ*. Так написано стихотворение «Недвижный страж дремал на царственном пороге...» (1824):

Недвижный страж дремал на царственном пороге,
 Владыка севера один в своем чертоге
 Безмолвно бодрствовал, и жребии земли

⁴³ Несмотря на свой характерно английский тип, строфа эта французского происхождения. П. Верье возводит эту строфу к старофранцузским танцевальным песням. Он приводит несколько примеров подобных песен, например:

Main se leva bele Aëliz,
 Mignotement la voi venir —
 Biau se para, miex se vesti...
 Desoz le raim.
 Mignotement la voi venir
 Cele que j'aim.

(Paul Verrier. *Le Vers français*, t. I. Paris, 1931, стр. 38; ср. стр. 188—191, 204, 245). Первый поэт, применивший эту строфу, был Гильом IX, герцог Аквитанский (1071—1127). У французских поэтов нового времени эта строфа не встречается, но в фольклоре существует и поныне.

⁴⁴ Вот пример такой строфы у Вильсона:

Beside her Babe, who sweetly slept
 A widow mother sat and wept
 O'er years of love gone by
 And as the gobs thick gathering came
 She murmur'd her dead husband's name
 'Mid that sad lullaby.
 («The widow mother»)

В увенчанной главе стесненные лежали,
 Чредою выпадали
 И миру тихую неволю в дар несли. . .

Строфа эта, исключительно редкая в русской поэзии, является одной из излюбленных одических строф во Франции. Мы встречаем ее у Мадерба, Ж. Б. Руссо, Э. Лебрена, Лефрана Помпиньяна, Жильбера, Тома и др. Ода Тома «На время» была одной из популярнейших од этой структуры. Ее перевел Нелединский-Мелецкий, сохранив размер подлинника.⁴⁵

Однако риторическая ода Тома вряд ли могла послужить импульсом к созданию оды «Недвижный страж. . .». По-видимому, Пушкин опирался на другие французские образцы. Из всех од, написанных перечисленными поэтами, наиболее близка к пушкинской одна ода Ж. Б. Руссо 1715 года «Христианским государям по поводу вооружения турок против Венецианской республики». В частности, укажу на одну строфу, интонационный строй которой близок к строфам оды Пушкина (речь идет о постепенном распространении власти турок):

Dès-lors, courant toujours de victoire en victoire,
 Des califes, déchus de leur antique gloire
 Le redoutable empire entre eux fut partagé,
 Des bords de l'Hellespont aux rives de l'Euphrate
 Par cette race ingrante
 Tout fut en même temps soumis ou ravagé.

Последние четыре стиха по движению темы и по системе словесных оборотов близки к стихам Пушкина из второй строфы оды:

От Тибровых валов до Вислы и Невы,
 От саркосельских лип до башен Гибралтара:
 Всё молча ждет удара,
 Всё пало — под ярем склонились все главы.

Но независимо от того, отправлялся ли Пушкин именно от данного образца, характерно, что он избрал строфу французской оды, подчеркивая, таким образом, высокий гражданский стиль, в котором трактуется историческая тема данного стихотворения, тема, которую позднее, почти в тех же словесных формулах, развил Пушкин в десятой главе «Евгения Онегина» и в «Герое».

Другая строфа того же типа отличается от данной только тем, что на месте трехстопного стиха стоит четырехстопный. Так написано восьмое подражание Корану:

Торгуя совестью пред бледной нищетою,
 Не сыпь своих даров расчетливой рукою:
 Щедрота полная угодна небесам.
 В день грозного суда, подобно ниве тучной,
 О сеятель благополучный!
 Сторицею воздаст она твоим трудам.

⁴⁵ Вот последняя строфа перевода Нелединского-Мелецкого (1813):

О время! не стремись! почти мою ты младость!
 Пусть нежной матери надолго дастся сладость
 Свидетельницей быть сыновней к ней любви!
 И добродетель пусть с блестящей славой купно
 Починут неотступно
 На седилах моих в преклонны века дни!

Это видоизменение редко встречается во французской оде, по крайней мере у основных представителей одического жанра.⁴⁶

Однако она имеется в русской практике, как видоизменение предыдущей строфы. Так, Ник. Радищев в 1804 году перевел ту же оду Тома, что и Нелединский-Мелецкий. Вот последняя строфа оды в переводе Радищева:

О время! ты тогда останови течение,
 Да матери моей то будет в утешенье.
 Что нежный сын ее толь добродетель чтит;
 И слава с мудростью меня да осеняют,
 Главу мою да увенчают,
 Я буду их щитом и в дряхлости покрыт!

Мы видим, что Радищев как раз допустил замену трехстопного (шести-сложного стиха) четырехстопным.

Подражание Корану написано в том же году, что и «Недвижный страж». Легко допустить, что и у Пушкина эта строфа подверглась тому же изменению, что и в переводе Радищева. Следовательно, источником ее является французская одическая строфа. Нас не должна удивлять одическая форма подражания Корану. Мы убедимся в дальнейшем, что это не единственный случай. Высокий стиль Корана, естественно, толкал Пушкина к поискам высоких стихотворных эквивалентов в передаче сур. Таким эквивалентом могла быть форма классической оды.

У Пушкина имеется только один пример ямбической строфы, насчитывающей семь стихов. Возможно, что она принадлежит его собственному изобретению, так как одновременно он применил тот же порядок рифм к хорею. В стихотворении «О Делия драгая!..» первые четыре стиха — трехстопные ямбы, три последних — четырехстопные. Рифмовка — *АbАbССb*:

О Делия драгая!
 Спеши, моя краса;
 Звезда любви златая
 Взошла на небеса;
 Безмолвно месяц покатился;
 Спеши, твой Аргус удалился,
 И сон сомкнул его глаза.

Такая последовательность рифм довольно обычна во французской поэзии, но в сочетании с этим соединением стихов разной длины мне она не встречалась. (Не упоминает ее и Мартинон, см. стр. 309—328).

17

Перейдем к строфическим формам, построенным на восьмистишиях.

Наиболее распространенной формой восьмистишия четырехстопного ямба является у Пушкина соединение двух четверостиший перекрестной рифмовки с заключительным мужским стихом. Так написано десять стихотворений («Романс», 1814; «Вода и вино», 1815; «Истина», «Окно»,

⁴⁶ Во французской оде шестисложный стих точно воспроизводит полустишие симметричного александрийского стиха. В русской поэзии симметрия александрийского стиха нарушена (последний слог первого полустишия может быть неударным), а поэтому впечатления точного соответствия короткого стиха половине длинного не ощущается: на слух можно заметить лишь переход от фразы большой амплитуды к фразе малой; насчитывает ли короткий стих три или четыре стопы, в русских стихах не так существенно. См.: Ph. Martinon. Les Strophes, стр. 266.

«Наслаждение», 1816; «Русалка», 1819; «Наполеон», 1821; «Талисман», 1827; «Для берегов отчизны дальней...», «Моя родословная», 1830). Эта довольно стершаяся строфа имеет самые различные применения в силу того, что и традиция этой строфы не подсказывала определенного приращения к какому-нибудь жанру. Применение этой строфы к оде («Наполеон») объясняется тем, что подобная строфа имела в прежнем и одическую традицию. Так, у Державина этим размером написаны «Благодарность Фелице», «Урна» и несколько других.

С обратным расположением рифм мужских и женских мы имеем у Пушкина восьмистишие лицейской годовщины 1831 года («Чем чаще празднует лицей...»). Это сравнительно редкое видоизменение предыдущей строфы встречалось и до того в русской поэзии. Так, в 1808 году Жуковский написал подражательный романс «Мой друг, хранитель-ангел мой...». Действительно, эта структура характерна для французского романса. Этим строем написано огромное количество романсов, из них знаменитые «Je t'aime tant...» Фабра д'Эглантина и «Велизарий» Лемерсье,⁴⁷ распевавшийся на популярный мотив Гара, хорошо известный и Пушкину. Но в данном случае вряд ли Пушкин опирался на эту романсную традицию.

Из других восьмистишных строф наиболее любопытна строфа «Вольности». Она представляет соединение четверостишия перекрестной рифмовки с четверостишием охватной рифмовки. Начальный и конечный стихи мужские, так что на стыке строф происходит столкновение двух мужских стихов.⁴⁸

В русской оде эта строфа ведет начало от Державина. Впервые она была применена им в 1774 году в «Читалагайских одах» («На великость», «На знатность»). Одна из этих од («На знатность») в 1794 году была переделана Державиным в знаменитую оду «Вельможа». Еще в 1779 году той же строфой им написана ода на смерть князя А. И. Мещерского. Кроме того, он применил эту строфу в менее известных одах («Тончию», «Христос»). У других поэтов эта строфа встречается редко и, вероятно, под прямым влиянием Державина. Так, в 1783 году О. П. Козодавлев написал этой строфой оду на смерть А. М. Голицына (в прямое подражание оде на смерть Мещерского). Встречается эта строфа среди духовных од Богдановича (первая ода). К 1802 году относится писанная той же строфой ода Аникия Волкова «К музам», и, наконец, у И. М. Долгорукова эта строфа применяется в послании «Хижина на Рпени».

Из всех этих произведений только две оды Державина могли привлечь внимание Пушкина. Обе он хорошо знал, постоянно упоминал в письмах, цитировал в разных случаях. Непосредственное же отношение к «Вольности» имеет, конечно, ода «Вельможа», где также ставятся вопросы закона, власти и т. д. Во многих отношениях «Вольность» можно рассматривать как реплику на оду Державина.

Переделывая в 1794 году старую оду 1774 года, Державин пред лицом западноевропейских событий к сатирическим строфам присоединил новые, в которых трактовал основные проблемы гражданственности:

Блажен народ, который полн
Благочестивой веры к богу,

⁴⁷ Ср. русский перевод А. Ф. Мерзлякова.

⁴⁸ Судя по данным Мартинона (Ph. Martinon. Les Strophes, стр. 334, прим. 3), вряд ли можно искать во французской поэзии прототипы этой строфы, известные Пушкину в 1817 году. Строфа эта изредка встречалась у поэтов Пляеды.

Хранит царев всегда закон,
 Чит нравы, добродетель строгу
 Наследным перлом жен, детей;
 В единодушии, — блаженство;
 Во правосудии, — равенство;
 Свободу, — во узде страстей.

Сим твердым узлом естества
 Коль царство лишь живет счастливым,
 Вельможи! — славы, торжества,
 Иных вам нет, как быть правдивым,
 Как блюсть народ, царя любить,
 О благе общем их стараться:
 Змеей пред троном не сгибаться,
 Стоять — и правду говорить.

Эти же гражданские проблемы трактует и Пушкин в «Вольности». Разница та, что Державин стоит на позициях апологета просвещенного абсолютизма, в то время как «Вольность» Пушкина отражает взгляды конституционалистов начала XIX века. Однако не следует забывать, что обе точки зрения имеют общий источник в учении Монтескье о монархии. Поэтому основные определения, на которых строятся оды Державина и Пушкина, — общие. Но Державин из этих определений делает выводы, соответствующие его политической лояльности по отношению к верховной власти в России, в то время как Пушкин находится в резкой оппозиции к политическому режиму Александра I и его «Вольность» есть ода революционная.

К констатированию общности основных определений у Державина и у Пушкина приходил В. Е. Вальденберг в своем исследовании «Природа и закон в политических воззрениях Пушкина». Он писал: «... можно указать автора, влияние которого здесь чувствуется довольно сильно, сильнее, чем кого-нибудь другого. Это — Державин. В отличие от того, что принято думать, его значение вообще для оды Вольность гораздо больше, чем Радищева. Все мысли о законе и законности, требования равенства перед законом и подчинения закону самой царской власти, которые мы находим у Пушкина, представляют почти сплошь повторение и развитие того, что гораздо раньше говорил Державин».⁴⁹ Анализ строфики дает еще один аргумент в пользу гипотезы В. Е. Вальденберга.

Но Пушкин к этой строфе обратился еще раз. В 1830 году он написал с тем же расположением стихов того же размера «Заклинание». Может показаться странным применение одической строфы в подобном стихотворении, и, по-видимому, в данном случае эта строфа совсем другого происхождения и лишь случайно совпала со строфой «Вольности».

Дело в том, что «Заклинание» обладает яркой приметой, отсутствующей в «Вольности» и принадлежащей совершенно другому жанру, это — рефрен («сюда, сюда»), замыкающий каждую строфу. Подобная структура строфы указывает на совершенно иное ее происхождение — не от оды, а от романа, отличительной чертой которого является рефрен. И в самом деле, подобное сочетание стихов является одной из излюбленных форм французского романса. Наиболее популярным из романсов этого строя была песня Антонио из оперы Керубини «Два дня» (1800) на слова Буйи. Эта песня пользовалась большой известностью: «Песня Антонио „Un raucge petit savouard“ стала популярной с первого представления. Каждый, выходя из театра, повторял припев: „Un bienfait n'est

⁴⁹ «Slavia», 1925, гоџник IV, сеџит 1, стр. 76.

jamais perdu"». ⁵⁰ Слова этой песенки не имеют никакого отношения к теме «Заклинания», но не исключена возможность воздействия на Пушкина не слов, а мотива Керубини. Известны случаи, когда Пушкин писал, отправляясь от услышанного музыкального мотива («Не пой, красавица, при мне...»). ⁵¹

К 1832 году относится стихотворение «Красавица», писанное восьмистишием, представляющим ту же схему, что «Вольность», но с чередованием рифм, так что в первой строфе мужские и женские рифмы расположены в обратном порядке. Эти строфы тоже романсного происхождения. Такой формой был написан знаменитый романс «Мальвина» (из пятой главы романа Коттен, 1800). Этот романс переведен с соблюдением формы оригинала Жуковским в 1808 году:

С тех пор, как ты пленен другою,
Мальвина вянет в цвете лет;
Мне свет прелестен был с тобою;
Теперь — прости, прелестный свет!
Ах! не отринь любви моления:
Приди... не сердце мне отдать,
Но взор потухший мой принять
В минуту смертного томления.

Однако связь стихотворения Пушкина с переводом Жуковского может быть только весьма отдаленная.

Кроме четырехстопного ямба, чистые формы ямбических размеров представлены в восьмистишиях Пушкина еще в виде трехстопных, пятистопных и шестистопных ямбов.

Трехстопным ямбом написано послание Батюшкову 1815 года. Оно имеет формулу *AbAbCCdd* (четверостишие перекрестной и смежной рифмовки с заключительным мужским стихом). Трехстопный ямб этого послания тесно связан с карамзинистскими посланиями этого метра, обильно представленными в произведениях Батюшкова, Жуковского, Вяземского, Вас. Пушкина. Однако эти послания не строфичны: рифма в них чередуется произвольно. Таким образом, Пушкин ввел здесь строфичность как некоторое обновление жанра. Вряд ли следует искать эту строфу, как источник пушкинской, за пределами карамзинистских посланий, настолько стихи этого послания наполнены реминисценциями из посланий Батюшкова и Жуковского («Батюшкову», 1815). Можно высказать предположение, что выбор данной строфы определился тем, что Пушкин взял за основу первые восемь стихов послания самого Батюшкова «Мои пенаты» и придал их конфигурации функцию строфы. Вот начало послания Батюшкова (1814):

Отечески пенаты,
О пестуны мои!
Вы златом не богаты,
Но любите свои
Норы и темны кельи,
Где вас на новосельи
Смирненно здесь и там
Расставил по углам...

⁵⁰ P. Larousse. Grand Dictionnaire, t. VI, стр. 643 («Deux journées»).

⁵¹ Того же романсного происхождения аналогичная строфа стихотворения Жуковского «Сиротка» (1813), отличающаяся только тем, что к ней присоединено в качестве самостоятельного куплета чередующееся с восьмистишием четверостишие перекрестной рифмовки.

Это совершенно совпадает со структурой строфы Пушкина:

В пещерах Геликона
Я некогда рожден;
Во имя Аполлона
Тибуллом окрещен,
И светлой Иппокреной
С издетства напоенный,
Под кровом вешних роз,
Поэтом я возрос.

Пятистопным ямбом у Пушкина написано две строфы. Одна из них — удвоенные перекрестные четверостишия, с последним мужским стихом (*AbAbCdCd*) — в стихотворении «Рефутация г-на Беранжера» механически воспроизводит строфу французской песенки Дebro, ответом на которую оно является и на мотив которой написано.⁵² Пушкин воспроизвел и форму рефрена, принадлежащую оригиналу.

Другая строфа, по-видимому, принадлежит самому Пушкину. Это строфа «19 октября» (1825), повторенная в стихотворении на лицейскую годовщину 1836 года: Ее структура — охватное четверостишие плюс перекрестное четверостишие (*aBBaCdCd*). Она начинается и кончается мужским стихом. Хотя во французской романсной поэзии и имеются прототипы этой строфы, но нет никакого основания связывать стихи Пушкина именно с этой традицией. По-видимому, в выборе строфы он был вполне оригинален.

Шестистопный ямб представлен стихотворением «Осгар» (1814). «Осгар» писан двумя перекрестными четверостишиями, замыкающимися мужским стихом (*AbAbCdCd*). Строфа эта достаточно безлична, чтобы была необходимость установить ее традицию.

18

Смешанные формы ямба насчитывают пять разновидностей. Из них одной мы уже касались при обозрении четверостишных строф («Мечтатель»). Две строфы имеют вполне определенное происхождение. Это — строфа «Ноэля» и строфа «Жениха».

Строфа «Ноэля» совершенно точно воспроизводит строфу французских сатирических песенок того же названия. Ее состав — четыре трехстопных стиха, один шести́стопный, два четырёхстопных и заключительный трехстопный. Рифмовка — перекрестное четверостишие плюс охватное. Строфа начинается и замыкается женским стихом (*AbAbCddC*).

На русской почве Пушкин имел предшественников в «Ноэлях» в лице Горчакова и Вяземского.⁵³

⁵² Этот мотив воспроизведен вместе с французским текстом в XXXVII выпуске «Пушкин и его современники» (1928, стр. 119—122).

⁵³ Вот пример французского ноэля:

Le jour de la naissance
De son divin Sauveur
Joseph est en cadence
Et rit de tout son coeur:
Il prosterne son front devant l'Être suprême,
Le remercie, tout échauffé
Du bonheur d'être né coiffé:
Votre époux est de même.

Другая строфа «Жениха». Она состоит из двух четверостиший, из которых в первом чередуются четырех- и трехстопные ямбы, а второе состоит из пары четырехстопных и замыкающей пары трехстопных. Рифмы точно следуют за сменой размера: все четырехстопные стихи мужские, трехстопные — женские. Таким образом, мы получаем перекрестную и смежную рифмовку составляющих строфу четверостиший *aBaBccDD*. Происхождение этой строфы уже указывалось в литературе. Это строфы знаменитой баллады Бюргера «Ленора» (1773):

Lenore fuhr ums Morgenrot
Empor aus schweren Träumen:
«Bist untreu, Wilhelm, oder tot?
Wie lange wirst du säumen?»
Er war mit König Friedrichs Macht
Gezogen in die Prager Schlacht
Und hatte nicht geschrieen,
Ob er gesund geblieben.

Характерно, что в существовавших тогда (к 1820 году) имитациях «Леноры» Жуковского и Катенина эта строфа не соблюдалась. Впервые строфа передана в точном переводе Жуковского в 1831 году.

Пушкин, конечно, хорошо знал «Ленору» по той полемике, которая развернулась между Гнедичем и Грибоедовым по поводу «Ольги» Катенина и «Людмилы» Жуковского. Полемика эта разыгралась, когда Пушкин был еще в лицее (1816). И, по-видимому, еще к лицейскому времени следует отнести знакомство с немецким оригиналом. Любопытно, что предшественником Пушкина в применении строфы «Леноры» к русскому стиху был лицейский товарищ Пушкина — А. Д. Илличевский. В лицейском сборнике стихотворений, изданном М. О. Гершензоном,⁵⁴ имеется мадригальное стихотворение Илличевского, писанное этой строфой, — «Каприз любви»:

Я знаю, знаю: холодна
К моей любви Аглая:
Непостоянна, неверна,
Кокетка записная;
Не умница, не красота,
Ничем Лилете не чета,
А я к ней всё пылаю:
За что? не понимаю.

В применении строфы у Илличевского и у Пушкина сказалось всё различие их стихотворной техники. Илличевский свободно передвинул строфу из балладного жанра в мадригальные куплеты! Пушкин же, по

Первый куплет ноэля Вяземского:

Спасителя рожденьем
Встревожился народ;
К малютке с поздравленьем
Пустился всякий сброд.
Моңахи, рифмачи, прелестницы, вельможи,
Иной пешком, другой в санях;
Дитя глядит на них в слезах
И вопит: что за рожи!

⁵⁴ «Русские пропилеи», т. 6, 1919, стр. 45—46.

выражению Г. О. Винокура, дал «балладный стих... удачно запечатлевший жанровые особенности баллады».⁵⁵

Иного происхождения строфа «На выздоровление Лукулла» (1835). Строфа состоит из семи четырехстопных ямбов и заключительного трехстопного, с рифмовкой, состоящей из двух четверостиший — перекрестного и охватного; строфа начинается и кончается мужским стихом (*aBaBcDDc*).

Строфа эта тоже не случайна. Пушкин явно воспользовался строфой хорошо ему известного стихотворения Державина «Ко второму соседу» (1791):

Не кость резная Холмогор,
Не мрамор Тифды и Рифея,
Не Невски зеркала, фарфор,
Не шелк Баки, ни глазуменя
Благоуханные пары
Вельможей делают известность:
Но некий твердый дух и честность,
А паче Муз дары.

Незадолго до 1835 года Пушкин писал в поэме «Езерский»:

Державин двух своих соседей
И смерть Мещерского воспел...

И, конечно, здесь не может быть случайного совпадения: слишком прихотлива строфа данного стихотворения.

Пушкин хорошо воспроизвел одическую форму Державина, проникнутую ироническим тоном. Подобно своему образцу Пушкин написал одусатиру.

Наконец, к типу восьмистиший смешанного ямба относится строфа «Воспоминаний в Царском Селе» (1814), повторенная Пушкиным в 1829 году. Строфа эта прихотлива. В ней смешан четырех- и шестистопный ямб, причем в первой половине строфы доминирует четырехстопный ямб с одним шестистопным на третьем месте, во второй половине основной стих — шестистопный ямб с заключительным четырехстопным. Рифмовка проста, два перекрестных четверостишия с мужским стихом в конце (*AbAbCdcD*).

Строфа не везде выдержана с одинаковой точностью: в строфах XIII и XVII заключительные стихи насчитывают не четыре, а три стопы. Резкий переход с инерции шестистопного ямба на укороченный четырехстопный стих содействует тому, что длина этого короткого стиха почти неощутима. Трехстопный ямб на фоне шестистопных играл ту же роль, что и четырехстопный.

Строфа эта, по-видимому, оригинального изобретения Пушкина. Но она основана на традиции XVIII века, когда в одах дифирамбического порядка применялось смешение размеров, особенно шестистопных ямбов с четырехстопными. Г. О. Винокур в цитированной статье называет эту традицию «петровско-державинской». Но, пожалуй, для «Воспоминаний о Царском Селе» можно найти и более близкие образцы. Построения Петрова и Державина в общем далеки от строфы Пушкина. Гораздо ближе к нему строфа элегии Батюшкова «На развалинах замка в Швеции». Это произведение было еще новинкой в тот момент, когда

⁵⁵ Пушкин и его современники, вып. XXXVIII—XXXIX, 1930, стр. 35. Стилистический анализ «Жениха» с учетом происхождения строфы см. в статье А. М. Кукулевича и Л. М. Лотман в шестом выпуске «Временника Пушкинской комиссии» (1941).

Пушкин писал свою оду. Оно появилось в середине 1814 года, а «Воспоминания» готовились к октябрю. Строфа Батюшкова тоже восьмистишная, но с преобладанием шестистопных стихов. Четырехстопные в первом четверостишии занимают второе и четвертое место (т. е. от строфы Пушкина отличаются только первым стихом, который у Пушкина насчитывает не шесть, а четыре стопы), а во втором четверостишии заключительный стих не четырех-, а трехстопный (как спорадически и у Пушкина: в лицейской редакции в трех строфах),⁵⁶ и, может быть, эта ошибка происходила под прямым влиянием строфы Батюшкова. Несколько отличается рифмовка Батюшкова: первое четверостишие тоже перекрестное, но обратного движения мужских и женских рифм, второе — охватное, так что заключительный стих тоже мужской (*aBaBcDDc*).

Сближает «Воспоминания» Пушкина со стихотворением Батюшкова и жанр. Батюшков назвал его «Элегия». Между тем, по существу, это — гибридный жанр, одинаково относящийся как к оде, так и к элегии. Как у Петрова ода усложнялась дифирамбом, так у Батюшкова державинская ода (в широком значении слова) усложнена элегией.

К тому же жанру относятся и «Воспоминания в Царском Селе». Самая структура оды показывает, как Пушкин шаг за шагом следовал за композицией Батюшкова.

Уже светило дня на западе горит
И тихо погрузилось в волны!..
Задумчиво луна сквозь тонкий пар глядит
На хляби и брега безмолвны.
И всё в глубоком сне поморие кругом.
Лишь изредка рыбарь к товарищам зовет;
Лишь эхо глас его протяжно повторяет
В безмолвии ночном.

Так же и Пушкин начинает с описания наступления ночи:

Навис покров угрюмой ночи
На своде дремлющих небес...

Так же присутствует обязательная луна. Если Батюшков пишет:

В священном сумраке дубровы,

Пушкин ему вторит:

В седом тумане дальний лес.

За экспозицией наступления ночи у Батюшкова следует пейзаж. То же самое — во второй и третьей строфах оды Пушкина.

Этот пейзаж вызывает у Батюшкова исторические воспоминания:

Но здесь живет воспоминанье,
у Пушкина:

Здесь каждый шаг в душе рождает
Воспоминанья прежних лет...

⁵⁶ Подобную ошибку при переходе от шестистопного ямба к короткому стиху допустил не только Пушкин, но и его дядя в стихотворении «К любимцам муз» (подражание Горацию). Стихотворение это писано по формуле 6646 (рифмовка *AbAb*), но из шести строф только три выдерживают эту формулу. В других строфах (II, IV и V) вместо четырехстопного стиха — трехстопный.

Естественно, что содержание этих воспоминаний диктуется обстановкой, и потому различно.

Кроме того, существенная разница та, что военные воспоминания Батюшкова двупланны: за описанием древних сражений кроется параллель с войной 1812—1814 годов. Эта параллель раскрывается только в заключительных строфах:

Где ж вы, о сильные, вы Галлов бич и страх...

Но Пушкин расчленяет эти оба плана, согласно заданию экзаменационной патриотической оды. Быстро от исторических воспоминаний он переходит к войне 1812 года, которую, впрочем, описывает по системе боевых исторических картин Батюшкова. И подобно Батюшкову в конце он вводит тему поэта. У Батюшкова:

Где прежде Скальд гремел на арфе золотой...

У Пушкина несколько неожиданно появляется тот же «скальд»:

О скальд России вдохновенный...

Греми на арфе золотой!

Зависимость конструкции, лексики и образов «Воспоминаний в Царском Селе» от стихов Батюшкова несомненна.⁵⁷ Отсюда можно заключить, что и строфа построена на основании строфы Батюшкова.⁵⁸

19

Что касается десятистишных ямбических строф Пушкина, то они представлены только четырехстопным ямбом. Их две, и обе одические. Классическая одическая строфа, построенная на перекрестном четверостишии и обычном шестистишии с замыкающим мужским стихом (*AbAbCCdEEEd*), представлена в «Оде Д. И. Хвостову» и вызвана нуждами пародии на классическую оду.

Гораздо любопытнее появление этой строфы во втором подражании Корану. Мы уже имели случай убедиться в применении одической строфы в этом цикле. Точно так же ввел сюда Пушкин и освященную веками классическую строфу Малерба, Ломоносова и их последователей:

О, жены чистые пророка,
От всех вы жен отличены:
Страшна для вас и тень порока.
Под сладкой сенью тишины
Живите скромно: вам пристало
Безбрачной девы покрывало.
Храните верные сердца
Для нег законных и стыдливых,
Да взор лукавый нечестивых
Не узрит вашего лица!

⁵⁷ К этому же результату пришел Г. О. Винокур на основании лексикологических наблюдений: «Вообще весь склад оды молодого Пушкина сильнее всего напоминает стиль Батюшкова, а отчасти и Жуковского» (Г. О. Винокур. Наследство XVIII в. в стихотворном языке Пушкина. Сб. «Пушкин — родоначальник новой русской литературы», М.—Л., 1941, стр. 538).

⁵⁸ Строфа Батюшкова без всяких изменений была воспроизведена позднее А. Писаревым в стихотворении «Берега Дона» («Новости литературы», 1823, кн. III, № XVII, стр. 60—64).

Но в собственных одах чистого жанра Пушкин не применил данной строфы. Единственный случай десятистишия одической строфы мы находим в «Бородинской годовщине» (1831), но там она не обычного образца. Любопытно, что и здесь из видоизменений одической строфы Пушкин избрал форму, начинающуюся и замыкающуюся мужским стихом. Формула этой оды: *aBaBccDeDe*. Рифмовка достаточно прихотлива. Однако она не является изобретением Пушкина. Эту строфу применил Ломоносов в оде 1761 года «На день восшествия на престол Елизаветы Петровны». Вот одна из строф ломоносовской оды:

Посмотрим в западны страны:
От стрел Российския Дианы,
Из превеликой вышины
Стремглавно падают Титаны;
Ты, Мемель, Франкфурт и Кистрин,
Ты, Швейдниц, Кенигсберг, Берлин,
Ты, звук летающего строя,
Ты, Шпрея, хитрая река,
Спросите своего героя:
Что может русская рука.

Строф длиннее 10 стихов у Пушкина нет, за исключением строфы «Онегина», которая всецело принадлежит его собственному изобретению и которая должна быть предметом особой темы.

20

Отдельно от всех перечисленных стоят такие формы, как октавы, сонет и терцины, — все три итальянского происхождения.

Октавы у Пушкина встречаются в трех формах. Первые октавы писаны им в 1821 году. Это стихи, посвященные Крыму:

Кто видел край, где роскошью природы
Оживлены дубравы и луга,
Где весело шумят и блещут воды
И мирные ласкают берега,
Где на холмы под лавровые своды
Не смеют лечь угрюмые снега?
Скажите мне: кто видел край прелестный,
Где я любил, изгнанник неизвестный?

Октавы эти писаны цезурованным пятистопным ямбом, и каждая строфа начинается и кончается женским стихом, образуя столкновение женских нерифмующих стихов при переходе от строфы к строфе.

Тематически эти октавы связаны с вступлением к «Абидосской невесте» Байрона и песенкой Миньоны Гёте. По-видимому, октавы эти предназначались в качестве введения или посвящения к «Бахчисарайскому фонтану».

Форма эта ведет начало от октав Гёте, являющихся посвящением (Zueignung) к «Фаусту»:

Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten.

Октавы Гёте известны были Пушкину в оригинале (из «Пролога» к «Фаусту» Пушкин взял эпиграф к «Кавказскому пленнику» и «Тавриде»: «Gib meine Jugend mir zurück!»). Но, по-видимому, еще большее

значение имел для него перевод этих октав Жуковского, помещенный им в качестве посвящения к «Двенадцати спящим девам»:

Опять ты здесь, мой благодатный Гений,
Воздушная подруга юных дней...⁵⁹

Отличие Пушкина от Гёте и Жуковского только в одной детали стиха: его стих имеет обязательную цезуру после четвертого слога. Гёте совершенно не пользуется этой цезурой. У Жуковского в данных стихах она доминирует, но в 4 случаях из 32 стихов эта цезура смещена. Таким образом, эти октавы стоят в пушкинских стихах обособленно и связаны они с проблемой «посвящения» поэмы.

Любопытно, что, применив октавы в 1821 году в данном стихотворении, Пушкин считал эту строфу мало усвоенной русским стихосложением, и, когда в 1826 году переводил из Ариосто строфы «Неистового Орланда», он, подобно давно установившейся традиции переводчиков, не считал нужным соблюдать строфическую форму оригинала и свободно выбирал стих и систему вольной рифмовки, ничем не связывая себя.

Проблему октавы Пушкин снова поставил перед собой только в 1830 году. К тому времени ему был известен в русских стихах опыт Дельвига, относящийся к 20-м годам, «К друзьям».⁶⁰

Я редко пел, но весело, друзья!

Дельвиг установил правило чередования рифм от строфы к строфе, а поэтому, начав (и кончив) первую октаву мужским стихом, он вторую октаву начинает женским стихом:

Все ж песни вам от сельского поэта!

По-видимому, импульсом к написанию «Домика в Коломне» в октавах послужили Пушкину октавы Байрона в его иронических поэмах («Беппо», «Дон-Жуан»), равно как и октавы других английских поэтов (в частности, Барри Корнуоля).

Однако английские октавы, которые имел перед глазами Пушкин, резко отличаются от русских, так как в них совершенно не соблюдается закон чередования окончаний (равно как и в итальянских октавах, где доминирует одно женское окончание, за совершенно ничтожными исключениями).

Октавы Пушкина, подобно октавам Дельвига, в «Домике в Коломне» дают картину непрерывного чередования окончаний. Таким образом, написав первую октаву с мужским стихом в начале и конце, вторую октаву Пушкин начинает женским стихом и т. д. Так продолжалось до XXXVI строфы, в которой Пушкин совершил ошибку, а именно написал строфу в 7 стихов (не достает третьей рифмы ко второму стиху), и эта октава, начавшись с мужского стиха, заканчивалась женским. Впрочем, правило чередования само по себе не нарушено до конца повести.

Октавы, происходящие от итальянских, писанных одиннадцатисложным стихом, по правилу равнострожности передавались русским пятистопным ямбом. Это же можно отнести и к сонетам. Однако во Франции

⁵⁹ Об октавах Жуковского см. полемику П. А. Катенина и О. М. Сомова в «Сыне отечества» (1822, чч. 76 и 77; там же спор о *riombare*; см. письмо Пушкина к Катенину от 19 июля 1822 года).

⁶⁰ Вряд ли Пушкин осведомлен был к тому времени об опытах С. П. Шевырева, относящихся к сентябрю 1830 года и напечатанных только в 1831 году (перевод в октавах из «Освобожденного Иерусалима»).

сонеты чаще писались двенадцатисложным александрийским стихом. Этот стих и считался ближайшим французским эквивалентом итальянского одиннадцатисложного. Более близкий к нему французский десятисложный у себя на родине был оттеснен в особые жанры, далекие от тех, в которых применялся итальянский одиннадцатисложник. Переводы сонетов десятисложником относительно редки. Пушкин воспользовался этой свободой французского стихосложения и перенес ее на русскую почву. Применил он это к сонетам, октавам и терцинам. Все эти три формы представлений у него как в пятистопном ямбе, так и в шестистопном.

Александрийским стихом написаны октавы «Осени». И в них применен закон чередования рифм. Это стеснило Пушкина. Так, когда он по ошибке написал XI строфу, начав с женского стиха («И мысли в голове волнуются в отваге. . .»), в то время как предыдущая Ха строфа начиналась также с женского («Стальные рыцари, угрюмые султаны. . .» — Больш. Акад. изд., т. III, 2, стр. 916, 936), он принужден был строфу Ха вычеркнуть для восстановления правила чередования окончаний. По-видимому, чистой случайностью объясняется то, что стихотворение «Узнают коней ретивых. . .», состоящее из восьми строк, срифмовано по правилам октавы.

Сонеты Пушкина относятся к тому же периоду (все три написаны в 1830 году).⁶¹ Они возникли у него под влиянием чтения стихов Вордсворта и Сент-Бева.

С сонетной формой Пушкин обращался очень свободно, нарушая классические правила сонетов Петрарки. Если в построении терцетов ему препятствовали русские правила чередования (по-итальянски терцеты строятся по разным формулам, в том числе и несогласуемым с правилами чередования: *АВСАВС*, *АВСВАС*, *АВАВАВ*, *АВВВАА*), то в четверостишиях, которые у итальянцев обычно имеют форму *АВВААВВА*, такого препятствия не было.

Пушкинские сонеты принадлежат к очень вольной форме. Во всех трех сонетах последовательность рифм особенная. Соблюдено лишь единство двух рифм в четверостишиях. Порядок их произволен. В «Сонете» («Суровый Дант. . .») рифмовка четверостиший перекрестная. В стихотворении «Поэту» первое четверостишие перекрестное, второе — охватное; в «Мадонне», наоборот, выдержана лишь рифмовка терцетов *ААЬСЬС* (в первом сонете с крайними женскими стихами, в двух остальных с мужскими, т. е. *ааВсВс*). Эта свобода характерна для французской школы сонетов. Уже у Малерба мы встречаем частые отступления от петрарковской рифмовки четверостиший,⁶² он пользовался наряду с охватной рифмой также и перекрестной. Точно так же применяемая Пушкиным рифмовка терцетов является господствующей в сонетах Малерба (причем положение мужских и женских окончаний у него также не фиксировано). По-видимому, эта форма сонетов Малерба, через французских и русских подражателей, и дошла по традиции до Пушкина.

У Пушкина только один — первый — сонет писан пятистопным ямбом, т. е. формой, эквивалентной размерам итальянских сонетов. Остальные два писались александрийским стихом, т. е. так, как писана большая часть французских сонетов.

⁶¹ Сонетам Пушкина посвящена специальная работа Н. В. Яковлева в сборнике: Пушкин в мировой литературе, ГИЗ, М., 1926, стр. 113—132.

⁶² У Плеяды (Дюбелле, Ронсар) почти всегда соблюдена петрарковская форма рифмовки четверостиший. Впрочем, Ронсар в сонете «Marie, en me taçant. . .» рифмовал также *АЬАЬААЬСССДЕЕд*. Свобода рифмовки вошла в обиход у поэтов «grégésieux».

Наконец, к итальянским терцинам Пушкин обратился в 30-х годах дважды: «В начале жизни школу помню я...» (пятистопный ямб) и «И дале мы пошли...» (шестистопный ямб).

У Пушкина были предшественники в русской поэзии, обращавшиеся к терцинам. Так, еще в 1823 году П. А. Плетнев написал терцинами (александрийским стихом) стихотворение «Судьба»:

Неизбежимый рок следит повсюду нас:
Ему обречены мы все, во всякой доле,
И он, неожиданный, к нам идет в свой страшный час.

Сидит ли мощный царь спокойно на престоле,
Иль мчитя по морю с заботою пловец,
Иль жадно славы ждет на ратном воин поле, —

Равно неизбежим и близок всем конец...

Еще в 1822 году А. С. Норов переводил терцинами разные эпизоды «Ада» (александрийским стихом; напечатаны в 1823, 1824, 1825 годах). Вот начало эпизода «Граф Уголино».

Мы оставляли их поспешно за собою,
Как вдруг, во льдистом рве, узрели двух людей,
Лежавших в хладной мгле, смежась глава с главою.⁶³

Возможно, что Пушкину были известны опыты Катенинских переводов из Данте 1827 года (напечатаны только в его «Сочинениях и переводах», 1832). Эти переводы более приближаются к подлиннику, так как сделаны пятистопным ямбом.

Во всех этих опытах соблюдено чередование мужских и женских рифм, отсутствующее в оригинале. Эта традиция сохранилась и до наших дней.

Пушкин хорошо был знаком и с итальянским текстом «Ада»: в одесский период он неоднократно цитировал в своих рукописях по-итальянски разные стихи из эпизода Паоло и Франчески.

Любопытно, что первые терцины («В начале жизни...») Пушкин сперва стал излагать октавами. По-видимому, для него не было принципиальной разницы между этими итальянскими строфами.

Вторые терцины имеют непосредственную связь с Данте: это эпизод из «Ада», хотя и изложенный несколько пародически, но со всеми особенностями стиля Данте.⁶⁴ То же следует сказать и о первых терцинах. Они проникнуты духом первых проблесков раннего Возрождения, переносят нас в Италию начала XIV века, рисуя столкновение схоластической культуры католицизма с образами античной древности, рисуя зарождение нового поэтического вдохновения, порожденного созерцанием античных статуй, трактуемых, с точки зрения монастырского мировоззрения, как изображение «бесов». Быть может, в этом именно (в чистоте исторического аспекта) и был смысл того, что Пушкин оставил октавы (которые у него связывались с именами Ариосто и Тассо, т. е. с культурой XVI века) ради терцин, которые ассоциируются обычно с произведе-

⁶³ Этот же эпизод ранее Катенин переводил четверостишиями пятистопного ямба (см.: Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах, ч. V, изд. 2-е, СПб., 1822, стр. 311—315).

⁶⁴ См. статью К. А. Шимкевича «Пушкин и Некрасов» (Сб. «Пушкин в мировой литературе», 1926, стр. 333—337).

ниями позднего средневековья.⁶⁵ Во всяком случае, непозволительно трактовать эти стихи как автобиографические (хотя, конечно, в основе всякого поэтического образа лежит жизненный опыт).

21

Второе место в творчестве Пушкина занимают хореические строфы. Они значительно беднее ямбических по своему разнообразию.

Из четверостиший четырехстопного хорей наиболее распространенными являются четверостишия перекрестной рифмовки, причем Пушкин (за одним лишь исключением) замыкал это четверостишие мужским стихом. Так написано тринадцать стихотворений самых разных годов.

По эмоциональному содержанию эти хореические стансы чрезвычайно разнообразны. Часть из них носит типический колорит фольклорных песен. Хорей издавна считался приметой народной песни, и притом не только в пределах русского фольклора. В русской поэзии конца XVIII века в этой функции он часто применялся в сентиментальном псевдонародном романсе («Голубок» И. И. Дмитриева, «Вечерком румяну зорю...» Н. П. Николева и др.). Из поздних стихотворений Пушкина этот фольклорный колорит носят две песни — «Бонапарт и черногорды» и «Вурдалак» («Песни западных славян»).

Другая часть хореических четверостиший Пушкина тяготеет к интимным формам карамзинистской поэзии. Сюда относятся «Воспоминание (К Пушкину)» (1815), стихи Соболевскому (1826). Это — род шутивного послания. Таково, например, послание Батюшкова к Петину:

О любимец бога брани,
Мой товарищ на войне!
Я платил с тобою дани
Богу славы не одне...

Таковы же у Дмитриева «Стансы к Н. М. Карамзину»:

Прочь от нас, Катон, Сенека!
Прочь, угрюмый Эпиктет!
Без утех для человека
Пуст, несносен был бы свет.

Тон подобных стихов тот же, что и в астрорических формах четырехстопного хорей.

Однако уже у карамзинистов хорей имеет и другую функцию. Отчасти под влиянием сентиментальной песни (вроде «Стонет сизый голубочек...»), отчасти, и в большой степени, под влиянием немецкой поэзии, в частности Шиллера, этот размер стал употребляться в элегических стихотворениях. Так, Батюшков написал «Любовь в челноке» и «Счастливица». У Жуковского к 1823 году относится стихотворение «Ангел и певец»:

Кто ты, ангел светлоокий,
С лучезарною звездой?
Из какой страны далекой
Прилетел на север мой?

⁶⁵ Из курса Сисмонди Пушкин мог вычитать, что изобретателем октав был Боккаччо, впервые применивший эту строфу в «Тезейде», около 1340 года, но расцвет псаем в октавах относится к XV веку. Что касается терцин, то Сисмонди называет Данте их изобретателем.

Из соединения двух четверостиший этого строя сделаны восьмистишие стихов «Таинственный посетитель» (1824).

Подобное употребление четырехстопного хорей (в астрофической форме) вскоре было подхвачено А. И. Подолинским в его нашумевшей в свое время поэме «Див и пери» (1827).

К подобному хорейскому стиху относятся такие стихотворения, как «Зимняя дорога», «Дар напрасный...».

Несколько особняком стоит стихотворение «Жил на свете...», по-видимому, связанное с западноевропейским фольклором.

В одном случае — ода из Анакреона «Поредели, побелели» — хорей связан с имитацией античных метров.

Из других форм четверостиший четырехстопного хорей мы имеем пример перекрестной рифмовки с женским стихом в конце. Это — ода из Анакреона «Что же сухо в чаше дно?..» И это стихотворение является имитацией античных метров. Так как основная форма этих имитаций белые стихи, то мы и коснемся этого вопроса в связи с белым стихом.

Особо стоит четверостишие смежной рифмовки, состоящее из пары мужских и пары женских стихов. Так написано стихотворение «С португальского» и «Ворон к ворону...». Выбор хорей для этих двух переводных стихотворений только в первом случае мог быть подсказан подлинником; во втором случае оригинал не хорейский, однако шотландская песня тоже распадается на четверостишие парной рифмовки (с одними женскими рифмами). Возможно, что Пушкин имел его перед глазами, причем избрал хорей как фольклорный размер, и парную рифмовку английского типа подчинил закону чередования рифм.

22

Особо стоят белые хорейские стихи 1835 года. В первую очередь это «Родрик». Стихотворение это разбито на правильные четверостишия, в которых нечетные стихи женские, а четные мужские, т. е. в них соблюдены правила чередования.

Этим стихом Пушкин передавал ритм испанских романсов. Передача эта приблизительна. В испанских романсах размер не хорейский, а силлабический; но по тем же правилам соответствия, какие применялись к переводам с французского, эти размеры передаются четырехстопным хореем. Испанские стихи не белые, а объединены ассонансом четных строк; этот ассонанс (совпадение гласных) распространяется не на пары стихов, а на длинные периоды. Правила чередования окончаний нет. Доминируют женские окончания. Но если стихи, связанные ассонансом, имеют мужское окончание (что бывало довольно часто), то получается обычно последовательное чередование женских и мужских стихов:

En París está doña Alda
la esposa de don Roldán,
trescientas damas con ella
para la acompañar:
todas visten un vestido,
todas calzan un calzar,
todas comen á una mesa,
todas comían de un pan,
sino era doña Alda,
que era la mayoral.

Однако еще до Пушкина установился обычай передавать испанские романсы именно белым стихом. Вслед за немецкими переводчиками так

стали поступать и русские имитаторы испанского эпоса. Так, еще в 1789 году Карамзин написал «Граф Гваринос» (древняя испанская историческая песня):

Худо, худо, ах, французы,
В Ронцевале было вам!
Карл Великий там лишился
Лучших рыцарей своих.

И Гваринос был пойман
Многим множеством врагов;
Армирала вдруг пленили
Семь арабских королей...

Здесь мы уже имеем точно формулу пушкинского четверостишия. За Карамзиным этим же метром пользовались Жуковский и Катенин. Катенинские переводы романсов Сида из Гердера напечатаны были в 1832 году:

«Голова не так завидна,
Как рука у короля». —
«Четверик ему пшеницы
Дать, сказал король, а ты
Обойми его, Химена,
Он изрядно подшутил».⁶⁶

Другого типа белые хорей стихотворений из Анакреона: «Что же сухо в чаше дно?..» (четверостишия перекрестной рифмовки с последним женским стихом) или «Мальчику» (1832) (астрофический четырехстопный хорей женского окончания, также — «Бог веселый винограда...»). Этим стихом Пушкин передавал античные анакреонтические трохаические тетраметры. И здесь Пушкин имел русских предшественников в лице переводчиков Анакреона (дававших образцы как рифмованных, так и белых хорейских переводов).

Одним из первых русских поэтов, применивших хорей в подражаниях Анакреону, был Сумароков (1755):

Пляскою свей, любезна,
Разжигай мое ты сердце,
Пением своим приятным
Умножай мою горячность.

Рифмованным стихом перевел Анакреона Ломоносов (1747?):

Мастер в живописстве первый,
Первый в Родской стороне,
Мастер, научен Минервой,
Напиши любезну мне.⁶⁷

Белые стихи встречаются в позднейших переводах, например, в переводах Н. А. Львова 1794 года (чередование мужских и женских стихов):

Я на лотовых листьях
И на ветвях мирты лежа,
На здоровье пить хочу.

⁶⁶ Эти слова пародировал Козьма Прутков:

И услышав то, дон Педро
Произнес со громким смехом
«Подарить ему барана;
Он изрядно подшутил».
(«Осада Памбы»).

⁶⁷ У Ломоносова четверостишия данного стихотворения сведены в восьмистишия.

Пусть сама любовь на раме
 Лентой подобрал хитон,
 Цельным мне вином услужит... и т. д.
 («На самого себя»)⁶⁸

Или у И. И. Мартынова в его переводе из Анакреона (1801):

И виски уж поседели,
 Голова моя бела!
 Мила юность улетела,
 Зубы стары у меня!
 Уж не много мне осталось
 Жизни сладкой провождать,
 Для того я повсечасно,
 Тартара боясь, стену,
 Глубина его ужасна!
 Вход в него для всех открыт,
 Выйти же назад не можно.⁶⁹

По-видимому, к тому же кругу имитации античных размеров относится и пропущенная сцена из «Бориса Годунова» — «Ограда монастырская» (Григорий и злой чернец):

Что за скука, что за горе наше бедное житье!
 День приходит, день проходит — видно, слышно всё одно...
 (Больш. Акад. изд., т. VII, 1937, стр. 263).

Эти стихи можно определить как восьмистопные хорей мужского окончания с постоянной цезурой после четвертой стопы.

Подобная структура стихов, воспринимаемых на слух как последовательность четырехстопных хореев женского и мужского окончаний, объясняется, несомненно, желанием передать трохаический тетраметр античных трагиков (Еврипида и др.).

В период написания «Бориса Годунова» Пушкин усиленно изучал историю драматургии и мог ознакомиться с этим размером по описаниям. Он имел возможность читать немецкие переводы античных трагедий, где передавались размеры подлинников и соответствующие стихи переводились таким же цезурованным восьмистопным хореем, например:

Gleich, wofern ich mich nicht irre, hörst du sichrer Wahrheit Wort,
 Denn es ziemet uns zu forschen, was der Laut des Mannes meint
 Ob sie gut sei oder böse, wird bestimmt die Botschaft sein.
 (Хор из «Персов» Эсхила в переводе Ф. Л. Штольберга).

23

Смешанные формы хорей с перекрестной рифмовкой употреблены в стихотворении «Казак» (1814) (четырёх- и трехстопный хорей, последние строки мужские) и «Тадарашка в вас влюблен...» (1821) (те же размеры, но обратное следование окончаний).

Размеры эти песенного характера международного употребления. Именно как песенные они употребительны во французской литературе, например:

Puisque le Temps, ce vieux reître,
 Qui compte nos jours,
 De sa faux demain, peut-être,
 En rompra le cours,

⁶⁸ Анакреон Тийский, Стихотворения, СПб., 1794, стр. 13.

⁶⁹ Анакреон Теоский, Стихотворения, переведенные с греческого И. Мартыновым, изд. 2-е, СПб., 1829, стр. 45.

Moquons nous de ses entraves,
 Et le verre en main,
 Aujourd'hui vidons nos caves,
 Le reste à demain.
 («Chanson de Capelle»)⁷⁰

Или с обратным расположением окончаний:

Lubin pour me prévenir
 Lit dans ma pensée,
 Et de même à le servir
 Je suis empressée.⁷¹

С тем же чередованием четырех- и трехстопного хоря, но с другой рифмовкой написана песня из чернового текста «Евгения Онегина» — «Вышла Дуня на дорогу. . .». В ней стихи рифмованы попарно, все имеют женское окончание. Хотя разбивки Пушкин и не дал, но, видимо, эту песню следует считать писанной четверостишиями. Во всяком случае, синтаксическое членение после четных пар сильнее, чем после нечетных.

24

Из хорейских шестистиший обычной рифмовки *ААЬССЬ* состоит «Воевода».⁷² И здесь этот стих взят как фольклорный.

Прихотливое семистишие трехстопного хоря представляет собой лицевское стихотворение «Делия», с рифмовкой *АВАВССВ*. По-видимому, эта форма изобретена самим Пушкиным. Она совпадает в порядке рифм со строфой «О Делия драгая! . .»

Из восьмистиший четырехстопного хоря наиболее распространенной является у Пушкина форма двух четверостиший перекрестной рифмовки с мужским стихом на конце. Так написано восемь стихотворений. Об этом размере можно сказать то же, что и о перекрестных четверостишиях четырехстопного хоря. Среди них следует различать фольклорные стихи (типа «Утопленника», «Бесов», к ним же примыкают стихи из «Цыган» — «Птичка божия не знает. . .», которые следует рассматривать как два восьмистишия), подражание испанским романсам («Пред испанкой благородной. . .») и часть стихотворений, идущих от лирики Жуковского, который применял эту строфу в таких стихотворениях, как «Элизиум» (1813), «Лалла Рук» (1821; напечатано в 1827 году) или «Жизнь» (1819; напечатано в 1821 году).

⁷⁰ Таким же размером, но двояными четверостишиями написана баллада Жуковского «Рыцарь Тогенбург» (1818), воспроизводящая размер оригинала Шиллера — «Ritter Toggenburg» (1797).

⁷¹ Оба примера из книги: P. Capelle. La Clé du Caveau, ed. 4, Paris, б. г., стр. 88. В качестве немецкого образца подобного размера можно назвать у Шиллера «Hochzeitslied» (1785; восьмистишиями).

⁷² В нефольклорной функции эта строфа была применена в 1828 году в незаконченном и недоработанном стихотворении «Рифма». Вот одна из законченных строф этого стихотворения:

Взяв божественную лиру,
 Так поведали бы миру
 Гезиод или Омир:
 Феб однажды у Адмета
 Близ тенистого Тайгета
 Стадо пас, угрюм и сир.

Именно к этому кругу произведений относится «Предчувствие» (1828) с такими стихами, напоминающими близко манеру Жуковского:

Ангел кроткий, безмятежный,
Тихо молви мне: *прости*,
Опечалься: взор свой нежный
Подыми иль опусти;
И твое воспоминанье
Заменит душе моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юных дней.

Особый строй имеет лицейское стихотворение «К Наташе». Оно по своей строфе стоит особняком в произведениях Пушкина. Его строфа состоит из четверостишия перекрестной рифмовки и четверостишия парной рифмовки с мужским стихом на конце (*AbAbCCdd*):⁷³

Свет Наташа, где ты ныне?
Как мне горьких слез не лить?
Иль не хочешь час единый
С другом сердца поделить?
Ни над озером волнистым,
Ни под кровом лип душистым
Ранней, утренней порой
Не встречаюсь я с тобой.
(Больш. Акад. изд., т. I, 1937, стр. 349).

Мне кажется, что совершенно не случайно совпадение этой строфы со стихотворением Катенина «Наташа»:

Ах! жила была Наташа,
Свет *Наташа* красота.
Что так рано, радость наша,
Ты исчезла как мечта?
Где уста, как мед душистый,
Бела грудь, как снег пушистый,
Рдяны щеки, маков цвет?
Всё не в прок: Наташи нет.

Но в таком случае возникает вопрос о датировке стихотворения Пушкина. В Академическом издании оно датировано августом-сентябром 1814 года. Стихи Катенина датированы тоже 1814 годом, но напечатаны были только в 1815 году.⁷⁴

У Катенина это — тип русской баллады (восходящий к тому же источнику, что и его «Ольга», т. е. к «Леноре» Бюргера). Однако меланхолическое начало отлично могло внушить Пушкину псевдонародную песенку, в духе сентиментального романа.⁷⁵

⁷³ Мартинов не дает примеров подобной строфы во французской поэзии.

⁷⁴ «Сын отечества», ч. 21, № XIII, стр. 16—19; этот номер вышел в свет 1 апреля 1815 года.

⁷⁵ Той же строфой была написана анонимная песня «Чижик»:

Не садись на эту ветку!..
Иль не видишь, что на ней
Злой ловец поставил клетку
Для погибели твоей?
Посмотри, как в ней порхает,
Участь горьку проклинаят
Зяблик — жертва простоты...
Попадешься ведь и ты!

(Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов, изданное Василием Жуковским, ч. II, М., 1810, стр. 193). Быть может, Пушкин учитывал и эту песню. Ср. в стихотворении «К Наташе» стих: «И как чижик в клетке тесной».

25

Из восьмистиший смешанного характера имеется строфа перекрестной рифмовки (последний стих женский) с чередованием четырех- и трехстопного хора:

Сводня грустно за столом
Карты разлагает.

Стихотворение это (1827) явно пародирует балладный размер, приближающийся к стиху «Светланы» Жуковского. Строфа «Светланы» сложная, она состоит из 16 стихов. Но первые 8 стихов построены так же:

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали;
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали...

Самая длинная хореическая строфа у Пушкина — десятистишие. Это строфа «Опытности». Она состоит из охватного четверостишия и трех пар стихов смежной рифмовки, последний стих мужской (*AbbAccDDee*). Два последние стиха — рефрен.

26

Из трехсложных размеров самый употребительный в строфических формах был амфибрахий.

Мы уже имели дело с двустипной строфой «Черной шали». Удвоение этого двустипия дает строфу «Узника» (1822).

Таким же образом Пушкин начал первоначальный набросок «Братьев разбойников», названный им «Молдавской песнью».

И этот размер явно ведет нас к Жуковскому. Так написан «Лесной царь» (1818) и «Мечта» (1818):

Ах, если б мой милый был роза-цветок.
Его унесла бы я в свой уголок;
И там украшал бы мое окно;
И с ним я душой бы жила заодно.

И в этом случае Жуковский передавал по-русски немецкий балладный стих, сглаживая его.

Четверостишиями парной рифмовки, но разных родов окончания (первая пара женских, вторая мужских) писано стихотворение «Туча» (1835).

По-видимому, и здесь источником является балладный стих Жуковского, хотя точного эквивалента у него не находим. Подобной рифмовкой, но дактилем, написано стихотворение Жуковского «Суд божий над епископом» (1831).

Двухстопный амфибрахий представлен в перекрестных четверостишиях романа «Я здесь, Инезилья...». Строфа эта, как можно думать, принадлежит самому Пушкину, так как она не передает размера английского оригинала.

Двухстопным анапестом мужского окончания написаны четверостишия песни Земфиры в «Цыганах». Их особенность та, что нечетные стихи между собой не рифмуют.

Оригинальное происхождение по всем данным имеет также пятистопная анапестическая строфа «Пью за здоровье Мери...», являющаяся, подобно стихотворению «Я здесь, Инезилья...», переводом из Барри Корнуоля.

Шестистишиями (четырёхстопным амфибрахием) написаны IX подражание Корану и «Кавказ». Первое состоит из трех парных двустуший, из которых первое и последнее мужские, а среднее женское; второе имеет формулу *aVВaСС*. Первое, несомненно, является развитием балладного стиха. Вероятно, обе строфы принадлежат самому Пушкину.⁷⁶

Шестистишие смешанного типа применено Пушкиным в 1815 году в балладе «Сраженный рыцарь». Оно имеет формулу смены стихов разного числа стоп *443443*; рифмовка следует за сменой размера: все длинные стихи мужские, короткие — женские. Таким образом получаются обычные шестистишия *aaVccB*.

Строфа составлена Пушкиным в подражание балладным формам немецкого происхождения. Так написана баллада Гёте «Der getreue Eckart» (1813):

O wären wir weiter, o wär' ich zu Haus!
 Sie kommen, da kommt schon der nächtliche Graus;
 Sie sind's, die unholdigen Schwestern.
 Sie streifen heran und sie finden uns hier,
 Sie trinken das mühsam geholte, das Bier,
 Und lassen nur leer uns die Krüge.

Особенность этой баллады Гёте, в отличие от баллады Пушкина, в том, что третий и шестой стихи не рифмуют между собой.

Особое место занимает строфа «Будрыса» (1833). С точки зрения рифмы в этой строфе шесть стихов, по расположению строчек — четыре. Написана она анапестом. Первый и третий стихи одинаково состоят из рифмующих между собой полустиший двухстопного анапеста женского окончания; четные стихи — трехстопный анапест тоже женского окончания. Таким образом, по числу стоп мы получаем формулу: $2+2, 3, 2+2, 3$. Рифмы располагаются: *A+A, B, C+C, B*.

Этот строй точно соответствует польскому оригиналу Мицкевича «Trzech Budrysów»:

Stary Budrys trzech synów, tęgich jak sam Litwinów,
 Na dziedziniec przyzywa i rzecze:
 Wyprowadźcie rumaki, i narzędźcie kulbaki,
 A wyostrzcie i groty i miecze.

Следует обратить внимание, что данную балладу Мицкевич написал не силлабическим, а тоническим стихом — выдержанным анапестом. Пушкин до деталей воспроизвел этот размер. Характерно, например, то, что сверх постоянных ударений анапеста стихи эти принимают частые ударения на первых слогах стиха или полустишия (см. первый стих Мицкевича); это же наблюдается и в переводе Пушкина. Впрочем, по-видимому, это общее свойство анапеста, в разной степени отражающееся в индивидуальной манере разных авторов. Перевод Пушкина в этом однотипен с оригиналом Мицкевича.

Тем же размером у Мицкевича писана и другая баллада, переведенная Пушкиным, — «Czaty» (в переводе Пушкина «Воевода»), но здесь Пушкин

⁷⁶ В цитированной ранее статье Ф. Головенченко «Строфы» мы находим странное, но безапелляционное заявление: «Секстиной написано стихотворение Пушкина „Кавказ“... Это образец классической секстины» («Литературная учеба», 1941, № 2, стр. 93). Между тем классическая секстина (т. е. итальянская строфа эпохи Возрождения), конечно, ничего общего со строфой «Кавказа» не имеет. К сожалению, то же самое мы находим и у Н. Н. Шульговского (Теория и практика поэтического творчества, СПб., 1914, стр. 418).

кин отступил от оригинала в структуре строфы (и вообще в степени точности перевода). Он сохранил лишь последовательность рифм.

Строфа Мицкевича воспроизводит строфу баллады Жуковского «Замок Смальгольм, или Иванов вечер», в свою очередь воспроизводящую строфу баллады Вальтера Скотта. Но и в английском оригинале и в переводе Жуковского нечетные стихи имеют разную структуру. Мицкевич избрал из этих разных форм ту, где в каждом нечетном стихе рифмуют между собой полустишия. Такова третья строфа баллады Скотта—Жуковского:

Но в железной броне он сидит на коне:
Наточил он свой меч боевой;
И покрыт он щитом; и топор за седлом
Укреплен двадцатифунтовой.

Но наряду с таким строем в балладе Жуковского, как и в оригинале, встречаются строфы другой рифмовки, например:

Соскочив у часовни с коня за стеной,
Притаясь в кустах, он стоял;
И три раза он свистнул — и паж молодой
На условленный свист прибежал.

Отметим следующие особенности баллад Мицкевича: 1) выдержан строй типа третьей строфы «Замка Смальгольма»; 2) в силу свойств польского языка и привычных форм стихосложения в стихах и полустишиях принята женская рифма; 3) Мицкевич с большей свободой, чем Жуковский, пользуется допущением неметрического ударения на первой стопе анапеста (на начальном слоге), причем слово, несущее это ударение, может быть и односложным; 4) как следствие предыдущего по прозодическим законам польского языка фиксированные тонические ударения стиха вызывают и фиксированные словоразделы, в результате чего нечетные стихи распадаются на слова по числу слогов: $(4+3; 4+3)$, а нечетные: $(4+3+3)$. Благодаря допущению неметрических ударений вместо четырехсложного начального слова может быть сочетание двух слов: $(2+2)$, а если неметрическое ударение падает на односложное слово, то $(1+3)$.

При переводе на русский Пушкин соблюдал все особенности строфы Мицкевича, кроме последней, являющейся механическим следствием прозодии польского языка.⁷⁷

⁷⁷ Строфа баллад Мицкевича «Czaty» и «Trzech Budrysów» неоднократно являлась предметом внимания польских стиховедов. Так, она подвергается теоретическому и историко-литературному изучению в статье «Четырнадцатисложник» в сборнике Польской Академии наук «Sylabizm» (Варшава, 1956). Автор — Б. Лопаткувна — так характеризует строфу Мицкевича: «Это анапесты. Czaty, кроме того, обнаруживают правильную дробимость стиха: $7 (4+3) = 7 (4+3)$. Языковая трудность в осуществлении анапестичного ритма вызывает в польских анапестах, начиная с Мицкевича, наличие дополнительного неметрического ударения, роднящего их с дитрохеями» (Силлабизм, стр. 434). Б. Лопаткувна приводит примеры подобной же строфы (но иногда без внутренней рифмы в нечетных стихах) в произведениях Словацкого, В. Поля, Б. Островской, современной поэтессы, применившей эту строфу в лирике. Специальному рассмотрению происхождения мицкевичевской строфы от баллады Скотта в переводе Жуковского посвящена из новых работ статья покойного польского стиховеда К. Заводзиньского «Генезис строфы Мицкевича „Стражи“ и „Трех Будрысов“» в его книге «О польском стихосложении» (K. W. Zawodziński. Geneza «sm», czyli strofy «Czat» i «Trzech Budrysów». Studia z wersyfikacji polskiej, Zakład imienia Osso-

Строфа «Будрыса» встречается у Пушкина еще один раз в наброске едва лишь намеченного стихотворения (но без внутренних рифм):

Ну, послушайте, дети: жил-был в старые годы
Живописец, католик усердный.

По тому, что данный отрывок находится на одном листке с записью, датированной июлем 1831 года, к тому же времени относят и стихи. Такая датировка загадочна, так как совпадение со строфой баллады Мицкевича вряд ли случайно, а с балладой этой Пушкин ознакомился только в 1833 году.

Смешанным амфибрахией написана «Песнь о вещем Олеге». Она состоит из четверостишия, в котором чередуются четырех- и трехстопные амфибрахии и двустишия четырехстопного амфибрахия (434344). Рифмовка точно совпадает со сменой размеров: все длинные стихи мужские, а короткие — женские (аВаВсс). Источник этой строфы можно указать с достаточной точностью. Это строфа «Горной дороги» (1818) Жуковского. Следует только отметить, что в этом стихотворении две строфы — I и IV — имеют последнюю пару стихов женских. Остальные четыре строфы построены, как и у Пушкина:

Там мост через бездну отважной дугой
С скалы на скалу перегнулся;
Не смертною был он поставлен рукой —
Кто смертный к нему бы коснулся?
Поток под него разъяренный бежит;
Сразить его рвется и ввек не сразит.

Жуковский очень точно следовал за рифмовкой немецкого оригинала («Berglied» Шиллера). И там мы видим ту же непоследовательность в структуре замыкающего строфу двустишия и в тех же строфах. Стих Шиллера не является амфибрахией. Это акцентный стих, но Жуковский постоянно передавал его правильным амфибрахией.

Избирая данную строфу для «Песни о вещем Олеге», Пушкин не связывал себя особенностями, характерными только для круга произведений, писанных этой строфой. Она звучала для него как примета более широкого жанра немецкой баллады. Так, в частности, жанр баллады «Граф Габсбургский» (перевод Жуковского, 1818) ближе к «Песни о вещем Олеге», чем жанр перечисленных баллад.

Не лишено возможности и то, что строфа «Графа Габсбургского» сыграла в этом отношении свою роль. Дело в том, что строфа этой баллады включает в себя состав строфы «Горной дороги» как составную часть. После шести стихов этого строя идут еще четыре стиха строя 3443 с соответствующей рифмовкой. Быть может, Пушкин и исходил из этой строфы, но, считая ее перегруженной, отбросил эту четверостишную

lińskich — wydawnictwo, Wrocław, 1954, стр. 454—460). Подвергает подробному анализу внутренней структуры баллад Мицкевича К. Будзык в статье «Что такое польский силлаботонизм», напечатанной в его книге «Разыскания из области вспомогательных наук и истории польской литературы» (K. Budzyk. Co to jest polski sylabotyzm? Studia z zakresu nauk pomocniczych i historii literatury polskiej, t. I, Zakład imienia Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii nauk, Wrocław, 1956, стр. 400 и сл.). Кроме названных авторов, строфу Мицкевича анализировали и многие другие польские историки литературы (Г. Фельчакувна, Ю. Клейнер, А. Важики, М. Длуска и др.).

«коду», основываясь на примере собственной строфы Шиллера, известной ему в переводе Жуковского.⁷⁸

Двухстопным дактилем обычной рифмовки *ААЬССЬ* писан один из куплетных отрывков «Леды» (1814). Здесь, по-видимому, Пушкин не имел никакого образца, так как французская кантатная форма вряд ли могла ему дать какой-нибудь близкий к этому размеру образец.⁷⁹

Из восьмистиший трехсложных размеров написано одно только стихотворение «Заздравный кубок» (1816). Строфа эта находится в несомненной зависимости от строфы «Пуншевой песни» Шиллера, имеющей тот же мотив и те же окончания. Разница та, что стихи Шиллера нерифмованные. Но в лице Пушкин, по-видимому, считал рифму настолько обязательной, что рифмовал даже гекзаметры. Белые стихи он допускал только в форме, канонизированной долгим обычаем, например, в стихах размера «Бовы».

27

Рассмотрение строфических форм Пушкина позволяет разделить их на три класса. К первому и едва ли не самому многочисленному классу относятся строфы, имеющие узкую жанровую прикрепленность.

В таких случаях для Пушкина строфа является приметой определенного стиля. Со строфой Пушкин ассоциирует эмоциональное и тематическое содержание стихотворения. Со строфой связан и лексический отбор. Если Пушкин имеет в виду определенное произведение, то у него мы наблюдаем обычно соответствие ему в теме и структуре произведения. По признакам строфы мы можем найти, что именно послужило импульсом к созданию стихов на мотив, ему знакомый. Его стихи являются как бы репликой на строфический прототип, иногда в порядке параллельного развития в том же стилистическом плане, что и стихи его предшественников, иногда в порядке соревнования, часто в форме полемики.

⁷⁸ Любопытна дальнейшая судьба этой строфы. Ее подхватил А. Н. Муравьев, помещавший при своей поэме «Таврида» (М., 1827) ряд стихотворений, среди которых несколько написанных строфой «Олега». Из них одно — баллада «Ольга» (стр. 88—92) — находится в прямой зависимости от Пушкина. Но остальные тяготеют к жанру элегий. Таковы «Уныние» (115—116), «Стихии» (118—119), «Прометей» (120—121). В 1832 году этой строфой воспользовался Баратынский в стихотворении «На смерть Гёте». Эту же строфу применил Бенедиктов в 1837 году («Певец») и В. Туманский в 1834 году («Неаполь, прощай»).

⁷⁹ Единственно, что можно предположить в этом направлении, это то, что Пушкин вопреки традиции передал двухстопным дактилем четырехсложный французский стих (обычно передаваемый двухстопным ямбом). Тогда, конечно, возможно искать прототип и во французской поэзии. По Мартинону, подобные шестистишия характерны для средневековья (см.: Ph. Martinon. Les Strophes, стр. 228). В период увлечения «трубадурной» поэзией подобные формы возвращались во Франции (вторая половина XVIII века, эпоха Консульства и Империи). Образец подобных стихов мы найдем и у Парни, например «Hier Nicette...». Стихотворение это писано вольной рифмовкой, но в нем характерно наличие ряда канонических шестистиший. По заявлению Парни, он заимствовал стих из старофранцузской поэзии:

De cette idylle
J'ai pris le style
Chez les Gaulois;
Sa négligence
De la cadence
Brave les lois...
(«Envoi à Élénore»).

В таком случае двухстопный дактиль «Леды» надо считать вариантом ритма двухстопного ямба и родственным стихам типа «Что наша роза?».

Строфу Пушкин воспринимал органически. Строфическая форма вызывала у него сложный комплекс ассоциаций, неразрывно связанных друг с другом.

Реже мы встречаем некоторую нейтрализацию строфы, которая самим употреблением утратила свою индивидуальность и имеет лишь общую широкую жанровую основу (иногда прикрепленность к целому ряду жанров). Пушкин крайне редко передвигал строфу из жанра в жанр. Если мы встречаем такого рода передвижку, мы всегда вправе поставить вопрос о том, не является ли данная строфа субъективно-оригинальной, т. е. выбранной Пушкиным без всякого обращения к традиции.

Наконец, третьим и очень ограниченным классом строф являются оригинальные строфы Пушкина. Его изобретательство в этом было очень скупо. Если сравнить его строфику, например, со строфикой его друга Дельвига, то эта скудость Пушкина проявляется особенно ясно.

Пушкин изобретал строфы только тогда, когда видел к тому достаточные поводы. Метрическое и строфическое изобретательство в целях обновления ритма было чуждо Пушкину.

Но зато его изобретения в строфике исключительно удачны. Венцом этих изобретений является онегинская строфа.

28

Собственно говоря, строгими строфическими формами не исчерпывается вопрос о строфической композиции. Не говоря уже о ряде промежуточных форм (вольные стансы, композиции разного рода, тяготеющие к строфам, и т. п.), самая структура астрофических стихов не однородна с точки зрения композиционного объединения стихов. Таким образом, полная картина строфики могла бы быть освещена только на основе полного изучения композиции всего стихотворного наследия Пушкина. Однако в настоящей очерке от этого приходится отказаться, выделив анализ астрофической композиции в особую тему, которая в сочетании с темой настоящей статьи и даст в итоге характеристику ритмико-строфической композиции в творчестве поэта.

Поэтому, подводя хронологические итоги рассмотренному здесь материалу, необходимо подчеркнуть его ограниченность с точки зрения полноты, не говоря уже о том, что данный материал требует еще дополнительного анализа с точки зрения ритмико-синтаксического его построения; но подобный анализ, не поддержанный анализом структуры и астрофических форм, в пределах строгих строфических форм не дал бы сколько-нибудь убедительных выводов.

На ранние лицейские годы, особенно на 1814—1815 годы, падает значительное количество строфических форм как по отношению к общему количеству строфических форм, так в особенности по отношению к написанному (около 40% всей лирики). Доминируют преимущественно подражательные строфы романского происхождения. Это — строфы французско-русского обихода того времени.⁸⁰ Только изолированные строфы имеют иное происхождение. Такова балладная строфа «Сраженного рыцаря», взятая с немецкого (быть может, под прямым влиянием Кюхельбекера и отчасти в связи с балладным творчеством Жуковского). Оригинальных

⁸⁰ Среди них — куплеты (см. французские куплеты Пушкина «Quand un poète en son extase» и русские коллективные куплеты «С позволения сказать» в Больш. Акад. изд., т. I, 1937, стр. 285, 310).

строф сравнительно мало, и являются они вариациями знакомых Пушкину строф, например строфы «Воспоминаний в Царском Селе», варьирующие строфы Батюшкова.

Отдельные формы этих строфических поисков Пушкина не лишены изысканности. Так, сложностью отличается и названная строфа «Воспоминаний», и строфы стихотворения «Рассудок и любовь» (рефренное шестистишие), и строфы обеих «Делий».

Самая структура астрофических форм далеко не аморфна. Так, белый стих «Бовы», будучи астрофичен (так как все стихи тождественны и не объединены в комплексы), является определенной традиционной композиционной формой. Это — четырехстопный хорей дактилического окончания, стих «Ильи Муромца» Карамзина (примененный с некоторым видоизменением в «Бахариане» Хераскова, допускавшего неударный слог на четвертой стопе при условии наличия ударения на последнем слоге, т. е. как бы заменявший спорадически финальную стопу дактиля анапестом). Стих этот — псевдонародный — служил приметой сказочного «русского» размера. Он вошел особенно в моду как русский национальный стих в эпоху войны 1812 года (не только в эпическом, но и в песенно-лирическом применении).

Так же изысканно построение эпиграммы «Угрюмых тройка есть певцов...», воспроизводящей французскую эпиграммическую форму «Contre-petterie».⁸¹

К изысканным формам следует отнести кантатную форму. «Сложной» композиции «Леды», воспроизводящей форму кантат Ж. Б. Руссо,⁸² и, наконец, пародическое применение имитации гекзаметра с неожиданными рифмами в эпиграмме. Эта изысканность композиционных форм исчезает в дальнейшем.

В следующие годы общее относительное количество строфических стихотворений падает (держится в пределах 10—25% всей лирики), причем преобладают простые строфические формы (четверостишия и их вариации).

Романсные формы (если не считать нарочитых «куплетов») уступают место одическим строфам и их видоизменениям. Изредка появляются балладные формы (особенно в начале 20-х годов: «Черная шаль», «Песнь о вещем Олеге», позднее «Жених», — все из строф германского происхождения).⁸³

Впервые в 1821 году Пушкин применил форму октавы (в ее варианте Гёте — Жуковского). Изысканные формы строф исчезают. Единственным образцом такой строфы является романс «Ночной зефир...» (см. также редкое сочетание пяти- и четырехстопных ямбов в неоконченном послании «Ты прав, мой друг...»). В общем же доминируют сравнительно простые формы.

Повышение внимания к строфическим формам относится к 1824—1825 годам, когда строфами писано около четверти лирических стихотворений. Относительное количество строфических стихотворений вырастает из года в год, достигая почти половины в 1830 году («Болдинская осень»).

⁸¹ См. об этом подробнее в сборнике: Поэтика, вып. V, изд. «Academia», Л., 1929, стр. 68—71.

⁸² А. Попов. Пушкин и юмористическая поэзия XVIII века. «Пушкинист», т. II, Пгр., 1916, стр. 220—224.

⁸³ Сюда же относится и строфа «Узника» (1822) и IX подражание Корану.

Правда, и в этот период преобладают простые формы (четверостишные стансы), но появляются и оригинальные сочетания стихов. Этот период открывается изобретением онегинской строфы. К 1825 году относится создание строфы «19 октября».

В 1826 году Пушкин впервые применил форму чередования шести- и четырехстопных ямбов («Под небом голубым...»), затем фигурирующую в цикле стихотворений 1828 и 1830 годов.

Романсные формы сравнительно редки в 20-х годах. К ним следует отнести «Храни меня, мой талисман...» (1825) и «Талисман» (1827).

Естественно, что романсную форму воспроизводит «Рефугатия г-на Беранжера», сложенная прямо «на голос» французского оригинала.

Характерной чертой строфической лирики является применение хорей в новой функции: до сих пор он был приметой фольклорно-песенной традиции; здесь, сохраняя некоторый характер песенности, он приобретает элегический оттенок (ср. хорей Жуковского и особенно Подолинского). Таково «Предчувствие» и некоторые другие стихотворения.

С 1829 года начинаются широкие обращения к международным традициям, ранее того не отражавшимся в пушкинском творчестве. Это строфа английского происхождения («Обвал» и др.), итальянского, античного, испанского, позднее польского («Будрыс»). В связи с этими поисками следует поставить и создание вольного народного стиха «Песен западных славян»; над созданием этого ритма Пушкин работал еще с 1827 года, вообще же проблема литературного усвоения народного стиха возникла у него еще в 1821 году (отчасти в связи со спорами Н. А. Цертелева с А. Х. Востоковым; опыты последнего Пушкин высоко ценил: см. замечания в «Путешествии из Москвы в Петербург» — «Русское стихосложение»). Из романсных форм Пушкин (возможно, под впечатлением от лирики Мюссе) охотно обращается к пятистишной строфе («Паж», 1830).

Обращение к античным формам особенно характерно для последних лет Пушкина.

29

Из строфических форм Пушкина мы не коснулись основной его строфы — онегинской. Это — вершина строфического творчества Пушкина. Недаром изучению этой строфы посвящена не одна работа (Л. П. Гроссмана, Г. О. Винокура и еще ненапечатанная работа С. Б. Рудакова, посвященная ритмико-синтаксической структуре «Медного всадника»⁸⁴). Онегинская строфа требует, конечно, особого и отдельного рассмотрения.

По поводу происхождения этой строфы в литературе долгое время держалось ошибочное представление, справедливо опровергнутое в статье Винокура.⁸⁵ Долгое время считали, что строфа задумана задолго до романа, в период работы над замыслом неосуществленной романтической поэмы «Таврида». Это мнение вызывало ряд недоумений и недоразумений, так как сохранившиеся отрывки «Тавриды» писаны вовсе не строфой «Оне-

⁸⁴ Дальнейшие страницы настоящей работы в значительной части основаны на результатах, намеченных в следующих статьях: Л. Гроссман. Онегинская строфа. «Пушкин». Редакция Н. К. Пиксанова, сб. 1, ГИЗ, М., 1924, стр. 117—161; ср.: Л. Гроссман. Борьба за стиль. М., 1927, стр. 62—121; Л. Гроссман, Собрание сочинений, т. I, Пушкин, М., 1928; Г. Винокур. Слово и стих в «Евгении Онегине». «Пушкин». Сборник статей. Под редакцией проф. А. Еголина (Труды Московского института истории, философии и литературы имени Н. Г. Чернышевского), Гослитиздат, М., 1941, стр. 155—213.

⁸⁵ См.: Г. Винокур, ук. соч., стр. 155—159.

гина», а четырехстопным ямбом вольной рифмовки, подобным ямбу других романтических поэм. Анализ автографов иначе осветил появление формулы строфы на листах, содержащих наброски «Тавриды». Формула эта записана Пушкиным схематически, причем он пользовался французской терминологией. Звучит она так: «4 — croisé, 4 — de suite, 1—2—1, +2». Перевести это можно так: «Четверостишие перекрестной рифмовки, четверостишие парной, охватное четверостишие и заключительное двустышие». В буквенном обозначении мы получаем точную формулу онегинской строфы, но без указания взаиморасположения мужских и женских рифм. В самом деле, эта формула читается *AbAbCCddEffEgg*. Ценным в этой формуле является то, что в сознании Пушкина она распадалась на четыре части: *AbAb + CCdd + EffE + gg*. Насколько это распадение реально, покажет дальнейшее изложение.

Чем же объясняется появление этой формулы на рукописи «Тавриды»? Дело в том, что в 1825 году, подготавливая текст первой главы романа для печати, Пушкин в уже готовую рукопись ввел новую строфу — XXXIII, являющуюся переработкой отрывка из «Тавриды». Этот отрывок, первоначально писанный, как и вся «Таврида», вольной рифмовкой, предстояло переработать по формуле онегинской строфы. Отсюда являлась необходимость записать для облегчения переработки формулу строфы, чтобы иметь перед глазами схему последовательности рифм. Таким образом появилась эта запись служебного характера, ничего общего не имеющая с фактом возникновения замысла строфы. Этот замысел, по-видимому, явился органически одновременно с замыслом романа.⁸⁶

Приступая к замыслу нового произведения в новом жанре «романа», Пушкин, по-видимому, не без влияния «Чайльд Гарольда» Байрона (у которого он заимствовал, в несколько измененной функции, и жанровое определение нового произведения — «роман»), решил написать его строфически. Это давало новые возможности изложения сюжета с свободными отступлениями от главной линии, позволяя внедрять лирические отрывки в корпус произведения.

Строфа «Чайльд Гарольда» чужда была русскому стиху, и в частности собственному творчеству Пушкина. Необходима была такая же оригинально пушкинская строфа, подобно тому как оригинальная байроновская строфа была применена в «Чайльд Гарольде».

30

В создании этой строфы Пушкин отправляется от своей практики романтической поэмы. В основе этих поэм, писанных четырехстопным ямбом, лежали четверостишия. Четверостишия имеют три возможные формы рифмовки: наиболее частая — перекрестная (*abab*), затем идут, примерно в равном количестве, парная или смежная (*aabb*) и охватная (*abba*). Эти три формы и соединил Пушкин, чтобы его строфа давала все возможные формы сочетания рифм. Из двух возможных форм перекрестного четверостишия (по последовательности мужских и женских рифм) — *AbAb* и *aBaB* — решительно доминирует первая форма, замыкаемая мужским стихом (в «Руслане и Людмиле» первой формы 55%, в «Кавказском пленнике» эти формы представлены в равном количестве, в «Цыганах» первой формы свыше 70%, в «Полтаве» — около 30%, в «Медном всаднике» —

⁸⁶ В свете этих фактов мне приходится отказаться от всего, что мною было прежде написано по поводу возникновения онегинской строфы (см. книгу «О стихе», где я повторил ошибочное мнение М. Гофмана).

70 %).⁸⁷ Этим определялась последовательность рифм в первом четверостишии, а затем, по закону сочетания рифм, и в остальных.

Если бы строфа состояла только из трех четверостиший, ее последний стих был бы женским и всё построение не производило бы впечатления прочного гармонического замыкания. В качестве заключительного аккорда Пушкин применил мужское двустиие. Подобное двустиие в функции концовки ритмико-синтаксического периода часто встречалось в произведениях Пушкина астрофической формы. Например, в «Руслане и Людмиле»:

И вдруг минутную супругу
Навек утратить... о друзья,
Конечно, лучше б умер я!

В беспечной юности я знал
Одни дремучие дубравы,
Ручьи, пещеры наших скал
Да дикой бедности забавы.
Но жить в отрадной тишине
Дано не долго было мне.

Я отдалась любви страстной...
Изменник, изверг! о позор!
Но трепещи, девичий вор!

«Ты там найдешь его», — сказала.
Рогдай весельем закипел
И к верной смерти полетел.
и т. д.

В «Братьях разбойниках»:

Потухший взор изобразил
Одолевающую муку;
Рука задрогла, он вздохнул
И на груди моей уснул.

В «Бахчисарайском фонтане»:

И ночи хладные часы
Проводит мрачный, одинокий
С тех пор, как польская княжна
В его гарем заключена.

Практика «Евгения Онегина» утвердила Пушкина в эффекте замыкающего мужского двустиия, и в «Полтаве» эта форма представлена особенно обильно:

Прекрасной дочерью своей
Гордится старый Кочубей.

Всем женихам отказ — и вот
За ней сам гетман сватов шлет.

И утром след осьми подков
Был виден на росе лугов.

Рубцы чела, волосы седые
В воображеньи красоты
Влагают страстные мечты.

⁸⁷ По данным «Метрического справочника», во всех произведениях Пушкина четырехстопного ямба (без «Евгения Онегина») форма *AbAb* встречается 1132 раза, форма *aBaB* — 582.

Спокойно ведал он Украину,
Молве, казалось, не внимал
И равнодушно пировал.

И с кровавыми слезами,
В холодной дерзости своей,
Их казни требует злодей...

В глубоком, тяжком размышленьи,
Окован, Кочубей сидит
И мрачно на небо глядит.

... Я указую
Тебе последний долг: открой,
Где клады, скрытые тобой?

и т. д. (всего 16 случаев на 1471 стих).

31

Однако абстрактная формула плохо передает внутреннюю структуру онегинской строфы. Это обнаруживается при ближайшем анализе ее.

Строфа такого большого объема, естественно, обладает большой степенью автономности. Каждая строфа «Онегина» это — почти самостоятельное стихотворение. Поэтому так редки переносы (enjambements) стихов из строфы в строфу. Эти переносы на фоне общей автономности строф всегда имеют резкий ритмический эффект.⁸⁸

1) Глава III, строфы VII и VIII:

Душа ждала... кого-нибудь,
И дождалась... Открылись очи...

2) Глава III, строфы XXXVIII и XXXIX:

И задыхаясь, на скамью
Упала...

3) Глава IV, строфы XXXII и XXXIII:

Не так ли, друг? — Ничуть! Куда!
«Пишите оды, господа,
Как их писали в мощны годы,
Как было встарь заведено...»

4) Глава V, строфы V и VI:

... Вдруг увидя
Младой двурогий лик луны
На небе с левой стороны,
Она дрожала и бледнела.

⁸⁸ В статье Г. Винокура (Слово и стих в «Евгении Онегине». Сб. «Пушкин», 1941, стр. 176) перечислены те же случаи строфических переносов, но к ним присоединен еще один случай: глава VIII, строфы XV и XVI. Однако в этом последнем случае («Зовется vulgar. Не могу...») перенос не вполне совершенен: на словах «Не могу» Пушкин обрывает речь (и ставит многоточие). Начало XVI строфы не есть продолжение фразы: эту фразу Пушкин начинает вторично. Ср. указанную статью Г. Винокура (стр. 178—179), где анализируется этот пример. Этот же пример, как случай строфического переноса, приводит и Л. Гроссман (Борьба за стиль, стр. 82).

5) Глава VI, строфы VI и VII:

Друзей поссорить молодых
И на барьер поставить их,
Иль помириться их заставить...

6) Глава VI, строфы XXX и XXXI:

... Пробили
Часы урочные: поэт
Роняет, молча, пистолет,
На грудь кладет тихонько руку
И падает...

7) Глава VI, строфы XLII и XLIII:

Современем отчет я вам
Подробно обо всем отдам,
Но не теперь...

8) Глава VII, строфы XXXI и XXXII:

Поднялся шум, прощальный плач:
Ведут на двор осьмнадцать кляч,
В возок боярский их впрягают,
Готовят завтрак повара...

9) Глава VII, строфы XLVI и XLVII:

Иверяют нараспев
Сердечны тайны, тайны дев,
Чужие и свои победы,
Надежды, шалости, мечты.

10) Глава VIII, строфы XXXIX и XL:

... грязно тает
На улицах разрытый снег.
Куда по нем свой быстрый бег
Стремит Онегин?..

Этими десятью примерами исчерпываются все переносы из строфы в строфу. Нет необходимости их анализировать: ритмический эффект каждого отдельного случая совершенно ясен. Основных типов, зависящих от взаиморасположения стихов и всегда гармонирующих с содержанием рассказа, два: примеры 3, 8 и 9 рисуют медленность или монотонность действия, остальные — внезапность перемены темпа и аналогичные эффекты движения (обычно быстрого, неудержимого). Достигается это тем, что строфа кончается незаконченным синтаксическим периодом (перечисление, слитное предложение, придаточное и т. д.). В ожидаемый момент разрешения не наступает. В зависимости от того, дано ли разрешение в самом начале следующей строфы или же фраза продолжается в длительном развитии, получается тот или иной эффект ритмической экспрессии.

Эффект этот возможен только потому, что ожидание заключительного разрешения в конце строфы весьма интенсивно.⁸⁹

Таким образом, строфа Онегина обладает исключительной цельностью и замкнутостью.

⁸⁹ Эффект этот усложняется часто тем, что незаконченный в конце строфы период сам по себе (без учета продолжения в следующей строфе) имеет форму законченного (примеры 1, 3, 5, 6, 7, 8, 9). Об аналогичных явлениях подробнее см. дальше.

При значительном (относительно) объеме строфы эта автономность приводит к тематической обособленности строфы. Строфа «Онегина» это — не только ритмико-синтаксическая, но и сюжетно-тематическая единица, ступень в повествовании, миниатюрная глава рассказа. Отсюда политематизм романа, возможность свободно «забалтываться» (по выражению Пушкина).

32

Но онегинская строфа не есть предел деления. Она имеет свою структуру, имеет тяготение к внутреннему распадению на более мелкие элементы.

По пушкинской схеме таких элементов четыре: три четверостишия и замыкающее двустишие. Однако реальная структура строфы несколько иная.

Четверостишия разной формы рифмовки являются основой и в поэмах астрофических. Но там судьба их несколько иная, чем в «Евгении Онегине». Там четверостишие не входит в состав сколько-нибудь оформленного более крупного ритмико-строфического объединения. Более крупной единицей является уже «абзац» — единица синтактико-тематическая. Абзац поэмы по существу мало чем отличается от абзаца прозаического произведения. Таким образом, автономность четверостишия не ограничивается вхождением четверостишия в другую автономную строфическую единицу: четверостишие ничему не подчинено. Отсюда следствие: четверостишие в поэме должно обладать значительной степенью синтаксической автономности. Конечно, это не полная автономность, не сравнимая с автономностью стансов лирических стихотворений. Сплошной рассказ связывает четверостишия в непрерывный поток речи.

В грубой оценке автономность четверостиший можно оценить в 70—80%, т. е. из десяти четверостиший 7—8 заканчиваются одновременно с предложением, и в 2—3 случаях предложение продолжается и происходит перенос на следующее четверостишие (или иное рифмовое объединение). Таковы цифры для «Кавказского пленника», «Цыган», «Полтавы». Резко иначе дело обстоит в «Медном всаднике», где изобилуют переносы и автономность четверостиший падает до 40—50%. Но это объясняется особым стилем поэмы, занимающей исключительное положение среди других эпических произведений Пушкина.

Заранее можно сказать, что в «Евгении Онегине» дело обстоит иначе: здесь четверостишия не автономны, они входят в состав более крупной ритмико-строфической единицы и потому теснее спаяны между собой.

Это же различие сказывается и на внутренней структуре четверостиший. В поэмах вольного стиля автономность четверостиший приводит к симметрии в их внутреннем строе. Обычно они распадаются на два параллельных двустишия. Так, расценивая в цифрах среднюю силу паузы после каждого стиха четверостишия, мы имеем по разным поэмам следующую картину (в процентах):⁹⁰

⁹⁰ Цифры получены следующим образом. Каждая пауза оценивается отметкой: 0 — отсутствие паузы; 1 — пауза, соответствующая запятой; 2 — пауза, соответствующая двоеточию или точке с запятой; 3 — пауза, соответствующая точке. Сумма отметок оценивалась в процентах к тому случаю, если бы все паузы были максимальны, т. е. если бы стихи все оканчивались точками (отметка 3). Конечно, этим цифрам не следует придавать значение абсолютно точных показателей, но ориентировочно они характеризуют тенденцию к расстановке синтаксических пауз.

С и л а п а у з ы

	после 1 стиха	после 2 стиха	после 3 стиха	после 4 стиха
--	------------------	------------------	------------------	------------------

Для структуры *AbAb*

Кавказский пленник	23	41	25	82
Цыганы	20	58	36	77
Полтава	35	48	25	83
Медный всадник	24	50	16	48

Для структуры *aBaB*

Кавказский пленник	34	56	21	70
Цыганы	29	58	25	79
Полтава	41	58	38	68
Медный всадник	24	50	—	48

Для структуры *AbbA*

Кавказский пленник	30	37	19	80
Цыганы	30	30	18	67
Полтава	33	59	38	67
Медный всадник	3	21	12	70

Для структуры *aBBa*

Кавказский пленник	29	55	18	82
Цыганы	30	62	27	83
Полтава	35	42	13	69
Медный всадник	33	24	19	90

Для структуры *aaBB*

Кавказский пленник	8	50	33	75
Цыганы	33	67	33	67
Полтава	17	58	21	85
Медный всадник	22	44	55	33

Для структуры *AABB*

Кавказский пленник	39	50	22	78
Цыганы	55	55	67	100
Полтава	38	43	35	68
Медный всадник	36	33	38	54

Мы видим, что степень автономности четверостишия совпадает и со степенью симметричности его внутреннего строения. Стихи группируются попарно, например:

Взгляни: под отдаленным сводом
 Гуляет вольная луна;
 На всю природу мимоходом
 Равно сиянье льет она.

Примеры асимметрических форм: разложение четверостишия по формуле $1+3$:

Он перевозчика зовет —
 И перевозчик беззаботный
 Его за гривенник охотно
 Через волны страшные везет.

По формуле $3+1$:

Какой же властью непонятной
 К душе свирепой и развратной

Так сильно ты привлечена?
Кому ты в жертву отдана?

Характерно, что «Медный всадник», в котором четверостишия наименее автономны, дают картину наименее симметричной структуры четверостиший. Общий характер распределения синтаксических пауз в конце отдельных стихов строфы «Евгения Онегина» по всему роману дает следующую картину (по отдельным главам):

Стихи строфы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Среднее	31	48	24	68	36	33	38	54	35	37	34 ⁹¹	42	29	98
Минимум	24	37	11	60	26	25	33	49	24	32	25	34	16	95
Максимум	42	54	28	83	45	37	48	63	41	44	40	48	35	99

Цифры эти обнаруживают следующий факт, вполне согласующийся и с синтаксическим и с тематическим анализом романа.

О подлинной автономности можно говорить только по отношению к первому четверостишию. Это четверостишие настолько же автономно в строфе, насколько вообще четверостишия автономны в астрофических поэмах. Уже второе четверостишие гораздо менее автономно, а структура его совсем не симметрична.⁹² Еще менее автономно третье четверостишие. Примыкающее к нему двустиие обладает внутренней своей спаянностью. Обыкновенно стихи эти составляют внутреннее единство, не разделенное паузой.

В тематическом отношении это выражается в следующем: первое четверостишие строфы представляет собой законченную формулировку темы строфы. Затем эта тема воольно развивается и варьируется на протяжении 8 стихов, и это развитие темы замыкается как бы заключением афористического характера («pointe») в последнем двустиии строфы.⁹³

Таким образом, по одним первым четверостишиям можно в общем следить за развитием сюжета романа. Прихотливее и сложнее средняя часть. Четки и остры заключительные пары стихов.

⁹¹ Эта цифра очень близко согласуется с наблюдениями Л. Гроссмана (Борьба за стиль, стр. 75, прим. 2): «В итоге на общее количество 367 строк 122 строфы имеют в Abgesang'e сечение 3 + 3»; в переводе на процентные отношения это равносильно утверждению, что паузу после 11 стиха следует оценить цифрой 33. Однако нельзя заключать отсюда, что сечение 3 + 3 типично для онегинской строфы. Для этого нужно было бы, чтобы цифры для 10 и 12 стихов были бы ниже, чего нет в действительности. Замечу, что цифра Л. Гроссмана получена совсем иным путем, тем показателем ее совпадение с моей цифрой. Формула 3 + 3 содержит в себе в качестве частного случая и формулу 2 + 1 + 3 (например, глава VIII, строфа XIV) или формулу 3 + 1 + 2 (глава I, строфа XXIX; глава III, строфа XIX) и 2 + 1 + 1 + 2 (глава III, строфа XXXIV), которые подводим или под формулу 2 + 4, или под формулу 4 + 2, или, через формулу 2 + 2 + 2, под обе эти формулы. Таким образом, значительная часть строк, допускающих сечение 3 + 3, одновременно подходит и под другие типы сечений. Отсюда можно заключить о некоторой искусственности самой попытки искать в последних 6 стихах место «главного» сечения и вообще рассматривать финальные 6 стихов как некое единство. Л. Гроссман в данном случае преувеличил аналогию онегинской строфы с сонетом.

⁹² Нельзя согласиться с мнением Л. Гроссмана о том, что пауза после второго четверостишия типична (Борьба за стиль, стр. 69).

⁹³ Об афористической природе заключительного двустиии см., кроме названных работ, книгу В. В. Виноградова «Стиль Пушкина» (стр. 380); там же о стилистической функции афористической манеры у Пушкина и у его предшественников и современников. О том же см. в статьях Л. Гроссмана (Борьба за стиль, стр. 69) и Г. Винокура (Слово и стих в «Евгении Онегине». Сб. «Пушкин», 1941, стр. 205).

Всё это индивидуализирует онегинскую строфу, придавая ей специфический стиль вольного повествования с ярко выраженным личным вмешательством рассказчика. Образ рассказчика, обычно окрашивающего свою речь в иронический тон, отражается на всем повествовании. Автор и герои сталкиваются непрерывно.

33

До сих пор мы пользовались термином «пауза» лишь как некоторым количественным показателем синтаксического и ритмического сечения речи. Для подлинного анализа строфики, конечно, существенно не таблично-статистическое констатирование этого сечения, а изучение реальных речевых форм в их частных и общих видоизменениях. Стих конкретен, и только в конкретном осуществлении живет ритм.

Кстати, самый термин «пауза» часто понимается (в частности, декламаторами) неправильно.

В применении к речи за ним сохранено музыкальное значение перерыва звука, молчания. Между тем речевая пауза вовсе не обусловлена наличием молчания. Пауза — сложное синтактико-интонационное явление, где самый факт перерыва звукового потока играет наименьшую роль и может даже отсутствовать. Основное — это ритмико-мелодическая каденция, имеющая определенную смысловую выразительную функцию (расчленения речи).

В фиксированной строфе пауза падает на определенное место и создает своим постоянным возвратом (в сочетании с размером стиха и эмоциональным тоном речи) ритмико-мелодический рисунок строфы. В онегинской строфе такое ожидание наступает после четвертого стиха, несколько иное после двенадцатого и, наконец, в конце строфы.

Реализация паузы в синтаксическом и тематическом отношении может быть различна. Период (фраза, предложение) может быть на паузе замкнут. Тогда мы имеем явление, параллельное гармоническому разрешению музыкальной фразы. Именно такое ритмико-синтаксическое разрешение паузы канонизирует ее. Это мы встречаем уже в первой строфе романа; особенно отчетливо это на второй строфе:

Так думал молодой повеса,
Летя в пыли на почтовых,
Всевышней волею Зевеса
Наследник всех своих родных. — (пауза)
Друзья Людмилы и Руслана!
С героем моего романа
Без предисловий, сей же час
Позвольте познакомить вас:

(Глава I, строфа 2).

Следует обратить внимание на замкнутость и симметрию первого четверостишия. Второе, хотя тоже замкнуто, менее закончено (оно оканчивается двоеточием) и не симметрично (внутренняя его структура: 1 стих + 3 стиха), поэтому оно не так автономно, как первое.

Другой случай — открытая конструкция. Она характеризуется тем, что в ожидаемый для паузы момент отсутствует сигнал законченности или незаконченности речи. Фраза может на этом остановиться, но может быть и продолжена. Такова система ступенчатых перечней (перечисление, сложные конструкции, сочиненные и соподчиненные цепи предложений или же замыкание главного предложения, за которым могут следовать, а могут

и не следовать примыкающие обособленные члены, в частности, придаточное предложение). Чтобы убедиться в незаконченности этой конструкции, необходимо читать стихи дальше.

Следует заметить, что отсутствие сигнала законченности явствует лишь из формального синтаксического анализа: облеченная в звучание речь приобретает интонационное членение, и замыкание или слитность периода всегда отмечается звучащей паузой. Но интонация подчиняется не только синтаксису, но и ритму стиха.

В этом отношении стих приближается к разговорной речи. Интонация правильной письменной прозы полностью определяется текстом и не допускает — без искажения смысла — привнесения интонационных оттенков, текстом не обусловленных. В звучащем разговорном слове интонация есть самостоятельное средство выражения, такое же, как и другие синтаксические средства («текст») — согласование, последовательность и группировка слов. Смысл определяется не только текстом, но и самым произношением текста.

В стихах интонация определяется не только синтаксисом текста, но и ритмом стиха и строфы. Поэтому выразительность стиха есть взаимодействие синтаксиса и ритма. Ожидание паузы создает интонацию расщепления речи и там, где нет текстового сигнала остановки. Отсюда — перегруппировка предложения, имеющая свои синтаксически-экспрессивные последствия. Так — перечни рассекаются на группы, отдельные члены сближаются, другие раздвигаются. Отсюда — семантические эффекты, благодаря которым стихотворная речь по экспрессии тоньше, нюансированнее и острее прозаической. Особенно это заметно в «Онегине», где тон беседы стимулирует значимость звучащей интонации. Голос автора звучит непрерывно.

Вот примеры открытых конструкций разного рода.

Меж ими всё рождало споры
И к размышлению влекло:
Племен минувших договоры,
Плоды наук, добро и зло (*ритмическая пауза*)
И предрассудки вековые,
И гроба тайны роковые,
Судьба и жизнь в свою чреду,
Всё подвергалось их суду.

(II, 16; ср. IV, 38—39).

Здесь разделение перечня (отчасти поддержанное появлением анафорического «и» на пятом стихе) группирует научно-философские темы, с одной стороны, и религиозные — с другой. «Предрассудки» здесь перевод «*préjugés*» — термин атеистической мысли французского Просвещения XVIII века.

В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,
Зимы ждала, ждала природа.
Снег выпал только в январе (*ритмическая пауза*)
На третье в ночь. Проснувшись рано,
В окно увидела Татьяна
Поутру побелевший двор...

(V, 1).

Здесь обособляются слова «на третье в ночь» и последнее слово

«ночь» отрывается от главного предложения и семантически сближается (соседством в том же стихе) со словами: «Проснувшись рано...».⁹⁴

Конечно, не один Евгений
Смятенье Тани видеть мог;
Но целью взоров и суждений
В то время жирный был пирог (*ритмическая пауза*)
(К несчастью, пересолёный)...

(V, 32).

Обособление причастной конструкции последнего стиха от определяемого подчеркнуто пунктуацией скобками. Скобочная пунктуация у Пушкина часто соответствует драматическому а раге.⁹⁵ И в самом деле, ясная смена тона: ироническое замечание о рассеянных гостях, сосредоточивших внимание на пироге, отделяющее автора от его гротескных героев, сменяется еще более тонким ироническим тоном: наивным самоотожествлением с гостями и присоединением своего мнения, своей сентенции к молчаливым или произнесенным суждениям гостей.

Татьяна взором умиленным
Вокруг себя на всё глядит,
И всё ей кажется бесценным,
Всё душу томную живит (*ритмическая пауза*)
Полумучительной отрадой...

(VII, 19).

Последний стих из-за обособления приобретает особую, отличную от предыдущего стилистическую окраску (и особый ритмико-мелодический тон — в частности, замедление темпа⁹⁶).

И, наконец, еще один пример:

Он пел любовь, любви послушный,
И песнь его была ясна,
Как мысли девы простодушной,
Как сон младенца, как луна (*ритмическая пауза*)
В пустынях неба безмятежных,
Богиня тайн и вздохов нежных...

(II, 10).

Благодаря ритмической паузе распространенный член предложения «В пустынях неба безмятежных» семантически примыкает не к словам «как луна», а к приложению — «Богиня тайн...», тем более, что вопреки нормам прозы приложение здесь отделено от определяемого слова, что нередко наблюдается в тексте «Евгения Онегина».⁹⁷

⁹⁴ Иначе говоря, сращение «на третье в ночь» разлагается и перестает звучать как простая датировка, уточнение формулы «в январе». «Ночь» включается в тему о Татьяне и служит переходным звеном от рассказа о климатических явлениях зимы к непрерывному эпическому повествованию о героях. В прозе это слово потребовало бы дублирования буквального или синонимического. Перемена темы вызвала бы рассеяние речи абзацем или перестановку элементов рассказа.

⁹⁵ О скобках есть самопризнание поэта в главе V, строфе XXXVI. Заключающееся там замечание гораздо менее метафорично, чем это может показаться, и гармонирует с практикой пунктуации Пушкина. См. замечание по этому поводу в статье Г. Винокура «Слово и стих в „Евгении Онегине“» (Сб. «Пушкин», стр. 197).

⁹⁶ Это замедление усилено длиной эпитета «полумучительной» и вытекающей отсюда ритмической вариацией стиха.

⁹⁷ Примеры см. в статье Г. Винокура «Слово и стих в „Евгении Онегине“» (Сб. «Пушкин», стр. 195).

Наиболее отчетливы разомкнутые конструкции, где фраза явно не разрешается в конце четвертого стиха. Основных типа два: быстрое разрешение, часто совпадающее со стиховым переносом (конец фразы — в середине пятого стиха), и развитое заключение (иногда на несколько стихов). Вот примеры:

Богат, хорош собою, Ленский
 Везде был принят как жених;
 Таков обычай деревенский;
 Все дочек прочили своих (ожидаемая пауза)
 За полурусского соседа...

(II, 12).

Здесь разомкнутая конструкция совпадает с асимметрией четверостишия.

Другой пример:

И дождалась... Открылись очи;
 Она сказала: это он!
 Увы! теперь и дни и ночи,
 И жаркий одинокий сон, (ожидаемая пауза)
 Всё полно им; всё дева милой
 Без умолку волшебной силой
 Твердит о нем...

(III, 8).

Здесь сдвиг остановки входит в общую систему переносов: ему предшествует перенос из строфы в строфу, за ним через два стиха — новый перенос. Поэтому так подчеркнуто тематически звучат: «И дождалась...», «Всё полно им...», «Твердит о нем...»

Особенно ясен перенос в следующем примере:

И между тем душа в ней ныла,
 И слез был полон томный взор.
 Вдруг топот!.. кровь ее застыла.
 Вот ближе скачут... и на двор (ожидаемая пауза)
 Евгений!..

(III, 38).

Следует обратить внимание и на то, что данная строфа кончается самым резким во всем романе переносом («Упала...»).

Пример другого типа:

Воображаясь героиней
 Своих возлюбленных творцов,
 Кларисой, Юлией, Дельфиной,
 Татьяна в тишине лесов (ожидаемая пауза)
 Одна с опасной книгой бродит,
 Она в ней ищет и находит
 Свой тайный жар, свои мечты...

(III, 10).

Тот же тип со стиховым переносом:

Минуты две они молчали,
 Но к ней Онегин подошел
 И молвил: «Вы ко мне писали,
 Не отпирайтесь. Я прочел
 Души доверчивой признанья,
 Любви невинной излиянья...

(IV, 12).

Наиболее ясные ритмико-интонационные эффекты достигаются в случае разомкнутой конструкции (почти тождественные с эффектами стихо-

вых переносов). Наиболее тонкие семантические изменения — в случае открытых конструкций.⁹⁸

Следует отметить, что во всей этой классификации мы учитывали только движение фразы вперед, т. е. рассматривали первые четыре стиха, отсекая дальнейшее.

Но те же факты и те же типы встречаются нас, если рассматривать речевые конструкции в обратном порядке, т. е. отсекая первую часть и рассматривая только вторую. При этом типы отсекаемых частей могут не совпадать: первая часть может иметь открытый тип, вторая разомкнутый, или обе могут быть разомкнутыми и т. п.

Этот обратный анализ важен по отношению к последнему двустишию строфы: афористический характер этого двустишия придает ему особый цитатный характер, несколько напоминающий комедийный стих (поговорочные стихи из «Горя от ума»). Это двустишие хочется повторить, и поэтому не так важно, имеет ли оно (при обратном движении) открытую или замкнутую конструкцию: лишь бы оно могло иметь законченный характер.

Надо также заметить, что мы довольствуемся и несовершенной законченностью; таковы цитатные двустишия, далеко не имеющие синтаксической замкнутости:

И возбуждать улыбку дам
Огнем нежданных эпиграмм.

(I, 5).

Или неполные в смысловом отношении:

Отец понять его не мог (кого? в чем?)
И земли отдавал в залог.

(I, 7).

Это двустишие может обладать автономной замкнутостью, например:

А кстати: Ларина проста,
Но очень милая старушка;
Боюсь: брусничная вода
Мне не наделала б вреда.

(III, 4).

Или:

Врагов имеет в мире всяк,
Но от друзей спаси нас, боже!
Уж эти мне друзья, друзья!
Об них недаром вспомнил я.

(IV, 18).

⁹⁸ Эта классификация с анализом отдельных примеров и статистикой форм по всем трем четверостишиям дана в статье Г. Винокура «Слово и стих в „Евгении Онегине“» (Сб. «Пушкин», стр. 186, 187, 204). Г. Винокур прослеживает только поступательное движение стиха. По итоговым данным Винокура, четверостишия «Евгения Онегина» распадаются на частные типы так:

Четверостишия	I	II	III	Итого
Замкнутые	260 (71%)	187 (51%)	118 (32%)	565 (52%)
Открытые	32 (9%)	45 (12%)	119 (33%)	196 (18%)
Разомкнутые	75 (20%)	134 (37%)	127 (35%)	336 (30%)

Из этого явствует, что замкнутая конструкция типична для первого четверостишия, открытая — для третьего, разомкнутая — для второго и третьего (в сравнении со средними цифрами).

Чаще мы имеем открытые конструкции, в которых, однако, на двуступенчатые падает или законченное предложение, или достаточно самостоятельное словосочетание (в форме инфинитива или существительного с подчиненными членами), достаточные для «цитатности» этих строк (например, пригодные для эпитафий):

Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
(финал:) Вздыхать и думать про себя:
Когда же чорт возьмет тебя!
(I, 1).

Или:

Учил его всему шутя,
Не докучал моралью строгой,
(финал:) Слегка за шалости бранил,
И в Летний сад гулять водил.
(I, 3).

Или:

Две ножки... Грустный, охладелый,
(финал:) Я всё их помню, и во сне
Они тревожат сердце мне.
(I, 30).

Или:

Ни сплетни света, ни бостон,
Ни милый взгляд, ни вздох нескромный,
(финал:) Ничто не трогало его,
Не замечал он ничего.
(I, 38).

Или:

Евгений без труда узнал
Его любви младую повесть,
(финал:) Обильный чувствами рассказ,
Давно не новыми для нас.
(II, 19).

Или:

Не зная, что начать со страха,
(финал:) Предчувствий горестных полна,
Ждала несчастья уж она.
(V, 6).

Сравнительно редко встречаются несамостоятельные двуступенчатые, содержащие фрагменты разомкнутой синтаксической конструкции; при этих разомкнутых цепях очень часто роль заключительной сентенции играет целый последний стих, т. е. ритмически выделенная единица:

И мягко усталые горы
Зимы блистательным ковром.
Всё ярко, всё бело кругом.
(V, 1).

Или:

А под подушкою пуховой
Девичье зеркало лежит.
Утихло всё. Татьяна спит.
(V, 10).

И совсем редки невыделяемые фрагменты:

Никто бы в ней найти не мог
Того, что модой самовластной
{ В высоком лондонском кругу
Зовется *vulgar*. Не могу...
(VIII, 15).

Характерно, что разомкнутость последнего двустушия совпадает с примером нарочито неполного, оборванного на полуслове заключения строфы.

Я вспомню речи неги страстной,
Слова тоскующей любви,
Которые в минувши дни
У ног любовницы прекрасной
{ Мне приходили на язык,
От коих я теперь отвык.
(III, 14).

Следующий пример разомкнутой конструкции сочетается со строфическим переносом:

Летит, летит; взглянуть назад
Не смеет; мигом обежала
Куртины, мостики, лужок,
Аллею к озеру, лесок,
Кусты сирен переломала,
{ По цветникам летя к ручью
И задыхаясь, на скамью
Упала...
(III, 38 и 39).

Эти случаи исключительно редки в романе. Зато встречаются, хотя и редко, случаи, когда в заключительную сентенцию вовлекается и третий от конца стих. Стилистически это сохраняет характер строфы, но ритмически нарушает привычный ход:

Начнете плакать: ваши слезы
Не тронут сердца моего,
А будут лишь бесить его.
{ Судите ж вы, какие розы
Нам заготовит Гименей
И, может быть, на много дней.
(IV, 14).

Или:

Явились вместе, и никто
Не вздумал им пенять на то:
{ Имеет сельская свобода
Свой счастливые права,
Как и надменная Москва.
(IV, 17).⁹⁹

Таким образом, онегинская строфа является формой, обрамленной тезисом в виде вступительного четверостишия, и афористической сентенцией в виде замыкающего двустушия. Автономность строфы дает основу для политематизма романа. Это охарактеризовал Пушкин в послании Плетневу 1835 года в ответ на предложение продолжать роман:

⁹⁹ Обычно в таком случае стихи 10 и 11 обособляются в форме замкнутого, автономного двустушия.

Рисуй и франтов городских
И милых барышень своих,
Войну и бал, дворец и хату,
Чердак, и келью, и харем.¹⁰⁰

С другой стороны, заостренность каждой строфы создает впечатление безостановочно-стремительного движения рассказа. «Вперед, вперед, моя история!» (VI, 4) — это лейтмотив всего романа, вложенный в каждую строфу.

34

Что касается структуры средней части, то она отличается прихотливостью. Конечно, тот факт, что четверостишия обладают замкнутой системой рифм, вообще создает тенденцию к тому, что синтаксические остановки преимущественно приходятся после 8 и 12 стихов. Например:

Янтарь на трубках Цареграда,
Фарфор и бронза на столе,
И, чувств изнеженных отрада.
Духи в граненом хрустале: (первая пауза)
Гребенки, пилочки стальные,
Прямые ножницы, кривые,
И щетки тридцати родов
И для ногтей и для зубов. (вторая пауза)
Руссо (замечу мимоходом)
Не мог понять, как важный Грим
Смел чистить ногти перед ним,
Красноречивым сумасбродом. (третья пауза)
Защитник вольности и прав
В сем случае совсем неправ.

(I. 24).

Однако с этим борются другие тенденции. Самая система рифмовки (смежная и охватная) не так симметрична, как в первом четверостишии (перекрестная), и поэтому второе и третье четверостишия менее автономны. Кроме того, в пределах этих четверостиший имеются две пары смежных мужских стихов. Иногда они так же замыкают в порядке афористических сентенций предшествующие периоды. Появление такой сентенции на первой паре поддерживает тенденцию поставить паузу после восьмого стиха (поэтому пауза после восьмого стиха встречается чаще, чем в других местах, если не считать, конечно, паузы после четвертого стиха). Но второе двустихие создает тенденцию к паузе после одиннадцатого стиха. И, например, в пятой главе пауз после одиннадцатого стиха больше, чем после двенадцатого. Вот пример такой строфы, где внутренние мужские пары стихов по своей афористичности почти тождественны заключительным парам:

И снова, преданный безделью,
Томясь душевной пустотой,

¹⁰⁰ В другом варианте:

Итак, еще роман не кончен — это клад:
В его свободную вместительную раму
Ты вставишь ряд картин, откроешь диораму...

(Больш. Акад. изд., т. III, 2, стр. 992, 993).

Уселся он — с похвальной целью
 Себе присвоить ум чужой;
 Отрядом книг оставил полку,
 Читал, читал, а всё без толку:
 Там скука, там обман иль бред;
 В том совести, в том смысла нет;
 На всех различные вериги;
 И устарела старина,
 И старым бредит новизна.
 Как женщин, он оставил книги,
 И полку, с пыльной их семьей,
 Задержнул траурной тафтой.

(I, 44).

Особенно часто это применение внутренних двустуший там, где, отступая от повествования, Пушкин переходит к рассуждениям или дает характеристики.

Иногда эти двустушия открыты (вперед), что невозможно с последним двустушием (если не допускать переноса из строфы в строфу). Например:

· · · · ·
 Не в силах Ленский снести удара;
 Проказы женские кляня,
 Выходит, требует коня (далее перенос, продолжающий
 открытую конструкцию)

И скачет. Пистолетов пара.
 Две пули — больше ничего —
 Вдруг разрешат судьбу его.

(V, 45).

Однако с этими тенденциями борются другие, и вообще средняя часть не имеет никакой тенденции к ясным разделам. Наоборот, здесь царит полное разнообразие. Эта тенденция к пестроте доходит, например, до частых переносов именно в средней части:

· · · · ·
 Во-первых, он уж был неправ,
 Что над любовью робкой, нежной
 Так подшутил ввечор небрежно.
 А во-вторых: пускай поэт (перенос)
 Дурачится; в восемнадцать лет (перенос)
 Оно простительно. Евгений, (перенос)
 Всем сердцем юношу любя,
 Был должен оказать себя
 Не мячиком предрассуждений,
 Не пылким мальчиком, бойцом,
 Но мужем с честью и умом.

(VI, 10).

Можно было бы дать примеры на самые разнообразные сечения средней части строфы. Для нее характерна зыбкость, изменчивость, разнообразие, подчиненность естественному течению речи, наименьшая зависимость речевой экспрессии от механического ритма. Именно средняя часть придает каждой строфе ее индивидуальный, своеобразный характер. В этом развитии темы — неповторимость строф, тончайшая нюансировка строфического ритма.

35

Возникает еще один вопрос, поставленный Л. Гроссманом: почему строфическая форма не выдержана Пушкиным на протяжении всего романа? Вот что пишет по этому поводу Л. Гроссман: «Тем не менее, в целях ли разнообразия стихотворной ткани, считаясь ли с тем, что некоторые темы не соответствуют выработанному строфическому стилю, Пушкин исключил из системы своей строфики различные повествовательные партии. Прежде всего — и что совершенно понятно — вне общего строфического построения остаются народные песни («Девиды-красавицы»...). Выпадают из строфического строения письма Евгения и Татьяны и, наконец, альбом Онегина. Здесь труднее угадать мотивацию такого исключения: ведь высокий лирический тон любовных писем нашел прекрасное выражение и в строфах (последний монолог Татьяны), а афористический характер онегинского альбома несколько не противоречит общему строфическому стилю. Думается, что здесь имел место обычный у Пушкина прием придания большего разнообразия обширной стихотворной ткани. Так, в нестрофические поэмы вкрапливаются отдельные фрагменты в строфах (в «Кавказский пленник» — черкесская песня, в «Бахчисарайский фонтан» — татарская песня, в «Цыганы» — песня Земфиры и «Птичка божия», в «Полтаву» — отрывок «Кто при звездах и при луне»...). В «Онегине» тот же прием применен а contrario и в почти сплошную строфическую ткань романа введены разнообразящие ее свободные фрагменты».¹⁰¹

Однако всё это рассуждение вызывает возражения. Во-первых, конечно, перемена формы влечет за собой, как следствие, разнообразие, поэтому, собственно, говорить о том, что Пушкин переходил от строфы к иным формам (т. е. разнообразил размер) ради разнообразия, не значит ли ограничиться тавтологией? Во-вторых, три случая отступления от строфы не создают еще на протяжении всего романа впечатления разнообразия. Пожалуй, даже наоборот: резкие исключения, напоминая о возможности иных форм, подчеркивают принцип однообразной структуры романа.

В действительности строфа «Онегина» сама по себе дает широкое поле для того, чтобы разнообразить тон. Большая свобода, какой пользовался Пушкин во внутреннем сечении строфы (по крайней мере, в пределах десяти последних стихов), открывала перед ним широкие возможности.

Если бы Пушкин преследовал цели строфического разнообразия, вероятно, он поступил бы так, как сделал это в «Борисе Годунове», где стихотворные сцены перемежались с прозаическими, а две сцены рукописной редакции были писаны другой системой стиха. Так поступил Херасков в «Бахариане», меняя размер от песни к песне. Если бы темы иногда не укладывались в строфику романа, то, конечно, смена форм произошла бы не три раза, тем более, что темы писем, как справедливо отметил Л. Гроссман, родственны темам монологов Онегина и особенно Татьяны.

В замечании Л. Гроссмана есть одна правильная мысль, это о том, что нестрофические фрагменты так же контрастируют со строфами общего фона, как строфы контрастируют с астрофическим фоном других поэм. Действительно, здесь можно провести параллель с шрифтами: если на фоне прямого шрифта выделения отмечаются курсивом, то в сплошном курсиве

¹⁰¹ Л. Гроссман. Борьба за стиль, стр. 114—115.

выделения набираются прямым шрифтом (по крайней мере, во французской полиграфической практике).

Но существо дела заключается в другом. Традиция ритмических «выделений» определенных мест вообще восходит к драматургической практике классической литературы.

В основе стихотворного эпоса и стихотворной трагедии лежит условное допущение, что стихи являются передачей прозы, и в порядке реального осмысления происходящего читатель должен условно принимать стих за прозу: «в действительности» герои трагедий, комедий и поэм, предполагается, говорят прозой.

Но здесь возникает двойная потребность: 1) показать на фоне «условной прозы» (т. е. принятого размера), что определенные куски текста в условной реальной жизни героев несут на себе функцию стиха; 2) обратно — подчеркнуть прозаичность того или другого текста.

Первое достигается переменной ритма и строфики. В трагедиях это до известной степени связано с традицией хоров (но только до известной степени, так как иногда этот прием употребляется для подчеркивания особо эмоциональных моментов, например монологи в «Сиде» Корнеля). В поэмах — это обычно песни, канонизированные для Пушкина примером восточных поэм Байрона.¹⁰²

Гораздо сложнее второе. Это показ документального текста, который фигурирует в произведении как вещь, как своего рода аксессуар словесной природы. Для комедий установилась практика такие «документы» (обычно письма) давать в прозе. В трагедиях же проза совсем не допускалась. Соответствующие тексты (типично для классической трагедии — изречения оракулов) давались в ином стихе, чем самая трагедия, т. е. не обычным александрийским стихом парной рифмовки. Отсюда привычка видеть в любом размере нечто более близкое к прозе, чем александрийский стих парной рифмовки.

Характерно, что французы воспринимали стих, уклоняющийся от канонов парных александрийских стихов как форму, приближающуюся к прозе. Казалось бы, что вольная рифмовка, характерная для лирических форм, дальше от прозы, чем стих трагедий, комедий, поэм и дидактических посланий. Однако едва ли не по указанным причинам в пределах трагического жанра дело обстоит иначе. Вольтер, допустивший как поэтическую смелость вольную рифмовку в «Танкреде» (1759), писал в посвящении к трагедии: «Род стиха, употребленного мною в „Танкреде“, быть может слышком приближается к прозе». И, по-видимому, с этой точки зрения многие осудили стих «Танкреда». Н. Гнедич перевел его традиционными парными александрийскими стихами. Характерны в этом отношении замечания Корнеля по поводу его трагедии «Андромеда», в которую он ввел ряд сцен с хорами, писанными разнообразными формами стиха: «Надо нравиться по правилам; вот почему иные возражения весьма значительны в том, что они находят что-то неправильное в этом роде стихов... Утверждают, что хотя в театре и говорят стихами, но предполагается, что говорят прозой;

¹⁰² Впрочем, впервые употребленные до знакомства с Байроном — в «Руслане» (песнь IV) и еще раньше — в «Эвлее», по-видимому по образцу поэм Парни. Поэтому нельзя считать правильной ту генеалогию, которую строит для этих песен В. Жирмунский в своей книге «Байрон и Пушкин» (Л., 1924, стр. 77—78), где он сопоставляет песни южных поэм с аналогичными песнями у Байрона, Вальтера Скотта и в романах немецких романтиков, упуская из виду, что Пушкин вместе с другими унаследовал эту форму у предшественников.

существует только один род стихов, именуемых у нас александрийскими, которым обычай позволяет заменять прозу; стансы же не могут сойти за прозу; и, следовательно, их нельзя с сохранением правдоподобия вложить в уста актера... Признаюсь, что стихи, декламируемые в театре, предполагаются прозой (*sont présumés être en prose*): обычно мы не говорим стихами, и без этого допущения (*fiction*) их размер и рифма нарушили бы правдоподобие. Но почему можно утверждать, что александрийские стихи тяготеют к прозе, а стихи стансов не пригодны для этого? Если поверить Аристотелю, то в театре следует употреблять стихи, которые наименее являются стихами и невольно примешиваются к обычной речи чаще других... Именно по этой причине стихи стансов менее стихи, чем александрийские, потому что в нашей обычной речи проскальзывает больше неравных стихов, то коротких, то длинных, с перекрестными рифмами, удаленными одна от другой, чем те, мера которых однородна, а рифма парна. Греческие поэты, не ограничиваясь ямбом, обращались к анапесту, трохею и даже гекзаметру, если считали это уместным. Сенека поступал, как они. Испанцы, его соотечественники, меняют меру стиха от сцены к сцене. Но во Франции — иной обычай, и считается, что только александрийские стихи заменяют прозу. И по этому поводу не могу не задать вопроса: кто же хозяин этого обычая и кто может утверждать его на театре, как не те, кто со славою занимали сцену своими произведениями тридцать лет» (*Examen d'Andromaque*, писано около 1659 года).

Это несколько многословное рассуждение констатирует силу традиции в приемах стихотворной передачи речи, считающейся как бы прозаической. Но, конечно, ни Корнель, ни Вольтер не правы, когда искали разрешения на пути анализа близости между прозой и частными видами стиха. Поэтический узус всё-таки является решающим, а базируется он далеко не на одних подобных соображениях абсолютного порядка. Иначе бы трагедии и поэмы просто писались прозой.

В «Онегине» песня девушек является первого рода «цитацией». Это документальная песня. Другой природы документы: письма Татьяны и Евгения. Весь роман предполагается рассказанным «автором», и онегинская строфа — это голос автора, его условная проза. Но когда нужно показать «подлинный» документ, то этот стиль автора становится (по отношению к документу) чужеродным, литературным, и в нем воскресает его стихотворная природа. Только новая условность создает впечатление подлинности. Так на фоне александрийского стиха условно «прозаически» («документально») звучит строфический стих; на фоне строф «Онегина» прозой будет ямб вольной рифмовки. Следовательно, функция вольного ямба в «Онегине» имеет природу чисто стилистическую: это способ освободиться от голоса автора, вывести документ из того условного мира, в котором развивается действие. Вольный ямб не создает никакого разнообразия в целом произведении. Он обособляет два вставленные в текст документа. Функция ямба свободной рифмовки на фоне строф равносильна условно документальной орфографии или лексике, применяемой в прозе для того, чтобы отличить текст документа от текста автора. Значение этих ямбов ничем не связано ни с тематикой, ни с общими принципами композиции целого. Они окрашивают только те части произведения, которые ими писаны.

Для традиции французской классической драматургии характерно, что эти «документы» рассматривались буквально как «вещи», т. е. как нечто, совершенно постороннее стихотворному тексту. Отсюда оказывалось воз-

возможным вставлять эти документы внутрь стиха или между двумя рифмующими между собой стихами (пример этого я приводил в комментарии к «Каменному гостю» Пушкина, где мною были названы «Les Folies amoureuses» Реньяра, сцена X третьего акта, и «L'École des vieillards» Делавиня, сцена V пятого акта¹⁰³). Буквально то же по отношению к строфе пытался сделать Пушкин. По первоначальному проекту песня девушек должна была следовать за четвертым стихом строфы XV третьей главы. Но в печати Пушкин от этого отказался, сохранив цельность строф. Между прочим, тот факт, что при первоначальном проекте строфа распадалась на две части по формуле $4 + 10$, показывает, что наиболее типичной паузой в строфе Пушкин считал паузу после первого четверостишия.

Но законен вопрос: почему же не все куски «документального» порядка вынесены за пределы строф? почему святочные песни (глава V, строфа 8) или элегия Ленского (глава VI, строфы 21 и 22) даны в общем потоке строф? На этот вопрос отвечает анализ соответствующих мест. Если сравнить святочную песню пятой главы с песней девушек из третьей главы, то мы можем заметить, что она по собственной своей природе гораздо документальнее, чем песня девушек «Девушки, красавицы», так как в сцене гаданий Пушкин цитирует подлинную святочную песню, слегка изменяя ее текст, в то время как «Девушки, красавицы» — собственная его стилизация в духе народных песен. Отсюда можно заключить, что Пушкин умел включать в строфы «Онегина» самый разнообразный материал, и, следовательно, аргумент тематической или иной разнородности не применим в качестве критерия к «вместимости» или «невместимости» материала в систему строф. Документальность надо понимать не в смысле свойств самого материала, а в смысле отношения его к общему повествованию. И действительно, песня девушек есть своеобразное интермеццо. Ее текст никак не связан с сюжетом данной сцены. В лучшем случае он гармонирует с обстановкой сцены. Для сюжета достаточно того, что «они поют». То, что именно они поют, не имеет отношения к происходящему. Наоборот, цитата святочной песни сюжетна: «Сулит утраты сей песни жалостный напев». Пушкину важно сообщить, при какой именно песне «вынулось колечко ей». Текст песни — важный элемент сцены гадания, не устранимый из связного повествования. Автор не может драматизировать этого места и уступить слово воображаемым исполнителям этой песни. Именно связность рассказа требует, чтобы текст песни был сообщен в общей системе описания гаданий, т. е. от автора. А голос автора — это онегинская строфа.

Обратимся к элегии Ленского. Обратим внимание на особую нарочитость включения ее в текст строф. Элегия не начинается собой строфы и рифмами связана с речью автора:

Стихи на случай сохранились;
Я их имею; вот они:
«Куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни?..»

Таким образом, Пушкин не только воспользовался строфической формой для элегии Ленского, но внутри строфы связал ее со своей речью, при этом связал в таком целостном, неразъемлемом месте строфы, как

¹⁰³ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VII, Изд. Академии наук СССР, Л., 1935, стр. 577.

первое четверостишие. Всё это говорит о сознательной намеренности автора.

Если исходить из собственной природы элегии Ленского, то она насквозь цитатна и представляет набор формул, перекликающихся с типичными элегиями начала XIX века. Однако важно не это; существенным является то, в каком тоне сообщает об элегии Ленского Пушкин. Вспомним, как подходил к письму Татьяны Пушкин-рассказчик. Для него это письмо было ценным как образец наивного, искреннего, непосредственного выражения чувства. Он сам якобы не в силах передать его. Это мог бы сделать Баратынский. Итак:

... вот
Неполный, слабый перевод,
С живой картины список бледный...

Иначе говоря, голос автора недостаточен, чтобы воспроизвести это письмо. Слово передается самой Татьяне.

Точно так же автор не берется пересказать письма Онегина. Он уступает ему слово:

Вот вам письмо его точь в точь.

Совсем иное отношение к стихам Ленского. Они сопровождаются ироническим комментарием: «его стихи Полны любовной чепухи»,

Так он писал *темно и вяло*
(Что романтизмом мы зовем,
Хоть романтизма тут ни мало
Не вижу я; да что нам в том?)
И наконец перед зарею,
Склонясь усталой головою,
На модном слове *идеал*
Тихонько Ленский задремал...

Итак, приводимая элегия — только цитируемый автором отрывок (в нём нет «модного слова *идеал*»). Он преподносится как образчик вялых стихов Ленского, с иронической характеристикой. В этих условиях невозможна серьёзная, возвышенная декламация «в лирическом жару». Пушкин никак не может уступить слово самому Ленскому. Он должен прочесть или, вернее, процитировать эти стихи сам, ироническим тоном, т. е. своим голосом, в контексте повествования. Только в контексте речи самого Пушкина весь этот набор элегических штампов заиграет как «темная и вялая» поэзия. Пушкин стилизует элегию не карикатуря, а иронизируя. Это просто перечень элегических мотивов, и дан он тоном перечня, с голоса автора. Снимите иронию, и получится элегия, которую мог написать и В. Туманский, и А. Крылов, и А. А. Шишков, и С. Саларев, и С. Глебов, и многие другие. Но от имени этих «Ленских» элегия прозвучала бы всерьёз, «любовная чепуха» зазвучала бы трогательно: ведь пародируемые элегики писали что-то очень похожее и имели отклик у читателей. Ироническую оценку эта имитация получает только с голоса самого Пушкина.

Над элегией Ленского был проделан весьма известный эксперимент. Изъятая из своего контекста, она была вставлена в оперное либретто, т. е. вдвинута в контекст, по сценической традиции ещё более банальный, чем элегия начала века. Она была музыкой переведена в сентиментально-патетический ряд и зазвучала обратно тому, как ее задумал Пушкин: не в снижающей, а в возвышающей интонации. Характерно и изменение обста-

новки: у Пушкина Ленский «раздетый, при свечке, Шиллера открыл». В опере лирический тенор дан в обстановке природы, перед самой дуэлью: это его предсмертные слова. И данное ариозо имеет соответствующий отголосок у слушателей: недаром это популярный номер тенорового репертуара.

Вот почему Пушкин и не мог дать элегию Ленского в «документальной форме», т. е. вне строф. Он сыграл бы по отношению к себе роль непонятливого либреттиста.

В обзоре лирических строф Пушкина почти всегда намечалась традиция строфы, ее прикрепленность к определенному жанру, тематике, эмоциональной окраске. Но по отношению к онегинской строфе никакой традиции поиски не обнаружили. Подобной строфы еще не найдено ни в русской, ни в западной поэзии, предшествующей Пушкину.¹⁰⁴ Искали эту конфигурацию рифм не только в строфических формах, но и в произведениях астрофического четырехстопного ямба. Правда, найденные у какого-нибудь поэта 14 стихов, срифмованных по схеме онегинской строфы, еще не были бы убедительны, так как сочетание трех видов четверостишия с двустишием при свободной рифмовке могло появиться случайно и на общем фоне произвольной последовательности рифм могло бы оказаться незаметным. Пришлось бы доказывать, что именно данное место привлекло внимание Пушкина. Между тем до сих пор ни в пределах собственного творчества Пушкина, ни за его пределами подобной конфигурации стихов не найдено.

Таким образом, можно считать онегинскую строфу совершенно оригинальной.

Эта оригинальность не случайна. Оригинальность строфы соответствует оригинальности жанра романа. Пушкин задумывал свой роман как русский вариант «Чайльд Гарольда» и «Дон Жуана» Байрона. В действительности «Евгений Онегин» был произведением, навсегда освободившим Пушкина от «байронизма». В пределах первой главы еще мы наблюдаем процесс борьбы и преодоления мотивов Байрона; еще наблюдается переключка с «Чайльд Гарольдом» в отдельных строфах. Но в дальнейшем Пушкин решительно порывает со всякой зависимостью от кумира начала 20-х годов.

В оригинальности нового пути Пушкина смысл оригинальности онегинской строфы.

¹⁰⁴ В указателе Мартинона приведено несколько строф в 14 стихах, применявшихся поэтами Плеяды; но, не говоря уже об исторической невозможности такой преемственности для Пушкина, необходимо отметить, что по своей структуре эти строфы являются лишь вариантами десятистишной одической строфы, представляя собой сочетание двух четверостиший с каноническим шестистишием.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КАТАЛОГ СТРОФИЧЕСКИХ ФОРМ ПУШКИНА

Настоящий каталог является прежде всего указателем, имеющим задачей облегчить разыскание частных форм. Поэтому стихотворения классифицируются преимущественно по внешним, объективно констатируемым признакам. Справочный характер каталога отличает его построение от таблиц «Метрического справочника к стихотворениям А. С. Пушкина» Н. В. Лапшиной, И. К. Романовича и Б. И. Ярхо (1934). Таблицы «Метрического справочника» имеют главным образом чисто статистические задачи, и разыскание произведений частных форм чрезвычайно затруднено. Подлинно справочный характер имеет в нем только алфавитный указатель стихотворений. В самих же таблицах даны только итоговые цифры — результат подсчетов.

Отличается настоящий каталог от «Метрического справочника» и самым пониманием термина строфа. В справочнике говорится: «Под строфой в широком смысле разумеют всякое стихосочетание, отделенное от смежных (в том же стихотворении) каким-нибудь фоническим признаком: ритмическим (смена размера, повторяющаяся пауза), эвфоническим (завершение рифмованного ряда) и др. В узком смысле — стихосочетания в одном стихотворении, повторяющиеся по какому-нибудь признаку. Мы предпочитаем первое толкование. . .» (стр. 19). Между тем оба определения в указателе смешаны. Так, четверостишие *AbAb* может быть и самостоятельной строфой (например, II, 5), и частью произведения вольной рифмовки, и частью сложной строфы (например, начальное четверостишие одической или онегинской строфы), и, наконец, «твердой формой», т. е. стихотворением, состоящим только из четырех стихов (I, 10). В «Метрическом справочнике» эти случаи недостаточно разграничены. Например, в таблице XVIII (стр. 42—43) смешаны формы «твердые» и «циклические». В строфический индекс (стр. 123—129) эти две формы введены наравне со стихосочетаниями в произведениях вольной рифмовки; однако те же четверостишия как части циклических форм даны не в общей сумме четверостиший, а в составе соответствующих строф, хотя нет принципиальной разницы между четверостишием, входящим в состав сложного свободного сочетания, и четверостишием, составляющим часть сложной строфы; обе формы четверостиший одинаково противостоят по функции самостоятельному четверостишию.

Наконец самое выделение строфических единиц из целого совершено в «Метрическом справочнике» по чисто формальному признаку замкнутого сцепления рифм. Так, элементарные шестистишия *AAбССб* и *AAбСбС* авторы склонны истолковывать как двустишие плюс четверостишие, по тому признаку, что начальные два стиха, рифмующие между собой, не сцеплены рифмами с остальной частью строфы. То же и в циклических формах. Так, на стр. 76 сделано критическое замечание по адресу В. Брюсова: «. . . в ряде случаев размер строфы указан на основании принятой формы ее печатания, а не реального чередования рифм (так, строфы стихотворения «Русалка» 1819 г., «Осгар», «Мечтатель» и др. названы восьмистишными, тогда как на самом деле они четырехстишные). . .». Между тем прав, конечно, Брюсов: «принятая форма печатания» принадлежит самому Пушкину, и анализ синтаксического построения легко покажет, что такое разделение имеет свое полное основание. Восьмистишие строения *AbAbCdCd* отличается от восьмистишия *AbAbCddC* только однородностью своих составных частей.

Точно так же нельзя принять безоговорочно замечания по поводу терцин: «Терцины, являющие никаким звуковым признаком не разделенную цепь рифм, — астрофичны. Их деление на трехстишия совершенно условно, ибо даже общее количество стихов в таком стихотворении никогда не бывает кратным трем» (стр. 20). Конечно, формально терцины представляют собой бесконечную цепь стихов. Однако традиционное деление терцин по три стиха, равно как и название *terza rima* (*rsp. ottava rima*) не основаны на одном недоразумении. Самый арифметический принцип формализован неточно. Число стихов в терцинах не кратно трем, но оно равно числу, кратному трем, увеличенному на единицу; следовательно, одно произведение в терцинах отличается от другого всегда на число стихов, кратное трем: прибавляются стихи в терцинах всегда порциями по три стиха, и лишь в заключение присоединяется один замыкающий стих. По существу же терцины тяготеют к синтаксическому членению по три стиха. Достаточно обратить внимание на то, что в стихотворении «В начале жизни школу помню я...» из 17 терцин 13 имеют в конце точку, в то время как после первого и второго стиха трехстиший этот знак вовсе не встречается. Для Пушкина трехстишие данной формы воспринималось как автономная строфическая единица.

В основу настоящего каталога положено представление о строфе как о композиционной единице. Выделение этой единицы производилось на основании всех данных, свидетельствующих о ритмическом намерении автора: не только на основании последовательности рифм и каталектики или чередовании разномерных стихов, но и на основании собственного авторского членения.

Настоящий каталог разделен на семь частей. Первый раздел содержит перечень стихотворений, которые вследствие своей краткости не дают материала для суждения о цикличности их построения. Эти стихотворения можно рассматривать как состоящие из одной строфы, т. е. как произведения «твердой формы» (*forme fixe*). В этом отделе приведены стихотворения, не превышающие по своему размеру восьми строк и не разделенные пробелами на меньшие строфические единицы. Сюда же отнесены специфические произведения «твердой формы» — сонеты.

За исключением сонетов, все стихотворения свыше восьми стихов, не разлагающиеся на меньшие строфические единицы, включены в шестой раздел — произведения вольной рифмовки.

Второй раздел является центральным в каталоге. Он, собственно, и представляет собой каталог строфических форм в точном смысле слова. Сюда включены все строфические стихотворения, состоящие из строф от двух до четырнадцати стихов (онегинская строфа). Стихотворения парной рифмовки (александрійский стих, парные хорей сказок) вынесены в особый отдел (четвертый), так как их композиция противоречит строфической системе и их рифмовые пары не имеют строфической автономии в синтаксическом и тематическом отношении.

При классификации строфических групп обращалось внимание на то, разделял ли их Пушкин графически или нет. При этом представляли особое затруднение произведения, в которых рифмы следуют по принципу перекрестных четверостиший (*AbAb*). Наряду со стихотворениями, разделенными пробелом на четверостишия, имеются при той же рифмовке и стихотворения, разделенные на восьмистишия (причем реальность такой группировки стихов подтверждается синтаксическим строем). Но наряду с этим имеются стихотворения, в которых никаких внешних примет разделения на строфы нет и о строфичности которых свидетельствует только

рифмовка. Все такие стихотворения зарегистрированы как состоящие из четверостиший.

Ко второму отделу отнесены и такие стихотворения, в которых заключительная строфа отличается по своему строю от прочих или которые обрамлены аналогично построенными, но отличными от других начальной и заключительной строфами. В этом случае в счет строф внесены только тождественные строфы, а о заключительной или обеих обрамляющих сообщается в примечаниях.

Все случаи, когда отсутствует авторское разделение (стихи писаны без пробелов), отмечены в примечаниях.

В третий раздел внесены стихотворения, разделенные Пушкиным на строфы, если эти строфы не тождественны между собой. В том случае, если авторское разделение отсутствует, стихотворения рассматривались как писанные по принципу вольной рифмовки и относились к шестому разделу.

Четвертый раздел содержит стихи парной рифмовки. Сюда же отнесены и стихи, писанные элегическим дистихом.

В пятый отдел отнесены стихи, в которых строфической единицей является один стих и где все стихи тождественны. В первой части раздела перечислены произведения, в которых стихи тождественны как по размеру, так и по каталектике (роду окончания). Во второй части зарегистрированы стихотворения, в которых все стихи тождественны только по размеру, но различны по каталектике, произвольной в своей последовательности.

Шестой раздел содержит стихотворения вольной рифмовки. Он является своего рода продолжением первого раздела и содержит произведения от 9 стихов и больше. Для стихотворений до 14 стихов включительно в примечаниях указана рифмовка.

Седьмой раздел содержит строфику французских стихотворений Пушкина. В этом разделе размер стиха определяется количеством слогов, так как французские стихи писаны по силлабической системе стихосложения.

В основу пушкинского текста для настоящего каталога положено «Полное собрание сочинений» А. С. Пушкина в десяти томах (изд. Академии наук СССР, 1949), кроме отдельных случаев, оговоренных в примечаниях.

В каталог занесены все стихи Пушкина, кроме незначительных отрывков, не определенных в их строфическом строе.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ В КАТАЛОГЕ

В графе «Рифмовка»

Строчные буквы — мужские окончания: *a, b, c...*

Прописные буквы — женские окончания: *A, B, C...*

Строчные греческие буквы — дактилические окончания: *α, β, γ...*

Прописные греческие буквы (не совпадающие с латинскими) — гипердактилические окончания: *Γ, Δ, Θ...*

Холостые стихи мужские — χ

Холостые стихи женские — χ

В графе «Размер»

я — ямб

х — хорей

д — дактиль

амф — амфибрахий

ан — анапест

Цифра — число стоп: до буквы — для стихотворений, писанных одним размером; после буквы — для стихотворений, писанных стихами с разным числом стоп, в последовательности стихов.

Примечание. Стихи, состоящие из одного ударного слога или ударного с последующим неударным, определяются как одностопный хорей (*1x*), если они не находятся в сочетании с дактилем.

Б. Акад. изд. — Пушкин, Полное собрание сочинений, тт. I—XVI, Изд. Академии наук СССР, 1937—1949.

Десяти томник. — А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1949.

1. Стихотворений, состоящие из одной строфы.¹ Двустихия. Трехстишия. Четверостишия

№	Рифмовка	Размер	Название	Год	Десяти- томник	Примечание
1	аа	2я	Двустихия	1828	III, 94	Приписано Пушкину.
2	АА	4я		1828	III, 101	
3	АА	6я		1820	II, 13	
4	аа	6я	О. С. Пушкиной (Семейственной любви и нежной дружбы ради) На Аракчеева (В столице — он капрал...) Б. М. Федорову (Пожалуй, Федоров, ко мне не приходи)	1825	II, 312	
5	аа	4х	Лилицинский окопел — отечеству беда Вези, вези, не жалей Двустихия элегических дистихов см. в общем перечне элегических дистихов — IV, 11.	1820 1828	I, 432 III, 93	Отрывок, связанный со стихотворением «Мне изюм» (I, 75).
6	хВВ	6я	Трехстишия Сафо (Счастливей юноша, ты всем меня пленя)	1825	II, 276	
7	АбАб	3я	Четверостишия Я сам в себе уверен	Лицей 1813—1817	I, 278	
8	аВВа	3я	Прощание Кюхельбекера (Друзья, простите! Завещаю)	1818	I, 437	Приписано. Б. Акад. изд., VII, 342.
9	ХаХа	3я		1825	X, 141	
10	АбАб	4я	На Пушкину (Зачем кричишь ты, что ты дева)	1816	I, 292	Приписано.
			Завещаю)	1816	I, 430	

Эпиграмма на смерть стихотворца (Покойник Клит в раю не будет) На женителю генерала Н. М. Сипягина (Убор супружеский пристало) Когда б писать ты начал сдуру	Лицей 1813—1817 1818 1820 1820 1821 1821	I, 288 I, 431 II, 18	Приписано.
Как брань тебе не надоела Эпиграмма (Лечись — иль быть тебе Панглосом) Всегда так будет, как бывало	1822 1823 1823 1824	II, 99 II, 170 II, 171 II, 423	Приписано.
Баратынскому (Я жду обещанной тетради) Туманский, Фебу и Фемиде Слажи — не я ль тебя заметил На Воронцова (Полугерой, полуневежда)	1824 1824 1824 1825	II, 230 II, 231 II, 427 II, 365 II, 360	Вариант эпиграммы «По- лу-милорд, полу-ку- пец»; см. I, 12.
Охотник до журнальной драки Лихой товарищ наших делов Они твердили: пусть виденья (набросок к «По- дражаниям Корану», VI) Дружба (Что дружба? Легкий пыл похмелья) На трагедию гр. Хвостова (Подобный жребий для поэта)	1828 1828 1828 1830 1832 1836	III, 78 III, 94 III, 94 III, 218 III, 246 III, 391	Отрывок. Отрывок. Отрывок.
19 октября 1828 (Усердно помолившись богу) Не смею вам стихи Баркова Когда стройна и светлоока Тебя зову на томной лире Одни стихи ему читала Забыв и рошу и свободу Пожарский, Минин, Гермоген	Лицей 1813—1817 1817	I, 257	
Напись на стене больницы (Вот здесь лежит большой студент) За ужином объелся я Наденьке (С тобой приятно уделить) Она тогда ко мне придет	1818 1818 1818	I, 433 I, 435 I, 436	Приписано. Приписано. Приписано.

¹ Включены стихотворения от двух до восьми стихов. Сведения об однострофных стихотворениях большего размера, не разлагаю-щихся на мелкие строфы, см. в разделе стихотворений вольной рифмовки. В данный раздел введены из больших строф только сонеты.

1. Стихотворения, состоящие из одной строфы. Четверостишия

№	Рифмовка	Размер	Название	Год	Десяти- томник	Примечание
12	<i>aBbA</i>	<i>4я</i>	На К. Дембровского (Когда смотрюсь я в зеркала)	1817—1820	I, 440	Приписано.
13	<i>AbbA</i>	<i>4я</i>	На Воронцова (Певец Давид был ростом мал) Приют любви, он вечно полн Е. П. Полторацкой (Когда помилует нас бог) Твой догадки — сущий вздор И вот ущестье мрачных скал На Воронцова (Полу-милорд, полу-купец) Мы добрых граждан позабавим Воленьем жизни утомленный Разговор Фотия с гр. Орловой (Внимай, что я тебе вещаю) Больны вы, дядюшка. Нет мочи	1824 1824 1829 1827—1836 1829 1824 1817—1819 1828 1822—1824	I, 183 II, 184 III, 104 III, 395 III, 159 II, 182 I, 434 III, 102 II, 375	Отрывок. Отрывок.
14	<i>AAbb</i>	<i>4я</i>	На Ф. Н. Глинку (Наш друг Фита, Кутейкин в аполетах) Княз. С. А. Урусовой (Не веровал я троюде доньне)	Лицей 1813—1817 1825	I, 282 II, 305	Приписано. Отрывок.
15	<i>AbbA</i>	<i>5я</i> <i>цезур.</i>	Мадригал М...ой (О вы, которые любовью не горели) Бакуниной (Напрасно воспевать мне ваши им- нины)	1827	III, 414	Последний стих без це- зуры.
16	<i>AbAb</i>	<i>6я</i>	От многогочия отрекись добровольно К портрету Вяземского (Судьба свои дары явить желала в нем)	1817—1820	I, 398	
17	<i>aBaB</i>	<i>6я</i>	Красавица перед зеркалом (Взгляни на милую, когда свое чело) К портрету Дельвига (Се самый Дельвиг тот) За старые грехи наказаны судьбой Четверостишия александрйского стиха парной рифмовки см. в общем списке стихотворений александрийского стиха парной рифмовки — IV, 3, 4.	1820—1826 1820	II, 361 II, 15	
18	<i>abab</i>	<i>6я</i>	Вот Виля — он любовью дышит	1821	II, 25	
19	<i>aBbA</i>	<i>6я</i>	За Netty сердцем я легаю	1817—1820 1819	I, 406 I, 384	Отрывок.
20	<i>AbAb</i>	<i>я4343</i>		Лицей 1813—1817 1828	I, 284	
21	<i>AbAb</i>	<i>я4242</i>			III, 98	

22	<i>АбАб</i>	<i>яб464</i>	Н. Д. Киселеву (Иди в чужом краю здоровья и свободы)	1828	III, 91
23	<i>аВаВ</i>	<i>яб464</i>	К. А. Б*** (Что можем наскоро стихами молвить ей)	1817—1820	I, 396
24	<i>АбАб</i>	<i>яб664</i>	Моя эпитафия (Здесь Пушкин погребен)	1815	I, 138
25	<i>аВВа</i>	<i>яб663</i>	К*** (Счастлив, кто близ тебя, любовник упорный)	1818	I, 340
26	<i>АббА</i>	<i>яб663</i>	К портрету Каверина (В нем пушка и войны кипит всегдашний жар)	1817	I, 260
27	<i>ААбб</i>	<i>я4533</i>	Эпиграмма (Скажи, что нового? — Ни слова)	Лицей 1814—1816	I, 441
28	<i>ааВВ</i>	<i>я4466</i>	На Гнедича (С тобою в спор я не вступаю)	1819—1820	I, 291
29	<i>АбАб</i>	<i>яб644</i>	На Пучкову (Пучкова, право, не смешна)	Лицей 1813—1817	I, 401
30	<i>аВВа</i>	<i>яб643</i>	Нимфодоре Семеновой (Желаю бы быть твоим, Семенова, покровом)	1817—1820	VIII, 522
31	<i>аВаВ</i>	<i>яб644</i>	На Н. М. Карамзина (В его «Истории» изящность, простота)	1818—1819	I, 261
32	<i>АбАб</i>	<i>яб646</i>	К письму (В нем радости мои; когда померкну я)	1817	I, 286
33	<i>аВВа</i>	<i>я4644</i>	На Баболовский дворец (Прекрасная! пускай восторгом насладится)	Лицей 1813—1817	X, 613
34	<i>аВаВ</i>	<i>я4464</i>	Смирдин меня в беду поверг (из письма к Яковлеву)	1817—1820	I, 407
35	<i>АбАб</i>	<i>я4464</i>	К портрету Чаадаева (Он вышней волею небес)	1826	X, 220
36	<i>АбАб</i>	<i>я5655</i>	Из письма к Н. С. Алексею (Прощай, отшельник бессарабский)	Лицей 1813—1817	I, 290
37	<i>АбАб</i>	<i>яб556</i>	Сравнение (Не хочешь ли узнать, моя драгая)	1818	I, 397
38	<i>АбАб</i>	<i>я5455</i>	В альбом Сосницкой (Вы соединить могли с холодностью сердечной)	1820—1826	II, 359
39	<i>АбАб</i>	<i>я5466</i>	Там на берегу, где дремлет лес священный	1828	III, 89
40	<i>АбАб</i>	<i>4х</i>	Эпитафия младецу кн. Н. С. Волконскому (В сиянии и в радостном покое)	1814	I, 474
			Мы недавно от печали	Лицей	I, 276
			И останешься с вопросом	1813—1817	II, 67
			На Каченовского (Клеветник без дарованья)	1821	II, 131
			У Кларисы денег мало	1822	II, 362
			Нет ни в чем вам благодати	1822	III, 393
			Золото и булат (Всё мое, — сказала элато)	1826	

В качестве рифм тождественные слова.

1. Стихотворения, состоящие из одной строфы. Четверостишия. Пятистишия. Шестистишия

№	Рифмовка	Размер	Название	Год	Десяти- томник	Примечание
41	ХаХа	2д	Стрекоутня белобочка	1829	III, 152	Не отделано. Отрывок. Куплет из коллективной песни (четверостишия разной рифмовки).
42	ХаХа	2амф	Надо мной в лазури ясной Канон в честь М. И. Глинки (Слушая сию но- винку)	1830 1836	III, 218 III, 413	
			Ср. видоизменение четверостишия четырехстоп- ного хоря — I, 75. Воды глубокие Веселой толпою (песня из «Русалки») Четверостишия эгического дистиха см. IV, 11.	1827—1836 1832	III, 402 V, 444	
43	аВааВ	4я	Пятистишия Экспромпт на Огареву (В молчаньи пред тобою снжу) К Баратынскому (Стих каждый в повести твоей)	1816 1826	I, 191 II, 325	
44	АбААб	4я	Штабс-капитану, Гёте, Грену (записка к Жуков- скому)	1817—1820	I, 404	
45	АбАбб	4я	На Стурдзу (Холод венчанного солдата)	1819	I, 342	
46	ААбАб	4я	Хоть впрочем он поэт изрядный К Е. Н. Вульф (Вот, Эйна, вам совет: играйте)	1821 1826	II, 37 II, 326	
47	АбААб	5я	Эпиграмма (Не то беда, Авдей Флюгарин) Из письма к В. Л. Пушкину (Да, каюсь, я, конечно, перед вами)	1830 1816	III, 193 X, 10	
48	АбАбА	5я	К портрету Жуковского (Его стихов пленитель- ная сладость)	1818	I, 330	
49	АббАА	5я	Эпиграмма (Супругою твоей я так пленился)	1814	I, 72	
50	ааВаВ	я46662	На Рыбушкина (Бывало, прежних лет герой)	1814	I, 74	
51	аВааВ	я66644	Дяде, назвавшему сочинителя брагом (Я не совсем еще рассудок потерял)	1816	I, 233	
52	АААбб	я33646	На гр. А. К. Разумовского (Ах! боже мой, ка- кую Я слышала весть смешную)	Лицей до 1816 г.	I, 285	
53	ааба	я22112	Рефрен из стихотворения «Ночной зефир»	1824	II, 202	Трижды повторен.
54	ААббХ	я44442	Если в жизни поднебесной	1828	III, 94	
55	ааВаВ	я44343	Песня косарей в «Сценах из рыцарских времен» (Ходит во поле коса)	1835	V, 475	

	Шестистишия			
56	На 2 рифмы: АбЬАб АбЬАб	4я 4я	Завтра с свечкой грошевою В альбом (Пройдет любовь, умрут желанья) В альбом (А. Н. Зубову) (Когда погаснут дни мечтанья)	1816 1817 1817
57				I, 177 I, 488 I, 252
58	аВВаВа	4я	Из письма к Родзянке (Прости, украинский мудрец)	II, 237
59	На 3 рифмы: ааВссВ	4я	Цветы последние милей На Булгарина (Не то беда, что ты поляк)	II, 277 III, 168
60	ААЬСЬС	4я	Добрый человек (Ты прав — несносен Фирс ученый)	I, 405 1817—1820
61	ААЬССЬ	4я	На Ланова (Бранишь, ворчи, болван болванов) Циклоп (Язык и ум теряя разом)	II, 130 III, 162
62	ааВВсс	4я	Угрюмых тройка есть пещов	I, 150
63	аВаВсс	4я	На Фотия (Полу-фанатик, полу-плут)	II, 379
64	На 2 рифмы: аВаВаВ	5я	На небесах печальная луна	II, 316
65	На 3 рифмы: ААЬССЬ	5я	На Каченовского (Хавронис! ругатель за- снелый)	II, 19
66	ааВаВс	5я	Эпиграмма (На Карамзина) (Послушайте: Я сказку вам начну)	I, 308
67	ааВссВ	6я	На Каченовского (Бессмертиюо рукой раздав- ленный зюна)	I, 331
68	ААЬССЬ	6я	Везувий зев открыл — дым хлынул, клубом — пламя	III, 282
69	ААЬССЬ	ябб44446	Шестистишия <i>александрийского</i> стиха <i>парной</i> <i>рифмовки</i> см. IV, 3.	I, 148
70	ааВаВс	ябб66647	Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался Дионей (Хромид в тебя влюблен; он молод, и не раз)	II, 51
71	аВВаСС	я55556	Князь Г. — со мною не знаком	II, 78
72	аВВаСС	ябб44464	Ланса, я люблю твой смелый, вольный взор	I, 373
73	ААЬССЬ	4я	Есть в России город Луга	I, 305
74	ааВаВс	4я	На Дондукова-Корсакова (В Академии наук)	III, 354

Стихотворение написано
по системе Contrepet-
terie (перестановки в
нечетных стихах имен).
Приписано.

Отрывок.

Отрывок.

1. Стихотворения, состоящие из одной строфы. Шестистишия. Семистишия. Восьмистишия

№	Рифмовка	Размер	Название	Год	Десяти- томник	Примечание
75	<i>aabbc</i>	<i>x222244</i>	Мне изюм <i>Шестистишие двухстопного амфибрахия парной рифмовки см. IV, 9.</i> <i>Шестистишия эллигического дистиха см. IV, 11.</i> <i>Семистишия</i>	1828	III, 95	Стихи 1 и 2, 3 и 4 пред- ставляют, каждая пара, разложение одного сти- ха; поэтому во 2 и 4 стихах по лишнему на- чальному слогу, при- дающему им ямбиче- ский характер. По су- ществу же это четве- ростишие четырех- стопного хоря с вну- тренними рифмами в двух первых стихах. Ср. I, 5.
76	<i>aaBccB</i>	<i>4я</i>	Надпись к беседе (С благоговейною душой)	Лицей 1813—1817 1822	I, 283	
77	<i>AAЬЬСЬС</i>	<i>4я</i>	В лесах Гаргафии счастливой (набросок на- чала поэмы «Актеон»)	1825	IV, 400	
78	<i>XaaBccB</i>	<i>4я</i>	[Припадками болезни женской] Словесность русская больна		II, 315	
79	<i>AAЬЬСЬСЬ</i>	<i>5я</i>	Твой и мой (Бог весть, за что философсы, пинты)	Лицей 1813—1817	I, 292	
80	<i>AAЬЬСЬС</i>	<i>5я</i> <i>цезур.</i> <i>цезур.</i>	На Великопольского (Поэт-игрок, о Беверлей- Горацій)	1829	III, 109	
81	<i>AbAbCdCd</i>	<i>4я</i>	<i>Восьмистишия</i> Старик (Уж я не тот любовник страстный) Денису Давыдову (Цевец-гусар, ты цел би- ваки) На А. А. Давыдову (Иной имел мою Аглаю) Птичка (В чужбине свято наблюдаю) Жалоба (Ваш дед портной, наш дядя повар)	1814 1821 1822 1823 1823	I, 264 II, 90 II, 129 II, 143 II, 146	

1. Стихотворения, состоящие из одной строфы. Восемистишия. Сонеты

№	Рифмовка	Размер	Название	Год	Десяти- томник	Примечание
88	<i>AbbAcDcD</i>	4я	В крови горит огонь желанья	1825	II, 293	
89	<i>aBBaCdCd</i>	4я	Анне Н. Вульф (Увы, напрасно дева гордой)	1825	II, 322	
90	<i>AAbbCdCd</i>	4я	Портрет (С своей пылающей душой)	1828	III, 68	
91	<i>AbAAbCCb</i>	4я	На Александра I (Воспитанный под барабаном)	1820—1826	II, 364	
92	<i>AbAbCdCd</i>	5я	Прозаик и поэт (О чем, прозаик, ты хлопочешь)	1825	II, 298	
			Шапелъ Андреевич конечно	1816	X, 11	
			Как сладостно!.. но, боги, как опасно	1818	I, 341	Не окончено. Отсутствует за- ключительный восьмой стих.
93	<i>aBaBcDcD</i>	5я	Ех ungue leonem (Недавно я стихами как-то свистнул)	1825	II, 253	
94	<i>aBBaCddC</i>	5я	В степи мирской, печальной и безбрежной	1827	III, 14	
95	<i>aBaBcDdc</i>	5я	Эпиграмма (Седой Свистов! ты царствовал со славой)	1829	III, 129	
96	<i>aBBaCdCd</i>	5я	Я вас любил: любовь еще, быть может	1829	III, 131	
			Совет (Поверь: когда слепней и комаров)	1825	II, 244	
			Любопытный (Что ж нового? «Ей-богу, ни- чего»)	Лицей 1813—1817	I, 281	
			Мне бой знаком — люблю я звук мечей	1820	I, 388	
			Эпиграмма на А. А. Давыдову (Оставя честь судьбе на произвол)	1821	II, 70	
			Из письма к Великопольскому (С тобой мне вновь считаться довелось)	1826	II, 351	
97	<i>aBaBcDcD</i>	я43434343	Восемистишия <i>александрийского</i> стиха см. IV, 3, 4. Двум Александрам Павловичам (Романов и Зернов лихой)	1813	I, 417	Приписано.
98	<i>AbAbCaddC</i>	я66646664	Портрет (Вот карапузик наш, монах)	Лицей 1813—1817	I, 289	
99	<i>AbAbCaddC</i>	я66646643	Тошней идиллии и холодной, чем ода	Лицей 1813—1817	I, 293	Ср. II, 22
100	<i>AbbAcDcD</i>	я66646663	Лаиса Венере, посвящая ей свое зеркало (Вот зеркало мое — прими его, Киприда)	1814	I, 55	
101	<i>aBBaCaddC</i>	я66646444	Эпиграмма (Арист нам обещал трагедию та- кую)	1814	I, 44	
102	<i>aBBaCaddC</i>	я66646444 я5554555	Напрасно, милый друг, я мыслла утратить Она (Печален ты; признайся, что с тобой)	1819 1817	I, 382 I, 263	

103	<i>AbbAcDDc</i>	яб6446664	Сновидение (Недавно, обольщен прелестным Восьмистишие <i>aBaBcDcD яб64646464 см. II 17.</i> сновиденьем) Милый мой, сегодня	1817	I, 262	Отрывок. По- следний стих не дописан.
104	<i>AAbBcCdCd (?)</i>	3x	На Колосову (Всё пленяет нас в Эсфири) Лиле (Лиле, Лиле! Я страдаю) На кн. А. Н. Голицына (Вот Хвостовой по- кровитель)	1819 1819—1820 1817—1820	I, 384	
105	<i>AbAbcCdCd</i>	4x	Эпиграмма на гр. Ф. И. Толстого (В жизни мрачной и презренной) Эпиграмма (Из Антологии) (Лук звенит, стрела трещит) Город пышный, город бедный Эпиграмма (Там, где древний Кочерговский) Как сатирой безымянной Счастлив ты в прелестных дурях Подражание арабскому (Отрок милый, отрок нежный)	1820 1827 1828 1829 1829 1829 1835	II, 21 III, 9 III, 77 III, 110 III, 119 III, 120 III, 351	
106	<i>aBaBcDcD</i>	4x	Веселый пир (Я люблю вечерний пир) Если с нежной красотой Ек. Н. Ушаковой (В отдалении от вас) Ода LVII (Что же сухо в чаше дно) Лизе страшно полюбить Из Анакреона (Узнают коней ретивых) На Аракчеева (Всей России притеснитель) История стихотворца	1819 1821 1827 1835 1824 1835 1817—1820 1817—1820	I, 359 II, 89 III, 13 III, 327 II, 236 III, 325 I, 399 I, 393	
107	<i>aBaBcDDc</i>	4x				
108	<i>AbAbAbCC</i>	4x				
109	<i>AAAbCCCd</i>	4x 1x 4я				
110	<i>AbAbCdCd</i>	1x 4я 1x 4я 1x	(правильное чередование четырёх- стопных ямбов и од- носложных стихов)			
111	<i>AbAbAbAbCCcEdE</i>	5я	Восьмистишие эллиптического дистиха см. IV, 11. Сонеты (14 стихов)	1830	III, 167	
112	<i>AbAbAbbAccDeeD</i>	Цезур.	Сонет (Суровый Дант не презирал сонета)	1830	III, 175	
113	<i>aBVaaBVaccDeDe</i>	6я 6я	Поэту (Поэт! не дорожи любовью народной) Мадонна (Не множеством картин старинных мастеров)	1830	III, 176	

II. Стихотворения из правильно повторяющихся стрóf. Двустилишия. Трехстишия. Четверостишия

№	Рифмовка	Размер	Название	Год	Число		Десяти- томник	Примечание
					Фонет.	Мотив.		
1	aa	4амф	Двустилишия Черная шаль	1820	16	32	II, 16	Ср. четверостишия четырехстопного амфибрахия <i>aabb</i> — II, 32.
2	aVa, VcB...	5я	Трехстишия (герцины) В начале жизни школу помню я	1830	17	51	III, 202	Без заключительного стиха после терцины. Не окончено. Ср. II, 82.
3	aVa, VcB	6я	И дале мы пошли — и страх обнял меня	1832	13	41	III, 233	Два отрывка с заключительными стихами.
4	AbAb	3я	Четверостишия Погреб (О сжальтесь надо мною)	Лицей 1813—1817	5	20	I, 275	
5	AbAb	4я	Лишь розы увядают Ср. в однострофных стихотворениях — I, 7. К живописцу (Дитя ходит и вображенья) К Маше (Вчера мне Маша приказала) Простите, верные дубравы К Огаревой (Митрополит, хвастун бесстыдный) Орлов с Истоминой в постеле Добрый совет (Давайте пить и веселиться) К Н. Я. Платковой (На лире скромной, благородной)	1815	5	20	I, 175	
				1816	4	16	I, 220	
				1817	4	16	I, 306	
				1817	3	12	I, 307	
				1817	2	8	I, 319	
			1817	3	12	I, 402	Без разделения.	
			1818	4	16	I, 333	Без разделения; заключительное четверостишие <i>AbBA</i> . Не окончено.	
			1819	2	8	I, 357		
			1819	3	12	I, 369		
			1820	5	20	II, 9	Без разделения.	

К *** (Зачем безвременную скуку) Посвящение к поэме «Руслан и Людмила» (Для вас, души моей Царицы)	1820 1820	3 12 3 12	II, 10 IV, 9	Без разделения. Без разделения.
Я пережил свои желанья Друзьям (Вчера был день разлуки шумной)	1821 1822	3 12 6 24	II, 27 II, 100	
Ф. Н. Глинке (Когда средь оргий жизни шумной) Демон (В те дни, когда мне были новы)	1822 1823	4 16 6 24	II, 124 II, 155	Без разделения. Без разделения (есть тенденция к распадению на восьмистишия).
Телега жизни (Хоть тяжело подчас в ней время)	1823	4 16	II, 160	
Как наше сердце своенравно	1823	4 16	II, 169	Без разделения. Не доработано.
Татарская песня (Дарует небо человеку) (из «Бахчисарайского фонтана»)	1823	3 12	IV, 179	
Кораблю (Морей красавец окрыленный) Подражания Корану, V (Земля недвижна — неба своды)	1824 1824	2 8 2 8	II, 180 II, 207	Не окончено.
Клеопатра (Царица голосом и взором)	1824	9 36	II, 219	Объединено по восьмистишиям, кроме второго абзаца в 12 стихов.
Презрев и голос укоризны	1824	4 16	II, 232	Не окончено и не отделано.
К *** (Я помню чудное мгновенье) В пещере тайной, в день гоненья Элегия на смерть Анны Львовны (Ох, тетенька! ох, Анна Львовна) Кристалл, поэтом обновленный Няне (Подруга дней моих суровых)	1825 1825 1825 1826 1826	6 24 2 7 4 16 2 8 3 12	II, 265 II, 324 II, 369 II, 352 II, 355	Один стих пропущен. Без разделения. Без разделения. Не окончено. Не окончено. Б. Акад. изд., III, 458.
Когда так нежно, так сердечно	1826—1836	3 12		Без разделения.
Ангел (В дверях эдема ангел нежный) В. С. Филимонову при получении поэмы его «Дурацкий колпак» (Вам музы, милые старушки) И. В. Сленину (Я не люблю альбомов модных)	1827 1828 1828	3 12 4 16 5 20	III, 16 III, 57 III, 62	Без разделения.
В прохладе сладостной фонтанов Ответ А. И. Готовцевой (И недоверчиво и жадно)	1828 1828	6 24 4 16	III, 79 III, 83	Без разделения.

II. Стихотворения из правильно повторяющихся строф. Четверостишия

№	Рифмовка	Размер	Название	Год	Число		Десяти- томник	Примечание
					строф	стихов		
			Цветок (Цветок засохший, безуханный) Увы! Язык любви болталивый Брожу ли я вдоль улиц шумных Когда твой младые лета На Надеждина (Надеся на мое презрение) Ответ (Я вас узнал, о мой оракул) В часы забав иль праздной скуки Дельзигу (Мы рождены, мой брат на- званный) Моя родословная. Post scriptum (Решил Фиглярин, сидя дома) Как редко плагу получает Ср. однострофные стихотворения — I, 10. Ср. ввольных стансах: Стансы (Из Вольтера) (строфы 5, 7, 8, 9) Стансы Толстому (Ты милые забавы света) Кто, волны, вас остановил (Взыграйте, ветры, взорвите воды) К морю (стансы 1, 2, 3, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15) Фонтану Бахчисарайского двора (Фон- тан любви, фонтан печальный и сл.) Андрей Шенье (Певцу любви, дубрав и мира) Друзьям (Нет, я не льстец, когда царю) (Во мне почил он вдохновење) Опять увенчаны мы славою (строфа 1) Ср. восьмистишия <i>АбьСсд</i> — II, 68. Принцу Оранскому (Довольно битвы мчался гром) Элегия (Счастливы, кто в страсти сам себе)	1828 1828 1829 1829 1829 1830 1830 1830 1830 1830 1830 1835 1817 1819 1823 1824 1824 1825 1828 1829 1816 1816	4 5 8 5 4 4 5 6 5 2	16 20 32 20 12 16 20 24 20 7	III, 84 III, 90 III, 133 III, 141 III, 148 III, 164 III, 165 III, 197 III, 210 III, 366 I, 245 I, 367 II, 147 II, 195 II, 201 II, 256 III, 47 III, 146 I, 182 I, 206	Без разделения. Без разделения. Без разделения.

К Щербинину (Житье тому, любезный друг)	1819	8	32	I, 349	Без разделения.
Земля и море (Когда по синеве морей)	1821	5	20	II, 24	Без разделения.
Эллеферия, пред тобой	1821	3	12	II, 86	
Подражания Корану, I (Клянись четой и нечетой)	1824	4	16	II, 204	
Подражания Корану, III (Смутясь, нахмурился пророк)	1824	4	28	II, 205	
Аквилон (Зачем ты, грозный аквилон)	1824	3	12	II, 214	Заключительное четверостишие <i>аВВа</i> . Без разделения.
Бура (Ты видел деву на скале)	1825	3	12	II, 295	
Стансы (В надежде славы и добра)	1826	5	20	II, 344	
Ответ Ф. Т.*** (Нет, не черкешенка она)	1826	2	8	II, 345	
To Dawe, esqr (Зачем твой дивный карандаш)	1828	2	8	III, 58	
Не пой, красавица, при мне	1828	4	16	III, 66	
Анчар (В пустыне чахлой и скупой)	1828	9	36	III, 80	
Приметы (Я ехал к вам: живые сны)	1829	2	8	III, 106	Заключительная строфа <i>аВВа</i> .
Гусар (Скребницей чистил он коня) <i>Ср. однострофные стихотворения — I, 11. Ср. в вольных стансах:</i>	1833	29	116	III, 249	
Стансы (Из Вольтера) (Пред ним смириться должно нам)	1817			I, 245	
Стансы к Толстому (стансы 1, 3, 4, 5)	1819			I, 367	
Фонтану Бахчисарайского дворца (строфа 1)	1824			II, 201	
Андрей Шенье (строфа 1)	1825			II, 256	
К Вяземскому (Так море...) (Не славь его. В наш гнусный век)	1826			II, 333	
Во глубине сибирских руд (строфа 1)	1827			III, 7	
Опять увенчаны мы славой (строфы 3, 4)	1829			III, 146	
Что в имени тебе моем (строфы 3, 4)	1830			III, 163	
<i>Ср. восьмистишия аВаВсДсД — II, 9; ср. также II, 8.</i>					
Десятая заповедь (Добра чужого не желать) <i>Для форм 4я АббА и аВВа ср. в вольных стансах:</i>	1821	6	24	II, 77	Рифмовка <i>аВВа CddC</i> ...
К морю (Как я любил твои отзывы)	1824			II, 195	
Подражания Корану, VI (строфы 1, 2, 3)	1824			II, 207	
К Вяземскому (Так море...) (строфа 1)	1826			II, 333	

II. Стихотворения из правильно повторяющихся строф. Четверостишия

Рифмовка	Размер	Название	Год	Число		Десяти- томник	Примечание
				строф	в стихотворении		
8 <i>aBVa</i> без чередования	4я	<p>Опять увенчаны мы славой (строфы 2, 5) Ср. однострофные стихотворения — I, 13, 83, 84, 85, 88. Ср. восьмистишия — II, 70. Ср. несоформленный отрывок «Как редко плату получает» Ср. заключительные строфы в стихотворениях: «К Н. Я. Плосковой» — <i>AbbA</i> (II, 5) и «Аквилон», «Приметы» — <i>aBVa</i> (II, 6). Ручсан и Людмила, песнь IV, стихи 80—91 (Здесь ночью нега и покой)</p>	1829			III, 146	
			1835			III, 366	
			1820	3	12	IV, 62	Рифмовка <i>aBVa cDDc</i> ... Три строфы обрамлены двумя тождественными <i>aBab</i> . Концевые стихи средних строф во второй половине совпадают с третьим стихом обрамляющей строфы (в форме рефрена).
			1825	5	20	II, 255	С рефренным словом в рифме четвертых стихов строф <i>aBab</i> .
		<p>Храни меня, мой талисман</p>	1825	2	8	III, 34	С рефренным первым стихом строф.
		<p>19 октября 1827 (Бог помочь вам, друзья мои) Ср. в вольных стансах: Стансы (Иа Вольтера) (строфы 4, 6) Стансы к Толстому (До капли наслаждение пей) Кто, волны, вас остановил (строфы 1, 2) Фонтану Бахчисарайского двора (Твоя серебряная пыль)</p>	1817 1819 1823 1824			I, 245 I, 367 II, 147 II, 201	

9	<i>aaBB</i>	4я	Подражания Корану, VI (строфы 1, 3) Андрей Шенье (Зовет меня другая тень) Во глубине сибирских руд (строфы 2, 3, 4) Друзьям (Нет, я не льстец) (строфы 1, 3, 4) Опять увенчаны мы славой (Под сенью веткой их вершин) Что в имени тебе моем (строфы 1, 2) <i>Ср. в однострофных восьмистишиях — I, 83, 84, 86, 89, 91.</i> <i>Ср. восьмистишие — II, 69.</i> <i>Ср. заключительные строфы в стихотворениях «Аквилон» и «Приметы» — II, 6.</i> Не знаю где, но не у нас Кто при звездах и при луне (из «Полтавы»)	1824 1824 1827 1828 1829 1830 1827—1836 1828	4 15 6 24	II, 207 II, 256 III, 7	Без разделения.	
10	<i>aabb</i>	4я	Желал я душу освежить	1832	2	8	III, 246	Не окончено и не отделано.
11	<i>AbAb</i>	5я	К*** (Не спрашивай, зачем унылой душой) Не угрожай ленивцу молодому Там у леска, за ближнею долиной <i>Ср. в однострофных восьмистишиях — I, 92, 96.</i> <i>Ср. восьмистишия — II, 71, 72.</i>	1817 1817 1819	3 2 6	12 7 24	I, 311 I, 320 I, 363	Не окончено.
12	<i>aBaB</i>	5я	Коварность (Когда твой друг на глас твоих речей) <i>Ср. в однострофных восьмистишиях — I, 93, 95.</i> <i>Ср. в вольных стансах:</i> Мне вас не жаль, года весны моей (строфа 1) Наперсница моих сердечных дум	1824	7	28	II, 198	Без разделения.
13	<i>aBBa</i> без чередования	5я	Всё кончено: меж нами связи нет Я возмужал среди печальных бурь <i>Ср. в однострофных восьмистишиях — I, 94, 96.</i> <i>Ср. в восьмистишиях — II, 72.</i> К*** (Нет, нет, не должен я, не смею, не могу)	1821 1824 1834	1 2 2	5 10 6	II, 11 II, 178 III, 281	Отрывок. Рифмовка <i>aBBa, cDDc, Ef...</i> Не окончено. Не окончено.
14	<i>aBaB</i>	6я		1832	4	16	III, 240	Без разделения.

II. Стихотворения из правильно повторяющихся строф. Четверостишия

№	Рифмовка	Размер	Название	Год	Число		Десяти- томник	Примечание
					Стро- ф	стихо- в		
15	<i>АБАБ</i>	<i>я4343</i>	<p> Чу, пушки грянули! крылатых кораблей <i>Ср. в однострофных стихотворениях — I, 17.</i> Слеза (Вчера за чашей пуншевою) <i>Ср. в однострофных стихотворениях — I, 20.</i> Пирующие студенты </p>	1833	2	7	III, 273	Не окончено.
16	<i>аВаВ</i>	<i>я4343</i>	<p> Мансурову (Мансуров, закадышный друг) Генералу Пудину (В дыму, в крови, сквозь тучи стрел) <i>Ср. в однострофных восьмистишиях — I, 96.</i> <i>Ср. восьмистишия — II, 76.</i> Под небом голубым страны своей родной Воспоминание (Когда для смертного умолкнет шумный день) На холмах Грузии лежит ночная мгла Гнедичу (С Гомером долго ты беседовал один) Ты просвещением свой разум осветил <i>Ср. в однострофных стихотворениях — I, 23.</i> В. Ф. Раевскому (Ты прав, мой друг — напрасно я презрел) Андрей Шенье (Поднялась вновь уста- лая секира) Наполеон на Эльбе (Вечерняя заря в пу- чине догорала) К ней (Эльвина, милый друг, приди, по- дай мне руку) <i>Ср. в однострофных стихотворениях — I, 100.</i> Могущий бог садов — паду перед тобой </p>	1815	5	20	I, 149	
17	<i>аВаВ</i>	<i>я6464</i>		1814	25	100	I, 56	Группами по 2—3 четверостишия.
				1819	3	12	I, 376	
				1821	3	12	II, 52	
				1826	4	16	II, 332	Без разделения.
				1828	4	16	III, 59	Без разделения.
				1829	2	8	III, 112	Без разделения.
				1832	6	24	III, 238	Без разделения.
				1831—1836	4	16	III, 398	
18	<i>аВаВ</i>	<i>я5454</i>		1822	11	44	II, 115	
19	<i>АБАБ</i>	<i>я5454</i>		1825	2	8	II, 256	
20	<i>АБАБ</i>	<i>я6663</i>		1815	3	12	I, 114	
				1815	4	16	I, 176	
21	<i>аВаВ</i>	<i>я6664</i>		1818	2	8	I, 339	

Морвинову (Под кладом старости
утрюмо угасал)
Наполеон на Эльбе (И Галлия тебя,
о хищник, осеняла)
Я памятник себе воздвиг нерукотворный
Ср. в однострочных восьмистишиях — I,
98.
Леда, первый отрывок (Житель рощи то-
роплавый)
Леда, второй отрывок (Сим примером на-
учитесь)
Воспоминание (К Пушкину) (Помнишь ли,
мой брат по чаше)
К молодой вдове (Аида, друг мой неиз-
менный)
Именины (Умножьте шум и радость)
Птичка божия (из «Цыган»)
Ночной зефир (Вот взошла луна златая)
Зимняя дорога (Сквозь волнистые ту-
маны)
Будь подобен полной чаше
Из письма к Соболевскому (У Гальяни иль
Кольони)
Дар напрасный, дар случайный
Кобылица молодая
Подъезжая под Ижоры
Жил на свете рыцарь бедный
Из Гафиза (Не плылись бранной славой)
Дон (Блеща средь полей широких)
Дорожные жалобы (Долго ль мне гулять
на свете)
Делибаш (Перестрелка за холмами)
Цыганы (Над лесистыми брегами)
Полубуйтеся же вы, дети
Песни русалок из «Русалки» (Любо нам
порой ночью; Что сестрицы? в поле
чистом)
В поле чистом серебритса
Похоронная песня Иакинфа Маглановича
(С богом в дальнюю дорогу)

1826 6 24 II, 350
1815 2 8 I, 116
1836 5 20 III, 376
1814 3 12 I, 84
1814 3 12 I, 85
1815 8 32 I, 131
1817 10 40 I, 238
1817 2 8 I, 395
1824 4 16 IV, 209
1824 2 8 II, 202
1826 7 28 II, 346
1826 5 20 II, 353
1826 6 24 II, 356
1828 3 12 III, 61
1828 3 12 III, 64
1829 6 24 III, 105
1829 14 56 III, 114
1829 3 12 III, 117
1829 4 16 III, 122
1829 8 32 III, 123
1829 4 16 III, 138
1830 4 16 III, 211
1830 3 12 III, 213
1832 5 20 V, 444,
448
1833 3 12 III, 272
1834 5 20 III, 300

Без разделения.

Без разделения (тенден-
ция к делению на вось-
мистишия).

Без разделения.
Без разделения.

Без разделения.

С рефреном.

Обрамлено тождествен-
ной строфой Абб.

II. Стихотворения из правильно повторяющихся строф. Четверостишия. Пятистишия

№	Рифмовка	Размер	Название	Год	Число		Десяти- томник	Примечание
					Ф	О		
24	aBaB	4x	Бонапарт и черногоорды (Черногоорды? что такое) Вурдалак (Трусват был Ваня бедный) Ода LVI (Из Анакреона) (Поредели, побелели) Если ехать вам случится Ср. однострофные стихотворения — I, 40, 105. Ср. восьмистишия — II, 83, 84. Вертоград моей сестры Был и я среди доңцов Ср. однострофные стихотворения — I, 106, 107.	1834	11	44	III, 304	
				1834	5	20	III, 309	
				1835	3	12	III, 326	
				1835	4	16	III, 361	Не окончено.
25	aaBB	4x	С португальского (Там звезда зари взошла) Ворон к ворону летит На Испанию родную Казак (Раз полунощной порою) Тадарашка в вас влюблен Ср. восьмистишия — II, 86. Вышла Дуня на дорогу (черновой вариант песни девушек из III главы «Евгения Онегина»)	1825	3	12	II, 294	Без разделения. С рефренной рифмой.
				1829	3	12	III, 149	
26	XXXX AbAb aBaB	4x x-4343 x-4343	Вышла Дуня на дорогу (черновой вариант песни девушек из III главы «Евгения Онегина») Я здесь, Инезилья Вишня (Румяной зарею)	1824	11	44	II, 301	Без разделения.
				1828	4	16	III, 76	
				1835	28	112	III, 334	
				1814	15	60	I, 45	
				1821	2	8	II, 94	
29	AABB	x-4343	Вышла Дуня на дорогу (черновой вариант песни девушек из III главы «Евгения Онегина»)	1824	4	16	V, 526	Без разделения.
30	AbAb	2амф	Я здесь, Инезилья Вишня (Румяной зарею)	1830	5	20	III, 190	Принадлежность Пушкину сомнительна. Без разделения.
				1815	24	96	I, 426	
31	XXXX	2амф	Подражания Корану, VII (Восстань, боязливый)	1824	3	12	II, 208	
32	aaBB	4амф	Молдавская песнь (Нас было два брата, мы вместе росли) (наброски к «Братьям разбойникам») Узник (Сижу за решеткой в темнице сырой) Туча (Последняя туча рассеянной бури)	1821	3	10	IV, 498	
33	AAbb	4амф		1822	3	12	II, 127	Ср. II, 1
				1835	3	12	III, 332	

34	χαχα αΓαΓ	2ан ан2121	Старый муж (из «Цыган») На Стурдзу (Вкруг я Стурдзы хожу)	1824 1819	3 1	12 4	IV, I,	216 379	Известен только один куплет.
36	(А + А) В (С + С) В	ан (2 + 2) 3 (2 + 2) 3	Будрыс и его сыновья (Три у Будрыса сына, как и он, три литвина)	1833	12	48	III,	256	Внутренние рифмы в де-зурных нечетных стихах.
37	(X + A) B	ан (2 + 2) 3	Ну, послушайте, дети	1831	2	III,	232	Отрывок. Та же структура, что и № 36, но без внутренних рифм.	
38	aBaaB	4я	П я т и с т и ш и я П. А. О *** (Быть может, уж недолго мне) Ср. однострочные стихотворения — I, 43—55.	1825	3	15	II,	254	
39	АЬААЬ	4я	И. И. Пушкин (Мой первый друг, мой друг бесценный) Прощание (В последний раз твой образ милый) Паж или пятнадцатый год (Пятнадцать лет мне скоро минет) Ср. в однострочных стихотворениях — I, 44.	1826 1830 1830	2 3 8	10 15 40	II, III, III,	343 184 185	
40	АЬЬАЬ	5я	«К морю» (строфы 6, 13) Наполеон на Эльбе (Вокруг меня всё мертвым сном почило)	1824 1815	5	25	II,	196, 197	
41	aBaBχ без чередования	я55552	Певец (Слыхали ль вы за рощей глас ночной)	1816	3	15	I,	208	Последний (двустопный) стих строфы — варьирuemый рефрен одногового окончания — «вы».
42	АЬАЬА без чередования	2ан	Из Вагу Согwall (Пью за здравие Мери)	1830	3	15	III,	206	В каждой строфе стихи 1 и 5 оканчиваются одним словом «Мери», равно как стих 2 каждой строфы оканчивается словом «моёй». Таким образом, всё стихотворение написано на две рифмы.

II. Стихотворения из правильно повторяющихся строф. Пятистишия. Шестистишия. Семистишия. Восьмистишия

№	Рифмовка	Размер	Название	Год	Число		Десяти- томник	Примечание
					Строф	стихов		
43	<i>АБАБА</i>	4я	Ср. <i>аВаВа</i> в стихотворении «К морю» (строфа 5) Шестистишия Юреву (Здорово, Юрев именинник)	1824	3	18	II, 195	В каждой строфе два последних стиха повторяют два первых.
44	<i>аАВсВс</i> без чередования	4я	Кипренскому (Любимец моды легкокрылой) Ср. в однострофных стихотворениях — I, 57. Гимн в честь чумы из «Пира во время чумы» (Когда могущая зима)	1830	6	36	V, 418	
45	<i>ААСССЬ</i>	4я	Перед гробницею святой Усы. Философическая ода (Глаза скосив на ус кудрявый) Зимнее утро (Мороз и солнце, день чудесный)	1831 1816	5 8	30 48	III, 220 I, 178	
46	<i>аВаВсс</i> без чередования	4я	Черкесская песня (В реке бежит гремучий вал) (из «Кавказского пленника»)	1829	5	30	III, 127	
47	<i>АббАсс</i>	5я	Рассудок и любовь (Младой Дафнис, гонимая за Доридой) Гараль и Гальвина (Взошла луна над дремающим залювом)	1820	3	18	IV, 125	Последний стих строфы — рефрен, общий для всех строф.
48	<i>ААЬССЬ</i>	5я	Эвлага (Приди, Одульф, уж рождя победнела)	1814	4	24	I, 37	Два последних стиха строфы — варьируемый рефрен.
49	<i>ААЬССЬ</i>	яббббб3б6	Ср. в однострофных стихотворениях — I, 65. Недвижный страж дремал на царственном пороге	1814	13	78	I, 418	Последнее полустишие в строфе — рефрен.
50	<i>ААЬССЬ</i>	яббббб4б6	Подражания Корану, VIII (Торгуя со-вестью пред бледной нищетою)	1824	10	60	II, 172	
				1824	2	12	II, 208	

51	<i>аbсвб</i>	я43443	Не дай мне бог сойти с ума	1830	5	30	III, 266
52	<i>АббАсс</i>	я44442	Я прав, он виноват; решите	1816	4	24	I, 297
53	<i>ааbаb</i>	я444242	Обвал (Дробясь о мрачные скалы)	1829	5	30	III, 136
54	<i>ААССб</i>	4х	Эхо (Ревет ли зверь в лесу глухом)	1831	2	12	III, 227
55	<i>ААССб</i>	2д	Рифма, звучная подруга	1828	8	48	III, 74
56	<i>АбсАВс</i>	2д	Восвода (Поздно ночью из похода)	1833	11	66	III, 258
57	<i>ааbттб</i>	2д	Ср. в однострофных стихотворениях — I, 73.	1814	2	12	I, 85
58	<i>ааВсс</i>	2д	Леда (Леда смеется)	1829	2	10	III, 160
59	<i>аВВаСС</i>	2амф	Страшно и скучно	1830	3	9	III, 217
60	<i>ааВссВ</i>	4амф	Отрывок (Не розу Пафосскую)	1824	6	36	II, 209
61	<i>аВаВсс</i>	4амф	Подражания Корану, IX (И путник усталый на бога роптал)	1829	4	24	III, 135
62	<i>ааВссВ</i>	амф 434443	Кавказ (Кавказ подо мною. Один в вышине)	1815	6	36	I, 139
63	<i>АбАбССб</i>	амф 434344	Сраженный рыцарь (Последним сияньем за лесом царя)	1822	17	102	II, 102
64	<i>АбАбССб</i>	2ан 2ан 1х 2ан 2ан 1х	Песнь о вещем Олеге (Как ныне собирается вейший Олег)	1828	2	12	X, 250; ср. VI, 319
65	<i>аВВаССа</i>	я3333444	А в ненастные дни (эпиграф к «Пиковой даме»)	1815—1816 Лицей 1813—1817	3	21	I, 265
66	<i>ааbттб</i>	3х	Семистишия	1816	3	21	I, 266
67	<i>АбАбССddd</i>	4х	К Делии (О Делия драгая)	1816	6	42	I, 298
68	<i>АбАбСdCd</i>	2д	Делия (Ты ль передо мною)	1816	2	14	I, 300
		3я 4я	С позволения сказать	1815	4	32	I, 112
			Молитва русских (Там — громкой славою)	1814	8	64	I, 81
			Восьмистишия	1815	2	16	I, 105
			Батюшкову (В пещерах Геликона)	1816	2	16	I, 197
			Романс (Под вечер, осенью ненастной)	1816	2	16	I, 202
			Вода и вино (Люблю я в полдень воспаленный)	1819	3	24	I, 219
			Окно (Недавно темною порою)	1821	7	56	I, 355
			Истина (Издавна мудрые искали)	1821	15	120	II, 57
			Наслаждение (В неволе скучной увядает)				
			Русалка (Над озером, в глухих дубравах)				
			Наполеон (Чудесный жребий совершился)				

II. Стихотворения из правильно повторяющихся стрóf. Восьмистишия. Октавы

№	Рифмовка	Размер	Название	Год	Число		Десяти- томник	Примечание
					Строф	Сляхо		
			Посвящение «Полтавы» (Тебе — но голос музы темной) Олегов щит (Когда ко граду Константина) Для берегов отчины дальней Моя родословная (Смесь жестоко над собратам)	1828 1829 1830 1830	2 2 3 8	16 16 24 64	IV, 251 III, 118 III, 205 III, 208	Заключительное слово каждой строфы — реф- рен.
			Я думал, сердце позабыло Ср. в однострофных стихотворениях — I, 81.	1835	1	8	III, 346	Отрывок.
69	<i>aBaBcDcD</i>	4я	На тихих берегах Москвы Чем чаще празднует лицей Вольность (Беги, сокройся от очей) Заклинание (О, если правда, что в ночи)	1822 1831 1817 1830	1 5 12 3	8 40 96 24	II, 141 III, 228 I, 314 III, 194	Не окончено. Конец последнего стиха строфы — рефрен.
70	<i>aBaBcDDc</i>	4я	Ср. в однострофных стихотворениях — I, 86. Ср. следующее стихотворение — № 71. Красавица (Всё в ней гармония, всё дивно)					
71	<i>AbAbCddC</i> с чередованием	4я	Ср. в однострофных стихотворениях — I, 85. Рефутация г-на Беранжера	1832	2	16	III, 239	Вторая строфа <i>aBaBcDDc</i> .
72	<i>AbAbCdCd</i>	5я цезур.	19 октября (Роняет лес багряный свой убор)	1827	6	48	III, 42	Второе четверостишие строфы — рефрен.
73	<i>aBBaCdCd</i> без чередования	5я цезур.	Была пора: наш праздник молодой Ср. в однострофных стихотворениях — I, 96.	1825 1836	19 8	152 64	II, 278 III, 381	
74	<i>AAbBCCdd</i>	6я	Царское Село (Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений)	1823	2	16	II, 144	
75	<i>AbAbCdCd</i>	6я	Остар (По камням гробовым, в туманах полуночи)	1814	11	88	I, 33	

76	<i>AbAbCdCd</i>	<i>я44646664</i>	Воспоминания в Царском Селе (Навис покров утрюмой ноши) Воспоминания в Царском Селе (Воспоминаньями смущенный)	1814 1829	22 176 7 56	I, 75 III, 154
77	<i>aVaVeDeD</i>	<i>я43434343</i>	Мечтатель (По небу крадется луна)	1815	10 80	I, 123
78	<i>aVaVeDDc</i>	<i>я44444443</i>	На вздорование Лукулла (Ты угасал, богац младой)	1835	6 48	III, 347
79	<i>AbAbCddc</i>	<i>я33336443</i>	Новель на лейб-гусарский полк (В конюшнях Левашова)	1816	3 24	I, 301
80	<i>aVaVeeDD</i>	<i>я43434433</i>	Сказки (Noël) (Ура! в Россно скачет) Жених (Три дня купеческая дочь)	1818 1825	4 32 23 184	I, 334 II, 266
81	<i>AbAbAbCC</i>	<i>5я</i>	Кто видел край, где роскошью природы	1821	4 32	II, 49
82	<i>без чередования aVaVaVcc</i> <i>с чередованием</i>	<i>5я бесцезур.</i>	Домик в Коломне (Четырехстопный ямб мне надоел)	1830	40 319	IV, 323
83	<i>AbAbAbCC</i>	<i>бя</i>	В начале жизни школу помню я (Черновой набросок) Плетневу (Ты мне советуешь, Плетнев любезный)	1830 1835	1 8 2 11	III, 473 III, 356
84	<i>AbAbCdCd</i>	<i>3х</i>	Осень (Октябрь уж наступил — уж роща отряхает)	1833	11 88	III, 262
85	<i>AbAbCdCd</i>	<i>4х</i>	Брови царь нахмуря Раззевавшись от обедни Зимний вечер (Буря мглою небо кроет) Талисман (Там, где море вечно плещет)	1825 1821 1825 1827	2 16 6 48 4 32 4 32	II, 319 II, 81 II, 291 III, 35
86	<i>AbAbCCdd</i>	<i>4х</i>	Предчувствие (Снова тучи надо мною) Утопленник (Прибежали в избу дети) Песня Мери из «Пира во время чумы» (Было время, процветала) Бесы (Мчатся тучи, выются тучи) Пред испанкой благородной Пир Петра Первого (Над Невоем резво выются) <i>Ср. в однострочных стихотворениях — I, 105.</i> К Наташе (Вянет, вянет лето красно)	1828 1828 1830 1830 1830 1835	3 24 10 80 5 40 7 56 2 16 6 48	III, 70 III, 71 V, 414 III, 177 III, 207 III, 349

Отрывок.

Четные строфы
AbAbAbCC, до
XXXVI, где ошибочно
7 стихов — *AbAbAcc*.
Не отделано.

Не окончено.

Четные строфы
aVaVaVcc.Заключительное слово
каждой строфы — реф-
рен.

II. Стихотворения из правильно повторяющихся строф. Октавы. Десятистишия. Двенадцати-
 ший. Онегинская строфа

№	Рифмовка	Размер	Название	Год	Число		Десяти- томник	Примечание
					Ф	С		
87	<i>aBaBcDcD</i>	<i>x43434343</i>	Гаушнльд и Энгельгард	1817	2	16		Б. Акад. изд., I, 313. Два последних сти- ха — рефрен. При- надлежность Пуш- кину сомнительна.
88	<i>AbAbCdCd</i>	<i>2д</i>	Сводня грустно за столом Заздравный кубок (Кубок янтарный)	1827 1816	9 4	72 32	III, I, 221	
89	<i>AbAbCCdEEd</i>	<i>4я</i>	Десятистишия Подражания Корану, II (О, жены чистые пророка)	1824	2	20	II, 204	
90	<i>aBaBccDeDe</i>	<i>4я</i>	Ода его сият. гр. Дм. Ив. Хвостову (Сул- тан явится. Кровь Элады) Заступники кнута и плети	1825	4	40	II, 246	
91	<i>AbbAccDDee</i>	<i>4х</i>	Бородинская годовщина (Великий день Бородина) Опытность (Кто с минуту перекомет)	1825 1831	1 9	10 90	II, III, 224	Отрывок.
92	<i>ABaBcDcDeFeF</i>	<i>x434343434343</i>	Двенадцатистишие Баллада (Что ты, девица, грустна)	1814	3	30	I, 50	
93	<i>AbAbCCddEFFEgg</i>	<i>4я</i>	Онегинская строфа (14 стихов) Евгений Онегин Женсь. — На ком? — На Вере Чацкой Плетневу (Ты хочешь, мой наперник строгий) Родословная моего героя (из поэмы «Езер- ский»)	1819 1823—1831 1830 1833 1833	2 393	24 5502	I, 386 V, 9 V, 561 III, 277	Около 7 строф поэмы «Езерский» не во- шло в «Родослов- ную».
			В мои осенние досуги	1835	2	28	III, 358	

III. Вольные стансы

№	Размер	Название	Год	Число		Десяти- томник	Примечание (У потребленные формы рифм)
				пар	стихов		
1	4я	Стансы (Из Вольтера) (Ты мне велишь пылать душою)	1817	9	36	I, 245	<i>AbAb, AbbA, aBaB, aBBA</i>
		Стансы Толстому (Философ ранний, ты бежишь)	1819		24	I, 367	<i>aBaB, AbAb, aBaB; с на- рушением чередования.</i>
		Кто, волны, вас остановил	1823	3	12	II, 147	<i>aBBA, AbAb.</i>
		К морю (Прощай, свободная стихия)	1824	15	63	II, 195	<i>AbAb, AbbA, aBaBa, AbAAb.</i>
		Фонтану Бахчисарайского дворца (Фонтан любви, фонтан живой)	1824	5	20	II, 201	<i>aBaB, aBBA, AbAb.</i>
		Подражания Корану, VI (Недаром вы приснились мне)	1824	5	20	II, 207	<i>aBBA, AbbA, AbAb.</i>
		Андрей Шенье (строфы 1, 2, 3)	1825	3	12	II, 256	<i>aBaB, aBBA, AbAb.</i>
		К Вяземскому (Так море, древний душе- губец)	1826	2	8	II, 333	<i>AbbA, aBaB.</i>
		Во глубине сибирских руд	1827	4	16	III, 7	<i>aBaB, aBBA.</i>
		Друзьям (Нет, я не лстец, когда царю)	1828	8	32	III, 4	<i>aBBA, aBaB, AbAb.</i>
2	5я	Фазиль-Хану (Благословен твой подвиг новый)	1829	2	9	III, 143	<i>AAbXb, Ab(?)Ab.</i> Не обра- ботано.
		Опять увенчаны мы славой	1829	5	20	III, 146	<i>AbAb, AbbA, aBBA.</i>
		Что в имени тебе моем	1830	4	16	III, 163	<i>aBBA, aBaB.</i>
		Мне вас не жаль, года весны моей	1820	3	12	II, 11	<i>aBaB, aBBA, AbAb.</i>
3	Вольный ямб	Кинжал (Лемносский бог тебя сковал)	1821	9	37	II, 33	<i>aBaB 4466, AbAb 6544, aBBA 5643, aBBA 6644, aBaB 66464, aBBA 6444, AbbA 6444, aBaB 6444, AbbA, aBaB.</i>
		Если жизнь тебя обманет	1825	2	8	II, 273	

IV. Стихотворения парной рифмовки

№	Рифмовка	Размер	Название	Год	Число		Десяти- томник	Примечание
					пар	сти- хов		
1	ааВВ...	4я	Ох, горе мне, Маргын, Маргын (Сцены из рыцарских времен)	1835	5	9	V, 605	Не окончено.
2	ААЬЬ...	5я	Элегия (Безумных лет угасшее веселье)	1830	7	14	III, 179	Последняя пара — женская.
3	ААЬЬ...	6я	К другу стихотворцу (Арист! и ты в толпе служителей Парнаса) Исповедь бедного стихотворца	1814	49	98	I, 22	Последняя пара — женская.
			Лицинию (Лициний, зришь ли ты: на быстрой колеснице)	1814	41	82	I, 421	Последняя пара — женская.
			Александру (Утихла брань племен: в пределах отдаленных)	1815	38	76	I, 109	Последняя пара — мужская.
			К Жуковскому (Благослови, поэт!.. В тиши парнасской сени)	1815	44	88	I, 145	Последняя пара — мужская.
			Безверие (О вы, которые с язвительным упреском)	1816	61	122	I, 192	Последняя пара — мужская (с одним нарушением чередования).
			Дорида (В Дориде нравятся и локоны златые)	1817	48	96	I, 240	Последняя пара — мужская.
			Дориде (Я верю: я любим; для сердца нужно верить)	1819	5	10	I, 344	Последняя пара — женская.
			Нереида (Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду)	1820	3	6	I, 387	Последняя пара — женская.
			Сказки, какой судьбой друг другу мы попались	1820	3	6	II, 22	Последняя пара — женская.
			Муза (В младенчестве моем она меня любила)	1821	16	32	V, 491	Не окончено.
			Дева (Я говорил тебе: страшися девы милой)	1821	7	14	II, 26	Последняя пара — женская.
			Приметы (Старайся наблюдать различные приметы)	1821	5	10	II, 40	Последняя пара — женская.
			Вяземскому (Язвительный поэт, остряк замысловатый)	1821	7	14	II, 66	Последняя пара — женская.
				1821	3	6	II, 85	Не окончено.

Вадим (Ты видел Новгород: ты слышал глас народа)	1822	10	20	V, 489	Не окончено.
Ночь (Мой голос для тебя и ласковый и томный)	1823	4	8	II, 148	Последняя пара — мужская.
Придет ужасный час... твой небесны очи	1823	6	12	II, 166	Не окончено и не доработано.
Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снедает	1824	10	20	II, 212	Последняя пара — мужская.
Второе послание цензору (На скользяком поприще Тимковского наследник)	1824	36	72	II, 216	Последняя пара — мужская.
Клеопатра (И снова гордый глас возвысила царица)	1824	7	14	II, 220	Последняя пара — женская.
Сожженное письмо (Прощай, письмо любви! прощай: она велела)	1825	8	15	II, 241	Последняя пара — женская и один нерифмуемый стих.
Желание славы (Когда любовию и негой упоенный)	1825	15	30	II, 251	Последняя пара — женская.
Близ мест, где царствует Венеция златая	1827	6	12	III, 22	Последняя пара — мужская.
Поэт и толпа (Толпа холодная поэта окружала)	1828	2	4	III, 469	Последняя пара — мужская. Не окончено.
Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю	1829	23	47	III, 125	Последняя пара — женская и один нерифмуемый стих.
Нет, я не дорожу мятельным наслаждением	1830	7	14	III, 166	Последняя пара — женская.
Ответ Анониму (О, кто бы ни был ты, чье ласковое пенье)	1830	13	27	III, 180	Последняя пара — женская и один нерифмуемый стих.
Глухой глухого звал к суду судья глухого	1830	3	6	III, 183	Последняя пара — женская.
Румяный критик мой, насмешник толстоупый	1830	14	28	III, 187	Последняя пара — мужская.
Толпа глухая	1833	3	5	III, 278	Необработанный отрывок.
Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит	1834	4	8	III, 279	Последняя пара — мужская.
Полководец (У русского царя в чертогах есть палата)	1835	29	59	III, 329	Последняя пара — женская.
Из А. Шенье (Покров, упитанный язвительною кровью)	1835	7	14	III, 333	Последняя пара — женская.

IV. Стихотворения парной рифмовки

№	Рифмовка	Размер	Название	Год	Число		Десяти- томник	Примечание
					пар	сти- хов		
4	ааВВ....	бя	Странник (Однажды странствуя среди долины дикой) Вы за «Онегина» советуете, други На это скажут мне с улыбкою неверной Отцы пустынники и жены непорочны От западных морей до самых враг вос- точных Кн. Козловскому (Центель умственных творений исполнских) Венец желаньям! Итак, я вижу вас Редает облаков летучая гряда Чаадаеву (В стране, где я забыл тревоги прежних лет) К Овидию (Овидий, я живу близ тихих берегов) Послание цензору (Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой) Надеждой сладостной младенчески дыша О боги мирные полей, дубров и гор Пускай увенчанный любовью красоты Тимковский царствовал — и все твердили вслух Я был свидетелем злагой твоей весны Соловей и роза (В безмолвии годов, вес- ной, во мгле ночей)	1835	38	76	III, 341	Последняя пара — муж- ская.
				1835	4	8	III, 357	Не окончено.
				1835	3	6	III, 364	Последняя пара — жен- ская и одно полусти- шие после нее.
				1836	8	16	III, 373	Последняя пара — муж- ская.
				1836	—	8	III, 387	Отрывочные стихи.
				1836	6	12	III, 388	Не окончено.
				1817	—	—	I, 321	Отрывочные строки.
				1820	8	16	II, 23	Последняя пара — жен- ская.
				1821	42	84	II, 46	Последняя пара — жен- ская.
				1821	52	104	II, 62	Последняя пара — жен- ская.
				1822	63	126	II, 117	Последняя пара — муж- ская.
				1823	8	16	II, 154	Последняя пара — жен- ская.
				1824	4	8	II, 181	Последняя пара — жен- ская.
				1824	4	8	II, 215	Последняя пара — жен- ская.
1824	2	4	II, 222	Последняя пара — жен- ская.				
1825	7	14	II, 311	Последняя пара — муж- ская.				
1827	4	8	III, 8	Последняя пара — жен- ская.				

5	<i>abb...</i>	Каков я прежде был, таков и ныне я	1828	4	9	III, 88	Последняя пара — женская и один нерифмуемый стих. Не окончено.
6	<i>AAbb...</i>	Перевод из К. Бонжура (Она меня зовет: поеду или нет) Поедем, я готов; куда бы вы, друзья	1828 1829	11 6	22 13	V, 495 III, 132	Последняя пара — женская и один нерифмуемый стих. Не окончено.
		К вельможе (От северных оков освобождая мир)	1830	53	106	III, 169	Последняя пара — женская и один нерифмуемый стих.
		Из письма к Вяземскому (Любезный Вяземский, поэт и камергер)	1831	4	8	III, 230	Последняя пара — мужская. Не окончено.
		Французских рифмачей суровый судия	1833	16	32	III, 270	Последняя пара — женская.
		Мирская власть (Когда великое свершилось торжество)	1836	11	22	III, 369	Последняя пара — мужская. Пятый стих неполный (ошибка?).
		Подражание итальянскому (Как с древа сорвался предатель ученик)	1836	5	10	III, 370	Последняя пара — мужская.
		Напрасно я бегу к сносным высотам	1836	2	2	III, 371	Последняя пара — женская.
		Из Пиндемонти (Не дорого ценю я громкие права)	1836	10	20	III, 372	Последняя пара — женская и одно полустипше после нее.
		Когда за городом, задумчив, я брожу	1836	13	27	III, 374	Последняя пара — мужская и полтора стиха после нее.
		Наброски к замыслу о Фаусте (1) Кто идет? — Солдат, 2) Что горит во мгле)	1825	5	10	II, 308, 309	Имеются отступления от парной рифмовки. Текст не вполне дотоверен.
		Царь Никита и сорок его дочерей (Царь Никита жил когда-то)	1822	—	—	II, 134	Последняя пара — мужская.
		Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях	1833	276	552	IV, 458	Последняя пара — мужская.
		Сказка о золотом петушке	1834	113	226	IV, 475	Последняя пара — мужская.
		Вот Коцит, вот Ахерон (наброски к замыслу о Фаусте)	1825	3	6	II, 308	Последняя пара — мужская, с одним нарушением чередования.
		Сказка о царе Салтане	1831	498	996	IV, 420	Последняя пара — мужская, с одним нарушением чередования.

IV. Стихотворения парной рифмовки. Элегический дистих

№	Рифмовка	Размер	Название	Год	Число		Десяти- томник	Примечание
					пар	сти- хов.		
8	<i>абв...</i>	<i>бх</i>	Царь увидел пред собой В славной, в Муромской земле	1833	9	18	III, 269	Отрывок.
9	<i>ААВСС</i>	<i>Замф</i>	Друг сердечный мне наемднн говорил Кн. П. П. Вяземскому (Душа моя Павел)	1833	3	6	III, 278	Отрывок.
10	<i>Парная рифмовка произвольного окончания</i>	<i>Размер рашника</i>	Сказка о попе и о работнике его Балде	1827—1836	—	3	III, 402	Отрывок.
				1827	3	6	III, 7	
				1830	94	188	IV, 409	Мужских пар — 31; женских пар — 58; дактилических — 4; гипердактилических — 1.
11	<i>Хх...</i>	<i>Преимущественно дактиль со стяжением от дельных стоп: первый стих — бд, второй — два полустишия мужского</i>	Элегический дистих Кто на снегах возрастил Феокитовы нежные розы Труд (Миг воделенный настал...) Царскосельская статуя (Урну с водой уронив...) К переводу Имяды (Крив был Гнедич поэт...)	1829	2	4	III, 111	Стяжения: стих 3, стопа 3; стих 4, стопа 1.
				1830	3	6	III, 181	Стяжения: стих 1, стопа 3; стих 5, стопа 2.
				1830	2	4	III, 182	Стяжения нет.
				1830	1	2	III, 189	Стяжения: стих 1, стопа 1.

окончания по 3д	Рифма (Эхо, бессонная нимфа...)	1830	4	8	III, 191	Стяжения: стих 2, стопа 1; стих 3, стопы 1 и 3; стих 5, стопы 2 и 3.
	Отрок (Невод рыбак расстирал...)	1830	2	4	III, 192	Стяжения: стих 1, стопа 3.
	На перевод Иллиады (Слышу умолкнувший звук...)	1830	1	2	III, 204	Стяжения: стих 1, стопа 3.
	Из Афедея (Славная флейта, Феон, здесь лежит...)	1832	3	6	III, 243	Стяжения: стих 3, стопа 3.
	Юноша! скромно пируй, и шумную Вакхову влагу	1833	1	2	III, 247	Стяжения: стих 1, стопа 3.
	Вино (Ион Хиосский) (Элое дитя, старик молодой...)	1833	1	2	III, 248	Стяжения: стих 1, стопа 2.
	Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила	1835	2	4	III, 328	Стяжения: стих 3, стопы 1 и 3.
	Художнику (Грустен и весел вхожу...)	1836	5	10	III, 368	Стяжения: стих 1, стопа 3; стих 5, стопа 3; стих 7, стопа 3; стих 9, стопа 3.
	На статую играющего в свайку (Юноша, полный красы...)	1836	2	4	III, 384	Стяжения нет.
	На статую играющего в бабки (Юноша трижды шагнул...)	1836	2	4	III, 385	Стяжения: стих 2, стопа 4; стих 3, стопа 3.
	Несчастье Калита (Внук Тредьяковского Клит...)	1813	3	6	I, 21	Рифмованный гекзаметр; во всех стихах стяжения на третьей стопе.

V. Нерифмованные однородные стихи

№	Размер и каталектика	Название	Год	Число стихов	Десяти-томник	Примечание
1	3я женск.	А. С. постоянной каталектикой Фиап Анакреона (Когда на поклоненье) Мальчику (Из Каталла) (Пьяной горечью Фа- лерна)	1816 1832	88 8	I, 227 III, 235	По-видимому, состоит из неразданных четверостиший. Не окончено.
2	3х дакт.	Под каким созвездием	1825	11	II, 321	По-видимому, состоит из неразданных четверостиший.
3	4х дакт.	Бова (Часто, часто я беседовал)	1815	279	I, 60	
4	4х женск.	Бог веселый винограда	1832	12	III, 244	
5	8х женск. цезура после 8 слога	Соловей (Соловей мой, соловейко) Ограда монастырская (сцена из «Бориса Году- нова»)	1834 1825	23 29	III, 306 V, 323	По-видимому, состоит из неразданных четверостиший.
6	6д со стяж. женск.	Гекзаметры Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий В роцце карийской, любезной лодцам, таится пещера	1823 1827	18 7	II, 163 III, 33	Не отделано и не окончено. Стяжения последовательны в стихах: 1 — стопа 4; 2 — стопа 3; 3 — стопы 1 и 3; 4 — стопа 4; 5 — стопа 3; 6 — стопа 3; 7 — стопа 1. Стяжения последовательны в стихах: 1 — стопы 1 и 3; 2 — нет; 3 — стопа 3; 4 — нет; 5 — нет; 6 — стопа 1; 7 — нет; 8 — нет; 9 — нет; 10 — стопа 3; 11 — стопа 1; 12 — нет; 13 — нет.
		Из Ксенофана Колофонского (Чистый лоснится пол...)	1832	13	III, 242	

7	<i>3х дакт.</i>	Народные размеры Песня девушек (Девиды, красавицы) (из III гл. «Евгения Онегина») Что ж уста твои (из «Бориса Годунова») Гостомыслову молгу грозную вижу Легконогие оmeni по лесу рыщут Есть надежда! верь, Вадим, народ натерпелся Он далеке, далеке плывет в печальном тумане Расходился по поганскому граду Стихотворения типа «Песен западных славян»: Как по Волге реке, по широкой Всем красны боярские конюшни Еще дуют холодные ветры Уродился я, бедный недоносок По камушкам, по желтому песочку (из «Русалки») Сказка о рыбаке и рыбке Песни западных славян Видение короля Янко Марнавич Битва у Зеницы-Великой Федор и Елена Влах в Венеции Гайдук Хризиц Марко Якубович Песня о Георгии Черном Воевода Милош Сестра и братья Яныш королевич Что белееся на горе зеленой Менко Вучи грамоту пишет	1824	18	V, 76	По-видимому, состоит из двустигий. По-видимому, четверостишия. Отрывочные строки на размер стиха «Уж как пал туман седой на синее море».
8	<i>1ан дакт.</i>		1825	8	V, 564	
9	<i>женск.</i>		1821	4	II, 97	
10	<i>Колебания около 10 слогов женск.</i>	1825	2	II, 380		
		1826	22	II, 335		
		1827	33	III, 30		
		1828	14	III, 63		
		1828	5	III, 96		
		1832	8	V, 437		
		1833	205	IV, 451		
		1834	82	III, 288		
		1834	54	III, 291		
		1834	47	III, 293		
		1834	89	III, 294		
		1834	30	III, 297		
		1834	40	III, 298		
		1834	94	III, 301		
		1834	50	III, 307		
		1834	21	III, 308		
		1834	119	III, 310		
		1834	96	III, 313		
		1835	26	III, 352		
		1835	11	III, 353		
11	<i>Колебания около 6 слогов женск.</i>	1826	30	II, 335		
12	<i>4я мужск. и женск.</i>	1826	28	II, 348		

У. Нерифмованные однородные стихи

№	Размер и каталектика	Название	Год	Число стихов	Десяти-томник	Примечание
13	5я дзур. мужск. и женск.	Борис Годунов Как счастлив я, когда могу покинуть Из Alfieri (Сомнение, страх, порочную на- дежду) Еще одной высокой, важной песни Послушай, дедушка, мне каждый раз	1825 1826 1827(?)	1557 30 25	V, 217 V, 569 III, 23	С нарушением дзур.
14	5я бездзур. мужск. и женск.	Медок (Попутный веет ветр. — Идет корабль) Скупой рыцарь Моцарт и Сальери Каменный гость Пир во время чумы Русалка (драма) Мера за меру (Вам объяснить правления начала) Он между нами жил Вновь я посетил О бедность! затвердила я наконец	1829 1830 1830 1830 1830 1830 1833 1834 1835 1835	26 380 231 542 163 445 22 20 55 11	III, 151 V, 331 V, 355 V, 369 V, 411 V, 423 III, 275 III, 280 III, 344 III, 360	С нарушением дзур. Последний стих непо- ный. См. II, 44, 85.
15	3х и его вариации примуществен- но дакт. или мужск.	Не видала ль, девица Народные размеры	1835	11	III, 365	
16	Около 10 слогов с сильными ко- лебаниями пре- имущественно дактилического окончания	Как жениться задумал царский арап Песни о Стеньке Разине (Что не конский топ, не людская молвь) Сказка о медведях (Как осенней теплото порою) Ах, нянюшка, нянюшка (из черновиков «Ру- салки»)	1824 1826	7 15	II, 226 II, 336	
17	Около 6 слогов с колебаниями примуществен- но дактиличе- ского окончания	Сватушка, сватушка (из «Русалки») Княгиня, княгинюшка (из черновиков «Ру- салки»)	1830 1832 1832 1832	84 27 15 7	IV, 417 V, 570 V, 436 V, 570	

VI. Стихотворения вольной рифмовки

№	Размер и каталектика	Название	Год	Число стихов	Десяти-томник	Примечание
1	2я женск. и мужск.	Роза (Где наша роза) Пробуждение (Мечты, мечты) Адели (Играй, Адель)	1815 1816 1822	12 27 17	I, 144 I, 231 II, 126	АЬАЬСЬСЬЕДЕ.
2	3я женск. и мужск.	К сестре (Ты хочешь, друг бесценный) Городок (Прости мне, милый друг) К Пушкину (Любезный именинник) Послание к Галичу (Где ты, ленивец мой) К Дельвигу (Послушай, муз невинных) Фавн и пастушка (С пятнадцатой весною)	1815 1815 1815 1815 1815 Лицей 1813—1817	430 59 118 145 63 233	I, 91 I, 118 I, 133 I, 141 I, 267	
3	4я женск. и мужск.	К моей черняльнице (Подруга думы праздной) Мой друг, уже три дня Кольна (Источник быстрый Каломна) Князю А. М. Горчакову (Пускай, не знаясь с Аполлоном) К Батюшкову (Философ, резвый и пинг) К Н. Г. Ломоносову (И ты, любезный друг, оставил) К Галичу (Пускай угрюмый рифмотвор) Мое завещание. Другьям (Хочу я завтра умереть) К молодой актрисе (Ты не наследница Клероны) К бар. М. А. Дельвиг (Но если только буду жив) Моему Аристарху (Помилай, трезвый Аристарх) Тень Фонвизина (В раю, за грустным Ахероном) Послание к Юдину (Ты хочешь, милый друг, узнать) Из письма к П. А. Вяземскому (Блажен, кто в шуме городском) Из письма к В. Л. Пушкину (Христос воскрес, питомец Феба)	1821 1822 1814 1814 1814 1814 1815 1815 1815 1815 1815 1816 1816	98 27 27 141 45 83 26 62 77 52 18 121 320 226 15 26	II, 42 II, 132 I, 26 I, 48 I, 69 I, 73 I, 120 I, 126 I, 129 I, 151 I, 152 I, 156 I, 168 I, 180 I, 181	

Ср. 5я, VI, 4.

VI. Стихотворения вольной рифмовки

№	Размер и каталектика	Название	Год	Число стихов	Десяти-томник	Примечание
		Наездники (Глубокой ночи на полях)	1816	77	I, 203	Со стиха 26 выдержана рифмовка <i>AbAb.</i>
		Месец (Зачем из облака выходишь)	1816	29	I, 207	
		К Морфею (Морфей, до утра дай отраду)	1816	12	I, 209	<i>AbAbCdCdCeFeF.</i>
		Слово милой (Я Лилу слушал у клавира)	1816	9	I, 210	<i>AbbAcDDcD.</i>
		Друзьям (К чему, веселые друзья)	1816	16	I, 450	Преобладают рифмы <i>AbbA</i> и <i>aBBa.</i>
		К сну (Знакомец милый и старинный)	1816	17	I, 482	
		Послание Лиде (Тебе, наперсница Венеры)	1816	63	I, 223	Связующая рифма через всё стихотворение на «он».
		Амур и Гименей (Сегодня, добрые мужья)	1816	62	I, 225	<i>AbbAccDcD.</i>
		Тебе, о Нестор Арзамаса (из письма к В. Л. Пушкину)	1816	9	X, 9	
		Но вы, которые умели (из письма к В. Л. Пушкину)	1816	14	X, 10	
		В. Л. Пушкину (Что восхитительней, живей)	1817	87	I, 247, 455	
		(лицейская редакция)	1817	22	I, 248	
		Письмо к Лиде (Лишь благосклонный мрак раскинет)	1817	23	I, 253	
		В альбом Илллическому (Мой друг! неславный я поэт)	1817	34	I, 254	
		Товарищам (Промчались годы заточенья)	1817	45	I, 309	
		Гургену (Гургенев, верный покровитель)	1818	17	I, 326	
		Когда сожмешь ты снова руку	1818	22	I, 329	
		Жуковскому (Когда к мечтательному миру)	1818	30	I, 336	
		Прелестнице (К чему нескронным сим убором)	1818	21	I, 338	
		К Чаадаеву (Любови, надежды, тихой славы)	1818	20	I, 339	
		Дубравы, где в тиши свободы	1818	16	I, 340	
		И я слышал, что божий свет	1818	31	I, 345	
		В. В. Энгельгардту (Я ускользнул от Эскулапа)	1819	46	I, 347	
		Орлову (О ты, который сочелал)	1819	70	I, 360	
		Всеволожскому (Прости, счастливый сын пиров)	1819	45	I, 364	
		Платоническая любовь (Я знаю, Лидинька, мой друг)	1819			

Записка к Жуковскому (Раевский, молодецку прежний)	1819	18	I, 366	<i>aBaBccDcDeFeF.</i>
Недавно тихим вечером	1819	13	I, 374	Преобладает <i>aBaB.</i>
Юреву (Любимец ветреных Лаис)	1820	31	I, 389	Ср. II, 8.
Руслан и Людмила	1820	2804	IV, 7	Ср. II, 46.
Кавказский пленник	1820	716	IV, 103	
Дельвигу (Друг Дельвиг, мой парнасский брат)	1821	28	II, 30	
Из письма к Гнедичу (В стране, где Юлей венчаный)	1821	39	II, 31	
Всё так же ль осеняет своды	1821	18	II, 36	
В. А. Давыдову (Меж тем как генерал Орлов)	1821	60	II, 38	
Катенину (Кто мне пришлет ее портрет)	1821	16	II, 41	Преобладает <i>AbAb.</i>
Гроб юности (Сокрылся он)	1821	47	II, 55	
Кокетке (И вы поверить мне могли)	1821	44	II, 68	
Приятелю (Не притворяйся, милый друг)	1821	10	II, 71	<i>aBaBccDeDe.</i>
Христос воскрес, моя Ревека	1821	10	II, 72	<i>AbAbCCddCd.</i>
Чинювик и поэт (Куда вы? за город конечно)	1821	20	II, 73	Отрывок.
Алексеву (Мой милый, как несправедливы)	1821	44	II, 74	<i>ABbCcCdEFeF.</i>
Я не люблю твоей Корины	1821	12	II, 80	<i>aBaBccBcDeDe.</i>
Примите новую тетрадь	1821	11	II, 87	<i>AbbAcDDcEffeF.</i>
О вы, которые любили	1821	13	II, 88	<i>aBBaCddCeFeF.</i>
Вот муза, резвая болтунья	1821	13	II, 91	Отрывок.
Барагынскому из Бессарабии (Сия пустынная страна)	1822	12	II, 98	<i>ABbCcCdEffeF.</i>
Таврида (Ты, сердцу непонятный мрак)	1822	94	II, 106	
В. Ф. Раевскому (Не тем горжусь я мой певец)	1822	20	II, 110	
Гречанке (Ты рождена воспламенить)	1822	31	II, 111	
Из письма к Я. Н. Толстому (Горишь ли ты, лампада наша)	1822	29	II, 113	
Иностранке (На языке тебе невнятном)	1822	12	II, 122	<i>ABbCcCdEffeF.</i>
Недавно я в часы свободы	1822	28	II, 125	
Вадим (Свод неба мдаком обложился)	1822	133	IV, 155	
Братья разбойники (Не стая воронов слета- лась)	1822	235	IV, 163	
Сегодня я поутру дома	1823	14	II, 145	<i>AbAbAccDDcEffeF.</i>
Из письма к Вигелю (Проклятый город Ки- шинев)	1823	39	II, 150	Из четверостишия: <i>AbAb, AbbA, aBaB,</i> <i>aBBa;</i> заключитель- ное: <i>AbAbAb.</i>
Мое беспечное незнанье	1823	30	II, 152	<i>AbAbCCbDeDeDe.</i>
Свободы селять пустынный	1823	13	II, 158	

VI. Стихотворения вольной рифмовки

№	Размер и каталектика	Название	Год	Число стихов	Десяти-томник	Примечание
		Кн. М. А. Голицыной (Давно об ней воспоминашь) Бывало в сладком ослепленьи	1823	16	II, 159	Из четверостиший: АВAb, AbbA, aBaB. АВЬАХ... Не окончено. Ср. II, 5.
		Бахчисарайский фонтан Давыдову (Нельзя, мой толстый Аристип) К Языкову (Издревле сладостный союз) Разговор книгопродавца с поэтом Подражания Корану, IV (С тобою древле, о всеисильный) Чаадаеву (К чему холодные сомненья) Графу Олинару (Певец! издревле меж собою) Из письма к Плетневу (Ты издад дядю моего) Мне жаль великия жены К Сабурову (Сабуров, ты оклеветал) Младенцу (Дитя, не смею над тобой)	1823 1823 1823 1824 1824 1824 1824 1824 1824 1824 1824	578 19 49 192 14 21 26 9 23 9 8	IV, 173 II, 175 II, 186 II, 188 II, 206 II, 213 II, 223 II, 225 II, 228 II, 234 II, 235	АВAbCCcCcdEfEf. Не доработано. aBaBaCddC. Не доработано. aXaXacDcD. Не доработано и не окончено. AAbbCddC. Не окончено. Ср. II, 23, 34.
		С переторродкою коморки	1824	7	II, 239	
		Цыганы Козлову (Певец! когда перед тобой) К Родзянке (Ты общал о романтизме) Н. Н. (Примите «Невский Альманах») Соловей и кукушка (В лесах, во мраке ночи праздной) Сцена из Фауста (Мне скучно, бес) Люблю ваш сумрак неизвестный Хотя стишки на именины Наброски к замыслу о Фаусте (Скажи, какие заклинанья; Сегодня бал у сатаны; Так вот детей земных изгнанье; Что козырь?—Черви.— Мне ходить; Кто там?—Здорово, господа) Блестит луна, недвижно море спит (Мизарур, недут тоски душевной) Из письма к Вяземскому (В глуши, измучась жизнью постной)	1824 1824 1825 1825 1825 1825 1825 1825 1825 1825 1825 1825 1825 1825 1825 1825 1825 1825 1825 1825 1825	533 21 34 12 10 112 28 14 12, 8, 6, 8, 14	IV, 201 II, 250 II, 263 II, 275 II, 283 II, 286 II, 296 II, 299 II, 308	aaBBcDcDeFFe. AAbCCCbDeDe. AAbCCCbDeDeFgFg. АВAbCcdCd. Ср. 5я, VI, 4. AbbAcDcDeeFgFg.

Из Вольтера (Короче дни, а ночи доле)	1825	18	II, 320	Отрывочные строки.
О муза пламенной сатиры	1820—1825	20	II, 363	
Из Ариостова «Orlando furioso»	1826	111	II, 327	aBbaCcdEdEfe. AbbAcDDcEfeEj.
К Языкову (Язык, кто тебе внушил)	1826	17	II, 334	
Признание (Я вас люблю, хоть я бешусь)	1826	41	II, 338	
Пророк (Духовной жаждою томим)	1826	30	II, 340	
К А. Тимашевой (Я видел вас, я их читал)	1826	12	II, 342	
К** (Ты богоматерь, нет сомненья)	1826	12	II, 349	
Княгине З. А. Волконской (Среди рассеянной Москвы)	1827	15	III, 12	
Арион (Нас было много на челне)	1827	15	III, 15	
Какая ночь! Мороз трескучий	1827	57	III, 17	
Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной (Земли достигнув наконец)	1827	10	III, 20	
Поэт (Пока не требует поэта)	1827	20	III, 21	С нарушением чередования.
Послание Дельвигу (Прими сей череп, Дельвиг, он)	1827	142	III, 24	
Блажен в златом кругу вельмож	1827	12	III, 32	aBbaCCddEfeEj. aBbaCcd... He окончено.
Я знаю край: там на брега	1827	6	III, 45	
Не мысля гордый свет забавить (из «Евгения Онегина»)	1827	17	V, 7	aaBabccDeeDf... He окончено. aaBcBcDeDeFg... He окончено. AbAbCddCEfeEj. Ср. II, 9, 68.
Послание к Великопольскому, сочинителю «Сатеры на игроков» (Так эгегическую миру)	1828	38	III, 50	
Сто лет минуло, как Тевтон	1828	47	III, 52	
Кто знает край, где небо блещет	1828	63	III, 54	
Ее глаза (Она мила — скажу меж нами)	1828	17	III, 65	
К Языкову (К тебе сбирался я давно)	1828	28	III, 67	
Ответ Катенину (Напрасно, пламенный поэт)	1828	20	III, 82	
Поэт и толпа (Поэт на лире вдохновенной)	1828	55	III, 85	
Кирджалих (В степях зеленых Буджака)	1828	12	III, 92	
Бродатый староста Авдей	1828	12	III, 97	
Как быстро в поле, вокруг открытом	1828	12	III, 99	AbAbCddCEfeEj. Ср. II, 9, 68.
Полтава	1828	1471	IV, 249	
Клеопатра (Вторая редакция. Из «Египетских ночей»). (Чертог сия...)	1828	73	VI, 386	
Е. Н. Ушаковой (Вы избалованы природой)	1829	20	III, 103	aBabCDDcEfeEj.
Калмычке (Прощай, любезная калмычка)	1829	25	III, 113	
Эпиграмма (Мальчишка Фебу гимн поднес)	1829	12	III, 130	

VI. Стихотворения вольной рифмовки

№	Размер и каталектика	Название	Год	Число стихов	Десяти-томник	Примечание
		Монастырь на Казбеке (Высоко над семью гор)	1829	11	III, 139	<i>aaBBcBcDeDe.</i>
		Собрание насекомых (Мое собрание насекомых)	1829	14	III, 140	<i>AAbBCcddEEfGfG.</i>
		Критон, роскошный гражданин	1829	15	III, 144	<i>AbbAc...</i> Не окончено.
		Зачем, Елена, так пугливо	1829	5	III, 153	<i>AAbCCbDeDeFfg...</i> Не окончено.
		Меж горных стен несется Терек	1829	12	III, 158	
		Тазит	1829	256	V, 309	
		Когда в объятия мои	1830	20	III, 174	
		Стамбул гяуры ныне славят	1830	45	III, 195	
		Герой (Да, слава в приютах вольна)	1830	66	III, 199	
		Два чувства дивно близки нам	1830	8	III, 214	<i>aBBaCdCd.</i>
		Когда порою вспоминанье	1830	32	III, 215	<i>aBaBccEdEfGf...</i> Не окончено.
		Шумит кустарник... На утес	1830	14	III, 212	<i>AbAAbCCdCd.</i>
		Евгений Онегин. Письма Татьяны и Онегина	1824—1831	139	V, 69, 180	
		В альбом А. О. Смирновой (В тревоге пестрой и бесплодной)	1832	10	III, 236	<i>AbAAbCCdCd.</i>
		В альбом княж. А. Д. Абамелек (Когда-то помню с умиленьем)	1832	9	III, 237	<i>AbbAbCcdCd.</i>
		Царей потомок меценат	1833	12	III, 268	<i>aBaBCdCdFFe.</i> Не от-делано.
		Зачем я ею очарован	1833	11	III, 397	<i>AbAbCCdEEdd.</i>
		Медный всадник	1833	481	IV, 375	<i>AbbCcDdEEfGfG.</i>
		Стою печален на кладбище	1834	14	III, 283	
		Кто из богов мне возвратил	1835	29	III, 339	
		Кострату раз пришел скрыпач	1835	10	III, 355	
		Когда владыка ассирийский	1835	35	III, 362	<i>aaBBccDeDe.</i>
		Импровизация из «Египетских ночей» (Поэт идет — открыты вежды)	1835	34	VI, 379	Переработка строф «Езерского».
		Д. В. Давлову (Тебе певцу, тебе герою)	1836	14	III, 367	<i>AAbBCcDdEEdFfg.</i>
		Русскому Геснеру (Куда ты холоден и сух)	1827—1836	9	III, 392	<i>aBBaCcdCd.</i>
		Конечно презирать не трудно	1827—1836	8	III, 402	Отрывок.
		Монах (Хочу воспеть, как дух нечистый ада)	1813	414	I, 7	
		Эвлага (Вдали ты зришь утес уединенный)	1814	53	I, 31	Ср. II, 48.
		К бар. М. А. Дельвию (Вам восемь лет, а мне семнадцать было)	1815	10	I, 151	Ср. 4я, VI, 3.

5я
женск. и мужск.

Сон (Пускай поэт с кадильницей наемной)	1816	220	I, 184	
Осеннее утро (Поднялся шум; свирелью полевой)	1816	31	I, 198	
Разлука (Когда пробил последний час)	1816	40	I, 200	
Любовь одна — веселье жизни хладной	1816	56	I, 211	
Желание (Медлительно влекутся дни мои)	1816	12	I, 215	
От всеночной вечер иды домой	Лицей	16	I, 277	
Элегия (Опять я ваш, о юные друзья)	1813—1817	38	I, 236	
Князю А. М. Горчакову (Встречаюсь я с осмы- надатой весной)	1817	68	I, 249	
Кравей чужих неопытный любитель	1817	14	I, 312	
Послание к кн. Горчакову (Питомец мод, боль- шого света друг)	1819	46	I, 370	
Гавриилада	1821	552	IV, 135	
Наперсница волшебной старины	1822	26	II, 123	
Простишь ли мне ревнивые мечты	1823	37	II, 156	
На Ворондова (Сказали раз дарю, что наконец)	1825	14	II, 242	
Жив, жив Курилка! (Как! жив еще Курилка журналист)	1825	9	II, 249	
Начало I песни «Девственницы» (Я не рожден святыню словословить)	1825	25	II, 303	
Блестит луна, недвижно море спит (первая часть)	1825	6	II, 313	
Эпиграмма на Шаликова (Князь Шаликов, га- зетчик наш печальный)	1827	10		
Литературное известие (В Элизии Василий Тредьяковский)	1829	11	III, 107	
Эпиграмма (Журналами обложенный жестоко)	1829	14	III, 108	
Сапожник (Картину раз высматривал сапожник)	1829	13	III, 121	
Умоляю скоро я... Но если в день печали	1821	14	II, 53	
Завидую тебе, питомец моря смелый	1823	10	II, 149	
А. Пушкину (Брат милый, отроком расстался ты со мной)	1823	10	II, 162	
Анджело	1833	535	IV, 347	
Эй Франц, я говорю тебе в последний раз (Сцены из рыцарских времен)	1835	5	V, 605	
Красавице, которая нохла табак (Возмож- но ль...)	1814	38	I, 42	
Леда (Средь темной рощицы...)	1814	24	I, 84	

aBaBcDcDeFfE.
Преобладают охватные
рифмы.

AAbbCCddEEffGGf.

aBaBccDDeeFggF.
aBBaCcDddd.

aBaBcc. Дальше 4я,
VI, 3
AbAbbCbCdd. Б. Акад.
изд., III, 484.

AAbbCddCeeFgFg.
AbAbCdCdEeEf.
AAbCbDdeeDfGfG.
AAbbCCdEEd.
aBbaCcCdEd. Не окон-
чено.

aaBcB... Не окончено.

Употреблены яб, 4, 3.

И три строфических кус-
ка см. II, 23, 55.
Употреблены яб, 4, 3.

5
мужск. и женск.
бя

6
мужск. и женск.

VI. Стихотворения вольной рифмовки

№	Размер и каталектика	Название	Год	Число стихов	Десяти-томник	Примечание
		Наполеон на Эльбе (Вечерняя заря в пучине догорала)	1815	48	I, 114	И строфические куски см. II, 20, 22, 40. Употреблены яб, 5, 4, 3.
		Элегия (Я видел смерть; она в молчаньи села)	1816	35	I, 213	Употреблены яб, 5, 4, 3.
		Элегия (Я думал, что любовь погасла навсегда)	1816	41	I, 217	Употреблены яб, 5, 4.
		Шинкову (Шаун, увенчанный Эратой и Венерой)	1816	59	I, 229	Употреблены яб, 5, 4, 3.
		К Каверину (Забудь, любезный мой Каверин)	1817	31	I, 235	Употреблены яб, 5, 4.
		Дельвигу (Любовью, дружеством и ленью)	1817	27	I, 244	Употреблены яб, 5, 4, 3.
		К Дельвигу (Блажен, кто с юных лет увидел пред собою)	1817	46	I, 453	Употреблены яб, 5, 4, 3.
		В альбом Пущину (Взглянув когда-нибудь на тайный сей мисток)	1817	15	I, 258	Употреблены яб, 4, 3.
		Разлука (В последний раз, в сени уединенья)	1817	18	I, 259	Употреблены яб, 5, 4.
		К ней (В печальной праздности я лиру забывал)	1817	28	I, 313	Употреблены яб, 5, 4 (пробледают), 3.
		Торжество Вакха (Откуда чудный шум, неистовые клики)	1818	85	I, 322	Употреблены яб, 5, 4, 3.
		Выздоровление (Тебя ль я видел, милый друг)	1818	30	I, 327	Употреблены яб, 5, 4.
		Мечтателю (Ты в страсти горестной находишь наслажденье)	1818	25	I, 332	Употреблены яб, 4.
		Колосовой (О ты, надежда нашей сцены)	1818	6	I, 341	Аб АбCd я46444. Не окончено.
		Деревня (Приветствую тебя, пустынный угол)	1819	61	I, 351	Употреблены яб, 5, 4.
		Домовому (Поместья мирного незримый покровитель)	1819	20	I, 354	Употреблены яб, 5, 4.
		Позволь душе моей открыться пред тобою	1819	15	I, 377	Употреблены яб, 5, 4. Не отделано и не окончено.
		Погасло дневное светило	1820	40	II, 7	Употреблены яб, 5, 4.
		Я видел Азии бесплодные пределы	1820	15	II, 12	Употреблены яб, 5, 4. Отрывок.
		Посвящение «Кавказского пленника» (Прими с улыбною, мой друг)	1820	43	IV, 105	Употреблены яб, 5, 4.

Дочери Карагеоргия (Гроза луны, свободы войн)	1820	18	II, 14	Употреблены яб, 4.
Война (Война! подьяты наконец)	1821	32	II, 58	Употреблены яб, 5, 4.
Мой друг, забыты мной следы минувших лет	1821	22	II, 54	Употреблены яб, 5, 4.
Гречанка верная! не плачь, — он пал героем	1821	11	II, 61	AbAbCCdEdE яб55666664.
Недавно бедный музульман	1821	54	II, 83	Употреблены яб, 5, 4, 3, 2.
Зачем ты послан был и кто тебя послал	1824	22	II, 179	Употреблены яб, 4.
Ненастный день потух; ненастной ночи мгла	1824	19	II, 203	Употреблены яб, 4.
Клеопатра (Благословенные священной рукой)	1824	20	II, 220	Употреблены яб, 5, 4. См. II, 5; IV, 3.
T — прав, когда так верно вас	1824	16	II, 227	Употреблены яб, 5, 4.
Пока супрут тебя, красавицу младую	1824	9	II, 229	AbbAcccDdc яб64444444.
Андрей Шенье (Приветствую тебя, мое све- тло)	1825	165	II, 257	Употреблены яб, 5, 4, 2. См. II, 19; III, 1.
Уборная Марины (сцена из «Бориса Годунова»)	1825	55	V, 325	Употреблены яб, 5, 4, 3.
Ек. Н. Ушаковой (Когда бывало в старину)	1827	16	III, 11	Употреблены яб, 5, 4.
Насилу выехать решились из Москвы	1827	40	V, 493	Употреблены яб, 5, 4, 3, 2, 1.
Клеветникам России (О чем шумите вы, народ- ные витии)	1831	46	III, 222	Употреблены яб, 4.
К Наталье (Так и мне узнать случилось)	1813	105	I, 3	
Блаженство (В роще сумрачной, тенистой)	1814	88	I, 52	
Гроб Анакреона (Всё в таинственном мол- чаньи)	1815	57	I, 166	AbAb, один раз AbAAb, в обработке для 1826 г. имеется и AbAAbAb.
Кривоцу (Не пугай нас, милый друг)	1817	20	I, 318	Первое aBbA, остальные AbAb.
О. Массон (Ольга, крестница Киприды)	1819	22	I, 343	
Ты и я (Ты богат, я очень беден)	1817—1820	24	I, 403	Первая строфа AbbA, следующие aBbAb, по- следняя aBbA.
Прозерпина (Плещут волны Флегетона)	1824	43	II, 176	Доминирует AbAb, есть AbAAb и AAbCCb.
Из письма к Вульффу (Здравствуй, Вульф, при- тель мой)	1824	18	II, 185	
Послание к Л. Пушкину (Что же? будет ли вино)	1824	27	II, 238	
Что с тобой, скажи мне, братец	1825	11	II, 300	AAbbCCbDeDe.

VI. Стихотворения вольной рифмовки

№	Размер и каталектика	Название	Год	Число стихов	Десяти-томник	Примечание
		Зорю быют... из рук моих Стихи, сочиненные ночью, во время бессонницы (Мне не спится, нет огня) В альбом (Долго сих листов заветных) Свят Иван, как пить мы станем Ночь тиха; в небесном поле	1829 1830 1832 1833 1833	9 15 14 34 7	III, 147 III, 198 III, 245 III, 254	<i>aBaBeDDe.</i> <i>aBBaCCaaDDaEEff.</i> <i>AbbAbCdCdEffEf.</i> <i>AbAbCCd.</i> ; Не окончено. Текст см.: А. С. Пушкин, Стихотворения, т. III (Библиотека поэта, Большая серия), 1955, стр. 625. Доминирует <i>AbAb</i> , один раз <i>AAbCCb</i> . <i>AAbAbCCdEEffEf.</i>
8	2д женск. и мужск.	Конь (Что ты ржешь, мой конь ретивый)	1834	26	III, 316	
9	Вольн. амф. женск. и мужск.	Воротился ночью мельник (Судны из рыцарских времен) От меня вечер Леила Изамены (Всё миновалось)	1835 1836 1815	10 14 84	V, 482 III, 386 I, 106	
10	я3232 2амф и 3я 4х и 2амф	Вакхическая песня (Что смокнул веселия глас) Вольные композиции Всё призрак, суета	1825 1819	16 12	II, 274 I, 381	Стихи по 4, 3 и 2 стопы. I я3232 <i>aBaBII2амф</i> <i>aabb III 3я AbAb.</i> В качестве рефрена (R) 2 амф. женск. без рифмы, остальные стихи — 4х <i>aaRRRa</i> ; <i>AbAbCC.</i> Совместно с Вяземским. Всего 97 стихов.
11		Колокольчики звенят	1833	12	III, 274	
12	Стих расширика с рифмованными цепями	Надо помянуть, непременно помянуть надо	1833	26	III, 408	Окончаний мужских — 13, женских — 27, дактилических — 57, в том числе имеются 10 холостых строк.

VII. Французские стихи

№	Размер (число слогов)	Рифма	Название	Год	Число		Десяти- томник	Примечание
					Строф	Слогов		
1	7	<i>AbbAAb</i>	Tien et mien, — dit Lafontaine	1819	—	6	I, 383	
2	8	<i>AbAb</i>	Stances (Avez-vous vu la tendre rose) J'ai possédé maîtresse honnête	1814 1821	5 1	20 4	I, 87 II, 93	
3	8	<i>AbAbCdCd</i>	Couplets (Quand un poëte en son extase)	Лицей 1813— 1817	5	40	I, 279	Последний стих стро- фы — рефрен.
4	10	<i>AbbAacDDc</i>	A son amant Eglé sans résistance	1821	—	9	II, 92	
5	8, 6, 8, 6	<i>aBaB</i>	Mon portrait (Vous me demandez mon portrait)	1814	8	32	I, 88	В последнем четверости- шии все стихи — жен- ские.
6	Большый стих	<i>AAbb</i>	Кж. В. М. Волконской (On peut très bien, ma- demoiselle)	1816	—	4	I, 234	Число слогов 8, 9, 8, 9 (?).

УКАЗАТЕЛЬ К КАТАЛОГУ СТРОФИЧЕСКИХ ФОРМ

Сводные стихотворения

Эвлега 1814 — II — 48; VI — 4
 Леда 1814 — II — 23, 55; VI — 6
 Наполеон на Эльбе 1815 — II — 20, 22, 40; VI — 6
 К бар. М. А. Дельвиг 1815 — VI — 3, 4
 Клеопатра 1824 — II — 5; IV — 3; VI — 6
 Андрей Шенье 1825 — II — 19; III — 1; VI — 6
 Блестит луна 1825 — VI — 3, 4
 Моя родословная 1830 — II — 5, 68

Вставные формы
в произведениях

Руслан и Людмила 1820 — II — 8
 Кавказский пленник 1820 — II — 46
 Бахчисарайский фонтан 1823 — II — 5
 Цыганы 1824 — II — 23, 34
 Борис Годунов 1825 — V — 5, 8; VI — 6
 Евгений Онегин 1823—1831 — II — 29; V — 7; VI — 3
 Полтава 1828 — II — 9, 68
 Пир во время чумы 1830 — II — 44, 85
 Русалка 1832 — I — 9, 42; II — 23; V — 10, 17
 Сцены из рыцарских времен 1835 — I — 55; VI — 7

Примененные Пушкиным
размеры

1я I — 53; VI — 6
 2я I — 23, 50, 53; II — 39, 41, 52, 53; VI — 1, 6, 10
 3я I — 7—9, 20, 25, 27, 30, 52, 97, 99, 100; II — 3, 15, 16, 20, 49, 51, 63, 67, 77, 80; III — 3; V — 1; VI — 2, 6, 10
 4я I — 2, 10—14, 20—24, 26—35, 38, 39, 43—46, 50—52, 54—63, 69—72, 76—78, 81—91, 97—103, 110; II — 5—10, 15—19, 21, 22, 38, 39, 43—46, 50—53, 63, 68—71, 76—80, 89, 90, 93; III — 1, 3; IV — 1; V — 12; VI — 3, 6
 5я I — 15, 26, 27, 36—39, 47—49, 64—66, 71, 79, 80, 92—96, 102, 111; II — 2, 11—13, 18, 19, 40, 41, 47, 48, 72—75, 81, 82; III — 2, 3; IV — 2; V — 13, 14; VI — 4, 6
 6я I — 3, 4, 6, 16—19, 22—26, 28—37, 39, 50—52, 67—72, 98—101, 103, 112, 113; II — 3, 14, 17, 20—22, 49, 50, 76, 83; III — 3; IV — 3, 4; VI — 5, 6
 Вольн. я и смеш. я I — 20—41, 50—53, 69—72, 96—103; II — 15—22, 41, 49—53, 63, 76—80; III — 3; VI — 10
 1х I — 110; II — 62
 2х I — 54, 75

3х I — 55, 104; II — 27—29, 64, 84, 87, 92; V — 2, 7 (дактил.), 15
 4х I — 5, 40, 54, 55, 73—75, 105—109; II — 23—29, 54, 65, 85—87, 91; IV — 5, 6; V — 3, 4; VI — 11
 5х нет
 6х IV — 7
 7х нет
 8х V — 5
 Смеш. х I — 54, 55, 75; II — 27—29, 87, 92
 2д I — 41; II — 55, 56, 66, 88; VI — 8
 6д с вариациями (античные метры) IV — 10; V — 6
 2амф I — 42; II — 30, 31, 57; IV — 8; VI — 9, 10, 11
 3амф II — 60, 61; VI — 9
 4амф II — 1, 31, 32, 57—60; VI — 9
 Смеш. амф. II — 60, 61; VI — 9
 1ан II — 35; V — 8
 2ан II — 34, 35, 37, 42, 62
 3ан II — 36, 37
 4ан (с женской цезурой после второй стопы) II — 36, 37
 Смеш. ан II — 35, 36, 37
 Народные размеры V — 9, 10, 11, 16, 17
 Смешанные размеры I — 110; II — 62; VI — 10, 11

Стихотворения с рефреном
и повторениями

I — 40 Слушай сияю новинку 1836
 I — 53 Ночной эфир 1824
 I — 62 Угрюмых тройка есть певцов 1815
 II — 6 Не пой, красавица, при мне 1828
 II — 8 Из «Руслана и Людмилы», песнь IV, стихи 80—91 1820
 II — 8 19 октября 1827 (Бог помочь вам, друзья мои)
 II — 8 Храни меня, мой талисман 1825
 II — 23 Из «Леды» (второй отрывок) 1814
 II — 23 Полюбуйтесь же вы, дети 1830
 II — 23 Похоронная песня Иакинфа Маглановича 1834
 II — 24 Был и я среди донцов 1829
 II — 30 Я здесь, Инезилья 1830
 II — 41 Певец (Слышали ль вы) 1816
 II — 42 Из Varru Cornwall (Пью за здравие Мери) 1830
 II — 43 Юрьеву (Здорово, Юрьев именинник) 1819
 II — 47 Рассудок и любовь 1814
 II — 47 Гараль и Гальвина 1814
 II — 48 Из стихотворения «Эвлега» 1814
 II — 52 Я прав, он виноват; решите 1816
 II — 65 С позволения сказать 1816
 II — 68 Моя родословная 1830
 II — 70 Заклинание 1830
 II — 72 Рефутация г-на Беранжера 1827
 VII — 3 Couplets — Лицей 1813—1817

А. А. АХМАТОВА

«КАМЕННЫЙ ГОСТЬ» ПУШКИНА

1

Известно, что в первый период своего творческого пути (когда вышли «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан» и ранняя лирика) Пушкин был любим своими современниками, литературный путь его был прям и блистателен. И вот где-то около 1830 года читатели и критика отшатнулись от Пушкина. Причина этого лежит прежде всего в самом Пушкине. Он изменился. Вместо «Кавказского пленника» он пишет «Домик в Коломне», вместо «Бахчисарайского фонтана» — «Маленькие трагедии», затем «Золотого петушка», «Медного всадника». Современники недоумевали, враги и завистники ликовали. Друзья отмалчивались. Сам Пушкин в 1830 году пишет:

И альманахи, и журналы,
Где поученья нам твердят,
Где нынче так меня бранят,
А где такие мадригалы
Себе встречал я иногда...

(VI, 183).¹

В чем же и как изменился Пушкин?

В предисловии, предполагавшемся к VIII и IX главам «Онегина» (1830), Пушкин полемизирует с критикой: «Век может идти себе вперед», но «поэзия остается на одном месте... Цель ее одна, средства те же» (VI, 540, 541).

Однако в том же году в набросках статьи о Баратынском Пушкин совершенно иначе рисует отношения поэта с читателем: «Понятия, чувства 18-летнего поэта еще близки и сродны всякому, молодые читатели понимают его и с восхищением в его произведениях узнают собственные чувства и мысли, выраженные ясно, живо и гармонически. Но лета идут — юный поэт мужает, талант его растет, понятия становятся выше, чувства изменяются. Песни его уже не те. А читатели те же и разве только сделались холоднее сердцем и равнодушнее к поэзии жизни. Поэт отделяется от их, и мало-по-малу уединяется совершенно. Он творит — для самого себя и если изредка еще обнародывает свои произведения, то встречает холодность, невнимание и находит отголосок своим звукам только в сердцах некоторых поклонников поэзии, как он уединенных, затерянных в свете» (XI, 185).

¹ Здесь и в дальнейшем цитируется по изданию: Пушкин, Полное собрание сочинений, тт. I—XVI, Изд. Академии наук СССР, 1937—1949.

Странно, что до сих пор нигде не отмечено, что эту мысль подсказал Пушкину сам Баратынский в письме 1828 года, где он так объясняет неудачу «Онегина»: «Я думаю, что у нас в России поэт только в первых, незрелых своих опытах может надеяться на большой успех. За него все молодые люди, находящие в нем почти свои чувства, почти свои мысли, облеченные в блистательные краски. Поэт развивается, пишет с большого обдуманностью, с большим глубокомыслием: он скучен офицерам, а бригадиры с ним не мирятся, потому что стихи его все-таки не проза. Не принимай на свой счет этих размышлений: они общие» (Пушкин, XIV, 6).

Из сравнения этих двух цитат видно, как Пушкин развил мысль Баратынского.

Итак, не поэзия неподвижна, а читатель не поспекает за поэтом.

В герое «Кавказского пленника» с восторгом узнавали себя все современники Пушкина, но кто бы согласился узнать себя в Евгении «Медного всадника»?

2

К числу зрелых произведений Пушкина, не услышанных не только современниками, но и друзьями поэта,² относятся его «Маленькие трагедии». Быть может, ни в одном из созданий мировой поэзии грозные вопросы морали не поставлены так резко и сложно, как в «Маленьких трагедиях» Пушкина. Сложность эта бывает иногда столь велика, что в связи с головокругительным лаконизмом даже как будто затемняет смысл и ведет к различным толкованиям (например, развязка «Каменного гостя»). Мне кажется, объяснение этому дает сам Пушкин в заметке о Мюссе (24 октября 1830 года), где он хвалит автора «Contes d'Espagne et d'Italie» за отсутствие морализирования и вообще не советует «ко всякой всячине приклеивать нравоучение» (XI, 175—176). Это наблюдение дает отчасти ключ к пониманию якобы шутильной концовки «Домика в Коломне» (9 октября 1830 года):

Да нет ли хоть у вас нравоученья?

Нет... или есть: минуточку терпенья...

Вот вам мораль...

(V, 93)

и далее следует явно вызывающая пародия на нравоучительную концовку («Больше ничего Не выжмешь из рассказа моего»).

Понятно, что для поэта, так поставившего вопрос о морализировании, многие обычные пути изображения страстей были закрыты. Всё сказанное выше в особенности относится к «Каменному гостю», который всё же является обработкой мировой темы возмездия, а у предшественников Пушкина, касавшихся этой темы, не было недостатка в прямом морализировании.

Пушкин идет другим путем. Ему надо, с первых же строк и не прибегая к морализированию, убедить читателя в необходимости гибели его героя. Что и для Пушкина «Каменный гость» — трагедия возмездия, доказывает уже само выбранное им заглавие («Каменный гость», а не «Дон

² В дневниковой записи Вяземский холодно перечисляет «Маленькие трагедии», как новости, привезенные Пушкиным из Болдина (П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений, т. 9, СПб., 1884, стр. 152), а Жуковский в 1831 году пишет Пушкину: «Напрасно сердисься на Чуму: она едва ли не лучше Каменного гостя» (XIV, 203). Восторги Белинского относятся уже к 1841 году («величайшее создание Пушкина — его „Каменный гость“»). — В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. IV, Изд. Академии наук СССР, М., 1954, стр. 424).

Жуан»). Поэтому все действующие лица — Лаура, Лепорелло, Дон Карлос и Дона Анна — только и делают, что готовят и торопят гибель Дон Гуана. О том же неустанно хлопочет и сам герой:

Всё к лучшему: нечаянно убив
Дон Карлоса, отшельником смиренным
Я скрылся здесь...
(VII, 153).

А Лепорелло говорит:

... Ну, развеселились мы.
Недолго нас покойницы тревожат.
(VII, 140).

После проделанной пушкинистами работы мы знаем, чем похож пушкинский Дон Гуан на своих предшественников. И теперь имеет смысл определить, в чем он самобытен.

Характерно для Пушкина, что о богатстве Дон Гуана упомянуто только раз и вскользь, в то время как для Дапonte и для Мольера это существенная тема. Пушкинский Гуан и не дапонтский богач, который хочет «наслаждаться за свои деньги», и не мольеровский унылый резонер, обманывающий кредиторов. Пушкинский Гуан — испанский гранд, которого при встрече на улице не мог не узнать король. Внимательно читая «Каменного гостя», мы делаем неожиданное открытие: Дон Гуан — поэт. Его стихи, положенные на музыку, поет Лаура, а сам Гуан называет себя «Импровизатором любовной песни» (VII, 153).

Это приближает его к основному пушкинскому герою: «Наши поэты не пользуются покровительством господ; наши поэты сами господа...», — говорит в «Египетских ночах» Чарский, повторяя излюбленную мысль Пушкина (VIII, 1, 266). Насколько знаю, никому не приходило в голову делать своего Дон Жуана поэтом.

Сама ситуация завязки трагедии очень близка Пушкину. Тайное возвращение из ссылки — мучительная мечта Пушкина 20-х годов. Оттого-то Пушкин и перенес действие из Севильи (как было еще в черновике — Севилья извечный город Дон Жуана) в Мадрид: ему была нужна столица. О короле Пушкин, устами Дон Гуана, говорит:

Пошлет назад.
Уж верно головы мне не отрубят.
Ведь я не государственный преступник.
(VII, 138).

Читай — политический преступник, которому за самовольное возвращение из ссылки полагается смертная казнь. Нечто подобное говорили друзья самому Пушкину, когда он хотел вернуться в Петербург из Михайловского.³ А пушкинский Лепорелло по этому поводу восклицает, обращаясь к своему барину: «Сидели б вы себе спокойно там» (VII, 138).

Пушкин, правда, не ставит своего Дон Гуана в самое смешное и постыдное положение всякого Дон Жуана — его не преследует никакая влюбленная Эльвира и не собирается бить никакой ревнивый Мазетто; он даже не переодевается слугой, чтобы соблазнять горничную (как в опере Моцарта); он герой до конца, но эта смесь холодной жестокости

³ «Сиди смирно, пиши, пиши стихи» (П. А. Вяземский — Пушкину, 10 мая 1826 года; XIII, 276); «Всего благоразумнее для тебя остаться покойно в деревне» (В. А. Жуковский — Пушкину, 12 апреля 1826 года; XIII, 271).

с детской беспечностью производит потрясающее впечатление. Поэтому пушкинский Гуан, несмотря на свое изящество⁴ и свои светские манеры, гораздо страшнее своих предшественников.

Обе героини, каждая по-своему, говорят об этом: Дона Анна — «Вы сущий демон»; Лаура — «Повеса, дьявол».

Если Лаура, может быть, просто бранится, то «демон» в устах Доны Анны точно передает впечатление, которое Дон Гуан должен был производить по замыслу автора.

В отличие от других Дон Жуанов, которые совершенно одинаково относятся ко всем женщинам, у пушкинского Гуана находятся для каждой из трех, таких разных женщин, разные слова.

Герой «Каменного гостя» так же ругается со своим слугой, как и Дон Жуаны Моцарта и Мольера; но, например, буффонская сцена финала оперы — обжорство слуги и хозяина — совершенно невозможна в трагедии Пушкина.

Первоначально Пушкин хотел подчеркнуть то обстоятельство, что Гуан предполагает встречаться с вдовой Командора около его памятника, но затем возмущенная реплика Лепорелло: «Над гробом мужа... Бессовестный; не *сдобровать ему!*» (VII, 308, 309) показала Пушкину слишком нравоучительной, и он предоставил читателю самому догадаться, где происходят эти встречи.

В «Каменном госте» ни в окончательном тексте, ни в черновиках нигде ни одним словом не объяснена причина дуэли Дон Гуана с Командором. Это странно. Я полагаю, что причина этого необъяснимого умолчания такова: у всех предшественников Пушкина, кроме Мольера, где, в противоположность «Каменному гостю», Командор дан как совершенно отвлеченная фигура, ничем не связанная с действием, Командор гибнет, защищая честь своей дочери Доны Анны. Пушкин сделал Дону Анну не дочерью, а женой Командора, и сам сообщает, что Гуан ее прежде никогда не видел. Прежняя причина отпала, а придумывать новую, которая могла бы отвлечь внимание читателя от самого главного, Пушкин не захотел. Он только подчеркивает, что Командор был убит на дуэли,

Когда за Ескурьялом⁵ мы сошлись...

(VII, 153).

а не в ночной безобразной драке (в которой принимает участие и Дона Анна),⁶ что не соответствовало бы характеру его Гуана.

⁴ Если естественно, что вся речь Лепорелло и Лауры построена на просторечии, то выражения вдовы Командора — «Я страх как любопытна» и «Нет, отроду его я не видала» — объясняются много раз высказанным убеждением Пушкина, что просторечие — отсутствие жеманства и признак хорошего воспитания. Напомним, что в заметке «Из всех родов сочинений» Пушкин отмечает в романтической трагедии «смешение родов комического и трагического — напряжение, изысканность необходимых иногда простонародных выражений» (XI, 39).

⁵ Эскуриал — королевский дворец — едва ли подходящее место для дуэли. Пушкин, вероятно, намекает на то, что ссора произошла во дворце, чем еще раз подчеркивается близость Гуана ко двору. Ведь так же вскользь Гуан говорит про короля: «Меня он удалил, меня ж любя» (VII, 138).

⁶ Уже обсуждавшийся вопрос о том, был ли Дон Карлос братом Командора, как мне кажется, надо решить положительно: трудно себе представить, чтобы Гуан имел две дуэли с двумя испанскими грандами и убил обоих, но почему-то боится мести семье только одного из них и гнева короля только за одно из этих убийств. Здесь та же пушкинская лаконичность создает некоторую недоговоренность. Кроме того, всякое уточнение повело бы к дополнительной исповеди Дон Гуана в заключительной сцене с Доной Анной, которая в это время должна была бы оплакивать гибель своего деверя.

Если сцена объяснения Гуана с Доной Анной и восходит к «Ричарду III» Шекспира, то ведь Ричард — законченный злодей, а не профессиональный соблазнитель, и действует он из соображений политических, а отнюдь не любовных, что он тут же и разъясняет зрителям.

Этим Пушкин хотел сказать, что его Гуан может действовать по легкомыслию как злодей, хотя он только великосветский повеса.

Второе, никем до сих пор не отмеченное и, по-моему, более значительное восхождение к Шекспиру находится в заключительной сцене трагедии «Каменный гость»:

Дона Анна
... Но как могли придти
Сюда вы; здесь узнать могли бы вас,
И ваша смерть была бы неизбежна.

В черновике:

узнать могли бы люди.

(VII, 169, 314).

Juliet
How cam'st thou hither, tell me, and wherefore? ..
And the place death, considering who thou art,
If any of my kinsmen find thee here.

(«Romeo and Juliet, act II, sc. 1».)⁷

Даже сцена приглашения статуи, единственная совпадающая с традицией, открывает настоящую бездну между пушкинским Дон Гуаном и его прототипами. Неуместная шутка моцартовского и мольеровского Дон Жуанов, вызванная и мотивированная тем, что он прочел на памятнике оскорбительную для себя надпись,⁸ превращена Пушкиным в демоническую браваду. Вместо нелепого и традиционного приглашения статуи к себе на ужин, мы видим нечто беспримерное:

Я, командор, прошу тебя придти
К твоей вдове,⁹ где завтра буду я,
И стать на стороже в дверях. Что? будешь?
(VII, 162)

т. е. Гуан говорит со статуей, как счастливый соперник.

Пушкин оставил своему герою репутацию безбожника, идущую от *Ateista fulminado* (героя духовной драмы, которая представлялась в церквях и монастырях).

Бессовестным, безбожным Дон Гуаном (монах)
Твой Дон Гуан безбожник и мерзавец (Дон Карлос)

⁷ Как ты пришел сюда, скажи мне, и каким путем? ..
И это место для тебя — смерть, потому что это ты,
Если кто-либо из моих родичей найдет тебя здесь.

(«Ромео и Джульетта», акт II, сц. 1).

⁸ См. у Дапonte:

Dell'empio che mi trasse al passo estremo
Qui attendo la vendetta.

(«Здесь ожидаю отмщения нечестивцу, который убил меня».) Дон Жуан Дапonte (так же, как и Лепорелло) говорит статуе «вы». Пушкинский Гуан сразу обращается к статуе на «ты». Это не высокий стиль, а остаток их прижизненных добрых отношений.

⁹ В черновике еще страшнее: «К жене твоей» (VII, 312).

...Я вам представлен... без совести, без веры
 (сам Гуан)
 Вы, говорят, безбожный развратитель (Дона Анна)
 (VII, 141, 145, 315, 169).

Обвинения в атеизме были привычным аккомпанементом в жизни молодого Пушкина.

Зато другую характерную черту всех Дон Жуанов — странствия — Пушкин совершенно изгнал из своей трагедии. Вспомним хотя бы Дон Жуана Моцарта и знаменитую арию Лепорелло — каталог побед (в Италии — 641, в Германии — 231, сто во Франции, 91 в Турции, а вот в Испании — так тысяча и три). Пушкинский гранд ведет (кроме, разумеется, своей ссылки) совершенно оседлый столичный образ жизни в Мадриде, где его могут узнать каждая «Гитана (было: цыганка) или пьяный музыкант» (VII, 137).¹⁰

3

Пушкинский Дон Гуан не делает и не говорит ничего такого, чего бы не сделал и не сказал современник Пушкина, кроме необходимого для сохранения испанского местного колорита («вынесу его под епанчою И положу на перекрестке»; VII, 151). Точно так же поступает Дальти, герой «Portia» Мюссе, с трупом соперника, которого находят на другой день «le front sur le pavé» («лицом на мостовой»).

Гости Лауры (очевидно, мадридская золотая молодежь — друзья Дон Гуана) больше похожи на членов «Зеленой лампы», ужинающих у какой-нибудь тогдашней знаменитости, вроде Колосовой, и беседующих об искусстве, чем на знатных испанцев какого бы то ни было века. Но автор «Каменного гостя» знает, что это ему совсем не опасно. Он уверен, что коротким описанием ночи он создаст яркое и навеки неизгладимое ощущение того, что это Испания, Мадрид, юг:

Приди — открой балкон. Как небо тихо;
 Недвижим теплый воздух — ночь лимоном
 И лавром пахнет, яркая луна
 Блестит на синеве густой и темной...
 (VII, 148).

Гуан резвится с Лаурой, как любой петербургский повеса с актрисой, меланхолично вспоминает погубленную им Инесу, хвалит суровый дух убитого им Командора и соблазняет Дону Анну по всем правилам «адольфовской» светской стратегии. Однако затем случается нечто таинственное и до конца не осмысленное. Последнее восклицание Дон Гуана, когда о притворстве не могло быть и речи:

Я гибну — кончено — о Дона Анна!
 (VII, 171)

убеждает нас, что он действительно переродился во время свидания с Доной Анной и вся трагедия в том и заключается, что в этот миг он любил и был счастлив, а вместо спасения, на шаг от которого он находился, пришла гибель. Заметим еще одну подробность: «Брось ее», — го-

¹⁰ «Пьяный музыкант» потому, что музыкантов нанимали заказчики серенад, а затем было принято поить музыкантов (см. «Le Diable boiteux» Лесажа).

ворит статуя. Значит, Гуан кинулся к Доне Анне, значит, он только ее и видит в этот страшный миг.

В самом деле, ведь если бы Дон Гуана убил Дон Карлос, никакой трагедии бы не было, а было бы нечто вроде «Les Maggions du feu» Мюссе, которыми Пушкин так восхищался в 1830 году за отсутствие нравоучения и где донжуановский герой («Mais c'est du don Juan») гибнет случайно и бессмысленно. Пушкинский Дон Гуан гибнет не случайно и не бессмысленно. Статуя Командора — символ возмездия, но если бы еще на кладбище она увлекла с собой Дон Гуана, то тоже еще не было бы трагедии, а скорее театр ужасов или *Ateista fulminado* средневековой мистерии. Гуан не боится смерти. Мы видим, что он нисколько не испугался шпаги Дона Карлоса и даже не подумал о своей возможной гибели. Потому-то Пушкину и нужен поединок с Доном Карлосом, чтобы показать Гуана в деле. Совсем не таким мы видим его в финале трагедии. И вопрос вовсе не в том, что статуя — потустороннее явление: кивок в сцене на кладбище тоже потустороннее явление, на которое, однако, Дон Гуан не обращает должного внимания. Гуан не смерти и не посмертной кары испугался, а потери счастья. Оттого-то его последнее слово: «о Дона Анна!». И Пушкин ставит его в то единственное (по Пушкину) положение, когда гибель ужасает его героя. И вдруг мы узнаем в этом нечто очень хорошо нам известное. Пушкин сам дает мотивированное и исчерпывающее объяснение развязки трагедии. «Каменный гость» помечен 4 ноября 1830 года, а в середине октября Пушкин написал «Выстрел», автобиографичность которого никто не оспаривает. Герой «Выстрела» Сильвио говорит: «Что пользы мне, подумал я, лишить его жизни, когда он ею вовсе не дорожит? Злобная мысль мелькнула в уме моем... Посмотрим, так ли равнодушно примет он смерть перед своей свадьбой, как некогда ждал ее за черешнями!» (VIII, 1, 70).

Из этого можно заключить, что Пушкин считал гибель только тогда страшной, когда есть счастье. То же говорит Гуан на вопрос Доны Анны — «И любите давно уж вы меня?»:

*Давно или недавно, сам не знаю,
Но с той поры лишь только знаю цену
Мгновенной жизни, только с той поры
И понял я, что значит слово Счастье —*

(VII, 157)

т. е. с тех пор, как он счастлив, он узнал цену мгновенной жизни. И в «Выстреле», и в «Каменном госте» при расплате присутствует любимая женщина, что противоречит донжуановской традиции. У Моцарта, например, там находится только буффонящий Лепорелло, у Мольера — Сганарель.

В то время (1830) проблема счастья очень волновала Пушкина: «В вопросе счастья я атеист; я не верую в него», — пишет он П. А. Осиповой на другой день по окончании «Каменного гостя» (XIV, 123; подлинник по-французски); «Чорт меня догадал бредить о счастии, как будто я для него создан», — Плетневу (XIV, 110); «Ах, что за проклятая штука счастье!» — Вяземской (XIV, 110; подлинник по-французски). Легко привести еще ряд подобных цитат и можно даже, рискуя показаться парадоксальным, сказать, что Пушкин так же боялся счастья, как другие боятся горя. И насколько он всегда был готов ко всяким огорчениям, настолько же он трепетал перед счастьем, т. е., разумеется, перед перспективой потери счастья.

4

Однако это еще не всё. Кроме аналогий с автобиографическим «Выстрелом», необходимо привести цитаты из переписки Пушкина. Первая — из письма к будущей теще, Н. И. Гончаровой (5 апреля 1830 года): «Заблуждения моей ранней молодости представились моему воображению; они были слишком тяжки и сами по себе, а клевета их еще усилила; молва о них, к несчастью, широко распространилась» (XIV, 75—76; подлинник по-французски). Как это близко к признанию Дон Гуана:

Молва, быть может, не совсем неправа,
На совести усталой много зла,
Быть может, тяготеет... Так, Разврата
Я долго был покорный ученик...

(VII, 168).

А также: «Бедная! Она так молода, так невинна, а он такой ветреный, такой *безнравственный*» (VIII, 1, 408; автобиографический отрывок, 13 мая 1830 года). Здесь «безнравственный», — конечно, смягчение «развратный». А это как раз передает голос молвы.

В тот же год Пушкин говорит то же самое в ненапечатанном при жизни стихотворении «Когда в объятия мои...»:

Прилежно в памяти храня
Измен печальные преданья...
Кляню коварные старанья
Преступной юности моей...

(III, 1, 222).

В этом стихотворении подразумеваются все реплики Доны Анны. Только что женившийся Пушкин пишет Плетневу: «Я... счастлив... Это состояние для меня так ново, что кажется, я переродился» (XIV, 154—155); ср. с «Каменным гостем»:

Мне кажется, я весь переродился.

(VII, 168).

Про Командора Гуан говорит: «Вкусил он *райское* блаженство!» (VII, 164); ср. с письмом к А. П. Керн: «Как можно быть вашим мужем? Этого я так же не могу себе вообразить, как не могу вообразить *рая*?» (XIII, 208; подлинник по-французски).

В «Онегине» Пушкин обещает, что когда будет описывать любовные объяснения, то вспомнит

... речи неги страстной,
Слова тоскующей любви,
Которые в минувши дни
У ног любовницы прекрасной
Мне приходили на язык...

(VI, 57).

Сходство этих цитат говорит не столько об автобиографичности «Каменного гостя», сколько о лирическом начале этой трагедии.

5

Если «Скупого рыцаря» Пушкин не печатал шесть лет, боясь, как тогда говорили, «применений», то что же подумать о «Каменном госте», которого он вовсе не напечатал (в скобках замечу, что «Пир во время

чумы» был напечатан в 1832 году, т. е. почти сразу по написании — и не потому ли, что «Пир» — простой перевод). Как бы то ни было, «Каменный гость» — единственная из «Маленьких трагедий», не напечатанная при жизни Пушкина. Действительно, можно легко себе представить, что то, что мы теперь раскапываем с превеликими трудностями, для самого Пушкина плавало на поверхности. Он вложил в «Каменного гостя» слишком много самого себя и относился к нему, как к некоторым своим лирическим стихотворениям, которые оставались в рукописи независимо от их качества. Пушкин в зрелый свой период был вовсе не склонен обнажать «раны своей совести» перед миром (на что, в какой-то степени, обречен каждый лирический поэт),¹¹ и я полагаю, что «Каменный гость» не был напечатан потому же, почему современники Пушкина при его жизни не прочли окончания «Воспоминания», «Нет, я не дорожу...» и «Когда в объятия мои...», а не потому, почему остался в рукописи «Медный всадник».

Кроме всех приведенных мною сопоставлений, лирическое начало «Каменного гостя» устанавливается связью, с одной стороны, с «Выстрелом» (проблема счастья), с другой — с «Русалкой», которая вкратце (как и подобает предыстории) рассказана в воспоминаниях Гуана об Инесе Свидания Гуана с Инесой происходили на кладбище Антониева монастыря (что явствует из черновика):

Постойте: вот Антоньев монастырь —
А это монастырское кладбище...
О, помню всё. Езжали вы сюда...

(VII, 307).

Гуан так же, как князь в «Русалке», узнает место, вспоминает погубленную им женщину. И там и тут это дочь мельника. И Гуан не случайно говорит своему слуге: «Ступай же ты в деревню, знаешь, в ту, Где мельница» (VII, 309). Затем он называет это место проклятой *вентой*. Окончательная редакция стихов отчасти стерла это сходство, но теперь, когда черновики разобраны, для нас нет сомнения, что трагедия Пушкина начинается с глухого упоминания о преступлении героя, которого рок приводит на то самое место, где это преступление было совершено и где он совершает новое преступление. Этим предreshено всё, и призрак бедной Инесы играет в «Каменном госте» гораздо большую роль, чем это было принято думать.

6

Всё сказанное выше относится к донжуановской линии трагедии «Каменный гость». Но в этой вещи есть, очевидно, и другая линия — линия Командора. Здесь у Пушкина тоже полный разрыв с традицией. У Мольера — Дапонтэ Дон Жуан так не хочет вспоминать о Командоре, что когда Лепорелло просит разрешения что-то сказать, его хозяин отвечает: «Хорошо, если ты не будешь говорить о Командоре».

А пушкинский герой сам почти непрерывно говорит о Командоре.

¹¹ Несмотря на это, тема уязвленной совести возникает в лирике Пушкина в конце 20-х годов: грандиозное «Воспоминание» (1828) и написанная через несколько дней «Грузинская песня» («Не пой, красавица, при мне...»), где «роковой» образ «далекой бедной девы» напоминает бедную Инесу.

¹² Пушкин. Исследования и материалы

Но что всего существеннее, так это то, что и в легенде, и во всех ее литературных обработках статуя является усовещать Жуана, чтобы он раскаялся в грехах. В трагедии Пушкина это бы не имело смысла, потому что Гуан без всякого принуждения сам только что покалялся:

Вас люблю, люблю я добродетель
И в первый раз смиренно перед ней
Дрожащие колена преклоняю.

(VII, 168).

Командор приходит в момент «холодного, мирного» поцелуя, чтобы отнять у Гуана свою жену. Везде у других авторов Командор — ветхий старик, оскорбленный отец. У Пушкина он ревнивый муж («А я слышал, покойник был ревнивец. Он Дону Анну взаперти держал»; VII, 307—308), и ни из чего не следует, что он старик. Гуан говорит:

Не мучьте сердца
Мне, Дона Анна, страстным поминаньем
Супруга —

(VII, 312)

на что Дона Анна возражает: «Так вы ревнивы» (VII, 163).

Мы имеем все основания рассматривать Командора как одно из действующих лиц трагедии «Каменный гость». У него есть биография, характер, он действует. Мы даже знаем его внешность: он «мал был, худощав» (VII, 310). Он женился на не любившей его красавице и сумел своей любовью заслужить ее расположение и благодарность. Из всего этого нет ни слова в донжуановской традиции. С первой минуты мысль о его ревности приходит в голову Дон Гуану (в черновике — даже когда он еще не знает Дону Анну; и тогда-то Лепорелло и говорит о своем господине: «Над гробом мужа... Бессовестный; не сдобровать ему!» (VII, 308, 309).

И пушкинский Командор больше похож на «разгневанного ревнивца» юношеского стихотворения Пушкина «К молодой вдове», где мертвый муж чудится неверной его памяти вдове (и где покойник тоже называется счастливецом, как в «Каменном госте»), чем на загробное виденье, призывающее героя отречься от нечестивой жизни.

Темы загробной ревности касается Пушкин в седьмой главе «Онегина» в связи с могилой Ленского и изменой Ольги:

Смутился ли, певец унылый,
Измены вестью роковой...

(VI, 143).

По крайней мере, из могилы
Не вышла в сей печальный день
Его ревнующая Тень.
И в поздний час, Гимену милый,
Не испугали молодых
Следы явлений гробовых —

(VI, 422)

как бы разочарованно говорит Пушкин и ищет сюжет, где бы разгневанная и ревнующая тень могла явиться. Для этого он изменяет сюжет Дон Гуана и делает Командора не отцом Доны Анны, а ее мужем.

Трогательная невеста-вдова Ксения Годунова, плачущая над портретом мертвого жениха, которого она никогда в жизни не видела, говорит: «я и мертвому буду ему верна» (VII, 42).

Знаменитая отповедь Татьяны:

Но я другому отдана;
Я буду век ему верна —
(VI, 188)

только бледное отражение того, что утверждают Ксения Годунова и Дона Анна («Вдова должна и гробу быть верна»; VII, 164).

Но что всего удивительнее, это то, что в цитированном выше письме к матери Н. Н. Гончаровой от 5 апреля 1830 года Пушкин пишет: «Бог мне свидетель, что я готов умереть за нее; но умереть для того, чтобы оставить ее блестящей вдовой, вольной на другой день выбрать себе нового мужа, — эта мысль для меня — ад». И еще разительнее: «...если она согласится отдать мне свою руку, я увижу в этом лишь доказательство спокойного безразличия ее сердца» (XIV, 76; подлинник по-французски).¹² Ср. в «Каменном госте»:

Нет, мать моя
Велела мне дать руку Дон Альвару —
(VII, 164)

и дальше вся ситуация — как в письме, так и в трагедии.

Итак, в трагедии «Каменный гость» Пушкин карает самого себя — молодого, беспечного и грешного, а тема загробной ревности (т. е. боязни ее) звучит так же громко, как и тема возмездия.

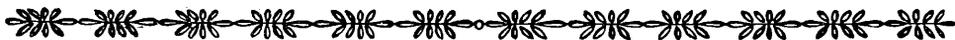
Так, внимательный анализ «Каменного гостя» приводит нас к твердому убеждению, что за внешне заимствованными именами и положениями мы, в сущности, имеем не просто новую обработку мировой легенды о Дон Жуане, а глубоко личное, самобытное произведение Пушкина, основная черта которого определяется не сюжетом легенды, а собственными лирическими переживаниями Пушкина, неразрывно связанными с его жизненным опытом.

Перед нами — драматическое воплощение внутренней личности Пушкина, художественное обнаружение того, что мучило и увлекало поэта. В отличие от Байрона, который (по оценке Пушкина) «бросил односторонний взгляд на мир и природу человечества, потом отвратился от них и погрузился в самого себя» (XI, 51), Пушкин, исходя из личного опыта, создает законченные и объективные характеры: он не замыкается от мира, а идет к миру.

Вот почему самопризнания в его произведениях так незаметны и обнаружить их можно лишь в результате тщательного анализа. Откликаясь «на каждый звук», Пушкин вобрал в себя опыт всего своего поколения. Это лирическое богатство Пушкина позволило ему избежать той ошибки, которую он заметил в драматургии Байрона, раздавшего «по одной из составных частей» своего характера своим персонажам и, таким образом, раздробившего свое создание «на несколько лиц мелких и незначительных» (XI, 51).

1947.

¹² Напомним, что это письмо Пушкин написал сразу после получения согласия родителей невесты на его брак с Н. Н. Гончаровой, когда эти слова звучали, по крайней мере, неожиданно. Ими Пушкин совершенно точно предсказал свою судьбу: он, действительно, умер из-за Наталии Николаевны и оставил ее молодой, блистательной вдовой, свободной выбирать нового мужа.

Б. С. МЕЙЛАХ

ПУШКИН И ДЕКАБРИСТЫ В ПЕРИОД ПОСЛЕ ПОРАЖЕНИЯ ВОССТАНИЯ 1825 ГОДА

Вопрос об отношениях между Пушкиным и декабристами разработан наиболее обстоятельно в хронологических рамках конца 1810-х—первой половины 1820-х годов, т. е. до восстания на Сенатской площади. Но пристального внимания литературоведов требует и вопрос, который до сих пор не служил предметом специального исследования, — об отношении Пушкина к декабристам и декабристов к Пушкину в период, когда декабристы находились на каторге и в ссылке. Известно, что, наряду с положительными и даже восторженными отзывами, из их среды раздавались и отрицательные суждения о поэте, о позициях, занятых им в годы царствования Николая I. Попыткой разобраться в этом и является настоящая статья. При этом, естественно, придется коснуться и вопроса о месте Пушкина в политической ситуации, сложившейся в годы последекабрьской реакции.

После того как Следственному комитету не удалось выяснить причастность Пушкина к тайному обществу в такой степени, чтобы навсегда обезвредить поэта,¹ перед царем и его приспешниками встал вопрос: как с ним быть?

Возник коварный замысел — использовать Пушкина в интересах самодержавия. В марте 1826 года этот замысел был изложен жандармским полковником И. П. Бибиковым в донесении Бенкендорфу. Бибиков считал, что следует по отношению к вольнолюбивой молодежи применять не одни только меры строгости, а искать другие способы «укрощения»: «...выиграли ли что-нибудь от того, что сослали молодого Пушкина в Крым? — Эти молодые люди, оказавшись в одиночестве в таких пустынях, отлученные, так сказать, от всякого мыслящего общества, лишённые всех надежд на заре жизни, изливают желчь, вызываемую недовольством, в своих сочинениях, наводняют государство массой мятежных стихотворений, которые разносят пламя восстания во все состояния и нападают с опасным и вероломным оружием насмешки на святость религии, — этой узды, необходимой для всех народов, а особенно — для русских (см. «Гаврииладу», сочинение А. Пушкина)». Далее Бибиков предлагал «полюстить тщеславию этих непризнанных мудрецов, — и они изменят свое мнение...».²

¹ Этой теме посвящена моя статья «Пушкин в ходе следствия и суда над декабристами» («Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», 1955, т. XIV, вып. 2, стр. 124—135).

² Б. Л. Модзалевский. Пушкин под тайным надзором. Изд. 3-е, изд. «Атеней», Л., 1925, стр. 17—18.

Так начала осуществляться та линия Николая I и его окружения по отношению к поэту, которая заключалась в стремлении обезоружить Пушкина, обмануть его, заставить его «изменить свое мнение». Только этим можно объяснить, что Николай I вернул Пушкина из ссылки. Аудиенция в Кремлевском дворце была демонстративным актом «милости» царя. Содержание разговора, происходившего между царем и опальным поэтом, осталось неизвестным. Но, по словам современника, Николай I спросил у Пушкина: «Что сделали бы вы, если бы 14-го декабря были в Петербурге?.. — Стал бы в ряды мятежников», — отвечал поэт.³ Хитрый лицемер Николай I сумел, очевидно, произвести на поэта благоприятное впечатление. В виде особой «милости» царь обещал Пушкину, что он сам будет цензором его произведений. Смысл этой «милости» (которая, как оказалось вскоре, еще больше затруднила Пушкину работу) раскрывается в донесении Бенкендорфа Николаю I от 12 июля 1827 года, где о поэте сказано: «если удастся направить его перо и его речи, то это будет выгодно».⁴ Как отметил еще Герцен, император «своею милостью... хотел погубить его <Пушкина> в общественном мнении, а знаками своего расположения — покорить его».⁵

Ситуация, в которой оказался Пушкин после разгрома восстания, была необычайно сложной.

День 14 декабря 1825 года стал историческим рубежом для дальнейших судеб России. «В 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма», — говорил В. И. Ленин.⁶ Воспитательное значение этого исторического события для последующих поколений было огромным. Вместе с тем восстание декабристов способствовало дальнейшей поляризации общественных сил, резкому проявлению действительных позиций тех, кто случайно оказался в русле политического подъема послевоенных лет, кто подделывался под «свободолюбцев» и кто пытался быть в стороне от идейно-политической борьбы. Декабрьская катастрофа отчетливо разделила дворянское общество на два лагеря: людей, тайно сочувствовавших этой первой попытке штурма самодержавия, и явных сторонников старой России, получившей теперь нового самодержца — Николая I, — но не заглушила истинного свободолюбия лучших представителей дворянского общества.

«Первые годы, следовавшие за 1825-м, — писал Герцен, — были ужасны... Людями овладело глубокое отчаяние и всеобщее уныние. Высшее общество с подлым и низким рвением спешило отречься от всех человеческих чувств, от всех гуманных мыслей».⁷ Гончаров об этом же времени говорил: «...тогдашние либералы, вследствие крутых мер правительства, приникли, притихли, быстро превратились в ультра-консерваторов...».⁸ Всегда консервативно настроенный, но не любивший резкостей, Жуковский впадал буквально в ярость, рассуждая о декабристах. В письме к А. И. Тургеневу от 16 декабря 1825 года он называл их «шайкой разбойников», «изменниками».⁹ Карамзин со злорадством писал И. И. Дмитриеву (19 декабря 1825 года): «Первые два выстрела рассеяли безумцев

³ Из записок барона М. А. Корфа. «Русская старина», 1900, т. 101, март, стр. 574.

⁴ Старина и новизна, кн. VI, СПб., 1903, стр. 6.

⁵ А. И. Герцен, Собрание сочинений в тридцати томах, т. VII, Изд. Академии наук СССР, М., 1956, стр. 206.

⁶ В. И. Ленин, Сочинения, т. 23, стр. 234.

⁷ А. И. Герцен, Собрание сочинений, т. VII, стр. 214.

⁸ И. А. Гончаров, Собрание сочинений, т. VII, Гослитиздат, М., 1954, стр. 247.

⁹ Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895, стр. 209, 210.

с „Полярною звездой“, Бестужевым, Рылеевым и достойными их клеветами».¹⁰ Жуковский всеми силами стремился уговорить Пушкина капитулировать: его письма к Пушкину полны упреков и выговоров за вольнодумство и призывов к смирению. Карамзин уговаривал Вяземского даже в разговорах «не вступаться... за несчастных преступников», ибо они виновны, как он писал, «по всемирному и вечному правосудию».¹¹

Все факты биографии Пушкина, которыми мы теперь располагаем, опровергают утверждения вульгарных социологов о том, что он после неудачи декабрьского восстания отказался от своих взглядов, поправел. Пушкин и после 14 декабря остался верным заветам своих друзей-декабристов, хотя многое предстало для него в новом свете, проявило свой ранее скрытый смысл. Известно, как бережно он хранил письма декабристов. Всего лишь за месяц до восстания Пушкин читал обращенные к нему слова Рылеева: «На тебя устремлены глаза России... Будь поэт и гражданин».¹² Теперь, после 14 декабря, эти слова звучали наказом друга, а после казни Рылеева приобрели значение завещания.

Пушкин благодаря своим позициям и в силу сложившихся обстоятельств оказался в центре движения передовой России после декабря. Говоря об этих обстоятельствах, следует иметь в виду и те факты, которые выдвигали имя Пушкина как символ свободолюбия и протеста еще в период следствия над декабристами, даже независимо от его воли.

Вскоре после восстания декабристов, 30 декабря 1825 года, вышел сборник стихотворений Пушкина. Выход этого сборника стал настоящим политическим событием. В ряде изданий неоднократно помещались объявления о продаже «Стихотворений Александра Пушкина». Такие сообщения были напечатаны несколько раз в «Московских ведомостях», в «Московском телеграфе». Сообщая о выходе в свет книжки, автор заметки писал, что он пока откладывает «наслаждение разобрань подробно это драгоценное собрание».¹³ Выход стихотворений Пушкина в эти тревожные дни становится фактом политической борьбы. В то время как реакционеры ругают Пушкина (как например Д. И. Хвостов, писавший, что в этих стихотворениях Пушкина «шутки часто плоски или подлы»),¹⁴ в это же время молодая Россия зачитывается стихами Пушкина и раскупает их нарасхват.

12 января 1826 года А. Я. Булгаков писал к Е. Я. Булгаковой в Петербург: «Здесь раскупили все экземпляры стихотворений Александра Пушкина. Пришли мне экземпляр; хочется посмотреть, что это за хваленые стихи».¹⁵

Характерная деталь. Эпиграф к этому сборнику стихов Пушкина гласил: «Aetas prima canat veneres, extrema — tumultus» («Первая молодость воспевает любовь, более поздняя — смятения»).

В дни следствия над декабристами этот эпиграф звучал исключительно остро. Когда в январе Карамзин прочитал в принесенном ему Плетневым сборнике стихов Пушкина этот эпиграф, он увидел в слове «смятения»

¹⁰ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, стр. 411.

¹¹ Письма Н. М. Карамзина к князю П. А. Вяземскому. 1810—1826. СПб., 1897, стр. 171.

¹² Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XIII, Изд. Академии наук СССР, 1937, стр. 241. В дальнейшем ссылки на это издание (тт. I—XVI, 1937—1949) даются в тексте сокращенно: том, страница.

¹³ «Московский телеграф», 1826, ч. VII, отд. I, стр. 102—103.

¹⁴ Литературный архив, т. I. Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1938, стр. 271.

¹⁵ «Русский архив», 1901, кн. II, стр. 343—344.

намек на современные политические события — восстание декабристов — и воскликнул: «Что вы это сделали! Зачем губит себя молодой человек!». Плетнев пытался успокоить Карамзина тем, что под словом «смятения» поэт подразумевал не политические, а душевные смятения.¹⁶

Имеются и другие свидетельства о том, какое значение получил этот сборник в то время. Декабрист А. С. Гангеблов, сидя на гауптвахте, с большим наслаждением читал помещенные в сборнике стихотворения.¹⁷ Грибоедов, находившийся под арестом в Главном штабе по делу декабристов, в одном из писем просил прислать ему «Пушкина стихотворения на одни сутки». ¹⁸ В январе Баратынский и Вяземский читали вместе этот сборник Пушкина и, по свидетельству Баратынского, проглотили всю книгу в один присест (Пушкин, XIII, 254).

Передовая Россия и после крушения декабризма видела в Пушкине своего поэта. Об этом говорит и восторженный прием, который был оказан ему в Москве после возвращения из ссылки. Н. В. Путята вспоминает о посещении Пушкиным Большого театра 12 сентября 1826 года: «Когда Пушкин, только что возвратившийся из деревни, где жил в изгнании... вошел в партер, мгновенно пронесся по всему театру говор, повторявший его имя: все взоры, всё внимание обратились на него. У разезда толпились около него...». ¹⁹ «Прием от Москвы Пушкину, — вспоминал С. П. Шевырев, — одна из замечательнейших страниц его биографии». ²⁰

Поэтесса Е. П. Ростопчина так описывала появление Пушкина на гулянье под Новинском («Две встречи»):

Вдруг всё стеснилось, и с волненьем,
Одним стремительным движеньем
Толпа рванулася вперед...
И мне сказали: «Он идет!
Он, наш поэт, он, наша слава,
Любимец общий!..» Величавый
В своей особе небольшой, —
Но смелый, ловкий и живой,
Прошел он быстро предо мной...²¹

Весть о возвращении Пушкина из ссылки, о том, что он уцелел после разгрома декабристского восстания, вызывала радость самых разнообразных слоев общества, так или иначе оставшихся в оппозиции к самодержавию. Дельвиг писал Пушкину из Петербурга, что у него даже «люди», т. е. дворовые, услышав новость о Пушкине, прыгали от радости (Пушкин, XIII, 295).

Писатель В. В. Измайлов писал Пушкину из подмосковной деревни 29 сентября 1826 года: «Завидую Москве. Она короновала императора, теперь коронует поэта... Извините: я забываюсь. Пушкин достоин триумфов Петрарки и Тасса, но москвитяне не римляне, и Кремль не Капитолий» (Пушкин, XIII, 297).

Большим событием для культурной и общественно-политической жизни Москвы было чтение Пушкиным своих произведений у Веневитиновых 12 октября. Пушкин читал на этом собрании свои песни о Стеньке

¹⁶ То же, 1870, № 7, стб. 1366.

¹⁷ А. С. Гангеблов. Воспоминания декабриста. М., 1888, стр. 83.

¹⁸ Письмо А. С. Грибоедова к Ф. В. Булгарину (датируется между 18 февраля и 6 марта 1826 года). «Русская старина», 1874, т. 10, июнь, стр. 283.

¹⁹ «Русский архив», 1899, кн. II, № 6, стр. 350.

²⁰ «Москвитянин», 1841, ч. I, стр. 522.

²¹ Е. П. Ростопчина, Сочинения, СПб., 1890, стр. 50—51.

Разине и трагедию «Борис Годунов». О впечатлении, которое произвело чтение трагедии и сама личность автора, М. П. Погодин в своем дневнике писал:

«Представьте себе обаяние его имени, живость впечатления от его первых поэм, только что напечатанных, Руслана и Людмилы, Кавказского пленника, Бакчисарайского фонтана и в особенности мелких стихотворений, каковы: Празднество Вакха, Деревня, к Домовому, К морю, которые привели в восторг всю читающую публику, особенно молодежь, молодежь нашу, архивную, университетскую. Пушкин представлялся нам каким-то гением, ниспосланным оживить русскую словесность. . .

«Он обещал прочесть всему нашему кругу Бориса Годунова. Можно себе представить, с каким нетерпением мы ожидали назначенного дня. Наконец, наступило, после разных превратностей, это вожделенное число. Октября 12, поутру, спозаранку мы собрались все к Веневитинову. . . и с трепещущим сердцем ожидали Пушкина. В 12 часов он является.

«Какое действие произвело на всех нас это чтение, передать невозможно. До сих пор еще, а этому прошло почти 40 лет, кровь приходит в движение при одном воспоминании. . .

«Первые явления выслушаны тихо и спокойно или, лучше сказать, в каком-то недоумении. Но чем дальше, тем ощущения усиливались. . .

«Кончилось чтение. Мы смотрели друг на друга долго и потом бросились к Пушкину. Начались объятия, поднялся шум, раздался смех, полились слезы, поздравления. . .

«О, какое удивительное то было утро, оставившее следы на всю жизнь. Не помню, как мы разошлись, как dokonчили день, как улеглись спать. Да едва ли кто и спал из нас в эту ночь. Так был потрясен весь наш организм».²²

Политические стихи Пушкина «Вольность», «Деревня» и другие продолжали ходить по рукам. Об этом свидетельствуют и следующие слова директора канцелярии III Отделения фон Фока в составленном им всеподданнейшем отчете шефа жандармов Бенкендорфа: «Кумиром партий, пропитанных либеральными идеями, мечтающих о революции и верящих в возможность конституционного правления в России, является Пушкин, революционные стихи которого, как «Кинжал», «Ода на вольность» и т. д. и т. д., переписываются и раздаются направо и налево».²³

В 1827 году жандармский генерал-майор А. А. Волков доносил Бенкендорфу: «. . . редкий студент Московского университета не имеет сейчас противных правительству стихов писака Пушкина».²⁴ На распространность пушкинских стихов в Харьковском университете жаловался в том же году ректор университета Кронеберг. Тогда же Бенкендорф, выполняя распоряжение Николая I, организовал полицейское обследование этих университетов, откуда, по его словам, «распространяются по стране запрещенные стихи Рыльева и Пушкина».²⁵

К этому следует добавить, что именем Пушкина подписывались политические стихи, ему не принадлежавшие. Распространялись его стихи, не относившиеся к декабрьскому восстанию, но путем переделок приносившие к этому событию. Таковы строфы из «Андрея Шенье» с надписью

²² «Русский архив», 1865, стб. 96—97, 98, 99.

²³ Центральный государственный исторический архив; ср.: «Красный архив», 1930, т. 1 (38), стр. 141—142.

²⁴ Декабристы и их время. Материалы и сообщения, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1951, стр. 231.

²⁵ Там же, стр. 232.

«на 14 декабря», вызвавшие судебный процесс лиц, эти стихи распространявших, — штаб-капитана лейб-гвардии конно-егерского полка Алексеева, прапорщика конно-пионерного эскадрона Молчанова и «русского учителя» Леопольдова. С новым переосмыслением распространялись и стихи Пушкина «Свободы сеятель пустынный...» Стихи юнкера Зубова, арестованного в Москве в ноябре 1826 года, написаны с использованием отдельных строк пушкинских стихотворений «Деревня» и «К Чаадаеву»:

Взойдет ли, наконец, друзья,
Среди небес родного края
Давно желанная заря —
Заря свободы золотая?
Придет ли сей великий день,
Когда для русского народа
Исчезнет деспотизма тень,
И встанет гордая свобода?

Дальше выражена уверенность в том, что этот день придет:

И месть за месть, и кровь за кровь,
И все мучительные казни,
И не спасешься ты, тиран...²⁶

Всё это говорит о том, что передовое русское общество продолжало видеть в Пушкине вольнолюбивого поэта, выразителя передового общественного мнения.

Имя Пушкина как певца свободы мелькало то в одном, то в другом следственном деле людей, считавших себя продолжателями декабристов. Раскрытый московской полицией в 1827 году тайный политический кружок братьев Критских сначала проектировал было избрать Пушкина своим председателем. Петр Критский показал, что любовь к свободе и ненависть к деспотизму были возбуждены в нем чтением стихов Пушкина и Рылеева. В 1829 году в Шлиссельбургскую крепость был заключен 16-летний граф Ефимовский. Он придумал для себя герб с изображением на нем всевидящего ока, сломанного скипетра, меча и с надписью на щите: «На обломках самовластья напишем имена свои» — несколько измененные строки из стихотворения Пушкина «К Чаадаеву». Все эти и другие подобного рода факты, которые можно умножить, раскрывают для нас смысл слов, сказанных Герценом о значении Пушкина после 14 декабря: «Только звонкая и широкая песнь Пушкина раздавалась в долинах рабства и мучений; эта песнь продолжала эпоху прошлую, полнила своими мужественными звуками настоящее и посылала свой голос в далекое будущее».²⁷

Пушкин умел находить легальные формы для того, чтобы выразить свое отношение к декабризму, формы иносказаний и намеков. Стихотворение «Пророк» (1826) продолжало декабристскую традицию в понимании высокой роли поэта — провидца и учителя, призванного глаголом жечь сердца людей. Оно должно было восприниматься не только как литературная, но и как политическая декларация Пушкина. Написанное вскоре после приговора над декабристами, оно явилось как бы откликом на тайные мысли многих современников о Пушкине, о его роли в новых исторических условиях.

О том, что Пушкин не «поправел», а в своем развитии шел вперед, свидетельствует прежде всего его творчество в целом, выдвижение в его

²⁶ «Красный архив», 1926, т. 3 (16), стр. 194.

²⁷ А. И. Герцен, Собрание сочинений, т. VII, стр. 214—215.

произведениях острейших вопросов современности. Но царское правительство было заинтересовано в том, чтобы представить Пушкина капитулировавшим, раскаявшимся. Тем самым дискредитировалось его имя в глазах всей передовой России. Вот почему слухи о том, что Пушкин в восторге от милости царя, очарован им, предан ему, так охотно сообщались агентами III Отделения Бенкендорфу с самыми нелепыми подробностями (хотя одновременно туда же поступали и иные сведения, о том, что вольнолюбивый Пушкин продолжает быть «кумиром» молодого поколения).

Однако Николай I своим лицемерным поведением мнимого «реформатора» и «отца отечества» (как назвал его обманутый декабрист Каховский в письме из крепости) смог всё же внушить Пушкину иллюзии (хотя и кратковременные) о своих намерениях. В результате появились «Стансы», стихи, столь повредившие поэту в общественном мнении.

Не зная, разумеется, о действительных планах Николая I и Бенкендорфа, Пушкин готов был, по его собственному выражению, «уславиться» с правительством. Он видел, что с устранением декабристов с политической арены исчезла та общественная сила, на которую он рассчитывал и которой помогал словом поэта. Тяжело переживая поражение восстания, глубоко скорбя о судьбе «друзей, братьев, товарищей», он понимал, что самодержавие надолго победило вследствие «силы вещей». Соглашаясь на «договор» с царем, Пушкин, однако, не отказывался от своих убеждений. В письме его к Жуковскому от 7 марта 1826 года, предназначенном для демонстрации царю, знаменательна сама постановка Пушкиным вопроса о себе и царском правительстве как о двух договаривающихся сторонах. В этой постановке вопроса сказались свойственные мировоззрению Пушкина противоречия, элементы социального утопизма, но в то же время непокоренное достоинство и мужество поэта.

В годы жестокой реакции и расправы с передовыми силами Пушкин не видел иных путей, кроме воздействия словом писателя на общественное мнение. Вместе с тем он пытался было склонить Николая I на путь реформ. Подобного рода попытки русских писателей и общественных деятелей влиять на царей были известны в прошлом, особенно в первые годы александровского царствования, когда царю представлялись проекты различных политических реформ. Эти попытки отражали слабые стороны дворянской оппозиционности и были практически безрезультатны. Теперь Пушкин, обманутый лицемерно обнадеживающим отношением царя, решил повлиять на него в таком же направлении. Ходившие в то время слухи о задуманных правительством реформах убеждали поэта в правильности занятых им позиций. О предстоящих преобразованиях Николай I говорил Пушкину во время свидания с ним.

Пройдя через мучительные колебания и решившись на своеобразный политический компромисс, Пушкин вначале верил в возможность сохранения независимости своих взглядов. Впервые он выступил в новой роли в записке «О народном воспитании», написанной им в ноябре 1826 года по предложению Николая I. В этой записке восстание декабристов представлялось как «несчастное происшествие» и делались предложения о реформах в области воспитания и образования. Несмотря на крайнюю осторожность, проявленную Пушкиным, записка была отвергнута Николаем I. В заключении, переданном Пушкину Бенкендорфом, прямо говорилось о том, что принятое им «правило, будто бы просвещение и гений служат исключительным основанием совершенству», завлекло самого поэта «на край пропасти» и поглотило в нее «тоlikое число молодых людей», т. е.

декабристов (Пушкин, XIII, 315). Таким образом, общее направление пушкинской записки было истолковано как декабристское по своей сути.

Вторая попытка Пушкина воздействовать на царя нашла выражение в стихотворении «Стансы» («В надежде славы и добра...»), в котором великая преобразовательная деятельность Петра I ставилась в пример Николаю I.²⁸ На замысел стихотворения, как уже указывалось в биографиях Пушкина, имели влияние распространившиеся известия об учреждении секретного комитета для проведения некоторых важных правительственных мероприятий в области политики и просвещения. В конце «Стансов» указывалось, что новый царь, подобно Петру, должен быть «памятью незлобен» (намек на необходимость смягчения участи осужденных декабристов).

Письма из крепости, которые писали Николаю I декабристы, призывавшие его к реформаторской деятельности, и «Стансы» Пушкина основаны на одном и том же антиисторическом по своему существу пониманию роли личности в истории. Согласно этому, глубоко ошибочному пониманию, личность, обладающая законодательной властью, может произвести, если пожелает, коренные изменения существующих порядков по «доброй воле». Корни этого в тех отступлениях к либерализму, которые порою были свойственны дворянской революционности. Из такого понимания роли личности в истории логически вытекала идея о необходимости влиять на царя, чтобы склонить его к переменам. Манифест Николая I от 13 июля 1826 года содержал в своей «программной» части демагогические строки о «постепенном усовершеннии» и о том, что «всякое скромное желание к лучшему, всякая мысль к утверждению силы законов, к расширению истинного просвещения и промышленности, достигая к нам путем законным, для всех отверзтым, всегда будут приняты нами с благоволением...».²⁹

Но «Стансы», не оправдав надежд поэта, в то же время вызвали среди различных кругов русского общества разговоры о «лести» Пушкина царю, об отходе поэта от своих идеалов. На эту тему распространилась клеветническая эпиграмма. Ответом на обвинения в лести явилось стихотворение «Друзьям» («Нет, я не льстец, когда царю...»), написанное Пушкиным также и с учетом ответа царя на записку «О народном воспитании». В последних строках этого стихотворения упреки «друзей» опровергались указанием на обстоятельства, при которых поэта можно было бы назвать льстецом: это были бы призывы к «презрению народа», к подавлению просвещения³⁰ и ограничению «милости». Написание «Стансов» мотивировалось тем, что

Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.

²⁸ Вследствие лицемерного поведения Николая I, возможность появления в его лице «нового Петра Великого» вначале видели и некоторые декабристы. Например, А. А. Бестужев писал Николаю I из крепости: «Я уверен, что небо даровало в Вас другого Петра Великого» (Из писем и показаний декабристов... Под редакцией А. К. Бороздина, СПб., 1906, стр. 44).

²⁹ «Северная пчела», 1826, № 85, 17 июля, стр. 2.

³⁰ В стихотворении «Друзьям» в уста «льстеца» вложены слова:

...просвещенья плод —
Разврат и некий дух мятежный!

Именно таков смысл назиданий, которые Бенкендорф от имени царя передал Пушкину в ответ на его записку «О народном воспитании».

Здесь подразумевались внешнеполитические акции России в начале царствования Николая (Аккерманская конвенция 1826 года и успешная война с Персией), а также некоторые действия царя внутри страны (например, отставка Аракчеева, указ о составлении свода законов и т. д.). Попытка Пушкина «договориться» с Николаем I была ошибочной. Иллюзии поэта, отразившиеся и в «Стансах», и в стихотворении «Друзьям», вскоре рассеялись.

Одним из свидетельств этого является стихотворение 1830 года «Герой», написанное в связи с приездом Николая I в Москву во время холерной эпидемии. Поэт воспекает Наполеона, посетившего во время египетского похода госпиталь больных чумой. «Друг» поэта прерывает его репликой о несоответствии мечты и исторической правды:

Мечты поэта —
Историк строгий гонит вас!

«Поэт», не опровергая сомнений «друга», защищает право на возвышающий обман:

Оставь герою сердце! Что же
Он будет без него? Тиран...

Несмотря на то, что Пушкин осторожно ссылается в стихотворении на мемуары Бурьенна, опровергавшие эту легенду о Наполеоне,³¹ замысел «Героя» для нас ясен. В образе «поэта» отразились мысли и настроения самого Пушкина, еще недавно приветствовавшего царя в несуществившейся «надежде славы и добра». В «Стансах» поэт мечтал о том, что Николай I может быть сходным с «вечным работником» на троне — Петром I. А в дневнике 1834 года, который Пушкин писал как «историк строгий», былые иллюзии поэта опровергаются иронической формулировкой: «В нем много от прапорщика и немного от Петра Великого» (XII, 330, 487).

Итак, позиция Пушкина второй половины 20-х годов по отношению к царю была неправильно понята некоторыми из современников. Будучи связанным обязательством «не противоречить своими мнениями» «общепринятому порядку», Пушкин остался, однако, одним из немногих людей России, сохранивших в годы свирепого последекабрьского террора верность идеалам политической свободы.

Пытаясь повлиять на судьбу политического развития России в рамках легальности, Пушкин не переставал ощущать идейную связь с декабристами. Послание «В Сибирь» (1827) явилось своего рода символической переключкой между ссыльными декабристами и лучшими людьми России, оставшимися верными передовым идеям 20-х годов. Оно распространилось в России в большом количестве копий, причем копии эти имеют различные названия и среди них такие: «К страдальцам 1826 года», «В Сибирь, посланным после 14 декабря», «Послание к друзьям», «Послание в Петровский завод» и т. д.

Читатели позднейших поколений настолько привыкли к тексту стихотворения Пушкина «В Сибирь» еще с детских лет, что не всегда могли представлять огромное значение, которое оно имело в страшные годы после разгрома декабрьского восстания. В литературоведении были трактовки этого стихотворения как весьма умеренного по своему политическому содержанию. Так, например, в комментариях, помещенных в полном

³¹ Впоследствии эти мемуары признаны были поддельными.

собрании сочинений Пушкина под редакцией С. А. Венгерова, мы читаем о послании «В Сибирь»: «Стихи Пушкина, призывающие к терпению и надежде, заставили их <декабристов> вспомнить о мечтах, и от собственных мечей они продолжали ждать свободы вернее, чем от любви и дружества. Поэт обещает декабристам только амнистию и восстановление в правах, а не осуществление их заветного политического идеала, и в крепком рукопожатии, которым простился Пушкин с женою декабриста <А. Г. Муравьевой>, проявилось не сочувствие этому идеалу, а только сожаление горькой участи дорогих и близких людей».³²

Подобное мнение было распространено в литературоведении не только дооктябрьском, но встречалось и в более поздних работах о Пушкине.

Каковы основные идеи этого произведения?

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд³³
И дум высокое стремленье.

В этой строфе декабристы, действительно, призываются к терпению. Однако слово «терпенье» здесь употреблено не в смысле примирения с существующим положением вещей, не в смысле смирения. Пушкин говорит о *гордом* терпении, подразумевая при этом стойкость, мужество, сопротивление.

Именно в этом смысле говорится о терпении и в другом стихотворении 1828 года — «Предчувствие» (написанном в связи с привлечением Пушкина к секретному следствию по делу о поэме «Гавриилиада»):

Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

Именно «терпенье» в смысле стойкости и подразумевает Пушкин в первой строфе стихотворения «В Сибирь», где он говорит о том, что «скорбный труд» и «дум высокое стремленье» декабристов не пропадут, что их идеалы станут действительностью.

В дальнейших строфах выражена горячая надежда на то, что дело декабристов в конце концов победит:

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

³² Пушкин, т. IV, СПб., 1910, стр. XXIII (примечания).

³³ Здесь и в дальнейшем курсив мой, — Б. М.

Здесь выражены те же идеи, те же надежды, что и в стихотворении «К Чаадаеву» («Любви, надежды, тихой славы...»). Речь идет вовсе не об амнистии, не о помиловании, а о том, что «темницы рухнут» и борцы обретут вновь свое оружие («меч»).

Отсюда следует и другой вывод: ответ декабристов Пушкину, написанный Александром Одоевским, является непосредственным развитием идей пушкинского послания:

Струн вещей пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели.

Но будь покоен, бард: цепями,
Своей судьбой гордимся мы
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.

Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя —
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.

Мечи скуем мы из цепей
И вновь зажжем огонь свободы,
Она нагрянет на царей —
И радостно вздохнут народы.³⁴

Словам Пушкина: «Не пропадет ваш скорбный труд» непосредственно соответствуют слова Одоевского: «Наш скорбный труд не пропадет». Призыву Пушкина: «Храните гордое терпенье» соответствуют строки Одоевского:

Но будь покоен, бард: цепями,
Своей судьбой гордимся мы...

Словам Одоевского: «К мечам рванулись наши руки» соответствуют слова Пушкина: «братья меч вам отдадут».

Послание Пушкина нельзя рассматривать только как выражение его личного отношения к декабристам. Оно, несомненно, явилось отражением настроений оппозиционных слоев передового русского общества.

Несмотря на жестокий террор, передовые русские люди продолжали бороться, продолжали протестовать, продолжали демонстрировать свое сочувствие декабристам. Борьба принимала разнообразные формы. Немалое распространение получили размножавшиеся в рукописных копиях листовки, клеймившие Николая I — палача декабристов, призывавшие к мести, к расправе с деспотом (таковы листовки, рассылавшиеся штабс-капитаном Ситниковым по разным городам России, прокламации, имевшие хождение в Туле, в Тамбовской губернии, на берегах Волги, такова ода-прокламация «Свобода», которая разбрасывалась в копиях во Владимирской губернии). Большое воздействие оказывала и та своеобразная агитация, которая именовалась тогда «слухами», а в действительности представляла собой широко распространенные сочувственные (хотя и не всегда достоверные) рассказы о восстании декабристов, о следствии и суде над ними, об их пребывании на каторге и в ссылке. Даже те «слухи», которые сохранились в неполных,

³⁴ Поэзия декабристов. Изд. «Советский писатель», Л., 1950, стр. 353.

отрывочных записях современников, свидетельствуют не только об их антиправительственной направленности, но и о большой степени осведомленности населения (в том числе солдат) об основных целях декабристов, о ходе следствия и суда над ними, о мучительной казни пятерых вождей движения. Сочувствие декабристам иногда принимало и публичный характер. Во время церемонии разжалования осужденных моряков в Кронштадте, нашлись офицеры, пожимавшие им руки и приветствовавшие их. Это сочувствие выразилось и в том приеме, который оказывало население осужденным во время их перехода в Сибирь. Из мемуарной литературы мы знаем, что дело иногда доходило до прямых стычек между теми, кто сочувствовал декабристам, и теми, кто радовался их осуждению. Большое агитационно-пропагандистское значение имело распространение портретов декабристов. В связи с этим III Отделение дало указание, чтобы портреты декабристов и их жен изымались. В одном из полицейских донесений утверждается, что портреты жен декабристов почитались как иконы и на них молились. Вокруг жен декабристов группировались люди, враждебные самодержавию. Так, в полицейском доносе, написанном вскоре после казни вождей восстания, говорится: «Между дамами две самые непримиримые и всегда готовые разрывать на части правительство — княгиня Волконская и генеральша Коновницына. Их частные кружки служат средоточием для всех недовольных, и нет брани злее той, какую они извергают на правительство и его слуг».³⁵ Большое пропагандистское значение имели письма декабристов, которые распространялись в копиях. Распространению писем вначале содействовала надпись на конвертах: «От государственного преступника». Но и после того как III Отделение, догадавшись, что эта надпись только лишь способствует распространению писем декабристов, дало указание этих надписей не делать, всё же распространение писем продолжалось. Пути распространения были очень сложными, но несомненно, что одним из источников, откуда распространители писем их получали, были родственники самих декабристов.

Имелись факты и прямой мести за декабристов. Так, не лишено интереса, что полицейский агент А. К. Бошняк (тот самый, который в 1826 году приезжал в Михайловское для того, чтобы арестовать Пушкина, если бы удалось найти мотивы для этого) в 1831 году был застрелен во время одной из своих поездок.

Николай I полагал, что, повесив вождей восстания и загнав остальных участников восстания на каторгу и в ссылку, он заставит русское общество забыть о них. Однако оставшиеся в живых декабристы продолжали оказывать революционизирующее влияние на русское общество. Только вследствие полного пренебрежения к фактам М. Н. Покровский и его последователи смогли утверждать, что декабристы после декабрьской катастрофы «сожгли свои корабли» и полностью капитулировали. На самом же деле, хотя среди декабристов произошло известное расслоение, хотя среди них в ходе следствия обнаружались люди деморализованные и малодушные, и даже прямые ренегаты, тем не менее в основной своей массе они остались верными вольнолюбивым идеалам. Многие декабристы не только сохранили свои революционные убеждения в годы ссылки и каторги, но зачастую делали в тех или иных формах попытки оказывать сопротивление.

Наиболее яркой попыткой такого рода является замысел открытого восстания, который принадлежал И. И. Сухинову, декабристу, пригово-

³⁵ «Русская старина», 1881, т. XXXII, сентябрь, стр. 191.

ренному к смертной казни, замененной затем вечной каторгой. Пройдя пешком по этапу восемнадцать месяцев на каторгу — в Зерентуйский рудник, он вскоре же стал организатором заговора. По плану Сухинова заключенные должны были захватить оружие, сжечь каторжный поселок и освободить декабристов всего Нерчинского округа. Это восстание провалилось потому, что один из каторжан (кстати, не политический, а уголовный) выдал заговор (за это он был убит заговорщиками). Суд приговорил Сухинова к смертной казни, как и некоторых его сообщников. Однако, не желая погибнуть от руки палача, он накануне казни повесился на кандалном ремне.

Есть и другие факты, которые говорят о попытках бегства декабристов из тюрем и в одиночку и группами, причем зачастую эти попытки замышлялись заключенными не только для спасения жизни, а преследовали и политические цели. Так, М. С. Лунин стремился бежать для того, чтобы «огласить правду о нашем деле и о настоящем положении России».³⁶

Консервативные историографы декабризма, а также и позднейшие историки вульгарно-социологического направления с особой внимательностью регистрировали факты отступничества в среде декабристов на каторге и в ссылке, проявления душевного надлома, скептицизма. Такие факты в действительности имели место. Дворянская революционность зачастую обнаруживала свою слабость и в поведении отдельных ее представителей, — особенно в сравнении с позднейшим поколением пролетарских революционеров, непоколебимость которых поддерживалась народным характером движения. Но внимательный пересмотр документов, мемуаров, литературных произведений декабристов периода каторги и ссылки убеждает, что в массе декабристы остались верны своим идеалам (надо только учитывать, что и до 1825 года эти идеалы не были у всех одинаковыми). Доказательства этому многочисленны. Здесь не только такие единственные в своем роде факты, как агитационная деятельность декабриста М. С. Лунина, который в форме писем к сестре создал блестящие публицистические произведения, обличающие политику Николая I и распространившиеся в копиях по России. Свидетельством верности декабристов своему прошлому является священная память о дне 14 декабря, который отмечался заключенными. Об этом же свидетельствует и существование так называемой «каторжной Академии» — своеобразного дискуссионного клуба декабристов в Сибири. Но особенно важна как источник для суждений об идеологии декабристов после декабря поэзия каторги и ссылки.

Оставшиеся в живых писатели-декабристы не прекратили своей литературной деятельности. В. Ф. Раевский, В. Кюхельбекер, А. Бестужев написали в заключении яркие и сильные произведения, прославлявшие идеи свободы, любовь к отчизне, стихотворцами стали и декабристы, ранее не занимавшиеся литературой.

Пережить нельзя мысли горестной,
Что не мог купить кровью вольности —

говорилось в песне, сочиненной Михаилом Бестужевым³⁷ и распевавшейся узниками Петровского острога. Александр Одоевский, в период следствия впавший в покаянные настроения, стал в годы каторги крупнейшим выразителем всего лучшего, что было в декабризме. После того как в совет-

³⁶ Декабристы и их время, т. I. М., 1927, стр. 222; ср. стр. 226.

³⁷ Поэзия декабристов, стр. 651.

ском литературоведении доказано (М. А. Брискманом), что приписанные ранее Одоевскому верноподданнические и покаянные стихотворения на самом деле ему не принадлежат, характеристика его Лермонтовым как поэта, сохранившего «веру гордую в людей и жизнь иную», приобретает точный смысл. Уверенность в конечном торжестве правого дела — один из основных мотивов поэзии Одоевского.

За святую Русь неволя и казни —
Радость и слава, —

эти слова звучали подобно клятве в стихах Одоевского на переход из Читы в Петровский завод — из одной тюрьмы в другую. В его стихах возникает страдальческий образ родины-матери, для которой декабристы принесли себя в жертву и которая стала им еще милее:

В цепях и крови ты дороже сынам,
В сердцах их от скорби любовь возрастет...

Мечта о возмездии тиранам не покидала декабристов и в казематах. Об этом Одоевский говорил в стихотворении «Тризна» словами скальда:

Утешьтесь! За павших ваш меч отомстит.
И где б ни потухнул наш пламенный жизни,
Пусть доблестный дух до могилы кипит,
Как чаша заздравная в память отчины.³⁸

Тема «Декабристы после декабря» еще ждет своей всесторонней разработки. Всё новые и новые материалы, которые появляются в последние годы, говорят о том, что эта тема весьма перспективна. Так, недавно В. С. Шадури опубликовал данные, из которых следует, что ряд ссыльных декабристов пытался захватить в свои руки «Тифлиссские ведомости», газету, которую редактировал П. Санковский, где сотрудничали А. С. Грибоедов, А. А. Бестужев-Марлинский, В. Д. Сухоруков, И. Г. Бурцев, литераторы-декабристы, определявшие прогрессивное направление газеты. Весьма характерно, что эта газета выступала против реакционной журналистики, против Булгарина. В. С. Шадури справедливо заключает:

«Изучение материалов лишний раз убеждает нас в том, что «дух протеста», охвативший передовую общественность России, не был уничтожен с разгромом восстания на Сенатской площади.

«Паскевич недаром писал, что у ссыльных в Грузию декабристов „дух сообщества существует, который по слабости своей не действует, но с помощью связей между собою живет“».³⁹

Мы не можем более подробно останавливаться на теме о декабристах после декабря, ибо это увело бы нас от основной задачи исследования. Но из приведенных фактов можно с полным основанием заключить, что стихотворение Пушкина «В Сибирь» явилось глубоким отражением чувств и переживаний всего передового русского общества. Именно в силу высокой художественной обобщенности оно получило такую популярность среди участников всех поколений русского революционного движения.

Творчество Пушкина не только будило сознание нового поколения лучших людей России, но и поддерживало осужденных декабристов. Пушкин свято хранил память о декабристах. Он использовал все возможные формы для того, чтобы напоминать о них русскому обществу, предпринимал всё для того, чтобы напоминать им о себе.

³⁸ Там же, стр. 419, 364, 355.

³⁹ «Заря Востока», 1950, № 292, 29 декабря.

Декларацией о верности Пушкина освободительным идеалам звучит стихотворение 1827 года «Арион». Как отмечено Т. Г. Цявловской, оно написано в годовщину казни вождей восстания и объявления приговора декабристам. Словами: «Я гимны прежние пою» Пушкин подтверждал свою идейную связь с друзьями, томившимися в «каиторжных норах». Мотивы близости поэта к декабристам, его кровной заинтересованности в их судьбе проходят и в ряде других стихотворений. В послании декабристу И. И. Пущину («Мой первый друг, мой друг бесценный!..») Пушкин вспоминает приезд к нему Пущина в Михайловское в 1825 году. В написанном к лицейской годовщине стихотворении «19 октября 1827» вспоминаются друзья, находившиеся на каторге — «в мрачных пропастях земли». Чутко воспринимались декабристами и всякого рода иносказания и намеки в пушкинских произведениях. О заключительной строфе «Евгения Онегина» с ее полными скорби строками о друзьях («Иных уж нет, а те далече»), о «роке», который так много отъял, — об этой строфе Кюхельбекер заметил в своем дневнике: «Эпилог — лучший из всех эпilogов Пушкина».⁴⁰

Пущин впоследствии писал: «... Пушкин первый встретил меня в Сибири задушевным словом. В самый день моего приезда в Читку <5 января 1828 года> призывает меня к частоколу А. Г. Муравьева и отдает листок бумаги, на котором неизвестной рукой написано было:

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.

Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!»⁴¹

Декабристы следили за всеми произведениями Пушкина, появлявшимися в печати. Пущин свидетельствовал в воспоминаниях: «В... тюрьме я следил с любовью за постепенным литературным развитием Пушкина; мы наслаждались всеми его произведениями, являвшимися в свет...»⁴² (известно, что с 1828 года декабристам было разрешено получение журналов). Петр Бестужев, оценивая в одном из своих писем 1829 года произведения Пушкина, признавался: «Новые произведения любимых поэтов согревали и нас и в व्यюги зимы, и в зной лета, и в пылу битвы». Иносказание достаточно прозрачно.⁴³

Декабристы часто мыслили образами пушкинских стихов, находили в них созвучные настроения. Так, например, А. О. Корнилович в одном из писем 1832 года⁴⁴ свое мироощущение выражает словами Пушкина из стихотворения «К Овидию»:

Суровый славянин, я слез не проливал,
Но понимаю их...

⁴⁰ В. К. Кюхельбекер. Дневник. Изд. «Прибой», Л., 1929, стр. 44.

⁴¹ Декабрист И. И. Пущин. Записки о Пушкине и письма из Сибири. М., 1925, стр. 130.

⁴² Там же, стр. 131.

⁴³ Воспоминания Бестужевых. Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1951, стр. 485.

⁴⁴ См.: А. О. Корнилович. Сочинения и письма. Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1957, стр. 336.

Это же стихотворение, написанное Пушкиным в южной ссылке и выражающее душевные переживания и непреклонность изгнанника, вспоминает и Кюхельбекер. Декабристы были в Сибири пропагандистами творчества Пушкина. Так, например, о популяризации Пушкина Пушнина в Ялуторовске один из современников рассказывает: «Больше других о прошлом говорил И. И. Пушин. Он часто рассказывал о своей дружбе с А. С. Пушкиным, о самом поэте, о литературных собраниях, на которых Александр Сергеевич читал друзьям свои стихи. У Пушина было много собственноручных писем и рукописей Пушкина, которые Иван Иванович и показывал собеседникам».⁴⁵

В стихотворении «19 октября 1836 года», присланном Пушкину тайно, оказией, Кюхельбекер, обращаясь к нему, восклицает:

Чьи резче всех рисуются черты
 Пред взорами моими? — Как перуны
 Сибирских гроз, его золотые струны
 Рокочут... Песнопевец, это ты!
 Твой образ свет мне в море темноты.⁴⁶

Кюхельбекер находил пути для тайной переписки с Пушкиным. Он писал ему из Сибири: «... а вот же Пушкин оказался другом гораздо более дельным, чем все они вместе. Верь, Александр Сергеевич, что умею ценить и чувствовать всё благородство твоего поведения: не хвалю тебя и даже не благодарю, потому что должен был ожидать от тебя всего прекрасного; но клянусь, от всей души радуюсь, что так случилось» (Пушкин, XVI, 85).

Но здесь встает острый вопрос, который необходимо рассмотреть, вопрос о том, почему некоторые из ссыльных декабристов отрицательно отзывались о Пушкине?

Среди этих отзывов наиболее резким является отзыв члена Общества соединенных славян И. И. Горбачевского. Горбачевский утверждал, что будто бы членам Общества Верховной думой было воспрещено даже знакомиться с Пушкиным, когда он был на юге, из-за его «характера», «малодушия» и т. п. Факты дружбы Пушкина с декабристами свидетельствуют о том, что это утверждение — результат какой-то путаницы. Кроме того, как уже отмечено П. Е. Щеголевым, Верховная дума (т. е. главная управа Южного общества) не могла запретить членам Общества соединенных славян знакомство с Пушкиным, так как соединение этого Общества с Южным обществом состоялось только в сентябре 1825 года, а Пушкин уже в августе 1824 года находился не на юге, а в Михайловском.⁴⁷ Важно, однако, другое: каковы были мотивы, послужившие к отрицательным отзывам о Пушкине и насколько они справедливы?

Отрицательную оценку Пушкина Горбачевский дал много лет спустя, в 1861 году. Основана эта оценка главным образом на известном письме Жуковского к С. Л. Пушкину 1837 года. Доказывая, что Пушкину не следовало доверять, Горбачевский пишет: «... теперь я в этом совершенно убежден, — и он сам при смерти это подтвердил, сказавши Жуковскому: „Скажи ему, если бы не это, я был бы весь его“ (подразумеваются мни-

⁴⁵ А. Гуревич. Пушкин и Сибирь. Красноярск, 1952, стр. 30.

⁴⁶ Цитируется по изданию: Пушкин, Акад. изд., т. XVI, 1949, стр. 169.

⁴⁷ П. Е. Щеголев. Декабрист И. И. Горбачевский о Пушкине. В его книге: Из жизни и творчества Пушкина. Изд. 3-е, Гослитиздат, М.—Л., 1931, стр. 293—296.

мые слова Пушкина, которые он якобы просил Жуковского передать царю, — Б. М.). — Что это такое? И это сказал народный поэт, которым именем все аристократы и подлипалы так называют». ⁴⁸

Итак, главным источником суждений Горбачевского о позициях Пушкина служило письмо Жуковского о смерти Пушкина, в котором Жуковский в совершенно ложном свете изобразил отношение Пушкина к Николаю I. Это же письмо произвело гнетущее впечатление даже на такого ближайшего друга Пушкина, каким был Пущин. В письме к Е. А. Энгельгардту от 4 декабря 1837 года Пущин писал: «О Пушкине давно я глубоко погрузился; в „Современнике“ прочел письмо Жуковского; это не помешало мне и теперь не раз вздохнуть о нем, читая «воспоминания» Спасского и Даля». ⁴⁹ Александр Бестужев также писал брату Павлу: «... отчего Пушкин худо умер? Это мне пишут люди с понятием». ⁵⁰ Несомненно, под впечатлением описания Жуковским якобы имевшего место примирения Пушкина с Николаем I написаны и те строки о Пушкине, которые имеются в «Воспоминании о Рылееве» Николая Бестужева. Всем этим отрицательным отзывам о Пушкине способствовало и распространенное еще при его жизни неправильное понимание смысла «Стансов», а также слухи о том, что Николай I оказывал поэту всяческие милости, слухи, которые намеренно поддерживались реакционными кругами и широко распространялись не только в Москве и Петербурге, но, безусловно, доходили и в Сибирь.

Женитьба Пушкина на Гончаровой и его «камер-юнкерство» вызвали у некоторых декабристов серьезную тревогу. И. Пущин писал об этих фактах биографии своего друга: «... и то, и другое как-то худо укладывалось во мне: я не умел представить себе Пушкина семьянином и царедворцем; жена-красавица и придворная служба пугали меня за него». ⁵¹ Сведения о мнимых успехах Пушкина в свете вызвали резкую реакцию у Александра Бестужева, который пытался через разных лиц сообщить поэту о своих опасениях, напомнить ему о гражданском долге: известно, как жадно читались письма декабристов не только их адресатами и какой они получали резонанс. В январе 1831 года Бестужев писал матери: «Он писатель, заблудившийся из XVIII века в наш, и жаль, писатель, который своим даром мог бы...». ⁵² Через два года он же пишет К. А. Полевому: «Я готов, право, схватить Пушкина за ворот, поднять его над толпой и сказать ему: стыдись! Тебе ли, как болонке, спать на солнышке перед окном, на пуховой подушке детского успеха?» ⁵³ Особенно характерно как показатель и горячей любви к Пушкину, и тревоги за него письмо Бестужева к Н. А. Полевому от 9 марта 1833 года: «Давно ли, часто ли вы «видитесь» с Пушкиным? — писал Бестужев. — Мне он очень любопытен; я не сержусь на него именно потому, что его люблю. Скажите, что нет судьбы! Я сломя голову скакал по утесам Кавказа, встретя его повозку: мне сказали, что он у Бориса Чиляева, моего старого однокашника; спешу, приезжаю — где он?.. Сейчас лишь уехал, и, как нарочно, ему дали провожатого по новой окольной дороге, так что он со мной и не встретился!.. Я рвал на себе волосы с досады, — сколько вещей я бы

⁴⁸ Записки декабриста И. И. Горбачевского. Изд. «Задруга», М., 1916, стр. 300.

⁴⁹ Декабрист И. И. Пущин. Записки о Пушкине и письма из Сибири, стр. 173.

⁵⁰ «Отечественные записки», 1860, т. 131, июль, стр. 73.

⁵¹ Декабрист И. И. Пущин. Записки о Пушкине и письма из Сибири, стр. 132.

⁵² «Русский вестник», 1870, т. 87, июнь, стр. 507.

⁵³ То же, 1861, т. 32, апрель, стр. 429.

ему высказал, сколько узнал бы от него, и случай разведал нас, на долгие, может быть на бесконечные годы. Скажите ему от меня: ты надежда Руси — не измени ей, не измени своему веку; не топи в луже таланта своего; не спи на лаврах: у лавров для гения есть свои шипы — шипы вдохновительные, подстрекающие; лавры лишь для одной посредственности мягки как маки».⁵⁴

Совершенно ясно, что подобные представления о позициях Пушкина — результат трагического недоразумения: как раз в то время, когда поэт оказывался во всё более и более тяжелом положении, когда он становился во всё более острые отношения с царем, III Отделением, светским обществом, некоторые из его друзей полагали, что он благополучен и доволен.

И всё же, несмотря на приведенные выше отдельные отрицательные суждения, общее отношение декабристов к Пушкину после декабря было, как мы показали выше, не только положительным, но и восторженным. Тот же Александр Бестужев, который с откровенной резкостью писал в приведенных выше письмах о своих тревогах по поводу позиций Пушкина, отоэвался о нем же в анонимной статье 1833 года: «дерзкий Пушкин, почти ровесник своему веку и вполне родной своему народу».⁵⁵ Опасения, что светские круги, с которыми волей-неволей соприкасался Пушкин, могут оказать на него свое растлевающее влияние, эти опасения были вполне законны. Ведь и сам Пушкин восклицал в лирическом отступлении шестой главы «Евгения Онегина», обращаясь к «младому вдохновенью»:

Не дай остыть душе поэта,
Ожесточиться, очерстветь,
И наконец окаменеть
В мертвящем упоеньи света...

Гибель Пушкина потрясла декабристов: это была потеря незабвенного друга и величайшего национального гения. Как о павшем в сражении герое, писал в сибирской ссылке Кюхельбекер о смерти Пушкина («19 октября»):

Блажен, кто пал, как юноша Ахилл,
Прекрасный, мощный, смелый, величавый.
В середине поприща побед и славы,
Исполненный несокрушимых сил!
Блажен! Лицо его, всегда младое,
Сиянием бессмертия горя,
Блестит, как солнце вечно золотое,
Как первая эдемская заря.⁵⁶

По воспоминаниям Пушина, весть о гибели Пушкина, «поэта-товарища», «электрической искрой сообщилась в тюрьме — во всех кружках только и речи было... об общей нашей потере...».⁵⁷

Пушкин остался в глазах декабристов поэтом-товарищем, славой и гордостью России.

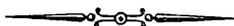
⁵⁴ Там же, стр. 436.

⁵⁵ «Московский телеграф», 1833, ч. 53, № XVII, стр. 101.

⁵⁶ В. К. Кюхельбекер. Лирика и поэмы, т. I. 1939, стр. 178.

⁵⁷ Декабрист И. И. Пушин. Записки о Пушкине и письма из Сибири, стр. 133.

МАТЕРИАЛЫ
И СООБЩЕНИЯ

Э. Э. НАЙДИЧ

ПИСЬМО ПУШКИНА К ГУСТАВУ НОРДИНУ

Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде получила в дар от Королевской библиотеки в Стокгольме фотокопию с принадлежащего ей автографа неопубликованного письма Пушкина к шведскому дипломату Густаву Нордину. О существовании этого письма до сих пор известно не было.¹ Рукопись состоит из двух листов (размером 13.3 × 22.6 см). В библиотеку, где она хранится поныне, рукопись эта поступила в 1897 году, в составе собрания автографов Людвиг Мандерстрёма (Ludwig Manderström, 1806—1873). Л. Мандерстрём в 1838—1839 годах был секретарем посольства Швеции в Петербурге; возможно поэтому, что автограф данного письма Пушкина был им получен непосредственно от его адресата, Густава Нордина. Новое письмо Пушкина представляет значительный интерес, так как оно содержит в себе еще одно и немаловажное свидетельство о том интересе, который вызвали у него в середине 30-х годов публицистические работы Г. Гейне.

Приводим текст письма и его перевод.

Veuillez, Monsieur, recevoir mes très sincères remerciements pour votre aimable contre-bande. Me pardonnerez-vous de vous importuner encore?

Il me seroit bien nécessaire d'avoir l'ouvrage sur l'Allemagne de ce mauvais sujet de Heine.

Oserai-je espérer que vous aurez la bonté de le faire prendre aussi?

Agréé, Monsieur, l'assurance de ma haute considération.

A. Pouchkine

На обороте

Monsieur

Monsieur le Chambellan Nordin

etc. etc.

de la part de Mr Pouchkine.

Перевод

Соблаговолите, милостивый государь, принять мою самую искреннюю благодарность за Вашу любезную контрабанду. Простите ли Вы мне, если я еще Вас затрудню?

Мне было бы весьма необходимо иметь книгу о Германии этого по-весы Гейне.

Смею ли я надеяться, что Вы будете так добры, что достанете также и ее?

Примите, милостивый государь, уверение в моем высоком уважении.

A. Пушкин

На обороте

Милостивому государю

Господину камергеру Нордину и пр. от г-на Пушкина.

¹ Предварительное сообщение о новонайденном автографе было опубликовано нами в заметке «Неизвестное письмо Пушкина» («Огонек», 1956, № 43, стр. 17).

Шведский дипломат Густав Нордин (Gustav af Nordin), которому адресовано публикуемое письмо, был ровесником Пушкина — родился в 1799 году (умер в 1867 году), сыном видного ученого-историка и политического деятеля Карла Густава аф Нордина. В 30-х годах прошлого века Нордин состоял секретарем шведско-норвежского посольства в России.

Veuillez, Monsieur, recevoir
 mes très vives recom-
 mandations pour votre
 amabilité contre bande.
 Me pardonnez vous de
 vous importuner ainsi?
 Il me serait bien agréable
 si vous l'avez sur
 l'Allemagne de ce pays
 vous sçait de Heine.

1897

Письмо А. С. Пушкина к Г. Нордину. 1835. Первая страница.

Королевская библиотека в Стокгольме.

В «Дневнике» Пушкина имеется следующая запись: «Вчера (17) декабря 1834 года» у S. — Разговор с Нордингом о русском дворянстве, о гербах, о семействе Екатерины I-ой etc.» (XII, 334).² Нет никакого сомнения в том, что этот Нординг, имя которого Пушкин записал с ошибкой, и адресат публикуемого письма — одно и то же лицо.

² Здесь и в дальнейшем цитируется по изданию: Пушкин, Полное собрание сочинений, т. I—XVI, Изд. Академии наук СССР, 1937—1949. Подробный комментарий к этой записи см. в двух изданиях «Дневника» Пушкина: московском (Труды Государственного Румянцовского музея, вып. I, ГИЗ, М.—Пгр., 1923, стр. 502—507) и ленинградском (под редакцией и с объяснительными примечаниями Б. Л. Модзалевского, ГИЗ, М.—Пгр., 1923, стр. 223—225).

Этот разговор происходил, по-видимому, в салоне А. О. Смирновой. С Нордином Пушкин мог также встречаться у Е. М. Хитрово и в доме

ôserai-je espérer que
 mon amour la bonte'
 de la saine prudence aussi?

 Adieu, Monsieur,
 l'assurance de ma haute
 consideration

 Пушкин

Monsieur
 Monsieur de Norde
 K. L.
 K. L.

Письмо А. С. Пушкина к Г. Нордину. 1835.
Вторая страница и адрес.

Королевская библиотека в Стокгольме.

австрийского посланника графа К. Л. Фикельмона и его жены, известной красавицы, дочери Е. М. Хитрово. «Вся животрепещущая жизнь европейская и русская, политическая, литературная и общественная, имела верные отго-

лоски в этих двух родственных салонах», — писал друг Пушкина, князь П. А. Вяземский. По его словам, в салоне Фикельмон «и дипломаты и Пушкин были дома».³

Нордин, очевидно, встречался с Пушкиным несколько раз и посвящен был в некоторые его творческие замыслы. Так, Нордин, по-видимому, был в курсе работы Пушкина над историей Петра I. Во время отсутствия шведского посла в Петербурге (между декабрем 1836 и мартом 1837 года) Нордин исполнял обязанности поверенного в делах шведско-норвежского посольства. Он был в Петербурге, когда Пушкин умер. В донесении министру Веттерштедту о дуэли и смерти Пушкина от 6/18 февраля 1837 года Нордин сообщал: «Император поручил ему написать историю Петра Великого, и г. Пушкин в последние годы занимался изучением и исследованиями, необходимость коих вытекала из столь огромной задачи; те, кому довелось познакомиться с отрывками, написанными им уже на эту тему, способную действительно вдохновить русского историка, вдвойне оплакивают его преждевременную кончину». Донесение Нордина, напечатанное в исследовании П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина», свидетельствует о глубоким уважении шведского дипломата к Пушкину. Нордин дает здесь краткий, но весьма сочувственный отзыв о нем, называя его «писателем высоких достоинств» и поэтом, «не имеющим соперников в стране».⁴

Из публикуемого письма Пушкина выясняется, что он был настолько хорошо знаком с Нордином, что даже пользовался его услугами для пополнения своей библиотеки иностранными книгами, запрещенными русской цензурой.

Пушкин благодарит шведского дипломата за какую-то доставленную им «контрабандную» (т. е. запрещенную русской цензурой) книгу и обращается к нему с новой просьбой достать книгу Гейне о Германии. Речь идет о пятом и шестом томах сочинений Генриха Гейне на французском языке, изданных в Париже в 1835 году. Оба эти тома озаглавлены «О Германии» («De l'Allemagne»). В них помещены «Романтическая школа», «К истории религии и философии в Германии» и некоторые другие работы Гейне.⁵

Шведский дипломат, очевидно, выполнил просьбу Пушкина, так как в библиотеке поэта сохранились пятый и шестой томы сочинений Гейне на французском языке, озаглавленные «О Германии», т. е. как раз то самое сочинение, которое Пушкин просил достать Нордина.⁶

Несколько ранее, в апреле 1835 года, Пушкин получил от графа К. Л. Фикельмона второй и третий томы сочинений Гейне на французском языке, в которых напечатаны «Путевые картины» («Reisebilder»). Во втором томе обнаружена была случайно оставшаяся записка Фикельмона к Пушкину от 27 апреля 1835 года: «Вот два тома контрабанды, которые граф Фикельмон имеет удовольствие предложить господину Пушкину и

³ П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений, т. VIII, СПб., 1883, стр. 493; т. VII, 1882, стр. 226. Из дневников В. А. Жуковского видно, что он был знаком с Нордином еще в 1832 году (В. А. Жуковский. Дневники. С примечаниями И. А. Бычкова, СПб., 1903, стр. 231).

⁴ П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. Изд. 3-е, ГИЗ, М.—Л., 1928, стр. 376, 377.

⁵ Об этих книгах, условиях их издания в Париже и отзывах о них во французской печати см. в книге: Joseph Dresch. Heine à Paris, d'après sa correspondance et les témoignages de ses contemporains (1831—1856). Paris—Bruxelles, 1956.

⁶ Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание, СПб., 1910, стр. 247, № 976.

которые он просит не отказать принять на память — и как визитную карточку при прощании» (подлинник по-французски; XVI, 22, 369).⁷

В библиотеке Пушкина имеется также и четвертый том сочинений Гейне на французском языке — книга «О Франции» («De la France»), вышедшая в Париже в 1833 году.

Все указанные произведения Гейне были подвергнуты в России строгому цензурному запрету. Проза Гейне, по мнению одного из цензоров, изобилует «революционными мыслями, оскорбительными выходками против России и изъяснениями, предосудительными в нравственном и религиозном отношениях».⁸ 7 октября 1835 года Комитет иностранной цензуры запретил книгу Гейне «О Германии», о которой идет речь в публикуемом письме. В отзыве об этой книге цензор В. И. Соц писал, что ее «автор нередко дает волю оригинальному своему остроумию и выражается неприлично шутивым тоном о предметах важных и священных».⁹

В письме к Густаву Нордину Пушкин пишет, что ему «весьма необходимо иметь книгу о Германии». Это внимание к публицистике Гейне было прежде всего связано с работой Пушкина как историка, с теми «изучением и исследованиями, необходимость коих, — по приведенным выше словам Нордина, — вытекала из столь огромной задачи», т. е. создания истории Петра I. Так же, как «История Пугачева», пушкинская «История Петра», над которой поэт работал в 1835 году, должна была быть не только историческим исследованием, но и политически острой, злободневной книгой.

Во втором томе сочинений Гейне, хранящемся в библиотеке Пушкина, была обнаружена небольшая заметка Пушкина, связанная с мыслями Гейне о России: «Освобождение Европы придет из России, ибо только там предрассудок аристократии совершенно отсутствует» (XII, 207, 485). Пушкин, очевидно, основывался на том месте в «Путевых картинах» («Путешествие от Мюнхена до Генуи», глава XXX), где Гейне писал, что Рос-

⁷ Отметим, что Фикельмон, как и Пушкин, называет добытые им иностранные книги, запрещенные в России, «контрабандой».

⁸ А. Федоров. Генрих Гейне в царской цензуре. «Литературное наследство», кн. 22—24, 1935, стр. 640.

⁹ И. С. Тургенев, Сочинения, т. XII, Гослитиздат, М.—Л., 1933, стр. 599. Отметим также, что именно на подобных отзывах, прочно державшихся в русских официальных чиновных кругах 30-х годов и сложившихся тогда в окончательную оценку, основана была и та обобщающая характеристика Г. Гейне как писателя, которая помещена была в «Энциклопедическом лексиконе» А. Плюшара, в томе, вышедшем на другой год после смерти Пушкина (т. XIII, СПб., 1838, стр. 424). Забавно, что анонимный автор заметки, назвав Гейне «известным германским стихотворцем», «после Берне известнейшим из немецких политических писателей дерзостью своих мнений» и изложив вкратце его биографию, объявил, что Гейне якобы «умер в Париже в 1837 году» (!). Заканчивается эта заметка следующими словами: «Он одарен был блестящими дарованиями и примечательным остроумием, но сделался презрительным и ненавистным для благомыслящих людей всех наций своею наглостью в суждениях, своими разрушительными правилами, грубым неуважением к святыне и смелостию прослыть германским Вольтером». Однако в начале 30-х годов у нас еще отваживались печатать в журналах отрывки из публицистических статей Гейне. В хорошо известной Пушкину первой (январской) книге издававшегося И. В. Киреевским журнала «Европеец» (1832, № 1, стр. 90—102) помещены «Отрывки из письма Гейне о парижской картинной выставке 1831 года» с характеристикой Робеспьера по поводу картины Ораса Верне, изображающей Камилла Демулена. Гейне-поэта в России знали, вероятно, еще раньше. Знакомец Пушкина Ф. П. Фонтон приводит в своем письме от января 1829 года «стихи нового... любезного поэта Гейне»; в другом письме, приводя стихотворную цитату из Гейне, он пишет: «поэт новый, но уж прославившийся, потому что пишет, что все чувят!» (Ф. П. Фонтон. Воспоминания. Юмористические, политические и военные письма из главной квартиры Дунайской армии в 1828 и 1829 годах, т. II, Лейпциг, 1862, стр. 213, 18).

сия принесет свободу Европе, так как русское правительство якобы проникнуто «идеями новейшего времени» — «оно прямо враждебно стремлениям дворянства и церкви».¹⁰ Эта мысль привлекла к себе внимание Пушкина, считавшего, что Петр I совершил революцию — «укротил дворянство, опубликовав *Табель о рангах*, духовенство, — отменив патриаршество» (XVI, 260, 421). В заметке «О дворянстве» Пушкин писал: «Средства, которыми достигается революция, недостаточны для ее закрепления. Петр I — одновременно Робеспьер и Наполеон. (Воплощение революции)» (XII, 205).

Темы революции, крушения феодализма, исторических судеб дворянства, по-видимому, особенно привлекали Пушкина при ознакомлении его с политической прозой Гейне. В предисловии к французскому изданию «Путевых картин» Гейне поставил вопрос о самом понятии слова «аристократия». «Под словом „аристократия“, — пишет Гейне, — я понимаю теперь не только родовую знать, но всех, кто, как бы он ни назывался, живет за счет народа».¹¹

Вопрос о том, что такое дворянство, остро волновал Пушкина в 30-е годы и был поднят им в специальной заметке «О дворянстве». Об особенностях русского дворянства беседовал Пушкин и с Нордином. Выше мы уже привели запись об этой беседе из дневника Пушкина.

Имея в своей библиотеке три тома заинтересовавших его сочинений Гейне (почти все листы в этих томах разрезаны), Пушкин, естественно, захотел приобрести последующие два тома, в которых публиковалось сочинение «О Германии». Об этом труде Гейне Пушкин безусловно знал, так как их отдельные части печатались во французских журналах «L'Europe littéraire» за 1833 год и «Revue des Deux Mondes» за 1834 год. Кроме того, большая часть этих работ была издана отдельно в 1833 и январе 1835 года на немецком языке.

Письмо Пушкина к Нордину должно быть датировано 1835 годом, годом выхода в свет книги «О Германии». Об этой новой книге Гейне, вышедшей в Париже в конце (по старому стилю — в середине) апреля, Пушкин мог узнать, по-видимому, не ранее конца этого месяца.

Как раз в 1835 году с политической прозой Гейне познакомился друг Пушкина, П. Я. Чаадаев. Он жил в эти годы в Москве и обменивался письмами с Пушкиным. Переписка между великим поэтом и выдающимся русским мыслителем почти не дошла до нас, поэтому мы не знаем, шла ли здесь речь о публицистике Гейне. Однако об отношении к Гейне Чаадаева мы узнаем из письма его к А. И. Тургеневу, относящегося к октябрю—декабрю 1835 года.¹² Мнение Чаадаева о Гейне, сравнение Гейне с политическим авантюристом Фиески, совершившим 28 июля 1835 года покушение

¹⁰ Г. Гейне, Полное собрание сочинений, т. IV, изд. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 341.

¹¹ Там же, стр. 608.

¹² «Есть, впрочем, вещи, которые ускользают от вас, — писал здесь Чаадаев. — Вы ничего мне не сказали, например, о последнем сочинении Гейне. Правда, что большая часть глав этой странной книги появлялась уже раньше в различных журналах; но не может быть, чтобы соединение их в одно целое не вызвало волнения в философском мире. Знаете, как я назвал Гейне? Фиески в философии... Смее думать, что этот новый Фиески немногим лучше старого; но, во всяком случае, его книга есть покушение, во всем подобное бульварному, с тою только разницею, что короли Гейне законнее короля Фиески; ибо это, во-первых, сам господь бог, а затем все помазанные науки и философии. В остальном, тот же анархический принцип, то же следствие вашей прославленной революции...» (П. Я. Чаадаев. Сочинения и письма, т. II, М., 1914, стр. 197).

на французского короля Луи Филиппа, по всей вероятности, было известно Пушкину.

Публикуемое письмо Пушкина, содержащее единственное высказывание Пушкина о великом немецком поэте, показывает, что Пушкин в оценке Гейне расходился с Чаадаевым. Не исключена также возможность, что о Гейне Пушкин беседовал с князем П. Б. Козловским, который мог сообщить наиболее подробные и достоверные сведения о немецком поэте и публицисте, так как хорошо знал Гейне лично, еще с середины 20-х годов.¹³

Эпитет «повеса» («mauvais sujet»), примененный Пушкиным в отношении Гейне, не свидетельствует об отрицательном отношении Пушкина к Гейне, а лишь констатирует репутацию Гейне в определенных кругах европейского и русского общества.

Один из близких знакомых Пушкина, В. Ф. Одоевский, служивший библиотекарем Комитета иностранной цензуры, дал в 1834 году сравнительно мягкий официальный отзыв о «Путевых картинах» Гейне; но и он писал, что хотя шутки Гейне «не могут быть названы собственно вредными, но они неприличны в высшей степени».¹⁴

В библиотеке Пушкина имеется десятая книжка журнала «Телескоп» за 1836 год.¹⁵ Лишь небольшая часть статей в этой книге заинтересовала Пушкина и была им разрезана. Разрезанной от начала до конца оказалась статья Искандера (А. И. Герцена) о Гофмане. В этой статье содержалась иная, чем у Чаадаева и В. Ф. Одоевского, оценка великого немецкого сатирика: «По большей части сочинители, жившие до 1813 года, воображали, что всё земное слишком низко для них, и жили в облаках... Теперь, когда Германия проснулась при громе Лейпцигской битвы, явилось новое поколение, более земное, более национальное. Теперь Гейне бичует своим ядовитым пером направо и налево старое поколение, которое разобщило себя с родиной...».¹⁶ Герцен подчеркивает здесь реалистическую устремленность Гейне, его враждебность реакционному романтизму.

Несомненно, что Пушкин, пришедший в 30-х годах к историческому осмыслению романтизма, не мог пройти мимо воззрений Гейне, который развернул борьбу с немецким романтизмом, как выражением феодально-католической реакции.

¹³ Этот факт заслуживает тем большего внимания, что, как видно из данных, опубликованных Г. Струве (Русский европеец. Материалы для биографии и характеристики князя П. Б. Козловского, Сан Франциско, 1950, стр. 122—124), дружеские связи Козловского и Гейне не принадлежали к разряду случайных, мимолетных знакомств; ссылаясь на биографов Гейне, Струве не без основания полагает, что, «по-видимому, это знакомство сыграло в жизни Гейне некоторую роль». Сам Гейне свидетельствовал в письмах к друзьям, что в 1826 году не только «много общался с князем Козловским, очень остроумным человеком», но одно время даже был с ним «не разлучен» (стр. 122). Есть основание думать, что именно Козловский своими рассказами об Англии побудил Гейне предпринять путешествие в эту страну (стр. 123).

¹⁴ А. Федоров. Генрих Гейне в царской цензуре. «Литературное наследство», кн. 22—24, стр. 643.

¹⁵ Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание, стр. 135. № 527.

¹⁶ А. И. Герцен. Собрание сочинений, т. I, Изд. Академии наук СССР, М., 1954, стр. 65.

Р. Б. ЗАБОРОВА

АВТОГРАФ ПИСЬМА А. С. ПУШКИНА К А. А. ПЛЮШАРУ

Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде получила от члена Пенсильванского исторического общества Дейвида Боннела Грига из Филадельфии ротокопию с принадлежащего Обществу автографа письма А. С. Пушкина к А. А. Плюшару от 29 декабря 1836 года.¹ Автограф состоит из двух листов размером 25.5 × 20.5 см. Он был приобретен Пенсильванским историческим обществом в составе коллекции Фердинанда Дрира (Ferdinand J. Dreer) в 1893 году. Как приобрел это письмо Ф. Дрир, не известно.

Местонахождение автографа до сих пор не было известно, и письмо Пушкина воспроизводилось по копии, сохранившейся в делах опеки над детьми и имуществом Пушкина.²

Копия письма была приложена к просьбе известного петербургского издателя Плюшара (1806—1865) о возвращении ему 1500 руб., выданных поэту (22 декабря 1836 года) в счет гонорара за предложенное Пушкиным новое издание стихотворений. На обороте копии имеется помета рукой А. А. Плюшара: «Nota: Les 1500^R ont été comptés à Mr Pouschkine, le 22 décembre 1836» («Примечание: 1500 р. выплачены г. Пушкину, 22 декабря 1836 года»). Письмо Пушкина от 29 декабря 1836 года, в котором он, между прочим, подтверждал получение им этих денег, было предъявлено в подлиннике одному из опекунов — графу Михаилу Юрьевичу Виельгорскому, и последний на копии сделал надпись: «J'ai vu l'original de la lettre. Le Comte M. Wielhorsky» («Я видел оригинал письма. Граф М. Виельгорский»). В делах оставлена была копия, возможно, потому, что долг не был погашен опекой сразу: просьба, написанная от имени Плюшара И. Сабатье (J. Sabatier), датирована 10 мая 1837 года, расписка же Плюшара в получении, на обороте, — 5 февраля 1838 года.

Письмо Пушкина по этой копии было опубликовано Б. Л. Модзалевским в работе «Архив опеки над детьми и имуществом Пушкина в Музее А. А. Бахрушина»³ и перепечатывалось оттуда во всех последующих изданиях сочинений и писем Пушкина, начиная с «Переписки» под редакцией В. И. Саитова⁴ и кончая Академическим изданием.⁵

¹ ГПБ, Собрание отдельных поступлений, 1956 г., № 27. Другой экземпляр фотографии, полученный от ГПБ, — в ИРЛИ (ПД), ф. 244, оп. 1, № 1640.

² В тетради под названием «Приходные и расходные документы... к книге № 3 по опекунству Александра Сергеевича Пушкина за 1838 год», л. 10, — бывш. ГЛМ, обложка № XII, теперь ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 1640.

³ Пушкин и его современники, вып. XIII. СПб., 1910, стр. 126.

⁴ Пушкин. Переписка. Под редакцией В. И. Саитова, т. III, 1911, стр. 433.

⁵ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XVI, Изд. Академии наук СССР, 1949, стр. 206; примечания и русский перевод — стр. 350, 403.

Если не считать мелких отличий — «Vous» в автографе вместо «vous» в копии в обороте: «Vous avez bien voulu m'avancer» и написания «Pouchkine» в автографе, а не «Pouschkin», как в копии, — в автографе имеется одно существенное дополнение — адрес, отсутствующий в копии: «à Mr Pluchart en ville».

Приводим текст письма по фотокопии с автографа:

Monsieur

Je suis parfaitement d'accord sur toutes les conditions que vous avez la complaisance de me proposer, concernant la publication d'un volume de mes poésies (dans votre lettre du 23 décembre 1836). Il est donc convenu que vous le⁶ ferez imprimer à 2500 ex.⟨emplaires⟩ sur le papier que vous choisirez, que vous serez seul chargé de la vente de l'édition, à raison de 15% de remise, et que le produit des premiers volumes vendus servira à rembourser tous les frais de l'édition, ainsi que les 1500 roubles ass.⟨ignats⟩ que Vous avez bien voulu m'avancer.

Veillez recevoir, Monsieur, l'assurance de ma parfaite considération

29 décembre
1836

A. Pouchkine.

St. Pétersbourg
à Mr Pluchart
en ville.

Перевод

Милостивый государь,

Я совершенно согласен на все условия, которые вы были добры мне предложить относительно издания тома моих стихотворений (в вашем письме от 23 декабря 1836 года). Итак, решено, что вы распорядитесь отпечатать его в 2500 экземплярах, на бумаге, которую сами выберете, что вам одному будет поручена продажа издания с предоставлением 15% скидки и что доход с первых проданных томов пойдет на возмещение всех издержек по изданию, а также и 1500 рублей ассигнациями, которые вы любезно выдали мне вперед.

Благоволите принять, милостивый государь, уверение в моем совершенном уважении

A. Пушкин.

29 декабря
1836

С.-Петербург
Г-ну Плюшару
Здесь.

Письмо Пушкина является ответом на письмо А. А. Плюшара от 23 декабря 1836 года, напечатанное впервые в указанной выше работе Б. Л. Модзалевского.

Письмо Плюшара и ответ Пушкина указывают на несостоявшийся из-за смерти поэта проект нового издания его произведений, «проект, о котором можно было лишь догадываться по сохранившемуся в библиотеке поэта экземпляру III и IV частей его „Стихотворений“ изд. 1832—1835 гг., представленному им в цензуру и пропущенному цензором П. А. Корсаковым 2-го декабря 1836 г.».⁷

⁶ *Je переделано из ep.*

⁷ Пушкин и его современники, вып. XIII, стр. 109; описание указанных частей «Стихотворений» см. в работе Б. Л. Модзалевского: Библиотека А. С. Пушкина.

Помимо этих двух заново процензурованных частей «Стихотворений», в архиве Пушкина сохранилась, далеко, впрочем, не в полном составе, и рукопись, подготовлявшаяся для нового однотомного издания.⁸ Изучение

Monsieur

*Je suis parfaitement d'accord
sur toutes les conditions que vous
avez eu le complaisance de me
proposer, concernant la publica-
tion d'un volume de mes poésies,
dans votre lettre du 23 décembre
1836. Il est donc convenu que
vous les ferez imprimer à 2500 ex.
sur papier que vous choisirez,
que vous serez seul chargé de
la vente et l'édition, à raison*

Письмо А. С. Пушкина к А. А. Плюшару. 29 декабря 1836 года. Первая страница.

Пенсильванское историческое общество. Филадельфия.

ее показывает, что в сборник должны были, по-видимому, войти только произведения, помещенные в четырех частях «Стихотворений» (I и II — 1829, III — 1832, IV — 1835), хотя далеко не все они сохранились в руко-

Библиографическое описание. «Пушкин и его современники», вып. IX—X, 1910 (и отдельно), стр. 83, № 308.

⁸ Рукопись бывш. ЛБ № 2393, теперь ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, №№ 1169—1179 bis; см. статью Л. Б. Модзалевского «Новое о неосуществленном издании стихотворений Пушкина 1836 г.» («Книжные новости», 1936, 10 марта, № 7, стр. 19—21), а также выше, в настоящем издании, статью Н. В. Измайлова «Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов» (стр. 44—48).

писи, и, вероятно, не должно было быть ни одного произведения, не входившего в эти сборники, — во всяком случае, ни одного, до тех пор неизданного.

de 15% de moins, et que le
produit des premiers volumes
vendus servira à rembourser
tous les frais d'édition, ainsi
que les 4500 francs ap. que vous
avez bien voulu m'avancer

Meilleures nouvelles, Monsieur,
d'assurance de ma parfaite
concordance

29 décembre
1836

A. Pushkin

A. Plushar

à Mr Plushar
en ville

Письмо А. С. Пушкина к А. А. Плюшару. 29 декабря 1836 года. Вторая страница.

Пенсильванское историческое общество. Филадельфия.

Проектирование нового однотомного издания в конце 1836 года, в то время как в 1835 году появилась в свет последняя часть четырехтомного собрания стихотворений Пушкина, свидетельствовало, по мнению С. Я. Гессена, как об успехе предыдущего, так и о верном успехе нового издания: «Плюшар предполагал печатать 2500 экземпляров (цифра небывалая для собраний стихов), причем в свою пользу выговаривал только 15%. Это происходило в то время, как разыгрывался уже последний акт трагедии Пушкина. Ему было не до изданий, но в деньгах ощущалась особенно

острая нужда, и поэт поспешил дать согласие, выговорив себе аванс в размере 1500 руб., каковой и получил немедленно».⁹

Иного мнения держится Л. Б. Модзалевский (в указанной выше статье), и его точка зрения представляется более справедливой. «Одним из наиболее тяжелых для Пушкина условий, выставленных Плюшаром, — говорит исследователь, — являлось его требование, чтобы весь доход с первых проданных экземпляров пошел в погашение сделанных Плюшаром расходов и выданного аванса. Таким образом, кроме полученного аванса, Пушкин не мог впредь рассчитывать на получение каких-либо денежных сумм до тех пор, пока всё издание не разоидется¹⁰ и не будет произведен полный расчет с Плюшаром. Находящемуся в тяжелых материальных тисках поэту пришлось согласиться на эти кабальные условия».¹¹

Смерть Пушкина помешала осуществлению этого издания его стихотворений.

⁹ С. Гессен. Книгоиздатель Александр Пушкин. Изд. «Academia», Л., 1930, стр. 115 (глава «Литературные доходы Пушкина в последнее десятилетие»); см. также: Вл. Андерсон. Семейство Плюшар — типографы. «Русский библиофил», 1911, кн. 1, стр. 38—39.

¹⁰ Или, по крайней мере, до окончания всех расчетов с Плюшаром по финансированию издания, — Р. З.

¹¹ «Книжные новости», 1936, № 7, стр. 19.

Ф. Я. ПРИЙМА

ПУШКИН И КРУЖОК А. Н. ОЛЕНИНА

В мемуарной литературе, относящейся к первой трети XIX века, встречаются неоднократные упоминания о том, что молодой Пушкин после окончания Лицея был частым посетителем дома А. Н. Оленина (1763—1843).¹ Здесь в первый раз встретился Пушкин с А. П. Керн,² здесь, как сообщает П. И. Бартенев, он сблизился с Н. И. Гнедичем;³ здесь молодой поэт получал возможность устанавливать знакомства с выдающимися русскими учеными, писателями, художниками.

«В перечне людей, — пишет П. В. Анненков, — у которых Пушкин искал тогда (в 1817—1820 годах, — Ф. П.) наставлений, нельзя забыть об А. Н. Оленине. Почтенный председатель Академии художеств, будучи родственником и почитателем Г. Р. Державина, разумеется, склонялся на сторону „Беседы“ и не совсем одобрительно смотрел на полемические замашки „Арзамаса“, но он имел важное качество. По званию артиста и по прямому знакомству с классическим искусством, он понимал эстетические законы, которые лежат в основании художнического производства вообще, а потому мог уразуметь изящество произведения, если бы даже оно явилось и не с той стороны, откуда он привык его ожидать. Так, он был один из первых, которые признали поэтическое достоинство „Руслана и Людмилы“. Качество это сделало самый дом его нейтральной почвой, на которой сходились люди противоположных воззрений, что облегчалось еще необычайной любезностью хозяйки, урожденной Полторацкой, а потом, через несколько лет, приветливостью красавицы-дочери, воспетой Пушкиным. Поэт наш был у них, как свой человек, и, по семейным преданиям, часто беседовал с А. Н. Олениным об искусстве».⁴

К сожалению, почти все мемуаристы и исследователи, касавшиеся темы «Пушкин и А. Н. Оленин», не шли дальше установления факта их знакомства, и поэтому на основании существующей литературы нельзя определить даже время возникновения этого знакомства. Правда, из показаний декабриста М. П. Бестужева-Рюмина на следствии мы узнаем, что он встречался с Пушкиным в доме Оленина в 1819 году.⁵ К этому же году относится

¹ См.: Ф. Г. Солдцев. Моя жизнь и художественно-археологические труды. «Русская старина», 1876, т. 15, № 3, стр. 620; В. В. Стасов. Воспоминания о моей сестре. «Книжки недели», 1896, № 1, стр. 205; Ф. П. Толстой. Записки. «Русская старина», 1873, т. 7, № 2, стр. 133—135, и др.

² А. П. Керн. Воспоминания. «Русская старина», 1870, т. 1, № 3, стр. 264 (первое издание).

³ П. И. Бартенев. Пушкин в южной России. «Русский архив», 1866, № 8 и 9, стб. 1108.

⁴ П. Анненков. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. 1799—1826 гг. СПб., 1874, стр. 120—121.

⁵ Восстание декабристов, т. IX. 1950, стр. 119.

встреча Пушкина у Оленина с А. П. Керн. Но и эти свидетельства не означают, что Пушкин не мог войти в салон Оленина ранее, в 1817 или 1818 году.

Статья П. Россиева «А. С. Пушкин — актер-любитель», насколько нам известно, является единственной, в которой дана попытка изобразить Пушкина как посетителя дома Олениных в первые годы после выхода из Лицея. Пользовавшийся, как можно предполагать, изустными преданиями или же не дошедшими до нас воспоминаниями, П. Россиев рассказывает о состоявшемся в доме Олениных домашнем спектакле. Ставились «Воздушные замки» Н. И. Хмельницкого, и Пушкин играл в этой пьесе роль Альнаскарва. В спектакле, помимо молодого поэта, участвовала знаменитая актриса Е. С. Семенова.⁶

Недостатком документальных данных, характеризующих взаимоотношения Пушкина и Оленина, следует объяснить и совершенное отсутствие работ, которые бы определяли роль Оленинского кружка в творческом развитии Пушкина. Статья Д. П. Якубовича «Античность в творчестве Пушкина»⁷ касается названного вопроса лишь отчасти, причем выводы автора статьи о характере воздействия Оленинского кружка на Пушкина, не имея под собой документальной основы, в значительной степени теряют свою ценность.

Нельзя, наконец, признать достаточно освещенным в литературе также и вопрос о сватовстве Пушкина к А. А. Олениной, вопрос, имеющий помимо узко биографической, также и свою общественно-политическую сторону.⁸

Не ставя перед собой задачу полного освещения намеченных вопросов, ограничусь кратким очерком отношений Пушкина к Оленину, членам его семьи и его кружку, привлекая для освещения этой темы не только печатный материал, но и неопубликованные документы из архива Олениных и других архивов, хранящихся в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Архив Олениных дает богатый материал об обитателях и посетителях Приютина, пригородной мызы Оленина, находившейся в 16 километрах от Петербурга, за пороховыми заводами на Рябовском шоссе. Приютино было излюбленным местопребыванием не только для членов семьи Оленина. Там любили бывать: Батюшков, Вяземский, Катенин, Гнедич, Карамзин, Крылов, Жуковский, Брюллов, Венецианов, Кипренский, не говоря о многих других менее значительных писателях, художниках и ученых.

Согласно семейным преданиям Всеволожских, соседей Оленина по мызе, Пушкин часто бывал в Приютине и, приезжая туда, жил наверху в комнате, отведенной для Н. И. Гнедича.

«Я не могу запомнить, — вспоминал незадолго до своей смерти сын А. Н. Оленина, Петр Алексеевич Оленин (1793—1868), — в котором году

⁶ См.: П. Россиев. А. С. Пушкин — актер-любитель. «Биржевые ведомости», утренний выпуск, 1911, № 12613, 2 ноября.

⁷ Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, вып. 6, 1941, стр. 92—159.

⁸ «По преданию, хранившемуся в семье Всеволожских (друг Пушкина, Н. В. Всеволожский, был соседом А. Н. Оленина по имению, — Ф. П.), против брака была мать Олениной, указывая на разницу лет молодых, и притом сама А. А. Оленина, как нежная дочь, дала слово матери не покидать ее ни для кого» (неопубликованная статья А. М. Брянского «Здесь жил Пушкин (Забывтый пушкинский уголок)», 1937 — Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, архив А. М. Брянского (Попова), № 20, л. 4; ср.: А. М. Брянский. Усадьба русских поэтов. Мыза «Приютино». «Солнце России», 1913, № 36, стр. 11).

была приобретена мыза Приютино, столь известная в то время в высшем кругу петербургского общества. Это было место отдохновения моего отца во время его разнообразной и тягостной службы, туда любили стекаться его друзья литераторы и художники. Недостает у меня ни памяти, ни умения, чтобы описать все удовольствия, которыми славилось в то время смиренное и милое наше Приютино».⁹

В другом очерке, описывая Приютино, П. А. Оленин отмечает скромность, простоту вкусов и приверженность к старинным русским обычаям его хозяина. Даже кушанье подавали здесь «простое, но питательное и любимое всеми потомками славян».¹⁰

«В известном многим Приютине, — вспоминает старшая дочь Оленина, Варвара Алексеевна, — жизнь текла тихая, мирная, аккуратная, простая, деревенская, и казалось, по образу жизни, верст за 500 от Петербурга... Всё было весело, радушно, довольно, дружно, просто, свободно... Играли в разные игры, как-то лапта, горелки... и проч., в кольца, в мячки, в волан. И не находили que ce n'est ni ennuyeux, ni mesquin, ni ridicule».¹¹

В другом месте своих воспоминаний В. А. Оленина называет имя Пушкина. «Один раз затеяли чудные шарады... одна была „Русская баллада“. В ней фигурировали... Крылов, Гнедич, Пушкин и другие, а главную роль играл Жуковский... Фигурировали обыкновенно в шарадах и картинах Крылов, Гнедич, Жуковский, Муравьевы, кн. Сергей Трубецкой, кн. Голицын...».¹²

В. А. Оленина довольно подробно рассказывает в своих воспоминаниях историю написания в 1819 году Жуковским «Баллады», посвященной Елизавете Марковне Олениной.

Автограф стихотворения «Баллада» («Что ты, девица, грустна...»), о котором говорит В. А. Оленина, до 1939 года находился в архиве Олениных, откуда он передан в Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР. Восстанавливая в памяти события пятидесятилетней давности, В. А. Оленина забыла отметить участие в написании названного стихотворения Пушкина. В автографе стихотворения только первые полторы строки написаны рукой Жуковского, остальная часть (двадцать две с половиной строки) написана Пушкиным. На автографе рукой А. Н. Оленина сделана надпись: «Сочинено на случай рождения Елизаветы Марковны Олениной во 2 день мая 1819 Жуковским и Пушкиным для шарады, изобретенной И. А. Крыловым, Баллада». Пониже рукой В. А. Олениной: «Читал сам Жуковский во время шарады».¹³

Что связывало Пушкина с Олениным и его кружком? В доме Оленина молодой поэт встречался с Н. И. Гнедичем, разделявшим его вольнолюбивые взгляды, с Жуковским и Крыловым, знакомство с которыми он высоко ценил. Не приходится сомневаться и в том, что и с самим хозяином дома

⁹ П. А. Оленин. Незаконченный набросок автобиографии. ГПБ, архив Олениных, № 626.

¹⁰ П. А. Оленин. Тринадцать часов или Приютино, 1809. ГПБ, архив Олениных, № 627, стр. 14.

¹¹ Ни скучным, ни пошлым, ни смешным (франц.). В. А. Оленина. Журнал для записей, 1868. ГПБ, архив Олениных, № 877, л. 102.

¹² Там же, л. 122.

¹³ Описание автографа названного стихотворения см.: Л. Б. Модзалевский. Рукописи Пушкина в собрании Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде, 1929, стр. 6 (№ 5). В Полном собрании сочинений Пушкина (т. II, Изд. Академии наук СССР, 1947, стр. 481) стихотворение «Баллада» помещено в разделе «Коллективное».

Олениным в 1819—1820 годах Пушкин, несмотря на разницу лет, находился в самом деятельном общении.

Широко распространенный взгляд на Оленина, как на «лукавого царедворца», воздействие которого на писателей ограничивалось лишь внушением им монархических и ретроградных идей,¹⁴ нуждается в серьезных поправках. В начале своей служебной деятельности и в начальный период своего знакомства с Пушкиным Оленин не отличался той консервативностью взглядов, которой он придерживался после 1825 года. Среди лиц, тесно связанных с Олениным и его кружком, были члены тайных обществ (М. П. Бестужев-Рюмин, Ф. Н. Глинка, Н. М. Муравьев, С. И. Муравьев-Апостол, С. П. Трубецкой и др.). Известному свободолюбию не был чужд в это время и сам Оленин. Так, например, когда он представил в 1819 году министру духовных дел и народного просвещения князю А. Н. Голицыну проект С.-Петербургского университета, то главное правление училищ с негодованием отнеслось к названному проекту, увидев в нем стремление «отвергнуть всякое нравственное и христианское образование», «приблизить университет к анархии», «противопоставить книгам Бытия историю человеческого рода». Главное правление училищ не забыло также указать и на несогласие проекта Оленина с «духом Священного союза», «духом правительства и министерства духовных дел и народного просвещения».¹⁵

В отличие от многих своих коллег по службе, Оленин отрицательно относился ко всяким проявлениям религиозного ханжества и мистицизма. В архиве Оленина сохранилась относящаяся к 1813 году докладная записка его на имя князя А. Н. Голицына, в которой Оленин предлагал, добившись согласия Синода, произвести конфискацию монастырских рукописных библиотек с целью приращения рукописных фондов, передачи их на хранение в Публичную библиотеку. Дипломатически ссылаясь на то, что монастырские рукописные книги содействуют лишь «укоренению расколов», в то время когда они могли бы способствовать развитию отечественной науки, Оленин представил Голицыну в виде примера подробную «роспись без всякого употребления ветхим книгам, хранящимся в Кириловском Белоозерском монастыре».¹⁶ Нечего и говорить о том, что подобный, довольно смелый план Оленина в то время не мог быть осуществлен.

Но еще большее воздействие передовых идей того времени испытали члены семьи Олениных. В архиве Олениных находятся списки ряда подвергавшихся запрещению произведений Фонвизина, Рылеева, Пушкина. Особого внимания заслуживает находящийся здесь альбом стихотворений, владельцем которого мог быть Петр Алексеевич Оленин. В альбоме помещено одно стихотворение Баратынского и двадцать пять стихотворений Пушкина, в том числе «Вольность», «Деревня», «Кинжал». Запись пушкинских стихотворений в этом альбоме относится к первой четверти XIX века.¹⁷

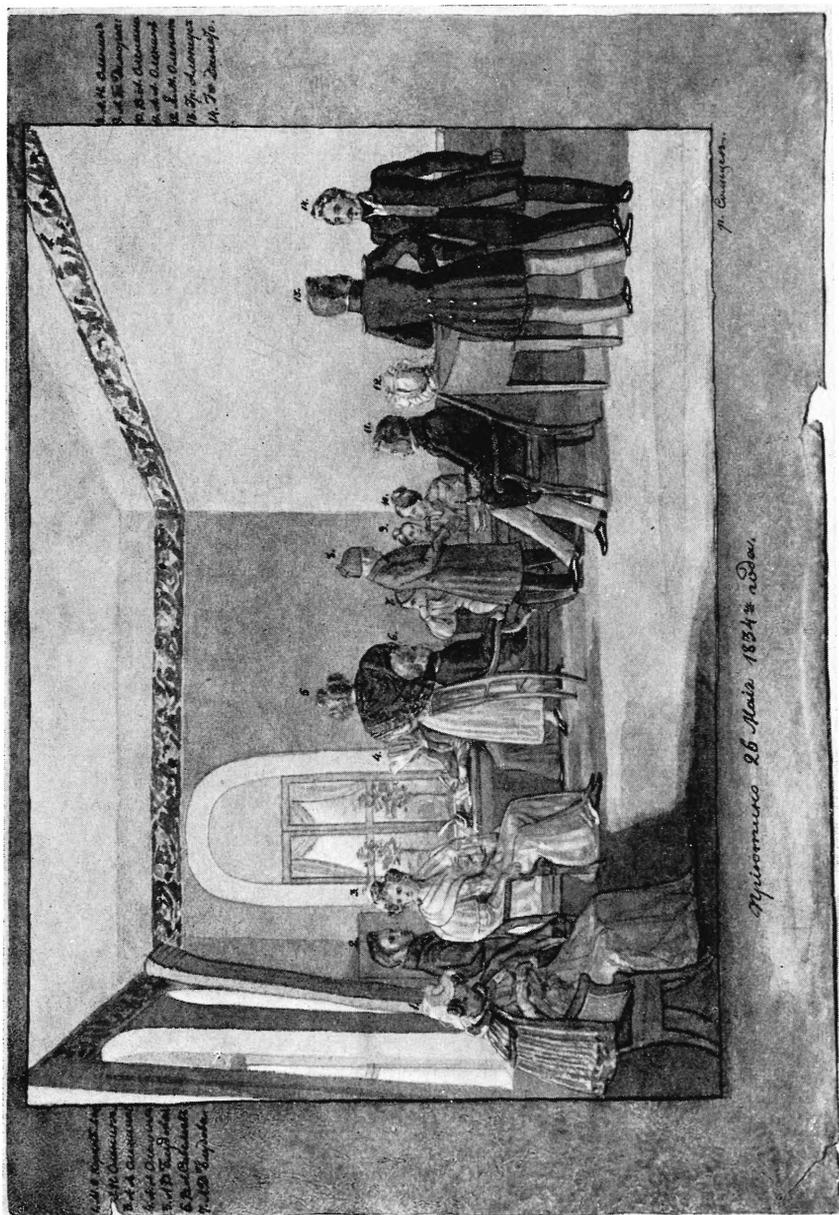
Внимания исследователей заслуживает также и хранящийся в архиве Олениных (№ 974) список анонимного, откровенно антиправительственного

¹⁴ К числу последних по времени работ, где излагается подобная точка зрения, относится монография Н. Степанова: И. А. Крылов. Жизнь и творчество. Гослитиздат, М., 1949, стр. 101 и сл.

¹⁵ См. письмо Оленина к князю А. Н. Голицыну от 10 декабря 1819 года (ГПБ, архив Олениных, № 90, лл. 23 об., 24).

¹⁶ ГПБ, архив Олениных, № 474.

¹⁷ Там же, № 768.

Гостиная в доме Олениных в Приютине. Акварель Ф. Г. Солнцева. 1834.

На рисунке изображены: 1. М. Ф. Кораньева, 2. Г. Н. Оленин, 3. А. А. Оленина, 4. А. А. Оленина, 5. А. Д. Будова, 6. В. А. Савельев, 7. Л. Д. Будова, 8. А. Н. Оленин, 9. А. Т. Домрачевская, 10. В. А. Оленин, 11. А. А. Оленин, 12. Е. М. Оленина, 13. Граф Ф. Д. Алапеев, 14. Г-н Дамето.

Всесоюзный музей А. С. Пушкина.

стихотворения «Голубой цвет» (1827), посвященного введению нового голубого цвета обмундирования для чинов корпуса жандармов.¹⁸

Таким образом, не будет ошибкой предположить, что дом Оленина в Петербурге и мыза Приютино были для Пушкина не только местом развлечения и отдыха. С А. Н. Олениным, членами его семьи, в особенности с Петром Алексеевичем, участником Отечественной войны 1812 года, художником, а отчасти и литератором, другом Крылова и Гнедича, молодой Пушкин был связан духовной близостью.

Трудно возразить против предположения Д. П. Якубовича о том, что «в интересе Пушкина к Элладе Оленинский круг сыграл свою роль».¹⁹ Думается всё же, что главное значение Оленинского кружка для творческого развития Пушкина состояло не в том, на что указывал Д. П. Якубович.

Верно то, что в переводе «Илиады» Оленин оказал Гнедичу значительную помощь. Хорошо известно и то, что Оленин написал несколько работ, затрагивающих вопросы древнегреческого искусства и истории. Однако только по чистой случайности именно эта, отнюдь не важнейшая часть научного наследия Оленина была издана в 1877—1882 годах в первых двух томах его «Археологических трудов». Не следует забывать того, что прежде, чем заняться греческими древностями, Оленин серьезно и долго занимался русской историей и палеографией. Его первая археологическая поездка в Новгород и Рязань относится к 1800 году. Еще в 1806 году, выпустив вместе с А. И. Ермолаевым знаменитое «Письмо о камне тмутороканском», положившее начало русской палеографии, Оленин отказывался в нем истолковать одну греческую надпись по причине неразумения «эллинского языка» (стр. 30). К изучению последнего Оленин приступил лишь после 1806 года, в то время, когда ему было за сорок лет. Как для Оленина, так и для помощника его в изучении русских летописей, Ермолаева, изучение древнегреческого языка было лишь средством для разъяс-

¹⁸ Приводим текст этого стихотворения полностью:

ГОЛУБОЙ ЦВЕТ

(Эмблема верности)

Он обещен, милый цвет!
 Не верю я очам:
 Возможно ль?.. Верности завет
 Чернит подлец-жандарм...
 Любви моей святой кумир,
 До гроба, до конца —
 Что вижу? — Избран на мундир
 Наушника-льстеца.
 Всю красоту в моих очах
 Теряет милый цвет!
 Его поносит на плечах
 Ненавистный клевет...
 Любовь его боготворит,
 Как неба фимиам.
 И что ж?.. Предательства эгид,
 Его чернит жандарм.
 Эмблема верности моей
 До гроба, до конца,
 Что может быть тебя святей?
 И ты — для подлеца?..
 Ах, нет! — Небесный идеал
 Лишь для души прямой.
 Я для презренных подлипал
 Избрал бы цвет другой!

¹⁹ Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, вып. 6, стр. 129.

нения «темных мест» русской истории. Именно эта сторона деятельности Оленина, недостаточно освещенная в литературе, нашла отражение в дневнике С. С. Уварова.²⁰ Напомним, что и А. И. Тургенев, посетивший Оленина в самом начале 1837 года, записал в дневнике: «...он всё тот же. Русские древности: сбруи, одежда, оружие и пр.»²¹

Оленин оставил после себя ряд любопытных работ и заметок об одежде и оружии древних славян, о мореходстве в древней Руси, о русском летописании, о «Слове о полку Игореве».²² И если эти работы в свое время не увидели света, то причиной этому была, по-видимому, занятость Оленина самыми разнообразными служебными делами.

Вместе с А. И. Ермолаевым издание «Свода русских летописей» Оленин считал делом своей жизни. По причинам, останавливающимся на которых мы здесь не имеем возможности, дело это осталось незавершенным. Но было бы большой ошибкой недооценивать палеографические и исторические труды Оленинского кружка. Труды Оленина и Ермолаева по подготовке к изданию русских летописей не пропали даром; по признанию академиков А. А. Куника и А. Ф. Бычкова, эти труды были использованы новым поколением русских археологов и палеографов.²³

Несмотря на небольшое число участников и почти полное отсутствие материальных средств, Оленинский кружок в Петербурге по выполнявшейся работе и значению во многом напоминал Румянцовский кружок в Москве, причем последний, возникнув позднее, в ряде случаев заимствовал опыт и пользовался помощью кружка Оленина. Большое значение имел Оленинский кружок, и главным образом Ермолаев, для Карамзина в его работе над «Историей государства Российского», если судить об этом хотя бы по одним только указаниям в авторских примечаниях к последней. Работа Жуковского над переводом «Слова о полку Игореве» (1819), работа Н. И. Гнедича над замыслом поэмы о Васильке Теребовльском (1819),²⁴ «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка» (1820) и другие филологические открытия А. Х. Востокова, — несомненно, возникали под воздействием и при участии Оленинского кружка.

Пушкин входит в кружок Оленина в самый интенсивный период деятельности последнего — в период появления «Истории государства Российского» Карамзина, напряженных поисков Олениным и Ермолаевым сведений по русской истории в византийских источниках и сличения их с русскими летописями, в период занятий А. Х. Востокова, а отчасти и Н. И. Гнедича вопросами древнерусского стихосложения, в период горя-

²⁰ «Сверх того, — писал Уваров, — Оленин был одним из первых основателей русской археологии. Ревностный поборник отечественных древностей, он занимался непременно всеми предметами, входящими в этот круг, начиная от тумараканского камня до драгоценностей керченских, от лаврентьевского Нестора до описания московских памятников» («Современник», 1851, т. 27, июнь, отд. II, стр. 39).

²¹ См.: П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. Изд. 3-е, М.—Л., 1928, стр. 286.

²² О наблюдениях А. Н. Оленина над «Словом о полку Игореве» см. мое сообщение в «Трудах Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР», т. IX, М.—Л., 1953, стр. 39—48.

²³ Об этом см. статью А. Куника «Содействие Круга канцлеру графу Румянцову в пользу русской истории» («Журнал Министерства народного просвещения», 1850, ч. 65, отд. V, стр. 25) и статью А. Ф. Бычкова «Обзор хода издания летописей в России» («Журнал Министерства народного просвещения», 1860, ч. 105, отд. II, стр. 16—17).

²⁴ О последней см. мою заметку «Мотивы „Слова о полку Игореве“ в неосуществленном замысле Н. И. Гнедича» в сборнике: «Слово о полку Игореве». Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1950, стр. 303—315.

чих споров вокруг «Слова о полку Игореве». Именно эта сторона деятельности Оленинского кружка не могла не оказать заметного воздействия на творческое развитие молодого Пушкина, который уже в «Руслане и Людмиле» обнаружил глубокий интерес и любовь к русским летописным преданиям.

Пушкин с большим уважением относился к любителям и исследователям российских древностей Оленинского кружка. Известно, как высоко ценил Пушкин «Опыт о древнероссийском стихотворстве» А. Х. Востокова и какую услугу оказал этот труд поэту в его творчестве.²⁵ Не случайно и то, что в 1836 году, выступая в защиту подлинности «Слова о полку Игореве», как на один из своих аргументов великий поэт сослался на мнение по этому вопросу известных ему лично знаменитых палеографов А. И. Ермолаева и А. Х. Востокова.²⁶

В 1819 году Пушкин был высоко ценным и всеми любимым гостем в доме и кружке Оленина. Последний смотрел в это время на Пушкина глазами Гнедича, Жуковского, Крылова — как на самого выдающегося и талантливого русского поэта, надежду русской литературы. Поэтому, когда в начале 1820 года над Пушкиным нависла угроза ссылки, Гнедич счел возможным обратиться к Оленину с просьбой заступиться за молодого поэта. «Между тем, — читаем мы в воспоминаниях Ф. Н. Глинки, — в промежуток двух суток, разнеслось по городу, что Пушкина берут и ссылают. Гнедич с заплаканными глазами (я сам застал его в слезах) бросился к Оленину; Карамзин, как говорили, обратился к государыне; а незабвенный для меня Чаадаев хлопотал у Васильчикова, и всякий старался замолвить слово за Пушкина».²⁷

Не возникает никаких сомнений в том, что Оленин был исполнен в это время готовности облегчить судьбу Пушкина и сделал для этого всё, что было в его силах.

Вскоре после ссылки Пушкина на юг, испытывая искреннее расположение к нему и отнюдь не боясь обвинений в своеобразном соавторстве с опальным поэтом, Оленин сочиняет рисунок-виньетку к «Руслану и Людмиле», заботы по изданию которого взял на себя в это время Гнедич.

Прочитав в «Сыне отечества» или «Санкт-Петербургских ведомостях» объявление о выходе в свет своей поэмы,²⁸ Пушкин писал Гнедичу из Каменки 4 декабря 1820 года: «В газетах читал я, что Руслан, напечатанный для приятного препровождения скучного времени, продается с превосходною картинкою — кого мне за нее благодарить?»²⁹ А в письме к Гнедичу от 24 марта 1821 года, написанном из Кишинева под впечатлением полученного экземпляра поэмы, Пушкин благодарил своих петербургских друзей и больше всего Оленина: «Платье, сшитое, по заказу вашему, на Руслана и Людмилу, прекрасно; и вот уже четыре дни как печатные стихи, виньета и переплет детски утешают меня. Чувствительно благодарю почтенного А; эти черты сладкое для меня доказательство его любезной благосклонности» (XIII, 28).

²⁵ Об этом см.: Б. Томашевский. О стихе. Л., 1929, стр. 63—93.

²⁶ См.: Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XII, Изд. Академии наук СССР, 1949, стр. 147 («Песнь о полку Игореве»).

²⁷ Ф. Н. Глинка. Удаление А. С. Пушкина из С.-Петербурга в 1820 году. «Русский архив», 1866, № 6, стб. 920—921.

²⁸ См.: «Сын отечества», 1820, ч. 63, № 33, стр. 326—327; «Санкт-Петербургские ведомости», 1820, № 69.

²⁹ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XIII, Изд. Академии наук СССР, 1937, стр. 21. В дальнейшем цитируется по этому изданию (тт. I—XVI, 1937—1949).

Трудно ответить на вопрос, ограничилась ли «любезная благосклонность» Оленина участием в издании «Руслана и Людмилы» и не распространилась ли она также и на вышедшее в 1822 году издание «Кавказского пленника». В примечании к напечатанному в «Северном архиве» объявлению о выходе в свет «Шильонского узника» в переводе Жуковского и «Кавказского пленника» Пушкина читаем: «Оба сии сочинения продаются на Невском проспекте, в доме, принадлежащем императорской Публичной библиотеке, в квартире Н. И. Гнедича».³⁰ То обстоятельство, что один из сотрудников императорской Публичной библиотеки в «принадлежащем ей доме» распространял произведение ссыльного поэта, к директору библиотеки Оленину прямого касательства, разумеется, не имело. Тем не менее при безразличном отношении к Пушкину Оленина вряд ли даже такое невинное объявление могло ему понравиться и появиться в печати.

При издании «Кавказского пленника» Оленин мог оказать Гнедичу помощь в изготовлении приложенного к изданию портрета Пушкина. Автор этого замечательного и загадочного портрета, гравированного воспитанником Академии художеств Е. Гейтманом (Оленин — президент Академии художеств), как известно, до сих пор не разыскан.

О дружеских отношениях Оленина к Пушкину в 1822 году и в последующие годы ссылки поэта у нас никаких данных нет. Ни одно из писем Гнедича к Пушкину за этот период до нас не дошло. А Гнедич был единственным лицом, связывавшим Пушкина с Оленинским кружком в то время.

По возвращении в Петербург в мае 1827 года Пушкин, вероятно, сразу же восстановил свои связи с домом Оленина. За семь лет отсутствия поэта в столице в этом доме многое изменилось.

«...Непостоянство судеб человеческих рассеяло приютинское общество по лицу земли: многие лежат уже в могиле, многие влачат тягостную жизнь в дальних пределах света, а многие ближние рассеялись по странам...», — писал Оленин Гнедичу 29 июля 1827 года.³¹ Изменились не только обстановка, состав семьи Оленина и его кружка, изменились люди и их взгляды. И в первую очередь эти изменения коснулись самого Оленина. Должность члена Государственного совета и статс-секретаря по департаменту гражданских дел, а вслед за тем (с 1826 года) должность государственного секретаря, в какой-то ему приходилось состоять, обязывала после событий 1825 года ко многому. Вольномыслие Оленина глубоких корней не имело, и последнее его проявление относится к 1822 году.

13 сентября этого года под нажимом правящей верхушки Совет Академии художеств рассматривал вопрос об избрании в «почетные любители» графа Гурьева, графа Кочубея и графа Аракчеева. Необходимость подобного избрания мотивировалась близостью названных лиц к императорской особе. Сделанное в форме шутки А. Ф. Лабзиним предложение избрать в таком случае в почетные любители Академии художеств лейб-кучера Илью как лицо, наиболее «близкое» к особе царя, обошлось Лабзину недешево: сосланный, как известно, в Симбирскую губернию, он вскоре (через три года) умер.

В деле Лабзина, с точки зрения правительства Александра I, Олениным, как президентом Академии художеств, была проявлена предосудительная терпимость. За недонесение о выступлении А. Ф. Лабзина на за-

³⁰ «Северный архив», 1822, ч. III, № 17, стр. 412.

³¹ Г. П. Георгиевский. А. Н. Оленин и Н. И. Гнедич. «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 91, 1914, стр. 125.

седании Совета Академии художеств от 13 сентября 1822 года Александр I через князя Голицына объявил Оленину строгий выговор. Из письма Е. М. Олениной к министру двора князю П. М. Волконскому от 24 ноября 1822 года мы узнаем, как был обрадован Оленин таким исходом дела: до этого он опасался пожизненной опалы за свой «проступок».³² Не исключена возможность, что наказание Оленину предполагалось иное и что оно было смягчено не без вмешательства его родственника по линии жены — князя П. М. Волконского. Благодаря покровительству последнего Оленин получил в 1823 году от правительства стотысячную ссуду для поправки своих расстроенных имущественных дел.³³ Не удивительно, что после таких «благодеяний» Александра I, после доверия, которое продолжал оказывать Оленину Николай I различными поручениями (последнее из них — назначение в сентябре 1828 года членом Главного управления цензуры), Оленин старался служить монарху не за страх, а за совесть. О свободном и непринужденном изложении мнений, а тем более о покровительстве вольномыслию в Оленинском кружке 1827—1828 годов, разумеется, не могло уже быть и речи.

Тем не менее и после своего семилетнего изгнания Пушкин в семье Олениных был принят гостеприимно. К 1827—1828 годам, если только верить воспоминаниям В. А. Олениной, относится знакомство и сближение Пушкина с Григорием Никаноровичем Олениным, зятем А. Н. Оленина.³⁴

К концу 1827 или к началу 1828 года следует отнести и выступление Пушкина на вечере у Олениных с чтением «Демона», о котором рассказывает в своей статье П. Россиев.³⁵ Хотя П. Россиев в своей статье, написанной для газеты, и не дал указаний на использованные источники, тем не менее у нас нет никаких оснований считать их апокрифическими.

О частых посещениях Пушкиным дома Олениных в апреле—мае 1828 года мы узнаем из писем князя П. А. Вяземского к жене В. Ф. Вяземской.³⁶ Из них же мы узнаем и о том, что Пушкин в это время был неравнодушен к дочери Оленина, Анне Алексеевне (1808—1888). «Девушка Оленина довольно бойкая штучка. Пушкин ее называет драгунчиком и за этим драгунчиком ухаживает», — писал Вяземский жене 18 апреля 1828 года.³⁷ Об увлечении Пушкина А. А. Олениной и сватовстве к ней Ф. Г. Солнцева рассказывает следующее:

«У А. Н. Оленина нередко бывал Александр Сергеевич Пушкин, которому, видимо, очень нравилось общество Алексея Николаевича. Он даже сватался за Анну Алексеевну и ей посвятил одно или два прелестных стихотворения. Однако же брак этот не состоялся, так как против него была Елизавета Марковна. По этому случаю Пушкин говорил, что недаром же ему светила луна с левой стороны, когда приезжал в Приютино».³⁸

Приводить мнения на сей счет других современников и историков литературы было бы бесполезно, так как они ничего не прибавляют к тому, что сказано Ф. Г. Солнцевым. Стоит напомнить, однако, о появившейся

³² ГПБ, собрание русских автографов, Е. М. Оленина.

³³ См. письмо А. Н. Оленина к П. М. Волконскому от 24 ноября 1822 года. ГПБ, собрание русских автографов, А. Н. Оленин, л. 33.

³⁴ «Его очень любил Пушкин», — утверждает В. А. Оленина (Воспоминания В. А. Олениной о своем муже Г. Н. Оленине. ГПБ, архив Олениных, № 6, л. 44).

³⁵ П. Россиев. А. С. Пушкин — актер-любитель. «Биржевые ведомости», утренний выпуск, 1911, № 12613, 2 ноября.

³⁶ См.: «Литературное наследство», кн. 58, М., 1952, стр. 75 и сл.

³⁷ Там же.

³⁸ Ф. Г. Солнцев. Моя жизнь и художественно-археологические труды. «Русская старина», 1876, т. 15, № 3, стр. 633.

в 1922 году заметке Н. К. Козмина «Пушкин и Оленина», в которой дана попытка истолковать вопрос о сватовстве Пушкина к Олениной по-новому. Н. К. Козмин пытался доказать, что стихи Пушкина, где упоминается Оленина, серьезных чувств поэта не отражают, что стихотворение «Я вас любил...» (1829) относят к Олениной бездоказательно и в заключение ссылался на следующее место из неопубликованных воспоминаний ученика К. П. Брюллова, художника М. И. Железнова:

«Пушкин посватался и не был отвергнут. Старик Оленин созвал к себе на обед своих родных и приятелей, чтобы за шампанским объявить им о помолвке своей дочери за Пушкина. Гости явились на зов; но жених не явился. Оленин долго ждал Пушкина и, наконец, предложил гостям сесть за стол без него. Александр Сергеевич приехал после обеда, довольно поздно. Оленин взял его под руку и отправился с ним в кабинет для объяснений, окончившихся тем, что Анна Алексеевна осталась без жениха».³⁹

Итак, согласно взгляду Н. К. Козмина, Пушкин в порыве увлечения сделал предложение Анне Алексеевне Олениной, а потом, спохватившись, увидев необдуманность своего шага и, умышленно опоздав на обед, дал понять Оленину свой отказ от намерения, и тот удовлетворил его желание.

При наличии двух столь различных трактовок вопроса большую помощь для уяснения истины оказывает дневник А. А. Олениной. Дневник этот хотя и был напечатан давно, в 1936 году (в Париже), однако до самого последнего времени не привлекал внимания биографов Пушкина.

Как названный дневник, так и в особенности приложенные к нему воспоминания О. Н. Оом, внучки А. А. Олениной, подтверждают факт сватовства Пушкина к Олениной. В дневнике последней Пушкину уделяется много внимания. А. А. Оленина предприняла было даже попытку написать роман. «Пушкин и Киселев — герои моего настоящего романа», — пишет она в записи от 18 июля 1828 года.⁴⁰ Но форма романа для дневниковых воспоминаний оказалась трудной, и Оленина вынуждена была отказать от первоначального замысла.

В воспоминаниях О. Н. Оом виновницей неудачного сватовства Пушкина названа Елизавета Марковна Оленина.

«Елизавета Марковна <Оленина>, — сообщает О. Н. Оом, — действительно не желала этого брака. Ценила дивный талант Пушкина, она находила, что его характер и бурная натура не могли бы составить счастья ее дочери. Глубоко религиозную Елизавету Марковну возмущали кощунственные стихи Пушкина и в особенности ходившая в то время по рукам поэма „Гавриилиада“. Она не могла простить ему его участие в обществе „Зеленая лампа“. Ее сердили поэтические вольности, которые он позволял себе по отношению к дочери, называя ее в стихах „Олениной моей“ или намереваясь „целовать ее ножки“, как он выразился в стихотворении „Когда б не смутное влеченье“».⁴¹

³⁹ Н. К. Козмин. Пушкин и Оленина (По новым данным). «Сборник Пушкинского Дома на 1923 год», Пгр., 1922, стр. 33—34.

⁴⁰ Цитируется по статье В. Д. Бонч-Бруевича «Пушкин в воспоминаниях А. А. Олениной» («Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1937, № 35, 9 февраля).

⁴¹ «Известия», 1937, № 35, 9 февраля (ср. ниже в публикации Т. Г. Цявловской, стр. 287). Сообщение О. Н. Оом, написанное более столетия после событий, нуждается в серьезных поправках: оно составлено под влиянием позднейшей пушкинской литературы, а не на основании только воспоминаний, что видно хотя бы по упоминанию об участии Пушкина в «Зеленой лампе»: этот факт был вовсе не известен современникам, да и сама «Зеленая лампа» рассматривалась правительством не как политиче-

Как свидетельствует об этом О. Н. Оом, недружелюбное отношение Е. М. Олениной к Пушкину не нравилось ее дочери Анне Алексеевне.

Как бы ни был, однако, полезен дневник Олениной для установления некоторых фактов из жизни поэта, мы вправе отнестись к нему критически. Любопытно, что в дневнике А. А. Олениной нет решительно никаких указаний на то, как смотрел на сватовство Пушкина к Олениной ее отец. Между тем отказаться от участия в определении будущего своей дочери он не мог; более того, следует предполагать, что на исход этого сватовства именно Оленин и должен был оказать решающее воздействие. В самом деле, откуда могла возникнуть у Елизаветы Марковны Олениной такая чувствительность к политической неблагонадежности Пушкина и такая осведомленность в отношении его литературного прошлого? О деле, возникшем по поводу «Гавриилиады», Е. М. Оленина не должна была и не могла ничего знать, если только не предположить, что сведения эти она получала от своего мужа, тесно связанного с официальными кругами.

Оленин был хорошо осведомлен в вопросах отношений к Пушкину правительства Николая I. Начавшееся в 1826 году дело о распространении запрещенного цензурой отрывка из элегии «Андрей Шенье», доставившее Пушкину немало неприятностей, пройдя ряд инстанций, попало в Сенат и вместе с докладом последнего было препровождено в Государственный Совет на утверждение. Доклад Сената был заслушан вначале в Департаменте гражданских и духовных дел, статс-секретарем которого являлся Оленин. В журнале заседания этого Департамента от 11 июня 1828 года, подписанном тремя членами — А. Д. Балашовым, Н. С. Мордвиновым и А. Н. Олениным, о Пушкине упоминается только как об авторе стихов, которые Молчанов и Леопольдов намеренно и без всяких на то оснований приурочили к 14 декабря 1825 года.⁴²

Таким образом, Департамент гражданских и духовных дел в отношении Пушкина вынес весьма снисходительное решение, отказавшись от повторения требования Сената обязать поэта подпиской, «дабы впредь никаких своих творений без рассмотрения и пропуска цензуры не осмеливался выпускать в публику под опасением строгого по законам взыскания».⁴³

В стремлении облегчить положение Пушкина какая-то доля участия, и, может быть, даже главная, принадлежала, несомненно, Оленину. Однако высшая инстанция, Государственный Совет, вынесла в отношении Пушкина самое суровое решение. Протокол заседания общего собрания Государственного Совета от 28 июня 1828 года гласил: «Государственный Совет, в Общем собрании, находя заключение Департамента гражданских и духовных дел по сему делу правильным, положил оное утвердить с таковым в отношении к сочинителю стихов означенных Пушкину дополнением, что по неприличному выражению его в ответах своих на счет происшествия 14 декабря 1825 года и по духу самого сочинения, в октябре 1825 года напечатанного, поручено было иметь за ним в месте его жительства секретный надзор».⁴⁴

ское, а лишь как чисто литературное общество без всякого значения; см., например, замечания в «Алфавите декабристов» о бывших членах Общества: Восстание декабристов, т. VIII, ГИЗ, Л., 1925, стр. 48—49 (Д. Н. Барков), 60 (Н. В. Всеволожский), 81 (А. А. Дельвиг), 165 (А. Г. Родзянко), 191 (А. Д. Улыбышев) и др.

⁴² См.: П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина. Изд. 3-е, М.—Л., 1931, стр. 99 и сл.

⁴³ Там же, стр. 123.

⁴⁴ Там же, стр. 125.

Решение Государственного Совета от 28 июня 1828 года, подписанное графом В. Кочубеем, князем Алексеем Куракиным, князем Д. Лобановым-Ростовским, графом П. Толстым, Г. Строгановым, А. Сукиным, К. Опперманом, князем Александром Голицыным, Г. Кутузовым, графом А. Чернышевым, М. Сперанским, А. Н. Олениным, Ф. Энгелем и князем Алексеем Долгоруковым, 28 июля 1828 года было утверждено Николаем I. Тем самым правящие круги во главе с царем, хотя и тайно, но официально, высказали свое недвусмысленное мнение о великом русском поэте.

Пушкин не мог не почувствовать сгустившейся вокруг него атмосферы. Отражением настроений поэта в этот период служит стихотворение «Предчувствие», которое, вероятно, не случайно было посвящено Олениной.

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...

Возникшее вскоре после этого дело о «Гавриилиаде» еще более усугубляло неблагоприятное положение, в котором оказался поэт. Новое дело в правительственных недрах возникло в конце июня, хотя только в начале августа 1828 года Пушкин был по нему допрошен.

Логично предполагать, что если ранее в своих отношениях к Пушкину Оленин и отличался большою «терпимостью», чем его коллеги по Государственному Совету, то после обсуждения в высших правительственных сферах дела об «Андрее Шенъе» и «Гавриилиаде» он не мог не сделать для себя соответствующих выводов.

Если еще в мае 1828 года, как это видно из письма Вяземского к жене, Пушкин вместе с Олениным-отцом, Олениным-сыном, Олениной-дочерью и Вяземским могли совершать увеселительную поездку в Кронштадт на пироскафе,⁴⁵ то ни в июле, ни, тем более, в августе 1828 года такая дружественная поездка не могла бы быть возможной.

Оленин не мог теперь допустить, чтобы поэт, за которым решением высшего правительственного органа установлен секретный надзор, был бы постоянным и желанным посетителем его дома и, более того, претендентом на руку его дочери, удостоенной звания фрейлины двора. Допустить это, с точки зрения Оленина, означало бы скомпрометировать себя в глазах царя, правящей верхушки и официального мнения.

Отношение к Пушкину, гостеприимно и дружелюбно принятому в семье Олениных после возвращения его из ссылки, летом 1828 года неизбежно должно было резко измениться к худшему, и не может возникнуть никаких сомнений в том, что это изменение было продиктовано соображениями политического характера. По вполне понятным причинам сам Оленин не мог открыто осуждать поэта. Эту роль должна была взять на себя Елизавета Марковна Оленина.

Всю двусмысленность своего положения в доме Олениных Пушкин определил, как надо думать, не сразу, вероятно, в исходе августа 1828 года. В письме к П. А. Вяземскому от 1 сентября 1828 года поэт откровенно намекал на постигшую его в доме Олениных неудачу: «Я пустился в свет, потому что бесприютен». Знаменательными в этом же письме являются и следующие строки:

⁴⁵ См. об этом: «Литературное наследство», кн. 58, 1952, стр. 80; ср. также: «Литературное наследство», кн. 47—48, 1946, стр. 237.

«Ты зовешь меня в Пензу, а того и гляди, что я поеду далее,

Прямо, прямо на восток.

«Мне навязалась на шею преглупая шутка. До правительства дошла наконец Гавриилиада; приписывают ее мне; донесли на меня, и я вероятно отвечу за чужие проказы, если кн. Дм. Горчаков не явится с того света отстаивать права на свою собственность. Это да будет между нами» (XIV, 26—27).

На эту серьезную жалобу Пушкина Вяземский попытался ответить в шутовском тоне: «Ты говоришь, что ты *бесприютен*: разве уже тебя не пускают в Приютино?» (Пушкин, XIV, 28).

И цитированное письмо Пушкина, и ответ на него Вяземского находят подтверждение в «Дневнике» А. А. Олениной. В записи, сделанной 19 сентября 1828 года, но относящейся к 5 сентября 1828 года, она прямо говорит о грубом отношении к Пушкину со стороны Е. М. Олениной.⁴⁶

Пушкин остро переживал свое неудачное сватовство, так как его увлечение А. А. Олениной было серьезным, неопровержимым свидетельством чего являются посвященные ей стихотворения поэта, поражающие читателя глубиной и целостностью чувства.

Разумеется, поэт переживал так остро свой неудавшийся проект женьитьбы не только вследствие получения отказа, но еще и потому, что этот отказ принял весьма неестественную форму. В этом отказе Анна Алексеевна выступала в роли жертвы семейного деспотизма, а Оленины-родители — в роли движимых чувством страха, безвольных исполнителей чужих повелений и мнений, мнений высших правящих сфер.

Возникшее летом 1828 года особенно настороженное отношение правительственных сфер к Пушкину вполне оправдывает критическое отношение исследователя к фактам, изображенным в дневнике А. А. Олениной. Дневник был начат 20 июня 1828 года, т. е. через девять дней после того, как на заседании Департамента гражданских и духовных дел, в присутствии А. Н. Оленина, был поставлен вопрос о предосудительных стихах Пушкина. С этого времени, вероятно, и начинается поворот в отношениях к великому поэту как самого А. Н. Оленина, так и его жены, Е. М. Олениной. Не мог не отразиться этот поворот и на отношении к Пушкину А. А. Олениной. Стремление Е. М. Олениной дискредитировать поэта в глазах своей дочери не могло не отразиться на дневнике последней и содержащихся в нем суждениях о Пушкине.

Историю своих отношений с Пушкиным А. А. Оленина всю жизнь хранила в строгой тайне. Это отметил еще в 1890 году П. М. Устимович,⁴⁷ об этом же рассказывает в своих воспоминаниях и О. Н. Оом. Этим обстоятельством, а также уважением А. А. Олениной к авторитету своего отца и следует объяснить отсутствие в дневнике А. А. Олениной каких-либо упоминаний об отношениях к Пушкину А. Н. Оленина.

Характеризуя отношения к Пушкину А. А. Олениной, следует указать еще на хранящееся в архиве Олениных незаконченное ее произведение «Роман нашего времени». Датированный 1831 годом, роман этот, к сожалению, прерывается в самом начале, на шестой главе, хотя написанная часть произведения и представлена двумя редакциями.⁴⁸

⁴⁶ «Известия», 1937, № 35, 9 февраля.

⁴⁷ См.: П. М. Устимович. Анна Алексеевна Андро, рожденная Оленина. «Русская старина», 1890, т. 67, стр. 390—391.

⁴⁸ ГПБ, архив Олениных, №№ 935 и 936.

Названное произведение А. А. Олениной, в котором, кстати сказать, в двух местах цитируются пушкинские стихи, мы вправе рассматривать как продолжение той упомянутой нами попытки А. А. Олениной написать роман, в котором Пушкину отводилась роль главного действующего лица. Не возникает никаких сомнений в том, что в главной героине произведения, Маше Ландышевой, А. А. Оленина изобразила самое себя. Очень вероятно также и то, что в одном из главных героев романа, воспитаннике «Лицейского пансиона» Лелеве, Оленина стремилась вывести Пушкина. Ревниво оберегая тайну своих отношений с поэтом, Анна Алексеевна должна была, разумеется, избегать прямых указаний на автобиографический характер своего произведения.

Следует отметить, что в отношениях Маши к Лелеву, которого она называет «странным оригиналом», есть много общего с отношениями Олениной к Пушкину, который был для нее «Красным Ровером», как свидетельствует об этом О. Н. Оом. Представляется любопытным также и следующее зачеркнутое место в «Романе нашего времени», следовавшее за сравнительной характеристикой Лелева и князя Д.: «Но приговоры судьбы неисповедимы, и случай, по-видимому совсем неважный, имел влияние на остальную жизнь ее».⁴⁹ Не исключена возможность, что в этой фразе содержится намек на роковой характер встречи Олениной с Пушкиным. Припомним, что на обращенные к Анне Алексеевне вопросы О. Н. Оом о причинах неудачного сватовства к ней Пушкина, та отвечала: «такова была воля божья» или «видно не суждено было».⁵⁰

На протяжении всей сознательной жизни А. А. Олениной никогда не менялось ее восхищенное отношение к Пушкину. В письме к П. А. Вяземскому от 18 апреля 1857 года, вспоминая события тридцатилетней давности, А. А. Оленина писала:

«Помните ли вы то счастливое время, где мы были молоды, и веселы, и здоровы!

«Где Пушкин, Грибоедов и вы сопутствовали нам на Невском пароходе в Кронштадте. Ах, как всё тогда было красиво и жизнь текла быстрым, шумливым ручьем...».⁵¹

Это воспоминание нелишне будет сопоставить с характеристикой поэта, принадлежащей ее сестре, Варваре Алексеевне Олениной. В одном месте своих заметок-воспоминаний, давая краткие и весьма лестные характеристики Батюшкову, Крылову, Гнедичу, Жуковскому, остановившись на последнем, ошибочно приписывая Пушкину эпиграмму на Жуковского, принадлежащую А. А. Бестужеву-Марлинскому, и несколько путая факты, В. А. Оленина записала: «Не могу простить Пушкину, как мог подобный стих придти ему в голову: „Верен отечеству, престолу. И жмет он руку камер-лакею“. И еще, как имел он духу написать эпиграмму, на кого еще? на Николая Михайловича Карамзина! Это только мог сделать один Пушкин; и оттого не смею его описывать».⁵²

В этой неприязненной оценке отразилось мнение о Пушкине не одной только В. А. Олениной, но также и мнение ее родителей и прежде всего ее отца, перед которым Варвара Алексеевна благоговела и симпатии и антипатии которого она всецело разделяла.

⁴⁹ А. А. Оленина. Роман нашего времени (вторая редакция). ГПБ, архив Олениных, № 936, лл. 88 об. и 89.

⁵⁰ «Известия», 1937, № 35, 9 февраля.

⁵¹ «Литературное наследство», кн. 47—48, 1946, стр. 237.

⁵² В. А. Оленина. Журнал для записей, 1868. ГПБ, архив Олениных, № 877, л. 85.

Отношения между Олениным и Пушкиным менялись с годами, но летом 1828 года эти отношения вошли в новый этап. В августе 1828 года Пушкин увидел, что от нависших над ним туч ему не укрыться ни в парке, ни в доме Приютинской мызы. Истинная подоплека недружелюбного отношения со стороны Олениных-родителей, которое, по-видимому, приобрело многообразные и не всегда благовидные формы, ему была, несомненно, ясна. Поэт осудил малодушие и прислужничество Оленина и ответил последнему молчаливым презрением.

О возникновении у Пушкина резко отрицательного отношения к А. Н. Оленину, его жене и его дочери свидетельствуют относящиеся к 1830 году черновые варианты к восьмой главе «Евгения Онегина» (строфа XXVI). Здесь встречаются такие строки (VI, 512):

Annette Olenine тут была,
Уж так [жеманна], так мала!..
Так бестолкова, так писклива,
[Что вся была в отца и мать].⁵³

В первоначальном варианте стихов 10—11 одного из набросков названной строфы Пушкин выразил свое презрение к А. Н. Оленину с еще большей силой (VI, 514):

Тут был отец ее пролаз
Нулек на ножках.⁵⁴

Нужны были очень серьезные мотивы, чтобы имя А. Н. Оленина и его излюбленная монограмма, его «личная марка» как художника *Q*, внушавшие Пушкину в 1821 году, в ссылке, подлинное чувство благодарности и благоговения, стали в конце концов предметом ненависти и злой шутки поэта.

Мнение В. Д. Бонч-Бруевича о том, что и после августа 1828 года в доме Олениных «гениальный поэт наш находил и ласку, и уют, и внимание»,⁵⁵ самым решительным образом расходится с истиной. В литературе о Пушкине и в архивных материалах можно найти ряд указаний на продолжавшиеся и после 1828 года связи поэта с членами Оленинского кружка Гнедичем и Крыловым, однако обширная литература о Пушкине не дает ни малейшего факта, подтверждающего дружелюбные отношения между Олениным и Пушкиным после августа 1828 года. Более того, следует предполагать, что с указанного времени Пушкин в доме Оленина не появлялся ни разу. Следует надеяться на то, что история восходящих к августу 1828 года непримиримо враждебных отношений между Пушкиным и Олениным в будущем будет раскрыта и изображена с большей степенью убедительности и с теми подробностями, о которых мы ничего не знаем ныне. Однако непосредственное отношение к этой истории имеет и та, ведшаяся между Олениным и Пушкиным на протяжении

⁵³ Вариант (VI, 513):

Тут [Лиза] дочь его была
Уж так жеманна, так мала,
Так неопрятна, так писклива,
Что поневоле каждый гость
Предполагал в ней ум и злость...

⁵⁴ Варианты (VI, 514):

а) Тут был ее отец *Q*
б) О двух ногах н<улек> горбатый

⁵⁵ «Известия», 1937, № 35, 9 февраля.

нескольких лет своеобразная тяжба, которую можно восстановить даже сейчас на основании архивных данных.

31 января 1831 года А. Н. Олениным как директором императорской Публичной библиотеки было издано написанное в очень строгих выражениях распоряжение, предписывавшее сотрудникам Библиотеки составление подробного и точного списка находящихся в продаже и не доставленных в библиотеку книг с целью привлечения соответствующих цензурных комитетов к ответственности за нарушение «высочайше утвержденного» устава библиотеки об обязательном экземпляре.⁵⁶

По русскому отделению учет не доставленных в библиотеку книг был возложен на И. А. Крылова. Последним в июле 1831 года на имя Оленина был написан следующий рапорт:

«От библиотекаря статского советника Крылова.

«Во исполнение предписания вашего высокопревосходительства от 31-го января сего года за № 24 честь имею сим донести, что выправка книг из разных библиографических известий за прошедший 1830 и частию за 1829 годы, по вверенному мне русскому отделению, учинена. Каких же именно из находящихся в продаже книг, из цензурных комитетов и других мест, в русском отделении императорской Публичной библиотеки по сие время не получено, то подробно значится в прилагаемом при сем реестре.

Библиотекарь Иван Крылов».⁵⁷

В реестре, который Крылов приложил к своему рапорту, по разным цензурным комитетам и ведомствам значилось шестнадцать неполученных названий, из коих шесть названий приходилось на С.-Петербургский цензурный комитет. Самым примечательным в этом списке является то, что автором трех из шести изданий, не доставленных С.-Петербургским цензурным комитетом, был Пушкин.⁵⁸ Оленин был очень тверд и последователен в исполнении своих обязанностей по Публичной библиотеке. В делах архива библиотеки хранится не один документ, свидетельствующий о том, что, раз возбудив дело о недоставлении в библиотеку книг каким-либо ведомством, Оленин доводил начатое дело до успешного конца. Так, например, в 1828 году он добился выполнения своих законных требований в отношении доставления в библиотеку «Тифлиских ведомостей» от графа И. Паскевича-Эриванского; в 1835 году о выполнении требования Оленина в отношении недоставленного в библиотеку «Свода законов» покорно сообщил ему М. М. Сперанский. Во всех аналогичных случаях, которых в практике управления библиотекой у Оленина возникало немало, торжество всегда оставалось на его стороне.

Более сложным и трудным оказалось для Оленина разрешение возникшей у него в 1831 году тяжбы с С.-Петербургским цензурным комитетом. В своем отношении на имя попечителя С.-Петербургского учебного округа К. М. Бороздина от 8 августа 1831 года Оленин просил предписать С.-Петербургскому цензурному комитету «незамедлительное доставление в Библиотеку вышеозначенных шести книг». 25 августа 1831 года К. М. Бороздин отвечал Оленину, что из требуемых шести названий

⁵⁶ См.: Архив ГПБ, 1831, № 3, л. 5.

⁵⁷ Там же, л. 19.

⁵⁸ В библиотеку не были доставлены следующие вышедшие в свет сочинения Пушкина: «Полтава» (1829), «Евгений Онегин» (глава седьмая, 1830) и «Бахчисарайский фонтан» (1830).

комитет препровождает в библиотеку только два и что «сочинения Ал. Пушкина „Полтава“, „Бахчисарайский фонтан“ и „Евгений Онегин“, также номера „Записок Департамента народного просвещения“ за разные годы издаваемы были не по одобрению Цензурного комитета, а посему и не были доставлены в канцелярию оною по отпечатании: ибо типографии не имеют в сем случае нужды брать позволительных билетов на выпуск в свет, а возвращают сочинителям или издателям без всякого к комитету отношения».⁵⁹

Для получения не доставленных в библиотеку сочинений Пушкина нужно было обращаться к самому «сочинителю». Не приходится сомневаться в том, что Оленин сделал это без особого промедления. Как ответил поэт на требование Оленина, сказать трудно, но только книг своих в библиотеку он не доставил. Следует полагать, что степень своей юридической ответственности как издателя перед Олениным, как директором императорской библиотеки, Пушкину могла быть не вполне известна; присылку своих сочинений в библиотеку поэт, вероятно, был склонен рассматривать только как личную свою любезность по отношению к Оленину. На любезность же подобного рода поэт, разумеется, пойти не мог.

Обстоятельства жизни и после 1828 года сталкивали иногда Пушкина с Олениным. Так, например, в связи с избранием Пушкина в действительные члены Российской академии на запрос ее неперменного секретаря П. И. Соколова о согласии на избрание А. С. Пушкина, М. Н. Заголкина, П. А. Катенина, А. И. Малова и Д. И. Языкова Оленин в письме от 14 декабря 1832 года ответил согласием.⁶⁰

3 февраля 1833 года скончался Н. И. Гнедич. 6 февраля на похоронах сошлись все петербургские друзья покойного. Многие из них в прошлом были членами Оленинского кружка. Здесь Пушкин встретился с Олениным. На кладбище гроб Гнедича несли П. А. Вяземский, И. А. Крылов, А. А. Оленин, А. Н. Оленин, П. А. Оленин, П. А. Плетнев, А. С. Пушкин, Ф. П. Толстой и др.⁶¹ Однако ни после избрания Пушкина в Российскую академию, ни после смерти Гнедича в установившихся между Пушкиным и Олениным отношениях никаких улучшений не наступило. Возникшая между ними в 1831 году тяжба не прекращалась. В официальном письме Публичной библиотеки к Пушкину от 22 марта 1835 года канцелярия последней, «по приказанию директора», просила доставить ей по одному экземпляру «Евгения Онегина», «Полтаву» и «Историю о Пугачевском бунте» (Пушкин, XVI, 14).

Если бы недоставление Пушкиным своих сочинений в библиотеку было простой оплошностью поэта, то для устранения ее не потребовалось бы четырехлетней канцелярской волокиты. Во всяком случае, в 1834 году после издания «Истории Пугачева» он постарался бы эту оплошность исправить. Достаточно было, наконец, Крылову или самому Оленину обратиться к поэту с неофициальной просьбой, и Пушкин с готовностью выполнил бы ее незамедлительно. При установившихся, однако, между Олениным и Пушкиным отношениях такая непосредственность в обращении была решительно невозможна.

⁵⁹ Архив ГПБ, 1831, № 3, л. 31, 31 об. (отношение К. М. Бороздина за № 124 от 25 августа 1831 года). См. ниже статью Г. Г. Ариель-Залесской «К изучению истории библиотеки А. С. Пушкина», стр. 352.

⁶⁰ См.: М. И. Сухомлинов. История Российской академии, вып. VII, СПб., 1885, стр. 79.

⁶¹ См. заметку М. Е. Лобанова на обложке рукописного экземпляра его «Биографии Н. И. Гнедича» (ГПБ, собрание П. Н. Тиханова, № 787/52).

В начале апреля 1835 года в не дошедшем до нас письме Пушкин ответил Оленину на его просьбу принять участие в сооружении памятника над могилой Гнедича. Об этом письме Пушкина мы узнаем из ответного письма А. Н. Оленина от 3 апреля 1835 года, в котором сообщалось о получении списка подписавшихся на памятник и приложенных к нему от Пушкина пятидесяти рублей ассигнациями (Пушкин, XVI, 15).

Но и обмен названными письмами существа отношений между Пушкиным и Олениным изменить не мог. Судить об этом позволяет неопубликованное письмо библиотекаря И. П. Быстрова к И. А. Крылову от 7 августа 1836 года, выдержка из которого приводится ниже:

«Многие места и лица не доставляют в Библиотеку *лучших* эстампов, музыкальных нот, географических карт и пр. (так, например, литографии Беггрова, Савенкова, Снегирева, Давиньона и другие казенные). — Пушкин не доставил *Истории Пугачевского бунта*. К нему писано было не однажды, но ответа не получено».⁶²

Таким образом, мы имеем право сказать, что приятельские отношения, связывавшие А. Н. Оленина с Пушкиным на протяжении целого десятилетия, не выдержали испытания времени.

С августа 1828 года до конца жизни в своих отношениях к Оленину великий поэт занимал непримиримо враждебную позицию. Из своих общений с Олениным в 1828 году Пушкин вынес для себя много поучительного. В его неприязненном отношении к Оленину сказалось нечто гораздо большее, чем оскорбленное самолюбие, чувство личной обиды. В решающий для Пушкина момент жизни А. Н. Оленин, вопреки сложившейся за ним репутации покровителя талантов, оказался на стороне тех, кому был органически чужд и враждебен свободолюбивый дух пушкинского творчества.

Обстоятельства, сопровождавшие так называемое неудачное сватовство Пушкина к А. А. Олениной, следует поставить в большой ряд событий, отразивших тот непримиримый конфликт великого поэта с высшим светом и самодержавием, логическим завершением которого был выстрел Дантеса.

⁶² ГПБ, собрание русских автографов, И. П. Быстров, л. 2.

Т. Г. ЦЯВЛОВСКАЯ

ДНЕВНИК А. А. ОЛЕНИНОЙ

Ряд лирических стихотворений Пушкина связан с именем Анны Алексеевны Олениной. Среди женских головок, нарисованных поэтом на полях его рукописей, исследователи часто узнают ее облик. Мы знаем записи Пушкина, разбросанные среди черновиков его произведений и выдающие мечту поэта соединить свою судьбу с этой девушкой: «Annette Olenine», «Annette Pouchkine». Всё это объясняет особый интерес исследователей творчества и биографии поэта к младшей дочери президента Академии художеств, директора Публичной библиотеки в Петербурге, художника-дилетанта А. Н. Оленина.

Не говоря об эпизодических упоминаниях имени Олениной в работах пушкинистов, в печати известны две статьи, специально посвященные Олениной и Пушкину.¹ Однако история взаимоотношений Пушкина с этой девушкой до сих пор неясна. Неясен и образ вдохновительницы таких поэтических созданий Пушкина, как «Ее глаза», «Ты и вы», «Предчувствие», «Город пышный, город бедный...» и других стихотворений.

Тем больший интерес вызывает дневник Анны Алексеевны Олениной,² относящийся именно к тому 1828 году, когда Пушкин обращал к ней свои стихи. Дневник заключает в себе около трех с половиной печатных листов. Он охватывает время с 20 июня 1828 по 9 сентября 1829 года и по одной записи за 1830, 1831 и 1835 годы. Несколько отрывков из дневника Олениной, из указанного редкого издания, было воспроизведено В. Д. Бонч-Бруевичем в статье «Пушкин в воспоминаниях А. А. Олениной».³

Здесь мы воспроизводим лишь те отрывки из дневника, которые связаны — прямо или косвенно — с именем Пушкина и других выдающихся деятелей его времени. Попутно некоторые фактические данные привлекаются нами из предисловия к дневнику, написанного внучкой Олениной, О. Н. Оом, а также из неопубликованных воспоминаний об А. А. Олениной ее внучатного племянника, покойного композитора Александра Алексеевича Оленина (1865—1944). Значительный материал дают также письма П. А. Вяземского этого периода.

¹ П. М. Устимович. Анна Алексеевна Андро, рожденная Оленина. «Русская старина», 1890, т. 67, август, стр. 387—412; Н. Козмин. Пушкин и Оленина (По новым данным). «Сборник Пушкинского Дома на 1923 год», Пгр., 1922, стр. 31—34.

² Дневник Анны Алексеевны Олениной (1828—1829). Предисловие и редакция Ольги Николаевны Оом. Париж, 1936, ХLI, 137 стр. (тираж издания — двести пронумерованных экземпляров). Мы пользовались экземпляром № 138, принадлежащим библиотеке Государственного Литературного музея (Москва).

³ «Известия ЦИК СССР и ВЦИК». 1937, № 35, 9 февраля.

1

Поэт знал Оленину еще десятилетней девочкой, когда по окончании Лицея бывал в доме ее родителей. Об этих посещениях мы знаем из письма Пушкина к А. П. Керн от 25 июля 1825 года (XIII, 192—193),⁴ из ее воспоминаний,⁵ из показаний декабриста М. П. Бестужева-Рюмина.⁶ К этим свидетельствам следует прибавить еще два. Первое — это сообщение Александра Алексеевича Оленина: «Архив прадеда сохранился; сохранились его письма к разным лицам, в том числе к сыновьям. В них есть упоминания о Пушкине. Помню, что в одном письме Алексей Николаевич называет Александра Сергеевича так: „юноша Пушкин“». ⁷ Другое свидетельство — запись Олениной в ее дневнике (18 июля 1828 года): «Annette l'avait connu, quand elle était encore enfant».⁸

Вновь встретились они спустя семь лет, когда Пушкин приехал после ссылки в Петербург. В первые же дни по приезде (в конце мая 1827 года) он, несомненно, перебивал у всех друзей, не тронутых декабрьским разгромом, а также и у доброжелателей своих. Среди последних был и А. Н. Оленин, принявший участие в хлопотах о Пушкине в тревожные дни 1820 года, когда над молодым поэтом нависла угроза ссылки в Сибирь или в Соловки. Не мог, конечно, Пушкин забыть и о том, что Оленин дал виньетку со своей подписью к изданию первой поэмы ссыльного поэта.⁹ Дочери Оленина в это время Пушкин не видел. Семейство Олениных было уже, вероятно, на своей даче, в Приютино, а затем (около 27 июля) и Пушкин уехал в Михайловское.

Осенью или ранней зимой 1827 года¹⁰ Пушкин встретил Анну Алексеевну Оленину в доме общих знакомых. То была уже девятнадцатилетняя девушка. Рассказ об этой встрече записан Олениной в дневнике 18 июля 1828 года, когда она пыталась в романической форме описать историю своего знакомства с поэтом:

«Un jour, au bal chez la comtesse Tiesenhausen-Hitroff, Annette vit le personnage le plus intéressant de son temps et distingué dans la carrière des lettres: c'était le fameux poète Pouchkine».

(«Однажды, на балу у графини Тизенгаузен-Хитровой, Анета увидела самого интересного человека своего времени и выдающегося на поприще литературы: это был знаменитый поэт Пушкин»).

«Бог, даровав ему гений единственный, не наградил его привлекательной наружностью. Лицо его было выразительно, конечно, но некоторая

⁴ Здесь и в дальнейшем цитируется по изданию: Пушкин, Полное собрание сочинений, тт. I—XVI, Изд. Академии наук СССР, 1937—1949.

⁵ А. П. Керн. Воспоминания. Предисловие П. И. Новицкого. Вступительная статья, редакция и примечания Ю. Н. Верховского, изд. «Academia», Л., 1929, стр. 60.

⁶ М. П. Бестужев-Рюмин показывал Следственному комитету 5 апреля 1826 года, что он встречал «несколько раз» Пушкина в 1819 году у Олениных (Восстание декабристов, т. IX, Госполитиздат, 1950, стр. 119).

⁷ Заканчивается этот абзац в воспоминаниях А. А. Оленина так: «„Архив Алексея Николаевича находится в городе Касимове. Я тебе его с удовольствием привезу“ — сказал уходя Александр Алексеевич» (Воспоминания Александра Алексеевича Оленина, в записи Павла Сергеевича Попова, 1934. Рукопись. Хранится у меня). Судьба названного архива (или, вернее, этой части архива) А. Н. Оленина теперь не известна.

⁸ «Анета знала его, когда была еще ребенком». — Оленина пишет о себе в третьем лице.

⁹ См. выше статью Ф. Я. Приймы «Пушкин и кружок А. Н. Оленина», стр. 235.

¹⁰ Пушкин вернулся из Михайловского в Петербург числа 17 октября.

злоба и насмешливость затмевали тот ум, который виден был в голубых или, лучше сказать, стеклянных глазах его. Арапский профиль, заимствованный от поколения матери, не украшал лица его. Да и прибавьте к тому ужасные бакенбарды, растрепанные волосы, ногти как когти, маленький рост, жеманство в манерах, дерзкий взор на женщин, которых он отличал своей любовью, странность нрава, природного и принужденного, и неограниченное самолюбие — вот все *достоинства* телесные и душевные, которые свет придавал русскому поэту XIX столетия.

«Говорили еще, что он дурной сын, но в семейных делах невозможно всё знать; что он распутный человек, но, впрочем, вся молодежь почти такова.

«Итак всё, что Анета могла сказать после короткого знакомства, есть то, что он умен, иногда любезен, очень ревнив, несносно самолюбив и не деликатен.

«Parmi les singularités du poète était celle d'avoir une passion pour les petits pieds, que dans un de ses poèmes il avouait préférer à la beauté même. Annette réunissait à un extérieur passable deux choses: elle avait des yeux qui des fois étaient jolis, des fois bêtes. Mais son pied était vraiment très petit et presque personne de ses amies ne pouvait entrer dans ses souliers.

«Pouchkine avait remarqué cet avantage et ses yeux avides suivaient sur le parquet glissant les pieds de la jeune Olénine.

«Il était à peine revenu d'un exil de six ans. Tout le monde — hommes et femmes — s'empresaient de lui montrer les attentions que l'on a toujours pour le génie. Les uns le faisaient par mode, d'autres — pour tâcher d'avoir de jolis vers pour se faire par cela une réputation, d'autres, enfin, par véritable respect pour le génie, mais la plus grande partie — à cause de la faveur qu'il avait auprès de l'empereur Nicolas qui était son censeur.

«Annette l'avait connu, quand elle était encore enfant. Depuis elle avait admiré avec enthousiasme sa poésie entraînantе.

«Elle aussi voulut distinguer le fameux poète: elle alla donc le choisir dans une des danses; la crainte qu'elle serait ridiculisée par lui, la fit baisser les yeux et rougir en l'approchant. La nonchalance avec laquelle il lui demanda, où était sa place, la piqua. Supposer, que Pouchkine put croire qu'elle était une sottе, la blessa, mais elle répondit simplement et de toute la soirée elle ne se hasarda plus à venir le choisir.

«Mais ce fut alors lui à son tour qui vint l'inviter à faire la figure et elle le vit s'avancer vers elle.

«Elle lui donna la main, en détournant la tête et en souriant, car c'était un honneur que tout le monde lui envoyait» (стр. 11—13).

(«Среди особенностей поэта была та, что он питал страсть к маленьким ножкам, о которых он в одной из своих поэм признавался, что предпочитает их даже красоте. Анета соединяла с посредственной внешностью две вещи: у нее были глаза, которые порой бывали хороши, порой глупы. Но ее нога была действительно очень мала, и почти никто из ее подруг не мог надеть ее туфель.

«Пушкин заметил это преимущество, и его жадные глаза следили по блестящему паркету за ножками молодой Олениной.

«Он только что вернулся из шестилетней ссылки. Все — мужчины и женщины — старались оказывать ему внимание, которое всегда питают к гению. Одни делали это ради моды, другие — чтобы иметь прелестные стихи и приобрести благодаря этому репутацию, иные, наконец, вследствие истинного почтения к гению, но большинство — потому, что он был в милости у государя Николая Павловича, который был его цензором.

«Анета знала его, когда была еще ребенком. С тех пор она с восторгом восхищалась его увлекательной поэзией.

«Она тоже захотела отличить знаменитого поэта: она подошла и выбрала его на один из танцев; боязнь, что она будет осмеяна им, заставила ее опустить глаза и покраснеть, подходя к нему. Небрежность, с которой он спросил у нее, где ее место, задела ее. Предположение, что Пушкин мог принять ее за дуру, оскорбило ее, но она ответила просто и за весь остальной вечер уже не решалась выбрать его.

«Но тогда он в свою очередь подошел выбрать ее исполнить фигуру, и она увидела его, приближающегося к ней.

«Она подала ему руку, отвернув голову и улыбаясь, потому что это была честь, которой все завидовали.»)

О Пушкине, недавно вернувшемся из ссылки и появившемся на вечере у Е. М. Хитрово,¹¹ вспоминала и А. О. Смирнова (тогда Россет): «Стефани и я мы были званы на этот вечер. В углу между многими мужчинами стоял Пушкин. Я сказала в мазурке Стефани: „Выбери Пушкина“. Она пошла. Он небрежно прошелся с ней по зале, потом я его выбрала. Он и со мной очень небрежно прошелся, не сказав ни слова».¹²

2

Следующие встречи Пушкина с Олениной, о которых мы знаем, относятся уже к весне 1828 года.

Вяземский пишет жене 18 апреля 1828 года: «Вчера немного восплаивали мы у Олениных. Ничего, потому что никого замечательного не было. Девушка Оленина довольно бойкая штука: Пушкин называет ее „драгунчиком“ и за этим драгунчиком ухаживает».¹³ В другом письме, от 3 мая, Вяземский пишет ей же о проведенном накануне дне: «После был я у Олениной, праздновали день рождения старушки».¹⁴ У них очень добрый дом. Мы с Пушкиным играли в кошку и мышку, то есть волочились за Зубо-

¹¹ Вопрос о времени окончательного возвращения Е. М. Хитрово в Россию, а в связи с этим и о времени знакомства Пушкина с нею рассматривался Н. В. Измайловым в его статье «Пушкин и Е. М. Хитрова» в книге «Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово» (Л., 1927). Н. В. Измайлов считает, что приезд Хитрово был вызван «коронацией императора Николая, в августе 1826 года; осторожнее его отнести к 1827 году» (стр. 159). Предположение это правильно: «Г-жа Хитрово вчера вечером приехала в Рим, а в воскресенье опять уедет во Флоренцию. Она едет в Москву на коронацию!» — писал 4 апреля 1826 года князь Дм. Ив. Долгоруков брату Михаилу из Рима («Русский архив», 1915, № 3, стр. 392). Не известно, состоялась ли знакомство Пушкина с Е. М. Хитрово в 1826 году, в Москве. Если нет, то оно завязалось в 1827 году, в Петербурге.

¹² А. О. Смирнова-Россет. Автобиография (Неизданные материалы). Подготовила к печати Л. В. Крестова. С предисловием Д. Д. Благого, М., 1931, стр. 110. Л. В. Крестова, вслед за В. В. Вересаевым, относит знакомство Пушкина с Россет (Смирновой) к январю 1829 года (см. там же, стр. 320). Это неправильно, хотя бы потому, что стихотворение Пушкина «Ее глаза», в котором говорится и о Россет, написано в 1828 году. К тому же приглашение Россет на бал совместно с княжной Стефанией Радзивил (1809—1832) говорит о времени, когда обе были еще фрейлинами, а это было не позднее весны 1828 года, когда Радзивил (14 апреля) вышла замуж за графа Л. П. Витгенштейна.

¹³ М. С. Боровкова-Майкова. Письма Вяземского. «Литературно-художественный сборник „Красной панорамы“», ноябрь, Л., 1929, стр. 48. Вторично вошло в публикацию: Пушкин в неизданной переписке современников. «Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 75.

¹⁴ Елизавета Марковна Оленина, рожденная Полторацкая, родилась 2 мая 1768 года, ей исполнилось в этот день шестьдесят лет.

вой-Щербатовой,¹⁵ сестрою покойницы Юсуповой,¹⁶ которая похожа на кошку, и малюткой Олениной, которая мала и резва, как мышь».¹⁷

7 мая Вяземский пишет жене, что день 5 числа он окончил балом «у наших Мещерских». Это был дом его племянницы, новобрачной Екатерины Николаевны Мещерской, младшей дочери Карамзина, за неделю до того (27 апреля 1828 года) вышедшей замуж за князя П. И. Мещерского. Пушкин знал ее, как и Оленину, ребенком, а вернувшись из ссылки в 1827 году, посвятил ей свой «Акафист Е. Н. Карамзиной». Описывая вечер у Мещерских, Вяземский рассказывает: «С девицей Олениной танцевал я rot-rouggi и хвалил ее кокетство... Пушкин думает и хочет дать думать ей и другим, что он в нее влюблен, и вследствие моего rot-rouggi играет ревнивого. Зато вчера на балу у Авдулиных¹⁸ совершенно отбил он меня у Закревской,¹⁹ но я не ревновал».²⁰

Непринужденность, экспансивность Пушкина, резко отличающаяся от принятой в светском обществе сдержанности, часто вводила в заблуждение даже самых близких его друзей. Непосредственность его принимали за игру, сильное выражение чувств — за деланное поведение. «Думает и хочет дать думать ей и другим, что он в нее влюблен... играет ревнивого», — так воспринимал Вяземский тон Пушкина по отношению к Олениной.²¹

А поэт в эти дни чертит среди черновиков «Полтавы» анаграммы: «Eli Eninelo», «ettenna eninelo», «eninelo ettenpa», «Olenina» и, наконец, «Annette» и поверх этого имени свою фамилию «Pouchkine».²² Пушкин задумывался уже о возможности брака с Олениной. В те же дни на следующем листе тетради он пишет свое первое стихотворение, обращенное к Олениной:

Вы избалованы природой;
Она пристрастна к вам была,
И наша страстная хвала
Вам кажется докучной модой...

(III, 2, 717, 719)²³

Пушкин не дал, по-видимому, этих стихов Олениной, потому что меньше чем через год он напечатал стихотворение, с текстуальными заимствованиями из приведенного мадригала, обращенное к другой девушке. Оно было озаглавлено: «В альбом (Е. Н. У...вой)», — поэт почти не

¹⁵ Графиня Наталья Павловна Зубова, рожденная княжна Щербатова (1801—1868), жена графа Александра Николаевича Зубова.

¹⁶ Княгиня Прасковья Павловна Юсупова, рожденная княжна Щербатова (1795—1820).

¹⁷ М. С. Боровкова-Майкова, ук. соч., стр. 49.

¹⁸ Алексей Николаевич Авдуин (1776—1838), генерал-майор, и жена его Екатерина Сергеевна, рожденная Яковлева (ум. в 1832 году).

¹⁹ Графиня Аграфена Федоровна Закревская, рожденная графиня Толстая (1800? — 1879). О ней см. ниже, стр. 267.

²⁰ М. С. Боровкова-Майкова, ук. соч., стр. 49; см. также: «Литературное наследство», т. 58, стр. 77—78.

²¹ Все эти внешние впечатления Вяземского дали повод М. С. Боровковой-Майковой присоединиться к мнению В. В. Вересаева, указывавшего на «несовпадение поэта с человеком в плане реальной жизни» (указанный сборник журнала «Красная панорама», стр. 50).

²² См.: М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. Рукою Пушкина. Изд. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 314. Датируются эти записи: 1...18 (?) мая 1828 года.

²³ Предшествующие черновые варианты см. III, 2, 717—719. Стихотворение в этой первоначальной редакции (ЛБ № 2371, л. 12 об.; ныне ИРЛИ (ПД), ф. 244, оп. 1, № 838) датируется: «после 5 апреля — началом (до 9-го) мая 1828 года» (III, 2, 1176).

скрывал, что обращено стихотворение к Ел. Ник. Ушаковой; начиналось оно тем же стихом: «Вы избалованы природой...».²⁴

9 мая Пушкин участвовал в поездке морем вместе с Олениными и художником Дау, англичанином, жившим в России и писавшим портреты героев Отечественной войны для Военной галереи Зимнего дворца. Об этом говорит помета, сделанная на следующем листе тетради Пушкина, под вторым стихотворением, обращенным к Олениной: «9 мая 1828. Море Ол. <енина>.²⁵ Дау» (III, 2, 651).²⁶

Стихотворение «Вы избалованы природой...» было первым выражением раннего состояния влюбленности, когда человек стремится передать стихами свое постоянное влечение к милой ему девушке.

Новое стихотворение — «Увы! Язык любви болтливый...» — отражает новые чувства. В нем Пушкин благословляет свой поэтический дар: он позволит ему открыть свое чувство деве, боящейся объяснений в любви. С горечью признается поэт, что доселе его поэзия была лишь источником преследования его правительством или обществом:

Увы! Язык любви болтливый,
Язык [неясный]²⁷ и простой,
Своею прозой нерадивой
Тебе докучен, ангел мой.

(III, 1, 100).²⁸

Поэт удивляется художнику, рисовавшему его во время поездки на пироскафе, когда тут же находилась юная красавица («To Dawe, Esq'»):

Зачем твой дивный карандаш
Рисует мой арапский профиль?..
Рисуй Олениной черты.

(III, 1, 101).²⁹

Как всякий влюбленный, Пушкин жаждет говорить о нравящейся ему девушке. Обратив внимание художника на красоту Олениной, поэт заводит разговор о ней с приятелем.

Приехавший в Петербург Вяземский³⁰ был поражен огненными глазами А. О. Россет. Он писал о них прозой и стихами. В письме к жене³¹ Вяземский сообщает, что он «не спускал с глаз глаза девицы Россети и

²⁴ О том, что это стихотворение обращено к А. А. Олениной и что на его основе Пушкин в январе 1829 года создал другое стихотворение, обращенное к Ел. Ник. Ушаковой, см. мою заметку в книге: *Рукою Пушкина*, стр. 652—653.

²⁵ Или: Оленины.

²⁶ Прежде читалось ошибочно: «Море. Оп Дау». Правильный текст установлен в Академическом издании.

²⁷ Заменяем неправильно прочитанное и до сих пор нечитаемое исправление Пушкина первоначальным эпитетом черновика.

²⁸ Черновой текст (беловой текст неизвестен) написан на л. 13 тетради ЛБ № 2371. Он датируется серединой (не ранее 9) мая 1828 года (см. III, 2, 1157).

²⁹ Автограф не сохранился. Датируется 1828 годом; предположительно — около (не ранее) 9 мая (см. III, 2, 1158).

³⁰ Время приезда его в Петербург в 1828 году — 27 февраля вечером — выясняется из письма Вяземского к жене от 2 марта 1828 года. Письма Вяземского к жене за 1827 и 1828 годы были подготовлены к печати М. С. Боровковой-Майковой. Несостоявшаяся публикация эта сохранилась в сверстанных листах невышедшего седьмого тома сборников «Звенья». Автографы писем Вяземского к жене хранятся в ЦГАЛИ (фонд Вяземских, № 195, оп. 1, ед. хр. 3267). Данное письмо находится на листах 193—194 названного собрания писем. Тексты всех цитируемых писем Вяземского к жене за 1828 год выверены нами по автографам.

³¹ Письмо ст 4 и 7 мая 1828 года. ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 3267.

кончил импровизацию, которую начал было в первый раз, как встретился с этими глазами.

Южные звезды! черные очи!
Неба чужого огни!
Вас ли встречают взоры мои
На небе хладном бледной полночи?»

Не замедлил Вяземский, конечно, показать стихи и Пушкину. В полной мере ценя своеобразную прелесть южной красоты Россет, Пушкин, влюбленный в Оленину, не мог не противопоставить искрометным глазам Россет задумчивых глаз любимой девушки. Он пишет известное стихотворение «Ее глаза» («Она мила, — скажу меж нами — Придворных витязей гроза. . .»; III, 1, 108).³² Второй стих был первоначально откровенно-полюемичным:

Твоя Розетти егоза,
(III, 2, 659)

а затем было «смягчено», по выражению Олениной.³³

В эти майские дни Пушкин имел с Олениной «тайные свидания». «Происходили они так, — вспоминал с ее слов ее внучатный племянник А. А. Оленин, — она уезжала со своей гувернанткой англичанкой в Летний сад; в эти же часы туда являлся Пушкин, и вот они там под надзором этой англичанки прогуливались. Англичанка была, так сказать, в заговоре, и моя тетушка с ней уговаривалась всегда в обществе называть Пушкина „Брянским“, чтобы скрыть с первым свои свидания».³⁴ Этот рассказ проливает свет на одну запись Вяземского о Пушкине:

«Из всего Озерова затвердил он одно полустигиие: „я Бренского не вижу“.

«Во время одной из своих молодых страстей, это было весною, он почти ежедневно встречался в Летнем саду с тогдашним кумиром своим. Если же в саду ее не было, он кидался ко мне, или к Плетневу, и жалобным голосом восклицал:

„Где Бренский? — Я Бренского не вижу“.

«Разумеется, с того времени и красавица пошла у нас под прозвищем Бренской».³⁵

По-видимому, и Оленина называла Пушкина прозвищем, которое условно применяли поэт и его ближайшие друзья к ней самой.

³² Стихотворение датировано в Академическом издании серединой марта—началом июня (?) 1828 года (III, 2, 1161). 1828 годом датировал стихотворение сам Пушкин. Из писем Вяземского к жене за 1828 год мы видим, что стихотворение Вяземского «Южные звезды, черные очи. . .» написано 5 мая. Пушкин ответил стихами «Ее глаза», вероятно, в ближайшие дни, т. е. в первой половине мая (после 5-го) 1828 года.

³³ П. М. Устимович. Анна Алексеевна Андро, рожденная Оленина. «Русская старина», 1890, т. 67, август, стр. 397.

³⁴ Из воспоминаний Александра Алексеевича Оленина, написанных по просьбе В. Д. Бонч-Бруевича в 1937 году. Другой, очень близкий текст этого рассказа заключается в воспоминаниях А. А. Оленина, записанных профессором П. С. Поповым (см. выше, стр. 248).

³⁵ П. А. Вяземский. О жизни и сочинениях В. А. Озерова. Полное собрание сочинений, т. I, СПб., 1878, стр. 58. Не имеет значения, что в записи Оленина (потомка) фамилия героя трагедии Озерова «Дмитрий Донской» Бренский заменена фамилией актера Брянского, современника и знакомого Пушкина. Любопытно, что В. В. Вересаев именно так и понимал рассказ Вяземского (В. Вересаев. Спутники Пушкина, т. II, М., 1937, стр. 85).

В середине мая Оленины переехали за город, на свою дачу Приютино. О встрече с Пушкиным 20 мая на даче у Олениных рассказал Вяземский на другой день в письме к жене:

«Ездил я с Мицкевичем вечером к Олениным в деревню в Приютино, верст за 17. Там нашли мы и Пушкина с своими любовными гримасами. Деревня довольно мила, особливо же для Петербурга: есть довольно движения в видах, возвышения, вода, лес. Но зато комары делают из этого места суций ад. Я никогда не видал подобного множества. Нельзя ни на минуту не махать руками; поневоле пляшешь комаринскую. Я никак не мог бы прожить тут и день один. На другой я верно сошел бы с ума и проломил себе голову об стену. Mickiewicz говорил, que c'est une journée sanglante.³⁶ Пушкин был весь в прыщах и, осаждаемый комарами, нежно восклицал: сладко».³⁷

Вяземский не мог не знать, что радовало Пушкина.

«Анна Алексеевна Оленина ошиблась, говоря Пушкину ты, и на другое воскресенье он привез эти стихи», — так записала она под своей копией стихотворения «Ты и вы».³⁸

Через три дня после этой поездки Пушкин записал в своей черновой тетради, на листе, где 19 мая было закончено вчерне стихотворение «Воспоминание», дату оговорки Олениной: «20 мая 1828 Приютино». И далее описал стихами свои переживания этого дня, назвав стихотворение «Ты и вы» («Пустое вы сердечным ты...») и датировав его «23 мая» (см. III, 1, 103; 2, 655—656). Это было в среду, а в пятницу (25 мая) ездили всей компанией в Кронштадт: Оленины — отец, сын Алексей и Анна Алексеевна, Вяземский, Грибоедов, Н. Д. Киселев, П. Л. Шиллинг и Пушкин. Вяземский описал эту увеселительную поездку в письме к жене (от 26 мая):

«Наконец, вчера совершил я свое путешествие в Кронштадт с Олениными, Пушкиным и проч. В два часа ночи возвратился я из Царского Села, в девятом утра был я уже на пристани. Вот деятельность. В Кронштадте осматривали мы флот или часть флота, которая выступает в море... Туда поехали мы при благоприятной погоде; но на возвратном пути, при самых сборах к отплытию, разразилась такая гроза, поднялся такой ветер, полил такой дождь, что любо. Надобно было видеть, как весь народ засуетился, кинулся в каюты, шум, крики, давка... Пушкин дуется, хмурится, как погода, как любовь. У меня в глазах только одна картина: англичанка молодая, бледная, новобрачная, прибывшая накануне с мужем из Лондона, пристрадавшая во всё плавание, страдает и на пароходе. Удивительно милое лицо, выразительное: Пушкин нашел, что она похожа на сестру игрока des eaux de Ronan.³⁹ Они едут в Персию, он советник посольства, недавно проезжал через Москву к Персии, очень знаком с Корсаковым, поехал жениться в Англию вследствие любви нескольколетней и теперь опять возвращается. И он красивый мужчина и, по словам Киселева и

³⁶ «Что это кровавый день».

³⁷ Письмо Вяземского к жене от 21 мая, напечатанное М. С. Боровковой-Майковой (указанный сборник, стр. 49), начинается датой «20-го»; это — описка, исправленная в тексте, сданном ею в «Звенья». (В автографе читается «20-го» — ЦГАЛИ, фонд Вяземских, № 195, оп. 1, ед. хр. 3267).

³⁸ П. М. Устинович. — «Русская старина», 1890, т. 67, стр. 398.

³⁹ «Сен-Ронанские воды» — роман Вальтера Скотта, вышедший в подлиннике в 1823 году, а во французском (в котором, судя по тексту письма, Вяземский и Пушкин читали его) и русском переводе — в 1828 году. См. заметку «Сен-Ронанские воды. Сира Вальтера Скотта» («Московский телеграф», 1828, ч. 23, № 18 (сентябрь), стр. 224—227).

Грибоедова, знавших его в Персии, очень милый и образованный человек. А жена — живописная мечта».⁴⁰

Через тридцать лет вспоминала еще Оленина об этой поездке: «Помните ли вы, — писала она Вяземскому, — то счастливое время, где мы были молоды, и веселы, и здоровы! Где Пушкин, Грибоедов и вы сопутствовали нам на невском пароходе в Кронштадте. Ах, как всё тогда было красиво и жизнь текла быстрым шумливым ручьем...».⁴¹

Следующий день, 26 мая, был днем рождения Пушкина. Поэт ознаменовал его одним из самых мрачных своих стихотворений:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?

(III. 1. 104).⁴²

А в воскресенье, 27 мая, он опять поехал в Приютино и отдал Анне Алексеевне стихотворение «Ты и вы».⁴³

Пушкина не оставляют мысли об Олениной. Он зарисовывает ее головку (это — первый из серии ее портретов, сделанных Пушкиным), а рядом набрасывает стихотворные строчки, которые тут же зачеркивает:

Забудь меня как забываешь
Томительный <?>⁴⁴

(III. 2. 1056).

Эти слова являются первоначальным наброском тоже только начатого стихотворения:

Но ты забудь меня, мой друг,
Забудь меня, как забывают
Томительный печальный сон,
Когда [по утру отлетают]
[И тень и]⁴⁵

(III. 1. 463).

Этими меланхолическими словами Пушкин подготовлял разрыв с какой-то женщиной. Не к Хитрово ли обращался он?⁴⁶ Рисунок и набросок стихов сделаны Пушкиным на листке, где рукой Е. М. Хитрово было записано, может быть под его диктовку, стихотворение «Дар напрасный, дар случайный...».⁴⁷ Головка Олениной, нарисованная рядом с набро-

⁴⁰ Опубликовано отчасти в «Литературном наследстве», т. 58, стр. 80.

⁴¹ Письмо А. А. Андрю к Вяземскому от 18 апреля 1857 года — в публикации В. С. Нечаевой «Письмо Грибоедова П. А. Вяземскому», «Литературное наследство», т. 47—48, 1946, стр. 237.

⁴² Не известно, в какой день точно было написано это стихотворение. Помета при его тексте — 26 мая — говорит не о дне написания, а о дне, которому посвящено стихотворение, дне рождения Пушкина.

⁴³ См. выше текст ее записи, подтверждаемый в первой части записью Пушкина над черновиком стихотворения.

⁴⁴ Первая строка, предшествующая приведенным, не разобрана. Ее читали: «Вяземскому» и парадоксально полагали, что это заглавие наброска, т. е. что эти лирические стихи обращены к приятелю (см.: Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме, 1937, стр. 34, № 80).

⁴⁵ См. III, 2, 1056, 1283—1284; отрывок датирован там концом мая 1828 года.

⁴⁶ Ср. с раздраженным тоном записок Пушкина к Хитрово, написанных осенью 1828 года (XIV, 32, №№ 390, 391). В. В. Вересаев связывал набросок «Но ты забудь меня, мой друг...» с Ан. Н. Вульф (см.: В. Вересаев. Спутники Пушкина, т. I. М., 1937, стр. 356).

⁴⁷ Пушкин писал и рисовал, по-видимому, у Хитрово (судя по тому, что сорт бумаги, на которой записано его стихотворение, больше не встречается в рукописях поэта). Но он унес листок с собой (листок оказался в его личном архиве).

ском,⁴⁸ выдавала настоящие чувства поэта. И вновь через несколько дней Пушкин рисует портрет Олениной — в своей рабочей тетради, на обороте листа с черновым текстом стихотворения «Кобылица молодая».⁴⁹

В доме Олениных процветали искусства — поэзия, живопись, музыка. Анна Алексеевна обладала незаурядными музыкальными способностями. Она участвует в пенье «хором и soli»,⁵⁰ в вокальном трио (исполняет Гайдну),⁵¹ берет уроки пения у Глинки,⁵² восхищает своим пением «даже папеньку»,⁵³ очевидно, строгого ценителя исполнительского искусства. Мало того, Оленина сама сочиняет музыку, и не какие-нибудь романсы, какие светские барышни сочиняли в ту эпоху (вспомним реплику Онегина, отвергающего невесту: «Романсы пишет»⁵⁴). Оленина написала музыку к произведению огромной эмоциональной силы — к «Смерти Ермака» Рылеева.⁵⁵ Пушкина, конечно, должно было трогать ее уважение к творчеству и личности погибшего декабриста.

Напевая однажды грузинскую мелодию, привезенную в Петербург Грибоедовым и обрабатываемую Глинкой, Оленина взволновала Пушкина далеким воспоминанием. Отсюда родилось его лирическое стихотворение:

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный..

Написаны были эти стихи 12 июня 1828 года.⁵⁶

⁴⁸ Воспроизведено в «Альбоме Пушкинской юбилейной выставки в имп. Академии наук в Петербурге» (М., 1899, таблица 72) в качестве автографа Пушкина (см. в описании «Автографы А. С. Пушкина, С. Л. Пушкина, Н. О. Пушкиной, О. С. Павлицевой и Л. С. Пушкина» — там же, стр. 2, № 23). Портрет Олениной определен А. М. Эфросом в его книге: Рисунки поэта, 1933, стр. 388, 390 и др. (см. по указателю).

⁴⁹ Рисунок датируется началом июня 1828 года — тетрадь ЛБ № 2371, л. 15 об.; ныне ПД № 838.

⁵⁰ «После этого мы переменили игру и стали петь хором и soli» (запись от 11 августа 1828 года).

⁵¹ Перед шарадами, «пока всё на сцене приготавливается, Голицын, Елена Ефимовна и я поем за занавесом трио Гайдна» (запись от 5 сентября 1828 года, сделанная 19 или 20 сентября; стр. 30).

⁵² См. ниже, стр. 267.

⁵³ «В то время как я пела и восхищала Александра <Мейендорфа> и даже папеньку...» (запись от 25 июня 1829 года; стр. 57).

⁵⁴ См.: Т. Зенгер. Новые строфы «Евгения Онегина» (I. «Женись» — На ком? — «На Вере Чацкой»). «Пушкин — родоначальник новой русской литературы». Сборник научно-исследовательских работ. Под редакцией Д. Д. Благого, В. Я. Кирпотина, М.—Л., 1941, стр. 36—43.

⁵⁵ Музыка эта не известна. Узнаем мы об этом факте из рассказа Олениной о ее знакомстве с молодым казаком А. П. Чечуриным. 19 июля 1828 года Оленина пишет: «...он подошел к нам; мы стали разговаривать, и он рассказал мне всю свою жизнь».

История казака

Иртыш кипел в крутых берегах,
Вадымалися седые волны
И рассыпались с ревом в прах,
Бия о брег казачьи челны.
(Положено мною на музыку).

Это — шестая строфа «Смерти Ермака».

⁵⁶ М. А. Цявловский, публикуя автограф стихотворения «Не пой, волшебница, при мне...», высказал предположение, что красавицей, которая своим пением вдохновила Пушкина написать это стихотворение, была Анна Алексеевна Оленина. «Утверждать

3

В летние дни 1828 года, когда Пушкин подумывал о браке с Олениной, ее отец стал ближайшим свидетелем того, что политическая репутация Пушкина вновь привлекает к себе настороженное внимание правительства. 11 июня (т. е. накануне написания стихотворения «Не пой, красавица. . .») А. Н. Оленин поставил свою подпись в качестве статс-секретаря Департамента гражданских и духовных дел под решением о распространившемся ненапечатанном отрывке Пушкина из элегии «Андрей Шенье».⁵⁷ Решение Департамента смягчило суждение Сената в отношении Пушкина, может быть, благодаря участию Оленина в обсуждении этого вопроса.⁵⁸ 19 июня Пушкин случайно встретился с Олениной. Об этой встрече мы читаем в первой записи ее дневника:

«1828 год.

20 июня. Приютино.

Как много Ты в немного дней
Прожить, прочувствовать успела!
В мятежном пламени страстей
Как страшно Ты перегорела!
Раба томительной мечты
В тоске душевной пустоты
Чего еще душою хочешь?
Как покаянье плачешь Ты
И как безумие хохочешь.⁵⁹

«Вот настоящее положение сердца моего в конце прошедшей бурной зимы. Но, слава богу, дружба и рассудок взяли верх над расстроенным воображением моим; холодность и спокойствие заменили место пылких

с несомненностью это мы не можем, — писал Цявловский, — потому что у нас нет свидетельств, что А. А. Оленина пела» (Два автографа Пушкина. М., 1914, стр. 10). Этой гипотезе возражал С. Л. Гинзбург: «Допустить же чье бы то ни было пение без слов в обстановке салонного музицирования мало вероятно» (С. Л. Гинзбург. Пушкин и грузинская песня. В книге: Пушкин. Исследования и материалы. Труды Третьей Всесоюзной Пушкинской конференции, М.—Л., 1953, стр. 318). Почему? Почему не предположить, что этот грузинский мотив привязался к музыкальной Олениной и она напевала его? Мог при этом Глинка или она сама подыгрывать аккомпанемент. Могла она и «слегка» напевать мотив, «его невольно затвердив». Странное впечатление производит и обвинение в натурализме исследователя, находящего отражение живых черт подлинной жизни в поэзии Пушкина (см. там же, стр. 332). С. Л. Гинзбург подвержен распространенной в последние годы тенденции — выхолощивать из жизни и творчества поэта личные моменты: он утверждает, что стихотворение «Не пой, волшебница, при мне. . .» будто бы обращено не к женщине, а к музе (!!) поэта (см. там же, стр. 333). Недоставшее звено для укрепления гипотезы Цявловского ныне обнаружено: Оленина была певицей, это явствует из ее дневника. В совокупности с другими соображениями исследователя («Пушкин был влюблен в эту девушку в 1828 году», «Глинка бывал у Олениных и мог там играть грузинскую мелодию») этот факт решает вопрос.

⁵⁷ Напоминание всех этих фактов см. выше, в статье Ф. Я. Приймы.

⁵⁸ Именно так толкует этот момент Ф. Я. Прийма (см. выше, стр. 239). П. Е. Щеголев полагал, что то было заступничество Н. С. Мордвинова (см.: П. Е. Щеголев. А. С. Пушкин — в политическом процессе 1826—1828 гг. (Из архивных разысканий). «Пушкин и его современники», вып. XI, 1909, стр. 46. Точка зрения Ф. Я. Приймы представляется мне более правдоподобной.

⁵⁹ Стихотворение Баратынского «К. . .», обращенное к А. Ф. Закревской, было впервые напечатано в издании: Стихотворения Евгения Баратынского, М., 1827, — именно в таком виде (стих «Как Магдалина плачешь Ты» был «нецензурен». Оленина ошиблась в последнем стихе, читаемом в издании: «И как безумье ты хохочешь».

страстей и веселых надежд. Всё прошло с зимой холодной, а с летом настал сердечный холод! И к счастью, а то бы проститься надобно с рассудком! Вообразите каникульный жар⁶⁰ в уме, сердце и... в воздухе: это и мудреца могло бы свести с ума.

«Да, смейтесь теперь, Анна Алексеевна, а кто вчера обрадовался и вместе испугался, увидя на Конюшенной улице коляску, в которой сидел мужчина с полковничьими эполетами и походивший на...»⁶¹

«Но зачем называть его! Зачем вспоминать то счастливое время, когда я жила в идеальном мире, когда думала, что можно быть счастливой и быть спутницей его жизни, потому что то и другое смешивалось в моем воображении. Счастье и Он... Но я хотела всё забыть!.. Ах, зачем попалась мне коляска? Она напомнила мне время... невозвратное!

«Вчера была я в городе, видела моего ангела Машу Эльмпт⁶² и обедала у верного друга, Варвары Дмитриевны Полторацкой.⁶³

«Как я ее люблю! Она так добра и мила! Там был Пушкин и Миша Полторацкий.⁶⁴ Первый довольно скромный. Я даже с ним говорила и перестала бояться, чтобы не соврал чего в сентиментальном роде» (стр. 3—4).

Как видим, насколько Пушкин был увлечен Олениной, настолько она была равнодушна к нему. А Пушкин в это время набрасывает полные нежности и доверчивости стихи:

Волненьем жизни утомленный,
Оставя заблуждений путь,
Я сердце <м> алчу отдохнуть
И близ тебя, мой друг бесценный...⁶⁵

(III, 1, 463).

28 июня А. Н. Оленин участвует в заседании Государственного совета, которое выносит решение учредить за Пушкиным секретный надзор,⁶⁶ и подписывается под этим определением. Этот день должен был

⁶⁰ Перевод французского выражения «chaleur sapiculaire» (жара в середине лета, самое жаркое время).

⁶¹ Комментатор издания дневника Олениной сообщает на основании семейной традиции имя человека, которого любила Оленина, — князя Алексея Яковлевича Лобанова-Ростовского (1795—1848), вдовца с 1825 года, отца трех малолетних сыновей, полковника.

⁶² Графиня Мария Филипповна Эльмпт (род. между 1799 и 1810 годами, ум. в 1853 году?), дочь генерал-лейтенанта графа Фил. Ив. Эльмпт и его жены баронессы Анны Ив. Будберг, рожденной Барановой.

⁶³ В. Д. Полторацкая, рожденная Киселева (1798—1843), сестра П. Д., С. Д. и Н. Д. Киселевых (см. ниже), жена (с 1823 года) дяди Олениной, Алексея Марковича Полторацкого (ум. в 1843 году). Знакомство Пушкина с нею не было до сих пор известно.

⁶⁴ Михаил Александрович Полторацкий (р. 1801), сын Александра Марковича (1766—1839) и второй жены Татьяны Михайловны, рожденной Бакуниной (ум. в 1858 году), двоюродный брат А. А. Олениной; приятель Пушкина по Кишиневу, где он был офицером Генерального штаба. М. А. Полторацкий был среди тех четырех офицеров, которым Пушкин посвятил стихотворение «К—у, П—им и Г—ву. 15 февраля 1822» (т. е. Кеку, Полторацким и Горчакову), названное им в печати «Друзьям» («Вчера был день разлуки шумной...»). На основании этой записи Олениной под одним из Полторацких (в письме Пушкина к Вяземскому от 1 сентября 1828 года), с которыми Пушкин общался летом 1828 года, нужно видеть Михаила Александровича, а не Сергея Дмитриевича, как предположительно указано в алфавитном указателе XIV тома Академического издания (стр. 26, 266, 496).

⁶⁵ Ниже начато: «Тебе принес». Эти слова написаны после отчеркивания, означающего у Пушкина, что следующие слова написаны для начала стихотворения. Набросок датируется концом (около 25) июня 1828 года; см. III, 2, 1057, 1284.

⁶⁶ См. выше, в статье Ф. Я. Приимы, стр. 239—240.

окончательно утвердить Оленина в мнении, что его дочь не может быть женой Пушкина.⁶⁷ Мысль эта, конечно, могла прийти ему в голову еще в начале июня, когда он увидел подозрительность правящих кругов по отношению к Пушкину. Вероятно, Оленин намекнул ему, что против него складываются неблагоприятные данные.

Под этим впечатлением и рождаются проникновенные строфы стихотворения «Предчувствие»:⁶⁸

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...
(III, 1, 116).

Очень значительны некоторые варианты черновой рукописи. Первоначальные варианты пятого стиха еще сильнее показывают неуверенность в своих силах пережить вновь бурю, так недавно, казалось, рассеянную:

Отражу ли нападение
*
Снова жизнь сулит боренье
*
Перенести ли мне боренье
*
Устою ль
*
Устоять ли мне <в> боренье

В процессе писания Пушкин понимает, что сомнения его напрасны.

Сохраню ль к нему презренье —

пишет поэт и сейчас же, точно отвечая на этот вопрос, заменяет эти строки утверждающим оборотом:

Равнодушно ожидаю.

Тут всплывает в памяти поэта оставленный им набросок:

Волненьем жизни утомленный...

Поэт перелагает его на размер, которым пишет свое «Предчувствие»:

[Бурной] жизнью утомленный
Равнодушно бури жду.
(III, 2, 665).

Увидев, что эпитет первого стиха сталкивается со словом «бури» во втором стихе, поэт вычеркивает его, но не пишет никакой замены.

В печатном тексте мы так читаем:

Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду...
(III, 1, 116).

⁶⁷ Сопоставление фактов сватовства Пушкина к Олениной и участия ее отца в суде по делу о распространении стихов из «Андрея Шенье» и установление взаимосвязи этих явлений принадлежит Ф. Я. Прийме (см. выше, стр. 237—240).

⁶⁸ Стихотворение «Предчувствие» в Академическом издании (III, 2, 1165) датировано «предположительно августом 1828 года». Ряд данных заставляет перенести его, с большой долей вероятия, несколько ранее и датировать июнем 1828 года.

Это иной вариант мотива, звучащего в стихах, в котором поэт прославлял ее глаза:⁷²

Потупит их с улыбкой Лея —
В них скромных граций торжество;
Поднимет — ангел Рафаэля
Так созерцает божество.
(III, 1, 108).

4

Вскоре Оленина пишет в своем дневнике:

«7 июля.

«Тетушка уехала более недели, я с нею простилась и могу сказать, что мне было очень грустно. Она обещала быть на моей свадьбе и с таким выразительным взглядом это сказала, что я очень, очень желаю знать, о чем она тогда думала. Ежели брат ее за меня посватается,⁷³ возвратясь из Турции, что сделаю я?⁷⁴ Думаю, что выйду за него» (стр. 5—6).

Запись от 17 июля:

«Я лениво пишу в журнале, а, право, так много имею вещей сказать, что и стыдно пренебрегать ими: они касаются, может быть, счастья жизни моей. Несчастный случай заставил нас поехать в город, а именно смерть Александра Ивановича Ермолаева.⁷⁵ Он умер, прохворавши несколько

⁷² Отмечено еще Н. О. Лернером в примечании к стихотворению «Предчувствие»: Пушкин. Под редакцией С. А. Венгерова, т. V, 1911, стр. IV.

⁷³ «В оригинале внизу страницы рукой Анны Феод. Оом <рожденной Фурман>, девушки, жившей в доме Олениных, сделана следующая приписка: „Дай бог, чтоб он вадумал это сделать“» (примечание парижского издателя дневника — О. Н. Оом).

⁷⁴ Из трех Киселевых, братьев Варвары Дмитриевны Полторацкой, — генерала Павла Дмитриевича (1788—1872), Сергея Дмитриевича (1793—1851) и Николая Дмитриевича (1802—1869) — речь может идти только о последнем. Сергей Дмитриевич исключается потому, что в Петербурге он не был ни разу до 1833 года; см. его письма к жене из Петербурга от 17 и 19 мая 1833 года — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина, ф. 129 (Киселевых). Отрывок из второго письма напечатан мною в коллективной публикации «Пушкин в неизданной переписке современников» («Литературное наследство», т. 58, стр. 112, № 87). Не может быть это и Павел Дмитриевич Киселев, потому что (не говоря уже о том, что он был женат с 1821 года на графине С. С. Потоцкой), в те дни, когда Оленина встречалась с Киселевым, Павла Дмитриевича в Петербурге не было. Так, по данным дневника Олениной, Киселев был у них в доме между 28 октября и 5 ноября 1828 года и вновь 22 ноября 1828 года, — тогда как П. Д. Киселев в это время был в Козлудже под Шумлой (4 октября), а затем в Яссах (5 ноября 1828 года) (см.: А. П. Заблочкий-Десятовский. Граф П. Д. Киселев и его время, т. I. СПб., 1882, стр. 287, 292). В мае 1829 года Оленина вновь видит Киселева. Павел Дмитриевич Киселев был в это время в Галаце на войне (с апреля по 11 ноября 1829 года, когда русские войска переправились обратно на левый берег Дуная) (там же, стр. 298—312). Таким образом, утверждение парижского комментатора дневника Олениной, что Киселев, проходящий на страницах дневника Олениной, — Павел Дмитриевич Киселев — ошибочно. Между тем данные итинерария Н. Д. Киселева сходятся с пребыванием в Петербурге Киселева из дневника Олениной. 22 ноября 1828 года Оленина записывает о встрече с ним; 21 ноября написано письмо Николая Киселева к брату Сергею из Петербурга (ЛБ, ф. 129). 20 марта 1829 года Оленина описывает в дневнике поездку в Москву и обратно, передает свои мысли о Киселеве до ее поездки и по возвращении. Сохранилось письмо Николая Киселева к брату Сергею от 21 марта 1829 года из Петербурга (ЛБ, ф. 129). 17 мая 1829 года Оленина пишет в дневнике о том, что в прошлое воскресенье, т. е. 12 мая, у них был Киселев; так же и 22 мая записывает она о его приходе в воскресенье, т. е. 19 мая. 18 мая пишет Николай Киселев письмо брату Сергею (ЛБ, ф. 129). Всех этих данных более чем достаточно, чтобы убедиться в том, что Киселев, фигурирующий в дневнике Олениной, — младший из братьев — Николай Дмитриевич.

⁷⁵ Конференц-секретарь Академии художеств, рисовальщик и археолог (1780—10 июля 1828). Пушкин списал себе мнение Ермолаева о «Слове о полку Игореве», записанное Востоковым; см.: Рукою Пушкина, стр. 585—586.

времени. Отец в нем много потерял. Но что же делать! Воля божья видна во всем. Надобно ей покоряться без ропота, ежели можно.

«Когда мы возвратились из города, я после обеда разговорилась с Иваном Андреевичем Крыловым о наших делах. Он вообразил себе, что Двор вскружил мне голову и что я пренебрегала бы хорошими партиями, думая выйти за какого-нибудь генерала.

«В доказательство, что я не простираю так далеко своих видов, я назвала ему двух людей, за которых бы вышла, хотя и не влюблена в них: Мейендорфа⁷⁶ и Киселева.⁷⁷ При имени последнего он изумился.

«„Да“, повторила я, „я думаю, что они — не такие большие партии, и уверена, что Вы не пожелаете, чтобы я вышла за Краевского⁷⁸ или за Пушкина“.

«„Боже избави“, сказал он, „но я желал бы, чтобы Вы вышли за Киселева и, ежели хотите знать, он сам того желает. Но он и сестра говорят, что нечего ему соваться, когда Пушкин того же желает“.

«Я всегда думала, что Варвара Дмитриевна того же хотела, но не думала, чтобы она скрыла от меня эту тайну. Жаль, очень жаль, что не знала я этого, а то бы поведение мое было иное. Но хотя я и думала иногда, что Киселев любит меня, но не была довольно горда, чтобы то полагать наверное. Но, может быть, всё к лучшему! Бог решит судьбу мою. Я сама вижу, что мне пора замуж: я много стою родителям. Пора, пора мне со двора» (стр. 8—9).

Мейендорф, «милый тип важной глупости» (по выражению Герцена),⁷⁹ или «многовальный пустозвон», по словам Соболевского, назван Олениной почти случайно, — в дальнейшем она к нему еще равнодушнее. Киселев же был серьезным соперником Пушкина. Со стороны казалось, что с Пушкиным соперничать смешно, «нечего и соваться, когда Пушкин того же желает». Поддерживает это мнение и сам Киселев. Однако Оленина чувствует иначе (мы не раз еще убедимся в этом). Киселев нравится женщинам. Это была самая нежная привязанность иронической Смирновой (Россет) за всю ее жизнь.⁸⁰

⁷⁶ Барон Александр Казимирович Мейендорф (1798—1865), будущий посланник в Берлине (1842).

⁷⁷ Н. Д. Киселев, см. выше.

⁷⁸ Кто такой Краевский, несколько раз называемый Олениной в дневнике, раскрывается в позднейшей записи от 1829 года: «22 Mai. Maman est toujours encore souffrante. Dimanche passé on n'a point reçu de dames, mais la soirée, passée en compagnie d'hommes, était bien agréable. Il y avait Krajewsky, qui est presque fou de bonheur d'avoir été reçu au Collège des affaires étrangères. Si Krajewsky suppose, que ses boutons blancs peuvent l'aider à gagner ma faveur — il se trompe, car ni boutons blancs, verts, rouges, jaunes, ne me feront changer d'avis. Je ne connais personne d'aussi ennuyeux que lui et Stoll, le peintre des fleurs» (стр. 52). («22 мая. Маменьке всё еще недомогается. Прошлое воскресенье совсем не принимали дам, но вечер, проведенный в обществе мужчин, был очень приятен. Был Краевский, который почти обезумел от счастья, что он принят в Коллегию иностранных дел. Если Краевский предполагает, что его белые пуговицы могут ему помочь заслужить мое расположение, — он ошибается, потому что ни белые пуговицы, ни зеленые, ни красные, ни желтые не заставят меня переменить мнение. Я не знаю никого более скучного, чем он и Штоль, живописец цветов».)

⁷⁹ А. И. Герцен. Дневник. Запись от 14 января 1844 года. Собрание сочинений, т. II, Изд. Академии наук СССР, М., 1954, стр. 326.

⁸⁰ Страницы ее воспоминаний полны рассказами о «Кисе», как она называла Н. Д. Киселева, увлечение которым пережила в Париже в 1836 году; см.: А. О. Смирнова-Россет. Автобиография (Неизданные материалы). Подготовила к печати Л. В. Крестова. С предисловием Д. Д. Благого, М., 1931 (по указателю).

Когда познакомился Пушкин с Николаем Дмитриевичем Киселевым — не известно. Может быть, они встретились в конце октября 1826 года в Москве, во время триумфального успеха вернувшегося из ссылки Пушкина. Приблизительно в это время Киселев возвращался в Петербург из Персии, куда он ездил в качестве чиновника Министерства иностранных дел, сопровождая Меншикова, исполнявшего дипломатическое поручение. Конечно, Киселев задержался в Москве у матери и брата.⁸¹ Мог встретиться Пушкин с Киселевым в Москве и в апреле 1827 года, когда молодой дипломат вновь ехал в Персию.⁸² Но сблизился Пушкин с Николаем Киселевым в Петербурге в 1828 году. Киселев приехал туда (вероятно, в марте) после своего второго путешествия в Персию.⁸³

Брат генерала П. Д. Киселева, с которым Пушкин был знаком еще в юности в Петербурге и встречался на юге, брат Сергея Дмитриевича Киселева, с которым Пушкин дружески встречался в Москве, ухаживая вместе с ним за двумя сестрами Ушаковыми, — Николай Дмитриевич легко снискал расположение Пушкина. Но главное, что вызвало к нему симпатии Пушкина, — это его дружба с Языковым. Товарищ Языкова по Дерптскому университету, адресат нескольких посланий Языкова, Киселев считал Языкова своим лучшим другом и говорил, что «благодаря Языкову познакомился с Пушкиным».⁸⁴ Киселев быстро становится необходимым членом дружеского кружка — Пушкина, Вяземского, Грибоедова, Шиллинга, Мицкевича, Алексея Оленина («junior», как его называли в отличие от отца), князя Сергея Голицына (Фирса). Все эти фамилии, именно в этом сочетании, постоянно встречаются в письмах Вяземского (от весны 1828 года) — к Пушкину,⁸⁵ к жене; встречаем мы их и у Пушкина.⁸⁶

Летом — 14 июня — Киселев уехал за границу. Он был назначен третьим секретарем русского посольства в Париже, но был отпущен на лечение в Карлсбад. Оттуда он должен был ехать в Вену и затем на театр военных действий в Турцию, чтобы состоять при Нессельроде.

Еще до Киселева, 7 июня, уехал из Петербурга Вяземский. Веселая мужская компания распадалась. Пушкин перестает бывать у Карамзиных. Екатерина Андреевна пишет брату, Вяземскому (28 июня из Царского Села): «Что касается Пушкина, я утратила после Вас к нему привычку, так как я даже не слышу о нем и понятия не имею, что с ним делается». Дочь ее Софья Николаевна сообщает Вяземскому от себя: «Говорят, что Пушкин, чтобы утешиться в превратностях любви, играет и проигрывает все свои деньги. У него дух поэтический, но не характер».⁸⁷

«Утешиться в превратностях любви» — не следует ли понимать эти слова так, что Пушкин почувствовал холодок в отношении к нему семейства Олениных? Он начинает избегать их дом, избегает и своих чересчур

⁸¹ См. письма Н. Д. Киселева к матери, П. П. Киселевой (ЛБ, ф. 129, Киселевых) и брату С. Д. Киселеву (там же). 4 октября 1826 года он писал брату из Тифлиса: «На этой или на будущей неделе мы предполагаем оставить Тифлис...» А 18 ноября он писал уже из Петербурга: «Я здесь уже 4-й день».

⁸² Сохранились его письма от 26 февраля 1827 года из Петербурга к брату Сергею и от 30 апреля 1827 года из Тулы к матери — на пути в Персию (ЛБ, ф. 129).

⁸³ В письме от 12 и 18 января 1828 года Н. Д. Киселев писал брату Сергею из Тавриза: «Есть надежда, что мы скоро отсюда уберемся» (ЛБ, ф. 129).

⁸⁴ А. О. Смирнова - Россет. Автобиография, стр. 203.

⁸⁵ См., например, письмо Вяземского к Пушкину, датированное в Академическом издании 21 мая 1828 года (XIV, 19—20, № 379).

⁸⁶ Письмо к Вяземскому от 1 сентября 1828 года (см. ниже).

⁸⁷ Подлинник обоих текстов — на французском языке; см.: Пушкин в неизданной переписке современников. «Литературное наследство», т. 58, стр. 71.

внимательных друзей. Но до них доходят вести о сердечных неудачах Пушкина, импульсивность и непосредственность которого не позволяют ему укрыть свое состояние от приятелей.

5

Возвращаемся к дневнику Олениной. Вот запись ее от 18 июля того же 1828 года:

«18 июля.

О память сердца, ты сильнее
Рассудка памяти печальной.
Батюшков⁸⁸

«... Батюшков a bien raison de dire que la mémoire du coeur est bien plus forte que celle de l'esprit. C'est à peine que je puis dire ce qui m'est arrivé hier et pourtant je puis narrer mot à mot des conversations qui ont eu lieu, il y a plusieurs mois. Пушкин et Киселев sont les deux héros de mon roman actuel. Serge Golitzine, Глинка, Грибоедов et surtout Вяземский sont les personnages plus ou moins intéressants. En fait de femmes, il n'y a que trois: l'héroïne — c'est moi, les nécessaires sont ma tante Barbe Dmitrievna Poltoratzky et Madame Vassilewsky.

«Je parle à la troisième personne, je passe les premières années, j'arrive droit aux faits» (стр. 10—11).

(«Батюшков прав, говоря, что память сердца сильнее памяти рассудка. Я с трудом могу сказать, что со мной было вчера, а между тем я могу пересказать слово в слово разговоры, происходившие несколько месяцев назад. Пушкин и Киселев — два героя моего настоящего романа. Сергей Голицын, Глинка, Грибоедов и в особенности Вяземский — персонажи более или менее интересные. В отношении женщин, их всего три — героиня — это я, второстепенные лица — это тетушка Варвара Дмитриевна Полторацкая и госпожа Василевская.

«Я говорю от третьего лица, пропускаю первые годы, перехожу прямо к делу».)

Далее Оленина начинает с претензией на художественность описывать свой роман с Пушкиным и соответственно дает ему заглавие в водевильном стиле. Начинается изложение маленьким введением, говорящим о ее неудачной любви к некоему Алексею (Лобанову-Ростовскому, как известно было ее потомкам).⁸⁹

«Les inconséquences ou pardonner à l'amour

«Annette Olenine avait une amie, une amie sincère: elle seule, connaissant sa passion pour Alexis, tâchait de l'en détourner. Marie disait souvent: „Annette, ne vous fiez pas à lui: il est faux, il est fat, il est méchant“. Son amie lui promettait de l'oublier et l'aimait toujours. Au bal, au spectacle, aux montagnes, elle le voyait partout et peu à peu le besoin de le voir plus souvent devenait une idée fixe. Mais elle savait aimer sans le faire voir et son caractère gai trompait le monde» (стр. 11).

⁸⁸ Первые стихи из стихотворения Батюшкова «Мой гений».

⁸⁹ См. выше.

(«Непоследовательность, или надо прощать любви

«Анета Оленина имела подругу, искреннего друга, которая одна знала о ее страсти к Алексею и старалась отклонить ее от этого. Маша часто говорила: „Анета, не доверяйся ему: он лжив, он фат, он зол“. Подруга обещала ей забыть его, но продолжала любить. На балу, на спектакле, на горах, повсюду она его видела и мало-помалу потребность чаще видеть его стала навязчивой. Но она умела любить, не показывая того, и ее веселый характер обманывал людей»).

Отсюда следует «беллетристический» текст, приведенный выше (см. стр. 248—250), который неожиданно обрывается и сменяется протодушным заявлением:

«Je voulais écrire un roman, mais cela m'ennuie, j'aime mieux n'en rien faire et écrire simplement mon journal.

* * *

«J'ai revu le portrait de Pouchkine, je suis contente de l'avoir si bien esquissé. On le reconnaît entre mille!!

«Mais continuons mon cher journal» (стр. 13).

(«Я хотела писать роман, но это мне надоедает, лучше уж я это брошу и просто буду писать дневник.

* * *

«Я подправила портрет Пушкина и довольна, что так хорошо набросала его. Его можно узнать из тысячи!! Но будем продолжать мой дорогой дневник».)

Запись в дневнике Олениной от 19 июля начинается двумя эпиграфами:

N'en jugez pas par l'apparence.
(Romance).⁹⁰

Случайно нас судьба свела.
«Чернец». Козлов.⁹¹

Оленина рассказывает о своем знакомстве с Алексеем Петровичем Чечуриным, казачьим офицером. Она записывает биографию молодого человека, упоминает один из эпизодов его службы — «объезд по городам» с иркутским губернатором:⁹²

«Тогда побывал он и на границе Китая, в Чите и в других местностях далекой Сибири.

«Он поведал мне, по особой ко мне доверенности, что в Чите он видел „всех“.

«Услышав о войне,⁹³ он поспешил приехать сюда, думая, что желание драться и отличиться было то неизъяснимое чувство, которое им овладело. Но нет! он стремился любить, а с любовью узнал горе...

⁹⁰ «Не судите по виду. (Романс)».

⁹¹ «Чернец», глава V, стих 17.

⁹² Иркутским гражданским губернатором с 1821 по 1835 год был Иван Богданович Цейдлер (1777—1853).

⁹³ Русско-турецкая война 1828—1829 годов.

«„Не рассказывайте этого никому“, сказала я умоляющим голосом. „Вам может быть худо“.

«„Так что же, у меня душа чистая, я ничего не сделал недостойного“.

«— „У вас есть родные“, был пылкий мой ответ, „так ежели не для себя, то для своих близких поберегите Вы себя“.

«Он казался тронутым» (стр. 16—17).

По отдельным словам: «в Чите он видел „всех“», «Не рассказывайте этого никому. Вам может быть худо», «поберегите Вы себя» и, далее «узнать об участи несчастных» — можно понять, что Оленина, конспирируя в своем дневнике, говорит о декабристах, находящихся на каторге, явившихся, значит, и темой того разговора, «который так интересовал нас обоих».

Далее Оленина рассказывает об играх, в которые она играла с казачком, о том, что она пригласила его в Приютино (первая встреча произошла на даче у «тетушки Сухаревой»), о том, как забилось ее сердце, когда издала она увидела «коляску «брата» Алексея и в ней высокого мужчину в казацкой шапке» (стр. 19).

Любопытно впечатление Чечурина от Олениной, которое он передал ей, когда «сделался почти сыном дома и моим другом», как она пишет (запись, сделанная между 19 июля и 10 августа):

«Вы вошли в комнату и удивили меня Вашим станом. В Вас не видно было того несносного жеманства, которое так не нравится мне в других. Когда я спросил, кто Вы, — мне сказали, что Вы — Оленина и фрейлина! Я этому не хотел верить, потому что мне раньше сказали, что все фрейлины стары и дурны. Наконец Вы пошли гулять. Скучая быть с людьми, с которыми я не любил сообщества, и помышляя о любезном крае своем, я пошел в сад. Прошед мимо Вас, я скоро услышал, что Софья меня зовет, и вместе с тем услышал милый голосочек Ваш: „Пожалуйста, пойдите сюда“. Я удивился и подошел. Вы стали со мной говорить и так пылко, искренно, так чувствительно, так умно, что я подумал: „Так молода, а как разумна, какая искренность, какая доверчивость, боится, чтобы незнакомый ей человек не подвергся опасности, и остерегает меня против дурных людей“. Всё это удивило и восхитило меня. Я узнал, что в Вас есть душа, чувствительность и что лицо Ваше не обмануло меня. Я не могу описать, что чувствовал, смотря на Вас» (стр. 19—20).

Еще отрывок из их разговора (10 августа):

«Потом мы разговорились о свете, о молодежи нашей, которую я бранила. Рассказывала ему, смеючись, как делают куры⁹⁴ и как весело обходиться холодно и приказывать своим „рабам“, которые ловят малейшие ваши желания...»

«„Мне кажется, что свет Вас немного избаловал, Анна Алексеевна, и что Вы любите всю эту пустую услужливость Ваших молодых людей, она испортит Вас“.

«— „Не бойтесь, я уже привыкла к этому и не свернуть мне так скоро голову! Завтра посмотрите, как я обращаюсь с ними“».

⁹⁴ «Делают куры» — ухаживают (от французского *faire la cour* — «прислуживать», давшего и русское выражение «строить куры»).

К этой записи примыкает запись о дне рождения Олениной:
«11 августа.

«И вот багряною рукой
Заря от утренних долин
Выводит с солнцем за собой
Веселый праздник именин».
«Евгений Онегин». 95

«Настал желанный день. Мне минуло, увы, 20 лет. О боже, как я стара, но что же делать?» (стр. 21).

Рассказ о разговоре с приехавшим с утра Чечуриным сменяется повествованием о праздничном дне:

«Стали приезжать гости.

«Приехал премилый Сергей Голицын, Крылов, Гнедич, Зубовы, милый Глинка,⁹⁶ который после обеда играл чудесно и в среду придет дать мне первый урок пения. Приехал, по обыкновению, Пушкин, или Red-Rower, как прозвала я его. Он влюблен в Закревскую.⁹⁷ Всё об ней толкует, чтобы заставить меня ревновать, но притом тихим голосом прибавляет мне разные нежности» (стр. 22—23).

«Red Rower» — модный роман Фенимора Купера, вышедший в 1828 году, о нем было несколько сообщений и в русской печати.⁹⁸ Оле-

⁹⁵ Глава пятая, строфа XXV. Оленина здесь, как почти всегда, нарушает ритм, чередование мужских и женских рифм, словно иллюстрируя наблюдение Пушкина о том, что «женщины везде те же... Поэзия скользит по слуху их, не досгая души; они бесчувственны к ее гармонии; примечайте, как они поют модные романсы, как искажают стихи самые естественные, расстроивают меру, уничтожают рифму. Вслушайтесь в их литературные суждения, и вы удивитесь кривизне и даже грубости их понятия... Исключения редки» («Отрывки из писем, мысли и замечания»; XI, 52). И всё же Оленина любила поэзию, восхищалась стихами Пушкина, как она сама признается (см. выше). В дневнике ее постоянно встречаются цитаты из его произведений. Наряду со стихами Баратынского, Рылеева, Батюшкова, Крылова, Ламартина — Оленина прибегает к стихам Пушкина (постоянно из «Евгения Онегина» и однажды из «Я помню чудное мгновенье...»), когда хочет поэтически выразить свою мысль или подыскивает эпиграфы к своим записям. Она и сама писала стихи и вписывала их в свой дневник (например, 7 июля 1828 года).

Искавши в мире идеала
И не нашед его,
Анета счастья искала
В середине сердца своего...

⁹⁶ Сергей Голицын — князь Сергей Григорьевич Голицын (1803—1868), прозванный в обществе «Фирс», известный меломан и композитор, автор нескольких романсов, сочинявший и тексты, на которые музыку писал Глинка. Зубовы — по-видимому, граф Александр Николаевич Зубов (1797—1875) и жена его Наталья Павловна, с которой Пушкин встречался у Олениных (см. выше письмо Вяземского от 3 мая 1828 года). Глинка — знаменитый композитор Михаил Иванович Глинка (1804—1857), в это время молодой автор нескольких квартетов и романсов, в том числе «Не искушай меня без нужды...»

⁹⁷ Графиня Аграфена Федоровна Закревская, рожденная графиня Толстая (1799—1879), жена финляндского генерал-губернатора графа А. А. Закревского, — одна из самых интересных, незаурядных и ярких женщин петербургского общества того времени; образ ее отразился в ряде произведений Пушкина и Баратынского.

⁹⁸ В № 6 «Московского телеграфа» (1828, ч. 20, стр. 259—260) сообщалось: «Вскоре ожидаем мы получения в Москву нового романа Купера: Красный пират». В № 9 «Московского вестника» (1828, ч. IX, стр. 101—104), вышедшем в середине мая 1828 года, появилась рецензия на роман в связи с выходом немецкого его перевода (перепечатка из немецкого журнала). Сообщения о продаже в Москве романа Купера «Красный пират» появились также и в объявлениях французских книжных лавок в Москве, приложенных к журналу «Московский телеграф» (1828, ч. 22, № 14, июль; № 16, август). Впоследствии роман Купера переводился на русский язык под названием «Красный корсар».

ниной казалось, вероятно, что Пушкин похож на героя Купера даже своей внешностью: маленький рост, вьющиеся волосы, умные голубые глаза. Красный корсар обладал сильными страстями, противоречивыми, но исполненными решимости и благородства. Он посвятил свою жизнь борьбе за независимость Америки. Сograждане принимают его за морского пирата. Но он пренебрегает этим, сознательно жертвуя своей славой во имя борьбы за свободу. Вероятно, «странность нрава природного и принужденного» у Пушкина (по наблюдению Олениной), свободолюбие поэта и необыкновенная судьба его сближают в глазах Олениной Пушкина с образом «благородного разбойника» Купера.

Продолжаем рассказ Олениной о дне ее рождения:

«Но любезным героем сего дня был милый казак Алексей Петрович Чечурин. Он победил всех женщин, восхитил всех мужчин и посмеялся над многими из них.

«Мы сели за стол. Меня за обедом все поздравляли; я краснела, благодарила и была в замешательстве. После обеда стали играть в барры. Хорунжий в первый раз играл в эту игру. Наши неприятели, в партии коих он находился, отрядили его, чтобы он освободил пленных, сделанных нами. Он ловко зашел за клумбу и, не примеченный никем, подошел к плененному Наумову⁹⁹ (он влюблен в Зубову) и освободил его. Увидя это, я то же решила сделать. Прошла через весь дом, подошла на дыпочках и тронула Урусова.¹⁰⁰ Все закричали: „Victoire, victoire“.¹⁰¹

«После этого мы переменили игру и стали петь хором и soli.¹⁰² Хорунжий часто поглядывал на меня и, когда я незаметно подошла к нему и спросила: „Ну что? какво?“, он ответил: „чудесно“.

«Под вечер все дамы разъехались и остались одни мужчины. Мы сели ужинать за особый стол и тут пошла возня! Всякий пел свою песню или представлял какое-нибудь животное» (стр. 23).

Любопытны рассказы Олениной о своем характере, по поводу ссоры с казаком на следующий день после дня ее рождения:

«Я люблю спорить потому, что знаю, что спорю умно, разумно, что доказательства мои не суть доказательства пустые. Когда читаю книги и потом рассуждаю о них, часто сама отвечаю на мысли сочинителей; спрашиваю мнение отца, сообщаю ему свои суждения и так часто получаю от него одобрение, что это заставляет меня думать, что я сужу здраво. Вот почему я люблю спорить серьезно. Когда же я шучу, то, конечно, принимаюсь за софизмы, доказывая, что белое — черное и обратно. Весело так спорить, когда видишь, что твой соперник горячится, и когда сама чувствуешь, что говоришь против себя же. Весело заставлять его сперва соглашаться, чтобы потом снова заставить его переменить мнение.

«Еще есть у меня „достоинство“ — умею невинно бесить. От этого и произошла наша ссора.

«Всё жить в ладу — скучно: мир — образ постоянства — можно поощрять только в дружбе и любви. Итак, единообразность, обыкновенно, доводит нас к скуке, скука — к зевоте, зевота — к расстроенным нервам,

⁹⁹ Наумов Николай Павлович, впоследствии женатый на княжне Анне Петровне Голицыной, сестре князя Вас. Петр. Голицына («Рябчика»).

¹⁰⁰ Вероятно, один из пяти сыновей сенатора князя Александра Михайловича Урусова (1767—1853), с которыми, как и с дочерьми его, был знаком Пушкин.

¹⁰¹ «Победа, победа!»

¹⁰² Соло.

нервы — к слабости души, а слабость — ко сну, сон — к смерти, а смерть — к вечности. А так как до последней я не хочу так скоро добраться, то стараюсь усыпать мой путь не маковыми цветами, которые склоняют ко сну, но розами и даже розами с шипами: последние, кольнув больно, разбудят иногда тебя в раю воображения» (стр. 25—26).

В этом длинном повествовании Олениной Пушкин называется вскользя, еще глуше, чем на первых страницах дневника, когда внимание поэта льстило ее тщеславию.

6

Пушкин переживал в августе 1828 года новые волнения. Он был только что¹⁰³ вызван к петербургскому военному губернатору П. В. Голицину-Кутузову, где в его присутствии должен был отвечать, им ли написана «Гавриилиада». Как известно, поэт отказался от авторства этого нецензурного произведения, высмеивающего государственную религию. Вторично пришлось Пушкину отвечать уже подробнее 19 августа. И вновь он отказался от своего старого произведения.¹⁰⁴ Может быть, Пушкину показалось, что теперь, после его категорических отказов от «Гавриилиады», ему удалось очиститься от подозрений правительства. Эта догадка возникает у нас потому, что мы видим новое оживление его матримониальных намерений по отношению к Олениной.

В дневнике Олениной за 19 сентября мы читаем подробное описание семейного праздника 5 сентября (мы еще вернемся к нему), где передается и рассказ о недавних «известных событиях»:

«Pendant que tout se préparait dans la salle, je rappelais à Serge Golitzine sa promesse de me raconter certains faits. Après bien des manières il me dit que cela concernait le poète. Il me pria en grâce de ne pas changer ma conduite envers lui. Serge blâma maman pour la rudesse qu'elle avait employée à l'égard de Pouchkine, en disant que ce n'était pas le moyen de le calmer. Lorsque je lui ai dit l'impertinence avec laquelle Stoerich m'avait parlé chez la comtesse Koutaïssouff de l'amour que me portait Pouchkine, Serge me répondit qu'il avait fait remarquer à Stoerich que ce n'était pas son affaire et que je lui avais très bien répondu. J'étais furieuse des propos que Pouchkine tenait sur mon compte. Il me dit alors: „On vous a répété, n'est-ce pas, que Pouchkine avait dit: «Мне бы только с родными сладить, а с девчонкой я уж слажу сам». Это было при мне сказано и не совсем так. Я ведь знаю, кто и зачем Вам это передал, Вам это сказала Варвара Дмитриевна!»

«Alors j'ai pensé qu'il en savait aussi bien que moi la raison et je me tus. Nous parlâmes ensuite de Kisseleff et de la cour qu'il avait faite à M-me Wassilevsky. Serge me dit qu'il l'avait toujours critiqué pour ceci.

«C'était une conversation très intéressante» (стр. 30—31).

(«Пока всё приготавлилось в зале, я напомнила Сергею Голицыну его обещание рассказать мне об известных событиях. После некоторого жеманства он сказал мне, что это касается поэта. Он умолял меня не менять поведения по отношению к нему. Сергей порицал маменьку за ее суровость к Пушкину, говоря, что это не способ успокоить его. Когда я сказала ему о дерзости, с которой Штерич говорил мне у графини Кутайсовой о любви Пушкина ко мне, Сергей мне отвечал, что он уже заметил Штеричу, что это не его дело, и что я ему очень хорошо ответила. Я была в ярости от

¹⁰³ Между 3 и 5 августа 1828 года; см.: Рукою Пушкина, стр. 749.

¹⁰⁴ Там же, стр. 749—750.

речей, которые Пушкин держал на мой счет. Он сказал мне тогда: „Вам передавали, не правда ли, что Пушкин сказал: „Мне бы ~ Варвара Дмитриевна!“

«Тогда я подумала, что он знал так же хорошо, как я, причину этого, и замолчала. Мы поговорили потом о Киселеве и о его ухаживании за мадам Василевской. Сергей сказал, что он всегда порицал его за это. Это был очень интересный разговор.)

В этом лаконичном рассказе даны только какие-то упоминания о множестве фактов, оставшихся от нас скрытыми. Штерич — это Евгений Петрович Штерич (ум. в 1833 году), камер-юнкер, друг М. И. Глинки. «Хотя он был *élégant* в полном смысле этого слова, — характеризует его Глинка, — и любил блистать в салонах, однако же отличался редкими душевными качествами. Между прочим, он был хороший музыкант, учился у Мейера и играл опрятно на фортепьяне».¹⁰⁵

Так вот, этот человек дерзко говорит у графини Кутайсовой¹⁰⁶ Олениной о любви к ней Пушкина. Что говорит он? Варвара Дмитриевна Полторацкая, мечта о браке своего брата Николая Киселева с Олениной, считает полезным отвратить ее от Пушкина. Сгущая краски, передает она Олениной непочтительные речи о ней Пушкина. Испытанный прием интриги. Эффект достигнут. Оленина возмущена Пушкиным. Сергей Голицын держит сторону Пушкина. Он убеждает Оленину, что Полторацкая, в интересах брата, наговаривает на Пушкина. Он умоляет Оленину не менять к Пушкину отношения. Он порицает ее мать, Елизавету Марковну, за суровость к Пушкину.

Кажется, мы подошли к разгадке. Пушкин взволнован. Пушкин проговаривается о своей любви в присутствии неверных людей, он несдержанно, запросто говорит что-то вроде того, что «мне бы только с родными: сладить, а с девчонкой я уж слажу сам» (это вполне в духе его разговорной фразеологии). Тут происходит какое-то объяснение Пушкина с Елизаветой Марковной. Она обходится с ним сурово. «Это не способ его успокоить», — тонко замечает по поводу ее прямолинейной суровости Голицын. Не сватовство ли это было? В том, что Пушкин делал Олениной предложение, сомневаться, по-видимому, не приходится. В этом сходятся все источники, идущие из семьи Олениных; говорят за это и пушкинские записи: «Annette Olenine», «Annette Rouchkine».

В дневнике Оленина прямо об этом не упоминает. На старости же лет она рассказывала своему внучатному племяннику,¹⁰⁷ что Пушкин «сильно за ней ухаживал и что она ему отвечала. Большим его не считала». «Пушкин мне делал предложение». «На вопрос Александра Алексеевича „почему же, ma tante,¹⁰⁸ вы не вышли за него замуж?“, она отвечала: „Он

¹⁰⁵ М. И. Глинка. Литературное наследие, т. I, Автобиографические и творческие материалы. Музгиз, Л.—М., 1952, стр. 108. Штерич был и небольшим композитором. Глинка посвятил ему написанные в 1831 году в Италии вариации на тему «Анны Болены» Доницетти. «Только один раз в жизни я испытал счастье путешествовать с добрым, образованным другом: это был покойный Е. П. Штерич», — так вспоминал Глинка спустя четверть века после совместных их поездок за границу в 1830 и 1831 годах (письмо к В. Н. Кашперову от 13 апреля 1856 года; то же, т. II, 1953, стр. 581).

¹⁰⁶ Графиня Прасковья Петровна Кутайсова, рожденная княжна Лопухина (1786—1870), жена председателя Общества поощрения художников, сенатора графа Павла Ив. Кутайсова (сына приближенного Павла I). У них был открытый дом с любительскими спектаклями, где играли ее дочери; сама же она пела.

¹⁰⁷ Композитору Александру Алексеевичу Оленину.

¹⁰⁸ Тетушка.

был велтопуах (вертопрах), не имел никакого положения в обществе и, наконец, *il n'était pas riche*». ¹⁰⁹

В другом варианте воспоминаний Александра Алексеевича Оленина мы читаем: «Я знал мою тетушку в 80-х годах прошлого столетия, когда она из Варшавы приезжала гостить в Москву к моему отцу — ее родному племяннику, бывшему в эти года директором Строгановского училища технического рисования. — Это была древняя, но тем не менее бойкая старушка, сохранившая и память, и ясность ума. По вечерам она любила нам рассказывать о своих молодых годах. Ведь она знала решительно всех выдающихся своим умом и талантами лиц, бывавших в доме ее отца. С особенной теплотой она вспоминала о Пушкине, о его блестящих дарованиях, о том, что где бы он ни показывался, он сейчас же делался центром собрания. Меня очень интересовало — почему она не вышла за него замуж. Она всегда отмалчивалась, но в конце концов можно было вывести такое заключение: она не была настолько влюблена в Пушкина, чтобы идти наперекор семье. Семья же ее была против этого брака, ввиду главным образом бурной, неудержной натуры Пушкина, которая по ее понятиям не могла обеспечить тетушке мирное благоденственное житье. Тем не менее тетушка была весьма увлечена Пушкиным. — Это видно из того, что она имела с ним тайные свидания» (тут следует рассказ о прогулках в Летнем саду под присмотром англичанки). ¹¹⁰

Конечно, родители не говорили своей юной дочери о политической неблагонадежности Пушкина. Они мотивировали свое нежелание видеть его зятем тем, что он слишком бурен, что он вертопрах, что нет у него ни положения, ни состояния. С Пушкиным же, по-видимому, объяснилась мать и говорила сурово.

Сопоставим с этим и невеселый каламбур Пушкина в письме к Вяземскому от 1 сентября: «Я пустился в свет, потому что бесприютен», ¹¹¹ что Вяземский и расшифровал в своем ответном письме: «Ты говоришь, что ты *бесприютен*: разве уже тебя не пускают в Приютино?» (Пушкин, XIV, 28).

После сурового объяснения с матерью Олениной Пушкин, проводящий «время на дачах», ¹¹² в Приютино появляется лишь в дни семейных праздников — 11 августа и 5 сентября.

Оленина рассказывает в дневнике 19 сентября:

«5-го сентября были маменькины именины. Неделю перед тем, мы ездили в Марьино. ¹¹³ Там провели мы три дня довольно весело. Ездили

¹⁰⁹ «Он не был богат». — Воспоминания Александра Алексеевича Оленина (в записи П. С. Попова), 1934.

¹¹⁰ См. выше, стр. 253. Цитирую из воспоминаний Александра Алексеевича Оленина, написанных им в 1937 году.

¹¹¹ Эта фраза написана в таком контексте: «Пока Киселев и Полторацкие были здесь, я продолжал образ жизни, воспетый мною таким образом

А в ненастные дни собирались они

часто...

Но теперь мы все разбрелись. Киселев, говорят, уже в армии; Junior в деревне; Голицын возится с Глинкою и учреждает родственно-аристократические праздники (здесь разумеется, конечно, и день 11 августа в Приютино у родственников Голицына — Олениных, — Т. Д.). Я пустился в свет, потому что бесприютен» (XIV, 26).

¹¹² См. в письме П. А. Муханова от 11 августа 1828 года из Петербурга к М. П. Погодину. — М. Ц я в л о в с к и й. Пушкин по документам архива М. П. Погодина. «Литературное наследство», кн. 16—18, 1934, стр. 699.

¹¹³ Марьино — имение графини С. В. Строгановой, рожденной княжны Голицыной, вдовы генерал-лейтенанта графа П. А. Строганова, смерть сына которых «в огне, в дыму — в глазах отца» Пушкин изобразил в черновой строфе к «Евгению Онегину» (см. VI, 412).

верхом и философствовали с Ольгой.¹¹⁴ Воротившись домой, я задумала сыграть „proverbe“.¹¹⁵ Милая Полина Голицына¹¹⁶ согласилась, и я выбрала „proverbe“, разослала роли, но имела горе получить отказ Сергея Голицына. Что делать?

«В пятницу, 4-го, приехал Слепцов¹¹⁷ с женою и с Краевским. Он взялся играть роль Голицына. Мы украсили наш театр цветами, зеркалами и статуями. Вдруг письмо от Полины: отказ и баста нашему „proverbe“. Но гений мой внушил мне другое. Мы сказали маменьке и папеньке о неудаче сюрприза, вынесли все цветы, но оставили шнурки для зеркал и других украшений. Всё сделали неприметным. После ужина предложили Слепцову сыграть шараду в лицах с разговорами. План одобрен, шарада выбрана „La Mélomanie“.

«На другой день поутру назначена репетиция. Я встаю рано. Надо бы ехать к обедне, но без меня не может быть репетиции. Я представляюсь, что у меня болят зубы. Чудесно обманываю маменьку и папеньку, остаюсь дома, иду делать репетицию. Вот кто участвовал в шараде: Слепцов, Краевский, милый Репнин,¹¹⁸ m-me Василевская, несравненный казак и я.

«Всё устроено, занавесь сшита, парики готовы, а к возвращению маменьки все уже внизу, как ни в чем не бывало.

«Приехали гости: из дам — Бакунины¹¹⁹ и Хитровы,¹²⁰ Васильчиковы,¹²¹ много мужчин за обедом. Приезжают Голицын,¹²² потом и Пушкин.

«Как скоро кончился обед, маменьку уводят в гостиную и садятся все играть в карты, а я и актеры идем всё приготавливать.

«Через два часа всё готово. Занавесь поставлена и шарада начинается прологом. Слепцов говорит сочиненные им стихи. Занавесь опускается. Мы

¹¹⁴ Младшая дочь С. В. Строгановой, графиня Ольга Павловна Строганова (1808—1837), впоследствии, по мужу, графиня Ферзен.

¹¹⁵ «Пословицу», т. е. небольшую одноактную пьесу из светской жизни на тему какой-либо пословицы, отличающуюся легким и остроумным диалогом. «Пословицы» появились на французской сцене еще в XVIII веке.

¹¹⁶ Графиня Прасковья Сергеевна Голицына (1795—1879), одна из многочисленных детей князя Сергея Ивановича Голицына, члена гоф-интендантской канторы.

¹¹⁷ Кто такой — не известно. Может быть, автор вольного переложения в стихах поэмы Оссиана «Картон», изданного в Москве в 1828 году, А. Слепцов; см. «Московский телеграф» (1828, ч. XXIII, № 18, стр. 228—230), где напечатан отзыв об этом переложении.

¹¹⁸ Князь Василий Николаевич Репнин (1806—1880), камер-юнкер, сын генерал-губернатора Саксонского королевства (1813—1814), военного губернатора Малороссии (1816—1834), князя Николая Григорьевича Волконского, впоследствии (с 1801 года) принявшего фамилию Репнина (1778—1845) и жены его Варвары Алексеевны, рожденной графини Разумовской (ум. в 1863 году). Князь В. Н. Репнин приходился А. А. Олениной троюродным братом (мать А. Н. Оленина — Анна Семеновна (1757—1812) была родом княжна Волконская, сестра князя Григ. Сем. Волконского, отца Ник. Григ.).

¹¹⁹ Вероятно, Екатерина Павловна Бакунина (1795—1865) с матерью, — первая лирическая любовь Пушкина. В 1834 году Бакунина вышла замуж за Александра Александровича Полторацкого, двоюродного брата Олениной.

¹²⁰ Елизавета Михайловна Хитрово, друг Пушкина (у которой Оленина познакомилась с Пушкиным), со своей старшей дочерью, графиней Екатериной Федоровной Тизенгаузен (1803—1888).

¹²¹ Татьяна Васильевна Васильчикова, рожденная Пашкова (ум. в 1875 году), вторая жена Иллариона Васильевича Васильчикова (1776—1847), генерала от кавалерии, героя Отечественной войны, впоследствии председателя Государственного совета и князя; его дочь от первого брака Екатерина Илларионовна (ум. в 1842 году), поздней женой генерал-майора Ивана Дмитриевича Лужина; и его дочь от второй жены Софья Илларионовна Васильчикова (род. после 1814 года, ум. в 1854 году).

¹²² Сергей Григорьевич (Фирс).

быстро накидываем сарафаны и, пока всё на сцене приготавливается, Голицын, Елена Ефимовна¹²³ и я поем за занавесом трио Гайдна.

«Затем мы разыгрываем шараду (*Mé-lo-manie*) в четырех действиях (*Mais-lôt-manie*).

«После окончания шарады Голицын подходит к зрителям¹²⁴ и поет куплеты своего собственного сочинения.

«Вечером мы играли в разные игры.¹²⁵ Дамы все уехали. Молодежь делала разные *tours de passe-passe*.¹²⁶ Все очень поздно разъехалось.

«Прощаясь, Пушкин мне сказал, *qu'il doit partir pour ses terres, si toutefois il en aura le courage, — ajouta-t-il avec sentiment*»¹²⁷ (стр. 28—30).

Слова, которые Пушкин сказал Олениной, уезжая из Приютина, были чистосердечны.

Вновь мы видим возникающие под его рукой портреты Олениной. Они нарисованы на полях черногого текста «Полтавы». Один из них особенно хорош. Оленина изображена с большим проникновением, задумчиво опершейся головой на руку. Она в шляпе, нарисована по пояс. Это — единственный портрет Олениной, в котором Пушкин решился изобразить так пленявшие его ее глаза. Обычно на его рисунках Оленина показана с локонами, закрывающими глаза. Именно такой видим мы ее на втором рисунке рядом с описанным.¹²⁸ Этот же рисунок как бы иллюстрирует стих: «Какой задумчивый в них гений!» Тут же нарисован и портрет пожилой женщины, несколько напоминающий облик матери Олениной.¹²⁹

Черновые рукописи Пушкина выдают неуспокоившиеся мечтания его. Вновь появляются в его рукописи заветные сочетания имен: «Olenine»,

¹²³ Василевская.

¹²⁴ Т. е. зрителям.

¹²⁵ Постоянные *petits-jeux* у Олениной позволяют заподозрить ее участие в играх в ответы на заданные темы — «*Malheur*» («Несчастье») и «*Lentille*» («Чечевица»), записанных неизвестными и Пушкиным и сохранившихся в его архиве (см.: Рукою Пушкина, стр. 348—349, 349—350; см. также: Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. Научное описание, М.—Л., 1937, стр. 275—276, №№ 771, 772). На мой запрос Л. Б. Модзалевскому, не является ли один из двух неизвестных почерков этих документов почерком Олениной, он ответил мне (7 октября 1945 года): «Только на днях удалось совместно с Б. В. Томашевским произвести для Вас исследование заметок Пушкина и других „*Lentille*“ (№ 772) и „*Malheur*“ (№ 771). У меня оказался лишь позднейший почерк А. А. Олениной (1830-х годов—начала 40-х). Оказалось, что лишь 1 почерк в „*Malheur*“ (3-й абзац, нач.: «*Si'il faut fuir le malheur...*») несколько схож с почерком Олениной. Но категорически утверждать этого мы не можем (ср.: Рукою Пушкина, стр. 349)».

¹²⁶ «Фокусы».

¹²⁷ «Что он должен уехать в свое имение, если, впрочем, у него хватит духу, — прибавил он с чувством». — Непосредственно вслед за описанием прощания с ней Пушкина Оленина продолжает дневник и записывает свой разговор с Голицыным об «известных событиях» (см. выше).

¹²⁸ См. эти рисунки в «Литературном наследстве», т. 58, стр. 77. Они воспроизведены впервые А. М. Эфросом при его статье «Рисунки Пушкина» («Русский современник», 1924, № 2, стр. 209). Портреты Олениной определены им же в его книге: Рисунки поэта, 1933, стр. 390. Рисунки сделаны на полях написанного в другом направлении черногого текста стихов 401—406 первой песни поэмы «Полтава». Соответственно тексту рисунки датируются предположительно сентябрем 1828 года.

¹²⁹ Рисунок воспроизведен впервые Н. О. Лернером при статье «Неизданные рисунки Пушкина» — «Красная нива», 1929, № 15, стр. 20. Сопоставление принадлежит М. Д. Беляеву («Рисунки Пушкина». Описание, составленное М. Д. Беляевым и Т. Г. Цявловской-Зенгер. Рукопись).

«Olenine», «Annette Pouch», «Annette», «AP», «AP». Всё, кроме фамилии Олениной, зачеркнуто.¹³⁰ И еще через несколько страниц пишет поэт «Anipelo», «A. O.» и вновь и вновь повторяет эти начертания, тут же и дальше.¹³¹

Те же чувства — «должен уехать...», если, впрочем, у него хватит духу — продиктовали Пушкину его удивительное стихотворение об оставленном Петербурге, где глубокая, социальная и вместе с тем живописная характеристика мрачной столицы освещается — так неожиданно и лирично — деталями образа милой поэту девушки:

Город пышный, город бедный,
 Дух неволи, стройный вид,
 Свод небес зелено-бледный,
 Скука, холод и гранит —
 Всё же мне вас жаль немножко,
 Потому что здесь порой
 Ходит маленькая ножка,
 Вьется локон золотой.¹³²

7

21 сентября Оленина описывала в дневнике прощальный приезд Чечурина накануне. Там находим такой абзац:

«Последний раз, как он здесь был, он выпросил у меня стихи Пушкина на мои глаза. Я ему их списала и имела неблагоразумие подписать свою фамилию. То же сделала на стихах Вяземского, Козлова и других стихах Пушкина. Я написала ему на бумажке просьбу,¹³³ чтоб он вычеркнул мое имя, и, когда спросила, сделает ли он это, он ответил:

«„Неужели Вы думаете, что я не исполню малейшего Вашего желания?“

«Я извинилась тем, что боюсь, чтобы стихи не попали в чужие руки.

«„Ах, боже мой, это очень понятно — всё будет исполнено“» (стр. 32).

¹³⁰ Тетрадь ЛБ № 2371, л. 48 (ныне ПД № 838). Записи сделаны по черновику стихов «Мазепа в горести притворной... И потемнять благую славу» из первой песни «Полтавы», оконченной 3 октября 1828 года. Датируются записи 3—19 (?) октября 1828 года (см.: Рукою Пушкина, стр. 317).

¹³¹ Тетрадь ЛБ № 2371, лл. 57 об. и 58. Записи сделаны на полях черновика третьей песни «Полтавы». Они датируются 9—16 октября 1828 года.

¹³² Пушкин поместил стихотворение среди написанных в 1828 году (Стихотворения Александра Пушкина, ч. II, 1829). Уточнение датировки сделано М. А. Цявловским: «Написано, вероятно, в октябре, в связи с отъездом поэта из Петербурга в Малининки 19 октября» (А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в шести томах. Под редакцией М. А. Цявловского, т. I, изд. «Academia», М.—Л., 1936, стр. 762). В Академическом издании стихотворение датировано «1828 годом, предположительно второй половиной октября (около 19-го)» (III, 2, 1167). Датировка обосновывается так: «Датируется 1828 годом по изданию 1829 года. Относится, по-видимому, к А. А. Олениной, т. е., может быть, написано летом — осенью этого года, предположительно под влиянием отъезда из Петербурга, где прожил безвыездно целый год, — 19 октября 1828 года, может быть, перед самым отъездом, может быть, уже выехав» (Н. В. Измайлов. Обоснование датировок стихотворений 1828 года для Академического издания. Рукопись). Думаю, что стихотворение могло быть написано и в сентябре (мы видим, что Пушкин уже 5 сентября собирается уезжать из Петербурга), и, вероятно, не позднее 19 октября. Психологически оно кажется написанным до отъезда, о том же говорит и слово «здесь».

¹³³ Этому абзацу предшествуют слова: «После этого у нас пошла переписка на маленьких кусочках бумажек».

Из стихов Пушкина, которые Оленина дала Чечурину, она называет только «Ее глаза». Мы знаем, что он привез ей «Ты и вы».¹³⁴ Это не значит, конечно, что других стихотворений у нее не было. Но думаю, что из всего вышеуказанного у нее могли быть еще стихи «To Dawe, Esq!» и «Предчувствие». Другие стихотворения, оставленные в недоработанном виде, поэт, конечно, ей не отдавал.

В сцене прощания с Чечуриным, которую описывает Оленина, интересна страница, посвященная декабристам:

«Наконец стало поздно. Маменька снова попросила его, чтобы он оставил ей сочинения и письма Рылеева. Он долго на это не соглашался, но наконец отдал их мне.

«Я воспользовалась этой счастливой минутой, когда растроган он был, и просила его оставить батюшке, под запечатанным пакетом, все дела, касающиеся до Рылеева. Все мы — брат Алексей, приехавший в тот день из деревни, маменька и я, стали упрашивать его.

«Он представлял нам свои резоны, мы — свои. Наконец он уверил нас, что он прав, и дал мне слово, что положит всё в пакет, запечатает двумя печатями и, приехавши в армию, отдаст его сам генералу Б.»¹³⁵

«„Чтобы доказать Вам, как я благодарен за Ваше ко мне попечение, я признаюсь, что у меня есть еще их стихи.»¹³⁶ Я сожгу их“. — „Зачем“, сказала я, „положите их в пакет и отдайте отцу. Он сохранит их и возвратит Вам их, когда Вы воротитесь с войны“.

«Но он не хотел на то согласиться, но обещал не держать их при себе» (стр. 32—33).

Как видим, в семье Олениных к декабристам относились с таким же сочувствием, как, вероятно, в большинстве интеллигентных семей той поры. О том же говорит и запись Олениной от 24 сентября:

«Вчера же получила я пакет от Алексея Петровича Чечурина. В нем был один браслет, другого он не успел кончить. Письмецо было в сих словах:

«„Я дождал проволоки до 4-х часов. Видно мне должно кончить браслеты после войны. Слуга Ваш «Груши моченые»“.¹³⁷ 22 сентября. («Груши моченые» — это имя, которое Елена Ефимовна Василевская дала Львову и справедливо). В том же пакете были некоторые бумаги, писан-

¹³⁴ Оба эти произведения хранились в ее архиве, переписанные ее рукой, с ее аннотациями. Эта часть архива принадлежала в 1889 году младшей дочери А. А. Андро — Антонине Федоровне Уваровой, по второму мужу Войде (1847—1920), и хранились в деревне Срединные Деражни Новгород-Волынского уезда Волынской губернии (см.: П. М. Устинович. Анна Алексеевна Андро, рожденная Оленина. «Русская старина», 1890, август, стр. 391, 397, 398). В другой части архива А. А. Андро (Олениной), принадлежавшей ее старшей дочери, Александре Федоровне Гарбинской (1842—1910), а затем внучке Софье Андреевне Гарбинской, находился дневник А. А. Олениной. Другой внучке, Ольге Николаевне Оом, рожденной баронессе Сталь-фон-Голстейн, дочери второй дочери А. А. Андро, баронессы Софии Федоровны Сталь-фон-Голстейн (1844—1920), она завещала тот альбом, в который Пушкин вписал стихотворение «Я вас любил...». Об этом см. ниже.

¹³⁵ Может быть, имеется в виду Бенкендорф, находившийся в то время в армии при Николае I.

¹³⁶ Стихи декабристов — Рылеева, Бестужева и др.

¹³⁷ Ср. подпись Пушкина в письме к А. П. Керн (от 1 сентября 1827 года): «Весь ваш Яблочный Пирог» (XIII, 342, № 346). Очевидно, это восходит к каким-то играм, которыми увлекались в семье Олениных и других домах. (А. П. Керн, кстати сказать, приходилась двоюродной сестрой А. А. Олениной. Отец ее, Петр Маркович Полторацкий, был родным братом Елизаветы Марковны Олениной, рожденной Полторацкой.)

ные ему на память, а также кусок руды серебряной, на которой было написано „Юноше несравненному“. Кусок сей завернут был в бумажке, исписанной иероглифами. Но я разобрала их, потому что у меня был ключ к ним.

«Вот они: „Вам, несравненная Анна Алексеевна, поручаю вещь, для меня драгоценнейшую. Прощайте“.

«Я взяла его бумаги, положила в пакет и написала: „отдать по возвращении“. Кусок руды положила в выточенный ящик, написала внутри: „отдать Алексею Петровичу Чечурину“, завязала тесьмой и положила свою печать. Теперь я спокойна. Я сделала то, что должно, сохраню его тайну, она не касается меня» (стр. 35).

Совершенно ясно, что кусок руды был добыт на каторге кем-то из декабристов и подарен Чечурину, когда он был в Чите.

Запись от 25 сентября вновь соединяет и общественные и личные интересы Олениной:

«Сегодня пушки ужасно палили. Не взяли ли Варну? Дай боже! Теперь бы поскорее взять Шумлу да Силистрию, да и за мир приняться. Николай Дмитриевич Киселев теперь пойдет в люди. Его брат в большом фаворе. Да и он сам умен. Жаль только, что у него нет честных правил насчет женщин.¹³⁸

«Что-то будет со мною эту зиму? Не знаю, а дорого бы дала, чтобы знать, чем кончится моя девственная карьера. Увидим!» (стр. 36).

Следующая запись выясняет, что симпатию к декабристам Оленина испытывает по человечеству (многих из них она, конечно, знала лично), по существу же она резко критикует их программу, бросая им мимоходом обвинение в том, что они проливали «реками родную кровь». И это ее обвинение, и утверждение, что деятельность некоторых из декабристов вызывалась их тщеславием, и предлагаемая ею политическая концепция, вероятнее всего, — отголосок рассуждений А. Н. Оленина:

«30 сентября.

«Боже мой, какая радость! Вчера приехали папенька и братья и вот их хорошие и худые новости: 1) что с них сняли цепи, 2) что Муравьев, Александр Николаевич, сделан начальником в Иркутске. Все чувства радости проснулись в душе моей: они свободны, хоть телом свободны, думала я. Эта мысль услаждала горе знать их так далеко и в заточении. Но, увы, жалея о них, горюя об их ужасной участи, я не могу не признать, что рука всевышнего карает их за многие дурные намерения» (стр. 36). Далее следует критика «неограниченной и пустой детской конституции, которую хотели дать нам 14-го числа» (стр. 38).

Запись, сделанная на другой день, показывает подлинные горячие чувства Олениной, которые перекрывали, конечно, ее рассудочную критику декабристской идеологии:

«1 октября.

«Вчера, приехавши в город, я исполнила желание сердца моего и отслужила, неведомый никому, благодарный молебен за вчерашние вести» (стр. 38).

¹³⁸ Эти слова о прямо названном Н. Д. Киселеве окончательно подтверждают, что проходящий по страницам дневника Олениной Киселев — Николай Дмитриевич.

Далее следуют страницы, посвященные войне. Оленина рисуется тут человеком с живым, эмоциональным отношением к общественным событиям. Чувства патриотизма и воинской чести руководят ее мыслью.

14 октября она записывает в дневник:

«Проживши в Приютине до ужасного вихря и снега, в прошедшее воскресенье я приехала с папенькой в град Петров» (стр. 39—40).

Последние записи в дневнике Олениной за 1828 год (от 14 и 17 октября) говорят о неназванном герое Варны (вероятно, об Алексее Лобанове-Ростовском) и о Николае Дмитриевиче Киселеве (записи от 5 и 22 ноября).

8

Осень 1828 года явилась для Пушкина одним из самых творчески насыщенных периодов его жизни. К середине октября в Петербурге была вчерне закончена и перебелена «Полтава». 19 октября, отметив лицейскую годовщину традиционным ужином, он уехал в деревню — в тверские имения своих друзей Вульфов. Здесь написаны «Клеопатра», «Анчар», «Чернь», закончена седьмая глава «Онегина». Здесь он работает и над «Сказкой о царе Салтане», и над повестью из современной русской жизни. В начале декабря он приехал в Москву и пробыл здесь месяц — до 5 января 1829 года.

Одним из первых в этот период Пушкин навещил близкое ему семейство Ушаковых, где он постоянно бывал в начале 1827 года, ухаживая за старшей сестрой, Екатериной Николаевной. Ей написаны стихи «Когда, бывало, в старину...» (3 апреля 1827 года) и «В отдалении от вас с вами буду неразлучен...» (16 мая 1827 года). Полутороговая разлука показала непрочность чувства Пушкина к Ушаковой.

«При первом посещении Пресненского дома, — рассказывает племянник Екатерины Николаевны, — он узнал плоды своего непостоянства: Екатерина Николаевна помолвлена за князя Д—го. „С чем же я-то остался?“ вскрикивает Пушкин. „С оленьими рогами“, отвечает ему невеста».¹³⁹

В этой бравате оскорбленной изменой Пушкина Екатерины Ушаковой, может быть, содержится намек не столько на ее, Ушаковой, измену Пушкину, сколько на отказ Олениной поэту.

Непосредственное впечатление от этой перемены в отношениях между Ушаковой и Пушкиным передает Вяземский жене: «Мы вчера ужинали у Василья Львовича с Ушаковыми, пресненскими красавицами, но не подумай, что это был ужин для помолвки Александра. Он хотя и влюбляется на старые дрожжи, но тут сидит Долгорукий горчаковский и дело на свадьбу похоже».¹⁴⁰

«Впрочем, этим не кончились отношения Пушкина к бывшему своему предмету, — продолжает рассказ Киселев. — Собрав сведения о Д—м, он

¹³⁹ Рассказ Н. С. Киселева — сына Ел. Ник. и С. Д. Киселевых. Опубликовано Л. Н. Майковым в его статье «Знакомство Пушкина с семейством Ушаковых» в книге: Л. М а й к о в. Пушкин. СПб., 1899, стр. 364—365. Майков полагал, что описываемые Киселевым события относятся к марту 1829 года. Он упустил из виду первый после 1827 года приезд Пушкина в Москву — в декабре 1828 года, — время, которое отмечено стихами, обращенными к младшей Ушаковой, — «Вы избалованы природой...» Именно эту датировку поддерживает и приводимое ниже недавно опубликованное письмо Вяземского от 19 декабря 1828 года.

¹⁴⁰ Письмо от 19 декабря 1828 года. «Литературное наследство», т. 58, стр. 85. «Долгорукий горчаковский» — Александр Иванович (1783—1868), сын писателя И. М. Долгорукого, адъютант военного министра кн. А. И. Горчакова, который ему покровительствовал.

упрашивает Н. В. Ушакова расстроить эту свадьбу. Доказательства о поведении жениха, вероятно, были слишком явны, потому что упрямство старика было побеждено, а Пушкин остался прежним другом дома». ¹⁴¹

К поре этих дружеских общений относятся стихи Пушкина младшей сестре Екатерины Николаевны, Елизавете — «Вы избалованы природой...» (начало января 1829 года) и рисунки в ее альбоме. ¹⁴²

Дружеские отношения Пушкина с Ушаковыми побуждали его рассказывать девушкам о своих сердечных неудачах, рисовать им не только портреты своих друзей, портреты самих Ушаковых, но и портреты своих увлечений. ¹⁴³ Пушкин записал Ушаковым в альбом и имена женщин, в которых он был влюблен (так называемый «Дон-Жуанский список»). Имя Анна записано Пушкиным пять раз. В той Анне, которая предшествует завершающему первый список имени Наталии (Гончаровой), нельзя не узнать Олениной. ¹⁴⁴

Среди рисунков в Ушаковском альбоме есть три портрета Олениной, прекрасно исполненных Пушкиным. Один из них — погрудный — великолепен по артистизму. ¹⁴⁵ Оленина изображена в альбоме и в двух злых карикатурах непутешинской руки.

«На одном из этих рисунков изображен пруд, на берегу которого стоит нарядная молодая особа и удит; на поверхности воды видно несколько мужских голов; вдали, на берегу, стоит молодой человек в круглой шляпе, с тростью в руке. Против мужской фигуры написано: „Madame, il est temps de finir“, ¹⁴⁶ а против женской:

Как поймаю рыбочку
Я себе на удочку,
То-то буду рада,
То-то позабавлюсь,
То-то разгуляюсь!

«По объяснению Н. С. Киселева, представленная здесь молодая особа — Анна Алексеевна Оленина. В мужчине, стоящем на берегу, следует угадывать Пушкина, хотя изображение и не отличается сходством.

«Барышню с тем же профилем, какой мы видим на сейчас описанной картинке, можно узнать и на другом рисунке: тут она протягивает руку молодому человеку, который ее почтительно целует. Здесь мужская фигура с лицом, обрамленным бакенбардами, уже гораздо более напоминает портреты Пушкина. К этой картинке относится следующая подпись:

Прочь, прость отойди!
Какой беспокойный!
Прочь, прость! Отвяжись,
Руки недостойный!» ¹⁴⁷

¹⁴¹ Л. Майков. Пушкин, стр. 365.

¹⁴² Два альбома старшей сестры не сохранились: «...выходя замуж за М. Д. <следует: Д. М.> Наумова, удовлетворяя ревнивым требованиям последнего, должна была уничтожить альбомы, исписанные и исчерченные рукой Пушкина» (заметка Н. С. Киселева — там же, стр. 377; ср. там же, стр. 362).

¹⁴³ Эти рисунки датируются мартом—апрелем и сентябрем 1829 года — по возвращении из Арзрума.

¹⁴⁴ См.: Рукою Пушкина, стр. 629, 634.

¹⁴⁵ Ушаковский альбом — ЛБ № 4222; теперь ИРЛИ (ПД), ф. 244, оп. 1, № 1582, лл. 40 об. (погрудный), 41 об. (в рост) и 41 об. (оплечный). Все три портрета воспроизведены впервые в «Альбоме Пушкинской выставки 1899 года в Москве», таблицы 20, 21. То, что рисунки изображают А. А. Оленину, определено А. М. Эфросом в его книге: Рисунки поэта, 1933, стр. 386—390, 390—392 и 392.

¹⁴⁶ «Сударыня, пора кончать».

¹⁴⁷ Л. Майков. Пушкин, стр. 374. Рисунки находятся на л. 94 и 50 об. Ушаковского альбома. Второй из них воспроизведен в названном альбоме, л. 19.

Картинки эти нарисованы женской рукой, совершенно беспомощно. Они принадлежат, по-видимому, Екатерине Николаевне Ушаковой¹⁴⁸ и объясняются ее «веселой остротой», «насмешливостью злой», питаемой ревнивым чувством к Пушкину.

Все эти рисунки сделаны предположительно во время приезда Пушкина в Москву между 12 марта и апрелем 1829 года. В них ясно, что Ушаковы знали о влюбленности Пушкина в Оленину, как знали и об отказе ее от брака с ним и о ее поисках жениха.¹⁴⁹ Ясно, что Ушаковы видели Оленину, приезжавшую в Москву в январе 1829 года¹⁵⁰ (карикатуры обладают ясными приметами Олениной — высокая прическа, большой нос, непомерно маленькие ноги).

На обратном пути из Москвы Пушкин вновь заезжает по дороге в любившиеся ему Малинники, которые теперь постоянно будут его притягивать.

Новые впечатления, новые девичьи лица затуманивали в памяти его образ Олениной. Поэт сам расписывается в этом:

За Netty сердцем я летаю
В Твери, в Москве —
И R и O позабываю
Для N и W¹⁵¹
(III, 1, 139).

Netty, N и W — это одна из многочисленных племянниц соседки Пушкина по Михайловскому, П. А. Осиповой, — Анна Ивановна Вульф.¹⁵² R обозначает, вероятно, Россет, O — Оленину.

18 января 1829 года Пушкин возвращается в Петербург.¹⁵³ Олениной в это время в Петербурге не было. Она уехала в Москву.¹⁵⁴ Пути их раз-

¹⁴⁸ То же предполагал и Л. Н. Майков, узнававший почерк Ек. Н. Ушаковой в текстах на карикатурах; см.: Л. Майков, Пушкин, стр. 374.

¹⁴⁹ Этой темой, можно сказать, пронизаны страницы ее дневника: «Я сама вижу, что мне пора замуж: я много стою родителям. Пора, пора мне со двора» (запись от 17 июля 1828 года). Она обсуждает с И. А. Крыловым возможности своего замужества и признается, что готова выйти замуж не любя (запись от 17 июля 1828 года). Мысль о том, чем «кончится» ее «девственная карьера» (запись от 25 сентября 1828 года), не дает Олениной покоя, и Оленина заполняет страницы своего дневника наивными рассуждениями об обязанностях жены (записи от 7 июля, 17 июля 1828 года, от 22 мая 1829 года и др.).

¹⁵⁰ См. прим. 154.

¹⁵¹ Вероятно, стихотворение написано в Москве (где Пушкин пробыл с 6 декабря 1828 по 5 января 1829 года) или на обратном пути из Москвы — в Тверскую губернию (где он был с 6 по 17 января 1829 года). Датировке Академического издания: «предположительно концом октября—ноябрем 1828 года» (III, 2, 1173) — противоречит Москва в тексте четверостишия.

¹⁵² Анна Ивановна Вульф (18. — 1835), с 1834 года по мужу Трувеллер.

¹⁵³ См. запись в памятной книжке Ал. Ник. Вульфа за 1829 год (Пушкин и его современники, вып. I, 1903, стр. 147).

¹⁵⁴ Вяземский пишет жене 16 января 1829 года из Москвы о том, что 16-го бал у Мертваго, «которая на днях познакомилась со мною и звала, вероятно по сестре своей Олениной, приехавшей из Петербурга с дочерью» (ЦГАЛИ, фонд Вяземских, № 195, оп. 1, ед. хр. 3267, л. 139 об.). Дневник Олениной не дает более точных дат ее пребывания в Москве: между 22 ноября 1828 и 20 марта 1829 года в нем нет записей; 20 марта она рассказывает о путешествии в Москву, где провела несколько недель («еще пять недель» после того, как ее сестра Варенька, «наконец», родила дочь). Хотя Дельвиг и писал Пушкину из Петербурга (3 декабря 1828 года), что иные догадываются, что он составляет авангард Олениных, которые собираются в Москву (Пушкин, XIV, 36, № 397), однако, судя по тому, что Вяземский, живший одновременно с Пушкиным в конце 1828 и в начале 1829 года в Москве (он уехал оттуда 20 февраля), сообщил Пушкину 23 февраля из Мещерского Пензенской губернии

Так бестолкова, так писклива¹⁶⁰
 [Что вся была в отца и мать]¹⁶¹

*

Тут Лиза Лосина была

*

Тут [Лиза] дочь его была,¹⁶²
 Уж так жеманна, так мала,¹⁶³
 Так неопрятна, так писклива,¹⁶⁴
 Что поневоле каждый гость
 Предполагал в ней ум и злость. . .

*

Тут был ее отец **А**¹⁶⁵
 О двух ногах н<улек> горбатый

*

Тут был отец ее пролаз¹⁶⁶
 Нулек на ножках

И далее:

[Но дрожь Онегина взяла:]
 [Тут Лиза вошла]
 Уж так горбата, так смела

*

Так неопрятна [писклива]
 Что поневоле каждый гость
 Предполагал <в ней ум и злость>¹⁶⁷

Вот образ Олениной, вчерашнего «ангела милого»! Жеманна, мала, горбата, писклива, бестолкова, неопрятна. Она вызывает дрожь Онегина при своем появлении. Чем объясняется этот ядовитейший сарказм против Олениной? Надо предположить, что произошло что-то чрезвычайное, что Оленина жестоко оскорбила Пушкина, сделала это публично. То, что она отказала ему «в руке», — дело интимное, которое, как мы видели, не вызвало, естественно, никакой обиды. Тон же черновых стихов об Олениной в восьмой главе «Онегина» предполагает какую-то взорвавшую Пушкина обиду. Стихи о Лизе Лосиной написаны в декабре 1829 года, когда Пушкин, вернувшись в Петербург после длительного путешествия, вновь засел за роман. Мы видим и еще один знак отчуждения Пушкина от семьи Олениных в те же декабрьские дни 1829 года. Составив список тех лиц, кому следует развезти визитные карточки к новому, 1830 году, Пушкин записал и Олениных и тут же вычеркнул их.¹⁶⁸ Он перестал считать их своими знакомыми. Не услышал ли Пушкин, вернувшись из Арзрума, от кого-

¹⁶⁰ а. Так величава, так писклива!

б. Так бестолкова, так жеманна!

¹⁶¹ Что вся казалось в отца

¹⁶² Начато: Тут Лиза Лосина

¹⁶³ Уж так горбата, так мала

¹⁶⁴ Так бестолкова и писклива

¹⁶⁵ Монограмма А. Н. Оленина, которую он ставил на своих рисунках, например, на иллюстрации к «Руслану и Людмиле».

¹⁶⁶ Вигель обращал внимание на то, что Оленин был, «как все служащие в Петербурге быть должны, искателен в сильных при дворе и чрезвычайно уступчив в сношениях с ними» (Ф. Ф. Вигель. Записки, т. II. М., 1928, стр. 46). Венцом его угоничества следует считать предложение его выбрать Аракчеева в почетные члены Академии художеств и мотивировку — «он человек очень близкий государю».

¹⁶⁷ Строки об Олениных в «Евгении Онегине» выявлены были лишь при подготовке к печати романа для Академического издания — редактором его Б. В. Томашевским. Впервые опубликованы Томашевским в статье «Из черновигов „Онегина“» («Вечерняя Москва», 1937, 23 января).

¹⁶⁸ См.: Рукою Пушкина. стр. 322, 324.

нибудь, может быть, от преисполненной ревностью к Олениной Екатерины Ушаковой, знаменитой своим злым язычком, каких-нибудь обидных речей, которые Оленина говорила о нем, приехав в Москву?

10

Думаю, что эта моя гипотеза находит себе подкрепление в словах самого Пушкина. Есть у Пушкина повесть, называемая «Роман в письмах». Написана она в 1829 году, осенью в течение десяти дней — с 21 октября по 1 ноября (VIII, 2, 1051). Пушкин жил в это время в Старицком уезде, заехав туда на пути из Арзрума в Петербург. Поэт написал в это время большую часть «Путешествия Онегина», поэму «Тазит» — и в том и в другом кристаллизовались недавно воспринятые кавказские впечатления. Здесь же родились и такие свежие, реалистические и совершенные в поэтическом отношении стихотворения, как «Зима. Что делать нам в деревне?..» и «Зимнее утро» («Мороз и солнце; день чудесный...»).

В написанной в эти благодатные дни повести «Роман в письмах» читаем мы мысли самого Пушкина (в письмах мужчин), мысли и чувства девушек, его окружавших (в письмах женщин). В повести ярко отражается весь быт среднепоместных уездных дворян. В ней сквозят осязательные черты живой действительности.

Пушкин и не скрывает этого. Помета под первым же письмом героини повести Лизы к Саше — «Село Павловское» — говорит сама за себя. Село Павловское Пушкин упоминает в своем письме к А. Н. Вульфу от 26 октября 1829 года (XIV, 49, 50, № 419).¹⁶⁹ Селом Павловским помечено им место создания «Странствия» Онегина в хронологии романа (VI, 532). Из села Павловского написано и письмо к жене в 1833 году.

Только что отъехав от Петербурга, 21 августа Пушкин пишет жене: «Ты не угадаешь, мой ангел, откуда я к тебе пишу: из Павловска; между Берновом и Малинников, о которых вероятно я тебе много рассказывал. Вчера, своротя на проселочную дорогу к Яропольцу, узнаю с удовольствием, что проеду мимо Вульфовых поместий, и решился их посетить. В 8 часов вечера приехал я к доброму моему Павлу Ивановичу, который обрадовался мне, как родному. Здесь я нашел большую перемену. Назад тому 5 лет Павловское, Малинники и Берново наполнены были уланами и барышнями; но уланы переведены, а барышни разъехались...» (XV, 72, № 838).

Вот отрывок из «Романа в письмах», где мы видим полнейшую аналогию: «...вчера были именины ***. Я приехал к обеду, вхожу в гостиную, нахожу толпу гостей, уланские мундиры, дамы меня окружают...» (VIII, 1, 51). Уланы, о которых пишет Пушкин, были офицерами стоявшего тогда в Старице Оренбургского уланского полка.¹⁷⁰ Пушкин знал, как живо они интересовали барышень, живущих в вульфовских поместьях по уезду; Анна Ник. Вульф писала ему из Малинников об уланах еще в 1826 году (XIII, 273, 280—281); сам Пушкин сообщает А. Н. Вульфу

¹⁶⁹ Исправляю датировку Академического издания (как и всех остальных изданий). Там это письмо датировано 16 октября: за единицу принималось небрежное начертание двойки. Это исправление существенно потому, что дата этого письма из Малинников единственная опора для установления времени начала пребывания Пушкина в Тверской губернии в 1829 году и отъезда его из Москвы в Старицу. На этой дате строились не только биографические факты, но и датировки ряда произведений этого периода.

¹⁷⁰ См.: А. Н. Вульф. Дневники. М., 1929, стр. 188.

в письме от 26 октября 1829 года: «Евпраксия Николаевна и Александра Ивановна отправились в Старицу осмотреть¹⁷¹ новых уланов» (XIV, 49, № 419).

Уланы эти отразились не только в «Романе в письмах», но и в «Евгении Онегине». Описывая увлечение Ольги после смерти Ленского, поэт пишет:

Мой бедный Ленский! изнывая,
 Не долго плакала она...
 Улан умел ее пленить,
 Улан любим ее душою...
 Улан, своей невольник доли,
 Был должен ехать с нею в полк.
 (VI, 142, 143).

В опущенных для печати двух строфах чернового текста дается и портрет улана, покорившего Ольгу:

Ее настиг молодой улан,
 Затянут — степен и румян,
 Красуясь черными усами,
 Нагнув широкие плеча
 И гордо шпорами звуча.
 (VI, 420).

В варианте последнего стиха: «Заветной шпорою гремя» — можно узнать лукавую интерпретацию выражения, подобного словам Netty (Анны Ивановны Вульф): «...в шпорах есть нечто поэтическое. Ссылаюсь на мнение А. И. В.», введенного было Пушкиным в примечание к строфе XXVIII главы первой (VI, 528).¹⁷²

Если вспомнить, что глава седьмая «Евгения Онегина» писалась в 1827—1828 годах, то не останется сомнений, что улан в «Евгении Онегине» прямо привнесен из провинциальных впечатлений поэта. «Здесь обедаю я вареньем и проиграл три рубля в двадцать четыре роббера в вист», — пишет Пушкин жене (21 августа 1833 года; XV, 73). «С чувством подчуёт вареньем», «мать... большая охотница до виста», «играю с старухами в бостон по копейке и сержусь, когда проигрываюсь», — читаем мы аналогичные письму тексты в повести (VIII, 1, 47, 55). Скажем больше. Все героини повести — Лиза, Саша, Маша — названы именами обитательниц этого вульфовского гнезда. «Из старых моих приятельниц нашел я одну белую кобылу...», а в Малинниках вместо всех Анет, Евпраксий, Саш, Маш etc., живет управитель Парасковии Александровны...», — так пишет Пушкин в том же письме к жене (XV, 72).

Откроем дневник Вульфа: «Старица. Я ожидал там найти Лизу и Сашу... Здесь я нашел двух молодых красавиц... *Марья Борисова*. Другая, Машенька Борисова, прошлого года мною совсем почти незамеченная, теперь тоже заслуживала мое внимание. Не будучи красавицею, она имела хорошенькие глазки и для меня весьма приятно картвила. Пушкин, бывший здесь осенью, очень ввел ее в славу».¹⁷³ Лиза — это одна из многочисленных племянниц П. А. Осиповой, младшая сестра Анны Пет-

¹⁷¹ Исправлено из посмотреть.

¹⁷² Расшифровка инициалов «А. И. В.» принадлежит редактору «Евгения Онегина» в Академическом издании Б. В. Томашевскому (см. VI, 666).

¹⁷³ А. Н. Вульф, Дневники, стр. 187 (запись от 7 января 1829 года).

ровны Керн, Елизавета Петровна Полторацкая, которая проходит одной из главных героинь в дневнике Вульфа. Более известна она по обращенному к ней четверостишию Пушкина:

Когда помилует нас бог,
 Когда не буду я повешен,
 То буду я у ваших ног,
 В тени украинских черешен.¹⁷⁴

(III, 1, 150)

Саша, она же Алина, — это Александра Ивановна Осипова, падчерица П. А. Осиповой, которую Пушкин обессмертил своим «Признанием» («Я вас люблю, — хоть я бешусь...»; III, 1, 28).¹⁷⁵ Маша — это, конечно, Марья Васильевна Борисова, о которой говорит Вульф, что Пушкин осенью 1828 года «очень ввел ее в славу». Вероятно, Вульф имеет в виду полученное им от Пушкина письмо, написанное 27 октября 1828 года: «...Марья Васильевна Борисова есть цветок в пустыне, соловей в дичи лесной, перла в море и... я намерен на днях в нее влюбиться» (XIV, 33). Это была молодая девушка, сирота, жившая в доме Петра Ивановича Вульфа, в имении Старицкого уезда Тверской губернии. «Была она очень красивая, имела выразительные глаза и черные волосы».¹⁷⁶ Конечно, ее изобразил Пушкин следующей осенью в своем «Романе в письмах» в качестве второй героини повести, Маши, которая наряду с первой героиней Лизой занимает Владимира. «Стройная меланхолическая девушка лет семнадцати, воспитанная на романах и на чистом воздухе»; «у ней много хорошего, много оригинального»; «Маша хорошо знает русскую литературу — вообще здесь более занимаются словесностью, чем в Петербурге»; «теперь я понимаю, за что В* «Вяземский» и П* «Пушкин» так любят уездных барышен. Они их истинная публика»; «Она стройна и странна — мужчинам только того и надобно» и т. д. (VIII, 1, 47, 49, 50, 51).

Образ той же Машеньки Борисовой посетил Пушкина, когда он обдумывал — уже в 1834 году — «Капитанскую дочку». В одном из планов повести находятся такие строки: «Муж и жена Горисовы».¹⁷⁷ Оба душа в душу — Маша, их балованная дочь — (барышня Марья) Горисова». Он влюбляется тихо и мирно» (VIII, 2, 930).

Вот в этой-то реалистической повести «Роман в письмах», искрящейся умом, теплым юмором и знанием человеческого сердца, пронизанной уважительной любовью к простой русской девушке (той же Татьяне, той же Маше из «Капитанской дочки»), в повести, в которой решительно всё кажется сколком с настоящей, еще не остывшей жизни, находим мы развязку отношений Пушкина с Олениной.

В последнем письме повести Владимир описывает своему другу прелесть Лизы и заканчивает этот дифирамб контрастным рассказом о другой. Приведу этот текст.

¹⁷⁴ Датируется «18 января — 5 февраля 1829 года» (см. III, 2, 1177).

¹⁷⁵ Датируется «ноябрем(?) 1824 — августом 1826 года» (см. III, 2, 1129).

¹⁷⁶ См. рассказы ее подруги, хорошо знавшей Пушкина, Ек. Евгр. Синецкой — в книге: В. И. Колосов. А. С. Пушкин в Тверской губернии в 1827 году. Тверь, 1888, стр. 15—16.

¹⁷⁷ До Академического издания читалось: «Муж и жена Борисовы». И ниже: «Мар. Борисова». В комментариях сообщаются данные о Марии Васильевне Борисовой (см.: Автографы Пушкина. Транскрипция и комментарий Т. Г. Зенгер к плану «Капитанской дочки». «Труды Публичной библиотеки СССР имени Ленина», вып. III, 1934, стр. 24, 26).

«С Лизою вижусь каждый день — и час от часу более в нее влюбляюсь. В ней много увлекательного. Эта тихая благородная стройность в обращении, прелесть высш. <его> петербургского общества, а между тем — что-то живое, снисходительное, добродородное (как говорит ее бабушка), ничего резкого, жестокого в ее суждениях, она не морщится перед впечатлениями, как ребенок перед ревен<ем>. Она слушает и понимает — редкое достоинство в наших женщинах. Часто удивлялся <я> тупости понятия или нечистоте воображения дам, впрочем очень любезных.¹⁷⁸ Часто сам<ую> тонк<ую> шутку, самое поэтическое приветствие¹⁷⁹ они принимают или за нахальную эпиграмму или <за> <?> неблагопристойную плоскость.¹⁸⁰ В таком случае холодный вид¹⁸¹ ими принимаемый так убийственно отвратителен, что самая пылкая любовь против него не устоит.

«Это испытал я с Еленой ***,¹⁸² в которую был я влюблен без памяти. Я сказал ей какую-то нежность;¹⁸³ она приняла ее за грубость и пожаловалась на меня своей приятельнице.¹⁸⁴ Это меня вовсе разочаровало» (VIII, 1, 55—56).

В женщине, в которую поэт был влюблен без памяти, которая приняла его нежность за грубость, которую Пушкин назвал было О —, а затем Елена, нельзя не узнать Олениной.¹⁸⁵ Первоначальные слова: «нажаловалась своим приятельницам, чрез которых» — совершенно точно соответствуют моему предположению, что Пушкин слышал от Ушаковых какие-то оскорбительные о нем речи Олениной, сказанные ею в ее приезд в Москву.

Именно из Москвы приехал Пушкин в этот раз в Старицу. А там он по-прежнему бывал постоянно у Ушаковых; во время этих общений с ними услышал, очевидно, рассказ Олениной в их передаче (может быть, повторно разговор мог быть еще в марте—апреле) — «нажаловалась своим приятельницам, чрез которых...».

Почему Ушаковы — приятельницы Олениной? Это та же среда, тот же круг. И естественно, что, приехав в Москву, Оленина познакомилась и в какой-то мере сблизилась с этими своими сверстницами.

Если нужны еще подтверждения в пользу того, что рассказ Владимира о Елене это — рассказ Пушкина об Олениной, мы предлагаем аналогии.

Встретив невзначай Пушкина, Оленина боится, как бы он «не соврал чего в sentimentalном роде». Она «в ярости от речей Пушкина на ее счет».¹⁸⁶ Может быть, именно этот случай нашла она нужным рассказать и в Москве.

¹⁷⁸ Ниже под строкой приводятся предыдущие варианты текста (VIII, 2, 578, 579):

а. дам, впрочем очень милых

б. дамы, впрочем очень милой

¹⁷⁹ а. тонкое приветствие

б. самое тонкое нежное приветствие

в. самое тонкое поэтическое приветствие

¹⁸⁰ а. за нахальство и неблагопристойность

б. за нахальную эпиграмму или пло<скую> неблагопристойность

¹⁸¹ важный вид

¹⁸² а. Начато: По крайней мере э<то>

б. Это случилось мне испытать с V — <?>

Тут в Академическом издании сделана сноска редактора тома Б. В. Томашевского: «Может быть: с О — <?>». Обращение к рукописи подтвердило правильность чтения: О.

¹⁸³ и которая вылечила меня навсегда.

¹⁸⁴ нажаловалась своим приятельницам, чрез которых

¹⁸⁵ Имя Елены по созвучию близко фамилии — Олениной

¹⁸⁶ См. выше, в главах 3 и 6.

Очевидно, это была последняя капля в переполненной чаше разочарования Пушкина Олениной. Отношения между ними не сложились. Он был «без памяти влюблен». Она была равнодушна. Она ценила его славу, то, что он был одним из самых интересных людей своего времени, что подружки завидовали его вниманию к ней. Это льстило ей до такой степени, что она соглашалась на условные свидания с ним в Летнем саду, под присмотром гувернантки. Но Лобанов-Ростовский, Киселев, Чечулин — все привлекали ее гораздо больше, непосредственнее.

Образ Олениной вырисовывается теперь довольно отчетливо. Поздняя дочь в семье, она росла балованным ребенком. Ее баловали немолодые родители, старшие брат и сестра и постоянные, близкие и дальние, посетители дома Олениных. Ей пишут стихи известные поэты, ее рисуют первые художники. Она не терпит противоречий. Хорошенькая, живая, белокурая девушка с красивыми, выразительными глазами, маленькая, подвижная, бойкая, музыкальная, любящая поэзию, — Оленина нравилась всем. Воспитанная среди видных представителей русской литературы, она с юности любила выражать свои мысли и чувства в дневнике, в рассказах и стихах. Лишенная всякого литературного дара, Оленина усвоила от культуры слова лишь развязность, бойкость в выражении мыслей. Рассудительность ее, душевный холод часто заглушали ее природную пылкость. Властная и даже деспотичная, рассудочная в отношениях, резонерка, чрезвычайно высоко мнящая о себе, — она представляется нам мало симпатичным человеком. Но обаяние ее девичьей нежности, привлекательность ее в соединении с веселым и живым характером заставили Пушкина «без памяти» влюбиться в нее. Три месяца занимала она его мысли и чувства. Затем, не встретив ответа, увлечение стало гаснуть. Пушкин начал обращать внимание на «резкость, жестокость в ее суждениях», стал замечать, что, слушая его, она его не понимает. Он увидел, что она «крепится противу принятия впечатлений», «морщится» перед ними. Он стал удивляться «тупости ее понятия». Он вдруг убедился, как извращенно толкует она его слова. Он понял, что только «нечистота воображения» могла превратить в ее сознании его «самую тонкую шутку», «самое тонкое нежное приветствие» в «нахальную эпиграмму» или в «неблагопристойную плоскость». Важный, холодный вид, принимаемый ею в этих случаях, был для него «так отвратителен», «так убийственно отвратителен», что любовь его не устояла. Оленина «вылечила его навсегда».¹⁸⁷

Пушкин любил пользоваться таким приемом письма; характеризуя какого-нибудь человека, он показывал, каких отрицательных свойств у этого человека нет. Он подбирал из них другой образ. Таким путем, в тени явного портрета возникал другой портрет — скрытый, но, несомненно, более важный для Пушкина. Он получал возможность, не называя своего врага, обозначить всё отталкивающее в нем.

Именно так построена, например, в «Воображаемом разговоре с Александром I» характеристика Воронцова, мрачной тенью сопровождающего светлый образ Инзова (см. XI, 23).¹⁸⁸

¹⁸⁷ Цитаты взяты полностью из последнего письма Владимира — героя «Романа в письмах», в признаниях которого угадываются личные чувства Пушкина. (Я пользовалась как основным текстом, так и вариантами рукописи; VIII, 1, 55—56; 2, 578).

¹⁸⁸ См.: С. Бонди. Подлинный текст и политическое содержание «Воображаемого разговора с Александром I». «Литературное наследство», т. 58, стр. 192 («Пушкин в форме похвалы Инзову осыпает Воронцова градом обвинений...»).

11

Остается рассмотреть, к Олениной ли обращены еще некоторые лирические стихотворения Пушкина.

Отметим прежде всего, что не стоило бы вновь вовлекать в круг стихотворений, обращенных Пушкиным к Олениной, стихотворения, давно уже справедливо выведенного из этого цикла. Это — стихотворение 1833 года «Когда б не смутное влечение...».¹⁸⁹

Долгое время существовала укоренившаяся точка зрения, что к Олениной обращено и стихотворение «Приметы»:

Я ехал к вам: живые сны
За мной вились толпой игривой...
(III, 1, 152).

А. П. Керн вспоминала: «...он приехал ко мне вечером и, усевшись на маленькой скамеечке (которая хранится у меня как святыня), написал на какой-то записке:

Я ехал к вам. Живые сны...¹⁹⁰

«Писавши эти строки и напевая их своим звучным голосом, он при стихе:

И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло

заметил, смеясь: „Разумеется с левой, потому что ехал назад!“

«Это посещение, как и многие другие, полно было шуток и поэтических разговоров.

«В это время он очень усердно ухаживал за одной особой, к которой были написаны стихи: „Город пышный, город бедный“ и „Пред ней, задумавшись, стою“.¹⁹¹ Несмотря, однако ж, на чувство, которое проглядывает в этих прелестных стихах, он никогда не говорил об ней с нежностью и однажды, рассуждая о маленьких ножках, сказал: „Вот, например, у ней вот какие маленькие ножки, да черт ли в них?“ — В другой

¹⁸⁹ Об этом писал еще в 1914 году М. А. Цявловский: «В „Русском архиве“ 1876 г., кн. III, стр. 221, неправильно было отнесено к А. А. Олениной стихотворение „Митрополит, хвостун бесстыдный“. Несомненно, ошибочно к ней же отнес Гербель (в берлинском издании «Стихотворений А. С. Пушкина, не вошедших в последнее собрание его сочинений». 2-ое изд., 1870 г., стр. 162) стихотворение 1833 года „Когда б не смутное влечение“. Ошибку Гербеля повторили и П. А. Ефремов, и П. О. Морозов. Лишь в изд. Брокгауз—Ефрон (т. III, стр. 423) неверная помета „А. А. Олениной“ устранена» (М. А. Цявловский. Два автографа Пушкина. М., 1914, стр. 11). Мы видим, однако, что в предисловии к парижскому изданию дневника Олениной редактор сообщает, что мать Олениной «сердили поэтические вольности, которые он позволял себе по отношению к дочери, называя ее в стихах „Олениной моей“ или намереваясь „целовать ее ножки“, как он выразился в стихотворении „Когда б не смутное влечение“» (стр. XXVI). Это является лишь реконструкцией психологии Е. М. Олениной, которая будто бы знала все безответственные домыслы биографов Пушкина так же точно, как знала она будто бы и об участии Пушкина в обществе «Зеленая лампа», чего «она не могла простить ему» (там же). В белой рукописи стихотворения «Когда б не смутное влечение...» (не дошедшей до нашего времени, но виденной П. В. Анненковым) имеется авторская помета: «1833, дорога, сентябрь». Черновик стихотворения написан во второй половине октября — в начале ноября 1833 года (см. III, 2, 914, 1247). Ясно, что помета говорит о встрече, вызвавшей эти стихи, а не о дате написания их. Этим самым, т. е. и 1833 годом, и пометой «дорога», совершенно исключается участие образа Олениной в создании стихов.

¹⁹⁰ Следует весь текст стихотворения.

¹⁹¹ Имеется в виду стихотворение «Ты и вы».

раз, разговаривая со мною, он сказал: „Сегодня Крылов просил, чтобы я написал что-нибудь в ее альбом“. „А вы что сказали?“ — спросила я. „А я сказал: Ого!“ В таком роде он часто выражался о предмете своих вздыханий¹⁹².

Намекала ли Керн на то, что «Приметы» написаны к Олениной (как всё остальное, о чем она говорит в приведенных страницах) или к ней (как понимают некоторые исследователи), или же она не знала, к кому обращено стихотворение, — не имеет значения.¹⁹³

Новую догадку выдвинул М. Л. Гофман. Он предположил, что «Приметы» обращены не к Олениной, а к Вельяшевой.¹⁹⁴ Эта любопытная и правдоподобная гипотеза принята и нами в Академическом издании.¹⁹⁵ Но ее колеблет утверждение Оленина (внучатного племянника Анны Алексеевны), что автограф стихотворения находился в альбоме Олениной.¹⁹⁶ Вопрос, таким образом, не может считаться решенным.

Обратимся к другому стихотворению — «Каков я прежде был, таков и ныне я...» с эпиграфом из А. Шенье: «Tel j'étais autrefois et tel je suis epoc». И в этих стихах видели чувство Пушкина к Олениной. Казалось бы, очень правдоподобная гипотеза. «Умиление», «робкая нежность» — не то же ли чувство сквозит и в словах:

Пред ней задумчивый стою,
Полувеселый, полуслезный.¹⁹⁷

Однако датировка стихотворения «Каков я прежде был...» 1828 годом, которая и вводила в заблуждение исследователей, оказывается ненадежной. Выясняется, что оно было написано еще в 1826 году.¹⁹⁸

Печатают же «Каков я прежде был...» среди произведений 1828 года, потому что так датировал стихотворение сам Пушкин.¹⁹⁹

¹⁹² Впервые напечатано в «Библиотеке для чтения» (1859, т. 154, № 3, стр. 111—144) под заглавием «Воспоминания о Пушкине (Сообщено П. В. Анненковым)», без подписи. Приведенный текст — на стр. 127—128. Почти все фамилии в воспоминаниях Керн, напечатанных анонимно, завуалированы, — в это время были живы и А. А. Андрю, рожденная Оленина, и некоторые другие лица, упоминаемые Анной Петровной. В 1859 году, когда эти воспоминания были напечатаны, А. П. Керн было пятьдесят девять лет, т. е. память у нее была совершенно ясная, и поэтому факты, сообщаемые ею, конечно, не могут вызывать никаких сомнений (о сочинительстве ею фактов не может быть никакой речи, — они вдохновлены глубоким почитанием памяти поэта). Единственное, что, как всегда во всех мемуарах, требует и в воспоминаниях Керн критического отношения, — это вопрос датировок фактов, о которых она говорит.

¹⁹³ Неубедителен вывод Н. О. Лернера из рассказа Керн, что «весьма возможно, что, создавая пьесу, он мечтал в „душе влюбленной“ об Олениной, а с Керн, бывшей тогда уже его наперсницей, только делился своими мыслями о ней. Во всяком случае, стихотворение написано для Керн» (Пушкин и н. Под редакцией С. А. Венгерова, т. V, Примечания, стр. XXV). О несостоятельности домыслов Лернера писал уже М. Л. Гофман; см. примечания его к «Дневнику» А. Н. Вульфа (Пушкин и его современники, вып. XXI—XXII, 1915, стр. 249).

¹⁹⁴ Пушкин и его современники, вып. XXI—XXII, стр. 247—250.

¹⁹⁵ Этим объясняется датировка стихотворения «1829 годом, предположительно 22 января—7 февраля» (см. III, 2, 1178).

¹⁹⁶ См. ниже.

¹⁹⁷ Из черновика обращенного к ней стихотворения «Ты и вы» (III, 2, 655).

¹⁹⁸ Ревизия датировки, сделанная для Академического издания редактором стихотворений 1828 года Н. В. Измайловым, дала такие результаты: «Датируется автограф ПД № 84 — серединой сентября—началом ноября 1826 г.; белой текст в ПБЛ — 1828 г., не ранее апреля—мая» (см. III, 2, 1174).

¹⁹⁹ «Каков я прежде был...» напечатано Пушкиным в «Стихотворениях А. Пушкина», ч. III, 1832, с пометой «(1828)» под текстом (стр. 196). Датировка писателем своего произведения, как и всякий документ, находящийся в распоряжении исследователя, являясь одним из слагаемых для выяснения подлинной датировки, подлежит кри-

Переписал его поэт с рукописи 1826 года набело в 1828 году, в апреле—мае, в новую записную книжку. Это убеждает нас в том, что стихотворение зазвучало вновь в памяти поэта в те дни, когда он был влюблен в Оленину, и что образ той девушки, которая вдохновила поэта на создание этих стихов, уже давно погас в его сердце.²⁰⁰ И печатая стихотворение (это было уже в 1832 году), Пушкин поставил под текстом дату: 1828 год. Может быть, поэтому и опустил он при переписывании и в печати последние строки стихотворения, текста которых мы, к сожалению, до сих пор не знаем, так как они остались непрочитанными доньше. Автограф написан карандашом и совершенно затерт.

Не известна вдохновительница одного из самых замечательных произведений пушкинской любовной лирики:

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем...
(III, 1, 188).

Пушкин утаил от нас, к кому обращено это стихотворение, как утаивал он имена всех женщин, которых он любил особенно глубоко. Но биограф не может проходить равнодушно мимо таких значительнейших памятников чувства, которое светится в стихотворении «Я вас любил...». Его всегда будет мучить эта загадка. 1829 год, которым Пушкин сам обозначил время создания стихотворения «Я вас любил...», казалось бы, дает в руки исследователя какую-то опору. Но и она ненадежна. Гипотеза Анненкова, что стихотворение обращено к Олениной, была поддержана рядом легковерных комментаторов и отвергнута одним комментатором, серьезно подошедшим к вопросу.²⁰¹

Вся психологическая основа стихотворения «Я вас любил...» противится тому, чтобы признать его написанным к Олениной. Слова стихотворения предполагают безграничную преданность женщине — до полнейшего отказа от собственного чувства. За стихотворением чувствуется какая-то протяженность, давность чувства, остужающее дыхание времени. Все эти данные и привели меня в свое время к предположению, что стихотворение обращено к той же женщине, к которой написаны и другое стихотворение того же года — «Что в имени тебе моем?..» и два письма 1830 года, дышащие уничтожающей, всепоглощающей, многолетней страстью, которую поэт пытается подавить.²⁰²

Между тем авторская датировка обладает гипнотическим действием. Так, в книге «Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме», на стр. 35, в описании автографа № 84, текст «Каков я прежде был...» датирован: «1828(?)», тогда как тут же сообщается о том, что «текст конца» «Зимней дороги», датированный здесь «1826, ноябрь—декабрь», писан поверх карандашного текста стихотворения «Каков я прежде был...», т. е. после него. Отличия же печатного текста, датированного Пушкиным 1828 годом, от текста перебеленного (ПД № 84), написанного в 1826 году, настолько несущественны, что они делают ясным, что стихотворение было создано не в 1828 году, как утверждал Пушкин, а в 1826 году, как это ясно из анализа текста автографа ПД № 84 (см. III, 2, 715). Однако редактор стихотворений 1828 года, правильно датировав автографы стихотворения «Каков я прежде был...» (см. предыдущую сноску), даже не поставил вопроса о датировании произведения. Как и во всех остальных изданиях, стихотворение «Каков я прежде был...» и в Академическом издании осталось помещенным среди стихотворений 1828 года (III, 1, 143), хотя ему надлежало бы быть напечатанным среди стихотворений 1826 года.

²⁰⁰ Вероятно, это была Софья Федоровна Пушкина, судя по времени написания этих стихов.

²⁰¹ См. примечание Н. О. Лернера к стихотворению в издании сочинений Пушкина под редакцией С. А. Венгерова (т. V, 1911, Примечания, стр. XXVI—XXVII).

²⁰² См. мою публикацию этих писем «Три письма Пушкина к неизвестной» («Звенья», кн. 2, 1933, стр. 201—221) и вторичную публикацию, с отнесением писем

Стихотворение «Что в имени тебе моем?..», как и письма 1830 года, написаны, как известно, Каролине Собаньской.²⁰³ Естествен вывод, что написанное в одном ключе с этими лирическими и эпистолярными произведениями и, вероятно, в одно время стихотворение «Я вас любил...» обращено к ней же.²⁰⁴ Но вот являются новые факты, противоречащие этой точке зрения. Внучка Олениной рассказывает:

«Анна Алексеевна тщательно берегла альбомы с автографами и рисунками Пушкина (всё больше ножки гирляндой вокруг стихотворений 1828 года), не любила, чтобы мы выражали о них наше мнение и не допускала ни малейшей критики с нашей стороны...»

«Зная, как я интересовалась ее прошлым, бабушка оставила мне альбом,²⁰⁵ в котором, среди других автографов, Пушкин в 1829 году вписал стихи „Я вас любил, любовь еще, быть может...“. Под текстом этого стихотворения он в 1833 году сделал приписку: „plusqu'eparfait — давно прошедшее.²⁰⁶ 1833“.

«Завещая мне этот альбом, Анна Алексеевна выразила желание, чтобы этот автограф с позднейшей припиской не был предан гласности...», желание Анны Алексеевны я исполнила, и автограф не сделался достоянием печати.

«Теперь же, когда прошло более ста лет со времени создания Пушкиным этого чудного стихотворения и после того, как столь многое изменилось в нашей жизни, я думаю, что то значение, которое Анной Алексеевной придавалось пометке Пушкина, уже утратилось. Решаясь огласить эти лишь мне известные слова Пушкина, думаю внести ценный вклад в пушкинскую литературу для тех, кто благоговейно относится к малейшей мысли нашего великого поэта.

«На обратной стороне листа находился другой автограф Пушкина „Что в имени тебе моем?“».²⁰⁷

Можно ли верить публикатору этих сообщений? Альбом не сохранился. Она пишет по памяти об альбоме, утраченном в 1917 году, пишет

к Собаньской, в книге: Рукою Пушкина, стр. 179—208. Письма эти включены в Академическое издание, с отнесением к ней (XIV, 62—64. №№ 441, 443). Письма (или письмо) Пушкина, которые будто бы видел в 1843 году в альбоме Каролины Собаньской (в это время уже Чиркович) польский писатель И.-И. Крашевский, в печати не появлялись, и в 1934 году в ее альбоме их уже не было (см.: В. Базилевич. Автограф «Что в имени тебе моем?». «Литературное наследство», кн. 16—18, 1934, стр. 878).

²⁰³ Заметка Собаньской на соседней странице с автографом стихотворения «Что в имени тебе моем?..» переносит нас в ту атмосферу, из которой родились окрашенные горечью вопросы Пушкина: «Что в имени тебе моем?..», «Что в нем?..»: «Par Alexandre Pouchkine à qui je demandais d'écrire son nom sur une page de mon livre de souvenirs. 5 Janvier 1830 à Pétersbourg» («Сочинено Александром Пушкиным, которого я просила написать свое имя на листке моего альбома. 5 января 1830 г. в Петербурге») (В. Базилевич. Автограф «Что в имени тебе моем?». «Литературное наследство», кн. 16—18, стр. 878). То, что это стихотворение, действительно, создано для Собаньской, а не только вписано ей в альбом, подтверждает сам Пушкин. Именем «Соб—ой» обозначил он стихотворение «Что в имени тебе моем?..» в списках произведений, напечатанных поэтом к изданию в третьей части его «Стихотворений» (см.: Рукою Пушкина, стр. 256—257, 260—263).

²⁰⁴ Датировка его 1829 годом поддерживает эту гипотезу. Именно так датировал Пушкин и стихотворение «Что в имени тебе моем?..», вписанное в альбом Собаньской 5 января 1830 года. Оба письма ей написаны 2 февраля 1830 года.

²⁰⁵ «Альбом этот сохранялся в нашем архиве до Октября 1917 года». (Примечание О. Н. Оом).

²⁰⁶ Слова «давно прошедшее» едва ли написаны Пушкиным. Вернее думать, что этот перевод слова «plusqu'eparfait» сделан О. Н. Оом.

²⁰⁷ Дневник Анны Алексеевны Олениной (1828—1829). Предисловие и редакция Ольги Николаевны Оом, Париж, 1936, стр. XXXIX—XL.

в 1935-м. Не изменила ли ей память? О. Н. Оом пишет на старости лет (она посвящает книгу внукам); она начитана в пушкинской литературе, — она привносит в семейные воспоминания моменты, безусловно почерпнутые из позднейшей литературы (см. выше). Так же точно, на тех же основаниях могли бы мы усомниться и в свидетельстве О. Н. Оом о том, что стихотворение «Я вас любил...», находившееся в альбоме Олениной, было вписано рукой поэта.²⁰⁸

Но сообщаемое Оом дополнительное сведение, что Пушкин сделал под текстом позднейшую приписку: «plus que parfait <давно прошедшее>. 1833», заставляет нас с сугубой осторожностью высказывать наши возражения. В этой помете Пушкин отказывается от своего чувства, говорит, что оно давно прошло. Такие тщеславные и самовлюбленные женщины, как Оленина, никогда не согласятся признать охлаждения к ним чужого чувства. Оленина и не позволяла сообщать в печати эту помету. Лишь в 1935 году, спустя более ста лет после всех этих любовных перипетий, решилась О. Н. Оом эту надпись опубликовать. Она сознавала, что всё связанное с великим поэтом уже не может оставаться достоянием одной частной семьи. Интересы национально-общественные перевесили ее семейный пиетет. Самый факт опубликования потомками Олениной подобного текста является ручательством за его подлинность. В таком случае правильно и то, что и стихотворение «Я вас любил...» было вписано Пушкиным в альбом Олениной.

Попробуем объяснить себе этот факт. Оом сообщает, что на обороте стихотворения «Я вас любил...» в альбоме Олениной Пушкин записал стихотворение «Что в имени тебе моем?..» Как мы видели, стихотворение это написано было для Собаньской. И вот, оказывается, Пушкин записывает это «чужое», не Олениной адресованное стихотворение, ей в альбом. Бывали ли подобные случаи у Пушкина? Да, бывали. Мы знаем их несколько.

Поэт пишет в Крыму стихотворение «Зачем безвременную скуку...» Оно вызвано мыслью о смерти, приближающейся к тяжело больной, но веселой, живой, острой девушке. Проходит пять лет. И Пушкин, покидая Москву, влюбленный в другую, передает эти стихи ее свойственнику — для нее, вероятно. Он ставит на автографе дату отъезда из Москвы. Теперь стихи о «неизбежной разлуке», страшащей поэта, говорят уже не о смерти, нависшей над любимой, а об отъезде влюбленного.²⁰⁹

Не вызывает недоумения и случай со стихами «Вы избалованы природой...»²¹⁰ Общее в двух стихотворениях, написанных на одну тему, обращенных к двум разным девушкам, лишь экспозиция стихотворения.

²⁰⁸ Однако это же утверждал и внучатный племянник Олениной, неоднократно называвшийся уже нами Александр Алексеевич Оленин: «Александр Алексеевич Оленин утром 23 мая 1934 года по поводу моего рассказа о докладе Т. Г. Зенгер, где упоминалось, что стихотворение А. С. Пушкина „Я вас любил“ посвящено Собаньской, живо возразил, что это стихотворение было обращено к его grand-tant, Анне Алексеевне Олениной; он помнит тот альбом своей тетки, в котором имелись автографы Пушкина, в том числе „Я вас любил“ и „Я ехал к вам“ («Приметы»). Когда я его переспросил об автографах двух стихотворений Пушкина „Я вас любил“ и „Я ехал к вам“, то Оленин задумался и как бы припоминая сказал: „у Пушкина еще была связь с другой моей теткой (по матери), Екатериной Павловной Бакуниной, не к ней ли обращено „Я ехал к вам“, но „Я вас любил“ я видел в альбоме А. А. Олениной“» (Воспоминания Александра Алексеевича Оленина в записи П. С. Попова, 1934).

²⁰⁹ См.: Т. Зенгер. «Зачем безвременную скуку...» — в публикации: Автографы Пушкина. «Летописи Государственного литературного музея», I, Пушкин, М., 1936, стр. 296—298.

²¹⁰ См.: Рукою Пушкина, стр. 650—653.

Существо же этих стихотворений, развитие темы, — в чем же выразилось пристрастие природы к той или иной, — не имеет между собой ничего общего.

Но вот возникает перед нами новый случай. Пушкин вписывает в альбом Олениной стихотворение «Что в имени тебе моем?..», написанное Собаньской, — стихотворение с признанием в том, что она всегда живет в его сердце. Это — измена. Но эта измена простительна, — ею он давно забыт.

Не то же ли самое случилось и со стихотворением «Я вас любил...»? Не было ли и оно написано другой женщине и вписано в какую-то неожиданную минуту в альбом Олениной? Например, когда Крылов побуждал Пушкина написать ей в альбом стихи. Оленина уже не вдохновляла его, и он взял стихи, написанные другой женщине.

Нам осталось выяснить, когда же мог Пушкин вписать Олениной в альбом стихи «Я вас любил...».

Оом утверждала, что под ними была дата: 1829. 1829 год — год длительного отъезда Пушкина из Петербурга, год путешествия его на Кавказ, в Арзрум. Этот факт суживает границы возможной датировки записи стихотворения в альбом Олениной. Отпадает время с апреля по начало ноября 1829 года — в это время Пушкина не было в Петербурге. До отъезда на Кавказ Пушкин мог встретиться с Олениной в марте 1829 года, но возможность этой встречи весьма условна. В конце же года, по возвращении в Петербург, Пушкин, как мы видели, написал в адрес Олениной страшные стихи, выражавшие чувства, прямо противоположные любви. Тем самым мы невольно приходим к заключению, что Пушкин едва ли бы вписал «Я вас любил...» в альбом Олениной в декабре 1829 года.

Дата «1829», имевшаяся будто бы в альбоме Олениной под стихотворением «Я вас любил...», говорит скорее о времени создания стихотворения, чем о времени вписывания его в альбом. Иначе стояла бы точная дата, как это обычно делал Пушкин в альбомах. Поэтому, может быть, случилось это и позднее, т. е. в начале 1830 года. Именно так должно было быть со стихотворением «Что в имени тебе моем?..» Написанное, по свидетельству самого Пушкина, в 1829 году (очевидно, в декабре), оно было записано в альбом Собаньской 5 января 1830 года. Олениной же, естественно, еще позднее.

То же, вероятно, и со стихотворением «Я вас любил...» Последний срок — это, вероятно, февраль — начало марта. 4 марта Пушкин уехал из Петербурга. А через месяц он был помолвлен с Гончаровой.

Последней, известной нам встречей Пушкина с Олениной был его приход, уже женатым, к ней, когда он коротко и решительно подписал под текстом стихотворения «Я вас любил...»: «plusqueparfait. 1833».

Заканчивая статью, мы не можем не указать, что, как бы ни были сложны и порой тяжелы для Пушкина отношения его к Олениной, она была центральным образом его лирики 1828 года и что она вдохновила поэта на создание одного из самых больших циклов любовных стихотворений за всю его жизнь.

Г. А. ЛАПКИНА

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ «АРАПА ПЕТРА ВЕЛИКОГО»

Роман Пушкина «Арап Петра Великого» был важной вехой в истории русской литературы. С его появлением начался новый этап в развитии русского исторического романа. По словам Белинского, главы этого неоконченного произведения Пушкина, «из которых одна упредила все исторические романы гг. Загоскина и Лажечникова», оказались «неизмеримо выше и лучше всякого исторического русского романа, порознь взятого, и всех их, вместе взятых».¹ А между тем это замечательное произведение, заслуживающее самого глубокого и пристального изучения, исследовано всё еще недостаточно. Хотя критическому истолкованию «Арап Петра Великого» подвергается уже более столетия и в литературе о Пушкине накопилось немало ценных фактических данных и существенных соображений об этом романе, но некоторые вопросы истории его создания остаются до сих пор недостаточно проясненными.

Замечания исследователей пушкинской прозы по этому поводу носили по преимуществу попутный характер, нередко содержали в себе разного рода противоречия и не были сведены в обобщающей работе.²

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. VII, Изд. Академии наук СССР, М., 1955, стр. 576.

² Этих вопросов почти не коснулся, например, С. М. Петров, автор новейшей монографии об историческом романе Пушкина, в книге которого «Арап Петра Великого» посвящена лишь небольшая глава (Исторический роман А. С. Пушкина. М., 1953, стр. 61—77); наиболее полной сводкой фактических данных об истории создания «Арапа Петра Великого» поныне остаются комментарии Ю. Г. Оксмана к IV тому «Полного собрания сочинений» А. С. Пушкина, под общей редакцией М. А. Цявловского «Academia», М.—Л., 1936, стр. 709—714); см. также его статью «Арап Петра Великого» в книге: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. VI, Путеводитель по Пушкину, Приложение к журналу «Красная нива», Гослитиздат, М.—Л., 1931, стр. 40—41. В частности, в этих комментариях подробно освещен вопрос об исторических источниках романа; интересные наблюдения по этому поводу имеются также в публикации П. И. Люблинского «Из семейного прошлого предков Пушкина» (Литературный архив, т. I, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1938, стр. 160), в статье Б. Л. Богородского «О языке и стиле романа А. С. Пушкина „Арап Петра Великого“» («Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена», т. 122, Кафедра русского языка, 1956, стр. 201—289) и в статье Б. Б. Кафенгауза и А. Г. Грум-Гржимайло «Декабрист А. О. Корнилович» (А. О. Корнилович. Сочинения и письма. Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1957, стр. 445—448). Подробно о знакомстве Пушкина с исторической литературой, относящейся к петровскому времени (до начала его работы над историей Петра), см. в статье Н. В. Измайлова «К вопросу об исторических источниках „Полтавы“» (Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 4—5. М.—Л., 1939, стр. 435—452). С большей частью перечисленных Н. В. Измайловым книг и других исторических источников о Петре I Пушкин был, несомненно, знаком уже в период создания «Арапа». Дополни-

1

Следует думать, что к июлю 1827 года, когда Пушкин выехал в Михайловское, у него не только вполне сложился замысел «Арапа Петра Великого», но и был выработан четкий план всего произведения. Это видно из того, что работа над романом была начата в первые же дни после приезда в Михайловское. Уже 31 июля Пушкин писал А. А. Дельвигу: «Я в деревне и надеюсь много писать, в конце осени буду у Вас; вдохновенья еще нет, покамест принял я за прозу» (XIII, 334).³ Этой прозой и был «Арап Петра Великого».

До нас дошли две редакции романа — обе не в полном виде: черновая, находящаяся в двух тетрадах, и беловая.⁴ Основная часть черновой рукописи находится в тетради ПД № 836 (ЛБ № 2368); в тетради ПД № 833 (ЛБ № 2367) сохранился лишь отрывок второй главы с частью письма Ибрагима к графине. Начало седьмой главы сохранилось лишь в черновом наброске, на отдельном листке бумаги.

В тетради ПД № 836 текст романа перебивается черновыми набросками к шестой и седьмой главам «Евгения Онегина», черновиками стихотворений «Послание Дельвигу» и «Акафист Е. Н. Карамзиной». Наличие в тетради ПД № 833, где находится почти вся вторая глава романа, прозаической вставки к стихотворению «Послание Дельвигу» и набросков к статье «Отрывки из писем, мысли и замечания», фрагменты из которых есть и в тетради ПД № 836, указывают на то, что Пушкин пользовался сразу обеими тетрадами. Очевидно также, что Пушкин работал одновременно над тремя самостоятельными произведениями различных жанров: над романом в стихах, романом в прозе и публицистической статьёй.

Беловая рукопись романа «Арап Петра Великого» находится в тетради ПД № 837 (ЛБ № 2378). Часть четвертой главы, от слов «День был праздничный...», кончая словами «за его хлеб-соль», была вырезана Пушкиным из тетради и отослана Дельвигу для напечатания в «Северных цветах». Вырезанные листы дошли до нас не полностью.⁵

Беловая рукопись не дает прямых указаний для определения времени работы Пушкина над романом. Но в текстах, писавшихся одновременно

тельные данные об изучении Пушкиным материалов о Петре I см. в книге И. Фейнберга «Незавершенные работы Пушкина» (М., 1955). Многие из источников, названных И. Фейнбергом, Пушкин изучил специально в связи с подготовкой «Истории Петра». Но можно с уверенностью сказать, что взгляды на Петра I Карамзина, декабристов, а также Руссо, Дидро и Вольтера были известны Пушкину еще до 1827 года. И. Фейнберг предполагает, что со слов Чаадаева Пушкин мог знать и содержание не изданных еще в то время сочинений князя Щербатова (см.: И. Фейнберг. Незавершенные работы Пушкина, стр. 63—64).

³ Здесь и в дальнейшем цитируется по изданию: Пушкин, Полное собрание сочинений, тт. I—XVI, Изд. Академии наук СССР, 1937—1949.

⁴ Три тетради, находившиеся прежде в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина (в дальнейшем — ЛБ), значились там под №№ 2367, 2368, 2378. В настоящее время рукописи романа хранятся в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Академии наук СССР (в дальнейшем — ПД) — ф. 244, оп. 1, №№ 833, 836, 837. Описание тетрадей, содержащих рукописи романа, см.: В. Е. Якушкин. Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве. «Русская старина», 1884, т. XLII, май, стр. 352; июнь, стр. 536—539; т. XLIV, ноябрь, стр. 335—338. Описание отдельного листа, на котором написано начало седьмой главы романа, см.: Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. Научное описание. Составили Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1937, стр. 98, № 251. Все сохранившиеся части черновых автографов романа см. VIII, 2, 521—533.

⁵ Описание вырезанных листов см.: Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме, стр. 97—98, № 250.

с его черновиками, есть несколько дат, которые могут помочь уточнить время создания «Арапа». Так, среди черновиков первой главы романа мы находим дату: «31 июля 1827 Мих<ай>ловское», относящуюся к «Акафисту Е. Н. Карамзиной».⁶ Стихотворению предшествовало несколько начальных страниц романа, вырезанных самим Пушкиным. Окончание утраченного текста (всего два слова) записано над текстом «Акафиста», а на обороте того же листа следует непосредственное продолжение текста романа (см. VIII, 2, 521). Очевидно, начало главы было написано раньше, чем «Акафист Е. Н. Карамзиной», т. е. до 31-го (это подтверждается и цитированным выше письмом Пушкина к Дельвигу), а продолжение — после «Акафиста».

Следующая дата (10 августа), имеющаяся в рукописи, относится к XLIII—XLV строфам шестой главы «Евгения Онегина». Строфы эти расположены среди черновых набросков третьей главы романа о Петре (на л. 24 об.) (см. VI, 408—410; VIII, 2, 524—525).

Таким образом, можно предположить, что к середине августа были написаны три главы. Когда 15 сентября 1827 года А. Н. Вульф навещал Пушкина, он нашел поэта за его рабочим столом, «на коем были разбросаны все принадлежности уборного столика поклонника моды; дружно также на нем лежали Montesquieu с Bibliothèque de campagne и „Журналом Петра I“; виден был также Alfieri, ежемесячники Карамзина и изъяснение снов, скрывшееся в полдюжине русских альманахов; наконец, две тетради в черном сафьяне остановили мое внимание на себе: мрачная их наружность заставила меня ожидать что-нибудь таинственного, заключенного в них, особливо, когда на большей из них я заметил полустертый масонский треугольник. Естественно, что я думал видеть летописи какой-нибудь ложи; но Пушкин, заметив внимание мое к этой книге, окончил все мои предположения, сказав мне, что она была счетною книгой такого общества, а теперь пишет он в ней стихи; в другой же книге показал он мне только что написанные первые две главы романа в прозе, где главное лицо представляет его прадед Ганнибал, сын абиссинского эмира, похищенный турками, а из Константинополя русским посланником присланный в подарок Петру I, который его сам воспитывал и очень любил. Главная завязка этого романа будет — как Пушкин говорит — неверность жены сего арапа, которая родила ему белого ребенка и за то была посажена в монастырь».⁷

Вульф сделал свою запись на другой день после посещения Пушкина; следовательно, разговор с поэтом был еще свеж в его памяти, и он мог записать всё достаточно точно. Он, несомненно, правильно перечислил находившиеся у Пушкина на столе книги. В «Bibliothèque de campagne» была помещена история Беральда Савойского, извлечение из которой Пушкин записал в одной тетради с черновиками романа; в «Журнале Петра I» Пушкин, вероятно, искал дополнительных сведений, которые могли бы ему помочь в работе над образом царя в романе.

Основная часть первоначальной (черновой) редакции романа находится в тетради с масонским треугольником на переплете. Однако, по словам Вульфа, виденный им текст романа находился как раз не в «масонской тетради». При этом Вульф совершенно точно указывает, что он видел две первые главы романа. Между тем в черновой редакции еще нет разделения романа на главы. Какую же рукопись мог видеть Вульф

⁶ Тетрадь ПД № 836 (ЛБ № 2368), л. 21 (см. III, 1, 598).

⁷ А. Н. Вульф. Дневники. Изд. «Федерация», М., 1929, стр. 135—136.

15 сентября? Очевидно, Пушкин показывал ему уже беловую редакцию начальных глав. В этом предположении нет ничего невероятного.

Судя по рукописям романа, можно думать, что все шесть глав были начерно написаны еще в августе. Работа над «Отрывками из писем, мыслями и замечаниями», наброски которых следуют непосредственно за страницами с текстом романа, падает в основном на август—сентябрь 1827 года. При этом рукопись романа обрывается значительно раньше, чем появляются произведения, написанные в сентябре. Не исключена возможность, что работа над белой редакцией романа шла одновременно с созданием чернового текста. Во всяком случае, роман не был переписан набело сразу; это доказывает неоднократное изменение оттенка чернил и почерка. И как раз переписка третьей главы была начата после некоторого перерыва. Правда, белая рукопись романа находится не в черной кожаной тетради, а в большом альбоме в темном бумажном переплете. Но возможно, что именно в этой детали Вульф допустил неточность в своем описании.

Вероятно, беловую редакцию шести первых глав романа Пушкин закончил уже в середине октября, вернувшись в Петербург. А в начале 1828 года работа над романом была совсем приостановлена. В марте того же года Пушкин читал написанные главы П. А. Вяземскому и некоторым другим друзьям. Вяземский писал об этом 24 марта 1828 года И. И. Дмитриеву: «Пушкин читал нам несколько глав романа своего в прозе: герой — дед его Аннибал; между действующими лицами рисуется богатырское лицо Петра Великого, кажется, верно и живо схваченное, судя, по крайней мере, по первым очеркам. Описание петербургского бала и обеда в царствование Петра ярко и натурально».⁸ В письме к А. И. Тургеневу от 18 апреля 1828 года Вяземский вновь упоминает о чтении романа, прибавляя: «Должно желать, чтобы он продолжал его».⁹ Друзья поэта, прослушав написанные главы, дали Пушкину совет продолжать роман. Может быть, именно после этого чтения и появился черновик начала седьмой главы (ПД № 251; в белой редакции этого отрывка нет; следовательно, Пушкин не читал его ни Вяземскому, ни Жуковскому). Но на этом работа остановилась, и Пушкин, видимо, не собирался ее продолжать. По крайней мере, когда в конце 1828 года поэт решил напечатать в альманахе Дельвига «Северные цветы» часть четвертой главы (под названием «IV глава из исторического романа»), он, не утруждая себя перепиской, просто вырвал нужные ему листы из рукописи и отослал их Дельвигу (ПД № 250). Это показывает, что Пушкин не думал возвращаться к роману.

Ни в черновой, ни в белой рукописях роман не имеет названия. Заголовок «Арап Петра Великого» был дан издателями его уже после смерти Пушкина.

В апреле 1837 года С. Н. Карамзина писала брату Андрею: «Joukoffsky nous a lu dernièrement un roman de Pouschkin ravissant: Ибрагим,

⁸ Письма разных лиц к И. И. Дмитриеву. «Русский архив», 1866, № 11 и 12, стб. 1716.

⁹ Архив братьев Тургеневых, вып. VI, Пгр., 1921, стр. 65. М. П. Погодин, вероятно, ошибался, относя чтение романа к концу 1827 года. Погодин писал об этом уже после смерти Пушкина, в 1837 году (письмо его к П. А. Вяземскому от 29 марта 1837 года — «Звенья», сб. VI, изд. «Academia», М.—Л., 1936, стр. 153), и за протекшие десять лет успел забыть даже содержание произведения (упомянув, что Пушкин читал «семь или восемь глав», Погодин предполагал, что последняя из них «заклучала представление Корсакова, кажется, Петру на корабле»).

царский арап».¹⁰ Однако название «Ибрагим, царский арап» столь же условно, как и первое, ставшее уже традиционным.

2

На первой странице альбома, где находится беловая рукопись «Арапа Петра Великого», Пушкин выписал подобранные им для различных глав эпитафии.

Сам Пушкин не распределял выписанные им эпитафии по главам, за исключением эпитафия к четвертой главе, помещенного в рукописи непосредственно перед текстом главы. В «Современнике» (1837, т. VI), где после смерти Пушкина впервые был полностью напечатан роман, эпитафий в тексте не было. Их опубликовал лишь П. В. Анненков в 1855 году в примечаниях ко второму отделу пятого тома «Сочинений» Пушкина;¹¹ при этом Анненков пропустил эпитафию, взятую Пушкиным из трагедии Кюхельбекера «Армяне» (текст этого эпитафия впервые опубликовал В. Е. Якушкин,¹² а источник его раскрыл Ю. Г. Оксман¹³). Кроме того, П. В. Анненков не указал, кому принадлежат строки: «Уж стол накрыт...» (принадлежность этих слов Баратынскому («Пир») установлена Н. Лернером¹⁴).

Судя по расположению на листе и по различным оттенкам чернил, которыми написаны эпитафии, Пушкин подбирал их к роману в течение длительного времени. Может быть, даже подбор их шел одновременно с перепиской романа.

Прежде всего Пушкин выписал эпитафию, который думал предпослать всему роману: «Железная волею Петра Преображенная Россия» (из поэмы Языкова «Ала»¹⁵).

Этот эпитафия расположен посередине листа и при этом несколько сдвинут вправо, к обрезу страницы. Начало стиха зашло на левую половину листа, так что здесь было невозможно поместить что-либо, не затрагивая уже начертанных строк. И действительно, когда Пушкин позже стал выписывать на этом же листе другие эпитафии, то он вынужден был обходить эти строки.

Если бы отрывок из поэмы Баратынского «Пир», расположенный выше, и выдержка из трагедии Кюхельбекера, находящаяся ниже текста основного эпитафия, были занесены в тетрадь ранее его, то вряд ли

¹⁰ «Жуковский нам читал на днях роман Пушкина, *восхитительный*». Письмо Е. А. Карамзиной к сыну Андрею от 9 апреля 1837 года, приписка С. Н. Карамзиной помечена 14 апреля. Цитируется по подлиннику. ИРЛИ, Письма Карамзиных к Андрею Карамзину (ф. 244, оп. 18, № 265); см. также: Ираклий Андроников. Тагильская находка. «Новый мир», 1956, № 1, стр. 205.

¹¹ Пушкин, Сочинения, т. V, СПб., 1855, стр. 525—526.

¹² «Русская старина», 1884, т. XLIV, ноябрь, стр. 335.

¹³ «Атеней», кн. I—II, 1924, стр. 165.

¹⁴ Пушкин и его современники, вып. XVI, СПб., 1913, стр. 55.

¹⁵ В. Шкловский отнес этот эпитафия к пятой главе романа (В. Шкловский. Заметки о прозе Пушкина. Изд. «Советский писатель», М., 1937, стр. 33). Ю. Г. Оксман, редактировавший текст романа в изданиях сочинений Пушкина в 1931, 1934 и 1936 годах, также не выделял этот эпитафия. Впервые в качестве эпитафия ко всему роману строки Языкова были напечатаны в восьмом томе Академического издания сочинений Пушкина (1938, стр. 1). Однако в этом издании, как и в академическом десятитомном издании 1949 года, отнесение этого эпитафия ко всему роману дано без мотивировки, ввиду отсутствия развернутого текстологического комментария.

Пушкин оставил бы между ними такой большой промежуток, какой занимает языковская строка; они следовали бы непосредственно один за другим.

Затем Пушкин подобрал еще один эпиграф: «Я тебе жену добуду, Иль я мельником не буду» из комической оперы А. А. Аблесимова и вписал его над первым эпиграфом, с правой стороны листа. Но, не рассчитав необходимого для него места, Пушкин начал слишком низко, так что строки из оперы Аблесимова почти слились со стихами Языкова.

Эпиграф из стихотворения Державина: «Как сон, как сладкая мечта...» Пушкин вынужден был записать уже на оставшемся месте — под стихами Языкова, на правой же стороне листа. И так как больше поэт не мог поместить здесь ничего, то следующий эпиграф («Я в Париже...») он перенес на другую страницу.

Если предположить, что эпиграф из поэмы Языкова был просто выбран раньше других, но не был задуман как эпиграф ко всему роману, то его расположение на самой середине листа совершенно необъяснимо. То, что строки Языкова заняли всю страницу, можно объяснить лишь тем, что Пушкин специально выписал эти стихи таким образом, чтобы подчеркнуть их значение. В тот момент Пушкин не предполагал заполнять этот лист еще чем-либо. И лишь потом, когда по мере работы над беловым текстом подыскивались остальные эпиграфы, он приписывал их там же, не имея другого места (он ведь не знал, на какой странице будет закончен весь роман, и не мог поэтому записать их на других листах тетради). Эпиграф

Железной волею Петра
Преображенная Россия

подчеркивал самое главное, основное в идейном замысле романа. Не семейная история Ганнибала, не любовная тема, а тема государственная, тема преобразования страны выдвигалась этим эпиграфом на первый план. Он давал ключ к пониманию романа. Характерно, что, подбирая эпиграф ко всему роману, Пушкин ищет не строк, подходящих к образу Ибрагима, а упоминает прежде всего Петра. Именно образ Петра является идейным центром романа, — это был прежде всего роман о Петре и его деятельности; тема Ибрагима, проблема дворянства была связана с петровской темой и зависела от разрешения последней.

Нельзя с уверенностью сказать, что, записав эпиграф: «Я в Париже; Я начал жить, а не дышать» на оборотной стороне первого листа, Пушкин действительно хотел предпослать его первой главе, начало которой находится во втором листе. Пушкин мог бы поместить его и непосредственно перед началом главы, — место для него там имеется.¹⁶

Эпиграф этот был взят из шуточного стихотворения И. И. Дмитриева «Журнал путешественника», где высмеивалась галломания В. Л. Пушкина, и по вызываемым им литературным ассоциациям он более подходил к первой части третьей главы, где появляется Корсаков, только что приехавший из Парижа и возмущающийся «варварским» образом жизни в России.

Эпиграф из трагедии Кюхельбекера:

Как облака на небе,
Так мысли в нас меняют легкий образ,
Что любим днесь, то завтра ненавидим —

¹⁶ Отнесение этого эпиграфа к первой главе в Академическом издании, как и расположение всех остальных эпиграфов, сделано предположительно.

в Академическом издании предваряет третью главу. Однако он может быть соотнесен лишь с небольшой частью ее, с той, где речь идет о письме графини и о ее измене Ибрагиму. И с не меньшим основанием этот эпиграф мог бы быть предпослан шестой главе романа, в которой симпатии старших представителей семейства Ржевских переходят на сторону арапа, а сам Ибрагим, «отказавшись навек от милых заблуждений» искренней любви, готовится жениться на Наташе.

Первоначально, видимо, Пушкин хотел предпослать четвертой главе, изображающей обед у Ржевского, эпиграф из «Пиров» Баратынского. Но позже, при переломе этой главы, Пушкин вписал туда другой эпиграф, из собственной поэмы. Слегка насмешливые строки «Руслана и Людмилы» больше отвечали общей оценке Пушкина представителей консервативного боярства, цепляющихся за старые обычаи, тяжеловесных и в мыслях и в образе жизни. В то же время строки пушкинской поэмы лучше передавали и тот патриархально-торжественный дух, который царил на обеде у Ржевского.

Пушкин не закончил подбор эпиграфов, так же как не закончил и весь роман; и не исключена возможность, что для написанных уже глав он подобрал бы позже совершенно иные эпиграфы, а некоторые из найденных ранее остались бы без употребления.

3

С давних пор исследователи творчества Пушкина относили к роману о Петре ряд набросков и отрывков, написанных поэтом в разное время. Основанием для такого рода утверждений служило наличие в этих набросках сходства с отдельными сюжетными ситуациями романа. Многие высказанные предположения о связи того или иного фрагмента с «Арапом Петра Великого» почти не подвергались дальнейшему изучению. А между тем лишь то обстоятельство, что история создания и идейный замысел романа были до последнего времени изучены недостаточно, позволило связывать с ним ряд других неоконченных произведений и планов. Так, например, по поводу стихотворного наброска «Как жениться задумал царский арап», который еще П. О. Морозов связывал с «Арапом Петра Великого»,¹⁷ Н. О. Лернер замечал, что «сложенная Пушкиным песенка», «по всей вероятности, должна была относиться к роману» и что ее, «может быть, поэт намеревался вложить в уста девушек-наперсниц боярышни, выдаваемой по царскому приказу за ненавистного арапа».¹⁸ Однако упоминаемый Н. О. Лернером отрывок был написан Пушкиным в 1824 году, задолго до того, как поэт начал работать над романом.

В. И. Чернышев, подробно проанализировав этот черновой набросок, пришел к заключению, что он никак не мог войти в окончательный текст «Арапа Петра Великого». При этом Чернышев обратил внимание на то, что в этом стихотворном отрывке «положение „Арапа“ представлено совсем иначе, чем в повести. Там арап не думает о женитьбе, ему находит невесту Петр I и сам устраивает сватовство. В данном стихотворении Ибрагиму самому приписывается выбор невесты». Очевидно, заключает

¹⁷ А. С. Пушкин, Сочинения и письма. Под редакцией П. О. Морозова, т. V, изд. «Просвещение», СПб., 1904, стр. 5.

¹⁸ Н. О. Лернер. Проза Пушкина. Изд. 2-е, изд. «Книга», Пгр.—М., 1923, стр. 31.

отсюда Чернышев, «во время написания этого отрывка Пушкин вообразил иной план рассказа и другую обрисовку положений».¹⁹

Появление этого песенного отрывка в 1824 году может лишь служить свидетельством глубокого и длительного интереса Пушкина к судьбе Ганнибала и, в частности, к его семейной истории, которая затем легла в основу сюжета «Арапа Петра Великого».

Б. Л. Модзалевский в описании рукописей Пушкина, хранившихся ранее в музее А. Ф. Онегина в Париже, высказал предположение, что к черновикам «Арапа Петра Великого» можно отнести набросок «Часто думал я об этом ужасном семейственном романе...»²⁰ Ю. Г. Оксман, комментируя этот набросок, писал, что Пушкин предназначал его, «вероятно, для предисловия к „Арапу Петра Великого“».²¹

Н. В. Измайлов, впервые издавший этот отрывок, справедливо отметил, что его «вряд ли можно включить... в роман о царском арапе. Он носит чисто личный, лирический оттенок размышления, а не повествования («часто думал я... воображал» и т. д.). Таких размышлений нет в романе, который ведется строго эпически».²²

Добавим к этому, что указанный отрывок, вероятнее всего, был написан около 1833 года, так как текст его находится на золотообрезной «гончаровской» бумаге, которую Пушкин употреблял в 1832—1835 годах. Следовательно, этот фрагмент нельзя считать ни черновиком к написанным ранее главам романа, ни наброском предисловия к нему, так как Пушкин в 30-е годы уже совсем оставил работу над рукописью романа и не собирался издавать его. К тому же, набросок этот касается лишь частной жизни Ганнибала, тогда как роман был задуман как широкое историческое полотно, как произведение об эпохе Петра, в котором общественное положение Ибрагим, его участие в преобразовании страны были важнее интимных событий в его судьбе. Если бы поэт действительно предпослал роману какое-то предисловие, то речь в нем шла бы о значении деятельности Петра и его сподвижников или же о путях развития русского исторического романа (ведь именно такого рода предисловием собирался Пушкин предварить издание «Бориса Годунова»). Предисловие же, написанное в духе наброска «Часто думал я...», могло бы лишь исказить значение романа, ограничить повествование рамками узко биографическими. Отрывок этот свидетельствует опять-таки об устойчивости интереса поэта к жизни прадеда. Появление же отрывка в начале 30-х годов вполне объяснимо и без соотнесения с «Арапом Петра Великого». Именно в это время Пушкин работал над автобиографией, в одном из набросков которой он писал:

«В семейственной жизни прадед мой Ганибал так же был несчастлив, как и прадед мой Пушкин. Первая жена его, красавица, родом гречанка, родила ему белую дочь» (XII, 313).

Эти слова показывают, что Пушкин в этот период много думал о Ганнибале и о его жизни. (Вспомним, что в 1830 году создано стихотворение «Моя родословная», в которой несколько строф посвящено тому же Ганнибалу.) В связи с этим мог появиться и отрывок «Часто думал я...»

¹⁹ В. Чернышев. Стихотворения А. С. Пушкина, написанные в стиле русских народных песен. «Slavia», 1929, ч. VIII, seš. 3, стр. 587.

²⁰ Пушкин и его современники, вып. XII, СПб., 1909, стр. 11.

²¹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VII, Гослитиздат, М., 1938, стр. 799.

²² Неизданный Пушкин. Изд. «Атеней», П., 1922, стр. 154.

Но это отнюдь не было продолжением работы над «Арапом Петра Великого», от которого данный набросок резко отличается по стилю изложения; это был либо замысел нового художественного произведения, либо фрагмент автобиографических записок.²³

Появление в романе в качестве одного из активных его героев стрелецкого сына, сироты Валериана, и запись планов повести о стрельце в той же тетради, где находится беловая рукопись «Арапа», натолкнули некоторых исследователей на мысль, что планы эти имеют непосредственное отношение к роману. Так, Н. Л. Бродский видел в них проекты окончания «Арапа Петра Великого» и считал, что с ними в повествование «ворвалась новая тема о стрелецком бунте, которая потребовала перестройки всей композиции романа».²⁴ Еще более уверенно говорит о принадлежности планов повести о стрельце к роману В. Шкловский, который пишет: «Роман по своей тематике связан с восстанием. Развязкой такого романа являлась глава, которая должна была бы напоминать своим строением „Пир Петра Великого“».²⁵

Действительно, тема стрелецких бунтов занимала воображение Пушкина. Стрелецкие восстания интересовали поэта главным образом как проявление мятежного начала в народных массах. Именно так подходили к ним и другие представители передового дворянства. Как одно из проявлений народного движения против самодержавия привлекли они внимание Грибоедова, отметившего это в «Замечаниях, касающихся истории Петра». Мятежность стрельцов, их упорство в борьбе с Петром, воспринимаемой как борьба с самовластием, привлекали к стрелецким бунтам и мысли А. А. Бестужева. «Стрельцы!.. — пишет он. — Эпоха великих характеров: это великаны старинной Руси, которые отстаивают не одни свои бороды в борьбе с великаном нового века. Это бой на смерть. Стрельцы!.. громкое имя, привлекательное не для одних книгопродавцев...; в них замерла последняя народность».²⁶

Однако, работая над «Арапом», Пушкин, видимо, не собирался касаться тех или иных массовых выступлений против деятельности Петра. Это противоречило бы всему замыслу романа, в котором реформы Петра изображались как средство разрешения многих общественных противоречий. Кроме того, тема стрелецкого бунта не могла стать одной из основных в романе и потому, что стрелецкие мятежи относились к началу петровского царствования, а в описываемый Пушкиным период стрельцы никакой роли не играли, и движение их было давно и совершенно подавлено.²⁷

²³ И. Л. Фейнберг в своей книге «Незавершенные работы Пушкина» не упоминает об этом наброске, видимо, никак не связывая его с пушкинскими автобиографическими заметками, хотя, несомненно, текст его ближе к автобиографической прозе, чем текст «Заметок по русской истории XVIII века».

²⁴ Н. Л. Бродский. А. С. Пушкин. Биография, Гослитиздат, М., 1937, стр. 573.

²⁵ В. Шкловский. Спор о Пушкине. «Знамя», 1937, № 1, стр. 210.

²⁶ «Русский вестник», 1861, т. 32, № 3, стр. 320.

²⁷ Время действия «Арапа» относится ко второй половине царствования Петра, когда стали видны уже реальные результаты преобразований, проводимых царем. Определить более точно время действия романа затруднительно. Но, видимо, Пушкин и не желал связывать себя точными хронологическими рамками, так как стремился к некоторым историческим обобщениям. Поэтому он свободно допускал в своем произведении анахронизмы. Так, по словам Пушкина, Ибрагим, вернувшись в Россию, видел Петра беседующим с Ильей Копиевичем и Феофаном Прокоповичем. Между тем Копиевич умер около 1708 года, а Прокопович только в 1716 году преехал в Петербург. С другой стороны, Пушкин, вероятно, знал, что Ибрагим попал во Францию в 1717 году и вернулся в Россию в 1722 или 1723 году (герцог Орлеанский умер в 1723 году, Ибрагим же вернулся до его смерти). По этим данным, действие

Описание стрелецкого бунта, его характеристика могли быть введены в роман в виде воспоминаний Ржевского, которому отец Валериана именно во время стрелецкого бунта спас жизнь, либо тема эта могла возникнуть в ходе размышлений и воспоминаний самого Валериана.

Ржевский, упоминая о стрелецком бунте, не говорит ни о каких конкретных признаках, по которым можно было бы определить, о каком именно бунте идет речь. Возможно, что в 1827 году Пушкин еще не разграничивал строго обстоятельств первого и второго стрелецких бунтов.

В задуманном Пушкиным романе тема стрелецких мятежей могла быть важна не сама по себе, а скорее как средство еще яснее раскрыть прогрессивный характер деятельности Петра и силу побеждающего «нового порядка вещей», показать постепенный переход враждебных ранее Петру элементов на сторону царя-преобразователя, формирование нового социального слоя, поддерживающего Петра в его борьбе со старинным консервативным боярством.

В этой связи становится яснее и функция образа Валериана в романе. Валериан — сын стрельца, может быть казненного по приказанию Петра (в романе нет никаких указаний на то, что отец Валериана был казнен, это лишь можно предполагать); поэтому Валериан, казалось, должен был бы стать врагом царя и вводимых им новшеств. В этом случае он нашел бы много общего с реакционными представителями боярства. Но стрелецкий сирота принадлежал к той общественной группе, интересы которой всегда были резко противоположны интересам крупной аристократии, и Ржевский верно почувствовал враждебность Валериана и потому назвал его «проклятым волчонком». Для бояр Валериан всегда оставался бы существом низкой породы. Реформы Петра, поставившие ум, личные достоинства выше знатности, давали «волчонку» возможность выдвинуться. И Пушкин, создавая образ потомка мятежных стрельцов, рисует его не как противника царя, а как воина петровской армии, куда он пошел добровольно («тому два года, по его просьбе, записали его в полк»).

Вряд ли при этом Валериан преследовал цели личной мести, вернее всего, им руководило именно желание добиться успеха своими силами и из неизвестного, живущего из милости сироты сделаться офицером, может быть, даже влиятельным человеком. Примеров подобных превращений он мог немало видеть вокруг себя. К тому же для Валериана это была единственная возможность добиться согласия Ржевского на брак стрелецкого сироты с Наташей.

романа следовало бы отнести к началу 20-х годов XVIII века. Но по описанию Петербурга в романе можно думать, что речь идет о более раннем периоде. В 1714 году Петр издал указ о том, чтобы в Петербурге строили только каменные и мазанковые дома, а деревянные строения обшивали тесом; в 1716 году — указ о мощении улиц в Петербурге. Наконец, на гравюрах знаменитого русского гравера А. Зубова, на которых изображен Петербург до 1716 года, можно видеть двух- и трехэтажные дома, деревянные набережные на Неве и некоторых каналах. Это всё несколько противоречит словам Пушкина о том, что «дома казались наскоро построенные», что «каналы без набережной» (VIII, 1, 10). То, что Пушкин допускал в романе некоторые анахронизмы, доказывает, что он хотел изобразить не просто тот или иной конкретный момент царствования Петра, но стремился создать общую картину жизни России того времени, показав ее наиболее характерные особенности, типичные для эпохи в целом. Хронологические сдвиги такого рода не мешали общей исторической точности картины. Что же касается стрелецких бунтов, то это были слишком крупные явления, чтобы Пушкин мог вольно обращаться с ними, тем более, что первый и второй период царствования Петра уже сильно отличались друг от друга и по укладу общественной жизни и по расстановке социальных сил.

То, что даже потомок сословия, враждебного Петру и его делу, оказался в рядах защитников его преобразований, наглядно показывало историческую правоту Петра, торжество новых принципов жизни. В 1822 году Пушкин писал, что «новое поколение, воспитанное под влиянием европейским, час от часу более привыкало к выгодам просвещения» (XI, 14). Мысль эта нашла конкретное воплощение в судьбе Валериана.

Н. К. Пиксанов высказал мысль, что «следует устранить ходячий предрассудок, будто героем этой неоконченной повести «Арапа Петра Великого» является Ганнибал. Нет, героем задуман Пушкиным сын мятежного стрельца, „волчонок“, опасный для русского боярства».²⁸

Если считать главным героем лицо, в котором наиболее полно выразилась основная идея произведения, лицо, от воли и деятельности которого зависят судьба и действия других персонажей, то следует признать первую часть утверждения Н. К. Пиксанова до известной степени справедливой: Ибрагим таким героем не является.²⁹ Но еще в меньшей степени может быть назван главным героем стрелецкий сирота Валериан. Очень трудно сказать, какое место занял бы в дальнейшем развитии сюжета этот персонаж. Может быть, его роль была бы весьма значительна, но она ни в коем случае не могла бы быть главной. Ни стрелецкие бунты, ни переход их участников на сторону Петра не являлись основными темами романа Пушкина.

Кроме того, композиция и развитие сюжета в написанных шести главах произведения не позволяют предположить, что стрелецкий сирота был задуман как главный герой романа. Трудно допустить, что в этом случае Пушкин на протяжении значительной части романа оставлял бы Валериана в тени, заняв внимание читателя другими, второстепенными персонажами. Валериан появляется в романе уже тогда, когда определилась завязка романа, стал достаточно ясен характер конфликта, лежащего в его основе, когда наметились взаимоотношения почти всех действующих лиц.

Очевидно, Ибрагим должен был, по замыслу Пушкина, играть гораздо более значительную роль в содержании произведения, чем Валериан. Образ арапа раскрыт автором более глубоко и подробно, нежели образы всех остальных героев, тогда как образ стрелецкого сына едва намечен. Если главным героем должен был быть Валериан, то необъяснимо, почему все первые главы произведения посвящены столь детальному изображению характера Ибрагима и его жизни в Париже и в Петербурге. Вряд ли Пушкин ввел бы в этом случае роман Ибрагима с графиней Д., описанию которого отведено целых две главы и который не имеет прямого отношения к содержанию романа; автор не стал бы посвящать читателя в личные отношения между Петром и его крестником, если бы не предполагал, что именно личность и характер Ибрагима, а не Валериана будет иметь особенно важное значение для развития сюжета и раскрытия идейного замысла произведения.

Но если стрелецкая тема не могла играть в романе существенной роли, если Валериан, этот стрелецкий сын, не был главным героем произведения, то каким образом планы повести, целиком посвященной эпохе стрелецких мятежей, могут быть связаны с романом? Изучение планов показывает, что никакой непосредственной связи между ними и романом о Петре нет.

²⁸ Н. К. Пиксанов. Пушкин и народ. «Вестник Ленинградского государственного университета», 1949, № 6, стр. 11.

²⁹ Таким героем в романе является Петр. Ибрагим же играет главную роль лишь в сюжетной ткани романа, хотя в его образе и его судьбе скрещиваются все основные тематические линии произведения.

Прежде всего планы эти были написаны Пушкиным много позже окончания работы над романом, написаны на листах, сложенных вдвое так, чтобы их было удобно вырвать из тетради. Уже одно это обстоятельство говорит о том, что Пушкин не связывал их с неоконченным романом.

Появление нового замысла повести о стрелецких бунтах в начале 30-х годов вполне объяснимо. В 1832 году Пушкин начал работать над подготовкой «Истории Петра». Эпоха, которой он когда-то хотел посвятить роман, вновь вставала перед ним со всеми ее острыми политическими конфликтами, с ее своеобразным бытовым укладом. Но Пушкина привлекал теперь не только тот период, когда петровские реформы уже оказали свое влияние на жизнь русского государства, но и эпоха, предшествующая этим реформам, подготовившая их, время, когда явственно обнаружилась необходимость преобразования. Пушкин-историк уделял теперь большое внимание началу петровского царствования, времени наиболее острой борьбы между старым и новым.

Известно, что именно в эти годы Пушкин интересовался центральными и местными учреждениями Московского государства (которые Петру предстояло преобразовать), соколиной охотой (как одной из бытовых черт эпохи) и стрелецко-боярской враждой к Петру. В частности, его очень занимал образ полковника Цыклера, возглавлявшего один из заговоров против Петра. Так, в начале 1833 года в черновиках поэмы «Езерский» появились строки о связи предков героя с стрелецким движением:

Один из них был четвертован
За староверцев и стрельцов

(в более ранних вариантах читаем: «За связь с стрельцами...» или «За бунт стрелецкий...»; V, 400).

Пушкин внимательно изучал исторические документы, освещающие историю стрелецких мятежей.³⁰

Как раз в 1833—1834 годах, когда были записаны планы повести о стрельце, Пушкин работал над первой главой «Истории Петра», в которой речь должна была идти именно о стрелецком бунте 1682 года. Материал, с которым теперь познакомился Пушкин, мог лечь в основу новой повести.

Всего существует пять набросков планов повести о стрельце. И только три из них находятся в одной тетради с «Арапом Петра Великого». Четвертый набросок находится в тетради ПД № 831 (ЛБ № 2365) и пятый — на отдельном листке — в тетради ПД № 278.

Анализ первых трех планов показывает, что в основе их лежал совершенно самостоятельный замысел, при осуществлении которого материал, собранный для романа, мог найти крайне незначительное применение. События, отраженные в этих планах, относятся к бунту 1682 года; при этом Пушкин, видимо, колебался, к какому моменту бунта следует отнести действие. Первоначальная формула «Софья в монастыре» в первом плане указывает на тот период, когда царевна Софья и ее сторонники, потеряв возможность управлять стрелецким бунтом, укрылись возле Троицкого монастыря в селе Воздвиженском. (Во время бунта 1698 года, когда Софья была уже заключена в монастырь, она, очевидно, не могла быть ничьей свахой.) Перемена (во втором плане) местопребывания Софьи — «во дворце» — означает и перемену времени действия, приурочивая его теперь

³⁰ См.: И. Фейнберг. Незавершенные работы Пушкина, стр. 71—72, 79—80.

к первой стадии бунта. В первом плане мы находим имя Ржевской, но план этот связан с личностью стрелецкого полковника (может быть, Цыклера).

Третий план — «Стрелец влюбляется в Ржевскую, сватается, получает отказ...» — сближают с «Арапом Петра Великого» наличие имени Ржевской и то обстоятельство, что отца героини во время бунта спасает стрелец. Впрочем, Пушкин в процессе работы несколько раз меняет план повести, и в одном из вариантов мать должна была выдать Ржевскую не за стрельца, а за боярина или думного дворянина.

Ничего нового не вносит в наше представление о предполагаемом содержании повести и четвертый план, находящийся в тетради ПД № 831. Ни в одном из этих четырех планов не упоминается имя Петра и нет никаких других намеков на петровскую тему. Лишь пятый план существенно отличается от предыдущих (ПД № 278). В нем возникает образ сына казненного стрельца, который, подобно Валериану, воспитывается в чужом доме, но не у боярина, а у вдовы. Однако в остальном и в этой предполагаемой повести нельзя найти и тени сходства с романом, хотя время действия здесь отнесено к царствованию Петра, к периоду Прутского похода.

Отдельные моменты, которые внешне связывают планы повести о стрельце с романом, не имеют, в сущности, значения. Действие задуманной Пушкиным повести, судя по четырем первым планам, должно было относиться к периоду гораздо более раннему, чем тот, в который разворачивались события в романе, и образ сына казненного стрельца должен был существенно отличаться от образа Валериана, ибо характер его сформировался в другой период. Только последний план повести позволял ввести в нее образ Петра-преобразователя, ибо первые планы относились к тому времени, когда Петр был еще ребенком. Следовательно, самая тема и идея повести должна была быть совершенно иной. В центре повести вставала не тема борьбы прогрессивных начинаний Петра с вековой косностью и реакционностью крупного русского боярства, не преобразование России, а борьба двух боярских партий за власть в государстве и роль народа в этой борьбе.

В романе большую роль играет судьба Ибрагима, в образе которого воплощались черты лучших людей Петровской эпохи. Деятельность Ибрагима позволяла поставить вопрос о роли просвещенного дворянства в деле переустройства страны. Ничего этого не могло быть в повести о стрельце или стрелецком сыне. В планах не только не упоминается Ибрагим, но нет персонажа, аналогичного ему по общественному положению.

В романе основными героями были Петр и Ибрагим, в повести такими героями могли быть только Софья и стрелец, которые олицетворяли совершенно противоположные политические силы.

Трудно согласиться с Ю. Г. Оксманом, что планы повести о стрельце являются «попыткой частичного использования глав романа с устранением из них всех материалов о Ганнибале».³¹

Какими же материалами мог воспользоваться Пушкин в повести о стрельце, изъяв всё, касающееся Ибрагима, т. е. всё, что составляло основу сюжета романа, отнеся действие к другой исторической эпохе? Пушкин мог бы перенести из романа лишь какие-то незначительные бытовые детали. Поэт в 30-е годы, как показывает его работа над «Историей Петра», уже хорошо понимал, что время правления Софьи и стрелецких бунтов сильно отличалось от конца царствования Петра не только расста-

³¹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VI, Путеводитель по Пушкину, 1931, стр. 41.

новкой социальных сил, но и бытовым укладом жизни. И быт и нравы боярства изменились под влиянием петровских преобразований.

Даже в повести, написанной по плану, в котором речь шла о Петре и его Прутском походе, предполагался совершенно иной сюжет, с другими героями и ситуациями. К тому же те две части романа, в которых отразились характеристические черты эпохи («Ассамблея» и «Обед у старого боярина») и которые могли бы каким-то образом войти в новую повесть, были уже опубликованы Пушкиным в виде самостоятельных отрывков.

Таким образом, следует считать, что планы повести о стрельце были планами совершенно самостоятельного произведения, не связанного с замыслом и содержанием неоконченного романа о Петре и Ибрагиме.³²

4

Оставив в 1828 году роман о Петре и Ибрагиме, Пушкин больше уже не возвращался к нему. Исследователей давно привлекал вопрос о том, почему это произведение, начатое так блестяще и писавшееся, по-видимому, так легко и быстро, было не закончено Пушкиным. Решить до конца этот вопрос сейчас чрезвычайно трудно, если не невозможно.

Уже Белинский, с восторгом отозвавшийся о написанных главах романа, писал: «Не понимаем, почему Пушкин не продолжил этого романа. Он имел время кончить его, потому что IV глава написана им была еще прежде 1829 года».³³

Решение этого вопроса должно быть связано с общим пониманием центральной темы романа и его идейного замысла. Впервые на него попытался ответить С. Ауслендер во вступительной статье к роману в издании сочинений Пушкина под редакцией С. А. Венгерова. Для С. Ауслендера в центре романа стоит тема фамильного сходства между самим Пушкиным и его экзотическим прадедом. Ганнибал, по мнению Ауслендера, интересовал Пушкина главным образом своей необычностью, своеобразием «принца, соединившего в себе всю яркость востока, французского XVIII века и странную пестроту Петровской эпохи».³⁴

В силу этого фамильного сходства, как полагал Ауслендер, Пушкин начал писать роман о Ганнибале, и по столь же сугубо личным мотивам он его бросил. В конце 20-х годов Пушкиным овладела «усталость», он стремился к «спокойной обыкновенности... семьянина», но не мог ее достичь (его сватовство к С. Пушкиной, А. Олениной и отношения с Е. Ушаковой окончились неудачей). Всё это, как полагал Ауслендер, и было причиной того, что Пушкину не хотелось браться за свою «печальную, семейно-роковую повесть».³⁵ Такое объяснение отхода Пушкина от романа неудовлетворительно, тем более, что и «усталость» Пушкина зависела в гораздо большей степени от сложности и тягостности его общественного положения,

³² Вряд ли можно относить к роману драматическую сцену между графиней и Дорвилем, написанную в 1834—1835 годах, как это делал в свое время С. Ауслендер (Пушкин. Под редакцией С. А. Венгерова, т. IV, СПб., 1910, стр. 110). Сходство этой сцены с романом исчерпывается тем, что графиня так же, как и графиня Д. в романе, не верна мужу и ожидает ребенка. Но вся сценка написана в легком, несколько даже ироническом тоне, положение влюбленных отнюдь не кажется трагическим, тем более, что графиня тут же находит из него выход. Таким образом, аналогия с темой давно оставленного Пушкиным романа здесь очень далекая.

³³ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. VII, 1955, стр. 576.

³⁴ Пушкин. Под редакцией С. А. Венгерова, т. IV, стр. 105.

³⁵ Там же, стр. 109.

от всё более явно ощущавшегося гнета правительства, чем от неудачного исхода его не слишком глубоких увлечений.

Ю. Г. Оксман высказал мысль, что роман был не окончен по многим причинам. Во-первых, что «роман отложен был сперва только на время» (хотя исследователь так и не объяснил, почему же все-таки был отложен роман), а затем Пушкин был отвлечен темой «Полтавы», после которой он перешел к более «актуальным... повестям из современного быта». ³⁶ Действительно, «Полтава» была начата Пушкиным 5 апреля 1828 года. Но ведь именно в это время Пушкин читал Вяземскому и Жуковскому главы своего романа и, следовательно, еще не вполне отошел от мыслей о нем. Тема «Полтавы» была во многом сходной с темой «Арапа Петра Великого», и если она казалась актуальной в поэме, то почему ее актуальность терялась в романе? Внимание именно к военной стороне деятельности Петра могло быть связано с начавшейся русско-турецкой войной, но ведь идейный замысел поэмы не исчерпывался одним восхвалением военных побед Петра, а был гораздо шире. Почему же работа над романом не могла идти параллельно созданию поэмы, которая писалась с большими перерывами? Ведь работал же Пушкин одновременно над романом в прозе о Петре и романом в стихах на современную тему — «Евгением Онегиным». Тема Петра представлялась Пушкину, очевидно, не менее важной, чем темы, взятые из современной жизни, и если эти современные темы не мешали ему до этого писать исторический роман, то почему они стали его «отвлекать» в 1828 году?

Во-вторых, Ю. Г. Оксман предполагает, что одной из причин, по которым роман остался неоконченным, был выход в свет «Юрия Милославского» Загоскина: «Между тем проблема создания оригинального русского исторического романа в жанре В. Скотта была разрешена „Юрием Милославским“ Загоскина». ³⁷ Но роман Загоскина отнюдь не разрешил проблемы создания русского реалистического исторического романа, к которому стремился Пушкин. К тому же роман Загоскина появился в 1829 году, когда Пушкин уже оставил работу над своим романом. После этого появились и другие исторические романы — Загоскина, Лажечникова, Булгарина и пр., но это не помешало Пушкину начать работу над «Рославлевым» и написать «Капитанскую дочку». Очевидно, появление весьма слабого в художественном отношении и чуждого по идейной направленности романа Загоскина не могло повлиять на Пушкина.

Разумеется, Ю. Г. Оксман совершенно прав, что после того, как «осенью 1830 года в одном из выступлений Булгарина против Пушкина в „Северной пчеле“ была задета и грубо высмеяна самая тема о Ганнибале, как предке Пушкина... об окончании „Арапа Петра Великого“... не могло быть и речи...» ³⁸ Но роман был оставлен Пушкиным задолго до начала полемики с Булгариным и вне зависимости от нее.

Трудно согласиться с утверждением В. Шкловского, что «роман задержался благодаря тому, что новые планы (планы повести о стрельце, — Г. Л.) требовали переделки старых глав, уже напечатанных». ³⁹ Это не верно уже потому, что планы повести о стрельце возникли значительно позже, в 1832—1834 годах, и не могли служить препятствием для продолжения работы над романом в 1828 году.

³⁶ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VI, Путеводитель по Пушкину, стр. 41.

³⁷ Там же, стр. 41.

³⁸ Там же.

³⁹ В. Шкловский. Заметки о прозе Пушкина. Изд. «Советский писатель», М., 1937, стр. 29.

К мнению В. Шкловского присоединился и Н. Л. Бродский, объяснивший незавершенность романа тем, что в него «ворвалась новая тема о стрелецком бунте». Другая причина могла, как считает Н. Л. Бродский, заключаться в том, что Пушкину «представилось художественно не интересным повторение в дальнейшем ходе романа сюжетной ситуации об измене жены: графиня родила черного ребенка, жена арапа родила белого».⁴⁰ Однако повторение сюжетных ситуаций, которое кажется «неинтересным» исследователю, было как раз характерно для композиции «Арапа Петра Великого» и было предусмотрено с самого начала работы над романом. Если же замысел Пушкина и изменился (о чем у нас нет никаких свидетельств), то что могло помешать ему иначе окончить роман? Менял же поэт несколько раз план построения романа в ходе работы над «Капитанской дочкой».

С. М. Петров высказал мысль, что роман не был окончен потому, что «тема Петра теряет для Пушкина не общий, конечно, интерес, а политическую актуальность» и что «с 1829 года особенно настойчивой в творческих замыслах Пушкина становится другая тема, связанная не с временем Петра, а с декабристами».⁴¹ Действительно, восстание декабристов и их дальнейшая судьба были предметом постоянных серьезных размышлений Пушкина. Но эти размышления были тесно связаны с думами его о вопросах развития и преобразования России. В период создания «Арапа Петра Великого» историзм был уже одной из важнейших составных частей мировоззрения Пушкина. И поэт настоящее положение вещей стремился объяснить на основе анализа всего предшествующего исторического процесса. Именно поэтому он и обратился к эпохе Петра. Потому вряд ли правильно противопоставлять декабристскую тему или, точнее, круг вопросов, возникших в связи с этой темой, теме Петра.

Тема Петра в 1828—1829 годах не потеряла для Пушкина политической актуальности, что доказывается созданием «Полтавы», а позже «Медного всадника» и последующей работой над «Историей Петра»; однако та интерпретация, которую он давал этой теме в романе, перестала отвечать создавшимся условиям общественной жизни и изменившимся взглядам самого Пушкина.

1828 год был периодом, когда Пушкин окончательно разочаровался в Николае I. Он не мог больше верить, что Николай I станет подобным «пращуру» и действительно преобразует Россию. Поэт видел, что царь не только не может, но и не хочет вносить в современное положение какие-либо существенные изменения, что все его обещания — только лицемерное прикрытие реакционной политики. Личный опыт Пушкина подтверждал это весьма убедительно. В июне 1828 года было окончено дело об «Андрее Шенье», после которого над Пушкиным был учрежден секретный надзор, ощущавшийся им на каждом шагу. В июне того же года возникло дело о принадлежности Пушкину поэмы «Гавриилиада», причем обстановка

⁴⁰ Н. Л. Б р о д с к и й. А. С. Пушкин. Биография. Гослитиздат, М., 1937, стр. 573. В известной мере точку зрения этих исследователей поддерживает и Н. Л. Степанов, который в статье «Проза Пушкина» писал: «Пушкин не закончил „Арапа Петра Великого“. Это объясняется отчасти нападками на него Булгарина, несомненно санкционированными III Отделением, но главным образом тем, что Пушкин уже изжил иллюзию о возможности подказать царю путь „просвещения“, осуществляющегося сверху „державною рукою“. Тема „Арапа Петра Великого“ в планах и набросках романа отгесняется темой стрелецкого сына, отец которого бунтовал против Петра» («Ученые записки Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина», т. 70, Кафедра русской литературы, вып. 4, 1954, стр. 27—28).

⁴¹ С. М. П е т р о в. Исторический роман Пушкина, стр. 77.

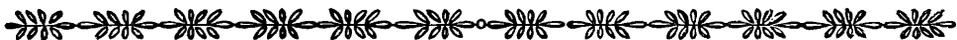
складывалась так, что поэт опасался новой и, быть может, гораздо более суровой ссылки. Он писал 1 сентября 1828 года Вяземскому: «Ты зовешь меня в Пензу, а того и гляди, что я поеду далее,

Прямо, прямо, на восток».

(XIV. 26).

Произведения Пушкина подвергались двойной цензуре, многие из них не допускались к печати. Свобода передвижения Пушкина была связана, и без специального разрешения он не мог сделать ни шага из Петербурга. Такова была обратная сторона благосклонности царя к поэту.

Не могло быть и речи о том, чтобы люди, подобные Пушкину, могли играть какую-то значительную роль при современном правительстве. Государственная власть в лице Николая I оказывалась совершенно неспособной к осуществлению тех задач, которые считал стоящими перед ней Пушкин. В этих условиях отпадали возможные аналогии между современностью и романом, центральным моментом которого было превознесение реформ Петра I и всё содержание которого было построено на изображении судьбы одного из предков Пушкина, бывшего другом и любимцем царя. В качестве исторического примера «Арап Петра Великого» не мог оказать на Николая и его приближенных того действия, на которое, быть может, отчасти надеялся Пушкин, приступая к созданию романа. Возможно, что эти обстоятельства и были одной из основных причин, по которой Пушкин отказался от его продолжения. Однако для того чтобы окончательно решить, почему не был закончен «Арап Петра Великого», у нас пока нет более определенных данных.

В. Г. БОГОЛЮБОВА

ЕЩЕ РАЗ ОБ ИСТОЧНИКАХ «АНЧАРА»

О стихотворении Пушкина «Анчар, древо яда» (1828) и его возможных источниках существует, как известно, довольно обширная литература. К этому стихотворению с давних пор указывались многочисленные параллели в различных сочинениях западноевропейских писателей и ученых; в обсуждении вопроса о том, откуда Пушкин мог знать об «упасе-анчаре» и что натолкнуло его на мысль создать это произведение, приняли участие как филологи-пушкиноведы, историки русской и зарубежной литератур, так и ученые-естествоиспытатели. Тем не менее, несмотря на обильное количество уже собранных данных по этому поводу и связанных с ними интересных наблюдений и соображений, вопрос этот представляется нам недостаточно проясненным и донныне. Ни один из называвшихся до настоящего времени в пушкинской литературе печатных источников сведений об анчаре и его ядовитом соке, по нашему мнению, не мог являться непосредственным поводом для создания «Анчара» Пушкина; все указанные донныне предполагаемые источники этого стихотворения — книги, статьи ученого характера, произведения художественной литературы и т. д. — представляют только известные аналогии пушкинскому стихотворению и, в лучшем случае, свидетельствуют лишь о популярности темы о ядовитых древовидных растениях в научной и художественной литературе в конце XVIII и начале XIX века. Настоящая заметка имеет в виду указать дополнительно на некоторые данные об анчаре, опубликованные в первой четверти XIX века и еще не отмеченные в пушкиноведческой литературе, притом на такие, которые с большей вероятностью могли быть известны Пушкину, чем большинство из указанных ранее.

Нет необходимости напоминать здесь все названные до сих пор возможные источники стихотворения Пушкина, так как они недавно были перечислены заново в статье Д. Д. Благого.¹ В этой статье Д. Д. Благой, полемизируя с предшествующими исследователями, которые, по его словам, не указывали на «тесную и непосредственную связь его «Анчара» Пушкина» с конкретной русской общественно-политической действительностью» и отрывали его «от русской литературной традиции»,² пришел к заключению, что основной источник сведений Пушкина о «древе яда» был уже найден и указан в свое время и что дальнейшие поиски в этом направлении являются и бесполезными, и излишними. Источником, из которого Пушкин извлек, по мнению Д. Д. Благого, всю сумму сведений

¹ Д. Д. Благой. «Анчар» Пушкина. В книге: Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию. Сборник статей, Изд. Академии наук СССР, М., 1956, стр. 94—116.

² Там же, стр. 98—99.

о «древа яда» и который, в этой связи, действительно чаще всего упоминается доньше в пушкиноведческой литературе, является заметка «О некотором ядовитом дереве, находящемся на острове Яве, в Ост-Индии», напечатанная в «Детском чтении для сердца и разума» 1786 года (ч. VII)³ и повторенная десять лет спустя в другом русском журнале «Муза», в 1796 году, под заглавием «Нечто о дереве богон-упас» (ч. III, стр. 183—186). Эта заметка представляет собой сокращенный перевод статьи голландского врача Ф. Фурша, напечатанной в декабрьском номере английского журнала «London Magazine» за 1783 год.

Приведя большую выдержку из этой статьи по тексту «Детского чтения», Д. Д. Благой замечает: «Сходство между пушкинским „Анчаром“ и сообщением Фурша (в особенности в описании «древа яда») так несомненно и велико, что нет решительно никакой необходимости при изучении пушкинского стихотворения заниматься, как это предлагал Н. В. Измайлов, поисками каких-то „звеньев предшествующих или промежуточных“ в западноевропейской литературе» (стр. 101). Далее Д. Д. Благой подчеркивает вновь: «... совершенно несомненно... что действительным источником „Анчара“ явилась вовсе не какая-то неведомая „восточная легенда“, притом еще непременно прошедшая через обработку западноевропейской поэзией, а своего рода гео-ботанический „документ“ — сообщение доктора Фурша» (стр. 102). На той же странице Д. Д. Благой еще раз упоминает о том, что, по его мнению, Пушкин дал поэтическое описание анчара «в точном соответствии с рассказом Фурша» (стр. 102).

С этими утверждениями Д. Д. Благого трудно согласиться по многим основаниям. Важнейшее из них то, что в заметке Фурша нет еще названия «анчар», дважды упоминаемого в тексте стихотворения Пушкина и не случайно, конечно, вынесенного самим поэтом и в заглавие его стихотворения. Фурш приводит другое название дерева — «богон-упас» — и говорит только о нем; нет названия «анчар» и в других описаниях этого дерева, появившихся в XVIII веке. Представляется совершенно невероятным, чтобы Пушкин мог вдохновиться сообщением Фурша, дать свое поэтическое описание экзотического «древа яда» «в точном соответствии с рассказом Фурша» и заменить при этом название этого дерева, приведенное в голландском источнике, другим, позднее установившимся в ботанической литературе. Название этого дерева, описание которого вызвало ряд поэтических образов и ассоциаций, Пушкин должен был удержать в своей памяти в полном соответствии с тем источником, из которого он впервые узнал об этом дереве. Не только Пушкин, но и никакой другой поэт не стал бы производить никаких специальных разысканий в ботанической терминологии для того лишь, чтобы назвать заинтересовавшее его дерево в соответствии с ботаническими знаниями своего времени, при условии, что все остальные сведения об этом дереве уже были извлечены им из другого, более старого источника: экзотическое название экзотического дерева должно было быть удержано поэтом в полном соответствии с тем источником, из которого он узнал о нем, или заменено парафразически его русским истолкованием или наименованием («древо яда»), если данное в этом источнике название не устраивало поэта по фонетическим, ритмическим или каким-либо иным соображениям. В подобных случаях наименование, данное в первоисточнике, играет особую роль: именно оно вызывает целый комплекс ассоциаций о данном предмете и не так легко и свободно заменяется другим. В силу этого представляется психологи-

³ Журнал «Детское чтение» был перепечатан в 1819 году; статья о ядовитом дереве была здесь переиздана почти без изменений (ч. VII, стр. 43—53).

чески вовсе неправдоподобным, чтобы Пушкин, получив все сведения о «древе яда» из заметки Фурша в старом русском переводе, воспроизвел их в своем стихотворении, в собственном поэтическом истолковании, но исключив при этом лишь одну подробность — приведенное Фуршем название «древа яда». Уже одно это соображение могло, казалось бы, засвидетельствовать необходимость искать те самые «предшествующие или промежуточные» звенья рассказов об анчаре в западноевропейской литературе (не обязательно художественной), на чем, в свое время, и совершенно справедливо, настаивал Н. В. Измайлов и против чего, по непонятным для нас побуждениям, протестует ныне Д. Д. Благой, к стати сказать, также отметивший в своей статье, что названия анчара «нет ни у Фурша, ни у западных писателей, упоминающих о смертоносном древе» (стр. 102).⁴ Стремясь обосновать положение, что известие Фурша было для Пушкина первоисточником сведений о «погон-упасе», Д. Д. Благой явно преувеличивает значение статьи в «Детском чтении»; так, он считает, что сообщение Фурша «о дереве яда, растущем на острове Ява», напечатанное в лондонском журнале в 1783 году, было «сенсационным» (?), что оно якобы «получило широкое распространение и обошло почти всю (!) тогдашнюю европейскую печать» (стр. 99), и т. д. На самом деле сведения об этом дереве появились в западноевропейских сочинениях гораздо раньше — еще в XVII веке⁵ и Фурш вовсе не был первым его описателем. Гораздо более интенсивный интерес к этому дереву возник в Западной Европе в начале XIX века, а затем обновился, как увидим

⁴ Отметим также, что, отзываясь в этой же статье с явным упреком по адресу исследователей, «которые шли по столь излюбленному в домарксистском литературоведении пути механического накопления параллелей» к «Анчару» (стр. 99), Д. Д. Благой ниже совершенно непоследовательно и в полном противоречии с этим своим упреком утверждает, что Пушкин мог быть знаком чуть ли не со всеми теми сочинениями, в которых речь шла о «древе яда» и которые, по его словам, «механически» подобраны были исследователями стихотворения Пушкина до указанной его статьи: «Пушкин при его колоссальной начитанности и осведомленности в явлениях как русской, так и мировой литературы, конечно, знал, если, может быть, и не все, то многие из тех западноевропейских литературных произведений, в которых упоминалось о смертоносном дереве. В частности, в черновых рукописях „Анчара“ имеются выписанные Пушкиным на английский язык две строки из трагедии Кольриджа „Озорио“... в которых говорится о „древе яда“... С полной уверенностью можно сказать, что Пушкин читал строфу об упасе — всеуничтожающем дереве... в „Странствованиях Чайльд-Гарольда“ Байрона. Равным образом, скорее всего, знал он — и в подлиннике и в переводе на русский язык — стихотворение Мильвуа „Mancenil“, в котором фигурирует другое смертоносное дерево», и т. д. (стр. 101—102).

⁵ Томас Хорсфильд (Thomas Horsfield. *Plantae Javanicae Rariores*. London, 1838, стр. 53), рассказывая об анчаре, упоминает, что сведения о деревьях, «производящих ядовитый сок самого смертоносного свойства» и растущих на островах Индийского архипелага, можно встретить у «многих из старых путешественников и натуралистов». посетивших эти острова: Хорсфильд ссылается, в частности, на донесение Томаса Герберта (Thomas Herbert, London, 1634), на книгу Бонциуса (Bontius. *Historia Naturalis et Medica Indiae Orientalis*. Pisa, 1658, стр. 85) и на ряд других сочинений, изданных в XVII—XVIII веках. Отметим, со своей стороны, что в хорошо известной Пушкину французской «Энциклопедии» Дидро и Даламбера под словом «Flèche» («Стрела») помещен специальный раздел об «отравленных стрелах» («Les flèches empoisonnées» — *Encyclopédie, ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*, t. XIV, A Lausanne et à Berne, 1781, стр. 595—596); здесь сообщаются подробные историко-этнографические сведения о растительных ядах, которыми отравляют свое оружие, «применяемое в национальных войнах», туземцы Южной Америки, Индии, островов Индийского океана и побережья Азии вплоть до Китая. Здесь, в частности, идет речь и об опасном яде, которым отравляют лезвия мечей, кинжалов, топоров на островах Яве и Суматре. «Жители островов Макассара хранят самый страшный секрет отравления маленьких стрел для сарбаканов жгучим медом, вытекающим из одного дерева», и т. д.

ниже, после 1825 года, благодаря особым историческим обстоятельствам на острове Яве, т. е. незадолго до того, как Пушкин создал свое стихотворение (в 1828 году).

Изучение анчара как с ботанической, так и с токсикологической стороны тесно связано с именем знаменитого французского путешественника и естествоиспытателя начала XIX века Лешено де ла Тура. Этот ученый описал анчар на основании собственных своих наблюдений над этим деревом, производившихся им на острове Яве, определил его родовые и видовые свойства, подверг специальному анализу выделяемый им яд, рассказал о способе его добывания и дал новое научное название ядовитому дереву; поэтому в ботанической литературе имя Лешено присвоено анчару, и доныне называемомуся: *Antiaris toxicaria* Lesch^{enault}.⁶

Так как у нас есть все основания предполагать, что сведения, послужившие Пушкину для создания образа «Анчара», были почерпнуты им, начиная с названия «древа яда», не из статьи Фурша, применявшего лишь термин «богон-упас», но из трудов Лешено, имя которого еще не называлось в пушкинской литературе, — необходимо подробнее остановиться и на этих трудах, и на их авторе.

Жан Лешено де ла Тур (Jean-Baptiste-Louis Leschenault de la Tour, 1773—1826) еще совсем молодым человеком принял участие во французской научной экспедиции, снаряженной для исследования берегов Новой Голландии. Экспедиция эта отплыла из Франции в 1799 году на корабле «Географ» во главе с Николая Боденом; Лешено состоял при ней в качестве главного ботаника. Работы его при экспедиции продолжались до 1803 года, когда, вследствие постигшей его болезни, он оставлен был в Тиморе. Как только здоровье его восстановилось, он самостоятельно отправился на остров Яву, где и провел несколько лет. Во Францию Лешено возвратился лишь в 1807 году, после восьмилетних странствований, привезя с собой богатейшие и ценнейшие ботанические коллекции. Ближайшие за этим годы Лешено посвятил приведению в порядок своих записей, систематизации собранного им гербария и научным исследованиям. В 1816 году Лешено предпринял новое путешествие — в Индию и на Цейлон, продолжавшееся шесть лет, затем ненадолго вернулся во Францию и снова отправился в путешествие — на этот раз в Бразилию и Голландскую Гвиану. Умер Лешено в 1826 году, завоевав широкую популярность в ученом мире своими многочисленными ботаническими трудами, публи-

⁶ Даже в таком общеизвестном источнике, каков «Энциклопедический словарь» Брокгауза—Ефрона (т. 2, СПб., 1890, стр. 847—848), можно найти следующее указание по этому поводу: «*Antiaris* (*Antiaris* Lesch.), Анчар — установленное ботаником Лешено родовое название древесных растений из семейства крапивных... Виды этого рода все из Ост-Индии и Малайского архипелага..., весьма ядовиты, особенно же *Antiaris toxicaria* Lesch. — знаменитый Анчар или упас, соком которого туземцы отравляют стрелы» и т. д. Отметим также, что в русской научной литературе существует и специальная работа об анчаре, странным образом ускользнувшая от исследователей пушкинского стихотворения, в которой можно найти и более подробные данные об истории изучения этого «древа яда»: С. Городецкий. Анчар. *Antiaris toxicaria* Leschn. в отношениях фармакогностическом и фармакодинамическом. Диссертация на степень доктора медицины, М., 1894. Исследование С. Городецкого имеет в основном экспериментальный характер; автор исследует выделяемый анчаром яд — антиарин — и его действие на животных на собственных лабораторных опытах; материалом для этих опытов послужил сок анчара, привезенный с Явы профессором В. А. Тихомировым в 1891 году. Работа С. Городецкого, однако, содержит много сведений об анчаре и ориентирует в посвященной ему географической и ботанической литературе. В первой главе книги «Историческое и народное значение анчара» идет речь о стихотворении Пушкина и высказываются некоторые предположения относительно его источников (стр. 5—6), которых мы коснемся ниже.

ковавшимися в последнее пятнадцатилетие в различных научных периодических изданиях.⁷

Одна из работ Лешено, посвященная наблюдениям его над анчаром, представляет для нас особый интерес. Она озаглавлена: «Записка о *Strychnos tieute* и *Antiaris toxicaria*, ядовитых растениях острова Явы, соком которых туземцы отравляют свои стрелы...», и напечатана в 1810 году в шестнадцатом томе «Анналов» парижского Музея естественной истории.⁸

В этой статье Лешено рассказывает, что интерес к древовидным ядовитым растениям Явы существовал уже давно, возбужденный рассказами путешественников, и что натуралисты Европы в течение многих лет тщетно пытались узнать правду о природе выделяемых ими ядов; с этой целью производились изыскания и на Яве, но все они «были мало плодотворны, вследствие того, что туземцы сохраняли свою тайну» (стр. 466). Лешено упоминает и о старой статье «некоего голландского доктора по имени Фурш», который собрал баснословные сведения об этих деревьях, а также о тех возражениях, которые были сделаны ему европейскими, в частности французскими, ботаниками. Последние «опровергли сказки, пушечные им в оборот, но не узнали правды о том, что существовало в действительности» (там же). Первым французским естествоиспытателем, который писал до Лешено о «погон-упасе», называя его при этом его туземным именем «анчар», был Л. А. Дешан, участник экспедиции д'Антреката, посланной в 1791 году для поисков пропавшей без вести экспедиции Лаперуза. Дешан видел на Яве «упас-анчар» (*Uras antiar*); заметка его об этом дереве содержит довольно точные сведения, но в ней отсутствуют подробности. «Дешан, — пишет Лешено, — говорит с полным основанием, что жители Явы делают секрет из приготовления этого яда, и сознается, что ему не удалось проникнуть в этот секрет» (стр. 470).⁹

«Когда я отправился в путешествие для открытия южных земель, — рассказывает далее Лешено, — уважаемый ученый, профессор Жюссье посоветовал мне в том случае, если я высажусь на Яве, собрать по этому поводу, по возможности, более подробные сведения. Мне очень хотелось разрешить этот вопрос. Счастливые случайности и некоторая настойчивость, с какой я вел свои изыскания, доставили мне эти сведения, и в настоящее время я в состоянии говорить об этом с полной уверенностью. Я раздобыл не только два вида ядов, или упасов,¹⁰ которые добываются и изготавливаются на Яве, но также и яды с островов Борнео и Макассара. Я привез с собой в Европу большое количество этих ядов, благодаря которым мой друг, г. Делиль, состоявший ботаником при египетской экспе-

⁷ Grand Dictionnaire universel du XIX siècle, t. X, стр. 403.

⁸ Mémoire sur le *Strychnos tieute* et l'*Antiaris toxicaria*, plantes vénéneuses de l'île de Java, avec le sur desquelles les indigènes empoisonnent leurs flèches... «Annales du Muséum d'Histoire naturelle», Paris, 1810, t. XVI, стр. 459—482.

⁹ Небольшой очерк Дешана (L. A. Deschamps) о древе яда (*Pohon Uras*), который Лешено имеет в виду, появился всего лишь за два года перед тем, в «Annales des Voyages» (t. I, Paris, 1808, стр. 69). Это была выдержка из еще не опубликованных тогда его путевых записок, сущность которых была изложена Мальтебуном в переводе книги Барроу (Barrow) «Voyage to Cochinchina». Известны и другие изложения рассказов Дешана, сделанные в это же время. См.: T. Horsfield, *Plantae Javanicae Rariores*. London, 1838, стр. 57.

¹⁰ По сведениям, собранным исследователями в XIX веке, родиной анчара являются: Восточная Ява, Суматра, Целебес и Борнео; однако во всех этих местностях дерево имеет различные названия: на Суматре и на территории Явы (на языке малайцев-сунданезов) оно именуется «*Pohon Uras*». *Pohon* произносится *Poon* и значит «дерево», в тесном значении «дуб», тогда как «*Uras*» значит «яд»; в этом смысле слово «упас» употребляет и Лешено. Название *Antjar* — яванское и произносится «анджар»; отсюда и западноевропейская транскрипция «*Antschar*» и русское «анчар» (С. Горо-

диции, а также г. Маженди произвели множество интересных опытов, позволяющих определить силу и действие этих ядов на живой организм. Эти опыты, произведенные столь же разумно, как и тщательно, послужили темой для двух докладов, читанных в Институте, а также диссертации, представленной медицинскому факультету в Париже и защищенной здесь г. Делилем» (стр. 467).

Живя на Яве в течение нескольких лет, Лешено всячески старался собрать сведения о «погон-упасе», или анчаре, как это дерево стало называться в европейской ботанической литературе после опубликования его исследований. «В Суракарте (Souga-carta), резиденции Сусунана, или императора Явы (Sousoupan ou empereur de Java), — пишет Лешено, — мне сказали, что упас существует в провинции Банья-Ванньи (Bagnia-Vangni), местности, которую я посетил в конце июля 1805 года» (стр. 471). После многих усилий Лешено удалось, наконец, обнаружить в этой местности великолепный экземпляр дикорастущего анчара и установить, что эманации его ядовитого сока «опасны в особенности для тех лиц, кожный покров которых или общая конституция организма более способны впитывать эти эманации»; на других же эманации анчара не производят столь сильного действия.

Справедливость этого утверждения, по словам Лешено, доказывается следующими случаями, свидетелями которых был он сам. «Дерево, от которого я получил привезенные мной образчики (les échantillons) растения и его яд (l'uras), имело более 100 футов высоты и около 18 футов в окружности у своего основания. Один яванец, которого я послал достать мне несколько ветвей с зелеными листьями этого дерева (des branches fleuries de cet arbre), был принужден, чтобы подняться на него, сделать зарубки. Едва достигнув высоты 25 футов, он почувствовал себя плохо и принужден был спуститься. Он опух и был болен в течение нескольких дней, испытывая головокружения, тошноту и рвоту. В то же время другой яванец, который добрался до верхушки дерева и принес мне то, что я желал, не почувствовал никакого недомогания» (стр. 477).

Напомним, в связи с этой частью рассказа Лешено, что и Пушкин, создавая свое стихотворение, испытывал известные колебания, как изобразить человека, исполняющего поручение и приблизившегося к анчару. В последней редакции, оставленной в окончательном тексте, посланный за «смертной смолой» анчара человек поражен его эманациями:

Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листьями,
И пот по бледному челу
Струился холодными ручьями;

Принес — и ослабел и лег
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

Однако в промежуточной редакции было:

Но человека человек
Послал к Анчару самовластно

децкий. Анчар...», стр. 6—7). Лешено сблизил яванское слово «antjar» с греческим $\alpha\nu\tau\iota$ = «против» и $\alpha\rho\iota\varsigma$ = «острие» и предложил утвердившееся в ботанической литературе составное латинское наименование: *Antiaris toxicaria*. В тетради, содержащей черновую рукопись «Анчара» (ИРЛИ № 838, л. 18), имеется запись Пушкина, соответствующая терминологии Дешана и Лешено: «*Uras Анчар*» (Пушкин. Полное собрание сочинений, т. III, кн. 2, Изд. Академии наук СССР, 1949, стр. 693; в дальнейшем сокращенно: Акад.).

И тот за ядом в путь потек —
И *возвратился безопасно.*

В первоначальных вариантах наше внимание могут привлечь также и следующие стихи:

Или: Но человек
К Анчару страшному подходит —

Или: Но человека человек
В пустыню посылает

Или: Но человека человек
Послал к смерт<ельному> <?> анчару
Ступай, мне нужен яд, он рек
И смелый

Или: Но человека человек
Послал к Анчару властным словом
И тот безумно в путь потек —
И возвратился с ядом *новым*

Или: Но человека человек
Послал к Анчару *равнодушно*
И тот за ядом в путь потек
И возвратился с ним послушно ¹¹

Эти первоначальные варианты наводят на предположение, что Пушкину был известен рассказ Лешено о том, как яванцы добывали для него яд анчара: поэта поразил рассказ о смертельной опасности, о подвиге, предпринятом человеком ради целей, ему неизвестных, по «властному слову» другого человека, которому «нужен яд». Сам Лешено, энтузиаст науки, не раз подвергал ради нее свою жизнь смертельной опасности. Отсюда может быть понятно и его «властное слово», и то, что он посылает человека за ядом «равнодушно», не думая о его судьбе (тем более, что этот человек — «туземец», пожертвовать которым для научного открытия казалось естественным европейскому ученому, даже такому просвещенному, каким был Лешено). Принесенная посланным в стихотворении Пушкина «ветвь с увядшими листьями» заставляет вспомнить, самой конкретностью образа, ветви, покрытые зеленой листвой (*des branches fleuries*) в рассказе Лешено. У нас нет данных, чтобы утверждать, что в первоначальном замысле Пушкина отсутствовал образ князя, владыки, и был на его месте и в его функции ученый, естествоиспытатель, которому нужно было достать и исследовать анчарный яд; но можно с большим вероятием предполагать, что замысел поэта возник и формировался под влиянием рассказа ученого, и его образ отразился в черновых вариантах «Анчара».

Особенно важны в этом отношении два из первоначальных вариантов стихотворения: посланный, во-первых, «возвратился с ядом *новым*» и, во-вторых, «возвратился *безопасно*». Яд анчара был «новым» для европейских ученых, но никак не для жителей Явы и их «владык», давно и широко пользовавшихся упасом; до исследований Лешено и его ученых друзей, которых он впервые снабдил соком анчара для опытов, природа этого яда была совершенно неизвестной; «безопасное» же возвращение посланного не могло возникнуть у Пушкина ни из какого источника сведений об анчаре, напечатанного до исследований Лешено, впервые точно

¹¹ Акад., т. III, кн. 1, стр. 134; кн. 2, стр. 696, 697. Курсив везде мой. — В. Б.

установившего, что эманации анчара не обязательно являются смертельными.

Рассказав о различном состоянии двух яванцев, лазивших на дерево за ядом (см. выше, стр. 315), Лешено продолжает: «После этого, приказав срубить одно из этих деревьев, имевшее около 4 футов в окружности, я ходил среди сломанных ветвей, мои руки и даже лицо были покрыты смолой, которая капала на меня, но я не испытывал никаких болезненных явлений: правда, я из предосторожности тотчас же вымылся. Приближение к анчару не вредно для животных, я видел ящериц и насекомых на его стволе и птиц, сидящих на его ветвях» (стр. 477).

Вместе с тем Лешено установил, что «опас» анчара имеет смертоносную силу только в соприкосновении с кровью человека или животного, когда даже легкое ранение влечет за собой неизбежную смерть. Именно этим и пользовались яванцы. Они добывали «смолу», или, вернее, «сок», анчара, делая зарубки на коре дерева, и отравляли этим соком маленькие стрелы. Обобщая литературные данные, в том числе заимствованные из исследований Лешено, С. Городецкий в цитированной выше диссертации об анчаре рассказывает об этом следующее: «... „Uras Antjar“ играл немаловажную роль в первоначальной борьбе туземцев Малайского Архипелага с голландцами, когда исключительным оружием аборигенов служили лишь копья и стрелы, пускаемые из духовых трубок, так называемых сарбаканов. Как известно, оружие последнего рода представляет собой сквозную трубку бамбукового ствола, в которую кладется тоненькая и маленькая в 8—12 сантиметров деревянная стрелка с отравленным острием... Стрелка производит обыкновенно лишь поверхностную ранку, или же дело ограничивается простою царапиной, но при отравлении острия ядом „Uras Antjar“... быстрая смерть от этой ничтожной раны неизбежна...; при первоначальных завоеваниях Голландии, во второй половине XVII и в XVIII столетиях, войскам ее приходилось очень плохо в партизанской войне с туземцами Малайского архипелага, скрытно и без малейшего шума поражавшими солдат в лесных чащах отравленными стрелами, причем враг оставался постоянно невидимым и неуязвимым».¹²

В своих исследованиях Лешено стремился к тому, чтобы разрушить многие фантастические вымыслы и легенды, окружавшие «дерево яда»; однако он всё же должен был признать, что по сообщениям, которые получены были им самим во время его пребывания на Яве, где-то на этом острове, во владениях некоего местного властителя, отдаленных от более населенных местностей и где ему самому побывать не пришлось, действительно рос анчар, «губящий дыханьем», к которому опасно было приближаться. По данным, собранным Лешено, анчары этого вида, яд которых был более силен, чем у других, известных ему, в то время встречались на Яве уже гораздо реже, чем в прежние годы; исчезновение этих растений засвидетельствовано и более поздними исследователями.¹³

¹² С. Городецкий. Анчар... стр. 10—11.

¹³ Ф. Юнгхун, известный исследователь Явы, утверждает, что «анчар принадлежит к числу редких растений Явы» и что «в его время (40—50-е годы) дерево встречалось лишь в лесах юго-востока Явы, редко и очень рассеяно, преимущественно в местности Madin и Banjuwangi (Banjuwangi — город и маяк на берегу пролива Bali, в резидентстве Besuki, занимающем конечную восточную часть Явы)»; характерно, что приблизительно именно здесь, по сведениям Лешено, встречались анчары с особой силой яда; см.: F. Jungkun. Java. 2-te Ausg., Leipzig, 1857, стр. 260. По сведениям, собранным на Яве В. А. Тихомировым в 90-х годах, «анчар на Яве почти исчез вместе с истреблением лесов и сохраняется лишь в ботанических садах острова» (С. Городецкий. Анчар... стр. 6—7).

Лешено рассказывает об этом так: «Яванцы, жители тех самых мест, где добывается упас, не преувеличивают его силы, но в Bagnia-vangni (sic) утверждают, что анчары (les antiar) в прежние годы давали яд более активный, чем в настоящее время, и что и сейчас еще в Bali проживает некий царь, или „густы“ (un roi ou gousti),¹⁴ обладающий в своих владениях анчаром, упас которого настолько силен, что люди умирают даже от вдыхания его испарений. Я поручил написать этому царьку (à se petit roi) страны, называемой Karan-assam, чтобы раздобыть для себя и этот предполагаемый яд, но моя просьба осталась напрасной» (стр. 480).

Указанное место исследования Лешено представляет для нас особый интерес. Как видим, несмотря на всю ученую трезвость автора, рассказ всё же оставлял простор для поэтических истолкований «древа яда» и даже в известной степени подтверждал реальную основу всех легенд, сложившихся о нем ранее. Все рассказы Лешено о произведенных им исследованиях легко могли служить импульсами для поэтического переосмысления и истолкования. Упоминаемый им властитель, во владениях которого, не доступных для путешественников, произрастает губительный анчар, также получает свое значение в общем комплексе сообщений им данных: характерно, что Лешено не знает, как его именовать — «царем» или «царьком» («roi» или «petit roi»), или «великим», «владыкой» («gousti»), что могло предопределить и колебания Пушкина (упомянутые в «Анчаре» царь или князь), и созданный им образ царя в «шалаше», на «посланных лыках», — образ, способный вызвать недоумение читателя, если не помнить о «яванском» колорите стихотворения и о его источниках.¹⁵

Указанная работа Лешено может вообще объяснить многие такие подробности в процессе сложения «Анчара», помимо указанных выше, какие могли бы показаться случайными в различных вариантах черногого текста стихотворения. Так, например, в начале своей статьи Лешено объясняет, что растительные яды распространены в обоих полушариях и что яды эти содержатся как в корнях, так и в стеблях растений. У Пушкина:

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила,
И зелень мертвую ветвей
И корни ядом напоила.

Лешено приводит также некоторые подробности относительно ядовитых растений Африки, соком которых туземцы отравляют свои стрелы. Может быть, именно этими данными объясняется находящийся в черновой рукописи Пушкина вариант этих стихов:

Природа Африки моей
Его в день гнева породила

¹⁴ «Густы» — яванское слово, означающее «великий», т. е. владыка, старейшина.

¹⁵ Л. Н. Толстой, по словам его сына С. Л. Толстого, «про стихотворение „Анчар“... говорил: „По этому прекрасному стихотворению видно, как поэты связаны рифмой. Слово «лыки» понадобилось для рифмы к «владыки»; а какие лыки могут быть в пустыне?»» (С. Л. Толстой. Очерки былого. Гослитиздат, М., 1949, стр. 83). Л. Толстой не учитывал «яванского» колорита стихотворения, а также и того, что слово «пустыня» означало для Пушкина не непременно песчаную равнину, но уединенное, недоступное людям место; в данном же случае яд анчара, убивающий всё живое, создает вокруг него пустоту; но жилище владыки вовсе не обязательно мыслится среди пустыни, напротив, оно расположено далеко от анчара. Нельзя, однако, не отметить безусловную уверенность Л. Толстого в конкретности и реалистичности описания Пушкина.

И жилы мощные корней
Могучим ядом напоила.¹⁶

Тем не менее, пока в нашем распоряжении не имеется точных свидетельств относительно того, что в руках Пушкина был шестнадцатый том «Анналов» Музея естественной истории, изданный в Париже в 1810 году, где напечатана указанная статья Лешено, мы можем говорить об этом лишь предположительно. Пушкин мог пользоваться и самым текстом этой статьи и какими-либо ее изложениями;¹⁷ во всяком случае, не подлежит никакому сомнению, что его источники не восходят только к XVIII веку, что они относятся и к более позднему времени и что прямо или косвенно основной источник находится в связи с исследованиями об анчаре Лешено.¹⁸

Исследования Лешено об анчаре появились еще в первые десятилетия XIX века, но они пользовались известностью и на них постоянно ссылались все, писавшие об анчаре после него.¹⁹ Смерть Лешено в 1826 году заставила вспомнить о них и в печати, в посвященных ему некрологических статьях. Однако немалую роль в оживлении любопытства к яванскому «древу яда» сыграли обстоятельства другого рода.

В 1825 году на Яве вспыхнуло мощное народное восстание против колонизаторов-голландцев, так называемая «яванская война», охватившая ряд провинций страны и продолжавшаяся до 1830 года, самое крупное восстание против голландского владычества в XIX веке. Голландцы принимали самые суровые меры против яванских повстанцев; они пытались подавить восстание военной силой и самыми жестокими расправами с «мятежниками», не гнушались также и подкупами яванских феодалов. Но все эти меры были тщетными в течение многих лет, настолько мощными были народные силы, крепнувшие с каждым годом, и ненависть яванцев к своим унетателям. Только через пять лет, в 1830 году, восстание было подавлено. Именно в эти годы оживились рассказы о Яве и различных яванских диковинках, в том числе и рассказы о ядовитых стрелах, некогда внушавших панический страх голландским регулярным войскам; вместе с тем обновился интерес и к смертоносному дереву — анчару, из которого добывался яд.

Русская печать того времени также не прошла мимо восстания на Яве 1825—1830 годов. В «Северной пчеле» начиная с первых месяцев 1826 года начали мелькать довольно подробные сообщения о восстании на Яве и о тех военных неудачах, которые сопровождали действия голландских колониальных войск. Так, например, уже в № 15 от 4 февраля 1826 года «Северная пчела» писала: «Сообщают в английских газетах о восстании яванцев на нидерландское правительство: „Родиндепоро, род-

¹⁶ Акад., т. III, стр. 133, 693.

¹⁷ Более чем вероятно, что работа Лешено должна была быть известной М. А. Максимовичу, в 1827 году защитившему магистерскую диссертацию «О системах растительного царства»; ботаническими работами его интересовался и Пушкин. Стоит отметить в этой связи, что с Максимовичем Пушкин встречался в 1828 году, т. е. в год создания «Анчара».

¹⁸ С. Городецкий (Анчар... стр. 6—7), ссылаясь на работу Лешено, не обратил, однако, внимания на то, что она имеет интересные параллели к стихотворению Пушкина. Об «Анчаре» С. Городецкий по традиции утверждал, что Пушкин воспользовался для своей баллады только «народными сказаниями далекого востока» и что он написал ее «сообразно авторам XVII и XVIII столетий, заимствовавшим свои рассказы об анчаре частью из несомненных фактических данных, частью же, и притом в степени несомненно большей, из народных сказаний жителей Явы и Суматры».

¹⁹ Можно отметить, что научная работа Лешено с ядовитых растениях острова Явы: заслужила высокую оценку Александра Гумбольдта.

ственник королевской фамилии Югера Карлера, предводительствуя значительную силу, начал мятеж. Он принудил голландцев запереться в крепости Соло, но, не употребив достаточной силы, дал время генералу де Коку собрать войско. Родиндепоро поныне еще не побежден; сомневаются, однако же, чтобы он мог противостоять армии генерала де Кока» и т. д. В той же «почти официальной» петербургской газете следующих лет (1827—1828) помещались уже более угрожающие известия о яванском восстании — о численном росте повстанческих отрядов, об их искусной тактике, о больших потерях в голландских войсках и т. д.; в этих сообщениях назывался по имени главный руководитель восставших Дипо Негоро, проявлявший неистощимую энергию, воинское искусство и личную храбрость, глубоко чтимый и в настоящее время в Индонезии как один из важнейших вдохновителей национально-освободительной борьбы яванцев против колонизаторов.²⁰ Сошлемся, например, на «Северную пчелу» от 15 марта 1828 года (№ 32), где сообщалось: «Из Батавии получены известия... неблагоприятные для Нидерландов. Льстили себя надеждою, что главный предводитель инсургентов, Диэпо-Негаро (sic) заключит мир и покорится, но тщетно. Война возобновилась по-прежнему; неприятели являются толпами в 200—600 человек. Нидерландские колонны оставляют лагерь, идут навстречу туземцам, делают несколько выстрелов из пушек и ружей и неприятели рассыпаются столь поспешно, что редко удается коннице настичь их и почти никогда не бывает пленных; еще реже оставляют яванцы убитых на поле сражения и посему никогда не можно определить их потери...» и т. д.

Трудно предположить, чтобы Пушкин не знал о восстании на Яве, поскольку известия о ходе военных действий на этом острове часто встречались на страницах многих иностранных и русских газет и журналов второй половины 20-х годов. Очень вероятно, что ему было известно и имя Дипо Негоро.²¹ Во всяком случае, в своем «Анчаре» — стихотворении, безусловно написанном на «яванскую» тему, он с полным основанием мог говорить о «князе», о «непобедимом владыке» (вместо «непобедимого» первоначально было написано «самодержавного»), посылавшем «смерть пернатую» — напитанные ядом «попослушливые» (или «губительные», «догадливые») стрелы — в «чуждые пределы» к «соседам»: трудно удержаться от предположения, что, создавая эти стихи, Пушкин по ассоциации мог вспоминать о яванской национально-освободительной войне с иноземными угнетателями; но образ «князя», «владыки» был при этом коренным образом переосмыслен и наполнен иным содержанием.

Следует также иметь в виду, что яванское восстание 1825—1830 годов было одной из причин, способствовавших возбуждению в европейском обществе интереса к географии и истории Явы, к природе и климатическим особенностям этой страны, к ее городам и жителям и т. д. В эти годы, например, на различных европейских языках появлялись переводы и извлечения из замечательного труда о Яве, принадлежавшего перу англи-

²⁰ Дипо Негоро (или Негара, 1785—1855) был сыном султана в Джокьякарте, отстраненным голландцами от престолонаследия; толчком к началу восстания в 1825 году послужила неудачная попытка ареста Дипо Негоро голландскими властями. Дипо Негоро, провозглашенный султаном, в течение пяти лет возглавлял народно-освободительное движение на Яве, но в 1830 году всё же был вероломно захвачен голландцами и умер в ссылке.

²¹ «Бунтовщик Дипо-Негаро» назван в «Северной пчеле» (1828, № 30, 10 марта) в «Исторических, хронологических и генеалогических известиях о примечательнейших государях Азии и Северной Америки на 1828 год».

чанина Томаса Стемфорда Рафльза, впервые изданного в Лондоне в 1817 году и переизданного там же в 1830 году, уже после смерти автора.²² Труд Рафльза в переводе на французский язык был издан в Брюсселе в 1824 году, под заглавием «Описание острова Явы» («Description de l'Isle de Java»); именно из этого перевода заимствована была и опубликованная в «Северной пчеле» от 9 июля 1825 года одна глава — «О литературе и нравах жителей острова Явы». Переводы, извлечения и пересказы из труда Рафльза делались в то время во многих западноевропейских изданиях. Любопытно подчеркнуть в связи с этим, что в книге Рафльза имеется и особая рубрика, названная «Упас, или дерево яда» («Uras, or poison-tree»),²³ очень подкрепившая интерес к анчару в 20—30-е годы. Очень вероятно, например, что в тесной зависимости от книги Рафльза находится очерк Бальзака «Путешествие на Яву», опубликованный в 1832 году, с включенным в него рассказом об «упасе — дереве смерти», который уже приводили в качестве параллели к стихотворению Пушкина.²⁴

²² T. S. Raffles. The History of Java, vol. I—II. London, 1817. Сэр Томас Стемфорд Рафльз (1781—1820) был губернатором Явы в тот короткий период (1811—1816), когда во время наполеоновских войн власть над островом временно перешла к англичанам.

²³ То же, vol. I, стр. 43—49. Рафльз писал свой очерк об «упасе — дереве яда» отчасти на основании сведений, помещенных в книге Марсдена «История Суматры» (W. Marsden. History of Sumatra. Изд. 3-е, стр. 176), главным же образом по материалам отчета Т. Хорсфильда в «Batavian Transactions», vol. VII, где даются все основные сведения о ядовитом дереве «Anchar».

²⁴ Б. А. Грифцов в примечаниях к своему очерку (О. де Бальзак, Собрание сочинений, т. XX, Гослитиздат, М., 1947, стр. 288) первым указал, что то, что рассказывает Бальзак об упасе, «является наиболее близкой из всех, до сих пор указанных, аналогий к „Анчару“ Пушкина», но прибавил, что «о подражании не может быть и речи», так как «Путешествие на Яву» Бальзака напечатано было одновременно с «Анчаром» — в 1832 году. «Весьма вероятно, — прибавляет Б. Грифцов, — что источником для обоих писателей послужило какое-нибудь „Путешествие на Восток“ на французском языке». Это замечание Б. Грифцова вполне справедливо, но оно может быть в настоящее время уточнено: основным источником очерка Бальзака, вероятно, была книга Рафльза в брюссельском издании 1824 года; не исключена, однако, возможность, что ему могло быть известно и исследование Лешено. Тем не менее упомянувший об очерке Бальзака Д. Д. Благой и на этот раз заметил, что близость обоих описаний «упаса»-анчара у Пушкина и Бальзака «объясняется, очевидно, всё тем же: оба восходят к одному источнику — сообщению Фурша» (Д. Д. Благой, ук. соч., стр. 106). Не следует, однако, и преувеличивать близость описаний «древа смерти» у Пушкина и у Бальзака, несмотря на действительно существующее между ними некоторое сходство. Оно не настолько значительно, чтобы можно было утверждать, вместе с Б. Грифцовым, будто описание Бальзака является «наиболее близкой из всех, до сих пор указанных, аналогий» к стихотворению Пушкина. В частности, рассказ Бальзака совершенно лишен той патетической силы и той философской глубины, которой отличается стихотворение Пушкина; при этом он несколько растянут и риторичен. Сведения об упасе, которыми располагал Бальзак, значительно отличаются от данных Фурша. У Бальзака уже приняты во внимание новейшие научные данные об упасе-анчаре, полученные только после опытов Лешено: «Вполне понятно, что натуралисты ограничиваются предположениями насчет этого дерева, единственного, недоступного наблюдению, которое не терпит возле себя ни фланеров, ни художников и ускользнуло от нашей всемогущей литографии. Но поскольку не принято, чтобы наука заблуждалась, то ученые смело включили его в разряд стрихнининосных, доверившись утверждениям яванцев» (О. де Бальзак, Собрание сочинений, т. XX, стр. 147). Далее Бальзак рассказывает, что ему удалось наблюдать в подворную трубку это дерево, и описывает его. Некоторые подробности («У яванского упаса нет соперников... Только один представитель этого рода достиг такой высоты. Мне показалось, что он достигает девяноста или даже ста футов»; «если и встречались деревья этого семейства (допустим, что упас принадлежит к семейству стрихноса), они оказывались неопасными») и т. д.; стр. 148, 149) имеют аналогии с рассказами Лешено. Однако Бальзак не пользуется названием «анчар», которое приводит Рафльз, цитируя Хорсфильда (T. S. Raffles. The History of Java, vol. I, стр. 44).

Несколько позже, в 1835 году, появились в журнале А. Н. Очкина «Детская библиотека» два коротких рассказа, помещенных в отделе «Путешествий»: один — «Остров Суматра» с описанием «ужасного дерева», на которое «клеветуют»,²⁵ другой — «Заразительная долина на Яве», где описывается долина, называемая «Гюэпо-упас», лежащая «при подошве высокой горы» и покрытая костями «тигров, оленей»; здесь же упоминается о гибели «тех мятежников, которые во время последних войн, скрываясь от гнавшихся за ними солдат, искали убежища в Гюэпо-упас, не зная судьбы, какая их ожидала там».²⁶ Рассказы эти во многом примечательны.

Они написаны, по-видимому, на основании данных «Истории Суматры» Марседена, на которые опирался Т. Рафльз, а может быть, и по материалам труда самого Рафльза. Можно предполагать, что оба рассказа принадлежат одному автору, и подпись под одним из них «А. И.» позволяет с большим основанием видеть в авторе Александре Осиповну Ишимову (1804—1881) — талантливую детскую писательницу и переводчицу, которую Пушкин очень ценил (последние строки, написанные им перед дуэлью 27 января 1837 года, являются, как известно, письмом литературного содержания к А. О. Ишимовой). Некоторые детали рассказов заставляют вспомнить черновые рукописи пушкинского «Анчара», где мы видим такие варианты:

В пустыню смерти забежав
Гонимый тигр падет и бьется —
Ол<ень> <?>

*

Не смеет лань

*

И тигр, в пустыню забежав,
В мученьях быстрых издыхает,
Паря над ней, орел стремглав,
Кружась, безжизненный, спадает.²⁷

Среди этих и других вариантов набросаны рисунки, относящиеся, очевидно, к стихотворению: дерево, растущее на крутом склоне горы; стремглав несущийся олень с закинутыми рогами;²⁸ человек со связанными за спиной руками, идущий понурирав голову. Всё это заставляет думать, что и «Анчар» Пушкина, и рассказы в «Детской библиотеке» восходят к одним и тем же источникам — к трудам Рафльза, Марседена и Лешено. Во всяком случае, рассказы Ишимовой, напечатанные при жизни Пушкина, дают наиболее близкие аналогии к некоторым черновым вариантам «Анчара», которых писательница, разумеется, не могла знать из его рукописей.²⁹

²⁵ «Детская библиотека», 1835, ч. II, № 5, стр. 103, 104.

²⁶ То же, ч. I, № 1, стр. 18—19.

²⁷ Акад., т. III, кн. 2, стр. 695, 700.

²⁸ В описании «Рукописей Пушкина, хранящихся в Пушкинском Доме» Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского (М.—Л., 1937, стр. 43, № 102) рисунок обозначен как «бегущее животное (заяц?)». Вероятнее, однако, что это — изображение оленя.

²⁹ Стихотворение Пушкина находило отражения и в позднейшей литературе: о нем вспомнил автор статьи в «Современнике» (1849, т. XV, № 6 (июнь), отд. II, стр. 102) — «Американский яд урари»; в сборнике «Сто русских литераторов» (т. II, 1841, стр. 347—350) помещено было стихотворение К. П. Массальского «Дерево смерти» — о растущем в лесах Америки дереве, «которое умерщвляет всякого, кто под ним садится», как отмечал в своей иронической рецензии Н. А. Некрасов (Полное собрание сочинений и писем, т. IX, Гослитиздат, М., 1950, стр. 22).

Подведем некоторые итоги. Все приведенные в настоящем сообщении данные, думается, заставляют пересмотреть заново вопрос о том, какими источниками сведений об анчаре пользовался Пушкин, создавая свое стихотворение. Мы полагаем, что нет никакой необходимости придерживаться ставшего уже традиционным утверждения, что единственным источником поэта было старое сообщение Фурша, извлеченное им из «Детского чтения». Источники Пушкина были гораздо более новыми и животрепещущими. Данные об анчаре входили в тот комплекс сведений о Яве, который приобрел особую актуальность во второй половине 20-х годов, в период «яванской войны»; Пушкин написал свое стихотворение в 1828 году, в тот самый год, когда яванское восстание приняло особенно сильный размах. К его «Анчару» и надо прежде всего подходить как к стихотворению на яванскую тему, написанному в яванском духе и по материалам, непосредственно ведущим нас к описаниям этого острова и к трудам по его истории, появившимся в 20-е годы, в которых нередко встречались и имя Лешено, и сведения о его ботанических изысканиях на Яве; не исключена, однако, возможность, что Пушкину могла быть известна и статья об анчаре Лешено 1810 года. «Яванский» колорит стихотворения объясняет и делает естественным повторяемый в рукописях и в последнем печатном тексте термин «князь», вызвавший долгие и, кажется, беспредметные споры.

Это, разумеется, не умаляет общественно-политического значения пушкинского «Анчара»; стихотворение не только допускает многообразные аллюзии и даже весьма конкретные применения высказанных в нем мыслей к русской действительности того времени, но неизбежно подсказывает и внушает их читателю. Вскрытие данных, послуживших Пушкину источниками и материалом при создании «Анчара», даже усиливает указанное значение стихотворения в истории развития общественно-политической проблематики в творчестве Пушкина. Лишь прослеживая все этапы творческой истории этого стихотворения, начиная от самого первого момента зарождения его замысла, мы можем понять, какой художественной силы достиг поэт в своих социально-философских обобщениях. Именно эта художественная сила резко выделила «Анчар» из всех произведений на тему о «древе смерти», написанных и до и после стихотворения Пушкина, которое, как и изображенное им «древо», возвышается одиноко «во всей вселенной», среди всех литератур мира.

Г. М. КОКА

СТИХОТВОРЕНИЕ «К БЮСТУ ЗАВОЕВАТЕЛЯ»

1

В 1828—1829 годах Пушкин написал стихотворение «К бюсту завоевателя»:

Напрасно видишь тут ошибку:
Рука искусства навела
На мрамор этих уст улыбку,
А гнев на холодный лоск чела.
Недаром лик сей двуязычен.
Таков и был сей властелин:
К противочувствиям привычен,
В лице и в жизни арлекин.

В 1830 году Пушкин отделал текст и датировал рукопись 21 сентября. В 1831 году он включил его в список произведений, намеченных к печати.¹ Однако в третьей части «Стихотворений» Пушкина, вышедшей в 1832 году, его не оказалось, и стихотворение «К бюсту завоевателя» было напечатано впервые только П. В. Анненковым в 1855 году.²

В рукописи стихотворения имеются варианты его заглавия: «Бюст Завоевателя», «Кумир Наполеона», «Бюст Наполеонов».³ Однако издавна установилось мнение, что в действительности Пушкин имел здесь в виду Александра I. Это утверждал, в частности, еще П. И. Бартенев, писавший: «... известные стихи, которые Пушкин, по обычаю своему, прикрыл заглавием „К бюсту завоевателя“ и которых, впрочем, сам не напечатал, изображают Александра Первого. Пушкин без сомнения видел его мраморный бюст (ныне украшающий собою один из зал императорской Публичной библиотеки), изваянный Торвальдсеном...: прекрасный лоб с морщиною, а на устах приветливая екатерининская улыбка».⁴ Мнение о том, что Пушкин говорит о бюсте Александра I и именно работы Торвальдсена, утвердилось после того, как в 1922 году был опубликован руко-

¹ Рукою Пушкина. Изд. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 256.

² Пушкин, Полное собрание сочинений, т. III, кн. 2, Изд. Академии наук СССР, 1949, стр. 1200. Анненков, публикуя стихотворение, сказал о его направленности очень глухо: «По сю сторону Кавказа он <Пушкин> встречает где-то бюст Завоевателя — и пишет к нему» (следует текст стихотворения) (Пушкин, Сочинения, т. I, изд. П. В. Анненкова, СПб., 1855, стр. 222).

³ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. III, кн. 2, 1949, стр. 801.

⁴ П. Бартенев. О стихотворении Пушкина «Памятник». «Бумаги А. С. Пушкина», вып. I, М., 1881, стр. 201; см. также: П. Бартенев. Несколько замечаний о Пушкине. «Русский архив», 1899, № 12, стр. 616. П. А. Ефремов в примечаниях к стихотворению (А. С. Пушкин, Сочинения. Редакция П. А. Ефремова, т. VIII, изд. А. С. Суворина, СПб., 1905, стр. 309—310) повторил это утверждение, сославшись на Бартенева.

Бюст Александра I работы скульптора Б. Торвальдсена. Мрамор. 1820.
Государственный Эрмитаж.

писный отрывок Пушкина,⁵ содержащий в себе запись аналогичного по содержанию отзыва знаменитого датского скульптора Б. Торвальдсена (Albert-Bertel Thorwaldsen, 1768—1844); под именем «известного человека» в этой записи, конечно, следует иметь в виду того же Александра I, имя которого Пушкин побоялся назвать и в стихотворении. Датируется отрывок предположительно (по положению в черновой рукописи) 1828 годом: «Торвальдсен, делая бюст известного человека, удивлялся странному разделению лица впрочем прекрасного — верх нахмуренный, грозный, низ выражающий всегдашнюю улыбку. — Это не нравилось Торвальдсену. *Questa è una bruta figura*».⁶

Во всех изданиях сочинений Пушкина в комментариях обычно указывается на связь между записью и стихотворением, подтверждающую, что там и здесь идет речь об Александре I, скульптурный портрет которого был изваян Б. Торвальдсеном в 1820 году.⁷

В комментариях Ю. Г. Оксмана к записи в юбилейном издании «Academia» указывается, со ссылкой на В. В. Стасова,⁸ что Пушкин мог иметь в виду бюст Александра I работы не Торвальдсена, а знаменитого русского мастера И. П. Мартоса, так как «бюст... работы Торвальдсена не известен».⁹ Но в этом случае пришлось бы предположить, что Пушкин спутал имена двух современных ему знаменитых скульпторов, что почти невероятно. Гораздо естественнее предположить в данном случае ошибку не Пушкина, а В. В. Стасова, для которого бюсты обоих мастеров, как представителей столь ненавистного ему в это время «академизма», были безразличны, мало отличались один от другого. Трудно считать автором бюста, о котором говорит в записи Пушкин, Мартоса, основываясь на предположении, что отрывок и стихотворение Пушкина вообще не связаны между собой. Мнение Ю. Г. Оксмана о том, что бюст Торвальдсена

⁵ Неизданный Пушкин. Собрание А. Ф. Онегина. Труды Пушкинского Дома при Российской Академии наук, изд. «Атеней», Пгр., 1922, стр. 182.

⁶ «Вот грубая физиономия» (итал.). Приведенный текст уточнен по авторской рукописи Б. В. Томашевским (см. VII том малого Академического издания, 1958, стр. 513). Во всех изданиях, начиная с первой публикации в сборнике «Неизданный Пушкин» (Пгр., 1922, стр. 182), последняя русская фраза ошибочно печаталась так: «Это нравилось Торвальдсену». Двойственное выражение лица Александра I и не могло «нравиться» Торвальдсену, так как он добивался в своих работах полной определенности, законченности, гармонического соответствия всех частей. Противоречивость выражения для скульптора-классика была лишь дополнительной трудностью, осложняющей задачу совмещения портретного сходства с «красотой».

⁷ В комментариях к третьему тому «Полного собрания сочинений» А. С. Пушкина в десяти томах (Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1950, стр. 501) сказано: «полагают, что здесь говорится о бюсте Александра I». Аналогичная формулировка: «Предполагают, что Пушкин имел в виду бюст Александра I, изваянный Торвальдсеном», — была дана в «Сочинениях» А. С. Пушкина издания 1936 года (редакция, биографический очерк и примечания Б. Томашевского, Гослитиздат, Л., стр. 887).

⁸ «Рассматривая бюст императора Александра, работы Мартоса, тогда славившийся, он <Пушкин> не про совершенства скульптуры думал, а лишь про сущую правду изображения», — писал Стасов (Двадцать писем Тургенева и мое знакомство с ним. «Северный вестник», 1888, № 10, стр. 182). Ошибка Стасова не случайна: бюст Торвальдсена был тогда забыт, а колоссальный бюст работы Мартоса (1822; высечен из мрамора Б. И. Орловским), поставленный в торце главного зала петербургской Биржи, был одной из достопримечательностей города. Александр I изображен здесь в одежде римского полководца, что легко ассоциировалось с «Завоевателем» (об этом бюсте см.: Н. К о в а л е н с к а я. Мартос. Изд. «Искусство», М.—Л., 1938, стр. 116—фото, 113 — описание).

⁹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в шести томах. Под общей редакцией М. А. Цявловского, т. V, изд. «Academia», М.—Л., 1936, стр. 643; см. также: А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в девяти томах. Под общей редакцией М. А. Цявловского, т. IX, Изд. «Academia», 1937, стр. 665.

«не известен», фактически неверно, так как в 1828 году в России уже существовало, кроме первоначального оригинала, еще около десятка повторений и копий этого бюста.

Несмотря на то, что политическая направленность стихотворения «К бюсту завоевателя» никогда не оспаривалась, специального внимания исследователей оно до сих пор почти не привлекало.¹⁰ Авторы многочисленных работ, посвященных политической лирике Пушкина, по большей части обходят молчанием это стихотворение, характеризуя отношения Пушкина к Александру I при помощи других его произведений, относящихся к 10-м и первой половине 20-х годов. Этот факт легко объясняется тем, что до сих пор не выяснены конкретные поводы появления на свет этого стихотворения и поэтому его место в лирике Пушкина также остается неясным.

Известно, что Пушкину было ненавистно лицемерие Александра I. Но ведь в 1829 году Александра уже не было в живых. В это время на троне был другой «царь-лицедей»,¹¹ от лицемерия которого Пушкин страдал еще более. Почему же в это время внимание Пушкина привлек к себе облик умершего царя Александра I? Что привело Пушкина в 1829 году к тематике его юношеских стихов, в которых он «подсвистывал» Александру I, и напомнило о старом скульптурном изображении умершего царя, — об этом можно только догадываться. Разговорная интонация первых строк стихотворения заставляет предположить, что оно является продолжением какого-то спора. Но кому тут возражал Пушкин, чью характеристику Александра I он признал ошибочной, чье мнение оспорил, — не объяснялось. А не зная этого, трудно понять, в чем заключалась злободневность стихотворения для времени его создания и, следовательно, какое место занимает оно в политической лирике Пушкина второй половины 20-х годов.

Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо обратиться непосредственно к предмету стихотворения — самой скульптуре.

2

Бюст Александра I работы Торвальдсена не воспроизводился и не был описан ни в работах по Пушкину, ни в специальной искусствоведческой литературе. В Государственном Эрмитаже хранится его авторское повторение, вышедшее из мастерской Торвальдсена и им подписанное.¹² Александр

¹⁰ Кроме комментариев в собраниях сочинений Пушкина, можно указать лишь на упоминания об этом стихотворении в книге В. Глинки «Пушкин и военная галерея Зимнего дворца» (Л., 1949, стр. 72) и в статье Б. С. Мейлаха «Пушкин и его эпоха» («Звезда», 1949, № 3, стр. 170).

¹¹ Слова Ф. И. Тютчева о Николае I из стихотворения «Не богу ты служил и не России...» (Ф. И. Тютчев, Полное собрание стихотворений, т. II, изд. «Academia», М.—Л., 1934, стр. 90).

¹² Эрмитажный экземпляр поступил сюда в 1919 году из собрания Воронцова-Дашкова; в экспозиции он находится с 1956 года. В экспозиции Екатерининского дворца-музея в городе Пушкине до 1941 года был мраморный бюст того же типа, без подписи, и числящийся как копия, но в действительности бывший, вероятно, одним из авторских повторений. В фондах Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина (Москва), в Картинной галерее Армянской ССР (Ереван) и некоторых других музеях имеются другие экземпляры того же бюста, тогда же исполненные в мастерской Торвальдсена в Риме по заказам русских вельмож (см.: А. М. Матушкин и И. Торвальдсен и его произведения. «Русский вестник», 1865, т. 58, стр. 492—493).

изображен в римском плаще, с круглой пряжкой (фибулой) на плече, грудь его полуобнажена. Черты лица несколько обобщены, идеализированы: Александр I представлен более молодым. Губы сжаты, но несколько вытянуты и образуют приветливую полуулыбку, как на распространенных портретах Александра I типа А. И. Волкова и Ж.-Б. Изабе. Но верхней половине лица в этом бюсте, в отличие от других изображений царя, придано напряженное, можно сказать, мрачное выражение: на переносице глубокие складки, на лбу — морщины и бугры, брови резко нависли.

Эрмитажный экземпляр бюста не имеет надписи: «Александр, император и самодержец Всероссийский, царь Польский», которая, по словам П. Свиньина, была высечена на оригинале.¹³

Этот бюст работы Торвальдсена является одним из очень немногих достоверных, т. е. исполненных с натуры, портретов Александра I, который, несмотря на свое тщеславие, избегал позировать художникам.¹⁴ Царя не писал с натуры ни один из русских художников. Из иностранцев, после англичанина Т. Лоуренса (1815) и француза Ф. Жерара (тогда же), было сделано исключение только для двоих — живописца Доу и скульптора Торвальдсена.¹⁵ Заказ на исполнение бюста Александр I сделал Торвальдсену во время пребывания своего в Варшаве, в октябре 1820 года,¹⁶ когда скульптор также находился в польской столице в связи с сооружением здесь по его проекту памятника Копернику. Памятник этот воздвигался по общественной инициативе, и автор проекта — знаменитый европейский мастер — был почетным гостем польского общества. Александр I дал Торвальдсену в период с 4 по 14 октября 1820 года четыре сеанса, после чего наградил и похвалил мастера. С окончанием работы скульптора не торопили, и только в октябре 1823 года бюст, высеченный в мраморе, был, наконец, привезен из Рима в Петербург. Однако он не попал ни в один из петербургских дворцов, ни в эрмитажные залы. В течение некоторого времени он находился в доме Министерства иностранных дел.¹⁷ Дальнейшее местопребывание бюста не известно.

¹³ П. Свиньин. Взгляд на новые отличные произведения художеств, находящиеся в С.-Петербурге. «Отечественные записки», 1823, ч. 16, стр. 462.

¹⁴ На это указывает Д. А. Ровинский: Подробный словарь русских гравированных портретов, т. I. СПб., 1886, стр. 39—40; см. также: П. Свиньин. Выставка в Академии художеств. «Отечественные записки», 1827, ч. 32, стр. 140.

¹⁵ На протяжении первой трети XIX века Торвальдсен, наравне с которым стоял только Канова, был признанным главой европейских скульпторов: целое поколение ваятелей является его более или менее близкими учениками. Наибольшей славой пользовался Торвальдсен как автор мифологических композиций и монументальных памятников. Когда русский посол в Риме Г. И. Гагарин захотел наилучшим образом отрекомендовать молодого Б. И. Орловского, он нашел для этого такие слова (в письме к А. Н. Оленину от 6 января 1828 года): «Орловский... сочиняет, как Торвальдсен, и отделяет мрамор, как Канова, это соединение обоих преимуществ» (Государственный Русский музей, ф. 56, д. 18, стр. 43).

¹⁶ Подробные данные об истории создания бюста содержится в монографии датчанина И. Тиле, имеющейся в немецком переводе: J.—M. Thiele. Thorwaldsen's Leben, Bd. 2. Leipzig, 1856, стр. 39—42. Более новые труды, в которых содержалась бы оценка интересующего нас бюста, так же, как и многих других работ, выполненных Торвальдсеном для России, нам не известны.

¹⁷ См.: «Журнал изящных искусств», 1825, кн. 3, стр. 51—52. П. И. Бартенев и П. А. Ефремов сообщили, что бюст Торвальдсена был в Публичной библиотеке (см. выше, стр. 324). Это повторил Б. В. Томашевский в примечаниях к «Сочинениям» Пушкина (1936, стр. 887). Об этом же упоминает и В. М. Глинка (ук. соч., стр. 72). Однако в Публичной библиотеке начиная с 1816 года находился бюст Александра I работы русского скульптора В. И. Демут-Малиновского (см.: Путеводитель по императорской Публичной библиотеке. СПб., 1852, стр. 91; фоторепродукцию в издании: Императорская Публичная библиотека за 100 лет. 1814—1914, вклейка между

П. Свиныну, издателю «Отечественных записок», постоянно выступавшему тогда в роли художественного критика, работа Торвальдсена не понравилась. В очередной статье своей художественной хроники, печатавшейся в «Отечественных записках» под заглавием «Взгляд на новые отличные произведения художеств, находящиеся в С.-Петербурге», он, после общих комплиментов Торвальдсену, как художнику, заметил: «Конечно, главное достоинство портретов и бюстов состоит в сходстве: сие последнее соблюдено здесь, по-видимому, в высшей степени: ни одна черта не упущена, всё выполнено с удивительною отчетливостью, везде видно особенное старание художника; но со всем тем, по ближайшем рассмотрении бюста, нельзя быть совершенно довольным сим произведением: ищешь в нем чего-то недостающего, чего-то ускользающего из-под резца знаменитого артиста! — И этот недостаток весьма важен для славы Торвальдсена и характера изображенного им лица: в бюсте сем, кажется, не сохранено ни величия, свойственного монарху русскому, ни того взора великодушия, благоволения, коим Александр привлекает к себе сердца всех, имеющих счастье к нему приближаться, одним словом: в бюсте не видно существенного, характеристического отличия, напечатленного рукой всевышнего на помазаннике своем!» Дальше Свинын придирчиво высказал несколько замечаний о плохой отделке мрамора, о том, что волосы выглядят, как «накладка», что драпри под пряжкой образует огромный пук, и т. п.¹⁸

3

Совсем иначе, чем двор и влиятельный критик П. Свинын, отнеслись к работе Торвальдсена русские художники. Они не могли пройти мимо этого произведения уже по одному тому, что это был единственный в своем роде источник для воспроизведения внешнего облика царя, изображения которого постоянно заказывались по разным поводам русским мастерам. «Общество поощрения художников» позаботилось сделать с бюста отливки, о чем сообщается в «Отчете» Общества за 1824 год: «Снята форма с бюста его императорского величества, произведенного Торвальдсеном и находящегося у г. управляющего Министерством иностранных дел... желая, во-первых, дать возможность публике иметь лик августей-

стр. 48—49), и нет никаких данных, подтверждающих наличие в ней какого-либо другого бюста Александра I. Надпись на бюсте работы Торвальдсена заставляет предположить, что оригинальный экземпляр, принадлежавший русскому двору, нужно искать в Варшаве. Это подтверждается тем, что имеется литографированный портрет Александра I, повторяющий тип Торвальдсена и исполненный в Варшаве неким Луи Летронн. Литография посвящена «его императорскому высочеству главнокомандующему польской армией» (т. е. Константину Павловичу) и имеет ту же надпись (на французском языке), которая была и на бюсте: «Александр I, император Всероссийский, царь Польский» (Материалы к истории Александра I и его эпохи, собранные Н. К. Снягиным, вып. I, Иконография. СПб., 1910, стр. 32, № 366, — здесь и репродукция).

¹⁸ «Отечественные записки», 1823, ч. 16, стр. 460—461. Наиболее авторитетным художественным критиком 20-х годов был В. И. Григорович (знакомец Дельвига). Но, в отличие от Свинына, ему тогда нигде было печататься: издававшийся им «Журнал изящных искусств» в конце 1823 года прекратил свой выпуск из-за недостатка средств и был возобновлен только в 1825 году. Косвенной оценкой бюста Григоровичем является факт репродуцирования, осуществленный «Обществом поощрения художников», в котором Григорович имел большой вес (см.: С. Эрнст. «Журнал изящных искусств». 1823—1825 гг. «Русский библиофил», 1914, № 3, стр. 5—26). Репродукции этого бюста Александр I продавались в 1834 году по 10 рублей за экземпляр (см.: «Список художественным книгам... и прочее, изданным от Общества поощрения художников» — цитируется по книге: Описание нескольких гравюр и литографий. Составил по своему собранию Е. Н. Тевяшов, СПб., 1903, стр. 211).

шего монарха нашего, деланный с натуры; во-вторых, распространить произведение ваятеля, признанного в целой Европе одним из первых нынешнего века; и, в-третьих, доставить случай к беспристрастному сравнению сего бюста с другими существующими доселе, из коих некоторые произведены у нас в России».¹⁹

По разным источникам, журнальным и архивным, устанавливаются четыре имени русских художников, воспользовавшихся работой Торвальдсена как первоисточником для своих изображений Александра I. Это скульпторы Б. И. Орловский, С. И. Гальберг и И. П. Мартос и художник О. А. Кипренский. Вероятно, этот список неполон. Отметим, что все эти художники занимают какое-то место в биографии Пушкина.

В 1823 году увеличенную копию интересующего нас бюста исполнил молодой Б. И. Орловский, находившийся с 1822 года в Риме в качестве ученика Торвальдсена. Эта копия была доставлена в Петербург и впоследствии оказалась в одном из зал Сената. В конце 1828 или в самом начале 1829 года Орловский вернулся в Петербург для участия в конкурсе на сооружение памятников Кутузову и Барклаю на площади у Казанского собора в Петербурге. Одновременно с ним был вызван из Рима и находившийся там с 1818 года скульптор С. И. Гальберг,²⁰ исполнивший свои проекты памятников фельдмаршалам. Одному из них в 1836 году Пушкин посвятил стихотворение «Художнику». Оба скульптора общались с А. Н. Олениным, а Гальберг скоро сблизился с А. А. Дельвигом, исполнил бюсты его самого, а также Крылова, Гнедича, впоследствии — посмертную маску и бюст Пушкина. П. А. Ефремов заявлял, что «Гальберга Пушкин знал лично».²¹ Однако прямых данных для утверждения факта знакомства Пушкина с Орловским или Гальбергом уже в 1829 году у нас нет.

В 1825 году бюст Торвальдсена привлек внимание О. А. Кипренского. В этом году «Журнал изящных искусств» в заметке об О. А. Кипренском сообщил: «Он... сделал некоторые литографические рисунки. Портрет государя императора с бюста Торвальдсена, им налитографированный, есть, по общему мнению, прекраснейшее в своем роде произведение».²²

В. Я. Адарюков и Н. А. Обольянинов²³ описали пять вариантов литографированного портрета Александра I с оригинала Кипренского. Мрачное выражение верхней половины лица Кипренский усилил, тогда как улыбка стала почти незаметной. Некоторые листы (№ 55) имеют цифру XXV, означающую, что портрет этот должен был отметить предстоявшее 12 марта 1826 года двадцатипятилетие царствования Александра I; другие содержат цифру XV, означающую, по словам Шильдера,²⁴ 1815 год — время «умиротворения Европы» после наполеоновских войн. Работа над портретами была, по-видимому, закончена Кипренским уже после

¹⁹ «Журнал изящных искусств», 1825, кн. 3, стр. 51—52.

²⁰ Биографические данные об Орловском и Гальберге см.: Русское искусство. Очерки жизни и творчества художников. Первая половина девятнадцатого века. Под редакцией А. И. Леонова, изд. «Искусство», М., 1954, стр. 379—398, 399—418.

²¹ А. С. Пушкин, Сочинения. Редакция П. А. Ефремова, т. VIII, 1905, стр. 372.

²² «Журнал изящных искусств», 1825, кн. 3, стр. 84.

²³ В. Я. Адарюков и Н. А. Обольянинов. Словарь русских литографированных портретов, т. I, А—Д. М., 1916, стр. 23. Об иконографии Александра I см также: Д. А. Ровинский. Подробный словарь...; Материалы... собранные Н. К. Сивягиным, вып. I, Иконография.

²⁴ Н. К. Шильдер. Император Александр Первый, его жизнь и царствование, т. IV. Изд. А. С. Суворина, СПб., 1905, стр. 633.

смерти Александра I, так как имеется вариант литографии (№ 57) с надписью «Наш ангел на небесах».

Кипренский, как и другие русские художники, не имел возможности зарисовать Александра I с натуры. Избрав в качестве образца тот его облик, который придал ему Торвальдсен, Кипренский, несомненно, основательно изучил иконографию царя, но счел именно это изображение наилучшим. Об этом мы узнаем из его письма С. И. Гальбергу от 21 ноября 1825 года. Он рекомендует своему другу, получившему в это же время заказ на мраморный бюст Александра, также использовать работу Торвальдсена: «Нынешнего государя надобно будет Торвальдсенова держаться больше всех, один только сей портрет и похож, да еще и портрет придется к Вам с моими замечаниями».²⁵ Эти замечания, к сожалению, до нас не дошли.

В четвертый раз упоминание о бюсте Торвальдсена встречается в письме знаменитого скульптора И. П. Мартоса к тому же Гальбергу от 18 июля 1829 года.²⁶ Этот документ наиболее интересен для нас, так как он по времени ближе всего к вероятной дате создания Пушкиным его стихотворения. В это время Мартос работал над памятником Александру I (для Таганрога) и написал о нем Гальбергу: «Князь П. М. (Волконский, министр двора, — Г. К.) был у меня и нашел, что бюст на статуе не очень похож; он говорит, что напрасно я делал с бюста Торвальдсена, он не похож на покойного государя и нехорошо сделан; ему нравится очень бюст Рауха²⁷ и он велел мне скопировать с него; надобно исполнить его просьбу».

Гальберг, к помощи которого прибегнул Мартос, заканчивая статую, подчинился требованию П. М. Волконского. На академической выставке 1830 года, где впервые была выставлена модель памятника императору, тип его лица уже был изменен.²⁸

Возникает вопрос: не было ли осуждение бюста, исходившее, конечно, от самого Николая, случайным и произвольным и не представляющим поэтому существенного интереса? На этот вопрос нужно ответить отрицательно. Осуждение достоверного изображения царя, объявление его, вопреки очевидным фактам, «непохожим» и «нехорошим» вытекало из постоянного стремления правительства Николая I идеализировать образ Александра I, изобразить его «кротким ангелом».²⁹

²⁵ Архив Государственного Русского музея, ф. 56, д. 45.

²⁶ Там же, д. 48. Отрывок из этого письма был неточно и в другой связи приведен в книге Н. Коваленской «Мартос» (стр. 117).

²⁷ Бюст Александра I работы Рауха (Rauch Christian-Daniel, 1777—1857) известен во многих повторениях. Он дает идеализированное изображение Александра. Раух был очень ценим как Александром I, так и Николаем I; последний в 1828 году предложил русским скульпторам, проектирующим памятники Кутузову и Барклаю, взять за образец памятник Блюхеру в Берлине, исполненный по проекту Рауха (см. «Научный паспорт памятников Кутузову и Барклаю де Толли», составленный кандидатом искусствоведческих наук А. П. Чубовой в 1948 году; рукопись — в архиве Ленинградского музея городской скульптуры).

²⁸ Модель таганрогского памятника Александру I работы Мартоса находится в экспозиции Государственного Русского музея в Ленинграде.

²⁹ Ангельская личина надевалась в это время на Александра всегда, в том числе и в тех случаях, когда она была совсем нестати, как например при прославлении его военной деятельности. Александровская колонна (открыта в 1834 году), на пьедестале которой Клио заносит на скрижали истории военные годы — 1812, 1813, 1814, могла бы венчаться фигурой полководца-победителя. Но там стоит — с чертами лица Александра — ангел с крестом. В пояснительном тексте к портрету Александра в серии генеральских портретов из Военной галереи Зимнего дворца мы читаем об Александре, — в данном

Портрет Александра I, сделанный для Военной галереи Зимнего дворца знаменитым Доу с натуры, по указанию Николая I был заменен конным же портретом кисти Крюгера. Это произошло, по-видимому, не без подсказки того же Свиньиина, который писал о портрете Доу: «Тщетно будете искать в лице великодушного победителя той ангельской улыбки, которая обвороживала парижан при первом появлении его в пределах оного... из сего мрачного взгляда, на сем равнодушном челе, он <зритель> ничего не откроет...»³⁰

Этюд с натуры, сделанный Доу, советский исследователь С. П. Яремич выразительно охарактеризовал так: Доу дал «облик сухого, желчного и коварного тирана».³¹

Достоверные портреты Доу и Торвальдсена, отразившие подлинные черты характера Александра в самый мрачный период его деятельности, как видно, никак не соответствовали господствующей точке зрения. Упрек в том, что Александр неправоммерно изображен «завоевателем», предъявлялся авторам и некоторых других портретов. Так, например, графиня Шуазель-Гуффье в «Исторических мемуарах об императоре Александре и его дворе», изданных в Париже в 1829 году, пишет: «Ни один живописец не сумел, как следует, запечатлеть черты его лица и, в особенности, выражение его тонкой физиономии. Впрочем, Александр не любил, чтобы писали его портрет, и это обычно делалось украдкой. Более счастливый, чем его собратья, знаменитый Жерар получил от императора Александра несколько сеансов... и все-таки, это еще не Александр. Жерар хотел придать ему вид завоевателя, воинственный вид, который не согласовался с кроткими чертами умиротворителя Европы... На этот раз скульптура одержала верх над своей сестрой живописью; и мы видели бюст Александра, исполненный берлинским художником <Раухом>, не оставляющий желать ничего лучшего. Торвальдсен тоже сделал бюст этого государя, — бюст, который, говорят, достоин резца этого великого художника».³²

Учитывая эти факты, уже нельзя рассматривать стихотворение Пушкина как запоздалое повторение мотивов политической лирики юношеских лет. Оно было весьма злободневным для своего времени. Конечно, не с Волконским, отлично знавшим «покойного государя», спорит в нем Пушкин.

Официальному облику царя, каким он предстал во вновь создаваемых монументах, Пушкин противопоставляет свое поэтическое толкование этого же образа, опираясь при этом на достоверный материал, оставленный современником — Торвальдсеном.

Разоблачение официальной легенды об Александре — «ангеле на троне», данное в этом небольшом стихотворении, прямо связано с позицией Пуш-

случае — тоже полководце: «Неизобразимое выражение кротости одушевляло черты лица его» (Император Александр I и его сподвижники... Военная галерея Зимнего дворца, т. I. СПб., 1845, стр. 23).

³⁰ «Отечественные записки», 1827, ч. 32, стр. 141.

³¹ С. П. Яремич. Джордж Доу. «Труды Отдела западноевропейского искусства Государственного Эрмитажа», т. I, Л., 1940, стр. 173. Этюд воспроизведен в издании: Н. К. Шильдер. Император Александр I..., т. I. Изд. 2-е, СПб., 1904 (вклейка перед текстом). На портрете надпись рукой Доу: «Лучший»; см. также: В. Глинка. Пушкин и военная галерея Зимнего дворца, стр. 6.

³² Шуазель-Гуффье. Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе. Перевод Э. Миревич, М., 1912, стр. 60, 61.

кина после 14 декабря. Другими словами и по другому поводу он говорит здесь то же, что звучит в строках о «плешивом щеголе», «властителе слабом и лукавом» десятой главы «Евгения Онегина», написанных, кстати сказать, около того же времени.

Лицемерие русских монархов, начиная с «отвратительного фиглярства» Екатерины — «Тартюфа в юбке», всегда было особенно ненавистно Пушкину. Этот мотив не мог не всплыть и в связи с тем, что в бюсте Торвальдсена отражено меткое наблюдение мастера над обликом Александра в хорошо памятный Пушкину октябрь 1820 года, накануне конгресса в Троппау, знаменовавшего подчинение Александра Меттерниху во внешнеполитических вопросах и торжество аракчеевщины во внутренней жизни России.

Имени деятеля русской художественной культуры, к которому обращены строки стихотворения, мы не знаем. Не известно и то, кто сообщил Пушкину наблюдение Торвальдсена. Но приведенные факты свидетельствуют о значении этих творческих высказываний Пушкина прежде всего для русских художников тех лет. Источником отрывка могла быть, разумеется, статья в одном из иностранных журналов, содержавшая итальянский текст, оставшийся в записи Пушкина. Но более вероятно предположение об устной передаче мнения Торвальдсена — в русском изложении, с воспроизведением последней, экспрессивно выраженной мысли на итальянском языке, которым пользовались русские художники, общавшиеся в Риме с Торвальдсеном. Постоянно встречавшие Торвальдсена на протяжении ряда лет Гальберг и Орловский приехали в Петербург, как сказано выше, только в конце 1828—начале 1829 года. Поэтому более вероятно, что этот рассказ Пушкин выслушал от Кипренского, с которым он был знаком с 1827 года (год написания Кипренским известного портрета Пушкина). Кипренский пробыл в Италии до 1823 года и часто встречался там с Торвальдсеном, с которым надолго сохранил дружеские отношения.³³ Недавняя работа Кипренского над портретом Александра по типу Торвальдсена, несомненно, была еще свежа в его памяти, а эта тема — облик Александра I — не могла не быть интересной для обоих.

Среди лиц, знакомых Пушкину в 20-х годах, мы видим ряд деятелей, которым вопросы искусства были близки, и в их числе Жуковского, Дельвига, Гнедича, Оленина, Бестужева-Марлинского, Воейкова, Сомова, а также художников — Доу, Толстого, Тропинина, Кипренского, Лангера, возможно — Гальберга. Но, зная постоянный интерес Пушкина к скульптуре, игравшей тогда столь значительную роль в культурной жизни страны, имея такой образец отражения скульптуры в его художественном творчестве, как стихотворение «Художнику», свидетельствующее одновременно и о личных связях Пушкина с Орловским³⁴ или Гальбергом, мы не можем не связать стихотворение с именем одного из них — Гальберга: как раз в 1829 году он послушно заменил «непохожий» и «нехороший» облик царя на идеализированное изображение берлинского мастера Рауха.

³³ Русское искусство. Очерки о жизни и творчестве художников. Первая половина девятнадцатого века. 1954, стр. 216 (статья Н. Г. Машковцева). Ценные данные о встречах русских художников, в том числе Гальберга и Кипренского, с Торвальдсеном в период с 1818 по 1828 год см. в богатейшем архиве Гальберга, хранящемся в Рукописном отделе Государственного Русского музея (ф. 56), частично изданном в книге В. Ф. Эвальда: Скульптор Самуил Иванович Гальберг в его заграничных письмах и записках 1818—1828. Приложение ко II тому «Вестника изящных искусств», СПб., 1884.

³⁴ См.: А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, т. III, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1949, стр. 522.

5

Существенный интерес представляют некоторые другие особенности стихотворения. Это — политическая эпиграмма, данная в виде «надписи к портрету». Поэтические «надписи» в XVIII и первой четверти XIX века имели широкое практическое применение: ими снабжались скульптуры, гравированные портреты и картины, а также триумфальные арки, могильные плиты, монументальные памятники, медали и пр. В композиции скульптуры, гравюры или монумента надписи играли большую роль, говоря словами то, что не могло быть выражено средствами самого изобразительного искусства. Они были не «этикетками», только поясняющими изображение, но полноценными компонентами памятника, в котором архитектурные, изобразительные и словесные элементы образовывали одно художественное целое, взаимно дополняя друг друга.

Стихотворение Пушкина «К бюсту завоевателя» предназначено для печати и «надписью» прикладного назначения не является. Но очень важно, что Пушкин здесь говорит об Александре I в непосредственной связи с его изображением — бюстом работы Торвальдсена. Такой опоры на конкретное изображение лица, которому посвящено стихотворение, не было в других эпиграммах, также носивших иногда форму «надписи к портрету», но обращенных прямо и непосредственно к самому человеку.

Поэтический строй стихотворения отвечает художественному стилю, в котором исполнен бюст. Если бы строки Пушкина были когда-нибудь помещены на постаменте скульптуры, они производили бы вместе с ней цельное художественное впечатление. С приподнятой парадностью идеализированного изображения царя, одетого в римскую одежду, вполне согласно звучат «высокие» выражения стихотворения Пушкина: «лик сей», «сей властелин», «хладный лоск чела».

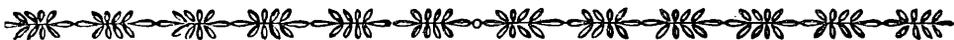
Не нарушая художественной цельности скульптуры, лишь объясняя и дополняя наблюдение скульптора, поэт пошел дальше художника. Он не только констатирует вслед за Торвальдсеном подмеченное им противоречие и подтверждает его правильность, но и дает ему глубокое психологическое истолкование.

Подобный метод обращения к скульптурному или живописному портрету, когда характеристика героя, данная средствами изобразительного искусства, продолжается в поэтических образах, встречается и в других произведениях Пушкина, в том числе таких значительных, как «Полководец» и «Медный всадник». Однако и небольшое стихотворение «К бюсту завоевателя» является ярким показателем глубокой связи Пушкина с мировой художественной культурой и ее деятелями, связи, которая была так важна для обеих сторон и которая изучена еще столь недостаточно.³⁵

³⁵ К сентябрю 1868 года относится стихотворение П. А. Вяземского, посвященное, очевидно, Александру I и напечатанное без заглавия в литературном сборнике «Складчина» (СПб., 1874, стр. 41; ср.: П. А. Вяземский, Полное собрание сочинений, т. XII, СПб., 1896, стр. 373):

Сфинкс, не разгаданный до гроба —
О нем и ныне спорят вновь:
В любви его роптала злоба,
А в злобе теплилась любовь...

Стихотворение представляет несомненные аналогии с комментируемым стихотворением Пушкина и связано с ним. См. их сопоставление в статье В. А. Тимирязева «Пролог Александровской эпохи» («Исторический вестник», 1897, № 7, стр. 197).

Г. Г. АРИЕЛЬ-ЗАЛЕССКАЯ

К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ БИБЛИОТЕКИ А. С. ПУШКИНА

Библиотека Пушкина, ныне хранящаяся в Пушкинском Доме, представляет драгоценнейший материал для изучения творческой деятельности поэта, его литературных, научных, философских, общественных интересов, поэтических вкусов, знаний и взглядов.

Со времени любовного и тщательного ее описания, составленного Б. Л. Модзалевским,¹ она не раз служила предметом новых изучений. В 1934 году Л. Б. Модзалевский напечатал работу о первоначальной описи библиотеки Пушкина,² составленной после смерти поэта; эта опись дала сведения о множестве книг, бывших у Пушкина в момент его смерти и позднее исчезнувших.

Важным источником изучения состава библиотеки Пушкина и ее формирования послужили публикации счетов книгопродавцев, сохранившихся в делах Опекы над детьми и имуществом Пушкина.³ Определению ряда книг, преимущественно английских и французских, до тех пор невыясненных, изучению помет на книгах, сделанных Пушкиным и другими лицами, в дополнение к труду Б. Л. Модзалевского, всестороннему исследованию пушкинского библиотечного фонда — посвящены труды М. П. Алексева, К. Н. Григорьяна, М. Н. Куфаева, Б. Г. Реизова, Ю. Г. Оксмана, И. Л. Фейнберга, Н. В. Цейтц, Б. В. Шапошников, Д. П. Якубовича, Я. И. Ясинского и др.⁴

¹ Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание. «Пушкин и его современники», вып. IX—X, 1910, стр. XIX, 442 (и отдельно); см. об этой работе: Н. И. Мацуев. Личные библиотеки писателей. «Советская библиография», вып. 2, М., 1952, стр. 75—83. Здесь на стр. 75—76 дан критический анализ библиографического описания личной библиотеки Пушкина, составленного Б. Л. Модзалевским.

² Л. Модзалевский. Библиотека Пушкина. Новые материалы. «Литературное наследство», кн. 16—18, 1934, стр. 985—1024.

³ Б. Л. Модзалевский. Архив Опекы над детьми и имуществом Пушкина в Музее А. А. Бахрушина. «Пушкин и его современники», вып. XIII, 1910, стр. 90—162; Архив Опекы Пушкина. Редакция и комментарии П. С. Попова (Летописи Государственного литературного музея, кн. V), М., 1939, стр. 45, 46—60 («Долги Пушкина»); Л. Б. Модзалевский. Из архива А. С. Пушкина, VI. Счета книжных магазинов и билет на получение издания. «Литературный архив», т. I, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1938, стр. 36—43; ср.: Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XVI, Изд. Академии наук СССР, 1949, стр. 43—44, 95—97, №№ 1085, 1162. В дальнейшем ссылки на Академическое издание (тт. I—XVI, 1937—1949) даются сокращенно: том, страница.

⁴ М. П. Алексеев. Несколько английских книг библиотеки А. С. Пушкина. «Научный бюджет Ленинградского государственного университета», 1946, № 6, стр. 27—32; М. П. Алексеев. Пушкин и Китай. В книге: А. С. Пушкин и Сибирь, Востсибоблиз, Москва—Иркутск, 1937, стр. 132—134; К. Н. Григорьян. Книга Артемия Араратского в библиотеке Пушкина. «Известия Академии наук Армянской

Предлагаемые замечания, касающиеся одной частной темы, служат к продолжению давно начатого, но далеко не законченного изучения книжных богатств библиотеки Пушкина.

В 1938 году Л. Б. Модзалевский опубликовал на страницах первого тома «Литературного архива» счет Пушкину неизвестного книгопродавца, содержащий двадцать семь названий на общую сумму в 322 руб. 50 коп. Счет, накопляющийся в течение почти десяти лет (с 22 июня 1827 по 17 октября 1836 года), интересен тем, что большая часть поименованных в нем книг представляет собой редкие, ценные издания антикварного значения: три из этих книг — рукописные; одиннадцать печатных и рукописных книг связаны, несомненно, с работами Пушкина над историей Петра I; некоторые из них до сих пор никак не определены, другие нуждаются в дополнительных определениях; не раскрыто, наконец, и имя книготорговца-букиниста, у которого Пушкин покупал эти книжные редкости. Постараемся осветить, хотя бы и не полностью, эти вопросы.

Выпишем прежде всего из счета, опубликованного Л. Б. Модзалевским, книги, связанные с работой Пушкина над историей Петра I.⁵

			Руб.	Коп.
<1>	1832 года Июнь 8-е	Повести о победе Петуха	25 ⁶	
<2>	„ 25	Идрография российская	10	
	1833 года			
<3>	Февраль 22	Коронация Екатерины I-ой	10	
<4>		Российский Геркулес	10	
<5>		Медаль 1717 года	5	
<6>		Жизнь Екатерины (писанная)	50 ⁶	
<7>		„ Петра (писанная)	50 ⁶	
<8>	Май 5	История Петра I-го Феофана	8	
	1835 года			
<9>	Сентябрь 6	Записки Миниха	5	
	1836 года			
<10>	Февраль 6	Письма Леди Рондо	7	50
<11>	Июня 25	Собрание писем Петра I-го издание Берха 4 ч. .	15	

ССР, Общественные науки, 1955, № 11, стр. 87—88; М. Куфаев. А. С. Пушкин — библиофил. «Альманах библиофила», изд. Ленинградского общества библиофилов, 1929, стр. 49—108; Б. Г. Рейзов. Несколько французских книг из библиотеки Пушкина. «Ученые записки Ленинградского государственного университета», № 200, Серия филологических наук, вып. 25, 1955, стр. 228—230; Ю. Г. Оксман. К истории библиотеки Пушкина. «Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова», Изд. Академии наук СССР, Л., 1934, стр. 443—447; И. Фейнберг. Незавершенные работы Пушкина. Изд. «Советский писатель», М., 1955, стр. 60—97 (глава «Библиотека Пушкина»); Н. В. Цейтц. Sibirica в библиотеке Пушкина. В книге: А. С. Пушкин и Сибирь. 1937, стр. 74—100; Б. В. Шапошников. Новый документ о книгах библиотеки Пушкина. «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», вып. 3, М.—Л., 1937, стр. 358—370; Д. Якубович. Пушкин в библиотеке Вольтера. «Литературное наследство», кн. 16—18, стр. 905—922 (о библиотеке — стр. 906—908, 912); Я. И. Ясинский. Работа Пушкина над историей французской революции. «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», вып. 4—5, М.—Л., 1939, стр. 359—385; Я. И. Ясинский. Из истории работы Пушкина над лексикой «Слова о полку Игореве». «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», вып. 6, М.—Л., 1941, стр. 338—339, 342—343, 346, 354.

⁵ Нумерация в первой графе условная и введена нами; вторая, третья, четвертая и пятая графы (дата покупки, краткое заглавие, цена в рублях и копейках) воспроизводят текст счета в выписках.

⁶ В пятой графе рукой Пушкина (?) поставлен крестик.

Мы видим, что из этих одиннадцати названий два названия принадлежат рукописным книгам: «Жизнь Екатерины» и «Жизнь Петра». Эти книги, самые дорогие из всего счета и представлявшие, очевидно, для Пушкина особый интерес, отмечены в счете крестиками его (?) рукой.⁷ Ни одна из них не сохранилась в библиотеке Пушкина и не попала в опись библиотеки, произведенную Опекой. Но в делах III Отделения об А. С. Пушкине мы находим некоторые следы наличия этих книг в библиотеке Пушкина в момент его смерти. Так, в записи «Журнала, веденного при разборе бумаг покойного Александра Сергеевича Пушкина» от 9 и 10 февраля 1837 года, в перечне разобранных бумаг числятся под № 33 «Связка старинных рукописей», под № 34 — «20-ть старинных рукописей в переплетах».⁸

Возможно, что значащиеся в счете две книги входили в число суммарно указанных здесь рукописей, но полной уверенности в этом нет. Дальнейшая их судьба, как и судьба остальных «старинных рукописей», отмеченных «Журналом», не известна.

Две рукописные книги — «Жизнь Екатерины» и «Жизнь Петра» — до сих пор не определены и ввиду множества бродивших в то время рукописных книг подобного содержания (особенно о Петре) определить их пока нет возможности.

Неточное раскрытие названий некоторых книг, поименованных в счете, и отсутствие к ним хотя бы кратких библиографических справок в публикации является причиной того, что до сих пор они не привлекали внимания исследователей, занимавшихся творчеством Пушкина, в частности работой поэта над историей Петра I. Приведем несколько примеров.

Книга под названием «Идрография российская» (в нашей выписке из счета под № 2; заплачено за нее 10 руб.) в примечаниях к публикации счета отмечена как несохранившаяся в библиотеке Пушкина; при этом полное заглавие ее публикатору определить не удалось.⁹ Между тем книга имеется в библиотеке поэта, хранящейся в Пушкинском Доме, и вошла в описание Б. Л. Модзалевского под № 136. Приводим полное заглавие ее: «Древняя российская идрография, содержащая описание Московского государства рек, протоков, озер, кладязей, и какие по ним города и урочища, и на каком оные расстоянии. Изданная Николаем Новиковым. В Санктпетербурге. 1773 года» (8°, 14 нен. + 233 стр.).

Остановимся на истории издания этой книги.

Из «Предисловия от издателя» видно, что Н. И. Новиков издал ее по списку с рукописной книги. При этом у него находилось несколько списков, один из которых назывался «Описания Московского государства». Н. И. Новиков выбрал старейший¹⁰ и, «исправив только против других находившиеся в нем описки и погрешности», издал его. Книга была написана неизвестным автором в 1627 году, а карта к ней составлена и приложена лишь в 1680 году. «Идрография российская» состояла из трех частей. Вторую часть — «Поверстную книгу» — Новиков намеревался издать не-

⁷ Крестиком отмечены и «Повести о победе Петуха», являющиеся, как будет показано ниже, также рукописной книгой.

⁸ Дела III Отделения собственной е. и. в. канцелярии об Александре Сергеевиче Пушкине. СПб., 1906, стр. 189.

⁹ Литературный архив, т. I, М.—Л., 1938, стр. 40, прим. 3.

¹⁰ Владельцем списка назван Петр Кириллович Хлебников; см.: Древняя российская идрография... СПб., 1773, «Предисловие от издателя».

сколько позднее. Третья часть так и не была найдена Новиковым.¹¹ В ней должно было находиться описание, «по которым городам какова чина бывают начальные люди: бояре ли, или окольные, или стольники, или стряпчие, или жильцы, или дворяне московские, или городовые, и то в сей книге писано».¹²

Интересны причины, побудившие Н. И. Новикова издать эту книгу. Он решил издать ее не только «для сохранения самого сего списка», но и «для удержания в памяти имен некоторых бывших городов, урочищ» и пр., «а паче всего для обличения несправедливого мнения тех людей, которые думали и писали, что до времен Петра Великого Россия не имела никаких книг, кроме церковных, да и то будто только служебных».

После титульного листа на четырех страницах находим список «Имен особ, подписавшихся на сию книгу». Среди них: «Его высокоблагородие Петр Кириллович Хлебников, Его высокородие Михайло Матвеевич Херасков, Его благородие Александр Николаевич Радищев, Иван Афанасьевич г. Дмитревский, Его высокоблагородие Г. Ф. Миллер».¹³

Известно, что Пушкин широко интересовался географией России; об этом свидетельствует целый ряд книг, сохранившихся в его библиотеке; но эта книга, характеризующая состояние древней гидрографии России, с названиями городов, рек и пр., не сохранившимися ко времени Пушкина, могла возбуждать к себе интерес поэта и как пособие в работе над «Историей Петра» и «Историей Пугачева».¹⁴

Книга под названием «Российский Геркулес» (в нашей выписке из счета № 4; уплачено за нее 10 руб.) ускользнула из поля зрения Л. Б. Модзалевского. Название книги записано в счете настолько сжато, скорее даже вырвано из середины полного заглавия, что автор публикации не смог отыскать ее в описании библиотеки Пушкина и в комментариях к счету обозначил: «Ни в библиотеке «поэта», ни в описи нет. Книгу точнее определить не удалось».¹⁵

После внимательного просмотра «Описания» Б. Л. Модзалевского, а затем ряда книг из библиотеки поэта выяснилось, что под названием «Российский Геркулес» разумеется «Политиколепная ἀποδέωσις достохвалных храбрости всероссийского Геркулеса пресветлейшего и великодержавнейшего... великого государя нашего царя и великого князя Петра Алексеевича...»¹⁶ Книга сохранилась в библиотеке Пушкина (по описанию Б. Л. Модзалевского № 299); пушкинский экземпляр — с надписью первой половины XVIII века, принадлежащей пока не определенному лицу — Александру Матвееву. Книга представляет собой описание триумфальных

¹¹ В 1792 году были изданы все три части под заглавием: «Книга большому чертежу, или древняя карта Российского государства, поновленная в разряде и списанная 1627 года» (СПб., 8°). «Поверстная книга», вероятно, не поступала в продажу, потому что она не вошла в «Опыт» Сопикова и «Роспись» Смирдина; см.: Н. В. Губерт. Материалы для русской библиографии, вып. I, М., 1878, стр. 313—315.

¹² Древняя российская гидрография..., 1773, «Предисловие от сочинителя».

¹³ Бумага для издания предлагалась трех сортов: александрийская, простая и любская.

¹⁴ В книге: W. Tooke. The Life of Catherine II..., Dublin, 1800 (по описанию Б. Л. Модзалевского № 1444), в первом томе на стр. 17 карандашом, вероятно рукой Пушкина, отчеркнуто место, где описывается водный путь из Сибири в С.-Петербург. Пометка не отмечена Б. Л. Модзалевским.

¹⁵ Литературный архив, т. I, стр. 40, прим. 6.

¹⁶ См.: Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 г. Составители Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Редакция П. Н. Беркова, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1955, стр. 95—96, № 26.

ворот, воздвигнутых в Москве в честь Полтавской победы к торжественному входу войск 21 декабря 1709 года.

Другая книга, относящаяся к истории Петра I, «Медаль 1717 года» (№ 5 нашей выписки из счета; уплачено 5 руб.; по описанию Б. Л. Модзалевского № 233) носит название «Медаль на память пребывания его величества императора Петра Великого в Париже, 1717 года, при осматривании Королевского монетного двора нечаянно в присутствии его натисненная». (Далее, на заглавном листе, следует изображение и описание медали). Эта книга, выпущенная без обозначения года и места издания, представляет собой скорее дневник очевидца путешествия Петра I в Париж и его окрестности в 1717 году; чеканка медали с изображением Петра I на монетном дворе является лишь отдельным ее эпизодом. По сообщению В. С. Сопикова, она напечатана в Петербурге в 1771 году и оценена в 80 коп.; «Словарь» Геннади повторяет тот же год издания, не давая никаких подтверждений (впрочем, внешние данные, шрифт, орфография, оформление издания этому не противоречат); «Роспись» Смирдина дает ее без года издания, но с иной ценой — 5 рублей, соответствующей сумме, уплаченной Пушкиным.¹⁷

«Коронация Екатерины I» (в нашей выписке из счета № 3; по описанию Б. Л. Модзалевского № 264) содержит детальное описание всей церемонии коронации Екатерины I, происходившей в Москве 7 мая 1724 года, и последовавших дальнейших торжеств.¹⁸

«История Петра I» Феофана Прокоповича (в выписке из счета № 8; цена 8 руб.)¹⁹ неоднократно упоминается Пушкиным в подготовительном тексте «Истории Петра». Книга в его библиотеке не сохранилась.

В январе 1837 года в известной беседе с Д. Е. Кёлером, переводчиком дневника Патрика Гордона, Пушкин говорил, что «до сих пор... занимался единственно собиранием материалов» о Петре.²⁰ К числу таких материалов, лишь частично использованных Пушкиным, относятся: «Записки Миниха» (№ 9 нашей выписки), «Письма Леди Рондо» (№ 10) и «Собрание писем Петра I», издание Берха, в 4 частях (№ 11).

«Записки графа Миниха, сына фельдмаршала, писанные им для детей своих» (СПб., 1817; по описанию Б. Л. Модзалевского № 240), наряду с автобиографическим материалом содержат характеристику царствования Анны Иоанновны и правления Бирона. В начале книги даны сведения о последних трех годах жизни и деятельности Петра I, в частности о порученном отцу автора Бурхарду-Христофору Миниху (впоследствии графу, фельдмаршалу) проведении Обводного канала, дороги по берегу Невы от

¹⁷ В. С. Сопиков. Опыт российской библиографии. Редакция В. Н. Рогожина, ч. III, СПб., 1904, стр. 202, № 6180; Г. Геннади. Справочный словарь..., т. II, Берлин, 1880, стр. 301; А. Смирдин. Роспись российским книгам, ч. I. СПб., 1828, стр. 180, № 2384.

¹⁸ Книга представляет собой большую редкость; см.: Редкие русские книги и летучие издания XVIII века. Составил Ю. Битовт, М., 1905, стр. 82. В 1756 году этой книги хранилось в Московской синодальной типографии 104 экземпляра, ценой в 23 коп. (см.: П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. II, СПб., 1862, стр. 624). Пушкин купил ее за 10 рублей. М. Н. Куфаев в статье «А. С. Пушкин — библиофил» (Альманах библиофила, Л., 1929, стр. 82) также указывает на ее большую редкость. См. также указанное выше «Описание изданий гражданской печати» Т. А. Быковой и М. М. Гуревича, стр. 459—460, № 834.

¹⁹ История Петра Великого, сочиненная Феофаном Прокоповичем, изд. 2-е, М., 1788, 256 стр.; см.: «Литературное наследство», кн. 16—18, стр. 1005, № 84.

²⁰ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, т. IX. Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1949, стр. 511.

Шлиссельбурга до Петербурга в обход порогов и, наконец, сооружении Ладожского канала.

В своей «Истории Петра» Пушкин подчеркивает то большое значение, которое придавал Петр строительству Ладожского канала. В конспективных записях о 1724—начале 1725 года Пушкин не раз останавливается на этом моменте: Петр «осматривает Ладожский канал при начальстве генерал-поручика Миниха». И несколько далее: «Болезнь Петра усиливалась. Английский оператор Горн делал операцию. Петр почувствовал облегчение и поехал осмотреть ладожские работы. Лейб-медик Блуменрост испугался, но не мог его уговорить» (X, 284).

В «Записках» Миниха дана положительная характеристика временщика Бирона. Возможно, что отчасти под впечатлением этих «Записок» сложилось мнение Пушкина о Бироне, изложенное в письме к И. И. Лажечникову по поводу «Ледяного дома»: «О Бироне можно бы также потолковать. Он имел несчастье быть немцем; на него свалили весь ужас царствования Анны, которое было в духе его времени и в нравах народа. Впрочем он имел великий ум и великие таланты» (XVI, 62). Припомним, что книга Миниха была приобретена Пушкиным 6 сентября 1835 года, письмо к И. И. Лажечникову датировано 3 ноября того же года.

«Письма Леди Рондо, супруги английского министра при российском дворе в царствование императрицы Анны Иоанновны. Перевел с английского М<ихаил> К<асторский>» (СПб., 1836, 128, стр.)²¹ были приобретены в начале февраля 1836 года и не сохранились в библиотеке Пушкина. Книга представляет собой описание жизни русского двора в период царствования Петра II и Анны Иоанновны, кончая 1739 годом.²²

В ряде писем автор передает рассказанные ей эпизоды из жизни Петра и его приближенных. Так, во втором письме, датированном апрелем 1730 года, детально описывается разрыв Петра I с Анной Монс и его причины; седьмое письмо посвящено первой жене Петра — Евдокии; дано описание ее внешности, относящееся, правда, к позднему времени — 1731 году. В книге разбросано много мелких сведений и деталей из жизни и деятельности Петра и его ближайших соратников: Меньшикова, Ягужинского, Остермана и др.

«Собрание писем императора Петра I», издание В. Н. Берха в четырех частях, в описании Б. Л. Модзалевского (№ 27) отмечено как неразрезанное. В действительности во втором томе разрезаны страницы 89—96, содержащие письма Ф. Апраксина, П. Голицына, А. Кикина, А. Стейльса, Ем. Маврина и других к Петру, датированные между 19 июля и 24 ноября 1710 года. Почти все эти письма связаны с подготовкой строительства корабельной верфи в Новой Ладоге. В четвертом томе разрезаны страницы 305—315 «Краткого биографического известия о лицах, упомянутых в 4 частях сих писем». Данные здесь сведения расположены в алфавите фамилий от Корсакова и Курбатова до Склаева.

Таковы книги, занесенные в интересующий нас счет неизвестного книготорговца и относящиеся к Петровской эпохе. Обратимся к другим из-

²¹ Литературный архив, т. I, стр. 41. В нашей выписке из счета № 10, цена 7 руб. 50 коп.

²² См. сдержанно-положительную рецензию Белинского в «Молве», 1836, № 8, стр. 223—225 (цензурное разрешение 6 апреля 1836 года). Краткая аннотация к изданию, написанная Гоголем, помещена в «Современнике» (1836, т. I, стр. 308—309), в разделе «Новые книги» (ср.: Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, т. VII, Изд. Академии наук СССР, 1952, стр. 195).

даниям, записанным в нем, останавливаясь подробнее на наиболее редких и замечательных.

Рассмотрим прежде всего включенное в счет «Слово о витийстве» В. К. Тредиаковского; книга сохранилась в библиотеке Пушкина (по описанию Б. Л. Модзалевского № 389) и представляет собой библиографическую редкость.²³ Она интересна тем, что, без сомнения, знакомство с ней сыграло значительную роль в изменении взгляда Пушкина на личность и деятельность Тредиаковского, происшедшем в 1833—1835 годах, через некоторое время после покупки «Слова о витийстве» (по счету неизвестного книгопродавца — 22 февраля 1833 года).

Тредиаковский принадлежит к числу тех исторических деятелей, на долю которых выпадает печальная и странная участь — сохраняться в памяти потомства в самом ложном свете, причем однажды сложившееся отрицательное суждение о них остается неизблемым на долгое время, не подвергаясь никаким сомнениям. Современники Пушкина следовали в большинстве традиционно сложившемуся взгляду на Тредиаковского как на смешного и тупого педанта, и сам поэт думал так же до начала 30-х годов (ср. эпиграммы на Каченовского и Надеждина, где используется сатирическая фигура автора «Телемахида»). Лишь более глубокое ознакомление с жизнью и творчеством Тредиаковского — в большой степени через «Слово о витийстве», а позднее через архивный материал, изучавшийся Пушкиным в связи с его занятиями историей XVIII века (о чем будет сказано ниже), — вызвало коренной пересмотр отношения его к «вечному труженнику».

Как поэт Тредиаковский не обладал дарованием; но в качестве теоретика литературы, языковеда и стиховеда он выступал как замечательный исследователь с оригинальными взглядами, широкой и глубокой эрудицией.

Изучив законы русского языка и обратившись к русской народной поэзии, Тредиаковский заложил основы нового русского стихосложения, разработав переход от силлабического к силлабо-хореическому стиху и открыв тем самым путь Ломоносову и Сумарокову. Его «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» предугадал основную линию развития последующей русской поэзии.

«Слово о витийстве», «говоренное» 12 августа 1745 года, явилось ответом на присвоение Тредиаковскому звания профессора российской и латинской элоквенции Академии наук, т. е. академика; в этом звании он и Ломоносов были утверждены указом императрицы Елизаветы Петровны 25 июля 1745 года.²⁴

В этом сочинении Тредиаковский выступает против злоупотребления латинским языком в науке и литературе: «...да не называют его благороднейшим всех прочих, ...да не приписывают толь много чести латинскому языку, дабы думать, что всё навсё учение токмо на нем и состоит».²⁵ По мнению автора, все народы должны прежде всего знать свой родной язык, его красоты, обилие и силу. На нем должны быть написаны научные труды и художественные произведения. При этом Тредиаковский призывал к тому, чтобы писать простым языком, — таким, «которым мы меж собой говорим». Говоря о русском народе и его языке, Тредиаковский в эпоху иностранного засилия в России выступал как патриот,

²³ См.: Ю. Битовт. Редкие русские книги и летучие издания XVIII века, стр. 196, № 1035.

²⁴ П. Пекарский. История Академии наук, т. II. СПб., 1873, стр. 107—108; «Москвитянин», 1853, № 15, август, кн. I, отд. IV, стр. 46—48.

²⁵ В. Тредиаковский. Слово о... витийстве... СПб., 1745, стр. 77.

защитник и любитель русского языка: «Да приложит токмо труд, увидит, увидит он вскоре, колико его язык, который также есть и мой, и обилия, и сил и красот, и приятностей имеет».²⁶

Однако Тредиаковский не был врагом иностранных языков: «...чужеземные языки... наинужнейший союз взаимного между народами сообщения... наилучшее средство к получению просвещенного познания...»²⁷

Приблизительно в одно время со «Словом о витийстве» Пушкиным были приобретены «Сочинения и переводы как стихами, так и прозою Василия Тредиаковского» (т. I—II, СПб., 1752).²⁸

И вот, вскоре после этих книжных приобретений, Пушкин в статье, называемой теперь «Путешествие из Москвы в Петербург», написанной в основном с декабря 1833 по апрель 1834 года, в главе «Ломоносов» писал о Тредиаковском: «Его филологические и грамматические изыскания очень замечательны. Он имел о русском стихосложении обширнейшее понятие, нежели Ломоносов и Сумароков. Любовь его к Фенелонову эпосу делает ему честь, а мысль перевести его стихами и самый выбор стиха доказывают необыкновенное чувство изящного. В Тилимахиде находится много хороших стихов и счастливых оборотов. Радищев написал о них целую статью (см. собрание сочинений А. Радищева).²⁹ Дельвиг приводил часто следующий стих в пример прекрасного гекзаметра:

*Корабль Одиссея,
Бегом волны деля, из очей ушел и сокрылся.*

«Вообще изучение Тредьяковского приносит более пользы, нежели изучение прочих наших старых писателей. Сумароков и Херасков верно не стоят Тредьяковского — *habent sua fata libelli*» (XI, 253—254).

Позднее, прочитав роман И. И. Лажечникова «Ледяной дом», Пушкин горячо возражал против того образа Тредиаковского, который показан в нем автором, и в письме к нему от 3 ноября 1835 года из Петербурга писал: «За Василия Тредьяковского, признаюсь, я готов с вами поспорить. Вы оскорбляете человека, достойного во многих отношениях уважения и благодарности нашей. В деле же Воынского играет он лице мученика. Его донесение Академии трогательно чрезвычайно. Нельзя его читать без годоводания на его мучителя» (XVI, 62).

Пушкин, работая с февраля 1833 года в архиве Главного штаба над историческими документами, касающимися истории Пугачевского восстания, имел возможность — официально или нет — пользоваться историческими материалами, не имевшими никакого отношения к Пугачеву, но безусловно интересовавшими его.

В письме к М. П. Погодину от 5 марта 1833 года Пушкин писал, что ему удалось договориться с Николаем I о допуске Погодина в архивы, «кроме тайного», в качестве помощника для работы над материалами Петровского времени: «Сколько отдельных книг можно составить тут! сколько творческих мыслей тут могут развиваться!» (XV, 53).

По всей вероятности, работая в архивах над материалами о Пугачевском восстании, Пушкин прочитал и «Дело А. П. Воынского» и при-

²⁶ Там же, стр. 73.

²⁷ Там же, стр. 77.

²⁸ По описанию № 390. В рассматриваемый нами счет книгопродавца это издание не входит. В книге положены закладки из клочков какого-то письма между стр. 98—99, 100—101, 102—103 и 170—171 в статье «Способ к сложению российских стихов».

²⁹ Пушкин имеет в виду статью А. Н. Радищева «Памятник дактилохорейческому витязю...» (1801), вошедшую в четвертую часть «Собрания оставшихся сочинений покойного А. Н. Радищева» (М., 1811, стр. 27—93; в библиотеке Пушкина — № 309).

соединенное к нему Бироном «Дело» Тредиаковского с его «Рапортом в императорскую Академию наук» — свидетельством невероятных издевательств Волянского над Тредиаковским. «Дела» эти долго оставались необнародованными, и только спустя двенадцать лет не кто другой как М. П. Погодин опубликовал в 1845 году в «Москвитянине» «Рапорт» Тредиаковского.³⁰

Упомянутое в письме к Лажечникову от 3 ноября 1835 года «донесение Академии» и есть «Рапорт» Тредиаковского, а «его <Тредиаковского> мучитель» — сам А. П. Волянский. То же письмо подтверждает и нашу догадку о том, что Пушкин ознакомился с «Делом» Волянского и Тредиаковского: «Может быть, — писал он, — в художественном отношении *Ледяной Дом* и выше *Последнего Новика*, но истина историческая в нем не соблюдена, и это со временем, когда дело Волянского будет обнародовано, конечно, повредит вашему созданию...» (XVI, 62).

В последние два—три года жизни Пушкина мы нигде не находим у него следов иронии или неуважения к Тредиаковскому. Напротив, в статье «Александр Радищев» (апрель 1836 года) Пушкин с удовлетворением отмечает: «Между статьями литературными замечательно его <Радищева> суждение о Тилимахиде и о Тредьяковском... по тому же самому чувству, которое заставило его бранить Ломоносова: из отвращения от общепринятых мнений» (XII, 35). Далее, примерно в то же время, занимаясь разбором «Слова о полку Игореве», Пушкин подробно останавливается на происхождении и значении частицы «ли» в русском языке. Указывая на неточности, допущенные современными переводчиками, Пушкин ссылается на авторитет В. Тредиаковского: «В русском <языке> частица *ли* есть или союз разделительной или вопросительной, если управляет ею отрицательное *не*; в песнях не имеет она иногда никакого смысла и вставляется для меры так же, как и частицы *и*, что, *а*, как *уж*, *уж* как (*замечание Тредьяковского*)».³¹ В примечаниях к этой записи читаем: «Замечание 1-ое. В русском языке сохранилось одно слово, где *ли* после *не* не имеет силы вопросительной — *неже-ли*. Слово *неже* употреблялось во всех славянских наречиях и встречается и в *Слове о полку Игореве*; луце ж <потяту быти, неже полонену быти>» (XII, 148). Наконец, в перечне статей, намеченных Пушкиным для «Современника» на 1837 год, седьмая по порядку статья должна была быть посвящена Тредиаковскому.³²

Из всего сказанного мы можем с уверенностью заключить, что Пушкин в последние годы своей жизни относился с глубоким уважением как к личности Тредиаковского, так и к его научной деятельности, особенно в области истории русского языка.³³ Несомненно, что «Слово о витийстве» и

³⁰ «Москвитянин», 1845, ч. II, № 2, февраль, стр. 43—46.

³¹ Приводим рассуждение Тредиаковского о «незначащих ничего словах» в древних русских песнях, которое имел в виду Пушкин: «... с двести лет, без мала, назад певали у нас в церкви на всенощных бдениях псалом 103 так, что по окончании речи, когда напев требовал гагакания до начатия другая речи, вместо гагакания одного употребляемы были незначительные слова, а именно сии: ай, нененай, ани, ну, унани. Равно и простой народ в некоторых своих песнях, и в подобном случае, такияж употреблял незначащие ничего слова: здуиннай, найнай, здуни. Подлого народа употребление сие и ныне еще слышать всякому можно...» (В. Т. <В. К. Тредиаковский> О древнем, среднем и новом стихотворении российском. «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие», 1775, июнь, стр. 471).

³² Рукою Пушкина. Изд. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 281.

³³ См.: Е. В. Матвеева. Пушкин и Тредиаковский. «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена», т. 76, Кафедра русского языка, 1949, стр. 179—188.

«Сочинения и переводы» Тредиаковского сыграли в этом отношении свою роль, вызвав интерес Пушкина и к другим трудам их автора, и к архивным разысканиям о нем.

К числу книг, записанных в рассматриваемом счете и представляющих большую библиографическую редкость, относятся и шесть томов «Нового и полного собрания российских песен...», издание Н. И. Новикова, 1780 (составил М. Д. Чулков). В библиотеке Пушкина они не сохранились, но по описи Опеки значатся под № 600: «Новое и полное собрание российских песен, содержащее в себе песни любовные, пастушеские, шуточные, простонародные, хоральные, свадебные, святочные, с присовокуплением песен из разных российских опер и комедий», в шести частях, М., 1780. Сборник был приобретен 22 июня 1827 года за 25 рублей — сравнительно не дорого, ибо, несмотря на то, что это — третье издание,³⁴ во времена Пушкина этот сборник был чрезвычайной редкостью. Достать его целиком было почти невозможно. В публичных библиотеках его не было. Спустя некоторое время после покупки возник у Пушкина замысел статьи о русских народных песнях, о чем свидетельствует известный «План» 1831 года (см. XII, 208—209).

Этот план не был осуществлен, но в перечне статей, намеченных для «Современника» на 1837 год, шестой по порядку должна была быть статья «Собрание русских песен».³⁵ Возможно, что эта мысль явилась под влиянием занятий переводом на французский язык одиннадцати русских песен из собрания Н. И. Новикова,³⁶ который был сделан Пушкиным для французского писателя Лёве-Веймара, гостившего в Петербурге в июне—июле 1836 года.

Около того же времени, 25 июня 1836 года, Пушкин приобрел у того же букиниста «Святочные вечера».³⁷ Книга представляет собой литературную обработку произведений другого жанра устного народного творчества — сказок, былей и преданий. В ряде случаев сюжеты их связаны с религиозными праздниками Петрова дня и Ивана Купалы. Главными персонажами являются дворовые люди, подмастерье, мужик, барин, духи, черти и т. п. Незадолго до покупки вышел в свет шестнадцатый том «Библиотеки для чтения» (цензурное разрешение 30 апреля 1836 года); здесь в отделе «Литературная летопись» на стр. 45—46 была помещена положительная рецензия Сенковского на «Святочные вечера». Пушкин, очевидно, читал ее и, заинтересовавшись книгой, в которой, по словам рецензента, есть «что-то русское... национальное, что-то слышанное нами в народе», приобрел ее для своей библиотеки.³⁸

³⁴ Первое издание — 4 ч., СПб., 1770—1774; второе — 4 ч., СПб., 1776; третье — 6 ч., 1780—1781; четвертое, сокращенное — М., 1783—1787; см.: Ю. Битовт. Редкие русские книги и летучие издания XVIII века, стр. 378—379; «Литературное наследство», кн. 16—18, стр. 1002.

³⁵ См.: Рукою Пушкина, стр. 281.

³⁶ Там же, стр. 616.

³⁷ «Литературное наследство», кн. 16—18, стр. 1006: Святочные вечера, или рассказы моей тетушки, кн. I, М., 1836. На шмуцтитуле: Книга первая. Мудрые сказания в святочные вечера разумной ключницы боярина Расплюхина, тетушки моей Соломонины Патрикеевны, 122 стр.; на втором шмуцтитуле: Книга вторая. Пересказки старостина племянника, Артамона Фалалеева, 50 стр.

³⁸ Несколько позднее рецензии Сенковского и уже после покупки Пушкиным «Святочных вечеров» появилась рецензия на них В. Г. Белинского («Молва», 1836, ч. XI, стр. 300—310). Критик дал еще более положительный отзыв о книжке, чем Сенковский, отметив вслед за ним ее «редкость», рыночную внешность издания — и интересное содержание, в котором «виден если не талант, то зародыш таланта»: в рассказе неизвестного автора «соединение простодушия и лукавства», «прекрасная мысль

Рассмотрим вкратце еще некоторые книги, входящие в опубликованный Л. Б. Модзалевским счет книгопродавца и представлявшие собой относительную редкость.

Книгу, записанную в счет под названием «Жизнь Кульнева», Л. Б. Модзалевский определил как «Дух генерала Кульнева» (СПб., 1817) и сделал ссылку на сохранившуюся в библиотеке Пушкина книгу под этим названием³⁹ (по описанию Б. Л. Модзалевского № 138). Это предположение кажется нам спорным. Существовала еще одна книга о Кульневе, вышедшая двумя годами ранее, под названием: «Жизнь, характер и военные деяния храброго генерал-майора Якова Петровича Кульнева в Польше, Германии, Швеции, Турции и в достопамятную отечественную войну 1812 года в России; соч. А. Н. Н.; 2 части, СПб., в Тип. Департамента внешней торговли 1815 г. (8°)».⁴⁰ Книги под таким названием в библиотеке Пушкина не сохранилось, однако название ее ближе к тому, какое мы видим в счете книгопродавца.

К числу редких книг относятся также: «Еней. Героическая поэма Публия Виргилия Марона. Переведена с латинского г-ном Петровым. S. I. et a. <1781—1786>» (по описанию Б. Л. Модзалевского № 76);⁴¹ «Велизер, сочинение господина Мармонтеля... Переведен на Волге, 1768»; это — перевод Екатерины II; другой перевод, Курбатова — СПб., 1769, и третий, Сопикова — СПб., 1803; в библиотеке Пушкина книга не сохранилась, но в описи Опеки значится под № 1257;⁴² «Начертание гербоведения. Сочинение И. Х. Гаттерера... с немецкого языка перевел... Глеб Мальгин... <СПб., 1805>», — по описанию Б. Л. Модзалевского № 82.⁴³

Следует упомянуть, что в этом счете числится и экземпляр «Записок о жизни и службе А. И. Бибикова», приобретенный 1 марта 1833 года (по описанию Б. Л. Модзалевского № 33). Этот экземпляр носит на себе следы тщательного изучения Пушкиным записок Бибикова как важного источника сведений об эпохе Пугачевского восстания и широко известен обилием пушкинских помет.

В заключение следует коротко остановиться на одном из наиболее редких и ценных приобретений Пушкина, вошедших в разбираемый счет: на книге «Повести о побеге Петуха», купленной Пушкиным 8 июня 1832 года за 25 руб. (в нашем списке под № 1).

Долгое время не удавалось определить ни род издания, ни характер и содержание «Повестей». Предположение Л. Б. Модзалевского, что это лубочное издание,⁴⁴ не находит себе подтверждения. Ни в одном из библиографических описаний редкой книги XVIII и первой половины XIX века никаких следов лубочного или иного печатного издания под этим названием найти не удалось. Возникло предположение, что книга эта — рукописная. И действительно, в настоящее время обнаружены два рукописных

скрывается под этою русско-простодушно-фантастическою формою!» (В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. II, 1953, стр. 223, 225).

³⁹ См.: Литературный архив, т. I, стр. 41, прим. 26.

⁴⁰ См.: Роспись российским книгам для чтения из библиотеки А. Смирдина, СПб., 1828, стр. 219, № 2882.

⁴¹ См.: Г. Геннади. Русские книжные редкости. СПб., 1872, стр. 133, № 232; В. С. Сопиков. Опыт российской библиографии, ч. II. СПб., 1904, стр. 50, № 2506; Ю. Битовт. Редкие русские книги и летучие издания XVIII века, стр. 539, № 2635.

⁴² «Литературное наследство», кн. 16—18, стр. 1001, № 60; Ю. Битовт, ук. соч., стр. 302, № 1614.

⁴³ В «Литературном архиве» (т. I, стр. 41) ошибочно вместо «82» напечатано «86».

⁴⁴ Литературный архив, т. I, стр. 40, прим. 2.

сборника первой половины XVIII века, в которых среди интермедий, сатир и пародий находится и интересующая нас «повесть».

Один из сборников хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина,⁴⁵ другой — в собрании А. А. Титова, находящемся в Рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.⁴⁶ Сборники имеют много общего между собой: оба анонимны, написаны скорописью первой половины XVIII века и как по басенно-пародийному жанру, столь распространенному в русском народном творчестве в XVII, XVIII и начале XIX века, так и по содержанию в некоторой степени повторяют друг друга.

В московском сборнике (объемом в 193 листа, размером 20,6 × 15,6 см) на листах 128—134 находится «Дело о побеге ис Пушкарской улицы Петуха от курицы»; в ленинградском — на листах 97 об.—101 — «Гистория о прекрасном Петухе Куропатке и супругах его курах и об отлучке ево из дому без ведома хозяйна и о протчих непорядочных ево поступках». Несмотря на различные заглавия, содержание повестей одинаково.

Остановимся на ленинградском сборнике из собрания А. А. Титова (инвентарный № 1627).

Сборник (размером 21,3 × 17,3 см в картонном переплете с кожаными корешком и углами) представляет собой рукописную книгу, составленную из нескольких порой не полностью сохранившихся тетрадей. Сборник, очевидно, не является авторским, а представляет собой список, так как тетради исписаны не одной рукой, а разными лицами, и, судя по характеру письма, вероятно, в разное время. Помимо этого, ряд басен повторяется, некоторые слова, очевидно, как не вполне разобранные, заключены в квадратные скобки. Помимо высмеивания людских пороков: пьянства, лжи, скупости, хвастовства, безнравственности, невежества и т. п., в книге с большой остротой вскрыты ханжество и разврат духовенства, жестокость и произвол суда и другие отрицательные социальные явления.

«Гистория о Петухе» находится в наиболее сохранившейся тетради под общим заглавием «Увеселительные жарты, хотя не для исторического чтения сочинены, но некоторым человеком для увеселения самые забавные жарты охотно читать, как в карты играть» (л. 39).

Повесть представляет собой острую сатиру на судопроизводство, установленное Петром I в отношении беглых рекрутов и действовавшее в полсепетровское время.

Содержание повести о Петухе изложено в форме последовательной документации, связанной с розыском беглеца-петуха и судом над ним. «Гистория» открывается «слезным прошением» всей «куриной роты» к хозяину:

Едину нашему всякой млети творителю
И при своем благодатном доме хранителю —
Якову Максимовичу.

В «прошении» рассказывается о том, что

Из Артиллерийской Пушкарской улицы
Июля 26 дня, муж наш Петух
Без ведома нашего пропал вдруг...

⁴⁵ В. Д. Кузьмина. Пародия в рукописной сатире и юмористике XVIII века. «Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина» вып. 17, М., 1955, стр. 151—152.

⁴⁶ Н. Н. Розов. Светская рукописная книга XVIII—XIX вв. в собрании А. А. Титова. «Сборник Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина», вып. II, Л., 1954, стр. 131—132.

Под «прошением» затейливая «подпись» и дата:

1754-го году
А мы курячьего роду
Того числа
Как одна курица яйцо снесла
К сему доношению рук не приложили
Но так предложили
Понеже ходим не руками,
Но по нашей природе ногами...

В «прошении» описаны приметы Петуха:

А приметами платьем был белой
Своим видом очень веселой
Хохол у него небольшой...
Однако в великой примете
Ходил как женщина в карнете⁴⁷
Ноги имеет коротки
А лапки широки...
А мы в его ведомстве были легулярны
Часто бывали смотры генеральны.

В конце «прошения» просьба:

О побеге Петуха написать билеты.
Прописать того Петуха приметы,
Которые немедленно объявить,
Дабы одного беглеца ловить,
Послать в погоню из куриного легулярства
Целые два капральства
И поймав его ни в чем не налагать
Взяв тяжкие железа — заковать,
И вести к курам скована всю дорогу.
А есть давать корму очень не помногу,
Привести в курятник в железах посадить
И о том приводе хозяину объявить.

В следующем документе — «Билете», написанном уже самим «хозяином»,

Объявляется Пушкарской слободы жителям
Той же слободы посторонним служителям
О случившемся побеге.

Наряду с повторением подробного описания примет Петуха ясно выражен запрет, чтобы беглеца

... люди у себя в доме не держали
Немедленно о нем мне объявляли

и

... за то его скорое объявление
Дано будет немалое награждение.

Наконец, добровольным или государственным «обыскателем» Петух пойман

... не у кого иного,
Как в доме человека мастерового,

и представлен перед судом.

Вся процедура допроса ведется по установленной петровским законодательством судебной форме с целым рядом вопросов и ответов, выясняющих «личность» Петуха, наличие «сообщников» и степень «преступления».

⁴⁷ Женский головной убор XVII—начала XVIII века (cornette).

Вопрос: О том твоём побеге...
 Без всяких фигур
 Не ведал ли кто из домашних кур?³
 Ответ: Из домашних кур никто не видал
 Сам скрытно ушел
 И к чужим курам в гости пришел
 и т. д.

После допроса выносится приговор:

1754 года июля 30 дня по суду настоящим делом
 Приговорили штраф над Петухом белым.

«Штраф» состоит в том, чтобы Петуха

Посадить в курятник в две колотки,
 А на караул поставить две молотки.
 И в том курятнике три дни пребывать,
 А есть ему ни зерна не давать.
 По прошествии 3-х дней венником рубить
 Чтoб не мог к чужим курам ходить.
 И наказание чинить при собрании кур в строй
 Каждая курица при том в своем месте стой,

т. е. попросту прогнать сквозь строй, а в заключение предупредить, что при повторном побеге, не слушая никаких оправданий, предать его смертной казни.

Некоторый налет военных терминов и оборотов речи («регулярство», «рота», «капральство», «баталии», «смотры генеральные», «репортуем», «поставить на караул» и др.), да и место происшествия — Пушкарская слобода и Артиллерийская улица⁴⁸ — указывают на то, что сам автор принадлежал к военной среде и был вместе с тем достаточно осведомлен в судебных делах.

По всей вероятности, под аллегорическим изображением побега Петуха из Куриной роты передана судьба рекрута, не вынесшего тягот солдатской «экзерциции» и сбегавшего из артиллерийских казарм Пушкарской слободы Артиллерийской улицы. В беспокойстве всей «роты» по поводу побега и в судебном допросе: «не ведал ли кто из домашних кур», видны признаки круговой поруки.⁴⁹

У нас нет никаких данных для утверждения, что в руках Пушкина был один из описанных нами сборников. Вероятнее всего, он купил какой-то третий экземпляр, впоследствии утраченный, как и другие старинные рукописи его библиотеки. Можно, однако, утверждать, что рукопись, записанная в счете, интересующем нас, была не отдельным списком повести «О побеге Петуха», но сборником, подобным двум рассмотренным. В самом деле, повесть о Петухе очень невелика по объему — в московском сборнике она занимает семь листов, в ленинградском — всего пять. Как бы красиво ни был оформлен этот коротенький текст, едва ли бы он стоил 25 рублей. уплаченных Пушкиным. Да и самое заглавие в счете указывает, если это

⁴⁸ В эпоху Петра I во время заселения строящегося Петербурга ранее других в 1714—1717 годах была образована Пушкарская слобода возле Литейного проспекта, недалеко от Пушечного двора, основной базы русской артиллерии, где и поныне сохранилось название Артиллерийской улицы; см.: Очерки истории Ленинграда, т. I. Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1955, стр. 129.

⁴⁹ При Петре было постановлено: «чтоб <рекруты> не бегали, перепоручить их круговую порукою; потом, соединив тех рекрут с гарнизонными солдатами, развестъ по капральствам и ротам и учить их непременно солдатской экзерциции...» (С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. IV, т. 16. Изд. 2-е, 6. г., гл. III, стб. 154).

только не описка, на «повести», а не «повесть», т. е. подразумевает собрание нескольких произведений, аналогично тому, что мы видим в двух описанных выше сборниках. «Повесть о побеге Петуха» могла быть первой в сборнике, и по ней он был весь озаглавлен книгопродавцем.

Как бы то ни было, перед нами — интереснейший факт для характеристики собирательских интересов Пушкина, его внимания к рукописной демократической литературе, связанной с эпохой Петра I и его преемников, так занимавшей его в 30-е годы.

Какие же выводы можно сделать из анализа книг, вошедших в счет неизвестного книгопродавца? Во-первых, большая часть из них представляет собой библиографическую редкость (не только для позднейшего, но и для пушкинского, и для предшествующего времени); во-вторых, большинство книг относится к истории петровского царствования и к эпохе его преемников и связано с научно-историческими трудами Пушкина; в-третьих, среди них имеются рукописные книги XVIII века, в том числе такая интересная рукопись, как «Повесть о побеге Петуха». Всё это заставляет думать, что счет, представленный Пушкину в конце 1836 года, исходил не из обыкновенной книжной лавки, а от букиниста-антиквара, собирателя редкой и старинной книги.

Кто же этот букинист-антиквар, у которого Пушкин в течение почти десяти лет находил и покупал интересные и нужные ему, часто очень редкие книги?

К сожалению, мы располагаем очень ограниченным материалом о книжной торговле первой половины XIX века. А ведь кому, как не книгопродавцам-букинистам, часто не имевшим достаточного образования, но любившим книгу и свое дело, обязаны наши центральные книгохранилища собранием редких изданий, рукописных книг, комплектов старинных газет, журналов и т. п.?

Постараемся всё же определить, кому из книгопродавцев принадлежит счет, исходя из имеющихся сведений о петербургской книжной торговле того времени.

Сохранились воспоминания двух книгопродавцев-современников: работа Н. Г. Овсянникова «Воспоминания старого книгопродавца о петербургской книжной торговле за пятидесятилетие до 1870 года» в сборнике «Материалы для истории русской книжной торговли» (СПб., 1879) и переизданная в наше время книга Н. И. Свешникова «Воспоминания пропащего человека» (Изд. «Academia», М.—Л., 1930). Вот что они рассказывают о книжной торговле в Петербурге первой трети прошлого века.

В конце 20-х годов XIX века центр русской букинистической торговли был сосредоточен внутри Апраксина двора. «Там существовала даже особая книжная линия». Эта линия состояла из небольших деревянных лавок, выстроенных рядом одна возле другой. «У каждой из лавок, снаружи, понаделаны были прилавки и столы, на которых торговцы выкладывали кипы разных старых и новых книг и журналов, а также раскладывали поодиночке дешевые, преимущественно московские издания, с заманчивыми названиями и с обложками, украшенными картинками трагического содержания».⁵⁰

Всего книгопродавцев, или, как их называли в то время, «книжников», насчитывалось около двадцати человек. Из них выделялись своей «деловитостью» и «состоятельностью» Василий Васильевич Холмушин, Иов Герасимович Герасимов, Дмитрий Федорович Федоров и Яков Васильевич

⁵⁰ Н. И. Свешников, ук. соч., стр. 359.

Матюшин. Называя эти имена, мы отбираем тех книгопродавцев, деятельность которых могла совпадать с хронологическими рамками комментируемого нами счета. Эти букинисты, в отличие от других, имели постоянные книжные лавки с определенным подбором книг, или, как говорит Н. И. Свешников, у каждого была «своя специальность».

Мысль, что счет может принадлежать какому-либо торговцу на лотке или на доске на улице, безусловно отпадает, ибо невозможно себе представить, чтобы книгопродавец, не имея постоянной крыши над собой, мог в течение чуть ли не десяти лет снабжать Пушкина книгами без своевременной оплаты.

Остановимся на специфике книжной торговли каждого из перечисленных букинистов.

Василий Васильевич Холмушин начал свою торговлю в 20-х годах «на рогожке». Постоянную торговлю начал с 1830 года. Торговал преимущественно синодальными изданиями, житиями святых, оракулами, письмовниками, песенниками, лубочными изданиями, вроде сказок о Бове, Еруслане и т. д. Торговал он также московскими романами, например: «Битва русских с кабардинцами», «Киевская ведьма, или страшные ночи за Днепром», повестями, наподобие «Гуака» и «Английского милорда», сказками и картинками лубочных изданий. Словом, как говорит Свешников, он вел торговлю «народным товаром». «Его покупателями в большинстве были торговцы на ларях и на столиках, каковых было несколько на Сенной площади, по Невскому проспекту и в других улицах — разносчики по Петербургу, а также провинциальные торговцы и офени».⁵¹

По воспоминаниям Н. Г. Овсянникова, В. В. Холмушин открыл свою торговлю «внутри Апраксина двора в 1830 году, на *развале*, т. е. месте, где не было лавок или ларей, а раскладывались книги наоткось положенной, широкой, вроде двери, доски. Отсюда Холмушин торговлю перенес в подвижную лавочку... и стал держать церковный товар, т. е. Псалтыри, Часовники, Святцы и т. п.»⁵²

Иов Герасимович Герасимов был одним из старейших букинистов. Свешников подчеркивает, что Герасимов был совершенно неграмотным. Расцвет его торговли начался с весьма удачной реализации громадного количества книг из склада Синодальной типографии. После наводнения 7 ноября 1824 года эти книги оказались изрядно попорченными водой. Герасимов купил их за 100 рублей и увез более чем на десяти возах. По его словам, выручил он за них не одну тысячу. И. Г. Герасимов в воспоминаниях современников представлен как большой знаток старинных книг церковной печати. «Этот товар был его коньком, и он скупал его почти у всех других торговцев. Он лучше других знал все старинные церковные книги и по печати мог определить, из какой типографии вышла та или другая, и при каком патриархе, царе или императоре... К нему частенько заходили люди ученые и поучались от него церковно-славянской библиографии».⁵³ В качестве примера Свешников называет среди посетителей его лавки Н. С. Лескова.

Как видно, ни Холмушин, ни Герасимов не могут быть намечены на роль того книгопродавца, который представил Пушкину разбираемый нами счет.

⁵¹ Там же, стр. 367—368.

⁵² Н. Г. Овсянников, ук. соч., стр. 55.

⁵³ Н. И. Свешников, ук. соч., стр. 366—367.

Более возможным претендентом в этом смысле мог бы быть Дмитрий Федорович Федоров. Но Федоров «придерживался учебного товара и книг по разным отраслям знания» и, хотя не отказывался и от беллетристической литературы, приобретал охотно только «выдающиеся сочинения известных авторов, именно те сочинения, которые ценились как распроданные или на которые был большой спрос».⁵⁴ Судя по воспоминаниям книгопродавцев, Федоров был более коммерсантом, чем книголюбом. Ради этой цели он впоследствии занялся издательской деятельностью. Им были изданы: «Жизнь птиц» А. Брема, «Чудеса древней страны пирамид» К. Опшеля, «Крошка Доррит» Ч. Диккенса, сочинения И. П. Мятлева и др. Однако кандидатура Д. Ф. Федорова не представляется нам подходящей по той простой причине, что самостоятельной торговлей он занялся, как увидим далее, значительно позднее, чем того требуют хронологические рамки счета.

Точной датой начала самостоятельной деятельности Федорова мы не располагаем, но имеются сведения о том, что он, будучи родственником В. В. Холмушина, начал с того, что проработал у него мальчиком шесть лет, а затем приказчиком два года у Герасимова. Но сам Холмушин начал торговлю в 20-х годах, раскладывая свой товар «на рогожке», и только после 1830 года завел свою собственную лавку.

Трудно предположить, чтобы Федоров служил мальчиком у Холмушина уже в самом начале его деятельности. Обычно только владельцы постоянных книжных лавок, заинтересованные в большей выручке, стремясь зазвать к себе как можно больше покупателей, нанимали специально для этого мальчиков-подростков, которые, стоя неотлучно у дверей, настойчиво зазывали в лавку шедших мимо прохожих. Таким мальчиком начал свою работу у Холмушина и Д. Ф. Федоров и проработал у него шесть лет. Но если даже предположить, что Холмушин начал торговать книгами не «в 20-х годах», а с 1820 или 1821 года, и тогда же у него начал работать Федоров, а через шесть лет перешел приказчиком к Герасимову, где прослужил не менее двух лет, то и в таком случае очень сомнительно, чтобы счет принадлежал Д. Ф. Федорову: в самом деле, первая книга, показанная в счете, была приобретена Пушкиным в июне 1827 года, т. е. тогда, когда Федоров был, вероятно, мальчиком у Холмушина или же, в лучшем случае, только поступил приказчиком к Герасимову. Вернее, однако, что и мальчиком он начал работать только с конца 20-х или начала 30-х годов, когда у Холмушина появилась постоянная книжная лавка, и только спустя девять-десять лет, т. е. в конце 30-х годов, занялся самостоятельной торговлей.

Остается один, наиболее вероятный кандидат — Яков Васильевич Матюшин. Я. В. Матюшин считался в свое время крупнейшим книгопродавцем-антикваром, замечательным знатоком редкой книги и впоследствии был незаслуженно забыт историками книжной торговли и составителями различных энциклопедических словарей и биографических справочников. Время его книготорговческой деятельности приходится на годы 1815—1864.

Я. В. Матюшин обучался книжной торговле у Ф. Х. Панькова. Свою торговлю открыл в 1815 году, сначала в Апраксином рынке по Садовой улице, а с 1832 года перенес ее внутрь Апраксина двора на постоянное место.⁵⁵ Заметим в этой связи, что до 1832 года Пушкин только один раз

⁵⁴ Н. И. Свешников, ук. соч., стр. 370.

⁵⁵ См.: Н. Г. Овсянников, ук. соч., стр. 52—53.

(в 1827 году) купил книгу у «неизвестного букиниста» — «Собрание российских песен» Н. И. Новикова, но начиная с 1832 года покупает у него книги ежегодно. Это обстоятельство совпадает с тем, что именно в 1832 году торговля Матюшина устроилась окончательно.

Н. И. Свешников и Н. Г. Овсянников в воспоминаниях уделяют Матюшину самое значительное по объему место. «Матюшин, — пишет Свешников, — держался торговли более старыми книгами русскими и иностранными. Он был в полном смысле знаток книжного дела...»⁵⁶

Я. В. Матюшин повсюду собирал редкие книги. Каждый день он обходил всех рыночных книгопродавцев и скупал у них всё лучшее, что приобретали они в продолжение дня. Небогатые книгопродавцы с удовольствием показывали Матюшину свои приобретения и охотно продавали ему то, что он выбирал. Считалось, что продать Матюшину «часто было выгоднее, чем постороннему покупателю. Он любил книги и хорошую, редкую из них никогда не выпускал из рук и иногда платил довольно высокую цену».⁵⁷ Любил он также собирать журналы и журнальные статьи, альманахи, комплекты старых газет, различного рода брошюры, оттиски. Часто Матюшин покупал и хранил такие книги, газеты и журналы, которые, по мнению других книгопродавцев, считались просто бумагой. Можно привести такой пример. Однажды для Англии искали полные комплекты двух русских газет: «Русского инвалида» и «Северной пчелы». Комплектов газет нигде не удавалось найти, даже в редакциях, а у Матюшина нашли и купили. Вообще лавка его была «литературный музей, а сам он — книгопродавец-антикварий», — заключает свои воспоминания о Матюшине Овсянников.⁵⁸ Я. В. Матюшин знал цену редким книгам и часто запрашивал за них довольно дорого. Современники подчеркивают его необыкновенную память. Он в течение ряда лет мог помнить, что такую-то книгу или маленькую брошюрку у него спрашивали, и хотя порой не помнил кто ее спрашивал, но берег ее и хранил.⁵⁹ Несмотря на то, что Матюшин продавал свои книги, журналы и прочее дорого, bibliофилы охотно его посещали, потому что у него действительно был хороший выбор книг по всем отраслям знания, особенно же потому, что ни у кого нельзя было найти такого выбора мелких и редких брошюр, оттисков и журнальных статей, как у Матюшина.

Замечательное книжное собрание Матюшина погибло в 1862 году во время пожара в Апраксином дворе. После пожара Я. В. Матюшин попробовал открыть торговлю на Семеновской площади, но, проторговав два года, вынужден был прекратить дело. Разбитый параличом и обедневший, Матюшин умер в 1869 году. «Некоторые из старых собирателей книг и до сих пор вспоминают о нем, как о знатоке и любителе своего дела», — заканчивает свои воспоминания о нем Н. И. Свешников.⁶⁰

По сведениям обоих мемуаристов, Я. В. Матюшин доставил много редкостей в Публичную библиотеку и другие хранилища. В Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина сохранились данные, касающиеся покупки у него книг, но лишь для позднего периода — 1853—1854 годов и далее.

⁵⁶ Н. И. Свешников, ук. соч., стр. 361.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Н. Г. Овсянников, ук. соч., стр. 53.

⁵⁹ Н. И. Свешников, ук. соч., стр. 362—364, где рассказывается случай, подтверждающий необыкновенную память Матюшина на книги.

⁶⁰ Там же, стр. 364.

По-видимому, продавать книги в государственные книгохранилища, а тем паче редкие книги, книгопродавцам было невыгодно, так как частный покупатель платил значительно дороже. Так, мы знаем, что альманах «Полярная звезда», по свидетельству современников, продавался сначала по 10 руб. асс.; но уже в 1826 и 1827 годах и в последующие годы его нельзя было достать и за 100 рублей.⁶¹ Матюшин в 1854 году предложил Публичной библиотеке «Полярную звезду» на 1824 год и получил за нее 3 рубля.⁶²

Среди книг, доставленных в 1854 году Матюшиным в Публичную библиотеку, мы находим отдельное издание седьмой главы «Евгения Онегина» (СПб., 1830),⁶³ на отсутствие которой директор библиотеки А. Н. Оленин еще в 1831 году жаловался председателю С.-Петербургского цензурного комитета К. М. Бороздину.⁶⁴ Издание было куплено за 50 коп., при номинальной его стоимости — 5 руб. Седьмая глава вместе с другими главами «Евгения Онегина» была переплетена в один том и сохранилась в пушкинской коллекции Публичной библиотеки в единственном экземпляре. Седьмая глава, как известно, была издана с «дозволения правительства», т. е. прошла цензуру III Отделения, и потому не была доставлена в Публичную библиотеку, восьмая же глава проходила обыкновенную цензуру, и потому ее обязательный экземпляр был своевременно, через Цензурный комитет, передан библиотеке.

В вышеупомянутом переплетенном собрании восьми глав — восьмая глава носит на себе частично срезанную при переплете надпись: «инв. № <...> 1832 год». Можно предположить, что этот экземпляр и был доставлен в качестве обязательного тотчас по выходе главы. В пушкинской коллекции Публичной библиотеки хранятся два отдельных экземпляра первой главы и один отдельный экземпляр второй главы. Седьмую же главу, как говорилось выше, удалось достать через Я. В. Матюшина лишь в 1854 году.

Тогда же было приобретено первое издание «Руслана и Людмилы» (СПб., 1820) за 40 коп. серебром и известная контрафакция «Кавказского пленника», выпущенная Ольдекопом: Puschkin, Alexander. «Der Berggefangene», St.-Ptb., 1824, 20 коп. серебром.

Среди книг, купленных Библиотекой у Матюшина в 1853 году, мы видим комплект «Петербургского календаря» на немецком языке за 1736—1810 годы с некоторыми пропусками. Цена 6 руб.⁶⁵

По счету от 19 августа 1853 года Публичная библиотека купила у Я. В. Матюшина издания 256 пьес за 70 руб. серебром; они записаны в большинстве случаев без авторов; из них более трети относится к 30-м, 50-м и следующим годам XVIII века.

В архиве Публичной библиотеки имеется ряд автографов Я. В. Матюшина, представляющих собой обычные расписки в получении денежных сумм за проданные Библиотеке книги. Судя по этим распискам, Матюшин был малограмотен. Он, безусловно, умел читать, но почти не умел писать, даже обычная подпись под документом давалась ему с трудом. Каждую

⁶¹ Т. Гриц, В. Тренин и М. Никитин. Словесность и коммерция. Изд. «Федерация», М., 1929, стр. 48.

⁶² Архив ГПБ, Книга прихода и расхода экономических сумм имп. Публичной библиотеки, № 2, 1854, л. 61 об., № 2962.

⁶³ Архив ГПБ, Реестр приобретенных книг посредством покупки в 1854 году, по счету от 20 апреля № 685.

⁶⁴ См. выше статью Ф. Я. Приямы «Пушкин и кружок А. Н. Оленина», стр. 244—245.

⁶⁵ Архив ГПБ, Реестр приобретенных книг посредством покупки для Публичной библиотеки в 1853 году, стр. 35—40.

букву фамилии ему приходилось вырисовывать, они расплзались вкривь и вкось, налезая друг на друга (см., например, книгу приходо-расходных сумм ГПБ за 1853 год, № 43, стр. 30).

Становится ясным, почему Матюшин не своей рукой написал счет Пушкину, а отдал его переписчику, который и переписал его, по всей вероятности, с оригинала Матюшина, сохранив ряд орфографических ошибок, но зато красивым каллиграфическим почерком. Счет был представлен Пушкину в конце октября — декабре 1836 года и оплачен до смерти поэта, т. е. не позднее конца января, ибо в перечень выплаченных Опекой долгов он не попал и в делах Опеки не значится.

Итак, мы с большой долей уверенности можем заключить, что счет «неизвестного русского букиниста» определяется по его принадлежности, и забытое в последнее время имя Якова Васильевича Матюшина может войти в перечень имен, имевших самое непосредственное отношение к истории библиотеки Пушкина и к его творческим работам.

Наши беглые замечания показывают еще раз, какой богатейший материал для исследователей творчества Пушкина, пытающихся проникнуть в тайники творчества поэта, может дать полное раскрытие книжного фонда, бывшего в его руках.

День за днем проследить, что читал Пушкин, в какой степени он был знаком с тем или иным произведением, какие места книги, мысли автора останавливали на себе его внимание, изучить все оставленные им на полях книг пометы, — одним словом, познать, какую роль могла сыграть та или иная книга в творческом труде Пушкина, — вот большая и благодарная задача для исследователя, ищущего подтверждения правильности делаемых им выводов.

Е. И. БОБРОВА

ПЕРЕВОД П. МЕРИМЕ «ПИКОВОЙ ДАМЫ»

(Автографическая рукопись)

В Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР в Ленинграде хранится автограф перевода «Пиковой дамы» Пушкина, сделанного Проспером Мериме (ф. 244, оп. 14, № 17). Значение этой рукописи для изучения хорошо известного в летописях французской литературы (и французского пушкиноведения) перевода П. Мериме определено еще не было, несмотря на то, что об этом переводе существует довольно обширная литература, а о самой рукописи уже давно сообщено было в печати.¹

Перевод «Пиковой дамы», сделанный П. Мериме, вышел в свет в 1849 году.² В 1852 году текст этого перевода самим Мериме был перепечатан в новой, исправленной редакции;³ поэтому именно этот текст как окончательный воспроизводился и во всех последних, довольно многочисленных его переизданиях.⁴

Именно по тексту 1852 года воспроизвел его Анри Монго в первом томе редактированного и комментированного им издания «Этюдов о русской литературе» П. Мериме, вышедшего в 1931 году в Париже (это издание входит в состав последнего и лучшего научно-критического издания «Полного собрания сочинений» П. Мериме).⁵ В комментариях к этому изданию

¹ M. Hoffmann. Le Musée Pouchkine d'Alexandre Onêguine à Paris. Paris, 1926, стр. 64, № 81.

² «Revue des Deux Mondes», 1849, 15 Juillet, t. III, стр. 185—206.

³ P. Mérimée. Nouvelles. M. Lévy fr., Paris, 1852, стр. 221—275.

⁴ Полную библиографию этих переизданий см. в книге: Pouchkine. Oeuvres complètes. Publiées par André Meunier. Drames, Romans, Nouvelles. A. Bonnet, éd., Paris, 1953, стр. 718—719. А. Меньё считает, что благодаря переводу Мериме «Пиковая дама» является и доныне «наиболее известным произведением Пушкина во Франции» (стр. 497), и перечисляет все издания этого перевода вплоть до последних (1946, 1947, 1948), выходящих с исправлениями издателей, в адаптациях и в разнообразных графических оформлениях. Среди этих изданий имеется немало и таких, в которых опускались имя Пушкина и автором повести назван переводчик — Мериме. А. Меньё указал (стр. 719) также, что в декабрьском номере журнала «Filles de France» за 1947 год автором «Пиковой дамы» (в переводе того же Мериме) считается... Дубровский! («La Dame de pique, par Doubrovsky»). См. также статью А. Меньё «Pouchkine traduit, Pouchkine trahi...» в журнале «Babel. International Journal of Translation published by the International Federation of Translators» (Bonn, 1954, vol. I, № 2).

⁵ Oeuvres complètes de Prosper Mérimée. Publiées sous la direction de Pierre Trahard et Edouard Champion. Etudes de littérature russe, t. I, Texte établi et annoté avec une introduction par Henri Mongault, Champion, Paris, 1931, стр. 35—80 («La Dame de pique»).

А. Монго указал все замеченные им ошибки и неточности в переводе Мериме,⁶ хотя и не исчерпал их до конца.⁷

Указанная рукопись, хранящаяся в Институте русской литературы, — единственный сохранившийся автограф этого перевода Мериме; поэтому вполне понятно сожаление, выраженное Монго, что он не мог познакомиться с этой рукописью, когда готовил к печати текст «Пиковой дамы» для «Полного собрания сочинений» Мериме.⁸ К сожалению, не воспользовались этой рукописью также и советские исследователи Мериме, посвятившие специальные работы подробному сравнению перевода Мериме с оригиналом Пушкина, например Л. Е. Коган и О. В. Тимофеева.⁹

В 1937 году Морис Партюрье опубликовал сообщение еще об одном рукописном варианте перевода «Пиковой дамы»,¹⁰ почему-то не указав, где он в настоящий момент хранится. Рукопись переписана, как ему удалось установить, дочерью приятельницы Мериме, Валентины Делессер, — Сесиль Делессер-Валон, подписана ее инициалами (С. D. V.), датирована маем 1849 года и переплетена в конце печатного экземпляра «Кармен». Партюрье ограничивается в своем сообщении кратким указанием на наиболее существенные разночтения между этой рукописью и первой печатной редакцией июля 1849 года, но подчеркивает большую работу над стилем, проделанную Мериме за время с мая (дата рукописи) до июля 1849 года, а также и с 1849 до 1852 года. Именно этот вариант, переписанный Сесиль Делессер, представляет особый для нас интерес.

Рукопись Института русской литературы не датирована. Это — небольшая тетрадь (20,5 × 13 см) в красном «французском» переплете (корешок и углы из темно-красной кожи, крышки оклеены бумагой темно-красных тонов). На корешке золотое тиснение: «La Dame de Piques». Рукопись

⁶ Там же, стр. 202—220.

⁷ Это констатировал А. Меньё, который хотя и перепечатал «Пиковую даму» «в переводе Мериме» в своем парижском издании «Полного собрания сочинений» Пушкина (т. I, 1953), но должен был признать, что в этом его переиздании после тщательной сверки перевода с подлинником не осталось «почти ни одной нетронутой фразы» (стр. 497).

⁸ См. комментарий Монго в книге: *Oeuvres complètes de Prosper Mérimée*, t. I, стр. 203.

⁹ Л. Е. Коган. Пушкин в переводах Мериме («Пиковая дама»). «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», т. 4—5, М.—Л., 1939, стр. 331—356. Сличение перевода Мериме с подлинником привело Л. Е. Коган к выводу, что это — «перевод, в котором подчас еще заметны стилистические требования французской литературы эпохи романтизма, в общем противоречащие вкусам и принципиальным установкам самого Мериме» (стр. 340). Это положение оспаривается в статье О. В. Тимофеевой «Мериме — переводчик Пушкина (Пиковая дама)» (Ученые записки Львовского государственного университета имени И. Франко, т. XXIV, Литературно-критический сборник, вып. 2, Львов—Харьков, 1953, стр. 121—132). О. В. Тимофеева пришла к заключению, что «перевод Мериме скорее литературная победа, чем поражение. Этот перевод всё же свидетельствует о том, что Мериме сумел во многих случаях преодолеть как традиционный для французов „вольный“ перевод, так и собственную литературную манеру, сухость которой отличала ее от сжатой, но насыщенной пушкинской фразы» (стр. 127). Вопросы о достоинствах и недостатках перевода «Пиковой дамы» затрагиваются также в многочисленных работах о Мериме и Пушкине — как русских, так и зарубежных, однако большинство их не выходит за пределы самых общих и давно уже высказанных соображений. См., например: Н. И. Маслова. А. С. Пушкин и Проспер Мериме. «Ученые записки Куйбышевского государственного педагогического института имени В. В. Куйбышева», вып. 2, 1938, стр. 208—220; И. В. Нечаев. Пушкин в оценке Мериме. «Ученые записки Калининского государственного педагогического института имени М. И. Калинина», т. XV, вып. 1, 1947, стр. 3—25, и др.

¹⁰ Maurice Parturier. Une version inédite de «La Dame de Pique» par Mérimée. «Revue de littérature comparée. Pouchkine. 1799—1837», Boivin, Paris, 1937, № 1, стр. 231—232.

писана на гладкой желтоватой бумаге с золотым обрезом, без водяных знаков. На заглавном листе: «Пиковая дама. La Dame de Piques,¹¹ traduit du Russe de Pouchkine», крупным почерком («„Пиковая дама“, перевод с русского из Пушкина»). Сама рукопись написана более мелко. Всего 149 стр. (листы 5—79).

Рукопись поступила в Пушкинский Дом в 1928 году вместе с другими материалами Собрания А. Ф. Онегина. Но в архиве нет никаких документов, на основании которых можно было бы установить, откуда получил ее прежний владелец — А. Ф. Онегин. Некоторые сведения об этом удалось почерпнуть из другого источника.

Хранящиеся в библиотеке Института русской литературы книги из Собрания А. Ф. Онегина испещрены его пометками самого разнообразного содержания. Не подлежит сомнению, что эти пометки принадлежат ему, так как местами они подписаны инициалами «АОН». В книге «Augustin Filon. Mérimée et ses amis, 2-me éd., Paris, Hachette, 1909», из Собрания А. Ф. Онегина, на стр. 89 (глава III), внизу страницы, под печатным текстом имеется заметка, написанная карандашом, относящаяся, как это показывает линия, проведенная тем же карандашом, к имени Delessert, стоящему в тексте.¹² Именно эта пометка и указывает, что принадлежавшая Онегину рукопись исходила от Делессер, точно так же как и рукопись Партюрье. Онегин пишет: «У меня несколько книг из ее библ<и>отеки» (куп<л>енных» на аукционе) и рукопись Мериме перевода „Пиковой дамы“. Есть и тургеневские ей подношения... АОН». Мы считаем, что это совершенно ясное указание на то, что рукопись принадлежала первоначально Валентине Делессер. Таким образом, можно считать установленным, что обе известные в настоящее время рукописи перевода «Пиковой дамы» — как оригинал, так и список, восходят к одному источнику. По поводу рукописи, переписанной Сесиль Делессер, мы принуждены ограничиться только теми данными, которые приводит Партюрье в своей заметке. Анализ его замечаний и сравнение с печатным текстом 1849 и 1852 годов заставляет предположить, что рукопись, обследованная Партюрье, представляет собой копию, снятую с подлинника, находящегося ныне в Институте русской литературы. Это подтверждается совпадением тех немногих мест, которые цитирует Партюрье из рукописи Сесиль Делессер-Валон, с соответствующими местами подлинника.

И в той, и в другой рукописях совсем не переведено слово «затянулся» из вызвавшей в свое время столь многие разговоры фразы в главе I: «Томский закурил трубку, затянулся и продолжал», которую Мериме, как известно, в первом издании «Пиковой дамы» в 1849 году перевел: «Томский закурил трубку, затянул пояс и продолжал» и которую переправил в издании 1852 года после того, как Л. С. Пушкин указал ему на его ошибку.¹³

¹¹ Слово «piques» написано в форме множественного числа в обеих рукописях, в отличие от печатных текстов, применяющих форму единственного числа — «pique».

¹² Фраза, к которой относится пометка, звучит так: «Ils se lièrent (подразумевается семья Монтихо, — Е. Б.) avec les familles les plus distinguées de la société parisienne, entre autres les Delessert et les de Laborde, où Mérimée était reçu intimement depuis l'enfance» («Они завязали знакомство с наиболее выдающимися в парижском обществе семьями, среди них с Делессер и Лаборд, где Мериме с детства был принят за простою»).

¹³ См. комментарий Монго в книге: Oeuvres complètes de Prosper Mérimée, t. I, стр. 207—208. Мериме был очень огорчен допущенной им столь грубой ошибкой в переводе пушкинского текста. Спустя много лет, во второй половине 60-х годов, он дважды вспоминает об этом в письмах к И. С. Тургеневу. См. Maurice Parturier. Une amitié littéraire. Prosper Mérimée et Ivan Tourguéniev. Hachette, <Paris>, 1952, стр. 132—133, письмо от 1 мая 1866 года, и стр. 198, письмо от 29 октября 1868 года.

Но есть и такие случаи, когда рукописный текст дает более точный перевод, по сравнению с печатным. В обеих рукописях выражение «полосатый чулок» (конец главы II) переведено совершенно правильно «*bas rayé*», тогда как в обеих редакциях печатного текста мы находим «*bas à jour*», т. е. «ажурный чулок».¹⁴

Далее, цитируемое Партюрье описание внутреннего убранства спальни графини (глава III) целиком совпадает с соответствующим местом рукописи Института русской литературы. Впоследствии, в печати, Мериме несколько сжал текст и удалил слово «рулетка», неудачно переведенное им, как указывают обе рукописи, через *émigrés* (т. е. «эмигранты») вместо *émigrettes*.¹⁵

Точно так же в обеих рукописях одинаково переведены и другие места, цитируемые Партюрье, например, глава II — «и отвечала за погоду и за мостовую» — «*c'est à elle qu'on s'en prenait des mauvais chemins et des ponts à réages*» («и это она была виновата, что дороги плохи, а мосты с пошлинами»). Здесь, очевидно, Мериме имеет в виду ту плату, которую взимали при переезде и при переходе через мосты в Париже еще в XIX веке, и, не поняв текста, переносит это на Петербург.¹⁶ И в конце главы VI: «В эту минуту ему показалось, что пиковая дама прищурилась и усмехнулась» — «*Les yeux attachés sur cette carte funeste, il lui sembla que la dame de piques clignait un oeil et lui souriait d'un air moqueur*» (стр. 145—146: «Когда он устремил взоры на эту роковую карту, ему показалось, что пиковая дама подмигивала и улыбалась ему с насмешливым видом»). Впрочем, последний текст совпадает и с текстом, напечатанным в 1849 году. Лишь в редакции 1852 года он сокращен и приближен к русскому подлиннику.¹⁷

Желая показать, как сильно был переработан Проспером Мериме текст перевода в стилистическом отношении во время подготовки его к печати, Партюрье цитирует еще один большой абзац из главы III (у Пушкина начиная со слов: «Как и все старые люди вообще...» и кончая словами: «...но по действию скрытого гальванизма»), который также вполне одинаков в обеих рукописях: «*Comme la plupart des vieilles gens, la comtesse était tourmentée par des insomnies. Avant de congédier ses femmes, elle avait fait rouler son fauteuil dans l'embrasure d'une fenêtre. Là, toute jaune, toute ratatinée, les lèvres pendantes, elle balançait doucement la tête à droite et à gauche, dans ses yeux troubles on lisait l'absence de la pensée, et en regardant brandiller cette tête ridée on eût dit qu'elle ne se mouvait pas par l'action de la volonté, mais par quelque mécanisme secret. Les bougies usées s'éteignirent, la chambre n'était plus*

¹⁴ См. комментарий Монго в книге: *Oeuvres complètes de Prosper Mérimée*, t. I, стр. 212. Мериме допустил еще одну неточность, не замеченную Монго: в III главе повести вместо «пастушки» (*bergères*) Мериме перевел «пастушки» (*bergers*), быть может, не желая употребить слово «*bergère*», которое имеет также значение «диван с подушками».

¹⁵ См. комментарий Монго в книге: *Oeuvres complètes de Prosper Mérimée*, t. I, стр. 214.

¹⁶ Мостовая у Мериме ассоциировалась в сознании по корню слова с мостами, т. е. он слово «мостовая» перевел как прилагательное, полагая, что это «мостовая» пошлина. Л. Е. Коган неправильно переводит выражение «*ronts à réages*», как «дорожные мосты» (см. ук. соч., стр. 355).

¹⁷ В издание Шампиона вкралась досадная опечатка. В тексте пропущена целая строка: «*sembla que la dame de pique clignait de l'oeil et lui*». Поэтому перевод звучит совсем неправильно: «*Les yeux attachés sur cette carte funeste, il lui souriait d'un air gaillard*» (стр. 79: «С глазами, устремленными на эту карту, он ей улыбался с насмешливым видом»). О переводе этой фразы см. также: Л. Е. Коган, ук. соч., стр. 353—354.

éclairée que par la lampe allumée devant les saintes images»¹⁸ («Как большинство старых людей, графиня страдала бессонницей. Прежде чем отпустить своих служанок, она приказала подкатить кресло в амбразуру окна. Там, вся желтая, вся сморщенная, с отвислыми губами, она тихо качала головой направо и налево. В мутных глазах ее читалось отсутствие мысли, и, смотря на качание этой морщинистой головы, можно было бы сказать, что она двигалась не по действию воли, а каким-то скрытым механизмом. Догоревшие свечи погасли, комната была теперь освещена только лампадой, зажженной перед образами»).

Как в рукописи Партюрье, так и в рукописи Института русской литературы, всюду «Лизавета Ивановна» переведено через «Elisabeth»; в позднейшей редакции 1849 и 1852 годов находим «Lisabeth».¹⁹

Таким образом, во всех случаях, где мы могли сравнить тексты двух сохранившихся рукописей, оказалось полное совпадение. Очень незначительное расхождение имеется лишь в одной фразе текста главы III (описание внутреннего убранства спальни графини): «и разные дамские игрушки, изобретенные в конце минувшего столетия». В рукописи Института русской литературы (стр. 76): «Tous ces mille joujoux», в рукописи Партюрье: «Tous les mille joujoux». Возможно, это простая описка при списывании.

Партюрье прав, когда указывает на большую редакционную работу, сделанную Мериме за время с мая по июль 1849 года над переводом. Изменения, внесенные за это время, значительно приблизили его к русскому оригиналу. Лишь в переводе отдельных выражений в некоторых случаях первый вариант был удачнее, большей же частью исправления значительно способствовали уточнению текста. Советы друзей Мериме, хорошо знавших русский язык, В. И. Дубенской-Лагрэнэ и С. А. Соболевского принесли несомненную пользу переводчику. Отметим несколько наиболее существенных исправлений.

В главе II слова Томского: «Как хороша была Елецкая!» переведены в рукописи Института русской литературы: «Hélène était à ravir» (стр. 22: «Елена была восхитительна»). Сначала, по-видимому, Мериме принял фамилию «Елецкая» за имя «Елена». В печатном тексте 1849 года это уже исправлено.

Там же, уже цитированная нами фраза: «и отвечала за погоду и мостовую» переведена: «c'est à elle qu'on s'en prenait des mauvais chemins et des ponts à réage» (стр. 37: «и это она была виновата в том, что дороги плохи, а мосты с пошლიной»). «Мостовая» превратилась у Мериме и в «дурную дорогу» и в «мосты с пошлиной». В тексте 1849 года этот абсурд исправлен: «C'est à elle qu'on s'en prenait du mauvais pavé et du mauvais temps».

В главе IV слова Томского: «Я даже полагаю, что Германн сам имеет на вас виды» переведены: «Moi je gagerais que Hermann vous a vue» (стр. 99: «Я бы держал пари, что Германн вас видел»). Мериме спутал «иметь виды» и «видеть». В печатном тексте 1849 года исправлено: «Et puis, je parierais que Hermann a ses projets sur vous».

В главе V слова: «Сон у него прошел» переведены прямо противоположно смыслу: «Le sommeil le gagnait» (стр. 121: «сон им овладевал»). Позднее, в печати исправлено: «Il n'avait pas envie de dormir».

¹⁸ См. комментарий Монго в книге: *Oeuvres complètes de Prosper Mérimée*, t. I, стр. 215; в рукописи ИРЛИ — стр. 81—83.

¹⁹ Там же, стр. 209.

В главе VI слова: «Молодые офицеры соскочили с диванов» переведены: «De jeunes officiers étaient montés sur les divans pour mieux voir» (стр. 142—143: «Молодые офицеры поднялись на диваны, чтоб лучше видеть»). В печатном тексте 1849 года исправлено: «Les jeunes officiers avaient quittés les divans».

Несколько фраз и выражений вообще не переведены у Мериме. Мы уже упоминали о слове «затянулся», которое, как весьма правдоподобно полагает Партюрье, было умышленно опущено переводчиком. Но есть пропуски, которые представляют собой меньшие трудности для перевода.

В главе II пропущена фраза: «И Томский вышел из уборной» (стр. 27). В печати она имеется с 1849 года.

Там же, в фразе: «думал он на другой день вечером, бродя по Петербургу» не переведено слово «вечером»: «se disait-il, le lendemain, en se promenant à l'aventure par les rues» (стр. 48—49). В печатном тексте оно есть.

В главе III в фразе: «Он остановился, и с трепетом ожидал ее ответа» не переведено «с трепетом»: «Il s'arrêta attendant une réponse» (стр. 88). Но уже в 1849 году в печатном тексте стоит: «Il s'arrêta, attendant une réponse en tremblant».

В главе V в фразе: «Кругом стояли ее домашние: слуги в черных кафтанах с гербовыми лентами на плече и со свечами в руках...» пропущено «и со свечами в руках», быть может, потому, что обычай этот был чужд Мериме: «La famille était groupée autour du cathafalque: les domestiques en caftan noir, avec des noeuds de rubans armoriés sur l'épaule» (стр. 114). В печатном тексте пропущенная фраза восстановлена.²⁰

В целом редакторская работа Мериме шла по пути сокращения первоначального текста перевода. Это было совершенно необходимо, так как Мериме довольно широко пользовался системой «описательной», а не точной передачи текста Пушкина на французский язык. Следы этого сохранились и в окончательной редакции 1852 года, но в значительно меньшей степени.

Характернейшим примером может служить перевод в главе VI фразы: «Германн принял их <деньги> с хладнокровием и в ту же минуту удалился». В рукописи Института русской литературы текст следующий: «Celui-ci avec le plus beau sang-froid, les mit dans sa poche, se leva de la table et quitta le salon» (стр. 142: «Он с величайшим хладнокровием положил их в карман, поднялся из-за стола и покинул гостиную»). В печатной редакции 1849 года сокращено: «... à Hermann, qui les prit avec le plus grand sang-froid, se leva et sortit aussitôt» («Германн, взяв их с величайшим хладнокровием, встал и тотчас вышел»).

Окончательный текст перевода, воспроизведенный Монго в издании Шампиона, был сверен редактором с подлинником. Как мы уже указывали, замеченные им несообразности, неточности и отклонения от текста Пушкина Монго отметил в примечаниях, помещенных в конце тома. Помимо разных неточностей, допущенных Мериме из-за недостаточного знания русского языка, имеется то, что Монго обозначает термином «touche mériméenne» и что выражается в своего рода легкой метафоризации текста Пушкина. Мы не ставили себе задачу подробного текстуального сравнения перевода с подлинником, а остановились на данном вопросе лишь постольку, поскольку это было необходимо для характеристики и определения описываемой нами рукописи. Всё же нужно отметить одну неточность, которая не была исправ-

²⁰ Там же, стр. 217. В окончательной редакции 1852 года вместо «La famille était groupée autour du cathafalque» написано: «Autour du cathafalque la famille était réunie».

лена, осталась и в редакции 1852 года и не указана ни у Монго, ни у Л. Е. Коган, ни у О. В. Тимофеевой. Имеем в виду фразу в конце главы IV: «По этой самой лестнице, думал он, может быть лет шестьдесят назад, в эту самую спальню, в такой же час, в шитом кафтане, причесанный à l'oiseau goyal, прижимая к сердцу треугольную свою шляпу, прокрадывался молодой счастливец...»²¹ Перевод во всех редакциях прямо противоположен смыслу. Мериме упорно пишет, что кто-то покидал спальню графини в этот час. Так, в рукописи Института русской литературы: «sortant de cette chambre à coucher» («выходя из этой спальни») и «descendait quelque galant» (стр. 110: «спускался какой-нибудь щеголь»)²²

В отношении описываемой рукописи укажем еще на одну особенность. В первой ее части отсутствуют какие бы то ни было поправки. Но начиная со стр. 83 в нескольких местах отдельные слова переправлены из других. Пристальное рассмотрение показывает, что эти слова в рукописи переправлены большей частью из слов, к которым Мериме вернулся впоследствии в печатном тексте 1849 года. Исправления эти таковы.

В главе III: «Губы перестали шевелиться, глаза оживились: перед графиней стоял незнакомый мужчина» переведено: «Les lévres tremblèrent, les yeux s'animent. La comtesse venait d'apercevoir un inconnu debout devant elle: c'était Hermann» (стр. 83). При этом L в слове La переправлено из буквы D, а в печатном тексте 1849 года вместо «La comtesse» и т. д. стоит: «Devant la comtesse, un inconnu venait de paraître» («Перед графиней внезапно появился незнакомец»).

В главе IV в начале фраза: «погруженная в глубокие размышления» переведена «dans une profonde rêverie» (стр. 93). При этом слово «gêverie» написано над зачеркнутым словом «méditation», а в печатном тексте читаем: «dans une profonde méditation».

Там же, дальше фраза: «С первого взгляда она удостоверилась в его отсутствии» переведена: «Du premier coup d'oeil elle reconnut...» (стр. 94). При этом слово «reconnut» переправлено из слова «s'aperçut», а в тексте 1849 года стоит: «Du premier coup d'oeil, elle s'assura de son absence».

Там же, в конце главы фраза: «встала, вынула из комода ключ» переведена: «Alors elle prit dans un tiroir une clef» (стр. 108). При этом слова «prit dans» переправлены из слов «tira d'un».

Далее, фраза: «Германн остановился перед нею, долго смотрел на нее» переведена: «Un moment il la regarda attentivement» (стр. 109). При этом слово «regarda» переделано из слова «contempla». В тексте 1849 года стоит: «Il s'arrêta devant elle, et la contempla quelque temps».

В главе VI фраза Чекалинского: «С моей стороны я, конечно, уверен» переведена во всех редакциях: «Je suis parfaitement convaincu», но в рукописи Института русской литературы слово «convaincu» переделано из слова «assuré» (стр. 138), которое, однако, ни в одной редакции не встречается.

Наконец, там же дальше фраза: «поставил карту, положив на нее свои сорок семь тысяч» переведена: «il prit une carte sur la quelle il mit quarante sept mille roubles» (стр. 141). При этом слова «carte» и «sur la» переделаны из «nouvelle carte sur».

Не подлежит сомнению, что рукопись Института русской литературы хронологически предшествует печатному тексту 1849 года. И если в ней были как будто выражения, которые потом встречаются в редакции

²¹ Курсив наш. — Е. Б.

²² Другие подобные случаи, когда Мериме дает перевод, прямо противоположный смыслу подлинника, указаны у Монго.

1849 года, а здесь, в рукописи, заменены другими, то это показывает лишь с нашей точки зрения, что они были, вероятно, в самой первой, черновой рукописи Мериме, до нас не дошедшей, затем были заменены, затем снова появились в печатном тексте 1849 года.

Отсутствие каких-нибудь сведений о рукописи «Пиковой дамы» в имеющихся в нашем распоряжении изданных письмах Мериме к семье Делессер, к Лагрэнэ, к С. А. Соболевскому и к другим лицам — лишает нас, к сожалению, возможности выяснить хотя бы приблизительно точную дату окончания описываемой рукописи, а также установить путь, который она прошла до того, как попала к Делессер.

Что касается неточностей, допущенных Мериме при переводе, то большинство их всё же объясняется плохим знанием русского языка и недостаточно внимательным вчитыванием в текст подлинника.

ЯНУШ ОДРОВОНЖ-ПЕНЕНЖЕК

ПУШКИН И ПОЛЬСКИЙ РОМАНТИК ГУСТАВ ЗЕЛИНСКИЙ

Творчество польского поэта-романтика Густава Зелинского (1809—1881) тесно связано с русской романтической поэзией. Самым ярким выражением этой связи является наиболее известная из его поэм «Киргиз» (1842),¹ положившая начало его известности. Однако впоследствии Г. Зелинский был забыт; интерес к нему возродился лишь в недавнее время.

Ровесник Юлиуша Словацкого, Зелинский происходил из богатой дворянской семьи, в которой господствовал дух патриотизма и независимости. Высшее образование он получил в Варшавском университете, закончив его в 1830 году, в то самое время, когда в Польше вспыхнуло ноябрьское восстание. Молодой Зелинский принял в нем активное участие. После поражения восстания, воспользовавшись амнистией, Зелинский остался на родине, но уже в 1833 году за связь с революционными деятелями, стремившимися организовать новое вооруженное восстание против царизма, он был арестован и сослан в Сибирь.

Как поэт Зелинский начал пробовать свои силы в Тобольске, где он жил сравнительно недолго. Затем его сослали в городок Ишим, где он и оставался вплоть до своего освобождения в 1842 году. В сибирских городах в то время жило большое количество польских ссыльных. Зелинский в те годы был близок с Адольфом Янушкевичем, другом Адама Мицкевича (обессмертившего Янушкевича в третьей части «Дзядов»), позднее ставшим автором интересных путевых заметок о Казахстане и собирателем казахского фольклора. Зелинский был близок еще с одним другом Мицкевича — с Онуфрием Петрашкевичем, одним из основателей Общества филематов. Находясь в ссылке в Сибири, Зелинский много читал, углубляя свои знания по вопросам философии, социологии и литературы. Книжные новинки он получал с родины через своих друзей-ссыльных. В то время он основательно ознакомился с французской, немецкой и русской литературой.

Заметки Зелинского, сохранившиеся в его записных книжках, относящихся к этому периоду,² дают возможность довольно отчетливо представить себе ту роль, которую в его творчестве этих лет играла современная ему русская литература. Эта роль была безусловно значительной. Из записей Зелинского видно, что он постоянно следил за текущими русскими журналами, доходившими до Ишима (так, например, он читал «Современник», «Журнал министерства народного просвещения», в своей неофициальной части дававший много интересных статей и обзоров научного,

¹ Kirgiz. Powieść przez G. Z. Wilno, 1842.

² Эти записные книжки и календари находятся ныне в архиве Густава Зелинского в Библиотеке имени Зелинских (Biblioteka im. Zielińskich) в городе Плоцке.

литературного, исторического, этнографического и археологического содержания, а также издававшийся с 1841 года «Москвитянин»). В записных книжках Зелинский делал отметки о прочитанных им книгах, среди которых были и произведения Пушкина. Так, в 1838 году он делает отметку в своем «Календаре»: «Сочинения А. Пушкина, СПб., 1838, т. II: „Руслан и Людмила“, „Кавказский пленник“ и т. д.» В «Календаре» 1840 года находим запись: «„Евгений Онегин“, соч. А. Пушкина», в следующем 1841 году вновь отмечены: «Сочинения А. Пушкина, СПб., 1837 <?>, томы IV—VIII». Таким образом, в руках Г. Зелинского были, вероятно, разрозненные тома первого посмертного собрания сочинений Пушкина и, может быть, некоторые его произведения в отдельных изданиях (например, «Евгений Онегин»).

Верность поэтическим традициям Мицкевича, приверженность к «романтической народности», интерес к фольклору, к творчеству Пушкина и Лермонтова, — всё это способствовало тому, что Зелинский почувствовал большой интерес к казахам, называвшимся тогда киргизами, аулы которых он встречал в окрестностях Ишима. Именно казаха он и сделал героем своей поэмы, прославлявшей идею вольности, а свободолюбивый, блуждающий по степи герой поэмы — казах стал здесь ее символом. В поэме повествуется о молодом казахе (киргизе), бежавшем из плена и нашедшем убежище в юрте убийцы его отца. Полюбив дочь своего кровного врага, он бежит вместе с ней от жестокого, мстительного старика; тогда старый бий зажигает сухую степь, и беглецы гибнут в пламени. Правда, не все этнографические подробности из жизни «киргизов» верны, однако события, о которых она повествует, вполне правдоподобны. Многие из сравнений и метафор поэмы, прежде всего те, которые являются выражением непосредственного отношения поэта к сибирской природе и к жизни казахов, делают «Киргиза» Зелинского произведением, в художественном отношении отличным от «восточных» байроновских поэм, занимавших в литературе того времени значительное место.³

³ Подробнее об этом см.: Janusz Odrowąż-Pieniążek. Gustaw Zieliński — piewca wolności i syberyjskich stepów. «Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego», 1955, № 3 (12), стр. 110—134; здесь указана и литература вопроса. В польской научной литературе о Г. Зелинском еще не ставился вопрос о том значении, какое могла иметь для его поэмы современная ей русская литература о киргизах-казахах. В 30-е годы прошлого века эта литература была уже довольно велика. Если «Киргизский пленник. Повесть в стихах» Н. Муравьева (М., 1828) еще почти полностью повторяет сюжетную схему «Кавказского пленника» Пушкина, представляя к тому же Казахстан в очень условном, сугубо романтическом свете, то уже в 30-е годы появляется ряд произведений, намекающих более правдивое в этнографическом отношении изображение жителей казахских степей. На страницах «Литературной газеты» 1830 года обращалось внимание читателей на повесть А. П. Крюкова «Киргизский набег» и опубликован отрывок из повести того же автора «Якуб-Батырь» (ср.: В. И. Межов. Сибирская библиография, т. III. СПб., 1892, стр. 233, 234). Та же «Литературная газета» по достоинству оценила обстоятельный труд А. И. Левшина «Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей», из которого отрывки печатались здесь, под заглавием «Этнографические известия», еще до появления в печати всего сочинения в полном виде (ч. III, СПб., 1832). В 1831 году появился «Киргиз-кайсак» В. А. Ушакова (изд. 2-е, 1835), еще позже «Бикей и Мауляна» В. И. Даля и др. М. И. Фетисов (Литературные связи России и Казахстана. 30—50-е годы XIX века. М., 1956), подробно анализирующий все эти произведения, отмечает, что их значение «состоит в том, что они вводили читателей в незнакомый круг переживаний и представлений жителей степи, в своеобразную этнографическую обстановку их бытового уклада, утверждали уважение к ним. Ушаков и тем более Даль стремились показать отдельные типичные стороны народной казахской жизни» (стр. 70—71). Было бы интересной задачей установить, какие подробности казахской жизни были известны Г. Зелинскому из личных впечатлений и устных рассказов и

Наряду с Байроном (в частности, с его поэмой «Абидосская невеста») литературным образцом для «Киргиза» явился Пушкин, с произведениями которого Зелинский был хорошо знаком. Сравнивая «Кавказского пленника» и «Цыган» Пушкина с поэмой Зелинского, можно провести очень интересные параллели, показывающие, насколько сильным было влияние Пушкина на Зелинского.⁴ Многие поэтические образы, а иногда даже фразеологические сочетания в поэме Зелинского вызывают в памяти произведения великого русского поэта, который, по-видимому, являлся для польского романтика образцом поэтического мастерства. Образы эти и у Зелинского отличаются большой пластичностью и силой. Стоит напомнить хотя бы описание похода киргизов, которым начинается шестая часть поэмы:

Za danym znakiem — auły zdjęto,
Zabrano sprzęty — jurty zwinięto
I na dwukolne złożono wozy...
Zwolna — ruszają ciężkie obozy;
Step się ożywia, pstrzy i zaludnia.⁵

(По сигналу снялись аулы с места,
Собраны вещи, свернуты юрты
И положены на двухколесные возы...
Медленно двинулись тяжелые подводы,
Степь ожила, стала пестрее и многолюднее.)

Эти стихи невольно приводят на память «Цыган» Пушкина, где мы находим нечто подобное:

И с шумом высыпал народ;
Шатры разобраны; телеги
Готовы двинуться в поход.
Всё вместе тронулось — и вот
Толпа валит в пустых равнинах.⁶

Наряду с Пушкиным можно вспомнить здесь также и Лермонтова. Некоторую аналогию можно было бы провести между главными героями «Мцыри» Лермонтова и «Киргиза». Еще более близкое родство связывает «Киргиза» с поэмой Лермонтова «Измаил-Бей», хотя Зелинский не мог знать этой поэмы, написанной, правда, еще в 1832 году, но изданной уже после смерти Лермонтова, в 1843 году, т. е. через год после «Киргиза».⁷

Известное сходство поэмы польского поэта с произведениями великих русских поэтов заключается не только в избранной им поэтической форме. Не будет преувеличением, если мы скажем, что «Киргиз» Зелинского питался идеями русской поэзии, в частности восточных, «кавказских» поэм Пушкина, Лермонтова и Полежаева. Творческий и жизненный опыт, пре-

какие могли дойти до него из указанных русских книг. Однако отметим, что М. И. Фетисов в указанной монографии ни разу не упоминает «Киргиза» Зелинского, а между тем эта поэма была известна русским читателям еще в 40-е годы. См. также: Е. Симонова, Густав Зелинский и его поэма «Киргиз». «Советский Казахстан», Алма-Ата, 1957, № 2, стр. 117—118.

⁴ На это указывал уже Иосиф Голомбек в своей статье о «Киргизе» Зелинского (J. Gołąmbek. Uwagi nad poematem Gustawa Zielińskiego «Kirgiz». «Przegląd Humanistyczny», 1922, т. I, стр. 248—284).

⁵ Цитирую по новейшему изданию: Gustaw Zieliński. Kirgiz i inne poezje. Opracował i wstępem poprzedził Janusz Odrowąż-Pieniążek, Warszawa, 1955, стр. 137.

⁶ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. IV, Изд. Академии наук СССР, 1937, стр. 182.

⁷ И. Голомбек в названной выше статье «Uwagi nad poematem Gustawa Zielińskiego „Kirgiz“» (стр. 264), имея в виду близость обеих поэм, предполагает даже, что будто бы и Лермонтов и Зелинский имели общий источник.

бывание в Сибири, а также усвоенные им традиции польской романтической поэзии, возглавлявшейся Мицкевичем, способствовали созданию произведения, сохранившего имя Зелинского в памяти потомков. Эта поэма является лучшей в его творчестве как в идейном, так и в художественном отношении. И хотя в истории польской литературы Зелинский значится в ряду второстепенных писателей-романтиков, издание его «Киргиза» (поэма появилась в Вильне в 1842 году) явилось большим событием в литературной жизни Польши; со временем «Киргиз» завоевал большую популярность не только на родине автора, но и за границей.

Современники ставили его «Киргиза» в один ряд с «Гражиной» Мицкевича, «Марией» Мальчевского и «Яном Белецким» Словацкого; поэму переводили на многие европейские языки. На немецкий и французский языки, например, она переводилась по нескольку раз;⁸ кроме того, существуют переводы поэмы «Киргиз» на итальянский, английский и чешский языки. В Польше в 1956 году вышло двадцать второе издание поэмы в оригинале. Переводилась поэма и на русский язык. Так, еще в 1843 году в журнале «Денница» приведен был отрывок из «Киргиза» в польском оригинале и в русском параллельном прозаическом переводе.⁹ «Приветствуем новый, прекраснейший поэтический талант, недавно явившийся в области польской литературы, и считаем приятнейшим долгом познакомить с ним наших читателей», — писал в предисловии к этому отрывку издатель «Денницы» Петр Дубровский. Поэма привлекала к себе внимание русских переводчиков и в более позднее время. Так, еще в 1872 году в журнале «Дело» Н. Д. (В. И. Немирович-Данченко) поместил «Отрывок из поэмы „Киргиз“ (С польского)», сопроводив «примечанием переводчика», в котором, между прочим, говорится: «Прекрасная польская поэма „Киргиз“, окончание которой мы перевели, давно известна всем любителям славянской поэзии».¹⁰ Впоследствии Георгий Гребеньщиков издал полный стихотворный перевод «Киргиза»; в предисловии к своему изданию, говоря о Зелинском, этом, по его словам, «чутком и талантливом... польском поэте», «бурею событий... заброшенном к нам в Сибирь, а затем и в киргизские степи», Гребеньщиков писал: «Впервые прослушав „Киргиза“, я невольно полюбил его и искренно пожалел, что наша литература не только не имеет его в переводе, но почти и не знает о нем, и

⁸ Ряд переводов «Киргиза» Зелинского на французский и немецкий языки перечислен в книге: В. И. Межов. Сибирская библиография, т. III, стр. 241 (№№ 23518—23521), однако эти указания случайны и могли бы быть значительно пополнены.

⁹ Отрывок из повести в стихах г. Г. З. под заглавием: Киргиз. «Денница. Словянское обозрение», издаваемое Петром Дубровским, Варшава, 1843, ч. I, стр. 85—89. Дубровский не раскрыл еще полного имени Зелинского, так как на титульном листе первого, виленского издания «Киргиза» стояли лишь инициалы автора (Kirgiz. Powieść przez G. Z.).

¹⁰ «Дело», 1872, № 6, стр. 215—217. Этот перевод перепечатан в книге: Василий Немирович-Данченко. Стихи. 1863—1901. Изд. 2-е, СПб., 1902, стр. 255—258, под заглавием: «„Погоня“ из поэмы „Киргиз“ (С польского)». Переводчик не называет имени автора, так как не нашел его в «Деннице» Дубровского, бывшей источником его перевода: Немирович-Данченко переложил в стихах тот самый отрывок поэмы, который приведен был в «Деннице» в двух параллельных текстах. Отметим также, что тот же Немирович-Данченко в свою повесть «Сам себе помогай!..» («Детское чтение», 1901, № 5, май, стр. 180—183) включил весь переведенный им фрагмент из «Киргиза» о пожаре степи, снабдив его следующим предварительным замечанием: «Я лучше передам это словами польского поэта. Тот видел такой же пожар и приурочил его к похищению киргизом своей невесты» (гл. XIII, стр. 180).

только поэтому, несмотря на свои скромные силы, я рискнул дать „Киргиза“ в русском переводе».¹¹

По возвращении на родину Зелинский постепенно отошел от активной литературной деятельности, а со временем занял консервативные позиции. В основном он занимался хозяйством в имениях, оставшихся ему в наследство. В 1856 году он издал поэму «Степи» («Stepy»), которая, в некотором роде, явилась дополнением к «Киргизу»: тематически она связана с Казахстаном, некоторые ее части не лишены поэтических достоинств.

Среди еще более поздних литературных работ Густава Зелинского сохранилась его сценическая переделка повести Пушкина «Барышня-крестьянка», свидетельствующая о том, что Зелинский до конца остался верен литературным увлечениям своей молодости. Эта пьеса, написанная Зелинским на основе пушкинской повести, не была напечатана при жизни автора. Не опубликована она и по сей день;¹² однако рукопись ее сохранилась и вместе с прочими бумагами поэта находится ныне в архиве Густава Зелинского, хранящемся в Библиотеке имени Зелинских в Плоцке.¹³

Автографическая рукопись этой пьесы имеет заглавие: «Rappna włościanka. Obrazek dramatyczny w trzech aktach i w 2 odsłonach». В подзаголовке стояло позднее зачеркнутое: «Przedmiot wzięty z powiastki Puszkina». Впрочем, рукопись не является окончательным, беловым вариантом. Некоторые, иногда довольно большие, отрывки в ней перечеркнуты и заменены другими. Очень возможно, что, закончив первоначальную работу над текстом пьесы, автор дал ее для прочтения своему двоюродному брату Иосифу-Феликсу Зелинскому (он также был литератором, выступавшим в печати под псевдонимом Izet-Beu); последнему, вероятнее всего, принадлежат и карандашные пометы на полях рукописи, которые и были приняты автором во внимание при последующем исправлении текста. Это свидетельствует о том, что комедия возникла до 1878 года, потому что 22 февраля этого года «Изет-Бей» умер. Как манера

¹¹ Густав Зелинский. Киргиз. Поэма. С польского перевод Георгия Гребеньщикова. Рисунки художников Гр. Гуркина и Викт. Белослюдова, изд. т-ва «Бытовая Сибирь», Томск, 1910 («От переводчика», стр. 4). К сожалению, перевод Гребеньщикова не блещет большими поэтическими достоинствами; это отметил и рецензент этой книги, писавший, что поэма Зелинского «красивым, звучным стихом передает природу и жизнь степи», но перевод, сделанный белыми стихами, страдает метрическими и стилистическими погрешностями («Правительственный вестник», 1911, № 11, 15 января). Автор статьи о Г. Зелинском в «Новом энциклопедическом словаре», изд. Брокгауз—Ефрон, т. VIII, стр. 417, пишет, что поэма «Киргиз» дала Зелинскому «место среди классиков польской литературы, по непреходящей свежести, оригинальности и поэтичности как содержания, так и формы. Яркие и сильные картины степной природы соответствуют столь же ярким и сильным психологически-бытовым чертам обитателей степи; столь же первобытно дика и стихийна драма, разыгрывающаяся среди них». Отметим также, что в русском переводе с польского Д. Ф. имеется также «восточная легенда» Г. Зелинского «Антар» («Север. Еженедельный литературно-художественный журнал», 1898, №№ 20, 21, 22).

¹² Первое указание на эту рукопись сделал еще П. Хмельевский в его обширном введении к изданию поэтических произведений Зелинского (Gustaw Zieliński. Poezye. Wydanie zupełne poprzedzone życiorysem na podstawie listów poety skreślonym i oceną jego działalności przez Piotra Chmielowskiego, Toruń, 1901, стр. 207), однако он не указал, что эта «комедия в прозе в пяти действиях» Зелинского имеет прямое отношение к Пушкину. Подробное ее описание см.: Janusz Odrowąż-Pieniążek. Nieznane pushkinianum polskie. «Pamiętnik teatralny», 1955, zeszyt 2, стр. 168—178.

¹³ Автор настоящей статьи Я. Одровонж-Пененжек любезно прислал полную машинописную копию этой рукописи Институту русской литературы, где она и хранится (ф. 244, оп. 14, № 50). — *Ред.*

письма автора, так и сам текст пьесы говорят за то, что это произведение появилось в последние годы жизни Г. Зелинского.

«Барышня-крестьянка» — это не столько сценическая адаптация, сколько переработка пушкинской повести. Зелинский перенес действие повести из России в Польшу, в 60—70-е годы минувшего века, в родные ему надвисленско-мазовецкие места, в хорошо знакомую ему среду. Пушкинский Иван Петрович Берестов, отставной гвардейский офицер, богач, у Зелинского превратился в майора, тоже отставного (пожалуй, только одна эта деталь объединяет его с Берестовым), занявшегося сельским хозяйством, а «настоящий русский барин», Григорий Иванович Муромский, превратился в «председателя». Этот образ в пьесе поразительно напоминает самого Зелинского тех лет, когда писалась комедия (в конце своей жизни он неоднократно занимал должность председателя сельскохозяйственных объединений). Председатель в «Барышне-крестьянке» изображен Зелинским с большой симпатией; он благороден, рассудителен, снисходителен к другим; кроме того, автор сделал его таким же шутником и остряком, каким выступает перед нами Муромский у Пушкина.

Образы председателя и отставного майора наиболее важны в пьесе, потому что они характеризуют среду, в которой протекает действие. Как и у Пушкина, председатель (Муромский) по положению в обществе стоит выше майора (Берестов). Председателя можно причислить к людям «высшего света», майор же — простой землевладелец, хотя и имеет образованного сына. Иначе, чем в «Повестях Белкина», выглядят здесь имущественные дела соседей, что в значительной степени ослабляет драматический конфликт. У Пушкина Берестов принуждает сына к женитьбе, даже грозит лишить его наследства, потому что он заинтересован в соединении имений. Муромский, хотя и находится накануне разорения, наступающего в результате роскошной жизни и расточительного снобизма, имеет, однако, влиятельных родственников; Берестов же — один из самых богатых землевладельцев губернии. Пушкинское разрешение конфликта свидетельствует о том, насколько реалистически и, без сомнения, сатирически смотрит автор на своих героев; у Зелинского же сатирический элемент значительно ослаблен. Как председатель, так и майор — люди в основном хорошие, благоразумные, лишенные предрассудков, желающие только счастья своим детям; только этим и можно объяснить их поступки. Майор не принуждает сына жениться на дочери богатого соседа, а только уговаривает его и не запрещает брак с крестьянкой, но лишь предостерегает от него.

Конфликт между отцами в пьесе Зелинского также изображен иначе, чем у Пушкина. В повести мы встречаем, с одной стороны, ненависть богача-выскочки к барину, а с другой — презрение барина к «медведю провинциалу», а здесь — всего лишь обычный спор из-за границ имений.

Карл у Зелинского (соответствующий Алексею — у Пушкина) — наиболее положительный герой пьесы. Человек молодой и многообещающий, он закончил в университете курс юридических наук. Слегка увлекающийся, чуть-чуть легкомысленный, в вопросах общественных и хозяйственных, он, однако, является человеком рассудительным, и со временем из него, без сомнения, выйдет председатель. Одним словом, он может служить своего рода «образцом» землевладельца.

Послушаем Карла: «Я ишу только правды и в поисках моих руководствую только чувством филантропии».¹⁴ «Я занимаюсь хозяйством и

¹⁴ Gustaw Zieliński. Panna włościanka, стр. 9d (рукопись).

постоянно общаюсь с крестьянами, стараюсь узнать их и сблизиться с ними».¹⁵ С другой стороны, он «горячо протестует» против теории Дарвина, о которой ему говорит с мнимым восторгом Юлия (пушкинская Лиза), когда пытается предстать перед ним в наиболее выгодном свете. Итак, мы видим, что идеалы последних лет жизни Зелинского, выразившиеся в образах председателя и Карла, развиваются независимо от взглядов Пушкина. Например, Карлу и в голову не приходит мысль о том, чтобы, женившись на крестьянке, жить своим собственным трудом, как намерен был поступить Алексей; впрочем, эта мысль едва ли могла бы прийти в голову и автору комедии, для которого его герой, Карл, служил почти рупором его собственных идей.

Несмотря на некоторую психологическую обедненность образов, столь полнокровных у Пушкина, и значительные отклонения от его замысла, комедия Зелинского во многом сохраняет своеобразное очарование пушкинской повести. По своей же сценической манере она близка к произведениям польского драматурга Александра Фредро, под влиянием которого находился Зелинский.¹⁶

Полагаю, что не опубликованную доселе рукопись «Panna włościanka» Зелинского стоит опубликовать для польских почитателей Пушкина. Это произведение послужит лишним свидетельством того, как польский писатель-романтик относился к Пушкину, отдав дань великому русскому поэту еще в конце своей жизни.

Варшава, июнь 1956.

¹⁵ Gustaw Zieliński. Panna włościanka, стр. 9с.

¹⁶ Более подробный анализ всех сходств и различий между повестью Пушкина и комедией Зелинского автор данной статьи стремился представить в другой своей работе, указанной выше, — «Nieznane puszkiniatum polskie».

Н. А. МАЛЕВАНОВ

**ВОЛНЕНИЯ КРЕСТЬЯН В СЕЛЕ ТРИГОРСКОМ
В КОНЦЕ XVIII ВЕКА И СТИХОТВОРЕНИЕ ПУШКИНА
«ДЕРЕВНЯ»**

Стихотворение Пушкина «Деревня», направленное против крепостного права и произвола помещиков, воспринято было современниками поэта как снимок с натуры. Справедливо признавалось и признается, что в первой части «Деревни» поэт дал совершенно точно воспроизведенное изображение природы, окружающей село Михайловское.¹ Однако данные во второй части стихотворения картины «барства дикого, без чувства, без закона», которое «Присвоило себе насильственной лозой И труд, и собственность, и время земледельца», лицам, близко стоявшим к поэту, в частности А. И. Тургеневу, показалась преувеличенными. П. А. Вяземскому А. И. Тургенев писал 26 августа 1819 года по прочтении «Деревни»: «Есть сильные и прелестные стихи, но и преувеличения на счет псковского хамства».²

Эти известные слова из письма А. И. Тургенева большинство исследователей понимало в том смысле, что Пушкин будто бы, по мнению Тургенева, сгустил краски в картине тяжелой доли крепостных крестьян. В пользу такого истолкования приведенной цитаты как будто свидетельствовали и слова самого Пушкина в ироническом письме его к П. П. Каверину от 18 февраля 1827 года («Зубков на днях едет к своим хамам — наша съезжая в исправности»,³ которые Б. Л. Модзалевский в своем издании «Писем» Пушкина истолковывал, со ссылкой на словоупотребление эпохи, что Зубков «едет в деревню»⁴), и приводившиеся в исторической литературе указания на издевательскую теорию происхождения крестьян «от Хама, потомство которого, за его неуважение к отцу, обречено волею божиею быть навсегда в подчинении у потомков Иафета. . .»⁵ Однако есть все основания думать, что слова А. И. Тургенева в данном случае нужно понимать совершенно иначе. Еще Н. К. Кульман, публикуя в 1908 году некоторые документы из архива братьев Тургеневых, сослался на письмо А. И. Тургенева к брату Сергею от 8 сентября 1819 года, в котором говорится, что слово «хам» — «техническое слово, введенное во всеобщее употребление братом Николаем», и на запись дневника самого Н. И. Тургенева от 27 ноября 1818 года: «Сегодня обедал у М. В. Гурьева. Болтали.

¹ Д. Д. Благой, Творческий путь Пушкина. М.—Л., 1950, стр. 171.

² Остафьевский архив, т. I. СПб., 1899, стр. 296.

³ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XIII, Изд. Академии наук СССР, 1937, стр. 319.

⁴ Пушкин и Письма, т. II, ГИЗ М.—Л., 1928, стр. 227.

⁵ П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Мемуары, т. I. Пгр., 1917, стр. 134.

24 Пушкин. Исследования и материалы

И мне приятно было слышать, что мое слово *хам* употребляется некоторыми. Авторское самолюбие». ⁶ К сожалению, Н. К. Кульман не указал, в каком именно смысле слово «хам» Н. И. Тургенев мог считать изобретенным им самим, поскольку оно встречалось в русской литературе и в обиходном языке задолго до этого времени. Обращение к рукописям Н. И. Тургенева проясняет этот вопрос. Слово «хам» и его производные неоднократно встречаются в дневниках и письмах Н. И. Тургенева 1816—1820 годов в таких словосочетаниях, которые не оставляют никакого сомнения в том, что под новым «техническим словом» «хам» он понимал «крепостников», «защитников крепостного права», «людей реакционных убеждений», «староверов», вообще всех, чуждых декабристскому кругу идей. Так, например, в письме к брату Сергею от 29 мая 1818 года из Петербурга Н. И. Тургенев пишет: «Ты теперь верно уже прочел статью об иностранных крестьянах в 17 № Сына отечества... Хамы меня бранят. Порядочные люди говорят спасибо; хотя первых и более»; ⁷ в другом письме (от 12 июня 1820 года из Петербурга): «Граф Кочубей объявил, что государь не запрещает освобождение «крестьян»... Между тем хамы ополчились на святое дело». ⁸ О заседаниях «Арзамаса» Н. И. Тургенев рассказывает: «Жуковский и Блудов всегда читают речи и очень забавные. Литературные хамы на них всегда сердятся, а они над ними смеются...»; ⁹ о Шредере — советнике русского посольства в Париже: «Узнав его, ты переменишь о нем свои мысли. Он малой доброй — но хам». ¹⁰ Таким образом, слово «хам» в конце 10-х и начале 20-х годов стало своеобразным «декабристским» термином; в этом именно смысле Н. И. Тургенев и мог считать себя его «изобретателем». Укажем в связи с этим, что особое значение получают и наименование М. С. Воронцова «придворным хамом», данное ему Пушкиным в письме к А. И. Тургеневу, и приписанная Пушкину эпиграмма против Карамзина («Решившись хамом быть пред самовластья урной...»), совершенно ошибочно понятая П. А. Ефремовым. ¹¹ П. Я. Черных, обративший внимание на то, что «изобретенное» Н. И. Тургеневым слово в его новом «несколько расплывчатом отрицательном значении» («и грубость, и наглость, и „продажность“, но в особенности „невежество гражданское и политическое“») в 20-е годы получило уже «широкое распространение», отметил, что в этом новом значении оно встречается уже в «Горе от ума»:

Секретари его все хамы, все продажны...
Все вышли в знать, все нынче важны,
Гляди-на в адрес-календарь.

(Д. IV, явл. 5).

В связи с этим П. Я. Черных высказал догадку, что и фамилия Фамусов «сначала, по-видимому, возникла, как „Хамусов“... Автор, желая замаскировать смысловой характер этой фамилии, заменил начальное х бук-

⁶ «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», 1908, т. XIII, вып. 1, стр. 117, примечание.

⁷ Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. М.—Л., 1936, стр. 261.

⁸ Там же, стр. 304.

⁹ Там же, стр. 209.

¹⁰ Там же, стр. 224; ср. еще стр. 155, 159, 160 и др. Тогда же появились новообразования вроде «хамобесие», «архи-хамы» (см.: Дневники и письма Н. И. Тургенева за 1816—1824 годы, т. III. Пгр., 1921, стр. 232).

¹¹ Летописи Государственного литературного музея, кн. I. Пушкин, М., 1936, стр. 515.

вой ф».¹² Таким образом, приведенные выше слова А. И. Тургенева о «преувеличениях насчет псковского хамства» имеют в виду не псковских крестьян, а крепостников-помещиков.¹³

Естественно предположить, что Пушкин, описывавший родные края в своей «Деревне», при изображении бедствий крепостного строя не мог пройти мимо недавней истории родных мест. Вторая часть его стихотворения должна была быть основана не только лишь на литературных источниках — переосмыслении «Путешествия» А. Н. Радищева после знакомства поэта с будущими декабристами, как полагают некоторые современные нам исследователи,¹⁴ но прежде всего на совершенно конкретных наблюдениях и впечатлениях от действительности.¹⁵

Ниже публикуются неизвестные ранее материалы о Тригорской полотняной мануфактуре, о которых Пушкин мог узнать по рассказам свидетелей, участников и жертв и которые бесспорно не могли не отразиться на оценке им «барства дикого».

Волнения крестьян, происшедшие в 1783 году в Тригорской вотчине А. М. Вындомского (отца П. А. Осиповой-Вульф),¹⁶ доставшейся ему по наследству от отца — М. Д. Вындомского, относятся к периоду укрощения дворянской диктатуры при Екатерине II после подавления Пугачевского восстания 1773—1775 годов.

В этот период интенсивно развивается и расширяется дворянское предпринимательство и, в частности, в области организации мануфактур.¹⁷ Показательно также и другое явление — широкое участие дворян-помещиков в содержании питейных домов, поставках вина и строительных материалов в связи с постройкой казенных зданий в губернском и уездных городах по плану, конфирмованному Екатериной II. В монопольном положении у помещиков находилась и самая продажа вина.¹⁸

¹² П. Я. Черных. Заметка о фамилиях в «Горе от ума». «Доклады и сообщения Филологического факультета Московского государственного университета», вып. 6, М., 1948, стр. 48, 49.

¹³ Уже после того, как настоящее сообщение было сдано в редакцию данного сборника, появилась статья Г. М. Дейча и Г. М. Фридендера «„Деревня“ Пушкина и антикрепостническая мысль конца 1810-х годов» («Литературное наследство», т. 60, кн. 1, 1956, стр. 375—392), авторы которой правильно разъяснили также значение термина «хамство», возникшего в кружке братьев Тургеневых; разъяснение это отличается краткостью («„Хамами“ Н. И. Тургенев и его братья называли реакционеров, в особенности, помещиков-крепостников»; стр. 376); поэтому мы сочли не лишним привести по этому поводу более подробные сведения, собранные нами до появления указанной статьи.

¹⁴ Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина, стр. 172—174.

¹⁵ См.: Г. Дейч и Г. Фридендер. Пушкин и крестьянские волнения 1826 года. «Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 195—210; Г. Дейч. Псковские декабристы. В книге: На берегах Великой. Псковский литературный альманах, кн. 5, Псков, 1954, стр. 136—155.

¹⁶ Об Александре Максимовиче Вындомском, его псковских имениях, а также о его дочери и отношениях к ней Пушкина см. статью Н. Н. Кашкина «Род Вындомских» («Старина и новизна», кн. 13, СПб., 1909, стр. 152—256), а также: Н. Н. Кашкин. Родословные разведки, т. I, СПб., 1912, стр. 26—145.

¹⁷ По далеко не полным данным в период с 1778 по 1783 год в уездах Псковского наместничества организовали в своих вотчинах мануфактуры четыре помещика. Так, в конце 1782 года создается организация парусинной и холщевой «фабрики» в Тригорском, имени А. М. Вындомского.

¹⁸ В числе держателей винных откупов встречаются помещики Сумороцкий, Окунев, Исгак Ганнибал, А. М. Вындомский, фон Фитингоф и целый ряд других (Государственный архив Псковской области (ГАПО), ф. 58, д. 289, л. 1128). Несмотря на строгую регламентацию со стороны Казенной палаты и обязательный залог определенной части имения, продажа вина в «питейных дворах» была для помещиков делом небезвыгодным. А. М. Вындомский, к примеру, заключал контракт на условия

Особенно предприимчивые дворяне наряду с купцами пытались даже вести торговлю лесом с границей.¹⁹

Среди возникших во второй половине 70-х и начале 80-х годов XVIII века помещичьих мануфактур на территории Псковского наместничества одной из крупных была Тригорская полотняная «фабрика», заведенная А. М. Вындомским в конце 1782 года.²⁰ Здание, в котором она размещалась, было построено, вероятно, несколько позднее. В пушкинское время, как известно, в помещении бывшей фабрики жила со всем своим многочисленным семейством П. А. Осипова-Вульф.

В 1788 году «фабрика» основательно расширилась за счет оборудования Псковской казенной полотняной мануфактуры.²¹ По соглашению с Псковской казенной палатой А. М. Вындомскому, кроме оборудования, были еще переданы 1838 рублей денег, оставшихся от капитальной суммы в пять тысяч рублей, ассигнованных на заведение «фабрики», 1430 аршин непроданного холста и 1082 руб. 89 коп., вырученных за реализованное полотно.

По истечении десяти лет «всю капитальную 5000 (sic!) сумму» Вындомский обязывался возвратить казне, «полагая каждый год 500 рублей», и плюс два процента годовых с остающейся на день уплаты суммы. Продажа фабрики или передача ее в аренду другому лицу разрешалась лишь с ведома казенной палаты.²²

До 1808 года на Тригорской мануфактуре работало пятьдесят ткачей при одном мастере и подмастерье. Все подсобные работы исполнялись крестьянами в возрасте от шестнадцати до пятидесяти пяти лет, в порядке отбывания ими на фабрике двухдневной барщины. В обработку шел только «своепосевной лен». В последние годы существования Тригорской мануфактуры дела ее пошатнулись. Земли, по всей видимости, истощались, и флор льна становился всё меньше. Сказались, вероятно, также и трудности сбыта, возникшие в связи с континентальной блокадой.²³

В 1808 году общее число ткачей на «фабрике» сократилось до 20 человек. Соответственно уменьшилась и выработка полотна, составившая

«дозволить ему водку делать крепкую и сладкую ис того ж приемного (от казны, — Н. М.) вина... а пиво и мед содержать собственный ево» (ГАПО, ф. 58, д. 289, л. 346). Богатая практика по переделке вин была обобщена позже им в его известной хозяйственной записке: Записка, каким образом сделать из простого горячего вина самую лучшую французскую водку, почерпнутые к сему правила из опыта почтенной публике и любителям хозяйства. Сообщает полковник Александр Вындомский, СПб., 1800 и 1803.

¹⁹ В 1779 году, например, в «заморские страны» через Нарву распиленный на доски лес готовили к отправке капитан-поручик Осип Ушаков и лейб-гвардии Семёновского полка капитан-поручик Вындомский, первый — 26 тысяч, второй — 50 тысяч деревьев (ГАПО, ф. 74, д. 6, л. 135). Вероятно, для тех же целей в мае 1780 года А. М. Вындомский просил Псковскую казенную палату разрешить ему рубить лес в Гдовском уезде (ГАПО, ф. 58, д. 269, л. 331).

²⁰ ГАПО, ф. 74, д. 114, л. 23 об.

²¹ Псковская казенная полотняная «фабрика» была заведена по распоряжению Екатерины II в бытность ее в Пскове в мае 1780 года с целью «удобнейшего доставления города Пскова обывателем пропитания... которая при избиили потребных к сему произрастениях в здешней губернии могла бы послужить примером к преуспению для частных людей к подобным заведениям». Из доходов камер-коллежского ведомства на ее оснащение было отпущено пять тысяч рублей. Предполагалось, что на «фабрике» будут работать вольнонаемные рабочие и что после сооружения она может быть «продана или в содержание отдана для возвращения казенного капитала, на нее употребленного» (ГАПО, ф. 74, д. 49, л. 87). Последним обстоятельством и воспользовался А. М. Вындомский.

²² ГАПО, ф. 58, д. 289, лл. 144, 246.

²³ Там же, ф. 20, д. 198, лл. 84—86; д. 221, лл. 26—27.

в 1811 году 15 тысяч аршин (против 40 тысяч аршин в 1806 году и 30 тысяч аршин в 1807 году). Непереработанной в этот год, как указывал в ведомости о состоянии фабрики А. М. Вындомский, осталась примерно половина всего собранного льна.²⁴

Со смертью в 1813 году А. М. Вындомского Тригорская мануфактура прекратила свое существование. О причинах ликвидации «фабрики» П. А. Осипова-Вульф на запрос министра внутренних дел Козодавлева в конце ноября 1818 года дала дворянскому заседателю Опочецкого нижнего земского суда Низовцеву следующее объяснение: «В прошлом, 1812-м,²⁵ после кончины родителя моего, полковника Александра Вындомского, имение его разделено на 2 части, из коих первая досталась мне, а последняя — малолетним внукам его — Александр (sic) и Евгении Ганнибаловым, и существующая фабрика, хоть и осталась в имении моем, но ткацкие мастерские люди некоторые поступили в раздел, а другие, по нанесенной в 1812 году французами болезни, померли. И по сей-то причине, да и по случаю умерших в 1812 и 1813 годах, кроме мастерских людей, в вотчине 200 душ мужска и женска 500 и по умножившейся цены на хлеб нашла я невозможность продолжать заведенную фабрику».²⁶

Для крестьян, как уже отмечалось, предпринимательская деятельность их помещиков означала усиление и без того тяжелого крепостнического гнета. Это вызывало как пассивное, так и активное сопротивление крестьянской массы. За короткий промежуток времени с 1777 и по 1783 год в Псковском наместничестве имели место пять случаев убийства и попыток к убийству крестьянами своих помещиков. За тот же период насчитывается и пять открытых выступлений. Наиболее крупными из них являются два волнения крестьян; в имениях порховского помещика М. Ф. Апраксина 1778—1780 годов²⁷ и в Тригорской вотчине А. М. Вындомского 1783 года.

Непосредственным поводом к выступлению крестьян А. М. Вындомского, как показывали его участники в своем доношении Опочецкому уездному суду, а также и на следствии, явилось очередное хозяйственное предприятие владельца Тригорского — заведение в усадьбе парусинной и холщевой «фабрик» в конце 1782 года.

В связи с этим в феврале 1783 года в Тригорское, или, как оно тогда называлось, Георгиевское, приехал наделенный широкими полномочиями от А. М. Вындомского «новый управляющий имением из иноземцев» капитан К. Я. Мунтин. С прибытием его для крестьян начались «несносные обиды и крайнее разорение».

До 1783 года в имении существовала двухдневная барщина, на которую крестьяне для «отправления» разных работ (пахоты, возки леса, а при «фабрике» для первичной обработки льна и пеньки) ходили «с венца». Сезонные работы, как сенокос, жатва, исполнялись сообща, «целой барщиной». Сверх барщины крестьяне обязаны были ежегодно вносить денежный оброк в размере двух рублей.²⁸

Появившийся в Тригорском капитан Мунтин намерен был, по словам крестьян, организовать новые предприятия — «суконную, мельную, парус-

²⁴ Там же, ф. 20, д. 198, лл. 84—86; д. 221, лл. 26—27; д. 321, лл. 121—122.

²⁵ Очевидная описка: год смерти Вындомского — 1813.

²⁶ ГАПО, ф. 20, д. 448, л. 590.

²⁷ О волнении крестьян М. Ф. Апраксина см.: Исторические записки, т. 40, 1952, стр. 148—151.

²⁸ ГАПО, ф. 74, д. 114, лл. 24 об.—25.

ную и железные фабрики». Всё это повело к увеличению денежного оброка и натуральных повинностей, что резко подорвало собственное хозяйство крестьян.

В счет первой половины года управляющий потребовал собрать по три рубля (раньше собиралось по два рубля в год). Крестьяне оказались вынужденными заложить свои озимые посевы, лошадей, коров «и протчий мелочной» скот. Однако подводные повинности они были обязаны выполнять наравне с теми, которые еще сохраняли лошадей. По показанию крестьян, для вывозки хлеба из Ганнибаловой мызы в село Поле они, «за неимением лошадей, в оную поездку нанимали».²⁹ Тяжелым бременем на крестьян Тригорской вотчины легла и вывозка леса для всяких хозяйственных построек.

Отправление этой повинности привело к изнурению лошадей и их массовому падежу. Кроме денежного, был введен еще и натуральный оброк. С каждого человека Мунтин потребовал по пуду льна, четверику ржи и овса, одному гарнцу круп — гречневых, житных и «толокненных» и по фунту овечьей шерсти. Помимо всего перечисленного, с вотчины предлагалось собрать еще сто пудов масла коровьего, триста баранов, весом в три пуда каждый, две тысячи яиц, девятьсот гусей и девятьсот кур.³⁰

Но особенно сильное негодование крестьян вызвал дикий произвол, установившийся в вотчине с приездом Мунтина. Даже в записи допроса крестьян, сделанной чиновниками и, следовательно, в целом весьма далекой от объективности, отмечаются «несносные побои» распясавшегося управляющего. Ежедневно утром и вечером над крестьянками, занимавшимися в усадьбе трепкой льна и пеньки, производились форменные экзекуции. «Не точю винных, — жаловались крестьяне в доношении Опочечкому уездному суду, — но и по малой вины, а других и безвинно женок бил, на снег положе, плетьюми нещадно, которых от того бою многих и водой отливали, и многие женки по рождении четырех дней на работу ходят». «Шестнадцать жилых крестьянских дворов, — писали крестьяне в том же доношении, — на дрова сжег и впредь похваляется более ломать и заводить села».³¹

Для проявлявших малейшие признаки недовольства была организована домашняя тюрьма, вмещавшая до сорока человек. Доведенные до грани нищеты столь ретивым управлением Мунтина, крестьяне «по нестерпимости таковых наглостей» начали бежать.³²

Создавшейся обстановкой в своих корыстных целях решил воспользоваться бывший тригорский приказчик Василий Болотов, который исподволь начал распространять слух о том, что Вындомский «не имеет владельческой на них крепости и что они — дворцовые», почему, мол, следует выгнать присланного помещиком управляющего.³³ Слух о том, что Вындомский незаконно владеет крестьянами, так как они якобы были пожалованы «не в вечное и потомственное, а в пожизненное владение» его отцу, М. Д. Вындомскому, быстро распространился среди крестьян. Перспектива освобождения, казавшаяся вполне законной, всколыхнула всю вотчину. По инициативе двух крестьян, Афанасия Васильева и Ивана Яков-

²⁹ Установить точно причины вывоза хлеба из Ганнибаловой мызы не удалось. Не исключена возможность, что хлеб крестьяне возили для переработки его на вино

³⁰ ГАПО, ф. 74, д. 114, л. 36.

³¹ Там же, лл. 35 об.—36.

³² Там же, лл. 36—36 об.

³³ Там же, д. 115, л. 17.

лева, на «третьей неделе великого поста» (12—19 марта 1783 года)³⁴ на сходку в деревню Носову, или, как документы называют, на «скоп», собралось около двухсот человек; крестьяне решили удостовериться в истинности распространившегося слуха и «положились, чтоб итти в село Егорьевское к управляющему... капитану Мунтину и спросить его, почему он управляет деревнями, а они ни словесного, ни письменного не имеют у себя о том от господина своего приказа».³⁵ С пришедшими в Тригорское крестьянами Мунтин не пожелал разговаривать, а, «призвав к себе... крестьянина Афанасия Васильева, объявил ему, что он никаким крепостей не имеет» и прислан «для управления только деревнями».³⁶ Не имея определенного плана действий, крестьяне, после того как Афанасий Васильев передал им содержание разговора с Мунтиным, разошлись по своим домам.

Почувствовав нерешительность и колебания крестьян, вотчинная администрация приняла меры к подавлению движения в зародыше. Через приказчика Иванова было приказано явиться в Тригорское инициаторам недавней сходки и еще нескольким человекам, очевидно, не менее активным. Однако крестьяне хорошо поняли этот маневр и отправились в Тригорское в значительно большем количестве (тридцать три человека); «... и шедши в то село через помянутую деревню Носову, — показывал на допросе один из активных участников волнений Федор Федосеев, — остановились подле оной и были тут часов около трех, думая, что нам делать. А потом пришел к нам крестьянин деревни Манева Трофим,³⁷ прозванием же Боярин, и сказал нам, что прислан он, Трофим, от Василия Болотова с тем, чтобы нам сказать, чтоб мы собрались без сумнения и поступали смело, да и реченного приказчика Иванова побили б за то, что он, Иванов, над ним, Болотовым, смеется, — почему и пошли мы прямо в упоминаемое село Егорьевское».³⁸

После расправы с приказчиком Ивановым, которого крестьяне побили «принесенным с собой дубьем» у ворот барского дома, участники схода снова разошлись без видимых результатов и перспектив.

Более решительными и целеустремленными действия крестьян становятся после схода в деревне Вечшах, состоявшегося 24 марта 1783 года, в котором приняли участие около пятисот человек и на котором решено было изгнать из вотчины управляющего капитана Мунтина. С этой целью все собравшиеся крестьяне перешли в Воронич, куда призвали старосту Ивана Васильева и сотского Ивана Авдеева, которые по приходе своем под давлением крестьян вынуждены были одобрить их действия.

Несмотря на это, выполнение принятого решения было отложено, так как некоторые «стали говорить, чтоб его, Мунтина, не высылать по причине разлития вод, а выслатъ его после».³⁹ Очевидно, некоторыми было подсказано другое решение, казавшееся более законным: составить и подать жалобы властям. «Вышедши из пригорода Воронича, — показывал на допросе крестьянин Федосеев, — остановились под горой и по совету между собой выбрали челобитчиков, которым итти в С.-Петербург, 6 человек, а именно: Афанасия Васильева, Николая и Лазаря Яковлевых,

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, л. 17 об.

³⁶ Там же.

³⁷ Фамилию разобрать из-за некоторых повреждений в тексте не удалось.

³⁸ ГАПО, ф. 74, д. 115, л. 18.

³⁹ Там же, л. 18 об.

Ивана Макарова, Осипа, прозванием Дрозда, да меня, Федосеева, и по выборе разошлись по домам».⁴⁰

Для составления жалобы выбранные обратились к вревскому дьячку. Последний подготовил им только черновик, который затем обсуждался на новом сходе крестьян в Воронице. Переписать же набело за два рубля пятьдесят копеек согласился писарь святогорских экономических волостей Роман Алексеев. Им же 22 марта было составлено и второе доношение — в Опочецкий нижний земский суд. Оба документа еще раз были доведены до сведения крестьян, после чего выбранные ходоки отправились в Петербург. Для подачи же доношения в Опочецкий нижний земский суд крестьяне «с принуждением», под угрозой смерти, заставили взять это доношение сотского Ивана Авдеева.⁴¹

В связи с распутицей местные власти не смогли быстро реагировать на тригорские события. Только 3 апреля 1783 года в Тригорском появился земский исправник Опочецкого нижнего земского суда секунд-майор Берников, где им были допрошены крестьянин Логин Исаков, принимавший активное участие в составлении жалобы, и писарь Роман Алексеев.

Из допросов Берникову стал ясен лишь факт недовольства крестьян управляющим Мунтиним. Это мнение у него укрепилось еще более после того, когда крестьяне, проявляя, по всей видимости, осторожность, в ожидании своих посланцев, заявили, что как «в землепашестве, так и сенокосе и в прочих господских надобностях не отрицаются».⁴² Поэтому псковский губернатор Кожин в своем рапорте Сенату от 20 апреля 1783 года докладывал, что для успокоения крестьян необходимо лишь присутствие самого владельца А. М. Вындомского, «ибо он, — писал губернатор, — будучи при том на месте, может все встречающиеся неудобства отворить, сыскать и открыть выгоды как для себя, так и для крестьян».⁴³ Не дожидаясь приезда владельца, уездные власти принимали все меры для того, чтобы покончить с волнением. Попытки внести раскол в массу путем уговоров ни к чему не привели. На сходе в Воронице, состоявшемся в конце апреля близ погоревшей церкви Воскресения Христова, явившемуся для уговоров члену Опочецкого нижнего земского суда крестьяне решительно заявили, что и «за господином быть не хотят».⁴⁴

Особенно укрепилось стремление крестьян освободиться от помещичьей власти после возвращения из Петербурга ходоков, заявивших на сходе в деревне Ягодке (или Ягодкине) собравшимся, что «присланы будут указы в здешнюю Казенную палату, в Островский и Опочецкий нижние земские суды, чтобы не быть им за помещиком Вындомским, а быть дворянами и никуда б их на 3 месяца не требовать, что по окончании сих месяцев» в Петербург снова потребуют одного из ходивших — Федосеева.⁴⁵

Всё это явилось плодом фантазии ходоков, не потерявших надежды на положительный исход. В действительности же дело обстояло совсем иначе.

Федосеев, хорошо знавший царские резиденции, повел своих товарищей не в Петербург, а в Павловск, так как «прежде там был 3 года на работе», намереваясь подать жалобу наследнику Павлу. «Однако, вместо того, — показывал он на допросе, — не выдав его императорского высо-

⁴⁰ ГАПО, ф. 74, д. 115, л. 18 об.

⁴¹ Там же, д. 114, лл. 25—25 об., 33 и др.

⁴² Там же, д. 115, л. 1.

⁴³ Там же, л. 1 об.

⁴⁴ Там же, д. 114, л. 22.

⁴⁵ Там же, д. 115, л. 19.

чества, подали оную Карлу Ивановичу,⁴⁶ который, отдав ту челобитную обратно нам, сказал, что здесь подавать нам не следует, а ежели правы мы, то б просили в Псковской казенной палате».⁴⁷

Для подачи жалобы в Псковское наместническое правление и Казенную палату на том же сходе в Ягодкине были выбраны семнадцать человек, в том числе и шесть человек, ходивших в Петербург. Тем временем губернатор дал указание о поимке ходоков и сам лично выехал 3 мая из Пскова в район, охваченный волнением,⁴⁸ где в присутствии Опочецкого земского суда «при собрании не только крестьян г-на Вындомского, но и посторонних ближних деревень чинено было тем неповивающимся крестьянам... увещевание, чтоб они пришли по-прежнему господину своему <в> повиновение... и что в случае сопротивления многие из них могут быть перестрелены... Если по-прежнему придут в послушание своему господину, то он оставит их при прежних же работах, взяв небольшое число из молодых людей от больших неразделенных семей для работы на заведенной им фабрике».⁴⁹ Как показывали некоторые крестьяне на допросах, псковский губернатор обратился даже к ним с «увещательным письмом», для чтения которого они ходили к священникам Вревского погоста. Один из них, Захарий Антонов, «прочитав то письмо, сказал, что ежели-де имеете вы почему справляться, то хорошо, а буде не имеете, то пропали». Второй, Михайла Иванов, дал более провокационный совет, «чтоб они стояли так, как вздумали».⁵⁰ Такое, до некоторой степени оппозиционное настроение духовенства вызвано было в тот период проведенной в начале царствования Екатерины II секуляризацией монастырских земель и упразднением ряда церквей и монастырей, а также известной зависимостью в материальном отношении от прихожан, что неоднократно отмечалось в литературе.

Вполне понятно, что не этот факт был определяющим в той стойкости, какую проявили крестьяне на заключительном этапе борьбы, поклявшись под деревней Носовой в количестве восьмидесяти человек «друг за друга стоять и умереть».⁵¹ Ожидание с результатами вторично отправившихся ходоков и глубокая уверенность в правоте начатого дела, подкрепленная распространившимся слухом, что Федосеев «заклеймен от его императорского высочества»,⁵² — вот основные стимулы того, почему крестьяне были «рады свергнуть себя во все опасности».⁵³

Видя такую решимость со стороны крестьян, губернатор переменял свою тактику и дал указание Опочецкому нижнему земскому суду и так называемым понятым совместно с командой из шести человек при одном офицере захватить наиболее активных. «И как команда и понятые, — писал псковский губернатор Кожин в рапорте от 6 июня 1783 года, — хотели их захватить, то они <?> приготовленные ими в больших <?> кучах камня начали бросать в понятых и в команду, угрожая перебить всех камнем и кольем».⁵⁴

⁴⁶ Фамилия в документах не указывается, но это, несомненно, Карл Иванович (Карл-Генрих) Кюхельбекер (1748—1809), первый «директор» Павловска в 1781—1789 годах, отец товарища Пушкина по Лицею, декабриста и поэта Вильгельма Кюхельбекера.

⁴⁷ ГАПО, ф. 74, д. 115, л. 19.

⁴⁸ Там же, д. 114, л. 77.

⁴⁹ Там же, д. 115, л. 3.

⁵⁰ Там же, л. 24.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, л. 20.

⁵³ Там же, л. 3 об.

⁵⁴ Там же.

В результате такого исхода губернатору пришлось отказаться от своего намерения и срочно отправиться за подкреплением. Спешно была направлена команда в шестьдесят человек в район восстания, вслед за которой 10 июня 1783 года снова явился и сам губернатор, избравший своей резиденцией дворцовую деревню Каменную. На другой день, 11 июня 1783 года, губернатор Кожин вместе с командой отправился в восставшие деревни: Птицы, Селивановка, Аристово, где встретил готовых к отпору крестьян, «расположившихся полукругом, разделенным на 6 толп, и вооружившихся рогатинами, бердышами, кольями, камнями и даже ружьями». Но даже и эти, в основном почти безоружные, крестьяне у губернатора вызвали страх. «Число их состояло, — писал он в рапорте от 15 июня 1783 года, — сверх моего чаяния, велико, ибо к числу, показанному в прежнем моем рапорте «от 6 июня 1783 года», 80 человек присовокупилось, по моему исчислению, до 700 человек, оставшихся незадолго за сим в повиновении своему господину, но которое, однако ж, через сей случай открылось, что оное состояло в одном только притворном виде».⁵⁵ И поэтому не случайно Кожин пустился в новые уговоры, пытаясь внушить крестьянам, что «они, не делая такого беспорядка и мятежа и оставив всё свое заблуждение, могут благопристойно подать» ему или в наместническое правление «о делаемом им угнетении» письменную просьбу.⁵⁶ Кстати отметим, что просьбу от ходоков, отлучавшихся в Псков, в наместническом правлении не взяли, а вместо этого приняли меры к их поимке.

Ставка Кожина на внесение разложения путем уговоров успеха не имела: «Крестьяне по-прежнему остались упорными».⁵⁷ Тогда губернатор предпринял новый маневр, предложив выслать к нему «человек с 15 из лучших крестьян и знающих защищать правду, обнадживая послать некоторых из них с своим представлением в СПб для получения из Правительствующего Сената указа, который их уверит о ложном их заблуждении, имея в сем преспешное то намерение, чтобы явившихся ко мне, взяв, отдать к суждению и к наказанию в страх прочим». Разгадав коварные замыслы губернатора, крестьяне отправили к нему не пятнадцать человек, а пять и притом, к великой досаде Кожина, «не главных начинщиков, над которыми, — писал он, — хотя имел было прежде намерение... однако... рассудил, что мятеж тем еще не кончится, а более останутся они разъяренными».⁵⁸ Поэтому Кожин решил прибегнуть к новой уловке: пригласить к себе из каждой деревни авторитетных среди односельчан людей якобы для назначения из них старост и помощников, которые бы наблюдали за порядком до возвращения ходоков с указом о зачислении всех дворцовыми, и, когда «первые люди каждой деревни» явятся, взять их под караул и тем самым обезглавить движение. Крестьяне внешне согласились, и губернатор предвкушал уже плоды своей «дипломатической победы», как вдруг к нему явился сам А. М. Вындомский, визит которого в такой момент, по мнению губернатора, был крайне нежелателен, так как у крестьян проезд их помещика мог вызвать «подозрение». И, пока не распространился слух о прибытии Вындомского, губернатор послал нарочного, чтобы тот поторопил с приходом «первых людей». Однако и на этот раз он остался в глупом положении: нарочному крестьяне решительно заявили,

⁵⁵ ГАПО, ф. 74, д. 115, л. 5 об.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же, л. 7 об.

⁵⁸ Там же.

что «они не слушаются и покажут себя... и что лучше хотят умереть все, нежели быть в послушании Вындомскому и не дворцовыми».⁵⁹

Видя всю тщетность своих попыток обезглавить восстание, а главное, опасаясь, как бы крестьяне помещиков Сумороцкого и графа К. Г. Разумовского, также в свое время пожалованные из дворцовых, не присоединились бы к крестьянам А. М. Вындомского и тем самым не расширили бы район восстания, губернатор Кожин решил расправиться с помощью команды.⁶⁰ Чувствуя себя как во вражеской стране, Кожин действовал по всем правилам военного искусства. Решительная схватка произошла у деревни Птицы. Приблизившись с своей командой к этой деревне, губернатор выслал для разведки двух драгун. Вернувшиеся с разведки объявили, что в деревне нет ни одного человека, а часть находившихся около деревни крестьян идти к губернатору по приказу драгун отказалась. Вслед за тем губернатор отрядил часть конницы, которая, проехав Птицы, была «вдруг от засевших в оной бунтовщиков захвачена и встречена кольями и камнями».⁶¹

Озлобленный губернатор бросился с другой частью конницы и пехотной командой на выручку. По восставшим и оказавшим отчаянное сопротивление крестьянам был открыт огонь, в результате чего, по официальным данным, оказалось до сорока человек убитых и раненых. Однако это не сломило дух сопротивляющихся крестьян, «и они не мало не приходили в чувство, а бросанием от них в великом множестве в меня и мою команду камня, — как признавал Кожин в рапорте от 15 июня 1783 года, — лишали уже мою сторону сил». «В такой крайности принял я, — писал губернатор в том же рапорте, — последнее к защищению себя, а устрашению своих неприятелей средство, приказав зажечь 2 деревни, в середине которых я с командой находился, коих в обеих было с 30 дворов».⁶² Расчет оправдался: крестьяне бросились тушить пожар и спасать имущество. «При рассеянии ж мятежников, — докладывал губернатор, — захвачено 4 человека (можно было и более); я, желая сберечь команду, поелику из оной 24 человека ранены, так что 5 из них остаются сомнительны,⁶³ и видя бунтовщиков покорность, приказал команде действие свое остановить».⁶⁴

Однако расправа с крестьянами 12 июня 1783 года под Птицами не означала прекращения борьбы. Крестьяне в большинстве своем отказывались повиноваться помещику, ожидая прихода с указом ходоков во главе с Федосеевым, к поимке которых власти приняли все меры. Учитывая возможность новых открытых выступлений, губернатор, с разрешения Сената, командировал в район восстания две роты — одну из Псковского, другую из Великолукского батальонов — во главе с псковским комендантом бароном фон Диц, которые разместились на постой в крестьянских дворах. Но даже и этих сил, по мнению барона Дица, жаждавшего, очевидно, нового кровопролития, было мало, и поэтому он требовал дать ему еще две или три пушки и оставшиеся в Порхове две роты Архангелогордского пехотного полка или эскадрон карабинерского полка, квартировавшего в Торопце.⁶⁵ К июлю месяцу большинство активных участников восстания было

⁵⁹ Там же, лл. 7 об., 8.

⁶⁰ Там же, л. 8.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же, л. 8 об.

⁶³ Т. е. что они выживут.

⁶⁴ ГАПО, ф. 74, д. 115, л. 9.

⁶⁵ Там же, л. 14.

поймано. Псковская уголовная палата, наскоро расследовав дело, вынесла определение, согласно которому крестьяне Федор Федосеев, Данила Ефимов, Афанасий Васильев, Лазарь Яковлев, Осип Федотов, Иван Макаров и бывший приказчик Болотов должны были быть публично наказаны кнутом, а затем, после вырезывания ноздрей и «постановки указных знаков», подлежали ссылке в вечную работу на Днепровскую линию.⁶⁶ Шесть человек: Николая Яковлева, Родиона Иванова, Митрофана Яковлева, Данилу Фирсова, Василия Ивлева, «вспомогавших в том слушании и продерзости советами и действием», после наказания кнутом предлагалось отдать в вотчину. О мерах наказания четырнадцати человек, которые признавались «равномерно виновными в пособии к распространению ослушания, но не сысканных к суждению», Уголовная палата представляла «на рассмотрение высшего правительства».⁶⁷ Приговором Сената, исключая Федосеева и еще нескольких человек, умерших в тюрьме от невыносимых условий содержания, предписывалось наказывать всех не кнутом, а плетью «среди самых тех крестьян жительство, при их собратии».⁶⁸ А потом, «в отдаче их в вотчину или в отсылке в каторжную работу» поступить по усмотрению владельца.⁶⁹ В интересах владельца Сенат разрешил и вопрос о выводе команды, поскольку крестьяне «пришли, — по заявлению Вындомского, — в послушание и повиновение, какое помещик от крестьян требовать может, и все надлежащие по хозяйству работы отправляют беспрекословно. А по совершении экзекуции над зачинщиками сего возмущения совершенно пришли о содеянном своем зле в раскаяние».⁷⁰

Все издержки по содержанию команды в сумме 619 рублей 15 копеек, не считая того, что крестьяне обеспечивали стоявшие у них войска в течение всего времени постоя продовольствием, Сенат предписал взыскать с крестьян.⁷¹

Восставшие в Тригорском крестьяне не смогли даже добиться устранения всем ненавистного управляющего Мунтина, и он еще долгое время оставался в своей должности.⁷²

О тригорских событиях достаточно хорошо помнили еще и в пушкинское время. В 1823 году, т. е. сорок лет спустя после восстания, островский помещик Д. Р. Горяинов, жалуясь Сенату на якобы пристрастные действия чиновников уездного суда и губернского правления, вынужденных заняться расследованием положения его крестьян и поставивших вопрос о передаче его имения в опеку, в числе побудительных причин к принятию такого решения со стороны царских чиновников указал и «на бывший бунт из того купленного им, Горяиновым, имения в вотчине, бывшей Вындомского, усмиренной войсками и действием артиллерии».⁷³

⁶⁶ ГАПО, ф. 74, д. 115, лл. 33—34 об.

⁶⁷ Там же, л. 35.

⁶⁸ Т. е. собрании.

⁶⁹ ГАПО, ф. 74, д. 100, лл. 15—15 об.; д. 114, л. 114 об.

⁷⁰ Там же, д. 114, л. 66.

⁷¹ Там же, л. 81.

⁷² Так, еще в 1788 году Мунтин, например, давал сведения по запросу Псковского наместнического правления о месте пребывания А. М. Вындомского (ГАПО, ф. 74, д. 258, л. 126). Однако не исключена возможность, что Вындомский мог в начале 80-х годов от организации мануфактуры в задуманных масштабах отказаться и занялся этим вопросом лишь в 1788 году, когда смог воспользоваться инструментами и станками, полученными с Псковской казенной фабрики.

⁷³ ГАПО, ф. 370, д. 82, л. 24 об. Несмотря на ликвидацию фабрики, положение крестьян Тригорской вотчины в 10-х и 20-х годах XIX века оставалось, по всей видимости, таким, каким оно было и при А. М. Вындомском. Рост недоимок, накаплив-

Нет ничего невероятного в том, что изложенные факты могли быть известны А. С. Пушкину. Но как бы ни был решен вопрос о реальных источниках стихотворения «Деревня», биографы и исследователи творчества поэта не должны проходить мимо тригорских событий, приоткрывающих завесу над истинным положением крестьян в тех местах, где великий поэт столкнулся воочию с крепостнической действительностью.

шихся за П. А. Осиповой-Вульф и ее крестьянами, является весьма ярким свидетельством тяжелого положения крестьян. По сведениям, представленным из Опочецкого уездного казначейства в нижний земский суд, а затем в уездный, за крестьянами П. А. Осиповой-Вульф на 1 января 1825 года числилось в недоимке «государственных податей и повинностей 8193 рубля 98 копеек». Следует также заметить, что в свете изложенных фактов и событий должна быть решительно пересмотрена и уточнена бытующая в нашей литературе характеристика А. М. Вындомского, снова повторенная А. М. Гординым в его книге «Пушкинский заповедник» (1952). Крепостник-предприниматель — таким представляется нам А. М. Вындомский. Это определение, основанное на архивных материалах, подтверждается и свидетельством его современника — губернского секретаря Л. А. Травина (см.: Труды Псковского археологического общества, вып. 10, Псков, 1914, стр. 111).

ЗАМЕТКИ

М. А. ЦЯВЛОВСКИЙ

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ «ДЕРЕВНИ» ПУШКИНА АЛЕКСАНДРУ I¹

История представления стихотворения Пушкина «Деревня» императору Александру I и смысл этого эпизода еще не вскрыты в печати. А между тем анализ этого немаловажного в жизни молодого поэта события чрезвычайно любопытен, так как он приводит к очень интересным выводам.

Ближайшим свидетелем и в некоторой степени участником этой истории был один из самых близких в ту пору Пушкину людей — Петр Яковлевич Чаадаев. В последние годы жизни он любил рассказывать о своей дружбе с великим поэтом. Несомненно, именно с его слов рассказ о представлении «Деревни» Александру I был изложен в печати — не один раз и несколькими лицами (Бартеневым, Лонгиновым, Свербеевым, Жихаревым).²

Все эти рассказы чрезвычайно близки между собой по тексту, и у нас нет никаких оснований сомневаться в достоверности этих показаний.

Приведем самый полный из них, а именно второй из рассказов Лонгинова, напечатанный в 1862 году. В этой редакции рассказ является наиболее подробным потому, что автор имел возможность не замалчивать темы, полузапретной до крестьянской реформы 1861 года. Вот что пишет Лонгинов: «Дружба Пушкина и Чаадаева была известна в петербургском свете. Имя Пушкина стало шуметь всё более и более, особенно благодаря некоторым рукописным его стихотворениям. В 1819 году император Александр захотел познакомиться с произведениями Пушкина, памятного ему еще с Лицея, и поручил Васильчикову³ достать ему что-нибудь из них для

¹ Извлечение из книги «Политическая лирика Пушкина», подготовлявшейся М. А. Цявловским к печати (ум. 11 ноября 1947 г.).

² П. И. Бартенев. Александр Сергеевич Пушкин. Материалы для его биографии. Глава 3 (Окончание). «Московские ведомости», 1855, № 145, 3 декабря, Литературный отдел, стр. 591; М. Н. Лонгинов. Некролог Петра Яковлевича Чаадаева. «Современник», 1856, т. LVIII, № 7, отд. V, стр. 5—8; перепечатано: М. Н. Лонгинов, Сочинения, т. I, М., 1915, стр. 68—69; М. Н. Лонгинов. Воспоминание о П. Я. Чаадаеве. «Русский вестник», 1862, т. 42, ноябрь, стр. 126; первоначально прочтено в 1860 году на заседании Общества любителей российской словесности; Д. Н. Свербеев. Воспоминания о П. Я. Чаадаеве. «Русский архив», 1868, № 6, стб. 997—998; под текстом воспоминаний имеется помета: «27-го апреля 1856-го года. Москва», говорящая о том, что статья написана через две недели после смерти Чаадаева (он умер 14 апреля 1856 года); М. И. Жихарев. Петр Яковлевич Чаадаев. Из воспоминаний современника. «Вестник Европы», 1871, т. IV, июль, стр. 196; <П. И. Бартенев>. Из рассказов князя Петра Андреевича и княгини Веры Федоровны Вяземских. (Записано в разное время, с позволения обоих). «Русский архив», 1888, № 7, стр. 305.

³ Илларион Васильевич Васильчиков (1777—1847) — генерал, командовавший тогда армией, впоследствии председатель Государственного Совета и князь.

прочтения. Васильчиков обратился к Чаадаеву,⁴ который доставил ему известную пиесу „Деревня“, или „Уединение“, оканчивавшуюся в подлиннике следующими стихами:

Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

Государю очень понравились эти стихи, и он сказал Васильчикову: „Remerciez Pouchkine des nobles sentiments qui inspirent ses vers“.⁵

Первый вопрос, интересующий исследователя, это — вопрос о том, когда произошел указанный случай. Как правильно указали Лонгинов и Свербеев, это было в 1819 году.⁶

Когда Пушкин около 15 августа этого года привез в Петербург из Михайловского написанную там «Деревню»,⁷ Александр I в качестве «кочующего деспота» был в очередной своей поездке, на этот раз в Архангельск и Финляндию. Приехав из Торнео в Петербург 3 сентября, он уже 6-го уехал в Варшаву, откуда лишь в середине октября вернулся в Петербург,⁸ где и пробыл до 9 июля 1820 года.

Таким образом, многократно рассказывавшаяся Чаадаевым история с «Деревней» могла произойти с середины октября по декабрь 1819 года.⁹

При анализе рассказов Чаадаева необходимо поставить также вопрос о том, почему Александр, как известно, совершенно равнодушный к литературе и к поэзии, в частности, заинтересовался стихами Пушкина.

В рассказе Жихарева об этом не говорится ничего. Бартнев, Свербеев и Вяземский сообщают только, что Александр I захотел прочесть неизданные, ненапечатанные стихи Пушкина. У Лонгинова сказано несколько определеннее: «Имя Пушкина стало шуметь всё более и более, особенно благодаря некоторым рукописным его стихотворениям. В 1819 году император Александр захотел познакомиться с произведениями Пушкина...»

Совершенно ясно, что Александр заинтересовался стихотворениями Пушкина, распространявшимися в рукописях, после того, как ему кто-то донес о противоразительном их содержании.

Преподнести царю, так сказать «в натуре», полностью текст, скажем, «Noël'я»:

Ура! в Россию скачет
Кочующий деспот —

⁴ Чаадаев был в это время адъютантом Васильчикова.

⁵ «Поблагодарите Пушкина за добрые чувства, вдохновляющие его стихи» (франц.). — «Русский вестник», 1862, т. 42, стр. 126. В записи Жихарева слова эти переданы несколько иначе: «Faites remercier Pouchkine des bons sentiments que ses vers inspirent», т. е. «передайте благодарность Пушкину за добрые чувства, которые его стихи вызывают» («Вестник Европы», 1871, т. IV, июль, стр. 196).

⁶ Вяземский, конечно, ошибся, утверждая, что это было в 1818 году. Его ошибка понятна, так как он жил в ту пору в Варшаве. Его сообщение было пересказом воспоминаний, может быть, самого Пушкина или Чаадаева, вероятнее последнего, так как Вяземский обращает внимание именно на те подробности, которые сообщены Чаадаевым.

⁷ Стихотворение датируется, согласно помете в автографе, июлем 1819 года; написано 15—31 июля; см.: Пушкин, Полное собрание сочинений, Изд. Академии наук СССР, т. II, кн. 1, 1947, стр. 567; кн. 2, 1949, стр. 1056.

⁸ Отъезды и приезды Александра I установлены по «Северной почте», 1819, №№ 60, 72, 73 и 83, 26 июля, 6 и 10 сентября и 15 октября. В этом последнем номере сообщается о возвращении его из Варшавы в Гатчину 13 октября.

⁹ См.: М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I, М., 1951, стр. 192—193.

было бы, конечно, верхом бестактности, на которую не решился бы и ривсовавшийся своей грубой непосредственностью и прямоотой Аракчеев. По-этому о стихах Пушкина и он мог говорить царю лишь в самых «общих» выражениях. Отсюда понятен интерес Александра I к тому, что же действительно «распускает» в публике Пушкин.

В своей статье об эпиграмме на Аракчеева:

В столице он — капрал, в Чугуеве — Нерон:
Кинжала Зандова везде достоин он, —

опираясь на показания Я. И. Сабурова П. В. Анненкову, что «дело о ссылке Пушкина началось особенно по настоянию Аракчеева», я высказал предположение, что поводом к этому послужила приведенная эпиграмма.¹⁰

Она была написана под впечатлением страшных, исключительных по жестокости казней, совершенных публично в Чугуеве над людьми, организовано отказывавшимися подчиняться режиму военных поселений. Казни эти были произведены 18 августа 1819 года.

Эпиграмма на Аракчеева была «пущена» по Петербургу в сентябре—первой половине октября 1819 года, т. е. непосредственно перед тем, как Александр I пожелал прочитать ненапечатанные стихи Пушкина.

Была ли к этому времени написана другая эпиграмма на Аракчеева — «Всей России притеснитель», не известно, но достаточно было и двестишной эпиграммы для того, чтобы всеильный временщик решил прекратить творчество Пушкина в этом направлении.

Но опять-таки, процитировать Александру I текст эпиграммы на чугуевского Нерона самому Аракчееву не доставляло, конечно, никакого удовольствия. Отсюда, очевидно, обращение к Васильчикову. Таким образом, предложение Александра I доставить ему ненапечатанные стихи Пушкина носило, в сущности, провокационный характер, что отлично поняли Пушкин с Чаадаевым.

Представление царю «Деревни» — ловкий ход со стороны Пушкина, прекрасно отбившего удар, занесенный над ним Аракчеевым. Александр I, как ни один из русских самодержцев умевший держать в одной руке пряник, а в другой — кнут, в данном случае наградил Пушкина пряником. Пока кнут пришлось спрятать. Как известно, поднят он был над поэтом в апреле 1820 года.

История представления «Деревни» Александру I интересна не только как один из поворотов в сложной борьбе либеральничающего царя с вольнолюбивой поэзией и возрастающей популярностью молодого Пушкина.

Одобрение царем «Деревни» было, по-видимому, воспринято Ф. Н. Глинкой и Н. И. Тургеневым как поощрение, и они решились изложить в деловом плане то, о чем говорилось в стихотворении Пушкина.

Последующая попытка кружка Н. И. Тургенева или даже Союза благоденствия поставить перед правительством вопрос о крепостном праве связывается именно с положительным высказыванием Александра I о стихотворении Пушкина, откровенно требующем у царя освобождения крестьян от крепостной зависимости.

Н. И. Тургенев в своем письме к брату Сергею от 26 июня 1819 года, написанном, можно сказать, накануне сочинения Пушкиным «Деревни»,

¹⁰ М. Цявловский. Эпиграмма Пушкина на Аракчеева. «Литературный критик», 1940. № 7—8, стр. 229.

писал: «... у нас теперь менее нежели когда-либо думают об истреблении гнусного рабства» и о «надеждах... весьма слабых».¹¹ А запись его же в дневнике, сделанная 27 декабря 1819 года, т. е. вскоре после чтения Александром I антикрепостнического стихотворения Пушкина, говорит уже о другом: «В среду <24 декабря> я встретил Глинку на улице. Он сказал мне, что не худо бы написать *mémoire* о крепостном состоянии. Я, оживленный хотя очень слабою надеждою, начал писать; писал третьего дня, вчера и сегодня по утру. Завтра надеюсь кончить. *Fais ce que dois, advienne que pourra*».¹²

Так, оживленный хоть и слабой надеждою, принялся Н. И. Тургенев за свою записку «Нечто о крепостном состоянии в России», которая была, по определению В. И. Семевского, «едва ли не самое замечательное из всего, что было представлено по этому предмету императору Александру I».¹³

В. И. БЕЗЪЯЗЫЧНЫЙ

«СОЛДАТСКИЙ СПИСОК» СТИХОТВОРЕНИИ ПУШКИНА

Вольнолюбивые стихотворения Пушкина «Вольность», «К Чаадаеву», «Деревня» и другие были широко популярны в кругах передовой дворянской молодежи 10—20-х годов и сыграли большую роль в политическом воспитании поколения первых русских революционеров. Очень популярны были они также в армейских кругах. Декабрист М. П. Бестужев-Рюмин в показаниях следственной комиссии, данных 5 апреля 1826 года, между прочим, упомянул: «Рукописных экземпляров вольнодумческих сочинений Пушкина и прочих столько по полкам, что это нас самих удивляло».¹ И. Д. Якушкин, упоминая такие стихотворения, как «Деревня», «Noël» («Ура, в Россию скачет...»), «К Чаадаеву», свидетельствует также: «... в то время <в начале 20-х годов> не было сколько-нибудь грамотного прапорщика в армии, который не знал их наизусть».² Эти свидетельства могут быть в настоящее время уточнены: указанные стихотворения Пушкина знали не только офицеры, но и солдаты. Подтверждением этому может служить возникшее в конце 1835 года в Москве дело «О неблагонамеренных стихах, отобранных от находившихся за болезнью в Московском военном госпитале Рязжского пехотного полка унтер-офицера Василия Кобылина. 12 декабря 1835 года на 24 листах».³ Сущность этого «дела» состояла в следующем.

¹¹ Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. 1936, стр. 287.

¹² «Делай то, что ты должен, и будь, что будет» (*франц.*). Н. И. Тургенев. Дневники и письма, т. III, Пгр., 1921, стр. 219.

¹³ В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. I, СПб., 1888, стр. 449.

¹ Восстание декабристов. Материалы, т. IX, Госполитиздат, М., 1950, стр. 118; ср. стр. 49: «Везде слышал стихи Пушкина, с восторгом читанные».

² Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. Редакция и комментарий С. Я. Штрайха, Изд. Академии наук СССР, М., 1951, стр. 41.

³ Московский областной государственный исторический архив, ф. 16, св. 29, оп. 3, ед. хр. 106; краткое сообщение об этом деле см. в моей заметке: Крамольная тетрадь. «Огонек», 1951, № 29, стр. 31.

ведомства, в котором служил, за «весьма дурную нравственность» (обычная в те времена формулировка политической «неблагонадежности»). Унтер-офицеры Кобылин и Петров были заключены в «отделение военных арестантов». При деле оказалась и самая тетрадь, отобранная во время следствия и вызвавшая столь суровые наказания. Эта тетрадь, сшитая из грубой серой бумаги в четверть листа, озаглавлена: «Стрикоза (sic!) <и> Муравей. Разные песни 1835 года, Января 29 дня»; тетрадь скреплена госпитальной сургучной печатью и подписью квартального надзирателя. В нее вписано свыше десятка сентиментально-романтических стихотворений. Не они, однако, привлекли к себе внимание начальства и решили участь владельца «Разных песен». На л. 10 тетради находится список послания «К Чаадаеву» Пушкина, на л. 15 — отрывок из его «Деревни» (от слов «Везде следы довольства и труда» и до конца), а на отдельной четвертушке — переписанный другой рукой — его же «Ноё!» («Ура! В Россию скачет кочующий деспот...»). Все эти стихотворения написаны нетвердыми почерками недостаточно грамотных людей и изобилуют смысловыми и грамматическими ошибками. Тем не менее они представляют известный интерес не только как свидетельство распространности стихотворений Пушкина в определенной среде, — сквозь их полуграмотную форму просвечивает тот рукописный источник, с которого они были списаны, а этот последний дает дополнительные данные для устойчивости их рукописной традиции.

Автограф стихотворения «К Чаадаеву» («Любви, надежды, тихой славы...»), как известно, до нас не дошел; однако текст его сохранился в многочисленных списках. Академическое издание «Полного собрания сочинений» Пушкина⁴ указывает тридцать шесть списков его, обнаруженных в различных рукописных сборниках, в том числе и таких списков, которые отбирались при обысках, например, в сентябре 1827 года у Коноплева.⁵ Новонайденный список должен занять свое место в указанном ряду. Допущенные в нем искажения (см. прилагаемый снимок), может быть, характеризуют некоторые особенности его восприятия и бытования в определенной среде. Если, например, пушкинский стих «Под гнетом власти роковой» в указанном списке читается: «Под частой властью роковой», то перед нами случай явной опiski; однако стих «Отчизны внемлем призыванье» переделан неудачно в ритмическом отношении, но получил новый оттенок — интонацию своего рода агитационного призыва:

Отчизны *внемлѣте* (в смысле «внемлите») призыванье.

Характерна также переделка в стихе:

Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

В списке Кобылина: «отчизне *посвятит*» (благодаря росчерку твердого знака в последнем слове можно его читать и как «посвятите»). Интересно также, что стихи:

Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой...

⁴ Пушкин, Полное собрание сочинений, Изд. Академии наук СССР, т. II, кн. 2, 1949, стр. 1042—1045.

⁵ Дела III Отделения собственной е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине, СПб., 1906, стр. 282; ср. еще: В. Нейштадт. Пушкин в потаенных тетрадях. «Тридцать дней», 1936, № 10, стр. 81—82, и др.

в указанном списке переставлены, благодаря чему логическое ударение в предположении пришлось на слова «вольности святой». Отметим также присутствие в этой солдатской тетради стихотворения «Noël» («Ура! В Россию скачет кочующий деспот...»). Стоит заметить, что рукописных копий последнего стихотворения, если судить по дошедшим до нас спискам, было значительно меньше, чем копий остальных «неблагонадежных престолу и отечеству» стихов Пушкина. По-видимому, «Noël» с его прямыми сатирическими выпадами против Александра I хранить было наиболее опасно.

С. И. НЕДУМОВ

О ПРЕБЫВАНИИ А. С. ПУШКИНА НА КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОДАХ В 1829 ГОДУ

В начале августа 1829 года на обратном пути из Арзрума А. С. Пушкин приехал в Пятигорск в сопровождении декабриста М. И. Пушина и Р. И. Дорохова и пробыл на Кавказских минеральных водах до 8 сентября, когда он в обществе В. А. Дурова выехал через Новочеркасск в Москву.¹

«Пребывание на Кавказских минеральных водах, — пишет биограф поэта П. В. Анненков, — известно нам по темным слухам. Он там лежал, был в обществе друзей, играл...»²

Позднейшие источники внесли мало нового в этот вопрос. В воспоминаниях М. И. Пушина мы читаем:

«В Пятигорске я не намерен был оставаться; для раны моей мне надлежало ехать прямо в Кисловодск. Приехавши в Пятигорск, я собрался сейчас же всё осмотреть и приглашал с собою Пушкина; но он отказался, говоря, что знает тут всё, как свои пальцы, что очень устал и желает отдохнуть. Это уже было в начале августа; мне нужно было спешить к Нарзану, и потому я объявил Пушкину, что на другой же день намерен туда ехать, и если он со мной не поедет, то когда мне его ожидать?»

«— Могу тебе только то сказать, что не замедлю здесь лишнего дня, — только завтра с тобою ехать не в состоянии: хочу здесь день-другой отдохнуть».³

В письме к брату, написанном 25 августа из Кисловодска, М. И. Пушкин сообщал, что Пушкин пьет кислую воду и принимает ванны.

Приведенные материалы, а также ряд других были использованы Л. П. Семеновым в его книге «Пушкин на Кавказе» (1937). Относительно пребывания поэта в 1829 году на Кавказских минеральных водах Семенов пишет: «На минеральных водах Пушкин пробыл до 8 сентября. Из Пятигорска поэт выезжал в Кисловодск. Он проводил досуг в обществе Пушина, Дорохова, офицера Павловского полка Астафьева, В. А. Дурова, П. В. Шереметева и других лиц. В Пятигорске Пушкин сначала поселился в казенной гостинице, потом перешел в дом доктора Реброва,⁴ в компанию П. В. Шереметева, большого хлебосола. Этот дом был впоследствии описан Лермонтовым в повести „Княжна Мери“».⁵

¹ М. А. Цявловский. Хронологическая канва биографии А. С. Пушкина. В книге: Путеводитель по Пушкину. М.—Л., 1931, стр. 15.

² П. В. Анненков. А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений. СПб., 1873, стр. 212.

³ Пушкин в воспоминаниях современников. Л., 1950, стр. 387.

⁴ Точнее, в дом помещика А. Ф. Реброва в Кисловодске.

⁵ Л. П. Семенов. Пушкин на Кавказе. Пятигорск, 1937, стр. 70—71.

Изложенное исчерпывает почти всё, что было известно до настоящего времени по затронутому нами вопросу.

В дополнение к приведенным сведениям считаем не лишним сообщить некоторые сведения о пребывании поэта на Кавказских минеральных водах в 1829 году, извлеченные нами в 1940 году из одного старого дела строительной комиссии на Кавказских минеральных водах в Пятигорском краевом архиве. К глубокому сожалению, подлинное дело, вместе со всеми фондами лермонтовского времени, погибло в период немецкой оккупации Пятигорска, и сделанные ранее выписки остались, таким образом, единственным источником публикуемых материалов.

Дело № 253—1829 г., в котором содержались сведения о нашем великом поэте, носит название: «О обревизовании приходных книг, в коих записывались поступаемые в 1829 году от посетителей на подогреваемые кислые ванны и за квартиры на железных водах деньги». В названном деле в «Журнале принимаемым ежедневно гг. посетителями ваннам, подогреваемым из кислой минеральной воды в продолжении курса 1829 года», отмечены числа месяца и количество ванн, принятых каждый день А. С. Пушкиным:

«Девятого класса Александр Пушкин												
в августе:												
21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31		
											Итого ванн	Получено денег
1	1	1	1	2	2	2	1	2	2	—	15	Рб. 15
Девятого класса Александр Пушкин												
в сентябре:												
1	2	3	4	5	6							
											Итого ванн	Получено денег
1	1	—	1	—	1						4	Руб. 4 »

Приведенные данные из ванного журнала дают возможность сделать некоторые выводы.

1. Пушкин задержался в Пятигорске дольше, чем предполагал. Не «день-другой», а дней 5—6, если не более. Из Владикавказа он выбыл 11 августа, а первую ванну в Кисловодске принял 21-го того же месяца.

2. Большую часть времени (с 21 августа по 6 сентября) поэт провел в Кисловодске и прошел основательный курс лечения (19 ванн), принимая в начале и конце лечения по одной подогретой ванне в день, а в середине по две ванны. За это время было лишь три пропуска (31 августа, 3 и 5 сентября).

Следует отметить также, что он не рисковал принимать холодные ванны из цельного нарзана.

Упомянутые Л. П. Семеновым лица из окружения поэта, как видно из того же ванного журнала, также принимали подогретые нарзанные ванны.

Еще более ценной находкой в указанном деле являлся, хотя и незначительный по своему содержанию, неопубликованный автограф поэта. На стр. 23 приходной книги, под датой 6 сентября, рукой А. С. Пушкина написано:

«Принял 19 ванн (девятнадцать) и за оные деньги девятнадцать рублей — 19

Александр Пушкин».

В этой расписке, по-видимому, по рассеянности, пропущено обычное в таких случаях слово «уплатил».

И. З. СЕРМАН

ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ «МОЦАРТА И САЛЬЕРИ»

В сборнике переводов Н. М. Карамзина «Пантеон иностранной словесности» помещена статья «Анекдоты из жизни славного Моцарта».¹

В этой статье дано довольно подробное изложение биографии Моцарта, сделанное в романтически приподнятом тоне. Об этом может дать представление первый абзац «Анекдотов», в котором говорится:

«Всякой, кто имеет счастье мыслить, с любопытством смотрит на чрезвычайных людей в мире, которым натура дает нежные органы, источник гения, и которые не для того единственно рождаются, чтобы есть, пить, спать, убивать время, гоняться за фортуною, за чинами и за грубыми удовольствиями».²

О последних годах жизни Моцарта в «Анекдотах» сказано, что «приведенный в слабость болезнию и будучи от природы меланхолического характера, он беспрестанно терзался мыслями о смерти и разрушении».³ И завершается изложение биографии Моцарта рассказом о таинственном заказе «Реквиема», или «Панихиды», как она названа у Карамзина:

«Однажды, когда Моцарт погружался в горестные мысли свои, перед домом его остановилась карета; вошел человек, богато одетый, средних лет, и с важным видом сказал, что один знатный господин, которого имя не должно быть известно, просит его сочинить панихиду на смерть милого ему друга. Сие предложение и таинственный вид человека тронули Моцартову душу: он согласился. Незнакомец скрылся, оставив на столе 100 червонцев. Моцарт задумался; не слушал примечаний жены своей на сие странное явление; через несколько минут потребовал бумаги и начал писать. Казалось, что всякая нота была для него вдохновением: он работал день и ночь. Почти насильно сажали его в карету и возили по улицам: Моцарт не говорил ни слова; чувства его казались мертвыми. Через несколько времени незнакомец опять явился: Моцарт извинялся, что не успел кончить, обещая через месяц вручить ему панихиду. Незнакомец опять положил на стол 100 червонцев, и вышел, не хотев назвать себя. За ним послали слугу; но слуга потерял его из виду, и возвратился ни с чем. Тут Моцарт совершенно уверился, что сей человек приходил с того света, и что он Ангел смерти. Это еще более воспалило его душу; он хотел оставить по себе вечный, бессмертный памятник; пылал духом, но угасал физически; часто от слабости закрывал глаза, но снова открывая их, в ту же минуту принимался опять за работу; через месяц кончил... Незнакомец пришел; но Моцарт был уже во гроб!»⁴

В известные нам описания библиотеки Пушкина «Пантеон иностранной словесности» не вошел, однако трудно усомниться в том, что Пушкин должен был быть хорошо знаком с этим изданием. В дальнейшем исследователям пушкинской трагедии о Моцарте следует учесть и этот источник сведений о великом музыканте, который не мог не войти в круг чтений Пушкина.

¹ Пантеон иностранной словесности, ч. III. Переведено Н. Карамзиным, М., 1818, стр. 32—45.

² Там же, стр. 32.

³ Там же, стр. 41.

⁴ Там же, стр. 43—45.

М. П. АЛЕКСЕЕВ

ЛЕГЕНДА О ПУШКИНЕ И ВАЛЬТЕРЕ ГЕТЕ

В пушкинской литературе с давних пор то и дело мелькает указание, что музыкант и композитор Вальтер Гете (1817—1885), приходившийся родным внуком Вольфгангу Гете, великому немецкому поэту, написал одно или даже несколько произведений на сюжеты произведений Пушкина. Чаще всего встречается указание на оперу Вальтера Гете «Цыганы»; иногда к ней добавляется и другая — «Кавказский пленник». Эти сведения нередко можно найти в различных юбилейных статьях о Пушкине 1937 и 1949 годов, большей частью без указания источников, из которых почерпнуты данные об этих музыкальных произведениях. Факт представлялся настолько несомненным, установленным и неопровержимым, что повторялся, без дополнительной проверки, в книгах и статьях самого разнообразного характера — о Пушкине и его значении для истории музыкальной культуры.¹

Откуда идет эта легенда? В № 1 журнала «Современник» за 1839 год, в отделе «Литературные новости» была помещена небольшая статья (без подписи) под заглавием «Переводы русских сочинений на немецкий язык», в которой читаем: «Недавно получили мы из Германии несколько известий, приятных для русского, и спешим сообщить их нашим читателям». Указав на то, что «внимание немцев» преимущественно обратили на себя «двое из наших писателей: Пушкин и кн. Одоевский», неизвестный автор продолжал:

«Статья о Пушкине (Фарнгагена фон Энзе) переводится одним живущим в Берлине парижанином на французский язык, вместе с книгой Кёнига о русской литературе.

«Вскоре появится также очень удачный немецкий перевод, в стихах, „Бахчисарайского фонтана“. Между тем молодой Гете, внук поэта, посвятивший себя музыке и учащийся ей у Мендельсона Бартольда, выбрал из „Цыган“ сюжет для музыкального произведения; он положил на музыку известную песню „Старый муж“ и всю сцену, в которой Земфира поет ее. Он же одну из своих фантазий назвал: „Кавказский пленник“».²

Вскоре в «Летописи русских журналов за 1839 год», помещенной в «Сыне отечества», появился и отклик на вышеуказанное известие; сославшись на «Литературные новости» «Современника» и выписав отсюда несколько данных, — о том, например, что «Фарнгагенова статья о Пушкине произвела сильное впечатление в Берлине («наравне с современными политическими вопросами занимала несколько дней весь Берлин»)», что «внук Гете пишет оперу из поэмы Пушкина „Цыганы“», — автор этого обзора прибавлял: «Последнему известию порадуемся».³

Таким образом, известие, помещенное в «Сыне отечества», только повторяло то, о котором рассказывалось в «Современнике» и с прямой

¹ См., например: Ник. Арденс. Пушкин и музыка. «Новый мир», 1936, № 12, стр. 283; Вл. Нейштадт. Пушкин в мировой литературе. «Красная новь», 1937, № 1, стр. 171; Сто лет со дня смерти А. С. Пушкина. Труды Пушкинской сессии Академии наук СССР, М.—Л., 1938, стр. 278, и др.

² «Современник», 1839, т. XIII, № 1, стр. 162, 163—164.

³ «Сын отечества», 1833, т. VII, № 1, отд. IV, стр. 44. Ссылка на предшествующую статью могла быть дана здесь потому, что первая книжка «Современника» за 1839 год вышла ранее первой книжки «Сына отечества». Цензурное разрешение «Современника» помечено 21 декабря 1838 года, а «Сына отечества» — 14 января 1839 года. Отсюда, между прочим, ясно, что «Литературные новости», составленные на основании писем, полученных из Германии, не могли быть написаны позже, чем в середине декабря 1838 года.

ссылкой на этот журнал, как на свой первоисточник. Однако в двух редакциях этого известия есть небольшие, но существенные для нас отличия: в «Современнике» говорится о песне Земфиры, включенной в одну сцену из «Цыган», музыка к которой была написана Вальтером Гете; в «Сыне отечества» — о целой «опере», музыку которой «пишет» внук Гете.

В обеих указанных статьях сведения о музыкальных произведениях Вальтера Гете, вдохновленных поэмами Пушкина, включались в историю первого знакомства с творчеством Пушкина в Германии. В статье «Современника» уже говорилось о книге Г. Кёнига «Literarische Bilder aus Russland» (Stuttgart, 1837) и об известной статье о Пушкине Фарнгагена фон Энзе (1838), сыгравшей также важную роль в популяризации Пушкина среди немецких читателей конца 30-х годов. При этом естественно предполагалось, что и обращение к пушкинским сюжетам Вальтера Гете также связано с работами о Пушкине Кёнига или, в особенности, Фарнгагена. И о Кёниге и о Фарнгагене много сообщалось в русских журналах тех лет в связи с возникшей по поводу этих работ полемикой. В «Сыне отечества», например, в той же книжке, где помещено было известие о Вальтере Гете, был впервые полностью помещен русский перевод статьи Фарнгагена из берлинских *Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik*.⁴ В приложении к третьему тому «Отечественных записок» за 1839 год Н. А. Мельгунов поместил свою статью «История одной книги», в которой он изложил историю своего знакомства с Г. Кёнигом и той помощи, которую он оказал немецкому писателю при составлении им его «Русских литературных очерков». Здесь Н. А. Мельгунов вновь сослался на известие «Современника» и «Сына отечества» о том, что «внук Гете пишет оперу из поэмы Пушкина „Цыганы“».⁵ Из статьи Мельгунова это известие попало и в некоторые последующие работы, но с ошибочным утверждением, будто источником информации о музыкальных произведениях Вальтера Гете был Фарнгаген.⁶

Едва ли не первым исследователем, пытавшимся проверить свидетельство «Современника» (которое он считает идущим от Фарнгагена), был В. Вишневский. Он писал по этому поводу:

«Это свидетельство (кстати, в немецкой печати появившееся еще в 1838 году), безусловно, заслуживает внимания. К удивлению, вся позднейшая критика о Вальтере фон Гете ничего не говорит о его „Цыганах“. Во всех музыкальных энциклопедиях, даже в 11-м издании „Musik-Lexikon“ Гуго Римана (Berlin, 1929) в немногих строках о Гете указаны лишь три его оперы: „Рыбачка“, „Болонский пленник“ и „Эльфрида“».⁷

Задаваясь вопросом, чем можно объяснить отсутствие сведений о «Цыганах» Вальтера Гете, В. Вишневский писал далее в этой же статье:

⁴ «Сын отечества», 1839, т. VII, № 1, отд. IV, стр. 1—37.

⁵ Н. Мельгунов. История одной книги. М., 1839, стр. 16 (цитируется по отдельному изданию, имеющему цензурное разрешение от 14 марта 1839 года). Любопытно отметить, что в том же номере «Отечественных записок» (1839, т. III, № 6), к которому приложена была эта брошюра Н. Мельгунова, в качестве второго приложения помещалась та же статья Фарнгагена о Пушкине (стр. 1—36) в переводе М. Н. Каткова и с его предисловием.

⁶ М. П. Алексеев. Пушкин на Западе. «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», т. III, М.—Л., 1937, стр. 127.

⁷ В. Вишневский. Пушкин в опере. «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена», т. XXIX, Л., 1940, стр. 67—68. Едва ли необходимо прибавлять, что на том же недоразумении относительно

«Быть может опера композитором не была закончена или осталась неизвестной в рукописи, что вполне вероятно. Даже в специальных трудах немецких критиков о внуке Гете нет ни малейшего намека на его пушкинскую оперу; интересная статья Карла Антона „Карл Лёве как учитель Вальтера фон Гете“,⁸ давая много любопытного и ценного материала для характеристики внука Гете как человека и музыканта, ничего не говорит об интересующем нас сочинении композитора. Тем не менее, полагаясь на достоверность свидетельства современника, мы можем назвать Вальтера фон Гете автором первой в истории оперы на пушкинский сюжет».⁹

Сколь ни любопытно известие, сообщенное впервые в «Современнике», но утверждение о том, что Вальтер Гете написал одну или две оперы на пушкинские сюжеты или вдохновлялся последними для своих музыкальных «фантазий», наталкивается на серьезные затруднения.

Директор Национального исследовательского и мемориального института немецкой классической литературы в Веймаре (Nationale Forschungs- und Gedenkstätten der klassischen deutschen Literatur in Weimar) Г. Хольцхауер (H. Holtzhauer) любезно сообщил Институту русской литературы (Пушкинскому Дому) Академии наук СССР в Ленинграде, что поиски вышеупомянутых опер Вальтера Гете оказались безрезультатными. Они не названы, например, в наиболее подробном библиографическом перечне музыкальных композиций Гете, составленном в 1927 году.¹⁰ Г. Хольцхауер сообщает далее, что поводом к недоразумению могли послужить заглавия двух опер Вальтера Гете (написанных им между 1840 и 1846 годами), имеющие внешнее сходство с заглавиями двух поэм Пушкина. Одна из них называется «Беглец» («Der Flüchtling»), другая — «Болонский пленник» («Der Gefangene von Bologna»). Последняя представляет собой «трагическую оперу» в трех действиях на текст А. ван дер Венне (A. van der Venne) (экземпляр его находится в Goethe-Museum в Дюссельдорфе), но первоначально либретто основано было на ином тексте, так как более ранняя рукопись этой оперы озаглавлена: «König Enzio oder der Gefangene von Bologna. Grosse romantische Oper in 3 Aufzügen von Adelphi».¹¹

Таким образом, как будто среди сохранившихся произведений Вальтера Гете не известно в настоящее время таких, какие могли бы быть связаны с именем Пушкина. В силу этого легенду о «пушкинских операх» Вальтера Гете приходится, по-видимому, оставить вовсе. Тем не менее «Литературные новости» «Современника», основанные на известиях, «полученных из Германии» в 1838 году, заслуживают всё же дальнейшей проверки. Едва ли эти известия, специально сообщенные в русский журнал, не имели какого-либо основания. Было бы интересно дознаться, кто сообщил их П. А. Плетневу и от кого именно они были получены.

Фарнгагена основано на указание В. Вишневого, что данное свидетельство появилось «в немецкой печати» в 1838 году.

⁸ Goethe-Jahrbuch, Bd. 34, 1913, стр. 156—161.

⁹ В. Вишневский, ук. соч., стр. 68. В этой статье названо около девяти десятков опер на тексты и сюжеты Пушкина и список их открывается «Цыганами» Вальтера Гете (стр. 62).

¹⁰ «Jahrbuch der Sammlung Kippenberg», Bd. VII, Insel-Verlag, Leipzig, 1927—1928, стр. 173 и сл.

¹¹ Институт русской литературы выражает благодарность Г. Хольцхауеру за предоставленные им сведения. — *Ред.*

П. Н. БЕРКОВ

ОБ ОДНОМ ОТРАЖЕНИИ «КАМЕННОГО ГОСТЯ» ПУШКИНА У ДОСТОЕВСКОГО

Вопрос о творческом восприятии русскими писателями художественного наследия Пушкина давно уже признан одной из существенных сторон более широкой научной проблемы — проблемы литературных традиций. В этой области сделано немало. Влияния, воздействия, отражения Пушкина в творчестве писателей XIX и начала XX века установлены с большей или меньшей степенью убедительности и доказательности. Выяснено, что произведения Пушкина влияли на очень многих и самых различных по характеру своего творчества русских писателей, таких, например, как, с одной стороны, Л. Толстой и, с другой, Достоевский.

Уже давно накапливаются материалы по вопросу о восприятии Пушкина Достоевским. Отмечены «схождения и расхождения» Достоевского с Пушкиным в таких произведениях, как «Белые ночи», «Записки из подполья», «Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание», «Подросток», «Братья Карамазовы» и др.¹

В настоящей заметке мне хочется остановиться на одном, насколько мне известно, не обращавшем на себя внимания исследователей факте отражения в творчестве Достоевского одного эпизода из Пушкина.

В «Записках из подполья» в главе II передается разговор героя произведения с двадцатилетней девушкой-проституткой. «Человек из подполья», который «без власти и тиранства над кем-нибудь... не может прожить», издевается над своей собеседницей и задает ей вопросы о смерти:

«— Да с чего мне помирать? — прибавила она раздражительно.

«— Не теперь, так потом?

«— Ну и потом...

«— Как бы не так! — Ты вот теперь молода, хороша, свежа — тебя во столько и ценят. А через год этой жизни ты не то уж будешь, увянешь.

«— Через год?

«— Во всяком случае через год тебе будет меньше цена, — продолжал я с злорадством. — Ты и перейдешь отсюда куда-нибудь ниже, в другой дом. Еще через год — в третий дом, всё ниже и ниже, а лет через семь и дойдешь на Сенной до подвала. Это еще хорошо бы. А вот беда, коль у тебя кроме того объявится какая болезнь, ну, там слабость груди... аль сама простудишься, али что-нибудь. В такой жизни болезнь туго проходит. Привяжется, так пожалуй и не отвяжется. Вот и помрешь.

«— Ну и помру, — ответила она, совсем уж злобно и быстро пошевельнулась.

«— Да ведь жалко.

«— Кого?

¹ В. Л. Комарович. Достоевский и «Египетские ночи» Пушкина. «Пушкин и его современники», вып. XXIX—XXX, Л., 1927, стр. 36—48; А. Л. Бем. «Скупой рыцарь» Пушкина в творчестве Достоевского. «Пушкинский сборник», Прага, 1929, стр. 209—244; А. Л. Бем. Гоголь и Пушкин в творчестве Достоевского. «Slavia», 1929, т. VII, № 1, стр. 62—86; 1930, т. VIII, № 1, стр. 82—100; № 2, стр. 297—311; А. Л. Бем. Отражения «Пиковой дамы» Пушкина в творчестве Достоевского (глава «Преступление и наказание»). Белград, 1929; Б. В. Томашевский. Поэтическое наследие Пушкина. Сб. «Пушкин — родоначальник новой русской литературы», М.—Л., 1941, стр. 307, 309, 314—315; А. С. Долинин. В творческой лаборатории Достоевского. Л., 1947, стр. 135—137.

«— Жизни жалко.
«Молчанье».²

Эта сцена мучительства и злобного издевательства «подпольного человека» над личностью незащитной девушки настолько представляется нам «естественно» присущей искаженной психологии героя, что нам и в голову не приходит литературная ассоциация, тем более из произведений Пушкина. А на самом деле, это именно так и обстоит.

В «Каменном госте» (сцена вторая) есть следующий эпизод. Между Лаурой, упомянувшей в разговоре имя Дон Гуана, и Дон Карлосом, брата которого несколько времени назад убил Дон Гуан, происходит резкая стычка. Прощаясь с гостями, Лаура, которой вспылчивость Дон Карлоса понравилась, задерживает его у себя. Когда они остаются одни, беседа их принимает совершенно неожиданный характер:

Дон Карлос
Скажи, Лаура,
Который год тебе?
Лаура
Оснадцать лет.
Дон Карлос
Ты молода... и будешь молода
Еще лет пять иль шесть. Вокруг тебя
Еще лет шесть они толпиться будут,
Тебя ласкать, лелеять и дарить
И серенадами ночными тешить
И за тебя друг друга убивать
На перекрестках ночью. Но когда
Пора пройдет, когда твои глаза
Впадут, и веки, сморщась, почернеют.
И седина в косе твоей мелькнет.
И будут называть тебя старухой,
Тогда — что скажешь ты?
Лаура
Тогда? Зачем
Об этом думать? что за разговор?
Иль у тебя всегда такие мысли?

На первый взгляд между приведенными отрывками из «Записок из подполья» и «Каменного гостя» как будто мало общего: у Пушкина — испанцы Дон Карлос и Лаура, серенады, о смерти героини речи нет, рисуется только картина печальной старости; у Достоевского — реалистические, даже натуралистические подробности русского быта середины XIX века, подвал на Сенной площади, мрачная перспектива деградации Лизы.

Однако при всех этих «расхождениях» у данных отрывков есть и общее — восемнадцатилетняя актриса Лаура и двадцатилетняя русская девушка Лиза выполняют в обоих отрывках, в конце концов, одну и ту же функцию; Дон Карлос и «подпольный человек», несмотря на все их отличия, обусловленные сюжетом, местом героев в произведениях, точкой зрения авторов на их роль, короче говоря, творческим методом Пушкина и Достоевского, — всё же делают одно и то же: рисуют перед беззаботными девушками, и в самый неподходящий момент, их безрадостное будущее, более осторожно у Пушкина и беспощадно-жестоко у Достоевского.

При сопоставлении обоих отрывков, при анализе их художественно-психологической роли создается представление, что Достоевский развил, реалистически дополнил мимходом и как бы случайно оброненную Пушкиным глубоко драматическую ситуацию. Для обрисовки образа «беше-

² Ф. М. Достоевский, Полное собрание сочинений, т. III, СПб., 1882. стр. 534, 508—509.

ного» и ревнивого Дон Карлоса разговор его с Лаурой о ее старости имеет то значение, что показывает мрачную, кипящую дикими страстями душевную жизнь этого персонажа, только в этой сцене появляющегося и в ней же погибающего от руки Дон Гуана. На это указывает и вопрос Лауры: «Иль у тебя *всегда* такие мысли?» Хотя «бешеный» Дон Карлос и напоминает Лауре Дон Гуана, но он на самом деле не таков, каким представляет его себе юная актриса. Он гораздо глубже и сложнее, чем это можно заключить из его вспышки при первом упоминании Лаурой имени Дон Гуана. Он изображен Пушкиным, по-видимому, для того, чтобы ярче и полнее показать на этом фоне цельность и своего рода «ясность» душевного мира Дон Гуана. Играя, таким образом, служебную роль по отношению к главному герою произведения, Дон Карлос представлял, по-видимому, для Пушкина и непосредственный художественно-психологический интерес.

Иное значение имеет разговор «подпольного человека» с Лизой о ее будущем у Достоевского. Впервые, может быть, заговорил с нею посторонний человек о ней, о ее жизни, о ее судьбе, и хотя этот разговор был тяжел и мучителен, но он определил отношение Лизы к герою «Записок из подполья». Для характеристики же самого «подпольного человека» беседа с Лизой дает только один из хотя и важных, но все-таки дополнительных примеров его иступленной любви к мучительству, «тиранству».

«Вспомнил» ли герой «Записок из подполья» близкую его больной психике ситуацию из «Каменного гостя», как он «вспоминает» «Египетские ночи»,³ или это было для Достоевского бессознательным отражением Пушкина, — сказать трудно. Во всяком случае, при суждении о «проблеме Пушкина» у Достоевского, на мой взгляд, следует привлекать и отмеченное мною «схождение». В этом эпизоде Достоевский как бы дает комментарий к «подпольности» психологии Дон Карлоса.

Если мои наблюдения будут приняты, они явятся еще одним подтверждением слов Б. В. Томашевского: «Психологические конфликты, заложенные в драматических замыслах Пушкина, были, конечно, ближе Достоевскому, чем другие стороны творчества Пушкина».⁴

Приведенное выше сопоставление может, кажется, включиться в более широкую литературную тему — напоминание молодой женщине о ждущей ее старости, тему, множество раз разработанную в мировой литературе, начиная хотя бы со знаменитого «Сонета к Елене» Ронсара. Характерно, что именно в этой связи вспоминает эпизод из «Каменного гостя» герой тургеневского «Затишья» Веретьев во время свидания с Марьей Павловной (гл. III). Напомним также о стихотворении Н. П. Огарева (1842), написанном после посещения балетного спектакля с участием М. Тальони.⁵

Однако самая возможность именно так понять тему указанного эпизода еще в большей степени подчеркивает оригинальный характер использования сцены разговора Дон Карлоса с Лаурой Достоевским в «Записках из подполья».

³ См.: В. Л. Комарович, ук. соч., стр. 44; Б. В. Томашевский, ук. соч., стр. 315.

⁴ Б. В. Томашевский, ук. соч., стр. 315.

⁵ В этом стихотворении Н. П. Огарев писал:

Мне вдруг становится так страшно за нее!
Я думаю — как локон русский поседет,
Чело наморщится, согнется стан ее,
Померкнет ясный взор и жизнь оцепенеет...

(Н. П. Огарев. Стихотворения и поэмы. Изд. 2-е, Л., 1956, стр. 143).

КРИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

О. С. СОЛОВЬЕВА

НОВЕЙШИЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ ПУШКИНСКОГО ТЕКСТА (1955—1956)

С того времени, когда рукописи Пушкина были сосредоточены в Институте русской литературы, как в пределах СССР, так и за границей обнаружено немало новых автографов поэта, и пушкинский фонд Рукописного отдела почти ежегодно пополнялся ценными находками. Некоторые рукописи поступили из государственных библиотек и архивов, другие были приобретены у частных лиц или принесены ими в дар Пушкинскому Дому. Несколько фотоснимков с автографов Пушкина, частью совсем не известных, Институт русской литературы получил из Франции, Дании, Чехословакии, Польши, а также (через посредство Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде) из Швеции и США. В настоящее время фонд рукописей Пушкина насчитывает свыше 1750 единиц хранения.¹

В первом томе сборника «Пушкин. Исследования и материалы» напечатана статья В. В. Данилова, в которой содержатся данные о рукописях Пушкина, поступивших в Пушкинский Дом за 1949—1954 годы.² Цель настоящего сообщения — продолжить и отчасти дополнить обзор В. В. Данилова.

В 1950 году в Пушкинский Дом поступило два документа, на которых среди подписей других лиц имеются подписи Пушкина.

Один из них — «Список лиц, желающих участвовать в издании журнала „Северный зритель“»,³ — в 1946 году был найден в архиве князя В. Ф. Одоевского в Рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Список» состоит из пяти двойных писчих листов, скрепленных между собой нитками и образующих тетрадь в десять листов. На лицевой стороне первого листа написан приведенный выше заголовок. Левые стороны развернутых листов (кроме последнего) разграфлены, правые (кроме того же последнего листа) отведены под «Особые замечания и требования участвующих». В «Списке», в четырех различных графах, тридцать четыре подписи, расположенные в алфавитном порядке. Подпись Пушкина находится рядом с подписью Плетнева на обороте четвертого листа в графе третьей — «Участвующие

¹ Вместе с подлинниками здесь хранятся фотокопии тех автографов, которые остаются в частных руках, находятся за границей или считаются утраченными.

² В. В. Данилов. Новейшие публикации автографов Пушкина (1949—1954). Пушкин. Исследования и материалы, т. I, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1956, стр. 375—381.

³ ПД. ф. 244, оп. 1, № 1723.

только трудами своими».⁴ В этой же графе на других листах расписались Бенедиктов, Гоголь, Жуковский, Кольцов, Краевский, Соболевский и прочие (всего двадцать девять человек). Журнал предполагалось издавать на акционерных началах; правда, из тридцати четырех участников в пайщики записалось всего лишь четверо: Вяземский, Веневитинов, Одоевский («участвующие трудами своими и денгами») и Хлюстин, последний фигурирует в «Списке» только как акционер.

Издание «Северного зрителя» не состоялось. Что же касается даты составления «Списка», то она может быть установлена лишь предположительно.

А. П. Могиланский, опубликовавший «Список» вместе с некоторыми другими архивными материалами из истории русской журналистики, относит его примерно к тому времени, когда Пушкин задумал свой «Современник» и начал хлопоты по его изданию (ноябрь 1835—январь 1836 года).⁵

Вернее предположить, что замысел энциклопедического журнала, — а «Северный зритель», судя по составу его участников, должен был стать именно таким журналом, — возник у Одоевского и Краевского в начале 1836 года, т. е. после разрешения «Современника». В таком случае «Список» можно датировать весной (мартом—маем) 1836 года.⁶ И Пушкин, по-видимому, не только был посвящен в этот проект, но и поддерживал его. Если же в письмах Андросова после 29 мая говорится уже не о «Северном зрителе», а о «Русском сборнике», то, видимо, потому лишь, что первоначальное название журнала к этому времени изменилось⁷ и вместе с тем изменился предполагаемый состав сотрудников.⁸ В частности, имя Пушкина отсутствует в программе «Русского сборника», вероятно, по тактическим соображениям.

Второй документ был обнаружен в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина. Это — подписной лист, на котором сверху рукой Д. Н. Блудова написано: «С высочайшего соизволения на сооружение памятника Карамзину в Симбирске».⁹ В списке, открывающемся именами Дмитриева и Блудова, мы находим подписи Пушкина, Плетнева, Гоголя,

⁴ Далее зачеркнуто: «но не исключительно в этом журнале (по какой части?)». Исправления (карандашом и чернилами) внесены и в некоторые другие графы. Список был разграфлен и надписан писарем, поправки же принадлежат, вероятно, инициаторам замысла.

⁵ См. статью А. П. Могиланского «А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский как создатели обновленных „Отечественных записок“» («Известия Академии наук СССР, Серия истории и философии», 1949, т. VI, № 3, стр. 209—226). К статье приложены фотографии двух страниц рукописи: лицевой стороны первого листа и оборотной четвертого.

⁶ В письме к А. А. Краевскому 4 марта 1836 года В. П. Андросов упоминает о «затее» издавать журнал как о деле пока еще секретном (о том же 16 февраля В. Ф. Одоевский пишет С. П. Шевыреву), а 29 мая выражает свою радость уже по поводу хлопот Краевского о «Северном зрителе» (см.: А. П. Могиланский, ук. статья, стр. 213, 214). Если бы к середине января «Список» был уже составлен, вряд ли было бы возможно в течение полутора месяцев удерживать в секрете то, что известно тридцати четырем лицам.

⁷ «Список» оформлен весьма небрежно (в нем много поправок и подчисток), а название журнала на обложке приписано рукой Одоевского (у писаря было: «Список лиц, желающих участвовать в издании журнала»); значит, когда заготавливали «Список», название еще не определилось. Все это заставляет думать, что «Список» был составлен с целью лишь предварительно наметить возможный круг участников журнала.

⁸ См.: А. П. Могиланский, ук. статья, стр. 219.

⁹ В Пушкинский Дом поступила фотокопия (ПД, ф. 244, оп. 1, № 1726).

Крылова, Вяземского, братьев Вьельгорских, Д. И. Хвостова, Уварова и других (всего двадцать подписей).¹⁰ Каждый из подписавшихся указывал сумму пожертвования. Против двенадцати фамилий слева поставлены крестики карандашом, а иногда еще и некоторые дополнительные пометы, свидетельствующие об уплате денег. Список занимает первый полулист двойного листа. На лицевой стороне его подписалось четырнадцать человек на сумму 3275 рублей (эта цифра поставлена внизу под чертой), шесть подписей находятся на обороте; на втором полулисте подведен итог подписки: «3.275 на 1-й странице 4.525 Всего». Пушкин подписался седьмым, внося двадцать пять рублей (на такую же сумму подписались Плетнев, Гоголь и Крылов). На первой странице в правом верхнем углу стоит цифра «27», следовательно, лист был подшит к какому-то делу.

Как и в первом списке, даты здесь нет, тем не менее ее можно точно установить.

Летом 1833 года семидесятидвухлетний И. И. Дмитриев совершил поездку в Дерпт, где в то время находилось семейство Карамзиных.¹¹ В № 162 от 21 июля 1833 года в отделе «Внутренние известия» «Северная преча» сообщала, что отставной действительный тайный советник Дмитриев выехал из Петербурга в Дерпт 16 июля. В том же номере в отделе «Смесь» был напечатан с датой 15 июля 1833 года «Отрывок из письма» Плетнева, озаглавленный «Обед Ив. Ив. Дмитриеву и памятник Карамзину»:

«Едва только сделалось известным, что, по просьбе некоторых членов симбирского дворянства, впоследствии высочайшее его императорского величества соизволение на сооружение в Симбирске памятника Карамзину, уже все в столице изъявляют нетерпеливое желание участвовать в предполагаемом для сего сборе. — Вчера, на дружеском обеде, — писал Плетнев, — куда собралось несколько почитателей знаменитого поэта нашего, Ив. Ив. Дмитриева, по случаю отъезда его из С. Петербурга, после заздравного и прощального тоста почетному гостю, Дм. Ник. Блудов предложил тост за благополучное окончание предприятия, задуманного благодарными земляками Карамзина, замечая притом, что никто не имеет столько прав начать открывающуюся по сему предмету подписку, как Ив. Ив. Дмитриев, который начал, вместе с бессмертным другом своим, великое дело преобразования нашего языка. — Тост сей принят был с живейшим и единогласным удовольствием... Общество состояло из 20 особ, денег собрано при сем случае 4.525 рублей».

Некоторые дополнительные подробности об этом содержатся в письме П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 19 июля 1833 года: «На днях Вьельгорские братья, Пушкин и я давали обед Дмитриеву, и после заздравного и прощального тоста ему (потому что он уехал в Дерпт и отсюда прямо проедет в Москву) Блудов предложил тост за благополучное окончание предприятия, задуманного симбирскими дворянами и... подал лист бумаги Дмитриеву, который подписал 500 рублей; Кушников 1000, Уваров, Блудов по 500, так что от двадцати человек, бывших на обеде

¹⁰ Этот документ еще нигде не был прокомментирован. В № 11 «Огонька» за 1952 год (стр. 23) помещен уменьшенный фотоснимок первой страницы, но самый список только упоминают.

¹¹ В этом году Е. А. Карамзину, у которой весной умер в Дерпте младший сын, навестили многие из близких и друзей ее семьи. После Дмитриева в Дерпт ездили Жуковский и Вяземский. Собирался туда и Пушкин.

сем, собрано 4525 рублей. Тут и 50 рублей Хвостова, который, пронюхав, что дается обед, назвался на него».¹²

Как имена, так и цифры в сообщениях Плетнева и Вяземского в точности соответствуют тем, которые мы находим в списке. Следовательно, датировать его надо 14 июля 1833 года.

В 1954 году вместе с фотоснимком стихотворения «К морю»¹³ в Институт русской литературы была прислана из Парижа ротокопия с другого автографа Пушкина — из того же собрания С. П. Дягилева, к которому принадлежала рукопись «К морю». Два фотоснимка воспроизводят лицевую и оборотную стороны небольшого листка, сохранившего отрывки текста из заключительной части первой главы «Капитанской дочки».¹⁴

На лицевой стороне листка запись начинается со второй половины слова и обрывается на полуфразе (первый снимок):

«<дол>жен отвечал я со всевозможной холодностию. Должен! возразил Савельич, час от часу приведенный в большее изумление, да когда-же, сударь, успел ты ему задолжать? Дело что-то не ладно. Воля твоя, сударь, а денег я не выдам.

Я подумал что естли».

Текст на обороте листка (второй снимок):

«советую не умничать и делать то, что тебе приказывают».

Савельич так был поражен моими словами, что сплеснул руками и остолбенел. Что-же ты стоишь, закричал я сердито.¹⁵ Савельич заплакал. Батюшка Петр Ан-».

Текст парижского автографа беловой, с одной поправкой. А беловая рукопись первой главы «Капитанской дочки» (без окончания) хранится в Пушкинском Доме (ф. 244, оп. 1, № 996). Это несшитая тетрадь, точнее, пачка листов большого формата, вложенных в общую обложку с заглавием и эпиграфами (всего, включая чистые, пятнадцать листов: семь двойных, из которых один неполный, и один — полулист). Пушкин писал

¹² Далее Вяземский приводил циркуляр Блудова о сооружении памятника Карамзину (см.: Остафьевский архив князей Вяземских, т. III. СПб., 1899, стр. 243—244). Из присутствовавших на обеде деньги внесли далеко не все. 17 ноября 1836 года А. И. Тургенев сообщал П. А. Вяземскому, что «подписавшие более других не внесли ничего» (там же, стр. 364), а 19 апреля 1837 года снова повторял (ему же): «...кажется, министры не внесли. Оттого не смеют и напоминать по именам тех, кои не внесли, а только пили в память бессмертного» (Остафьевский архив, т. IV, стр. 8). «Министры» — это С. С. Уваров, потому что Блудов свою часть уплатил. Так как сбор приношений задерживался, а поступавшие в канцелярию симбирского губернатора суммы расхищались, подписка растянулась на несколько лет. Самый же памятник был сооружен только в 1845 году. Об обеде 14 июля 1833 года см. также замечания Л. Б. Модзалевского в комментариях к «Письмам» Пушкина (т. III, 1935, стр. 594).

¹³ См. публикацию Т. Г. Цявловской «Автограф стихотворения „К морю“» (Пушкин. Исследования и материалы, т. I, Изд. Академии наук СССР, 1956, стр. 187—207), а также зарубежную публикацию: Д. Чижевский. «Морю», стихотворение Пушкина, рукопись второй редакции. «Русский литературный архив». Под редакцией М. Карповича и Дм. Чижевского (издание Отделения славянских языков и литератур Гарвардского университета совместно с библиотекой того же университета), Нью-Йорк, 1956, стр. 5—39 (факсимиле автографа между стр. 8 и 9).

¹⁴ ПД, ф. 244, оп. 1, № 1746. О них упоминают в своем «Обзоре» (как о фотоснимках двух листов автографа) Л. М. Добровольский и М. И. Малова (Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома, вып. VI, 1956, стр. 103).

¹⁵ Далее зачеркнуто: а. ступай за деньгами б. подавай деньги. — В этом и состоит отличие рукописного текста от печатного.

только на наружных полосах листов, перегнутых пополам. На обороте двенадцатого листа запись прерывается на полуслове: «Как! за чем?» спросил изумленный Савельич. Я их ему дол-». Текст первого снимка с парижской рукописи является непосредственным продолжением этой записи. Очевидно, листок из собрания Дягилева — это правая верхняя четверть того полулиста, который с листом двенадцатым составлял полный фабричный лист. Отсутствуют части текста, занимавшие обе стороны правой нижней четверти этого листа. У Дягилева ее, по всей вероятности, не было, так как на листке из его собрания кем-то приписаны карандашом на лицевой стороне — начало первого слова (и цифра 20 в правом нижнем углу), а на обороте — окончание последнего. Но и на этом листе текст первой главы еще не кончился — окончание ее находилось на оторванной наружной полосе следующего, тринадцатого, листа белой рукописи.¹⁶

Известно, что рукопись первой главы «Капитанской дочки» после смерти Пушкина вместе с некоторыми другими его автографами оказалась у Краевского. Вероятно, в это время и было оторвано от нее окончание (при передаче рукописи в 1889 году, по завещанию Краевского, в Публичную библиотеку эти листы уже отсутствовали).¹⁷

Любопытный документ, с которым, по-видимому, связан один эпизод в девятой главе романа, опубликовал в статье «Пушкин в работе над „Капитанской дочкой“» Ю. Г. Оксман.¹⁸ Это — скопированный Пушкиным «Реестр что украдено у надворного советника Буткевича при хуторе в пригороде Зайнске». К статье приложен фотоснимок автографа,¹⁹ находящегося в собрании Ю. Г. Оксмана.

За последние два года собрание рукописей Пушкина пополнилось пятью автографами. Некоторые из них уже давно находятся в поле зрения исследователей, но есть и такие, которые были обнаружены совсем недавно.

Письмо Пушкина к В. Ф. Вяземской («Chère Princesse, voilà vos livres...») впервые было опубликовано Б. Л. Модзалевским в 1908 году во втором томе «Переписки» Пушкина под редакцией В. И. Сaitова. Подлинник, хранившийся в Остафьевском архиве, ошибочно считался утраченным.²⁰ В 1955 году он поступил в Пушкинский Дом.²¹ Письмо написано по-французски (кроме одной фразы), чернилами, на двойном листе почтовой бумаги малого формата.²² Оно занимает лицевую сторону первого полулиста, на обороте второго надписан адрес: «К. В. Ф. Вяземской». Письмо было сложено втрое и не запечатано. Датируется оно предположительно 15—18 апреля 1830 года. Никаких разночтений в сравнении с печатным текстом автограф не дает.

Хорошо известен и давно опубликован текст другой рукописи, приобретенной Институтом русской литературы в 1956 году из собрания академика Е. В. Тарле.²³ Речь идет об автографе стихотворения «От меня

¹⁶ На лицевой стороне внутренней полосы этого листа сохранились незначительные черточки и точки от начальных букв нескольких строк, а на лицевой стороне четырнадцатого, чистого, листа — отпечатки записи, сделанной на обороте отсутствующей полосы тринадцатого листа.

¹⁷ См.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1889 год. СПб., 1893, стр. 34, 57.

¹⁸ «Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 235—239.

¹⁹ Там же, стр. 237.

²⁰ В «Полном собрании сочинений Пушкина» (т. XIV, Изд. Академии наук СССР, 1941) это письмо (№ 465) печаталось по копии.

²¹ ПД, ф. 244, оп. 1, № 1750.

²² На такой же бумаге и в то же, видимо, время написано одно письмо Пушкина к Е. М. Хитрово (там же, № 466).

²³ Все автографы, о которых пойдет речь ниже, поступили также в 1956 году.

вечер Леила...»²⁴ Текст его, беловой с поправками, написан чернилами на лицевой стороне листа и заканчивается характерной для Пушкина концовкой-росчерком. Бумага от времени сильно пожелтела и обветшала, но золотой обрез на ней сохранился. Отчетливо виден и водяной знак: часть герба (висячий рог в картуше) и две последние цифры года: «<18>34» (две первые цифры, буквы «АГ» и часть герба остались на левом полулисте двойного листа, от которого сохранилась лишь правая половина).²⁵ Даты в рукописи нет, но по бумаге и по почерку она должна быть отнесена к 1835—1836 годам.²⁶ Среди текста поставлена красными чернилами жандармская цифра «36», значит, листок находился в бумагах Пушкина. По этому автографу стихотворение печаталось в посмертном издании и в издании П. В. Анненкова. После смерти Анненкова рукопись перешла к Л. Н. Майкову, от него к Л. Ф. Пантелееву, а от последнего — к академику Е. В. Тарле.

В 1949 году «Учительская газета» (№ 7 от 29 января) сообщила о новом автографе Пушкина: дарительной надписи его на экземпляре третьего издания «Евгения Онегина», оказавшемся во владении доцента Казанского химико-технологического института Я. М. Лопаткина. Это хорошо сохранившаяся благодаря футляру, изящно изданная книжечка в зеленом кожаном с золотым тиснением переплете, с золотым обрезом.²⁷ Надпись сделана карандашом на чистом листе между форзацем и шмуцтитолом: «Милостивой Государыне Людмиле Алексеевн(е) Шишкиной от Автора. 1837 1 января».²⁸

Хотя на титульном листе книги стоит 1837 год, выставленная самим Пушкиным дата свидетельствует, что третье издание «Евгения Онегина» вышло в свет в самом конце 1836 года.²⁹

Осенью 1833 года, путешествуя по пугачевским местам, Пушкин побывал в Оренбурге, где останавливался у давнишнего своего знакомого, оренбургского военного губернатора, В. А. Перовского. До нас дошло (из архива В. И. Даля) письмо Пушкина к В. А. Перовскому, которое начинается следующими словами: «Посылаю тебе Историю Пугачева в память прогулки нашей в Берды».³⁰ Хотя самая книга не уцелела, лицевая обложка ее с дарительной надписью Пушкина сохранилась. В 1952 году автограф поступил в Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (от К. В. Базилевича), а затем был передан Пушкин-

²⁴ ПД, ф. 244, оп. 1, № 1694. До этого в Пушкинском Доме имелось лишь факсимиле автографа (выполненное на бумаге 1834 года).

²⁵ На такой же бумаге написаны стихотворения «Не видала ль, девица...» и «Подражание арабскому» («Отрок милый, отрок нежный...»), а также тринадцать вставных стихов к первой части «Медного всадника».

²⁶ Первая цифра даты (1835) в Акад. издании уточнена: стихотворение «От меня вечер Леила...» написано в подражание арабской песне, помещенной во французском переводе в книге Агуба (J. Agoub. *Mélanges de littérature orientale et française*. Paris, 1835), которую Пушкин купил у Ф. М. Беллизара 8 ноября 1835 года (см.: Пушкин, Полное собрание сочинений, т. III, кн. 2, Изд. Академии наук СССР, 1949, стр. 1275; т. XVI, 1949, стр. 96).

²⁷ ПД, ф. 244, оп. 1, № 1725.

²⁸ Об этой находке упоминает в своем обзоре В. В. Данилов (см.: Пушкин. Исследования и материалы, т. I, 1956, стр. 379). Высказанное им предположение, что Л. А. Шишкина была дочерью ростовщика, кредитора Пушкина, отставного подполковника А. П. Шишкина, очень вероятно, но документально пока не подтверждено.

²⁹ Н. Синявский и М. Цявловский (Пушкин в печати. 1814—1837. Изд. 2-е, 1938, стр. 135) считали датой выхода январь 1837 года (не позднее 19).

³⁰ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XVI, Изд. Академии наук СССР, 1949, стр. 22. Впервые письмо было напечатано и прокомментировано Б. Л. Модзалевским в «Сборнике Пушкинского Дома на 1923 год» (П., 1922, стр. 18—21).

№101.

В Санкт-Петербург
Князь и Вице-губернатор

Путешествие

в Арзрум

по распоряжению 1829го года

Предисловие к «Путешествию в Арзрум». Заглавный лист. Цензурный беловой автограф с поправками рукой Пушкина.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.

скому Дому.³¹ Обложка эта, изготовленная из плотной зеленовато-серой бумаги, слева и снизу обрезана (вероятно, по формату какого-то альбома, в котором находилась прежде). Дарительная надпись сделана на обороте ее чернилами: «Его превосходительству Василию Алексеевичу Перовскому от Автора»; она не датирована, но может быть отнесена предположительно (так же, как и письмо) к марту—апрелю 1835 года.

В 1934 году Сергей Лифарь, известный деятель французского балета, знаток и собиратель автографов, издал в Париже в пятидесяти экземплярах «Путешествие в Арзрум» Пушкина. Издание это замечательно тем, что в нем помещено целиком факсимиле не известной до того времени цензурной беловой рукописи «Предисловия», которая, как сообщал издатель в своем предисловии, была случайно найдена и приобретена им у парижского антиквара-букиниста.³² В 1956 году, в день открытия выставки советской книги во Франции, С. Лифарь передал эту рукопись в дар Институту русской литературы,³³ «глубоко ценя тот культ Пушкина, который сохраняется Пушкинским Домом при Академии наук СССР, и желая принять участие в великом деле сосредоточения реликвий Пушкина и всей русской литературы», — как написал он в сопроводительном письме от 5 мая 1956 года.³⁴

Рукопись представляет собой тетрадь из пяти листов (двух двойных и одного полулиста), скрепленных нитками. Бумага — гончаровской фабрики (водяной знак: «А. Г. 1834»), большого почтового формата, с золотым обрезаем. Жандармских помет на автографе нет. Текст «Предисловия» занимает два двойных листа, в конце его, на обороте пятого листа, имеется подпись: «А. Пушкин». На лицевой стороне первого листа (левая половина двойного листа, составлявшего обложку) написан заголовок: «Путешествие в Арзрум во время похода 1829-го года».

В 1835 году Пушкин задумал напечатать «Путешествие» отдельной книгой и с этой целью стал обрабатывать и переписывать черновые записи 1829 года.³⁵ Тогда же он написал «Предисловие» (сначала в черне, потом набело), в котором объяснял как мотивы, побудившие его «выдать свои путевые записки», так и причины своей поездки на Кавказ. В первой беловой рукописи «Предисловия» есть помета: «3 апреля 1835». Текст ее подвергся значительной переработке, после чего был с некоторыми сокращениями переписан вторично — для представления в цензуру. Вторая беловая редакция «Предисловия» не датирована. Она могла быть написана после 3 апреля и до 16 сентября 1835 года: последняя дата вместе с входящим номером (401) проставлена сверху на заглавном листе автографа и является, очевидно, датой представления его в цензуру. На обороте первого листа имеется цензурное разрешение от 28 сентября 1835 года с печатью и подписью цензора В. Семенова, а на остальных листах — его же подпись-скрепа. После этого рукопись должна была поступить в набор: на заглавном листе сохранилась помета карандашом (рукой неизвестного): «Набр. у Вингебера».

³¹ ПД, ф. 244, оп. 1, № 1754. Воспроизведение см.: Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома, вып. VII, 1957, стр. 162.

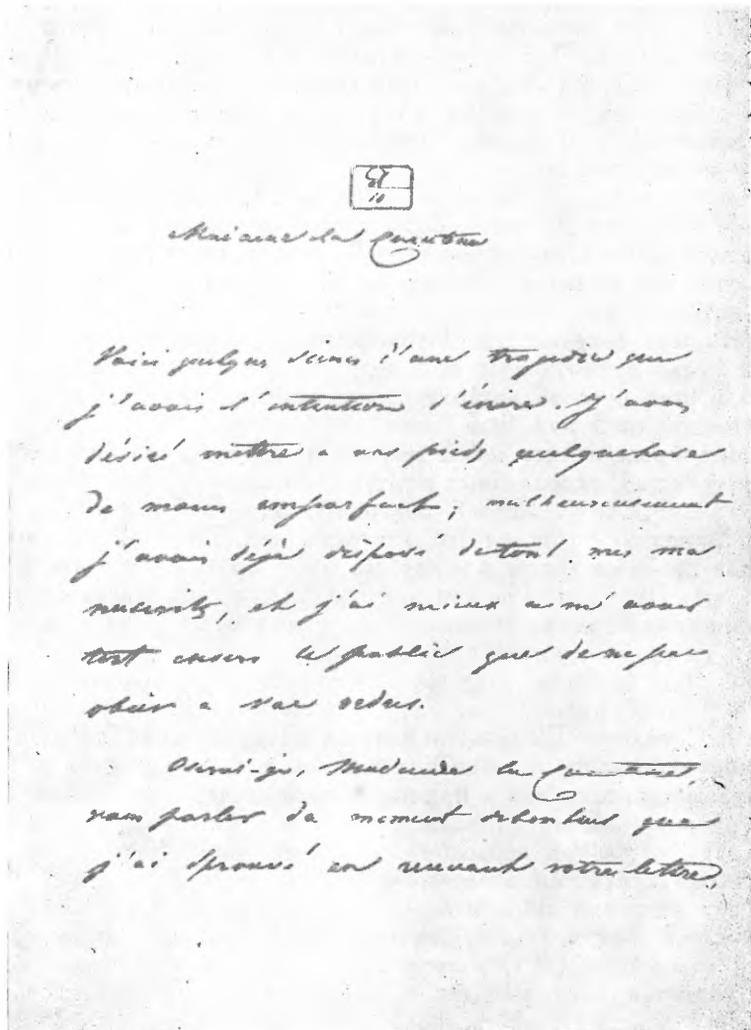
³² Пушкин. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. Под редакцией и с примечаниями проф. М. Л. Гофмана и со вступительной статьей Сергея Лифаря, издание С. Лифаря, Париж, 1934.

³³ ПД, ф. 244, оп. 1, № 1695.

³⁴ Сообщение об этом было напечатано в «Литературной газете» (1956, № 73, 21 июня).

³⁵ Из них лишь один отрывок («Военная Грузинская дорога») был напечатан в 1830 году в «Литературной газете» (№ 8).

Издание «Путешествия» отдельной книгой не состоялось. Целиком оно впервые было напечатано в 1836 году в первом томе «Современника»,

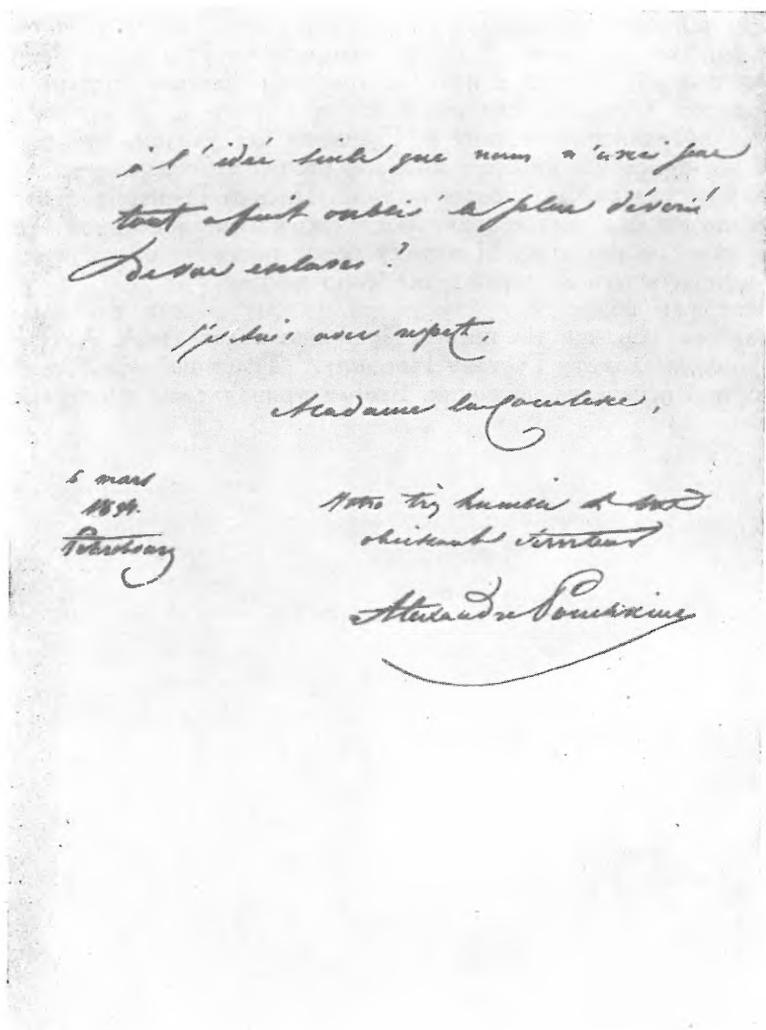
Письмо А. С. Пушкина к Е. К. Воронцовой. 5 марта 1834 года.
 Первая страница.

Краковский Государственный архив.

где текст «Предисловия» значительно отличался от представленного ранее в цензуре. Цензурная рукопись сохранила следы этой переработки. Сначала Пушкин думал ограничиться незначительной правкой и вычеркивал лишь отдельные слова и выражения, потом перечеркнул всё, что было у него написано на втором листе и сверху на лицевой стороне третьего (три первых абзаца).³⁶ И от текста «Предисловия» осталась

³⁶ Поправки есть и на обеих сторонах пятого листа. Как и первоначальная запись, все они делались чернилами, кроме одной, написанной карандашом (сверху на лицевой стороне пятого листа).

только та его часть, где Пушкин полемизирует с В. Фонтанье, автором задевшей его книги о путешествиях на Восток.³⁷

Письмо А. С. Пушкина к Е. К. Воронцовой. 5 марта 1834 года.
Вторая страница.

Краковский Государственный архив.

Большой интерес представляет найденное в Польше неизвестное письмо Пушкина к Е. К. Воронцовой. Оно было обнаружено польским литературоведом Ю. Маслянкой в Государственном архиве в Кракове,

³⁷ Краткий обзор новых автографов Пушкина, поступивших в Пушкинский Дом («Предисловие» к «Путешествию в Арзрум», «От меня вечер Леила...», письмо к В. Ф. Вяземской, дарительная надпись на экземпляре «Евгения Онегина») помещен в журнале «Нева», 1956, № 9, стр. 202; там же в уменьшенном виде воспроизведены заглавный лист «Предисловия» и стихотворение «От меня вечер Леила...». См. также: Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома, вып. VII, 1957, стр. 161 и воспроизведение на стр. 162.

в рукописном фонде Потоцких, и опубликовано в польском историко-литературном журнале.³⁸ В Советском Союзе его напечатал по фотоснимку с автографа и заново прокомментировал М. П. Алексеев.³⁹

Письмо написано по-французски и датировано 5 марта 1834 года. Оно является ответом на письмо Е. К. Воронцовой от 26 декабря 1833 года,⁴⁰ в котором она обращалась к поэту с просьбой принять участие в альманахе «Подарок бедным», издававшемся в Одессе с благотворительной целью. Из новонайденного письма Пушкина мы узнаем, что он откликнулся на эту просьбу и вместе с письмом послал в Одессу «несколько сцен из трагедии», оставшейся незаконченной. Письмо Пушкина западало, и альманах вышел без этих «сцен». Местонахождение посланной Пушкиным рукописи пока не известно. И потому новое письмо его, могущее навести на след исчезнувшего автографа, особенно ценно.

В настоящем сборнике публикуются по фотокопиям с вновь обнаруженных автографов еще два письма Пушкина: издателю А. А. Плюшару⁴¹ и шведскому дипломату Густаву Нордину.⁴² Текст первого был известен, но до сих пор печатался по копии. Второе принадлежит к впервые публикуемым.

³⁸ Julian Maślanka. Nieznany list Puszkina. «Pamiętnik literacki», rocznik XLVII, zeszyt 1, Warszawa—Wrocław, 1956, стр. 179—188 (факсимиле письма на стр. 184—185).

³⁹ М. П. Алексеев. Новое письмо Пушкина. «Известия Академии Наук СССР. Отделение литературы и языка», 1956, т. XV, вып. 3, стр. 250—254. Фотоснимок письма, присланный профессором Г. С. Батовским, хранится в Пушкинском Доме (ф. 244, оп. 1, № 1753). Частичное воспроизведение см.: Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома, вып. VII, 1957, стр. 162).

⁴⁰ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XV, Изд. Академии наук СССР, 1948, стр. 101—102. Принадлежность этого письма Е. К. Воронцовой установила Е. Б. Чернова (см.: Временник Пушкинской комиссии, вып. 2, 1936, стр. 336—339).

⁴¹ См. публикацию Р. Б. Заборовой «Автограф письма А. С. Пушкина к А. А. Плюшару», стр. 224—228.

⁴² См. публикацию Э. Э. Найдича «Письмо Пушкина к Густаву Нордину», стр. 217—223.

Т. А. МАЛИНОВСКАЯ

ПУШКИН В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Имя Пушкина хорошо известно китайскому читателю, а произведения его пользуются большой популярностью в Китайской Народной Республике.¹

С произведениями Пушкина в Китае начали знакомиться в конце XIX века, в первое время по переводам — японским, английским и немецким. Несколько позже начали появляться китайские переводы произведений Пушкина, в первую очередь прозаических, однако и они делались еще не с русских оригиналов, а через посредство иностранных переводов, указанных выше. В Китае в то время было еще очень мало людей, владевших русским языком. Одна из первых попыток передать повесть Пушкина на китайском языке сделана была в самом начале XX века. В 1903 году с японского перевода (сделанного в свою очередь с английского) была переведена на китайский язык «Капитанская дочка». Результаты такого тройного перевода, разумеется, не могли не сказаться на его качестве; об этом говорит самое заглавие повести: «Русская любовная история, или мисс Мэри».² В этот же период было переведено на китайский язык несколько стихотворений Пушкина.

¹ О популярности Пушкина в Китае и о переводах его произведений на китайский язык уже приводились некоторые сведения в русской печати; тем не менее опубликованные у нас статьи и заметки по этому вопросу в основном представляют собой отклики на юбилейные пушкинские годы (1937 и 1949) и отличаются краткостью и некоторыми неточностями. Из юбилейной литературы 1949 года см., например: Вл. Рудман. Пушкин в Китае. «Новый мир», 1949, № 6, стр. 227—233; Гэ Бао-цюань. Книжки Пушкина в Китае. «Огонек», 1949, № 24, стр. 14; Эми Сяо. Пушкин и Китай. «Правда», 1949, № 160, 9 июня; Эми Сяо. Пушкин и Китай. «Дальний Восток» (Хабаровск), 1949, № 3, стр. 111—116; Л. З. Эйдлин. Пушкин в Китае. «Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка», 1949, т. VIII, вып. 5, стр. 479; Е. Серебряков и Б. Лисица. Произведения Пушкина в Китае. «Вечерний Ленинград», 1952, № 33, 8 февраля; Л. Черкасский. Произведения Пушкина в Китае. «Забайкальский рабочий» (Чита), 1953, № 34, 10 февраля, стр. 3, и др. — О памятнике Пушкина в Шанхае см.: Пушкин. Исследования и материалы. Труды Третьей Всесоюзной Пушкинской конференции, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1953, стр. 388. — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР обратился к Академии наук Китая с просьбой сообщить более точные библиографические данные о современном китайском пушкиноведении, в особенности после юбилейного 1949 года, и получил перечень новых книг и статей о Пушкине, а также переводов его произведений, составленный при участии известного китайского пушкиниста Гэ Бао-цюаня. Эти материалы и легли в основу публикуемого в настоящем сборнике обзора. Институт русской литературы выражает глубокую благодарность Академии наук Китая, а также Гэ Бао-цюаню за содействие в получении печатных материалов о Пушкине на китайском языке и за предоставленные библиографические сведения. — *Ред.*

² Сведения об этом переводе заимствуем из статьи Гэ Бао-цюаня «Пушкин в Китае», помещенной в «Пушкинском литературном сборнике», изд. «Эпоха», Пекин, 1947 (на китайском языке). Перевод этот, по-видимому, не сохранился; его нет.

Более широкое знакомство с Пушкиным в Китае происходит после так называемой «литературной революции» 1919 года. В 1920 году появляются китайские переводы «Станционного смотрителя» и «Метели» (последняя озаглавлена: «Снег-сват»); обе эти повести были напечатаны в переводе Шэнь Ин-гэня, известного переводчика с русского языка, в его «Сборнике рассказов известных русских писателей».³ В 1921 году вышел в свет еще один перевод «Капитанской дочки» (на этот раз непосредственно с русского оригинала; переводчик Ань Шоу-и), в 1922 году переведен «Моцарт и Сальери»,⁴ в 1924 году издан «Сборник повестей» Пушкина, в котором, кроме «Повестей Белкина», напечатаны также «Дубровский», «Пиковая дама», «История села Горюхина», «Кирджали» (перевод с русского Чжао Чэн-чжи).

В дальнейшие годы число китайских переводов произведений Пушкина увеличивалось непрерывно. В годы антияпонской войны призывы Пушкина к свободе и независимости, к борьбе против рабства были особенно близки китайским читателям. В этот период опубликовано много новых переводов из Пушкина: они печатались в журналах, издавались отдельными книгами; одновременно начали появляться статьи о Пушкине китайских критиков и литературоведов, а также китайские переводы статей и исследований о нем иностранных авторов (в том числе и русских).⁵

В 1937 году широко отмечалась в Китае столетняя годовщина со дня смерти Пушкина. Было выпущено несколько сборников, посвященных Пушкину, где помещены как переводы его произведений, так и статьи о нем и его творчестве.⁶ Во второй половине 30-х годов и в 40-е годы появилось особенно много переводов произведений Пушкина. Впервые на китайском языке в этот период выходят: «Борис Годунов», «Каменный гость», «Евгений Онегин», «Медный всадник», «Цыганы», «Арап Петра Великого» и др.

В 1947 году в Пекине издательство «Шидай» («Эпоха») выпустило в свет новый «Пушкинский литературный сборник» под редакцией

в частности, в государственных книгохранилищах Китая. Гэ Бао-цюань высказывает в связи с этим предположение, что указанный перевод был не переводом «Капитанской дочки», но «Метели» или «Дубровского». Укажем в свою очередь, что если он действительно сделан был с японского, то оригиналом его могла быть именно «Капитанская дочка», переведенная в Японии в 1882 году. См.: И. Гурвич. «Капитанская дочка» в Японии. «Известия книжных магазинов т-ва М. О. Вольф по литературе, наукам и библиографии», 1911, № 11, стб. 283—286.

³ В русской печати первым указал на них академик В. М. Алексеев в статье «Русские писатели в китайских переводах» («Восток», кн. I, П., 1922, стр. 72—79), заимствовавший сведения о них из журнала «Синь Чжунго» («Новый Китай»).

⁴ Перевод принадлежит профессору Чжэн Чжэнь-до, известному исследователю китайской и зарубежных литератур, и помещен в журнале «Сяошо юэбао».

⁵ Здесь в первую очередь следует отметить журнал «Переводная литература», основанный в 1934 году Лу Синем с целью популяризации в Китае прогрессивной литературы разных стран мира, а также журнал «Культура Китая и Советского Союза». Весь сентябрьский номер «Переводной литературы» 1936 года был посвящен Пушкину. Пушкину же целиком были посвящены февральские номера обоих указанных журналов за 1937 год.

⁶ В феврале 1937 года филиалом Общества китайско-советской дружбы в Шанхае был издан «Юбилейный пушкинский сборник (К 100-летию со дня смерти Пушкина)» (изд. «Коммершел пресс», Шанхай). В том же месяце шанхайское издательство «Шэнхо» выпустило сборник переводов статей русских авторов о Пушкине с предисловием Хуан Юаня; во второй части сборника помещены переводы произведений Пушкина. В марте того же года появился «Сборник произведений Пушкина» (под редакцией В. Рогова, изд. «Гуанмин шудянь», Шанхай), в мае — «Повести» Пушкина в переводе Мэн Хуаня. В юбилейные дни был опубликован сборник статей «Пушкинские дни в Шанхае».

Гэ Бао-цюаня и В. Н. Рогова.⁷ Сюда вошли многие из лучших китайских переводов произведений Пушкина, а также критические статьи и высказывания о Пушкине китайских писателей. Особенно широко развернулась популяризация Пушкина в Китае в связи со 150-летием со дня рождения великого русского поэта в 1949 году, широко здесь отмеченным. Приезжавший в этом году в Москву на юбилейные празднования известный деятель китайской литературы Эми Сяо⁸ с полным правом от лица всего китайского народа приветствовал русскую литературу и ее гениального основоположника — Пушкина.

После провозглашения Китайской Народной Республики интерес к произведениям Пушкина и к изучению его творчества еще более усилился. Об этом можно судить по обилию новых переводов из Пушкина, появившихся за последние годы.

В 1949 году были переизданы переводы повестей: «Капитанская дочка» (переводчик Сунь Юн),⁹ «Дубровский» (переводчик Мэн Ши-хуань)¹⁰ и «Метель» (переводчик Лян Сян).

В 1950 году изданы вновь: «Станционный смотритель» (перевод Шуй Фу), «Барышня-крестьянка» (перевод Лэй Жэня),¹¹ сборник «Повести» Пушкина (перевод Мэн Ши-хуаня),¹² «Евгений Онегин» (перевод Люй Ина),¹³ «Сказка о золотом петушке» (перевод Чэнь Бо-чюя); четвертым изданием вышла повесть «Дубровский» (перевод Ли Бо).¹⁴

В 1953 году переиздан перевод поэмы «Цыганы», сделанный Цюй Цю-бо¹⁵ и считающийся в настоящее время лучшим переводом этого произведения на китайский язык. В 1954 году вновь переиздан был «Пушкинский литературный сборник» 1947 года: в нем воспроизведены прежние переводы произведений Пушкина, с добавлением повести «Выстрел» (переводчик Лэй Жэнь).

В этот же период выходит большое количество новых китайских переводов из Пушкина: стихотворный перевод «Евгения Онегина» (Пекин, декабрь 1954 года, переводчик Люй Ин); «Медный всадник», «Граф Нулин» и «Братья разбойники», объединенные в одной книге под общим

⁷ Впоследствии этот сборник переиздавался неоднократно. В 1949 году, например, он был переиздан дважды: в апреле и в августе. Особый интерес этому сборнику придает статья Гэ Бао-цюаня «Пушкин в Китае» и составленный им же «Библиографический перечень произведений Пушкина в переводах на китайский язык», заложившие основу для научного изучения этого вопроса.

⁸ Эми Сяо — псевдоним известного китайского поэта, переводчика и критика Сяо Саня. Выступление его в Москве на торжественном заседании, посвященном 150-летию со дня рождения Пушкина, помещено в журнале «Новое время» (1949, № 25, приложение); см. также: А. С. Пушкин. 1799—1949. Материалы юбилейных торжеств, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1951, стр. 358—359.

⁹ Первое издание этого перевода относится к 1947 году (изд. «Шэнхо судянь», Шанхай); перевод сделан с языка эсперанто.

¹⁰ Первое издание этого перевода вышло в свет в 1937 году (изд. «Шэнхо судянь», Шанхай).

¹¹ Переводы этих двух повестей, а также «Метели» в переводе Лян Сяна впервые помещены были в «Пушкинском литературном сборнике» 1947 года.

¹² Первое издание этой книги вышло в свет в 1937 году (изд. «Шэнхо судянь», Шанхай).

¹³ Первый полный перевод «романа в стихах» «Евгений Онегин» был издан в 1942 году (изд. «Сывэнь», Гуяньинь; перевод Су Фу с японского языка); до этого из «Евгения Онегина» переводились лишь отрывки. Перевод Люй Ина, сделанный непосредственно с русского языка, вышел в свет в Чунцине в 1944 году, затем был переиздан в 1947 году (изд. «Шэнхо судянь», Шанхай) и в 1950 году (в том же издательстве).

¹⁴ «Дубровский» в переводе Ли Бо (с английского) впервые опубликован в 1937 году.

¹⁵ Впервые этот перевод был опубликован еще в 1940 году.

заглавием «Медный всадник» (изд. «Пинмин», Шанхай, 1954, переводчик Ча Лян-чжэн); «Избранные поэмы» Пушкина в переводе Юй Чжэня (изд. «Гуанхуа», Пекин, 1950; в этот сборник вошли: «Медный всадник», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы», «Кавказский пленник», «Братья разбойники» и «Полтава»). «Полтава» вышла также и отдельным изданием в переводе Ча Лян-чжэна (изд. «Пинмин», Шанхай, 1954). Много раз переводились также сказки Пушкина. В «Сборник сказок» Пушкина (перевод Мэн Хая, изд. «Синь вэньи», Шанхай, 1954) вошли: «Сказка о попе и о работнике его Балде», «Сказка о царе Салтане», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях». Кроме того, ряд сказок был выпущен отдельными изданиями. В 1950 году напечатана «Сказка о рыбаке и рыбке» (изд. «Чжиши шудянь», перевод Чжань Хуай-синя, и изд. «Шаонянь эртун», перевод Чэнь Бо-чюя); в 1951 — «Сказка о попе и о работнике его Балде» (изд. «Шаонянь эртун», перевод Чэнь Бо-чюя) и в 1953 году — «Сказка о царе Салтане» (изд. «Шаонянь эртун», перевод Чэнь Бо-чюя). Отдельными изданиями вышли в эти же годы «Выстрел» (изд. «Шидай», 1951, перевод Лэй Жэня) и впервые переведенная на китайский язык поэма «Руслан и Людмила» (1952, перевод Юй Чжэня).

Обилие переводов дало возможность тем китайским читателям, которые не владеют русским или другими языками, уже к началу 50-х годов иметь довольно полное представление о творчестве Пушкина. Следует отметить, что в переводах из Пушкина за последние годы (1949—1954) преобладали переводы его стихотворных произведений: все основные прозаические произведения были переведены уже ранее.

В предисловии к «Пушкинскому литературному сборнику» 1947 года указывалось, что Пушкина-прозаика в это время в Китае знали гораздо лучше, чем Пушкина-поэта. Это объяснялось, конечно, значительными трудностями передачи его стихотворных текстов на китайском языке. Но причины этого относительного невнимания китайских переводчиков к поэзии Пушкина, прежде всего — лирической, очевидно, лежало еще глубже. Характерно, например, что большие стихотворные произведения Пушкина, как мы указывали выше, были всё же в конце концов переведены. Некоторые стихотворения Пушкина переводились даже по нескольку раз (так, например, стихотворение «В Сибирь» переведилось восемь раз; «Зимний вечер» существует в пяти переводах, «Пророк» — в пяти, «Памятник» — в пяти, «Узник» — в трех переводах и т. д.). Очевидно, китайские переводчики производили сознательный отбор стихотворений Пушкина, наиболее, на их взгляд, доступных и характерных.¹⁶ За последние годы китайские переводчики-поэты стремятся познакомить китайских читателей и с Пушкиным-лириком.

Для переводов из Пушкина последних лет характерна еще одна особенность: все они делаются непосредственно с русских подлинников. Более того, на титульных листах большинства изданий теперь обычно указывается, с какого русского издания переводилось то или иное его произведение.¹⁷ Бывают случаи, когда китайский переводчик обращается одно-

¹⁶ Нам известны лишь несколько сборников стихотворений Пушкина в китайских переводах; большинство их вышло в свет уже давно: «Избранные стихотворения» Пушкина, в переводах Е Кэ-чэна и Пу Фэна (изд. «Поэзия», Кантон, 1938); «Лирика» Пушкина (перевод Мэн Ши-хуаня, 1942); сорок стихотворений Пушкина перевел Гэ Бао-цюань (помещены в «Пушкинском литературном сборнике», 1947).

¹⁷ Сошлемся в виде примера на упоминавшийся выше сборник поэм Пушкина под общим заглавием «Медный всадник» (1954): вошедшие в него поэмы переводились

временно также и к переводам данного произведения на другие языки, чтобы добиться наибольшей точности в передаче на китайском языке русского оригинального текста.¹⁸

Основной целью китайского переводчика является донести до читателя возможно полнее и точнее содержание переводимого подлинника. Передать же на китайском языке музыкальную основу пушкинского стиха, его мелодику и ритмику, его рифмы и т. д. является делом чрезвычайно трудным. Пожалуй, более всего это удастся Гэ Бао-цюаню, одному из лучших китайских переводчиков Пушкина, который прекрасно знает и понимает творчество русского поэта, являясь в то же время знатоком русского языка. Однако трудности общего характера остаются непреодолимыми. Любому, самому искусному переводчику пушкинской поэзии на китайский язык, как правило, удастся сохранить количество стихов в строфе и общее строение последней; подчиненное же определенным закономерностям чередование рифм в строфе всегда отсутствует; то же можно сказать относительно закономерностей в количестве слогов (иероглифов). Люй Ин, переводчик «Евгения Онегина» (Пекин, 1954), в послесловии к своему переводу отмечает, что при переводе он пользовался свободной формой стиха и рифмой в широком смысле; строгое и неуклонное следование системе пушкинской рифмовки, по его мнению, нанесло бы ущерб простоте языка перевода и точности передачи содержания. Этому же принципу придерживается и Ча Лян-чжэн в своих переводах поэм Пушкина (сб. «Медный всадник», Шанхай, 1954). Тем не менее его переводы дают достаточно полное представление о поэмах Пушкина; всего более удался Ча Лян-чжэну перевод «Медного всадника»: в китайском тексте в наиболее ответственных местах сохранены смысловые оттенки оригинала, переданы эпитеты, раскрыты слова, требовавшие пояснений. Об этом можно судить по следующему примеру. «Вступление» к «Медному всаднику» при обратном дословном переводе с китайского на русский звучит так:

Там, у пустынных безбрежных морских волн,
Он стоял, полный великих дум,
Смотрел, не отрываясь, вдаль. Перед ним
Речная вода широко неслась; только челн
На волнах качался, маленький и одинокий.
По топким берегам, покрытым мхом,
Черные лачуги — здесь и там:
Жалкий финн там нашел приют.
Солнце спряталось в густом тумане,
Лес, который никогда не видел солнечных лучей,
Кругом шумел...

И дальше переводчик правильно понял и удачно воспроизвел многие такие слова и словосочетания русского текста, какие могли представить для китайского читателя известные затруднения. «Полнощные страны» переведено как «Северные страны», «адмиралтейская игла» — «шпиль на башне военно-морского министерства», «порфиросная вдова» — «вдовствующая императрица»; стих «Вознесся пышно, горделиво» передан

с русского академического десяти томного издания 1949—1950 годов: перевод «Евгения Онегина» (Пекин, 1954) сделан с русского издания, выпущенного Гослитиздатом в Москве в 1949 году, и т. д.

¹⁸ Так, Ча Лян-чжэн при переводе поэм Пушкина (Шанхай, 1954) пользовался не только русским оригиналом, но также английским и немецким переводами этих поэм, насколько об этом можно судить по примечаниям переводчика.

большим количеством слов, но достаточно точно: «Высоко поднял свою прекрасную, гордую голову». Некоторые затруднения, по-видимому, вызвали стихи:

Люблю воинственную живость
Потешных Марсовых полей.

Переводчик передал их так:

Я люблю твои военные площадки,
Воинственные игры молодых военных.

Эти стихи, к сожалению, оставлены без пояснений. Однако переводчик не обходится вовсе без комментариев; он дает их там, где считает это необходимым. Так, например, к «Вступлению» «Медного всадника» сделано два примечания; первое из них поясняет, что следует разуметь под словом «пунш» (в стихе: «И пунша пламень голубой»), второе, что Пушкин имеет в виду, говоря о «побежденной стихии»; в последнем переводчик ссылается на английский и немецкий переводы данного места подлинника и воспроизводит также относящийся сюда комментарий А. Л. Слонимского. В полном соответствии с этим вызвавшие затруднение стихи:

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо как Россия,
Да умирится же с тобой
И побежденная стихия —

переданы в китайском переводе следующим образом:

Возвышайся, город Петра! Выпрямив грудь,
Как Россия стой непоколебимо!
Когда-нибудь даже силы природы
Склонятся перед тобой.

Само собой разумеется, что в китайском тексте «Медного всадника» воспроизведены в переводе все пять примечаний к поэме самого Пушкина и что они потребовали также нескольких дополнительных пояснений, заимствованных частично из русских комментированных изданий этой поэмы.

Довольно подробными комментариями снабжен перевод «Евгения Онегина», сделанный Люй Ином (Пекин, 1954). Переводчик счел нужным пояснить здесь такие имена, как «Зевес», «Руслан» и «Людмила»; объяснены некоторые иностранные слова: «мадам», «мосьё», «мазурка», что такое «Летний сад» и как следует понимать в действительности стих: «Но вреден Север для меня». Все эти разъяснения, безусловно, вполне естественны и имеют существенное значение, в особенности потому, что указанные переводы издаются большими тиражами и рассчитаны на массового китайского читателя, жадно рвущегося к культуре, и в частности к более широкому знакомству с русской литературой. Может быть, имея в виду именно этого широкого читателя, китайские издательства в последнее время охотно помещают на титульных листах выпускаемых ими иностранных произведений своего рода рекомендации этих книг или характеристики их, с кратким изложением их содержания. Так, о «Евгении Онегине» на титульном листе упомянутого выше последнего издания 1954 года говорится: «Это одно из главных произведений Пушкина. Описывая историю своих героев, Онегина и Татьяны, Пушкин показал жизнь

всего русского общества, начиная от нового Петербурга и кончая русской деревней и старой Москвой. Оставшиеся в рукописи части десятой главы дают нам представление о революционном движении русских декабристов». Далее приводятся слова Белинского о «Евгении Онегине» как об «энциклопедии русской жизни» и делается следующий общий вывод: «Прочитав это произведение, можно получить ясное представление о жизни аристократического общества при русском императоре, увидеть, как это, разлагающееся и приходящее в упадок, общество душило умных, способных людей типа Онегина, как оно калечило жизнь таким прекрасным людям, как Татьяна. И это заставляет читателя ненавидеть этот общественный строй, его господствующие классы». Нельзя не заметить, что подобные рекомендации отличаются излишней прямолинейностью и чрезмерно упрощают понимание таких сложных и трудных для всякого иностранного читателя произведений Пушкина, как «Евгений Онегин». Этому делу гораздо лучше помогают, кроме пояснительных примечаний, «предисловия» или «послесловия» к переведенным текстам. Так, к указанному изданию «Евгения Онегина» Люй Ин приложил «Послесловие», в котором подробно рассказано о том, как он трудился над своим переводом и каким принципам следовал. В книге помещена также небольшая статья «О „Евгении Онегине“», в которой Люй Ин рассказал историю создания романа Пушкиным. В заключение переводчик отметил, что «Пушкин не только открыл путь реализма для русской литературы, но и является одним из великих зачинателей классического реализма в мировой литературе».

Иногда в приложениях к переводам даются выдержки из статей русских авторов, чаще всего Белинского.¹⁹ Наконец дополнительную комментаторскую роль играют также иллюстрации: почти все последние переводы произведений Пушкина на китайский язык даны с иллюстрациями старых русских и новых советских художников.

Одновременно с активной деятельностью переводчиков Пушкина в Китайской Народной Республике продолжается, непрерывно развиваясь и вширь и вглубь, изучение Пушкина, в котором принимают участие китайские критики и литературоведы. Из посвященных Пушкину статей последних лет следует назвать статьи Си Цзиня «Что дал нам Пушкин»,²⁰ «Заметки о Пушкине» Ли Цзи-е,²¹ «Город Пушкина и другие заметки» Чжэн Вэня²² и статью Ван Я-пина «Влияние поэта Пушкина в Китае».²³ В этой последней статье известный китайский поэт и критик призывает китайских писателей учиться у Пушкина. «Пушкин — великий поэт, — пишет Ван Я-пин, — его патриотические идеи, горячая любовь к народу, поиски правды, дух сопротивления и надежды на счастливое будущее помогли ему написать так много прекрасных произведений. Мы должны учиться у него». Аналогичные мысли вместе с высокой оценкой творческого гения Пушкина высказываются также и китайскими поэтами.

Юбилей Пушкина 1937 и 1949 годов, как уже было указано выше, были довольно широко отмечены китайской общественностью. Всколых-

¹⁹ Так, в шанхайском издании поэм Пушкина 1954 года в приложениях помещены выдержки из статей Белинского о «Медном всаднике», «Графе Нулине» и «Братьях Разбойниках».

²⁰ «Вэньи юэбао», 1949, № 4.

²¹ «Дагунбао», 1953, № 6 (июнь).

²² «Литература и искусство Северо-Востока», 1951, № 8 (август).

²³ «Шошо чанчан», 1953, № 6.

нули они и китайских писателей, знавших творчество великого русского поэта гораздо лучше, чем их предшественники. В эти годы создано было и несколько посвященных Пушкину стихотворений.

Существует написанное в 1947 году стихотворение, посвященное памятнику Пушкина в Шанхае, поставленному еще в 1937 году. В годы японской оккупации Шанхая памятник этот был разрушен, но после освобождения восстановлен. В день, когда монумент встал на свое место, китайский поэт Цзан Кэ-цзя написал стихотворение «Памятник», в котором есть следующие строки:

Ты стоишь высоко-высоко, Пушкин,
Человечества чистая совесть;
С каждым днем поднимаясь всё выше и выше,
Ты в тех высях, где солнце и месяц,
И как солнце и месяц светел.²⁴

Другой видный поэт современного Китая и драматург Кэ Чжун-пин, согласно его собственному свидетельству, свое стихотворение, посвященное Пушкину, написал 6 июня 1949 года в Пекине и в тот же день прочел его на торжественном собрании, посвященном 150-й годовщине со дня рождения великого русского поэта. Позднее оно было напечатано в сборнике Кэ Чжун-пина «От Яньвани до Пекина». Автограф этого стихотворения Кэ Чжун-пин прислал Всесоюзному музею А. С. Пушкина в Ленинграде,²⁵ где оно хранится и сейчас. Так как оно еще не известно в русской печати, приводим его полный перевод по автографу (снимок первой и последней страницы рукописи см. на стр. 417).

Пою народного гения—Пушкина

Пушкин—цветок русского народа,
Этот цветок готов был скорее умереть,
Чем цвести в саду императора.

Пушкин—драгоценный меч русского народа,
Звезды не такие блестящие, как он,
Молния не такая сверкающая, как он,
Потому что он—это героический дух
русского народа.

Пушкин—гений русского народа,
Его стихи из сердца русского народа,
Бурля, рвутся наружу,
Как из высоких гор рвутся наружу родники,
Родники, сливаясь, образуют реки,
Реки, сливаясь, образуют моря.
Стихи Пушкина
Суровы, как высокие горы России,

²⁴ Перевод Л. Эйлина.— Полностью стихотворение Цзан Кэ-цзя напечатано в «Огоньке», 1949, № 24, стр. 14; см. также: С. Кожевников. Шанхай сегодня. «Литературная газета», 1955, № 62, 26 мая.

²⁵ Подарки музею А. С. Пушкина. «Вечерний Ленинград», 1955, № 42, 19 февраля. Его же стихотворение под названием «Передай ему этот цветок», написанное в связи со 150-летием со дня рождения Пушкина, переведено Александром Гитовичем. См.: «Новый мир», 1952, № 1, стр. 74—75. Ряд других стихотворений Кэ Чжун-пина известен в русских переводах; см., например, сборник «Восток заалел» (изд. «Молодая гвардия», Л., 1951); его перу принадлежит поэма «Армия самообороны пограничного района»; в 1949 году он написал пьесу «Непобедимый народный воин».

歌唱人民天才普希金

普希金，俄羅斯人民的死，
這死寧死不願開在帝王家。

普希金，俄羅斯人民的寶劍，
星兒沒有他光彩，
閃電沒有他明快，
因為他就是——
俄羅斯人民的英雄氣概。

普希金的奇蹟在今天，
新中國的人民會甚麼來紀念？
拿一百個太陽的熱情光輝
拿四百萬萬七千萬人民的英雄氣概！

——柯研

1949年6月6日在北京作稿，在同年
慶祝偉大詩人普希金一百五十奇誕
的大會上或即讀過，蓋山印在
我的一本詩集“從延安到北平”

Стихотворение «Пою народного гения — Пушкина» китайского поэта Кэ Чжун-пина. Листы 1 и 4. Автограф. 1949.
Всесоюзный музей А. С. Пушкина.

Чисты, как родники России,
 Как реки России, смелы,
 Как моря России, величественны.
 Гений русского народа
 Полон настроений русского народа.

Пушкин. . .
 Он выразил в песне сердце русского народа,
 Он поет, как весенний ветер поет над высокими горами.
 Он поет над степями,
 Поет над реками, поет над морями,
 Поет через все государственные границы,
 И все народы открывают ему сердце
 И приветствуют русский народ, гения русского народа.
 Сегодня — годовщина дня рождения Пушкина,
 Чем отметит ее народ нового Китая?
 Славой и энтузиазмом, горящими, как сто солнц,
 Героизмом четырехсотсемидесятимиллионного народа.

Кэ Чжун-пин

Не подлежит никакому сомнению, что молодое китайское пушкиноведение достигло за последние годы несомненных успехов. Советские пушкиноведы будут с интересом ожидать выхода дальнейших переводов и исследовательских работ о Пушкине на китайском языке.

ЮЛИУС ДОЛАНСКИЙ

ПУШКИН В ИСТОРИИ ЧЕШСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

Со дня рождения А. С. Пушкина прошло более полутора столетия. В продолжение всего этого долгого времени неисчерпаемая сокровищница его гения служила источником такой животворящей силы и оплодотворяющих импульсов, какие можно найти у редкого поэта в мире. И для нас, чехов и словаков, Пушкин являлся больше чем поэтом. Его имя постепенно проникло в самые разнообразные слои нашего общества.² Все поколения чешских писателей XIX века обращались к Пушкину почти как к своему современнику, находя у него созвучные себе мысли и настроения. Поколения следовали одно за другим, но всем Пушкин мог сказать свое слово. Каждая эпоха, конечно, всегда находила в нем то, в чем сама лучше разбиралась, чем больше всего интересовалась.

Значение Пушкина в истории чешской культуры лишний раз свидетельствует, что культурные связи между народами представляют собой исторический процесс, обусловленный всем ходом развития общества. Ни одно литературное произведение не воспринимается одинаково в разной общественной среде и в разные периоды ее развития. Соответственно развитию и изменению общества и составляющих его классов меняются и развиваются взгляды на художественное произведение. Само собой разумеется, что специфика национальной культуры, заимствующей художе-

¹ Настоящая статья профессора доктора Ю. Доланского, директора Славянского института Чехословацкой Академии наук, прочтена была им в качестве доклада в Ленинграде в Институте русской литературы 18 декабря 1956 года. Статья в сокращенном изложении напечатана в журнале «Славяне», 1957, июль, № 7, стр. 46—51. Профессор Ю. Доланский — один из видных знатоков Пушкина в Чехословакии; его перу принадлежит ряд работ о русском поэте, о его чешских переводчиках и истолкователях. В 1949 году профессор Ю. Доланский снабдил своим послесловием изданный в Праге сборник новых чешских переводов из Пушкина (*A milovat mě bude lid... Výbor z veršů A. S. Puškina. Praha, 1949*; см. здесь его статью «Proč milujeme Puškina», стр. 141—180). Под редакцией профессора Ю. Доланского вышел также ценный сборник «Puškin u nás. 1799—1949» (Praha, 1949, 424 стр.), материалы которого частично использованы и в настоящей статье. — *Ред.*

² Подробный перечень переводов из Пушкина на чешский язык, напечатанных до 1860 года см. в библиографическом указателе, изданном Славянским институтом Чехословацкой Академии наук: «Slavica v České řeči. I. České překlady ze slovanských jazyků do r. 1860. Z kolektivem spolupracovníků Slovanského ústavu CSAV uspořádal Josef Večka, Praha, 1955, стр. 101—105 (№№ 1687—1769). Опыт библиографического обзора чешских переводов из Пушкина в свое время представил В. А. Францев (см. его статьи: А. С. Пушкин в чешской литературе. «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 66, № 4, 1900, стр. 1—22; Puškiniana. Новые чешские переводы произведений А. С. Пушкина. Статьи, посвященные его жизни и творчеству. «Русский филологический вестник», 1900, т. 43, № 1 и 2, стр. 1—8). Вопросы о воздействии Пушкина на отдельных чешских писателей мимоходом касались и некоторые советские исследователи, однако более или менее полного исследования на эту тему на русском языке еще не существует. — *Ред.*

ственное произведение из другой национальной среды, играет при этом решающую роль. По отношению чешской литературы к Пушкину можно судить, каким мощным источником стала для нее великая русская культура и литература.

С 1823 года, когда у нас в самом разгаре чешского национального возрождения впервые прозвучало имя Пушкина, чешское общество пережило бурное развитие. Во второй половине прошлого века стремительным темпом оно догнало всё, в чем отставало от европейского капитализма. Новые экономические и политические интересы приносили с собой и в культурной жизни новые мерки. Другими глазами, по-новому стали читать и давно известных поэтов. Искали и подбирали в них то, что отвечало новому, изменившемуся вкусу. Могло ли это общество полностью понять Пушкина? Едва ли. Более глубокое понимание Пушкина стало возможным только с приходом к власти рабочего класса.

Пути освоения пушкинского наследия шли параллельно с путями развития чешской культуры. В отношении к Пушкину сначала нашли свое отражение основные тенденции эпохи чешского национального возрождения: любовь к России, требование славянских взаимосвязей, в литературе — тяготение к романтике. Однако Пушкин никогда не представлял собой поэта только «славянской взаимности». Пламенный русский патриот, он в своем творчестве воплощал всечеловеческие идеи. Его творчество, имеющее глубокие национальные корни, широко распространилось во всем мире, не ограничиваясь никогда только узким кругом славянских народов. Поэтому и чешские просветители часто не находили в нем того, чего они больше всего искали в то время в произведениях художественного слова.

Однако, как только чехи начали с 1848 года активную политическую жизнь, Пушкин стал для них образцом борьбы против законелых авторитетов. Молодая чешская буржуазия с 60-х годов колебалась долгое время между пушкинским реализмом и мнимым романтизмом старого покроя. Даже чешские славянофилы не усматривали в Пушкине своего пророка. Буржуазия, в конечном счете, толковала его в соответствии со своими мелкобуржуазными филистерскими представлениями. Автор «Евгения Онегина» и «Капитанской дочки» постепенно становился у них идеалом для несчастных влюбленных или пресыщенных «снобов» из числа «золотой молодежи».

Только тогда, когда борьба за национальную свободу была в основном доведена до конца, когда рабочее движение интернационального марксистского направления сорвало маску с лица чешской буржуазии, скрывавшей за лжепатриотическими фразами свои узко классовые интересы, только тогда стало понятным историческое значение Пушкина. Великая Октябрьская социалистическая революция привела у нас к резкому повороту в оценке Пушкина. Непримиимый борец против старого общественного уклада, Пушкин впервые раскрылся нам как враг классового гнета, критик феодализма, буржуазии, религии, горячий поборник прав угнетенных. Знаменательные пушкинские даты в годы 1929, 1937 и, особенно, 1949 стали у нас, как и в СССР, поводом к развертыванию широко организованной кампании за новое понимание Пушкина.

Стоит характеризовать особо отношение к Пушкину чешских просветителей.³ К их чести следует сказать, что они познакомились с ним в самом

³ Helena Procházková. Po stopách Puškinových do let šedesátých. «Puškin u nás. 1799—1949». Uspořádal Julius Dolanský s redakčním kruhem, Praha, 1949, стр. 152—239.

начале его творческого пути. Мало можно назвать стран, узнавших Пушкина в столь ранние годы. Этим мы обязаны прямым, непосредственным связям деятелей чешского национального возрождения с деятелями русской культуры. Так или иначе основная заслуга в этом принадлежит прежде всего Вячеславу Ганке, имевшему немало личных знакомств с русскими людьми. Осенью 1823 года Ганка получил из России подарок: «стихотворения Пушкина (русские), очень хорошо и изящно изданные», — как писал об этом сын Юнгмана, Иосиф Иосифович, Антонину Мареку.⁴ В том же письме он добавлял: «Они нам больше всего понравились». В среде пражских просветителей стихи Пушкина встречены были с большим интересом, о чем свидетельствует следующее письмо И. И. Юнгмана от 3 декабря 1823 года, в котором тому же адресату (А. Мареку) сообщалось, что «г. Ганка приобрел превосходное стихотворение на русском языке некоего Алекс. Пушкина».⁵ Представляется возможным точно определить, о каком издании Пушкина говорится здесь и какое именно произведение русского поэта названо было «превосходным». Молодой Юнгман сопроводил свое сообщение замечанием, что в книге помещен «портрет стихотворца Пушкина, на коего я весьма похожу». Следовательно, речь, по-видимому, могла идти только о первом издании пушкинского «Кавказского пленника» (СПб., 1822), в котором помещен был портрет молодого автора. Книга эта находится в Пражском Национальном музее.

Из переписки И. И. Юнгмана с Мареком видно, что Пушкин сразу же овладел вниманием нашей публики. Отзывы Иосифа Юнгмана, одного из самых выдающихся литературных деятелей того времени, изобиловали словами признания по адресу русского поэта, до тех пор у нас не известного. Нет сомнения в том, что Юнгман-младший только повторял мнение своего отца. «Превосходные стихотворения» Пушкина по праву всем «больше всего понравились», в том числе и Ганке. Однако этот поклонник царя Александра I не знал, что автор этих превосходных стихотворений, несмотря на свои двадцать четыре года, уже четвертый год живет в ссылке. В. В. Ганка в то время не знал и, вероятно, даже не мог себе представить, что на совести выдающегося русского стихотворца уже немало грехов против царского правительства. Для Ганки лучшей рекомендацией Пушкина было то, что он был именно русский поэт. В чешских просветительских кругах симпатия к России была решающей. Она и обеспечила успех Пушкину, гениальному представителю новой русской литературы.

Юнгман и его друзья не переставали увлекаться Пушкиным. Старик Юнгман заказывал его собрание сочинений и после смерти поэта. В семидесятилетнем возрасте Юнгман старался раздобыть себе отсутствовавший в его библиотеке четвертый том сочинений Пушкина. Для Ганки Пушкин так и остался «первой звездой, сияющей на небе славянской поэзии», выше и Мицкевича, и Словацкого. После смерти Пушкина Ганка, как мы знаем, утверждал, что у великого русского поэта было намерение перевести с чешского «Кралеводворскую рукопись» и что только трагическая смерть помешала ему выполнить это намерение. Близкий друг Юнгмана, Ант. Марек, хотел еще в 1842 году перевести «Историю пугачевского бунта».⁶ Всех первых чешских читателей и почитателей Пушкина, юнгма-

⁴ Josef Josefovič Jungmann. Korespondence. Do tisku připravila Olga Lauer-mannová-Votočková, Praha, 1956, стр. 57.

⁵ Там же, стр. 59.

⁶ См. письмо А. Марек к Юнгману: Časopis Českého musea, 1892, стр. 302.

новцев и ганковцев, привлекало к нему прежде всего то, что он был представителем русской литературы. Они увлекались высокими художественными качествами его произведений, хотя не вполне понимали их идейную глубину. Кажется, только Марек проявил достаточно тонкое чутье, предполагая избрать для перевода историю о «бунтовщике» Пугачеве.

Более сознательный и углубленный интерес к Пушкину появился только у Челяковского. Челяковский и по возрасту стоял к нему ближе всех других чешских просветителей. Он был лишь на три месяца старше своего великого русского сверстника. Уже в 1825 году Челяковский получил довольно подробные известия о деятельности Пушкина. Он завидовал сказочному гонорару, полученному Пушкиным за «Руслана и Людмилу», мечтал прочесть «Бахчисарайский фонтан». Из газетных сообщений он узнал о новом романе Пушкина «Евгений Онегин». После подавления декабрьского восстания он боялся за любимого поэта, как бы тот не лишился головы на плахе за этот «чертов бунт». Позже он узнал, что Пушкин живет в «Петрове» (т. е. в Петербурге) как свободный писатель, «уваливший себя от всех чинов». Только его русский корреспондент, очевидно, не сообщил ему, что Пушкина давно отстранили от государственной службы и что он уже отбыл шесть лет ссылки. Автор «Славянских народных песен» ценил в Пушкине то, что было ему больше всего созвучно: романтические элементы в его произведениях и прежде всего дух народных баллад. Несколько из них он перевел, хотя и довольно неудачно, на чешский язык. Тем не менее, вопреки своим стараниям, несмотря на глубокое уважение к Пушкину, Челяковский не проник в самую суть его творчества: он только «собирал крохи» в пушкинских эпических произведениях малых форм. Это и отвечало тогдашнему уровню чешского литературного развития.

Романтические «южные» поэмы Пушкина привлекли к себе внимание молодого Карла Гинека Маха. Однако Маха, вдохновенный полонофил, воодушевившись во время польского ноябрьского восстания 1830—1831 годов симпатией к польским революционерам, охладел к русской литературе. Симпатии Маха к Пушкину вряд ли могли укрепиться даже после опубликования «Цыган» — первого более крупного чешского перевода из Пушкина, помещенного в журнале «Чехослав» за 1831 год⁷ Яном Славомиром Томичеком, ставшим позже критиком и противником Маха. Итак, Пушкина поднимал лагерь чешских руссофилов, тогда как Маха в то напряженное время первого кризиса чешского славянофильства принадлежал к самым горячим друзьям революционной Польши. Любимыми его поэтами были Мицкевич и другие польские романтики. Всё же в его записной книжке можно найти запись от января 1833 года, свидетельствующую о том, что Маха читал в немецком лейпцигском журнале статью о Пушкине и узнал таким путем о его самых значительных романтических произведениях. Узнал он также о «Евгении Онегине». Маха знал указанный прозаический перевод пушкинских «Цыган», сделанный Томичеком. При более подробном анализе нетрудно доказать сходство некоторых мотивов более поздних маховских «Цыган» и одноименной пушкинской поэмы. Однако нельзя забывать о том, что, несмотря на все тематические соответствия, Маха не сумел выразить именно то, что в стихах Пушкина составляло суть дела: преодоление байронизма, подчинение индивидуалистической, ничем не ограниченной свободы настоящей, дисциплинированной свободой для всех членов свободного коллектива. Но все-таки остается

⁷ Cikáni. Přel. J. Sl. Tomiček. «Čechoslav», 1831, № 5, стр. 8—19.

несомненным, что Маха всем своим существом всех ближе стоял к русскому гению. Он, как и Пушкин, шел от романтизма к реализму. И у него сильно звучала струна революционного сопротивления против старого закоснелого общественного уклада. Но судьбой ему не было назначено жить даже столько, сколько его великому русскому современнику. Он скончался за несколько месяцев до смерти Пушкина, как и он, терзаемый муками ревности.

По-другому относилась к Пушкину еще при его жизни группа писателей, посвятивших себя идеям славянской дружбы. Не случайно перво-степенное место в ней занимали два выдающихся словака: Шафарик и Коллар. Оба в духе несколько устарелого универсализма понимали славян как единую, неделимую нацию, стараясь не замечать естественных различий между отдельными славянскими народами, возникших в ходе их развития. Они выискивали и подчеркивали всё, что славян объединяло, расценивая недостатки славянского самосознания как «антивзаимность». Уже в 1826 году Шафарик упоминал о Пушкине в своей известной «Истории славянских языков и литературы»,⁸ где он опубликовал впервые основные биографические и библиографические даты. Собственный взгляд на Пушкина он высказал только позже, в частном письме к Коллару в 1831 году. Признавая, с одной стороны, что произведения Пушкина являются «прелестными плодами», он говорил, однако, что «сад, в котором они расцвели, не славянский».

Этот взгляд на Пушкина воспринял от Шафарика в известной степени также и Коллар. И по его мнению, Пушкин принадлежал к «самым лучшим славянским поэтам». В своей статье «О литературной взаимности»⁹ он ставил его на первое место — выше Мицкевича и, конечно, выше несравнимо менее значительного серба Симы Милутиновича Сарайли. Однако всех троих Коллар упрекал в том, что их «не воодушевил гений славянской взаимности» в такой степени, чтобы они могли быть «зримы всему славянскому народу стоящими на русской, сербской и польской почве, но парящими в славянском эфире». Всё же автор «Дочери Славы» («Slavy Dcega») искренне любил Пушкина, доказательством чего является его сонет (V, 55), в котором он посылал проклятия оружию барона Дантеса-Геккерена, поднявшего руку на Пушкина. Коллар обращается к убитому Пушкину в взволнованных стихах, исполненных «горячей тоски»: славянство потеряло в нем «блеск славы», Россия и русский язык — «творца эры новой»:

Пушкин! в тоске горячей я молвлю:
славы блеск славянин русский
в тебе потерял творца эры новой.

Эти слова говорят о многом. Не взирая на прежние упреки, Коллар первым у нас провозгласил, что Пушкин озарил блеском славы всех славян и стал в России созидателем новой эпохи.

На вопросе об отношении наших просветителей к Пушкину мы остановились более подробно, чтобы было яснее, каким образом великий русский поэт стал у нас общеизвестным уже при своей жизни.

⁸ Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten, стр. 185 (здесь названы: «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Евгений Онегин»).

⁹ J. Kollár. Ueber die literarische Wechselseitigkeit zwischen den verschiedenen Stämmen und Mundarten der slawischen Nation; перепечатано в книге: J. Kollár. Rozprawy o slovanské vzájemnosti. Praha, 1929, стр. 65.

Со времени первого появления произведений Пушкина на нашей родине он завоевал признание самых выдающихся представителей тогдашней чешской литературы, отзывавшихся о нем с восторгом и восхищением. Однако уже в этот первый период чешского знакомства с Пушкиным начали отчетливо вырисовываться различия интересов. Самые старшие (патриархи Возрождения) чтили в нем прежде всего представителя русской литературы. Другие — Челяковский и Маха — приветствовали в его творчестве родственный себе дух романтической поэзии. Они так и не поняли Пушкина в целом, ни в идейном, ни в художественном отношении. Чешская культура только что начинала развиваться и не достигла еще тех подблочных высот, в которых свободно парил пушкинский дух. Несмотря на свои славянофильские и руссофильские настроения, чешские просветители не владели русским языком настолько, чтобы читать пушкинские стихи в подлиннике. Кажется, больше всего поддасться волшебству его музыкальных, красивых стихов смог один Ганка, в меньшей степени — Юнгман, Марек и Челяковский. Первые опыты перевода пушкинских произведений на чешский язык были обречены на неизбежную неудачу. Новый чешский поэтический язык только что начал образовываться. Характерным в этом отношении является названный выше прозаический перевод «Цыган», который представляет собой сражение, наперед проигранное в художественном отношении, и является свидетельством недостаточной подготовленности к пониманию пушкинского оригинала.

Известие о трагической кончине великого русского поэта нашло у нас горячий отклик. В поэзии получило оно самое полное выражение в названном сонете Коллара из его цикла «Дочери Славы». Но еще несколько лет спустя к этому известию возвращается Ян Православ Коубек, и в стихотворении «Могила поэтов-славян» он в эгегическом раздумье посылает поклон «наияснейшей звезде» «славянского Пантеона» — Пушкину.

Везде в отзывах подобного рода вместе с восхищением к писателю мирового значения чувствовалась гордость тем, что рядом с общеизвестными европейскими именами можно поставить имя столь выдающейся личности из славянской литературы. Тем больше поражает то, с каким холодком отзывался о Пушкине в своем частном письме от 1843 года К. Гавличек. Россию он посетил, как известно, по рекомендации Шафарика, от которого он перенял кое-что из его взглядов и даже предубеждений. В Москве Гавличек сначала не слишком интересовался русской литературой. Он больше наблюдал действительную жизнь. Прожив в России почти девять месяцев, он сознавался, что до сих пор знает «пока только Гоголя». Под влиянием консервативной среды в доме С. П. Шевырева и се славянофильских воззрений питомец Шафарика ничтоже сумняшея зачеркивал всех остальных писателей. Они вместе с Пушкиным, по его мнению, были только «почти *imitatorum recus*» — «стадом подражателей».

Всё же Гавличек не слишком долго оставался при этих своих незрелых отзывах о Пушкине. Видно, когда он вчитался в Пушкина, поэт пришелся ему по душе. Гавличек открыл в нем то, чего вовсе не ожидал увидеть: он узнал в нем не только поэта романтических поэм в байроновском стиле и мастера крупных, серьезных композиций, которые он недолюбливал; его пленил молодой Пушкин, едкий сатирик и насмешник, нападающий на царский реакционный режим, бюрократию и религию. Это было именно по Гавличеку. Он особенно хорошо запомнил «Сказки» Пушкина с издевательской колыбельной песней на царя и сказание о Бове Королевиче. Когда уже позже Гавличек писал народную революционную песенку про «Стадиона в роли няньки» и саркастическое «Крещение св. Владимира»,

вряд ли он осознавал, что кой-где сам становится невольным «подражателем» именно Пушкина. Однако за это мы ему благодарны. При посредничестве Гавличека к нам впервые проник бунтовщический ясный пушкинский дух, дух Пушкина-революционера, хотя это и не осознавалось. Действительно, при посредстве Гавличека мы впервые восприняли частицу прогрессивного пушкинского наследия наряду с частицей критического наследия Белинского. Вот почему молодой чешский воспитанник России в начале 40-х годов на своей родине вступал в столкновения со сторонниками устарелого романтического панславизма так часто, что даже стал казаться «неславянским».

Наступило и в Чехии время революционного брожения. В 1848 году тронулись стоячие воды меттерниховской «идиллии». Реакция Баха вновь пыталась «похоронить людей заживо», но молодая чешская буржуазия была в движении. Под внешним давлением полицейского бюрократизма тлели искорки потаенного отпора и сопротивления. Возникали условия для лучшего понимания Пушкина. Не вызывает удивления, что молодое подрастающее поколение восприняло Пушкина и приблизилось к нему.

Неруда, Галек, Пфлегер-Моравский, Бендл — каждому из них в период баховского «времени заживо похороненных» было по двадцать с лишком лет, — все они открыли своего Пушкина, все сумели взять у него что-нибудь для себя. Больше всех полюбил его молодой теолог Бендл. Это было еще в его студенческие годы; он еще до своего посвящения уделял Пушкину больше внимания и заинтересованности, чем это было прилично будущему священнику. Своими симпатиями к Пушкину он делился с Боженой Немцовой, которая любила прозу и сказки Пушкина. Она знала несколько «Повестей Белкина», поскольку они были переведены на чешский язык. Ее очаровала, без сомнения, «Капитанская дочка», в чешском переводе К. Штефана. Наподобие идеализированного пушкинского образа царицы Екатерины автор «Бабушки» создала свою «пани княгиню». Немцова начала в то время даже учиться русскому языку, и Бендл, вероятно, для нее, известной чешской «сказочницы», перевел одну из сказок Пушкина — «Сказку о рыбаке и рыбке» (1854).

Юноша двадцати одного года, Бендл опубликовал обширную статью о Пушкине в «Журнале Чешского музея». Какими словами писал он о нем здесь! Это было в 1854 году, когда реакционные австрийские власти в полном смысле слова неистовствовали.

Все предпочитали молчать: кто от испуга, кто из осторожности. И в это же самое время Бендл посмел уже во вступительной части своей статьи заявить во всеуслышание, что имя Пушкина стало «лозунгом всех недовольных» и что уже ранние стихотворения русского поэта отличались «якобинизмом» и проникнуты были жестокой ненавистью «ко всему существующему». Бендл особенно подчеркнул стихотворение «Кинжал»: в нем Пушкин воспел орудие казни, которым пользовались поборники свободы Брут и Карл Занд. Кинжал для того и был выкован, чтобы стать оружием вечной справедливости: он должен защищать свободу, расторгать узы, мстить за униженных. Память о Карле Занде, убившем немецкого реакционера Коцебу и погибшем поэтому на плахе, живет в сердцах немецкого народа рядом с памятью о Пушкине и звучит как предостережение насилию и тирании.

Нет никакого сомнения в том, что все эти подробности отвечали духу времени, если Бендл с такой решительностью подчеркивал в очерке жизни Пушкина именно это его стихотворение. Бендл писал, что «Кинжал» переводили на все языки России и что его везде встречали с большим энту-

зиязмом, потому что «каждый в нем находил свои собственные чувствования». В реакционной тиши баховского режима Пушкин как бы заговорил от имени чешских «якобинцев», «не согласных» со «всем существующим». Молодой друг Божены Немцовой ставил автора «Кинжала» рядом с самыми любимыми поэтами своего поколения. Бендл вновь писал о Пушкине в следующем, 1855 году в альманахе «Лада Ниола», где подчеркивал факт, что смерти Пушкина радовалась знать, дворянство, которое сильно недолюбливало «любимца народа».¹⁰ Не случайно Бендл поставил себе задачей ознакомить чешскую общественность, по мере возможности, с творчеством Пушкина. Только в 1859—1860 годах ему удалось издать два тома своих переводов произведений Пушкина. В первый — «Výbor básní A. Puškina. I. Básně rozpravne» (1859) — вошли поэмы «Бахчисарайский фонтан», «Братья разбойники», «Цыганы», «Кавказский пленник», «Граф Нулин», «Полтава», а также «Борис Годунов», второй — составил «Evgen Oněgin, román ve verších» (1860). Хотя Бендлу с трудом давался перевод сложного стиха и передача хрустально ясного и простого пушкинского языка, всё же его труд во всех отношениях достоин уважения, и ценность его не уменьшается из-за присутствия ему мелких ошибок или ритмических и стилистических недочетов. Два тома «Стихов повествовательных» Бендла впервые непосредственно показали нам многогранное богатство пушкинской поэзии и открыли к нему доступ чешским читателям.

Для этого как раз незрело время. Имя Пушкина победоносно завоевывало Европу. В соседней Германии пропагандировал его молодой Фридрих Боденштедт, бывший, подобно нашему Гавличеку, в начале 40-х годов воспитателем в Москве. Мы до сих пор еще не оценили значения боденштедтовских переводов из Пушкина для подрастающего «майского» поколения чешских писателей.¹¹ Ведь его перевод повлиал, без сомнения, также на Бендла, хотя тот и вдохновлялся в первую очередь лекциями Ганки и его переводы с русских подлинников вполне самостоятельны. Не случайно Миковец, самый старший из «майовцев», опубликовал свою «шиллеровскую» трагедию о самозванце «Дмитрий Иванович» (1856) в том же году, что и Боденштедт. Вероятно, по переводам Боденштедта с Пушкиным первоначально знакомились даже молодые друзья — Неруда и Пфлегер-Моравский. Неруда в памфлете «У нас» (1858) прямо ссылался на автора «Онегина», создавая трагический тип чешского Онегина. И в «Пане Вышинском» Пфлегера (1858—1859) можно заметить подражание истории Онегина и Татьяны еще за год до того, как Бендлу удалось окончить и опубликовать свой перевод. Следовательно, он знал Пушкина по переводам Боденштедта. Непосредственным же влиянием Бендла можно объяснить увлечение Галека Пушкиным. Его «Мейрима и Гуссейн» (1859) кое в чем подражала «Бахчисарайскому фонтану», переведенному на чешский язык в упомянутом альманахе «Лада Ниола» (1855). Однако отношение Галека к великому русскому поэту было, конечно, другое, чем отношение Неруды и Пфлегера. Им обоим из всех пушкинских стихотворных произведений понравился больше всего «Онегин». Их увлек онегинский реализм, пренебрежительная ирония великосветского денди, который со скуки язвит над окружающей средой. Романтического Галека, наоборот, очаровал Пушкин-романтик, волшебный живописец Востока, владеющий мно-

¹⁰ Bachčiserajský fontán. Přel. V. Č. Bendl. «Lada Nióla», Praha, 1855, стр. 26—46. Оттиск из этого альманаха («Bachčiserajský fontán. Přel. a některé skizzy z literatury ruské podává Vacslav Č. Bendl») помечен 1854 годом.

¹¹ Названного так потому, что многие его представители были участниками национального восстания в мае 1849 года или развивались под влиянием его идей. — *Ред.*

жеством сияющих, живых красок, и знаток человеческих страстей и судеб в таинственных сумерках гаремов.

Шестидесятые годы больше сочувствовали именно раннему Пушкину. Чешская буржуазия в это время как раз была на подъеме своего развития. Впервые после баховской реакции она, окрыленная надеждами, начала развивать активную деятельность. Она не хотела, чтобы в этом ей мешала трезвая критика и скептическое отношение к жизни. Из литературы чешская буржуазия выбрала лишь то, что ее могло приятно развлекать, рассеивать, возбуждать. Ее молодежь увлеклась романтическими снами, причем ее лучшая часть, воодушевленная свободолюбивым патриотизмом, ратовала более или менее сознательно за свободу всех наций. Отсюда понятно и воодушевление, охватившее молодого Сватоплука Чеха еще в студенческие годы, когда он впервые читал в переводе Бендла «Кавказского пленника» и другие поэмы Пушкина. Он подражал «Цыганам» в одном из своих ранних произведений — в «Диком звуке» (1867). О Пушкине он вспоминал, путешествуя по Руси. К теме «Кавказского пленника» Сватоплук Чех возвратился в собственной стихотворной повести «Черкес» (1875). Пушкина приветствовал он в одном из последних своих произведений — в «Степи» (1905). В середине 60-х годов в Чехии по пушкинскому «Бахчисарайскому фонтану» возникло оперное либретто, однако неудачное. Музыка к нему сочинил Леопольд Мехура, оперой же, названной по имени главной героини поэмы Пушкина — «Мария Потоцкая», дирижировал во «Временном театре» сам Бедржих Сметана.

Но все-таки рядом с Пушкиным-романтиком в течение 60-х годов всё большую популярность завоевывал также Пушкин-прозаик, гениальный повествователь. С основными прозаическими произведениями Пушкина чешские читатели были уже давно знакомы, даже более подробно, чем с поэзией. Уже в 1844 году журнал «Цветы» опубликовал перевод «Пиковой дамы». ¹² Три года спустя книгоиздатель Я. Поспишил выпустил в свет «Капитанскую дочку». ¹³ Начиная с 1844 года публиковались отрывки из «Повестей Белкина». Но только 60—70-е годы, характеризующиеся всё усиливавшимся интересом к реализму в чешской литературе, показали чешским читателям Пушкина-повествователя в настоящем свете. С 1870 года были переведены уже все «Повести Белкина», некоторые даже дважды и трижды. В журнале «Светозор» появился в 1867 году «Дубровский» в чешской переработке. В 1874 году в «Картинах из жизни» Яна Неруды постепенно печатался «Арап Петра Великого», и вскоре после этого появился, переиздававшийся потом, новый журнальный перевод «Пиковой дамы». Это была вторая волна пушкинской прозы, шедшая в нашу литературу. Однако она не смогла оказать такого облагораживающего влияния, как поэзия Пушкина. В течение трех—четырёх десятилетий со времени своего возникновения она утратила новизну, которую имела при своем появлении, и теперь чешские прозаики не могли уже у нее почерпнуть ничего особенно нового. Однако широким слоям чешских читателей превосходное мастерство Пушкина-повествователя продолжало нравиться. Не удивительно, что к Пушкину-рассказчику наши переводчики и позже возвращались вновь и вновь. В особенности с конца 60-х годов, в период преобладания реализма, до самого конца века пушкинские произведения заполняли чешский книжный рынок. Особенно много раз переиздавались «Капитанская дочка» и «Пиковая дама».

¹² Píková dáma, Přel. K alasanc Orelsky. «Kvety», 1844, № 11.

¹³ Kapitánova dcera. Přel. Kristian Stefan, Praha, 1847.

В 80-х годах великий русский поэт еще один раз находился под угрозой односторонней популяризации и неправильного понимания: в период моды на «Евгения Онегина». В 1882 году В. А. Юнг опубликовал в журнале «Рух» («Ruch») первые отрывки из своего нового перевода «Онегина». Приблизительно в то же самое время, в 1888 году, пражский театр впервые поставил оперу Чайковского «Евгений Онегин». Она имела блестящий успех, и представления следовали одно за другим. Чудесная музыка гениального русского композитора сделала более понятным «Евгения Онегина» и умножила эффект от этой блестящей жемчужины пушкинского творчества. Но публику занимало не новое драматическое искусство, прокладывавшее смелые пути для оперы. Вместо подлинного реализма, представлявшего собой тогда на оперной сцене совершенную новизну, буржуазная публика прежде всего восхищалась в Национальном театре сентиментальной, как ей казалось, историей любви Татьяны и Онегина с неизбежной романтической дуэлью. Внутренняя глубина человеческих душ, изящная красота трагических характеров, революционное звучание критики общества, — всё это ускользало от внимания большинства зрителей. Буржуазные снобы обоего пола истолковывали оперу по-своему. Любая влюбленная кисейная барышня воображала себя Татьяной. И проспект Фердинанда перед Национальным театром вдруг заполнился щеголями и денди с пресыщенными кислотоватыми минами на манер пушкинского героя.

Ошибочно истолкованный тип Онегина стал у нас «модой» среди упадочной буржуазии конца столетия. Представительный орган тогдашней чешской буржуазии, журнал «Злата Прага», немедленно использовал неожиданную пушкинско-онегинскую «моду». В течение всего 1890 года журнал печатал новый юнговский перевод «Евгения Онегина». Отдельной книжкой вышел он из печати в 1892 году в книгоиздательстве Я. Отто. Перевод этот стал верным отображением эпигонского характера тогдашней мелкобуржуазной культуры. В сравнении с первым опытом Бендла, конечно, он знаменовал большой шаг вперед. Ведь с тех пор прошло тридцать лет напряженного развития чешского поэтического языка! Однако, несмотря на все свои старания и добрую волю, В. А. Юнг в действительности не оказался художником-творцом. Он так и остался прилежным учеником «лумировцев»¹⁴ и в дальнейших своих переработках перевода (издававшегося в 1914, 1919, 1924, 1926, 1937 годах).¹⁵ 80-е и 90-е годы можно назвать периодом измельчания буржуазного «культа Онегина» у нас.

Спустя много десятков лет со времени своего возникновения произведения Пушкина пользовались любовью чешской публики не только в переводах, но также и на оперной сцене. Несколько молодых чешских писателей настолько прониклись впечатлениями от произведений Пушкина, что невольно или сознательно стали подражать им в своем творчестве. Только теперь журнал «Цветы» опубликовал (1888) неоконченный роман в стихах «Две любви» преждевременно умершего Франтишека Адамеца (1846—1868). Молодой Карл Легер попытался использовать онегинский сюжет дважды, в двух своих стихотворных повестях («Будни», 1883; «В тиши», 1890). Его сверстник, Богдан Каминский, написал в 1890 году для журнала «Злата Прага» тоже стихотворную повесть, которая привлекла

¹⁴ Литературное направление журнала «Лумир».

¹⁵ Об «исправленном» издании перевода В. А. Юнга 1914 года весьма похвальную рецензию напечатал В. А. Францев в «Русском филологическом вестнике» (1914, № 2, стр. 605—606); он даже объявил этот перевод «образцовым» и отрицательно отзывался лишь об иллюстрациях, сопровождавших текст.

к себе внимание своим пушкинским названием «Моя Татьяна». Франтишек Таборский под влиянием «Онегина» написал два своих отрывка («Апрельские настроения», «Масленица») и поместил их в книге своих стихов «Старая комедия» (1891). Даже «Магдалена» Махара (1894) и некоторые стихотворения в сборнике «Здесь бы цвести розам...» (1894) не избежали влияния «Онегина». Старейшего Сватоплука Чеха поражило то, что на стыке двух веков подражания «Онегину» в романтическом стиле буквально наводнили литературу. Однако времена изменились. Пушкинский герой с романтическим развевающимся плащом и пистолетом, выношенный в мечтах «идеал отцов» должен был волей-неволей уступить дорогу сереньким обывателям без окаймленной тоги. «Его плащ съела, дескать, моль».

Мы не должны забывать, что необыкновенная популярность Пушкина с конца 90-х годов и до конца века возрастала непрерывно благодаря двум знаменательным годовщинам: в 1887 году исполнилось пятьдесят лет со дня гибели Пушкина; в 1899 году весь образованный мир отметил сотую годовщину со дня рождения поэта. Обе эти даты вызвали чрезвычайный интерес к его творчеству. Но очень характерным для периода подъема развития буржуазного общества представляется то обстоятельство, что у нас на долгое время победил и завладел умами именно «Евгений Онегин», прикрашенный и толковавшийся в мещанском вкусе. Как уже было отмечено, от «Онегина» не отставала и пушкинская проза, особенно «Капитанская дочка» и «Пиковая дама».

В юбилейном 1887 году появилась у нас еще одна выдающаяся почитательница пушкинского гения — Элишка Красногорская. Вдохновенная поклонница славянских литератур в этом именно году задумала осуществить свои переводы из Пушкина. В соответствии со своими вкусами она сначала занялась Пушкиным-романтиком. С 1883 года она печатала в журналах, а позже и в книгах отрывки из баллад и пушкинские поэмы южного периода его жизни. Она издала в 1888 году свой перевод «Бахчисарайского фонтана», в 1889 — перевод «Цыган», «Кавказского пленника», в 1894 — «Избранные стихи малых форм», в 1895 — «Несколько повествовательных стихотворений» и только десять лет спустя — перевод «Бориса Годунова» (1905). Новые переводы Э. Красногорской рядом с переводом «Онегина» В. Юнга вытеснили более ранний перевод Бендла, появившийся за тридцать — сорок лет до них. И в них отражена художественная манера школы «лумировцев».

1899 год, сотая годовщина со дня рождения Пушкина, завершил собой у нас буржуазный период пушкинской «моды». В том же году вновь вышло из печати несколько переводов прозаических произведений и сказок. Но действительной новинкой и ценным вкладом, на первый взгляд незначительным, являлся только один: маленький, оригинальный сборник лирических стихов, составленный для журнала «Славянский обзор» Франтишек Таборским. Как известно, Таборский давно любил Пушкина и уже раньше его пленил «Онегин». Но только в зрелом возрасте он более глубоко занялся его изучением и открыл в нем больше, чем только романтического поэта, и больше, чем автора любовных стихов. Таборский сознательно, по-новаторски тяготел к пушкинскому критическому реализму. Именно поэтому он избрал из пушкинской лирики своеобразные, до тех пор у нас не известные стихи. Среди них ярко выделялось стихотворение с социальной тенденцией, проникнутое ненавистью к большому городу и воспевающее простоту и искренность деревенских людей («Когда за городом задумчив я брожу...»). Это было первое, пока довольно скромное

предвестие нового понимания Пушкина. Оно с другой, не известной доле стороны осветило наследие великого русского поэта, которого у нас целые десятилетия представляли как творца мещанского идиализма.

С наступлением нового века начался у нас видимый отход от Пушкина. На хаотическом перепутье самых различных «измов», при господстве идеалистического индивидуализма пушкинская поэзия, полная жизнерадостной силы и солнечной яркости, как будто потеряла почву под ногами. Редко появляются новые переводы. Элишка Красногорская со своим переводом «Бориса Годунова» 1905 года вылась как бы не ко времени. Старые запасы переводов удовлетворяли. . . Большим вниманием пользовались лишь сказки Пушкина. Внимательно изучал их главным образом Франтишек Таборский, проверявший и применявший в опытах их переводов свое тонкое языковое чутье. Таборский еще до первой империалистической войны несколько раз искал пути к Пушкину-революционеру. В журнале «Новь» в 1911—1912 годах он опубликовал дальнейшие два цикла своих переводов из Пушкина — его лирики и эпиграмм. Между последними помещены такие острые и трудные для перевода произведения, как эпиграммы на Аракчеева. Это он показал дороге В. А. Юнгу, популяризатору «Онегина». И Юнг стал теперь чаще заниматься пушкинской лирикой малых форм, только, конечно, без намеченной программы, направления и цели. Во время первой мировой войны в его переводах звучала давнишняя чешская любовь к бессмертному русскому гению: звучала наперекор стихиям, звучала голосом отчизны.

Первое время Чехословацкой республики было не слишком благоприятно для Пушкина. Всеобщее отрицание традиций и равнодушие к достижениям прошлого проявились также и в отношении к Пушкину. Нельзя сказать, чтобы Пушкин совсем исчез с горизонта. Переводы более ранних произведений часто переиздавались и в 1920-х годах. Читатели и в это время искали произведений любимого поэта. Они успели раскупить три новых издания юнговского перевода «Онегина» (1919, 1923, 1926). С начала переворота 1918 года до 1932 года «Пиковая дама» вышла четыре раза, а «Капитанская дочка» — пять раз. Не приходится жаловаться на равнодушие публики. Но писатели, а именно молодое поколение, занимались Пушкининым мало.

Долгожданный поворот в отношении к Пушкину принесли только 30-е годы. Пушкин вновь выдвигался на передний план в Советском Союзе. Юбилейный 1929 год явился побудительным толчком. В свете новых найденных материалов яснее определились позиции поэта, пламенного борца за свободу. Появилось несколько новых выдающихся чешских переводчиков Пушкина. За сборником пушкинских сказок Ф. Таборского (1930) следовали: перевод Матезиуса («Пиковая дама» и другие рассказы, 1931), перевод Фишера («Сцена из Фауста», 1932), образцы ранней лирики в переводах Петра Кршички (1933) и новый перевод «Полтавы» Индржиха Неймана (1932). Все они искренне полюбили Пушкина и с тех пор отдавали ему свои старания и переводческое искусство.

Новое четырехтомное издание «Избранных сочинений» А. С. Пушкина (выпущено книгоиздательством Мелантрих в 1936—1938 годах) показало нам его творчество в новом виде, продуманном и систематически подобранном; можно сказать, что только в то время впервые Пушкин предстал у нас целостно, во всем своем величии. Бессмертный, вечно молодой. Борющийся, революционный. Художник и пророк. Петр Кршичка в переводах первого тома лирики Пушкина (1936, 1937) вложил всю свою виртуозность поэта и удивительную тонкость языкового чутья. Иосиф Гора за-

ставил звучать свой перевод «Евгения Онегина» (1937, 1945), как звучат классические произведения чешской поэзии. Отокар Фишер в третьем томе (1937) возродил к жизни и как бы по-новому открыл для чешской общественности пушкинские драмы. В работе над четвертым томом соединились восемь переводчиков старшего и младшего поколений, чтобы коллективным трудом представить нам заново пушкинские «рассказы в стихах и прозе» и «Подражания народной поэзии» (1938). Именно этот организованный коллективный труд сделал возможным то, что до того времени — при Бендле, Юнге и Красногорской — не было осуществимо: переплощение творчества великого поэта объединенными силами лучших переводчиков, притом с единой точки зрения. Несмотря на то, что этот большой труд кое-где и не лишен недостатков, всё же он был знамением нового времени. Это новое время усматривало в Пушкине своего пророка и предтечу.

В юбилейном 1937 году пушкинские произведения широко распространились в чешском обществе. Помимо большого издания его «Собрания сочинений», отдельно вышло тогда много других изданий, в старых и новых переводах. Революционное значение поэта последовательно показывал в книгах и журналах молодой Илья Барт в подобранных с находчивостью переводах. Однако юбилей не ограничивался только переводами. На Пушкина обратила свое внимание вся чешская печать. Его имя заполняло специальные журналы и газеты. Десятки специальных и более популярных статей и исследований по-новому освещали прогрессивность и актуальность творчества Пушкина. Давний почитатель Пушкина Ф. Таборский издал в Академии серьезную статью в революционном духе о «Пушкине, певце свободы» (1937). Во всех крупных культурных центрах Чехословакии читались лекции и устраивались художественные вечера в честь Пушкина. Немало радиопередач посвящалось Пушкину. Пушкина ставили наши театры, не только оперные, но и драматические. Это был новый триумф гения Пушкина. На этот раз торжествовал победу не тот Пушкин, каким его представляли обыватели сорок—пятьдесят лет тому назад. Наконец-то, и у нас встал и в полном своем величии гигант великой эпохи, явившийся на рубеже двух веков, воскрес символ и выразитель наших чаяний и революционных стремлений к переустройству общества.

Оккупация, его фашистского протектората временно подавили и прервали открытое выражение почитания и любви к русскому гению. Но мы читали вечно дорогого нам Пушкина тайно, наслаждаясь им только у себя. Как только от славной победы Советского Союза под лучами солнца свободы треснул лед угнетения, ясный голос Пушкина прозвучал вновь. Этот голос звучит со дня освобождения не только в литературе и в новых переводах, но и в сердцах всего нашего народа.

Почти полтора десятилетия произносите имя Александра Сергеевича Пушкина в Чехии, более ста десяти чешских переводчиков пытались в течение этого времени приблизить к нам его вечно живые слова; на протяжении всего этого времени чешские читатели получили около трехсот неоднократно издававшихся переводов его произведений. О Пушкине напечатано в наших книгах и журналах более двухсот семидесяти статей и исследований, не считая бесчисленных газетных статей. Сведения о Пушкине мы часто искали в русских источниках. Однако более ста чешских ученых задумывались самостоятельно над творчеством Пушкина и посвящали ему свои исследования. Драмы Пушкина пользовались успехом на сценах чешских театров. Для наших артистов и певцов было радостным трудом воплотить бессмертных пушкинских героев: Онегина и Татьяну, Годунова

и Гришку, Германна из «Пиковой дамы», Скупого рыцаря и Дон Гуана, народных героев его сказок. Мелодика пушкинской речи и взволнованный драматизм его поэтических сюжетов не раз вдохновляли чешских композиторов, чешских живописцев и художников, которые, вдохновленные Пушкиным, соперничали с русскими мастерами кисти; стихи Пушкина звучали и звучат по радио.

Почти не существует такой области искусства, куда бы Пушкин не проник; Пушкин — поистине гигант русской литературы, он стал неотделимой частью и нашей чешской культуры. С благодарностью мы пишем его имя рядом с именами тех, которые вели нас к свободе и победе. И у нас оказались вполне правдивыми и жизненными его слова к Чаадаеву:

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Прага.

В. ВЕЛЧЕВ

ПУШКИН В ИЗОБРАЖЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ БОЛГАРСКИХ ПОЭТОВ

1

Творчество А. С. Пушкина пользуется в Болгарии широкой популярностью. Оно оказывает глубокое и непрерывное влияние, содействуя общественной и литературной борьбе на различных этапах развития общественной жизни в Болгарии.

Самые крупные болгарские поэты — П. Р. Славейков, Хр. Ботев, Ив. Вазов, П. П. Славейков и другие — учились у Пушкина, переводили его произведения. Глубоко войдя в болгарскую литературу как поэт народный, оплодотворивший творческие искания многих болгарских поэтов, Пушкин, естественно, стал предметом художественного изображения. Еще до освобождения Болгарии от турецкого ига П. Р. Славейков, родоначальник новой болгарской поэзии, сделал следующее замечательное признание:

Не бе ми брат,
По муза беше ми познат,
Но мил ми беше от брат по-много.¹

(Он не был моим братом, он мне был знаком по музе, но был мне гораздо милее брата.)

В 80-е и 90-е годы XIX века народный поэт Ив. Вазов посвятил великому русскому поэту два стихотворения — «Пушкин» (1885) и «Столетие Пушкина» (1899).² Во втором стихотворении, написанном в момент острой борьбы партий русской и западноевропейской ориентации, он выразил свой восторг и гордость поэтическим «гением славянства» тем, что и его народ принимает участие в великом празднике России — столетии со дня рождения поэта.

Эта прекрасная традиция, заложенная Ив. Вазовым, получила новое развитие в творчестве современных болгарских поэтов. Время, протекшее с конца первой империалистической войны до народной победы в 1944 году, представляет собой новый этап как в истории болгарской литературы, так и в восприятии творчества Пушкина. Как и естественно было ожидать, в этот период появился большой интерес к советской литературе. Горький и Маяковский, Шолохов и Н. Островский овладели умами прогрессивных читателей и писателей. Однако поэзия Пушкина и в эти годы не

¹ П. Славейков, Пушкин в България. Събрани съчинения, т. VI, кн. 2, изд. «Българска литература», София, 1923, стр. 186.

² Ив. Вазов, Събрани съчинения, т. II, изд. «Български писател», София, 1955, стр. 389; т. III, 1955, стр. 50—51.

потеряла своего очарования. Интерес к его творчеству усиливается особенно к 1937 году, когда отмечалось столетие со дня его гибели.

Самые талантливые поэты того времени читают Пушкина, осмысливают его творчество сообразно со своим мировоззрением и задачами момента. Великий пролетарский поэт Хр. Смирненски (1898—1923), основоположник социалистического реализма в болгарской литературе, был одним из восторженных почитателей Пушкина. Его друзья единодушно говорят о большой любви и увлечении им русской литературой, и более всего Пушкиным. «Самыми любимыми у него были Пушкин, Крылов, Лермонтов, Максим Горький, Тургенев», — пишет Г. Д. Наков.³ Пушкин для Смирненского не только поэт, но и гражданин. Любовь к русской литературе, свободолюбивой поэзии Пушкина Смирненски прививал и своим товарищам. Он «вводил нас, — говорит Тома Янев, — в духовный мир наших и иностранных писателей, главным образом русских... Он заинтересовал нас творчеством Максима Горького, Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Некрасова, о которых говорил с увлечением и волнением как о борцах за лучшую участь для человечества. И Христо заключал, что мир должен быть лучше и что это не придет как дар небесный».⁴

Очень характерно отношение к Пушкину борца-антифашиста, самого талантливого поэта нового времени, Николы Вапцарова (1909—1942), зверски убитого фашистами. Воспоминания о Вапцарове свидетельствуют, что он интересовался не только советской, но и русской классической литературой. Ее боевой, героический, освободительный характер в условиях фашистского гнета был созвучен настроениям Вапцарова. В товарищеской среде он с воодушевлением читал наизусть «Демона», «Смерть поэта» Лермонтова, «Стансы», «Пророка», отрывки из «Полтавы», «Медного всадника», «Евгения Онегина» и других произведений Пушкина. Вапцаров любил и Толстого, Некрасова, Гоголя, Чехова, Чернышевского и Добролюбова, но перед Пушкиным испытывал истинное преклонение. Он видел в нем непревзойденного гения поэзии, образец для всего самого высокого в области поэтического искусства. «Каждый поэт должен учиться у Пушкина, — убежденно говорил он. — Теперь многие из нас пишут какие-то особенные стихотворения или, точнее говоря, стихоплетствуют. Пушкин — гений, равного которому трудно найти».⁵

Для Вапцарова Пушкин — поэт, который открывает ему простор для деятельности, указывает пути борьбы за лучшую жизнь для человечества. Говоря о своем увлечении великими западноевропейскими писателями, Вапцаров признает: «Все эти писатели учили меня разоблачать зло, но одновременно успокаивали и утешительными иллюзиями». Натура деятельная, Вапцаров не довольствовался только установлением социальных пороков и пассивным возмущением. «Они, — продолжает он, — не помогли мне понять, что нужно делать, кто виноват в том, что миллионы людей просыпаются с мучительной мыслью о каждодневном куске хлеба, а меньшинство утопает в роскоши и безделье». Противопоставляя русских писателей западноевропейским, Вапцаров заключает: «На все эти вопросы дали мне ответ великие русские классики».⁶ Русские писатели-демократы

³ Георги Динишев Наков. Моя дружба с Христо. «Спомени за Христо Смирненски». Сборник. Под редакцията на Г. Караславов, Хр. Радевски, Л. Стоянов, Т. Боров, Н. Измирлиева, Ст. Божков, изд. «Български писател», София, 1955, стр. 96.

⁴ Тома Янев. Христо беше нещо повече от нас. Сб. «Спомени за Христо Смирненски», стр. 80.

⁵ Б. Вапцарова. Спомени за Вапцаров. Изд. «Български писател», София, 1951, стр. 182.

⁶ Там же, стр. 179.

дали Вапцарову не только знание жизни, но и объяснили эту жизнь, показали пути для преодоления классовых несправедливостей, укрепили уверенность в борьбе против этих несправедливостей.

В критической болгарской литературе о Пушкине в юбилейный 1937 год самое большое значение имел сборник, изданный под редакцией Гьончо Белева «А. С. Пушкин. 100 лет со дня смерти» (1937, 20 февраля). В нем помещены переводы стихотворений Пушкина, статьи и стихи о нем видных общественных деятелей, литературных критиков, писателей, таких, как Тодор Павлов, Т. Самодумов, Трудин (Сава Гановски), Г. Бакалов, Л. Стоянов, Н. Хрелков, Мл. Исаев, А. Тодоров, М. Марчевски, М. Грубешлиева, Кр. Белев, Г. Цанев, П. Матеев, Крум Пенев и др. Выход этого сборника в годы господства фашизма в значительной степени способствовал усвоению болгарским литературоведением того понимания пушкинского наследия, какое было достигнуто в тот момент советским пушкиноведением: было показано национальное и мировое значение великого поэта, раскрыт характер пушкинского реализма. Отмечая влияние Пушкина на болгарскую литературу, непрерывавшееся почти целый век, писавшие по этому вопросу особенно подчеркивали, что в Болгарии Пушкин содействовал общественному развитию, что он предвидел и выразил «многие тенденции будущего»,⁷ научил болгарскую интеллигенцию «верить и бороться за самые возвышенные идеалы человечества».⁸

Чествование Пушкина в 1937 году, когда фашизм готовил вторую мировую войну, было ярким проявлением солидарности с прогрессивным человечеством, мощной демонстрацией любви к Советскому Союзу как его авангарду. Именно в тот период, с конца первой империалистической войны до народной победы в 1944 году, появляется очень много стихотворений о великом поэте.

Пролетарский поэт Димитр Полянов (1876—1953) еще в 1919 году в ознаменование двухлетия Великой Октябрьской социалистической революции написал стихотворение «Суд бессмертных. 1917—ноябрь 1919»,⁹ в котором наряду с другими русскими писателями называет и Пушкина как косвенного участника Октября. С искренним восторгом Полянов говорит о том, что Великая Октябрьская революция положила конец рабству, что свобода завоевана кровью:

Тук Пушкин е със вдъхновение
Възпявал всяка красота.
Мечтал за мощ и упоение
На боя кървав в яростта.

(Здесь Пушкин, с вдохновеньем воспевавший красоту, мечтал о силе и упоенье боя кровавого и яростного.)

Пушкин наряду с другими русскими поэтами является провозвестником свободы. Вместе с другими он утверждает завоевания революции:

И есна вик: благословена,
Закриляй волний человек!
От истината вдъхновена,
бъди отнине и во век!

(И раздался голос: благословенна, защищай свободного человека! Истиной вдохновленная, будь отныне и во век!)

⁷ Трудин. Пушкин и бъдещето. «А. С. Пушкин. 100 години от смъртта му», брой единствен, 1937, 20 февруари, стр. 7.

⁸ Л. Стоянов. Представител на человечеството. Там же, стр. 2.

⁹ Д. И. Полянов. Железни стихове. Изд. на Общо работническо кооперативно дружество «Освобождение», София, <1921>, стр. 64—67.

В юбилейном 1937 году в столичной и провинциальной прессе печатаются восторженные поэтические произведения, с помощью художественного слова укрепляющие фронт сопротивления против фашизма. Среди поэтов, создавших произведения о Пушкине, — Мария Грубешлиева, Младен Исаев, Пантелей Матеев, Крум Пенев, Ангел Тодоров и другие, своеобразно выразившие свое преклонение перед великим русским поэтом, создав художественно убедительные образы. Самое значительное творческое завоевание в тот период принадлежит Николе Вапцарову.

Вапцаров, горячий поклонник русской классической литературы и особенно Пушкина, создает замечательное стихотворение «Пушкин».¹⁰ В этом стихотворении, в свободном ямбическом стихе по типу стиха Маяковского, Вапцаров раскрывает образ великого поэта на фоне его эпохи, он извлекает уроки из исторического прошлого родины Пушкина, укрепляет оптимизм в борьбе за революционное преобразование своей страны. В тоне сдержанной исповеди, простыми, но выразительными поэтическими красками Вапцаров создает замечательное по своему идейному содержанию стихотворение. Его поэтическая исповедь открывается шато, но выразительно нарисованной картиной России времени Пушкина:

Русия — мрак.
 Русия — гнет.
 Неразорана целина.
 Вертеп...
 Свирепа тишина.

(Россия — мрак. Россия — гнет. Неподнятая целина. Вертеп... Свирепая тишина.)

Этой картине царской России Вапцаров противопоставляет современное положение в Советском Союзе, где теперь созданы новые условия жизни, которые открывают иные перспективы для жизни народа. И всё это произошло потому, что объединенные трудовые классы, направляемые в своей борьбе идеологией революционного пролетариата, создают новую жизнь. В этой новой, счастливой жизни уже нет трагической отчужденности между поэтом и народом. Свободный советский труженик может обратить свой взор к красотам природы и искусства, может «в обеденный перерыв» читать Пушкина и чувствовать его «как товарища», потому что и он, этот освобожденный труженик, — строитель, борец за новые формы общественной жизни. Этот рабочий, выросший в борьбе, понимает и любит поэзию Пушкина:

... И простия народ,
 се влюбил в твоите звучни песни,
 и в своя нов живот.

(И простой народ влюбился в твои звучные песни и в свою новую жизнь.)

Вместе с рабочим радуется пушкинским стихам и счастливая колхозница, влюбленная в молодого матроса, она живет поэзией, сливающейся в ее представлении с красотой колхозного поля, со счастьем ее собственной жизни:

Едно момиче от колхоза
 обича млад матрос.
 И тъй — неволно, без да ще,
 напява твои стихове.

(Девушка из колхоза любит молодого матроса. И так неволно, не зная, напевает твои стихи.)

¹⁰ Никола Йонков <Вапцаров>. Пушкин. «Нова камбана», 1937, № 246, 27 февруари; Никола Вапцаров. Избрани стихотворения. Изд. 5-е, изд. «Български писател» София, 1952, стр. 61—63.

Стихотворение Вапцарова показывает, каким великим примером является советский народ для болгарского народа. Нарисовав нерадостную картину жизни России времен Пушкина и противопоставив этому положение народа в советское время, поэт противопоставляет советскую страну своей родине, в которой свирепствует фашизм. Вапцаров, таким образом, возбуждает стремление к борьбе за новую, счастливую жизнь. Вместе с тем он высказывает взгляд на поэта как на борца и изобличителя. Поэтическая судьба Пушкина, борца за свободу, гений которого засиял новым светом в эпоху социализма, поучительна и для него. Эта судьба окрыляет боевой социальный оптимизм Вапцарова. У Пушкина Вапцаров учится совершенству поэтической формы, остроте слова и поэтического образа:

... аз се уча
да пиша всеки свой протест,
тъй искрено
и толков звучно.

(я учусь писать, каждый свой протест, так искренно и так звучно.)

Стихотворение Вапцарова — небольшая пьеса, исключительно богатая по своему идейному содержанию, — произведение блестящее по простоте и экономичности поэтических средств. Оно рисует судьбы двух народов и через образ и судьбу Пушкина показывает миссию поэта в новых исторических условиях.

М. Грубешлиева создает образ великого поэта в стихотворении «Пушкину».¹¹ Его гибель, по мнению поэтессы, не есть плод мщения, не бездушные со стороны ничтожного убийцы. В трагической участи поэта она винит русское самовластие, осмысляет гибель поэта как результат столкновения двух эпох:

Не беше мъст, безумие не беше,
а заговор, убийство, атентат...
То бе двубой, но не зарад жена...
То бе двубой на два различни свята.

(Это не было мстью, не было безумием, это был заговор, убийство, покушение... Это был поединок, но не из-за женщины... Это был поединок двух разных миров.)

Торжественными, восторженными словами поэтесса подчеркивает завидную участь того, кто пал в столь трагическом столкновении. Его имя будет незапятнанным пронесено через века. Его пример будет путеводной звездой:

Ще минат век след век неповторими —
ти като фар ще сочиш път в нощта —
над всички имена — огромно име —
поет, — предтеча и пророк.

(Пройдет век за веком неповторимы — ты как звезда будешь показывать путь в темноте — над всеми именами — великое имя — поэт — предтеча и пророк.)

Выразитель сокровенных чаяний народа, Пушкин получил свое признание только после победы Великой Октябрьской социалистической революции, когда на руинах старого мира было написано его великое имя. И это потому, что в свое время он сумел проникнуть в судьбу русского

¹¹ Мария Грубешлиева. На Пушкин. «А. С. Пушкин. 100 години от смъртта му», 1937, 20 февруари, стр. 3.

крестьянина, поднял голос протеста, беспощадно изобличал самодержавие и крепостничество:

Поет на смелата, свободна мисъл,
на непритворно непокорство,
херолд на истината —
приятел горд на декабристите,
що пръв видя теглото на мужика
и от чертозите на своята муза
лирическия празен стих разби, —
и през ония тъмни дни написа:
«Не ми е нужна звънна лира,
потребен ми е Ювеналов бич».

(Поэт смелой, свободной мысли, открытого непокорства, герольд правды — гордый товарищ декабристов, первым увидевший ярмо мужика и в чертогах своей музыки лирической праздный стих разбил, — и в те мрачные дни написал:

«Не нужно мне гремящей лиры,
Вручи мне Ювеналов бич!»)

Для Грубешлиевой Пушкин не только предтеча и пророк социального прогресса, но и поэт-борец, гражданин, прокладывающий пути к будущему.

В другом аспекте показан русский поэт в стихотворении Младена Исаева «Пушкин».¹² Во взволнованных стихах болгарский поэт воссоздает картину эпохи, в которую расцветал гений Пушкина. В условиях «безнадежной тоски» зажегся пушкинский порыв к другой жизни в родной стране:

Пушкин пя вдъхновен
и мечта
за свободна Русия —
пълни с жар стихове
в заледения век посвети й.

(Пушкин пел вдохновенный и мечтал о свободной России — полные огня стихи в ледяной век ей посветил.)

Но мрачная пора, которую заклеил великий поэт, прошла. В современных условиях растет новый человек с вдохновенными, светлыми устремлениями в будущее и теперь их ничто не угасит, потому что уже победило дело социализма:

И светът днес е друг;
в снеговете, безкрайни и чисти,
пее волният внук
на декабриста!

(И мир теперь другой; в снегах бескрайних и чистых поет вольный внук декабриста!)

Более того: не только на родине великого Пушкина наступила иная жизнь, пламя свободы зажгло сердца миллионов, охватило большую часть человечества. Миллионы людей сочувствуют Стране Советов, восторгаются произведениями Пушкина:

И ведно със «славян и тунгуз»
днес се радват на гения светъл —
на прекрасната «Рус» —
милиони по нашта планета.

(И вместе с «славянином и тунгусом» ныне радуются светлому гению, радуются прекрасной Руси миллионы на нашей планете.)

¹² Младен Исаев. Пушкин. «А. С. Пушкин. 100 години от смъртта му», 1937, 20 февруари, стр. 6.

Для Младена Исаева образ Пушкина представляется неизбежно трагическим. Но в новых условиях судьба Пушкина не может повториться. Победа революции осуществила его мечты, и эта победа является гарантией их осуществления во всем мире.

Глубоко прочувствованное стихотворение посвящает великому поэту Пантелей Матеев.¹³ В отвлеченных образах поэт воссоздает тревожную эпоху, которая не располагает к поэтическим восторгам. Пушкин не из тех поэтов, которые отрываются от мира. В своих произведениях он выразил величавый бунт человека против векового гнета, дал простор своему благородному гневу. Именно потому отношение современного поэта к нему особое. В нем он чувствует нечто созвучное с тревогами и потребностями своего времени:

Затуй и днес се спираме смирено
и Пушкина четем със порив нов
и със сърца отново озарени
от красота, и гордост и любов.

(Поэтому и сегодня останавливаемся смиренно и читаем Пушкина с новым порывом и с сердцем, вновь озаренным красотой и гордостью, и любовью.)

Матеев видит в Пушкине гуманиста, певца декабристов, провозвестника «лучистой человечности», которая звенит и греет в его стихе, которая является драгоценным заветом нашей эпохе:

В тоя звън, дочуваме, приижда
оная мощна истина в света,
поетът с мъдра реч що бе съзидал
и с стройна песен ни я завеща.

(В этом звоне слышим: идет в мир могучая истина, которую поэт с мудрой речью создавал и завещал нам ее в стройной песне.)

Для Пантелея Матеева творчество Пушкина имеет исключительное значение. Он поэт-гуманист, выразивший величавый порыв человека прошлого и бросивший мост к новому времени, оставивший для нас великие заветы.

Поэт Ангел Тодоров по-своему выразил свой восторг перед Пушкиным и свое преклонение перед его делом. Подобно самому Пушкину, наш поэт в стихотворении «Пушкину»¹⁴ признает, что александрийский стих тяжел для выражения хвалы, которую он хочет воздать гению русской поэзии, и потому он возвеличит его в «свободной песне». Для него Пушкин — поэт, который будит в душе огонь благородных чувств, указывает перспективы социального прогресса, выражает народные чаяния:

той — пълн с пламъка небесен —
и в камъка събуди страст.
Той бе живителният тласък
към нови светли векове,
той беше ехо многогласно
на племена и лесове.

(он полон пламенем небесным — и в камне пробудил страсть. Он — живительный толчок к новым светлым векам, он — многогласное эхо племен и лесов.)

¹³ Пантелей Матеев. Пушкин. «А. С. Пушкин. 100 години от смъртта му», 1937, 20 февруари, стр. 5.

¹⁴ Ангел Тодоров. На Пушкин. «А. С. Пушкин. 100 години от смъртта му», 1937, 20 февруари, стр. 10.

Эта устремленность к будущему делает Пушкина любимым поэтом нашего времени, поднимает его до положения поэта, окрыляющего мечты нового человечества:

Затова — сред ноц безлуна —
тук, зад тоя шумен Дунав,
славим твоите чудесни
песни;
и, пред утрото желано,
тук, в полите на Балкана,
в нас събужда твойто име
образи незабравими!

(Потому — среди безлунной ночи — здесь, за этим шумным Дунаем, славим твои чудесные песни; и пред утром желанным здесь, в полях Балкан, в нас пробуждает твое имя незабываемые образы!)

Любимые образы Пушкина являются любимыми образами и поэта. Его предсказание сбылось не только в отношении тунгуса и калмыка, но и в отношении болгарина, который

в детинство учи твоя стих,
до старост ти се възхищава,
ти нашата славянска слава!

(в детстве учит твой стих, до старости тобой восхищается, — ты, наша славянская слава!)

Постоянная память о Пушкине у всех народов, их живая любовь к нему, неугасимая действенность его слова говорят о том, что он не «только славянин», но и мировой поэт, явление исключительное по силе и мощи поэтического слова.

Крум Пенев в своем стихотворении «Памяти А. С. Пушкина»¹⁵ четырех-стопными ямбическими стихами при крайней экономности поэтических средств показывает великого поэта как выразителя народных страданий, гнева, народных чаяний. Пушкин поднялся над интересами своего класса и всем своим творчеством служит народу, разжигает его стремление к социальной правде, его протест. Поэт восторгается гражданским подвигом Пушкина:

И ужасен — с рѣка смиренно
посегна и откъсна лист
и сам с перото вдъхновено
благослови гневът му чист.

(И ужаснувшись, рукою смиренно я оторвал лист и вдохновенным пером благословляю его чистый гнев.)

Совершенно своеобразно выразил свое отношение к Пушкину Лозан Стрелков в стихотворении «Моя песнь».¹⁶ Поэта радует рождение песни, но он испытывает трудности в овладении своими мечтами, в том, чтобы закрепить их в слове, в образе. Всё это, быть может, потому, что не найден настоящий путь, тот верный шаг, который ведет к прочным завоеваниям в поэзии. Этот путь ведет к сердцу трудового народа. И потому, когда видишь, как человек труда читает стихи Пушкина, творческий пульс начинает биться сильнее, и поэт преодолевает муки творчества:

А някои път —
лети трамвая
и ме люшка,
насреща ми
работник

¹⁵ «А. С. Пушкин. 100 години от смъртта му», 1937, 20 февруари, стр. 12.

¹⁶ Лозан Стрелков. Моя песен. Там же, стр. 11.

млад —
 чете,
 надниквам:
 — стихове от Пушкин —
 и в мене
 по-могъщо
 ти
 растеш!

(А иногда — летит трамвай и меня качает, напротив рабочий молодой — читает, заглядывая: — стихи Пушкина — и во мне сильнее ты растешь.)

Для Стрелкова Пушкин не только указывает правильный путь в поэзии, но он и воодушевляет, вдохновляет на этот путь, дает ему силы для больших побед.

Очень показательное явление, что культ Пушкина охватывает и молодое поколение, которое в стихотворных опытах высказывает свой восторг и преклонение перед ним. Ученик провинциальной гимназии в местном журнале в стихотворении «Александру Пушкину»¹⁷ тоном искреннего восторга говорит о великом «поэте, мечтателе и пророке», гордости братьев-славян, желая ему славы по всей земле. В другом юношеском опыте, озаглавленном «Пушкин»,¹⁸ воздается хвала поэту, который поднялся над своим классом, слился с идеалом крестьянства, поднял свой голос человечности и правды и тем стяжал себе всеобщее признание. В данном случае не столь важны поэтические достоинства стихотворений, в которых искренний восторг не искупает бескрылого воображения, поэтических слабостей, тяжелого ритма. Эти стихотворения свидетельствуют, что образ Пушкина глубоко проник в сердца молодежи, что он пробуждает их восторги, толкает воображение на творческие порывы. Эти стихотворения — психологический документ о том, что Пушкин в сознании поколений живет как один из близких, родных поэтов.

2

После победы над фашизмом в 1944 году, с установлением народной власти для русской и советской литературы в Болгарии открывается свободный, ничем не сдерживаемый доступ. В этот период юбилейные пушкинские даты отмечаются восторженными статьями, публичными докладами и пр. В 1949 году чествование 150-летия со дня рождения Пушкина превратилось во всенародный праздник не только великого русского поэта, но и всей советской культуры. В это время о Пушкине молодые поэты написали ряд стихотворений.

Страхил Ралец в стихотворении «А. С. Пушкин»¹⁹ в пятистопных хорейских стихах, хотя и при известной нестройности композиционного рисунка, глубоко искренне, в несколько приподнятом тоне воспеваает поэтический подвиг Пушкина. По его мнению, Пушкин пережил свою эпоху, своими свободолюбивыми произведениями он вдохновлял борцов против тирании в более поздние времена. Особенно высоко поднимает Пушкина его страстная устремленность в будущее, он воодушевляет борцов на подвиг во имя свободы:

Като пламък е светъл стиха ти,
 как звън в ясно утро звъни,
 като кораб под вихър попътен,
 ти ни водиш към бъдните дни.

¹⁷ Газета «Тунджа» (г. Ямбол), 1937, № 6.

¹⁸ Газета «Подем» (г. Ямбол), 1937, № 14.

¹⁹ Газета «Стожер», 1947, № 11.

ственный стих». Столкнувшись с «тьмой» еще на заре своего творческого пути, Пушкин после этого срывает маску с подлецов, возвеличивает родную природу, первый сливает «поэзию с жизнью народа»:

Ти с гения си пръв разгатна
 Русия, нейната любов
 и силата ѝ необятна
 и щедра като Пугачев.

(Ты первый своим гением разгадал Россию, ее любовь и ее силу необъятную и щедрую, как Пугачев.)

Но Пушкин для Николая Стайкова не только великий национальный поэт. Он является мостом между прошлым и будущим. Присутствие Пушкина наш поэт чувствует и теперь, когда советский человек протягивает руку помощи для построения социализма в Болгарии:

И днес ни лъха все тѣй пресен
 мъжественият аромат
 на твоята звънка, бойна песен
 в речта на руския ни брат,
 щом той ръка простре в закрила
 на скъпата ни свобода.

(И теперь веет так же свежо мужественный аромат твоей звонкой, боевой песни в словах нашего русского брата, когда он протянет руку для защиты нашей дорогой свободы.)

В болгарской литературе засвидетельствована слава многих художников слова, героев культурного и гражданского подвига. Можно указать на стихотворения, посвященные многим русским и советским писателям: Лермонтову, Чернышевскому, Толстому, Горькому, Маяковскому. Пушкин, однако, занимает первое место среди них по неотступному вниманию болгарских поэтов к его личности и судьбе, по обилию написанных о нем стихотворений, по высоте и содержательности созданных образов поэта. В этом отношении он может сравниться только с гением болгарской поэзии Хр. Ботевым. Это показывает, что Пушкин глубоко проник в сознание болгарина, что он для многих болгарских поэтов превратился в предмет самых живых восторгов, что для них он равен родному поэту. Отношение к Пушкину у народа и поэтов является самым живым и конкретным выражением их отношения к России, русскому народу, Советскому Союзу.

С первых шагов болгарской литературы Пушкин сопутствует всему ее развитию. Замечательно, что в созданных о Пушкине произведениях отразились конкретные тенденции каждого данного исторического момента, мировосприятие авторов, их метод художественного отображения действительности.

Для П. Р. Славейкова, на заре новоболгарской поэзии, когда велась ожесточеннейшая борьба за культурное и политическое самоопределение болгарского народа, когда формировалась болгарская литература, Пушкин прежде всего — брат по оружию, соратник в создании такой литературы самим Славейковым, Пушкин показывает ему пути сближения литературы с жизнью, с народом.

К концу XIX века для народного поэта Ив. Вазова Пушкин имел другой облик. В момент острой политической борьбы за ориентацию Болгарии на Россию или Западную Европу Ив. Вазов изображает Пушкина не только как учителя в поэзии, но и как славянского, русского поэта, брат-

ского поэта балканских славян, которые гордятся славой его родины. Через созданный образ Пушкина народный поэт Ив. Вазов дает отпор антирусским тенденциям известных политических кругов.

У современных болгарских поэтов, сформировавших свое мировоззрение и художественный метод в конце первой мировой войны до народной победы в Болгарии в 1944 году, Пушкин представляется в другом облике. В борьбе за социализм, которую вела большая часть поэтов в тот период, Пушкин представляется предвестником свободы, осуществленной Октябрьской революцией.

Стихотворения современных болгарских поэтов, посвященные Пушкину, представляют большой интерес. Хотя эти стихотворения и не всегда художественно полноценны, они составляют этап в развитии жанра болгарской оды, особенностями которой являются: сознательная отвлеченность образа и эзоповский язык, что связано с условиями исторической обстановки в Болгарии в 1930-х годах.

ГАНЕ ТОДОРОВСКИ

ПУШКИН НА МАКЕДОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Двенадцать лет свободной национальной жизни македонского народа характеризуют разнообразные и многосторонние усилия — наверстать всё то, что отнято было у него за пять веков рабства и гнета.¹ На это время пришлось также настойчивая и плодотворная деятельность македонских писателей в области переводной литературы: переводчики стремились дать македонскому читателю, — впервые на его родном языке, — выдающиеся произведения литературы других народов, в том числе и преимущественно (благодаря близости языков и культур) литературы братского русского народа.

Десятилетний период свободного культурного развития позже всех освобожденного славянского народа — македонского, конечно, очень малый срок, в течение которого, естественно, не могло быть обеспечено разрешение всех важнейших культурных потребностей и запросов молодой нации. Тем не менее необходимо будет признать, что и за этот срок в области переводческой деятельности македонские литературные деятели добились вполне удовлетворительных результатов. Это подтверждается, в частности, и общими итогами по переводам произведений русской литературы и уже осуществленными переводами произведений Пушкина — как прозаических, так и стихотворных. Произведения Пушкина переводились на македонский язык постепенно, без какого-либо определенного порядка, большей частью благодаря личной инициативе переводчиков, а не по планам и замыслам разных издательств. Так, например, в 1956 году вышел в свет стихотворный перевод «Евгения Онегина», над которым долго работал один из выдающихся македонских истолкователей иностранной поэзии Горги Сталев.²

¹ Македонский язык — самый молодой из славянских литературных языков, существующих в настоящее время. Развитие его началось в 40-е годы после образования Югославии как федеративной республики, в состав которой с 1945 года входит и национально равноправная Македонская республика. Основой для македонского литературного языка послужили центральные говоры Македонии, в которых менее сильно ощущалось влияние как сербского, так и болгарского языков. Единая македонская орфография (сближенная с сербской графикой) принята была в 1945 году, а в следующем году вышла в свет первая школьная грамматика македонского языка. См.: Круме Кепески. Македонска граматика. Изд. 2-е, Скопје, 1947; большую рецензию на эту книгу А. Фринта: «Slavia», 1949, ч. XIX, сеѝ. 1—2, стр. 230—232, дающую сжатый очерк развития македонского литературного языка в 40-е годы. В настоящее время македонская литература находится в поре своего бурного роста и подъема. Редакция благодарит Гане Тодоровского, видного литературного деятеля современной Македонии и переводчика, за присланную им для настоящего сборника интересную статью; наглядно иллюстрирующую то значение, какое имеет в Македонии творчество Пушкина. — *Ред.*

² А. С. Пушкин. Евгений Онегин. Роман по стихови. Препеал од руски Горги Сталев, издавачко претпријатие «Култура», Скопје, 1956, 232 стр. (Школска библиотека, коло 1, книга 6).

Мы считаем необходимым подчеркнуть, что труды, связанные с переводами текстов Пушкина (да и не его одного) на македонский язык, вызваны были вовсе не материальными побуждениями, но являлись преимущественно, а может быть и главным образом, плодами существующей в Македонии искренней любви к творениям Пушкина — этого корифея русской литературы.

Первым произведением Пушкина, переведенным на македонский язык (или, скорее, пересказанным прозой), была «Сказка о рыбаке и рыбке»; в виде отдельной книжки она была напечатана в переводе Бориса Бояджиского.³ Этот переводчик является одним из выдающихся македонских писателей, обладающих даром увлекательного и красочного рассказа; он сумел воспользоваться своим писательским опытом, передавая сказку Пушкина на македонском языке. Несколько портит перевод наличие ритмических разнобоев, нарушающих гармоническое впечатление оригинала; без них перевод Бориса Бояджиского, несомненно, значительно выиграл бы.

В том же 1949 году появился в печати македонский перевод «Капитанской дочки». Эту пушкинскую повесть хорошо перевел поэт Србо Ивановски: в 1956 году вышло второе издание перевода.⁴

За эти годы, время от времени, и притом всё чаще, на страницах македонских литературных журналов и ежедневных газет стали появляться переводы стихотворений и поэм Пушкина. В числе переводчиков Пушкина должны быть упомянуты имена известных македонских литературных деятелей — пионеров в области художественного перевода — Блажа Конеского, Славка Яневского, Срба Ивановского, Горги Сталева, Аца Шопова, а также автора настоящей статьи. Переводы из Пушкина чаще всего являлись на страницах журналов «Нов ден», «Иднина», «Культурен живот», «Современност», «Разгледни», «Стремеж». Печатавшиеся здесь переводы рассыпали перед македонскими читателями драгоценности пушкинской поэзии, давая возможность наслаждаться ею многочисленным ее ценителям в маленьком, самом южном славянском уголке; вскоре поэзия Пушкина в переводах на македонский язык могла уже появиться в виде отдельного стихотворного сборника.

Первым опубликовал такой сборник Горги Сталев в 1953 году. Сборник назван «Избранные стихотворения» и в нем помещены переводы 28 стихотворений Пушкина (в их числе такие его известные стихотворения, как «К Чаадаеву», «Деревня», «Элегия», «К морю», «Зимний вечер», «Эхо», «Туча», «Памятник»), а также полный перевод поэмы «Бахчисарайский фонтан».⁵ В предисловии к этому не очень обширному сборнику переводчик, между прочим, подчеркивает: «В моих переводах я пытался верно передать содержание подлинника, хотя местами и отклонился от него, чтобы подчиниться пушкинской метрике, без которой Пушкин никогда не был бы Пушкиным».⁶ Критические отзывы об этой книге, появившиеся в македонской печати, приветствовали стремления Сталева проникнуться духом оригинала и вменяли ему в заслугу его желание воспользоваться при переводах всеми возможностями, какие предоставлял ему

³ А. С. Пушкин. Приказна за рибарот и рибката. Превод од руски и преработка од Б. Бояджиски, «Нопок», Скопје, 1949, 24 стр.

⁴ А. С. Пушкин. Капетановата Керка. Превел од руски Србо Ивановски, II издание, книгоиздателство «Кочо Рацин», Скопје, 1956, 145 стр. (Школска библиотека, коло II, книга 12).

⁵ А. С. Пушкин. Одбрани песни. Препев на Горги Сталев. Уредник Ацо Шопов, «Кочо Рацин», Скопје, 1953, 43 стр. (Школска библиотека).

⁶ Там же, стр. VII.

македонский язык на нынешней стадии его развития; одновременно, однако, критика указывала Г. Сталеву также и на недостатки этих его переводов, к числу которых она относала, например, слишком буквальное следование метрическим схемам Пушкина, т. е. механическое применение их к живой структуре македонского языка.

В следующем, 1954 году македонские поэты Ацо Алексиев и Гане Тодоровски перевели самую большую из сказок Пушкина — «Сказку о царе Салтане»,⁷ а издательство «Детска радост» выпустила ее в свет в графическом оформлении, сделанном с большим вкусом. Этот перевод также метрически строго согласован с оригиналом: сказка передана четырехстопным хореем, весьма излюбленным в македонской народной поэзии.

В 1956 году, как указывалось, появился македонский перевод «Евгения Онегина» — книга, которой следует уделить особое внимание. Осуществление стихотворного перевода «Евгения Онегина» было, разумеется, трудным экзаменом для переводчика — уже упомянутого выше Горги Сталева, и следует сказать, что он выдержал это испытание с несомненным успехом. Теперь македонские читатели смогут читать на своем родном языке это крупнейшее стихотворное произведение Пушкина. «Евгений Онегин» входит в рекомендуемый в школах список книг для обязательного чтения, поэтому перевод весьма важен для школьной молодежи. С другой стороны, появление этого перевода знаменует также известную дату в истории переводческой деятельности в Македонии: «Евгений Онегин» является самым крупным по своему объему стихотворным произведением, донные переведенным на македонский язык.

Самая мысль передать средствами македонской речи пушкинский стих «Евгения Онегина» — произведения, известного во всем мире, — заставляет нас проникнуться уважением к трудам и творческим усилиям переводчика, осуществившего такую задачу, тем более, что его перевод действительно имеет неоспоримые литературные достоинства. Перевод «Евгения Онегина» сделан Горги Сталевым размером подлинника и выполнен полностью, что также не может не привлечь к нему особое внимание критики. Г. Сталеву безусловно удалось донести ценности пушкинского поэтического слова до македонских читателей, передать его содержание без особых жертв в отношении деталей. Г. Сталев стремился к тому, чтобы приблизить, по возможности, стих перевода к стиху оригинала; с этой целью он приспособливает македонский четырехстопный ямб к пушкинскому, понимая, что только так можно добиться македонской интерпретации прекрасной и полнозвучной словесной партитуры «Онегина», того его пленительного, мелодического стиха, который на родине поэта целые поколения заучивают наизусть. Нужно поэтому сказать, что этот перевод дает первый крупный на македонском языке поэтический текст, написанный четырехстопным ямбом, и что благодаря этому четырехстопный ямб приобретает право на существование в македонском языке и поэзии. Добавим, что этот перевод осуществляет еще большую историческую задачу: он прививает македонской поэзии силлабо-тоническую метрическую систему. Дело в том, что македонский язык имеет постоянное ударение в слове (на третьем слоге от конца) и поэтому с трудом принимает эту систему; язык же македонской поэзии, в ее современном развитии, демонстрирует как раз интенсивное освоение и восприятие этой системы.

⁷ А. С. Пушкин. Сказна за царот Салтан. Препев Гане Тодоровски и Ацо Алексиев. «Детска радост», Скопје, 1954, 39 стр.

Приведем в качестве образца «Посвящение» к «Онегину» из указанного перевода Горги Сталева:

На провод светски не мислејки
 Ја барам вашта дружба јас,
 Ви нудам залаг нов, бидејќи
 Подостоен ке е за вас,
 Подостоен за душа красна
 Исполнета со мечти свои,
 Од лирика и песна јасна,
 Од простота и мисли-рој.
 Но ништо... Подајте си раце
 Кон овој шаролик букет
 Што малку смешен е, но — жален,
 И малку прост, и идеален,
 А плод на мојте шеги сет.
 На бессоницата ми страда,
 На мојов зелен живот млад,
 На умов, сè што цени ладно,
 На срцето што тоне в јад.⁸

Первая строфа первой главы «Евгения Онегина» читается так:

Штом вујко ми, кој почит стекна
 не на шега се разболе,
 да се почитува му текна:
 што смислил — најумно од сè.
 А примерот му како ука
 кè служи... Досадно е тука
 крај смртник да се маткаш сам.
 И ни да мрднеш, беља, знам.
 Зар не е низок злочин, кажи,
 на смртник да му правиш кеф:
 го поткреваш со плачлив грев
 и лекарства му даваш, тажен,
 а ваму мислиш, спотнат цел:
 «Зар уште гавол не те зел?»⁹

Для того чтобы определить действительное значение указанного перевода «Евгения Онегина», следует ответить на два вопроса, естественно возникающие перед его критиками. Во-первых, может ли перевод Г. Сталева существовать как поэтическое произведение, написанное на македонском языке, безотносительно к тому, что оно является произведением иностранной литературы? Во-вторых, насколько этот перевод является близкой к оригиналу копией? Первый вопрос закономерен потому, что любой перевод не может существовать исключительно за счет славы своего источника; напротив, он должен наилучшим образом иллюстрировать его качества, его поэтическую ценность. Если перевод нарушает нормы того языка, по которым он сделан, если он не сумел воспользоваться всеми богатыми ресурсами этого языка, его выразительных средств, стиля и колорита, то такому переводу не помогут ни великое имя автора переведенного произведения, ни великая слава такого произведения. «Евгений Онегин» в переводе Г. Сталева как поэтическое произведение, созданное на македонском языке, обладает всеми качествами, какие могут обеспечить ему популярность и устойчивую литературную жизнь. Ямбические стихи льются естественно и свободно, элизии сведены к минимуму, повторений односложных слов Г. Сталев успешно избежал.

⁸ Ук. изд., стр. 25. К сожалению, перевод не воспроизводит ни заглавия («Посвящение»), ни указания на то, что оно адресовано П. А. Плетневу.

⁹ Там же, стр. 27.

Ответ на второй вопрос уже частично дан выше. Перевод стремится к тому, чтобы, по возможности, больше удержать в передаче всю смысловую сторону оригинала, все сколько-нибудь существенные его особенности. Удачно раскрываются перед нами все подробности содержания пушкинского стихотворного романа, хотя в перифразах оно кое-где тускнеет, бледнеет, теряется. Впрочем, это неизбежно в подобных случаях, и успех переводчика зависит главным образом от степени его находчивости, когда перед ним возникают разнообразные затруднения. В общем македонский перевод «Евгения Онегина» свидетельствует, что он создан человеком, хорошо владеющим обоими языками — тем, с которого он переводил, и тем, которому он подарил творение великого русского поэта.

Таковы первые результаты по освоению Пушкина молодой македонской литературой, занесенные в летопись ее переводческой деятельности. Как видим, Пушкин занимает в ней почетное место. Если иметь в виду, что интерес к нему македонских переводчиков и писателей постоянен и устойчив, естественно будет признать, что в недалеком будущем македонские читатели получат еще более широкий выбор его произведений на своем родном языке.

Скопје. Октябрь 1956.

АНДРЕ МЕНЬЕ

ПУШКИН ВО ФРАНЦИИ В 1940—1956 ГОДАХ¹

Столетняя годовщина со дня смерти Пушкина в 1937 году была отмечена во Франции, как и всюду, очень значительным увеличением числа книг, статей или сборников статей, посвященных жизни и творчеству русского поэта, а также изданий его произведений. В последующие после этого подъема годы, особенно после второй мировой войны, французское пушкиноведение пополнялось мало; следует всё же отметить, что известный вклад в литературу о Пушкине за эти годы сделан был в странах, говорящих на французском языке — в Бельгии и французской Швейцарии. Так, в 1940 году «Анонимное издательское общество» в Брюсселе опубликовало перевод «Капитанской дочки» (в серии «Ma lecture»). В том же году Грюнд в Париже выпустил в свет в общедоступном издании (в одном из томов своей «Bibliothèque grécieuse») «Пиковую даму», «Дубровского» и «Метель». В 1941 году этот том был переиздан. В 1942 году тем же издательством Грюнда в отдельном томе той же серии «Bibliothèque grécieuse» помещены: «Станционный смотритель», «Пиковая дама» и другие повести.² В 1943 году профессор Б. Унбегаун издал для своих учеников в Страсбурге в серии учебных пособий университета «Повести Белкина»

¹ Публикуемая обзорная статья принадлежит известному французскому пушкинисту Андре Менье, выпускающему ныне в Париже первое «Полное собрание сочинений» А. С. Пушкина на французском языке. Первый том этого капитального издания, включивший в себя драмы и художественную прозу Пушкина, вышел в свет в 1953 году (744 стр.) и упомянут в настоящем обзоре, но, по понятным причинам, лишь в форме фактической справки. Придавая этому изданию значение крупного события в истории пушкиноведения во Франции, редакция предполагает посвятить ему особую статью в следующем томе данного сборника. Отметим здесь лишь то обстоятельство, что в настоящее время Андре Менье является, несомненно, наиболее компетентным ценителем всех существующих донные французских переводов сочинений Пушкина, изученных им тщательно и с большой библиографической полнотой (см. приложенную к первому тому изданных А. Менье «Oeuvres complètes» Пушкина библиографию на стр. 712—721). Сошлемся здесь также на интересную статью А. Менье «Pouchkine traduit, Pouchkine trahit...» («Babel. International Journal of Translation published by the International Federation of Translators with the assistance of UNESCO», 1954, vol. I, № 2), в которой собран ряд очень характерных вольных и невольных искажений текстов Пушкина в передаче их на французском языке старыми и новыми переводчиками. Отметим также библиографический обзор Е. И. Бобровой «Французские библиографии „Пушкинианы“», дающий сведения до 1935 года (Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, вып. 3, М.—Л., 1937, стр. 479—488). Статья А. Менье печатается здесь в переводе с рукописи, сделанном М. П. Султан-Шах. — *Ред.*

² Le Maître de poste. La Dame de pique et autres contes. Vie et oeuvres de Pouchkine par V. Bouchik. Illustrations de H. Eimard. Collection Grande illustrée, 1942: Le Coup de pistolet. Le Marchand de cerceaux. Le Maître de poste. La Châtelaine-paysanne. La Dame de pique. Le Coup de pistolet et La Dame de pique sont traduits par Mérimée, les trois autres récits par Elisabeth Selikoff.

в русском подлиннике, снабженном ударениями, введением и примечаниями.³ Наконец, в 1944 году была издана только «Капитанская дочка»⁴ в Швейцарии, хотя большая часть Франции стала свободной с августа.

За время оккупации французская библиография Пушкина пополнялась в среднем не более, чем одним названием в год. Труднее определить, что появилось в то же время в сборниках или периодической печати — переводы отдельных стихотворений или отрывков, статьи о Пушкине, — по видимому, очень немногое. Нацистские власти не поощряли интереса ни к русской культуре, ни к классикам русской литературы.

Ко времени освобождения Франции издательское дело находилось в жалком состоянии. Книжные магазины пустовали. Всё требовало переиздания. В то же время никогда не была так велика жажда чтения. Но бумага отпускалась для самых неотложных нужд, прежде всего недоставало учебников.

Несмотря на возраставший интерес французского народа к Советскому Союзу (среди различных признаков этого отметим, что число изучавших в Париже русский язык между 1940 и 1945 годами увеличилось более чем в десять раз; началось также преподавание русского языка в средних учебных заведениях), должно было пройти некоторое время, чтобы русская литература вообще, и Пушкин в частности, могли воспользоваться этим умонастроением. Наш дальнейший обзор для удобства мы располагаем по годам.

1945

Вышли три книги переводов, из которых две были изданы в Бельгии. Две из этих трех книг не дают ничего нового, — это «Капитанская дочка»,⁵ «Дубровский» и другие повести.⁶ Третья вышедшая в 1945 году книга — «Проза Пушкина».⁷ Впервые почти все прозаические произведения Пушкина, кроме писем, статей и «Путешествия в Арзрум», были собраны в одной книге. Тут помещены переведенные впервые на французский язык «Сцены из рыцарских времен», «История села Горюхина» и «Рославлев». Помещен также (под странным названием «Несколько подготовительных набросков») текст, состоящий из трех частей, в котором мы узнаем наброски: «Мы проводили вечер на даче. . .» и «Повесть из римской жизни». В конце тома, опять-таки впервые, помещен судебный приговор из второй главы «Дубровского»; этому приговору предшествует перевод «Истории Пугачева» в новой редакции. Со времени старого перевода князя А. Голицына, появившегося в Париже в 1858 году, «История Пугачева» во Франции не печаталась. Замысел создания этой книги серьезен и интересен. Приходится, однако, пожалеть, что книга составлена небрежно, что

³ Les Récits de feu Ivan Petrovitch Belkine. Texte russe accentué avec une introduction et des notes par B.-O. Unbegaun, Publications de la Faculté des Lettres de Strasbourg, 1943.

⁴ La Fille du capitaine. Traduit du russe par Rurik de Kotzebue, Editions Mermond, Lausanne, 1944.

⁵ La Fille du capitaine. Traduit du russe par Louis Viardot. Illustrations de René Lamoureux, Editions M. Gasnier, Paris—Etampes, 1945.

⁶ Doubrovsky et autres contes. Traduit du russe par Whymys, Editions de la Sixaine, Bruxelles, 1945.

⁷ Oeuvres en prose. Traduction de Nicolas Poltavzev, Frontispice de Raoul Livain, Editions La Boétie, Bruxelles, 1945: Le Nègre de Pierre le Grand. Les Nouvelles de feu Ivan Petrovitch Belkine. L'Histoire du village de Gorukhino. Roslavlev. Doubrovsky. La Fille du capitaine. La Dame de pique. Les Nuits d'Egypte. Quelques fragments préparatoires. Scènes de chevalerie. Kirdjali. Histoire de Pougatchev. Supplément à la nouvelle «Doubrovsky».

тексты сообщаются без предисловия, без соблюдения внешнего порядка, а переводы порой сделаны с неточных русских текстов и часто на плохом французском языке. Всё это тем более досадно, что этот том заполнял пробел и выпуск его в свет был своевременным.

1946

Наблюдается проявившийся с большой силой в обществе интерес к русской литературе и к Пушкину. Появилось несколько биографий Пушкина. Самая серьезная и самая известная из них — книга Анри Труайя «Пушкин».⁸ Книга сообщала французам о новых документах из архивов семьи Дантеса, в ней приведены выдержки из многих, ранее не известных во Франции писем и произведений.⁹

К. де Бленэ в книге «Жизнь Пушкина»¹⁰ опубликовал им же впервые переведенные некоторые письма Пушкина и его современников.¹¹

В том же году появилась «Антология русской поэзии».¹² Эта книга входит в серию двуязычных антологий и содержит в себе тридцать шесть стихотворений и стихотворных отрывков Пушкина. Переводы сделаны в стихах, но небрежно и нередко расходятся с оригиналами; сборник построен без всякой системы, в непосредственном соседстве напечатаны здесь: «Пророк», «Домовому», «Прозерпина», «Кавказ», «К морю», «Бесы», «Туча», «Приметы», «Осень», (из «Евгения Онегина», глава IV, строфы XL—XLI), «Зима. Что делать нам в деревне?..», «Зимняя дорога», «Зимнее утро», «Мадона», «Три ключа», «Телега жизни», «Буря», «Редет облаков летучая гряда...», «Соловей», «Элегия» («Безумных лет...»), «Я пережил свои желанья...», «К А. П. Керн», «Красавица», «Я вас любил...», «Ты и вы», «Простишь ли мне...», «К ней», «Мечтателю», «Ночь», «Письмо Татьяны», «Клеветникам России», «Ех ungue leopet», «Утопленник», «Русалка», «Зимний вечер», «Пробуждение», «Поэт» («Пока не требует...»).

Другая антология, составленная Камиллом Дюданом, под заглавием «Поэзия русской души» также включает в себе несколько стихотворений Пушкина: «Пролог» к «Руслану и Людмиле», «Приметы», отрывки из «Евгения Онегина», «Домовому», «Отцы пустынноики и жены непорочны...», «Поэт, не дорожи любовью народной...», «Пророк».¹³

⁸ Henri Troyat. Pouchkine. Editions Albin Michel, Paris, 1946, 2 vol.

⁹ В русской печати характеристику этого труда и включенных в него документальных данных о Пушкине представил М. А. Цявловский в статье «Новые материалы для биографии Пушкина» в сборнике «Звенья» (т. IX, М., 1951, стр. 172—185). Наиболее интересные из опубликованных А. Труайя документов (письма Дантеса к Луи Геккерену из Петербурга от 20 января и 14 февраля 1836 года) перепечатаны в указанной статье М. А. Цявловского и сопровождаются подробными пояснениями.

¹⁰ Claude de Blesnay. Vie de Pouchkine, Editions Spes, Paris, 1946.

¹¹ Национальная библиотека в Париже имеет выпущенный отдельным изданием на английском языке в переводе «с французского» очерк Лидии Ламбер о Пушкине и его любовной лирике (Lydia Lambert. Pouchkine, poet and lover. Translated from the French by William R. Trask, Garden City, Doubleday, 1946), однако я еще не мог напасть на след французского оригинала.

¹² Anthologie de la poésie russe. I. 1740—1900. Précédée d'une introduction à la poésie russe. Choix, traduction et commentaires de Jacques David, Editions Stock, Paris, 1946.

¹³ Camille Dudan. Poésie de l'âme russe, Editions Payot, Lausanne, 1946: Prologue (первые стихи из «Руслана и Людмилы»). Présages. Extraits d'«Eugène Oniéguine». Le Génie familier. Les Femmes au coeur pur et les grands solitaires. N'attache pas de prix, poète... Le Prophète.

В этом же году вновь были переведены и изданы: «Выстрел», «Метель»,¹⁴ «Дубровский»¹⁵ с русским параллельным текстом (этот перевод значительно совершеннее предыдущих), «Пиковая дама»¹⁶ и, наконец, «Евгений Онегин» в одной книге со «Станционным смотрителем».¹⁷ Имена переводчиков в данных изданиях не указаны.

1947

Журнал «Critique» опубликовал в июньском номере статью В. Вейдле «Пушкин и европейская литература».¹⁸

М. Гофман в сотрудничестве с сыном издал книгу «Пушкин и Россия»¹⁹ и два тома художественной прозы Пушкина. Сюда не вошли некоторые незаконченные отрывки, а также «Капитанская дочка»; эта повесть должна была быть опубликована в третьем томе, однако он остался неизданным. Первый том этого издания озаглавлен: «Романы и повести. Дубровский. Пиковая дама. Египетские ночи».²⁰ В напечатанной здесь же заметке М. Гофман объясняет, почему он слил в один текст (мне думается, произвольно) «Египетские ночи» и набросок, начинающийся словами: «Мы проводили вечер на даче...» Во второй том вошли: «Повести Белкина» и «Арап Петра Великого»;²¹ между ними помещен отрывок из «Истории села Горюхина» под заглавием «Автобиография И. П. Белкина», а в добавление к «Арапу Петра Великого» — набросок «Начало автобиографии», озаглавленный «Генеалогия Пушкиных и Ганнибалов».

Одновременно Ж. Шюзевиаль издал избранные произведения Пушкина в двух томах. Первый том назван «Поэмы». В него вошли: «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы», «Полтава», «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери»;²² второй том назван «Сказки и лирические стихотворения». В него включены: «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях», «Сказка о царе Салтане», «Сказка о золотом петушке», «Граф Нулин», «Медный всадник», «Пророк», «Зимняя дорога», «Зимнее утро», «Анчар», «Истина», «Бесы», «Во глубине сибирских руд...», «Золото и булат», «Обвал», «Стансы» («Брожу ли я вдоль улиц шумных...»).²³ Стихотворение «Бесы» приве-

¹⁴ Le Coup de pistolet. La Bourrasque. Texte français de Suzanne Engelson, Portes de France, Paris, 1946.

¹⁵ Doubrovski. Traduit par H. Wellé et A. Landré. Préface de P. Maguelonne, Editions «Lectures modernes», Paris, 1946 (Collection bilingue franco-russe, № 3).

¹⁶ La Dame de pique. Traduit du russe par Prosper Mérimée. Avant-propos de Raoul Mortier. Illustrations de Pierre Rousseau et J. J. Mahoé, Editions de la Couronne, Paris, 1946; La Dame de pique. Traduction de Prosper Mérimée. 10 lithographies de Clavé, Editions du Pré-au-Clercs, Paris, 1946, in-fol.

¹⁷ Eugène Oniéguine, ... suivi de Le Maître de poste. Adaptation française. Illustrations de J. de Dixmude, Editions S. Baguette, Bruxelles—Paris, 1946.

¹⁸ Wladimir Veidlé. Pouchkine et la littérature européenne, 1947.

¹⁹ Modeste Hofmann. Pouchkine et la Russie. Editions du Chêne, Paris, 1947.

²⁰ Romans et nouvelles. Doubrovsky. La Dame de pique. Les Nuits égyptiennes. Avec des introductions de M. Hofmann. Traduction de Rostislav Hofmann, Editions du Chêne, Paris, 1947.

²¹ Romans et nouvelles. Les Récits de Belkine. Le Nègre de Pierre le Grand. Avec des introductions de M. Hofmann. Traduction de Rostislav Hofmann, Editions du Chêne, Paris, 1947.

²² Oeuvres poétiques. Récits et légendes. Traduction de Jean Chuzeville, Editions Egloff, Paris, 1947: Le Prisonnier de Caucase. La Fontaine de Bakhtchisarai. Les Bohémiens. Poltava. Le Chevalier avar. Mozart et Salieri.

²³ Contes et poésies lyriques. Traduction de Jean Chuzeville, Editions Egloff, Paris, 1947: Le Petit poisson d'or. Le Lai de la princesse morte et des sept chevaliers. Le Tsar

дено в старом переводе Элима Мещерского, остальные принадлежат самому редактору. Переводы Шюзевицки очень недурны, но, к сожалению, сделаны в прозе и утратили ритм оригинала.

Тогда же вышел в свет еще один стихотворный сборник — Э. Ре и Ж. Роберта «Антология русской поэзии от XVIII века до наших дней». В эту книгу включено несколько стихотворений Пушкина: «Пролог» к «Руслану и Людмиле», «К вельможе», «Гимн чуме», «Анчар», «Пророк», «Воспоминание», «Не пой, красавица...», эпиграммы, «Романс» (из «Сцен из рыцарских времен»), «Поэту», «На холмах Грузии...», «Монастырь на Казбеке», «Пора, мой друг...», «Медный всадник» (отрывок), «В начале жизни школу помню я...», «Полководец» («У русского царя в чертогах есть палата...»).²⁴

В серийном издании «Le Don des langues» на двух языках напечатаны: «Каменный гость», «Русалка».²⁵ Перевод изобилует неточностями и бессмыслицами.

Трижды переиздается «Пиковая дама»²⁶ (не считая упомянутого выше издания в сборнике Гофмана).

Издательство «Montsouris» выпустило «Капитанскую дочку».²⁷

Небольшой провинциальный журнал «Centres», издававшийся в Лиможе, в ноябре 1947 года на первых страницах своего девятого номера (которому суждено было стать последним) поместил «Пир во время чумы»,²⁸ впервые переведенный на французский язык А. Менье.

1948

М. и Р. Гофманы издали новую книгу — «Драма Пушкина».²⁹

А. В. Тыркова-Вильямс выпустила в свет в Париже на русском языке второй том своей книги «Жизнь Пушкина».³⁰ Первый том появился в 1929 году также в Париже.

Saltan. Le Coq d'or. Le Comte Noulène. Le Cavalier de bronze. Le Prophète. Route d'hiver. Matin d'hiver. L'Antchar. La Vérité. Les Lutins. Message pour la Sibérie. L'or et la fer. Eboulement. Stances.

²⁴ Anthologie de la poésie russe du XVIII-e siècle à nos jours, par Emmanuel Rais et Jacques Robert. Préface de Stanislas Fumet. Editions Bordas, Paris, 1947: Prologue à «Rouslan et Ludmila». A un grand seigneur. Hymne à la peste (traduit par V. Parnac). L'Antchar. Le Prophète (traduit par P. Mérimée). Souvenir (traduit par E. Haumant). Ne me les chante pas, ma belle, ces chansons de la Géorgie (traduit par V. Sirine). Epigrammes (traduit par V. Parnac). Romance (extrait des «Scènes du temps des chevaliers»). Au poète. Sur les collines de Géorgie. Un Couvent sur Kazbec (sic). A sa femme. Le Cavalier d'airain (fragment). Il me souvient d'une école. Le Capitaine (Il est une salle dans les palais de l'empereur).

²⁵ Le Convive de pierre. La Roussalka. Texte russe présenté et traduit par Henri Thomas. Editions du Seuil, Paris, 1947 («Le Don des langues», collection poétique de textes bilingues, dirigée par Pierre Leyris.)

²⁶ La Dame de pique. Píkovaïa dama. Traduction par P. Mérimée, Editions F. Hazan, Paris, 1947; La Dame de pique. Illustrations de A. Staritsky, Editions La Boétie, Bruxelles, 1947; La Dame de pique, par Doubrovski (sic). (Numéro paru en décembre 1947 de l'hebdomadaire «Fille de France».)

²⁷ La Fille du capitaine, roman par Alexandre Pouchkine. Traduction de L. Viardot, Paris, 1947.

²⁸ Le Festin pendant la peste.

²⁹ Modeste et Rostislav Hofmann. Le Drame de Pouchkine. Editions Corrêa, Paris, 1948.

³⁰ А. В. Тыркова-Вильямс. Жизнь Пушкина, т. II, 1824—1827. УМСА-Press, Paris, 1948.

Вновь были изданы: «Пиковая дама» и «Повести Белкина» — в Швейцарии;³¹ «Пиковая дама» (с иллюстрациями Брауна) — в Париже³² и «Капитанская дочка» — в Париже и Пуатье.³³

Наиболее значительным в этом году было издание «Капитанской дочки» в двух томах на русском языке (с ударениями) и переводом на французский язык. Это издание, предназначенное для изучающих русский язык, ценно своими введением и комментариями — филологическими, литературными, историческими, написанными профессором Сорбонны Р. Лабри и составляющими целый том.³⁴

1949

Этот юбилейный пушкинский год во Франции оказался довольно бедным своими новинками, посвященными русскому поэту.

В. Вейдле в издании, специально посвященном памятным датам, — «Grands anniversaires» напечатал брошюру «Пушкин. 1799—1837» на английском и испанском языках.³⁵

В том же году я представил в Сорбонну диссертацию на тему «Драматические произведения Пушкина» (машинопись).³⁶

Эмигрантский журнал «Возрождение» посвятил Пушкину специальный номер (тетрадь 3, май 1949), в котором помещена статья Рославлева о том, как следует переводить Пушкина на французский язык. Автор статьи воспроизводит некоторые переводы из книги А. Лиондела «Пушкин» (1926) и сравнивает их со своими собственными (при этом отдает предпочтение своему переводу, по-моему, однако, напрасно). Рославлев дает свои переводы в стихах, весьма отдаляющиеся от оригиналов: таковы «Песнь о вещем Олеге», «Пророк», «Украинская ночь» (отрывок из «Полтавы»), «Письмо Татьяны», «Элегия» («Безумных лет...»), «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...».³⁷

Издательство Gallimard (N. R. F.) переиздало (13-е издание) «Повести» Пушкина («Повести Белкина», «Пиковая дама»).³⁸ Первое издание этой книги относится к 1935 году.

В Швейцарии была издана еще раз «Капитанская дочка».³⁹

1950

Только «Капитанская дочка» перепечатана со швейцарского издания 1944 года.⁴⁰

³¹ La Dame de pique et Les Récits de Belkine. Traduction nouvelle de Marc Chapiro, Editions C. Grasset, Genève, 1948.

³² La Dame de pique. Illustrations de G. Braun..., Editions Gründ, Paris, 1948 (Collection Bagatelle).

³³ La Fille du capitaine. Adaptation de Louis Saurel, Editions F. Nathan, Paris, 1948; La Fille du capitaine. Traduit du russe par E. Jaubert. Poitiers, <1948>.

³⁴ La Fille du capitaine. Texte russe accentué avec traduction, introduction et commentaires par R. Labry, professeur à la Sorbonne, Editions Aubier, Paris, 1948, 2 vol.

³⁵ Wladimir Weidlé. Pouchkine. 1799—1837. UNESCO, Paris, 1949.

³⁶ André Meynieux. Les Oeuvres dramatiques de Pouchkine. 1949 (Mémoire dactylographié).

³⁷ Chanson d'Oleg le devin. Le Prophète. Nuit ukrainienne (extrait de «Poltava»). La Lettre de Tatiana. Elégie («Безумных лет...»). Exegi monumentum.

³⁸ Récits (Récits de Belkine, suivis de La Dame de pique). Traduit par André Gide et Jacques Schiffrin, Editions Gallimard (N. R. F.), 1949.

³⁹ La Fille du capitaine. Traduction respectueuse du texte original. Collection «Connaître», Pregny—Genève, 1949.

⁴⁰ La Fille du capitaine. Traduit par R. de Kotzebue, 1950 (précédemment parue à Lausanne, 1944).

1951

«Капитанская дочка» выпущена в свет в двух различных переводах.⁴¹

1952

В этом году не выходили в свет ни произведения Пушкина, ни работы о нем. Только лишь диссертация Н. Буровой «Произведения Пушкина. Психологический этюд»⁴² была защищена в Сорбонне на соискание ученой степени доктора литературы (docteur ès lettres) университета — единственное, чем был отмечен этот год (диссертация осталась ненапечатанной).

1953

Этот год, напротив, принес много нового для истории пушкиноведения во Франции.

А. Труайя переиздал в одном томе написанную им биографию Пушкина,⁴³ впервые появившуюся в двух томах в 1946 году. В. Вейдле посвятил Пушкину статью в многотомном издании «Знаменитые писатели» — в третьем томе этой серии.⁴⁴ Тот же В. Вейдле знакомил с Пушкиным читателей «Всемирной библиотеки» — нового дешевого издания классиков. Здесь помещены: «Пиковая дама», «Цыганы», «Гусар».⁴⁵

Фабрика граммофонных пластинок, решив издать оперу Мусоргского «Борис Годунов», выпустила отдельной брошюрой⁴⁶ драму Пушкина.

«Обществом библиофилов» переиздана «Капитанская дочка».⁴⁷

В ноябре журнал «Nouvelles littéraires» поместил повесть «Рославлев» в моем переводе и известил о предстоящем выходе в свет первого тома «Полного собрания сочинений» Пушкина в французском переводе. Я готовил это издание несколько лет. После многих испытаний первый том, наконец, увидел свет (закончен печатанием 9 октября, вышел в ноябре).⁴⁸ В этот том вошли все драмы Пушкина (исключение составляют некоторые наброски, вроде «Вадима» и некоторые планы) и вся художественная проза, включая и незаконченные наброски. Впервые во Франции художественная проза Пушкина собрана здесь воедино. До сего времени произведения Пушкина были рассеяны по многим изданиям, затеряны в различных журналах, где их было трудно разыскивать. Некоторые произведения не были изданы вовсе. Французские читатели получили возможность познакомиться с «Пиром во время чумы», так как первая публика-

⁴¹ La Fille du capitaine. Traduit du russe par Marc Seménoff, Editions Hatier, 1951; La Fille du capitaine. Traduction de Louis Viardot, revue et corrigée par Eliazar Chéré, Editions La Bruyère, Paris, 1951.

⁴² Nina Bourouff. Etude psychologique des Oeuvres de Pouchkine. 1952.

⁴³ Henri Troyat. Pouchkine. Editions Plon, Paris, 1953.

⁴⁴ Wladimir Weidlé. Les Ecrivains célèbres, t. III. Editions d'Art Mazenot, 1953.

⁴⁵ Pouchkine, par Wladimir Weidlé. Editions de la Bibliothèque mondiale, Paris, 1953 (№ 2, 26 mars): La Dame de pique. Les Bohémiens. Le Hussard, par Jacques Madaule. La Dame de pique. Les Bohémiens. Le Hussard de Pouchkine. Traduit par Prosper Mérimée. Le Siècle d'Alexandre et de Pouchkine, par Pierre Pascal...

⁴⁶ Boris Godounov, drame musical, poème de Pouchkine. Traduit par Michel Delines et Louis Laloy. Introduction d'après Gerald Abraham, Editions Mercure, Paris, 1953 (Plaquette éditée pour l'enregistrement sur disques «La Voix de son maître»).

⁴⁷ La Fille du capitaine. D'après la traduction de Louis Viardot. Avec des bois gravés par V. le Campion. Les Bibliophiles du faubourg et du papier, Paris, 1953.

⁴⁸ Pouchkine. Oeuvres complètes. Publiées par André Meynieux. Préface de Henri Troyat. I. Drames. Romans. Nouvelles. André Bonne, éditeur, 1953.

ция перевода этого произведения в маленьком провинциальном журнале осталась незамеченной. Те же читатели получили французский текст «Сцен из рыцарских времен», ранее напечатанных лишь одним бельгийским издательством. В этом издании напечатаны никогда не появлявшиеся до того времени во французских переводах: «Роман в письмах», «Гости съезжались на дачу...», «На углу маленькой площади...», «Участь моя решена...», а также ранее переводившиеся лишь в отрывках, неточно и произвольно — «История села Горюхина», «Рославлев», «Мы проводили вечер на даче...», (под заглавием «Условие Клеопатры») и впервые переведенные «Роман на Кавказских водах», «Русский Пелам», «Повесть из римской жизни», «Марья Шонинг». Всем текстам предпосланы заметки, тексты снабжены подстрочными комментариями и расположены в хронологическом порядке. Вслед за «Предисловием», принадлежащим перу Анри Труайя, в котором приводятся биографические сведения о Пушкине, напечатан очерк А. Меньё «Мятеж Пушкина. Этюды о пушкинском герое». Завершается том библиографией переводов из Пушкина на французский язык и алфавитным указателем собственных имен, а также указателем русских и иностранных слов. Том иллюстрирован географическими картами, рисунками и портретом Пушкина (работы В. А. Тропинина).

1954

Названное выше парижское издание «Полного собрания сочинений» Пушкина послужило поводом к публикации ряда статей. Наиболее серьезные из них статьи профессора Пьера Паскаля (в «Monde nouveau-paru») и профессора Альберта Лортолари (в журнале «J'ai lu»). Обе статьи опубликованы в мае 1954 года.

В том же году появилась в роскошном издании переведенная заново «Сказка о золотом петушке».⁴⁹

Была также издана в Париже в новом переводе «Капитанская дочка».⁵⁰

В Александрии (Египет) напечатан на французском языке сборник под названием «Перелетные птицы».⁵¹ Этот сборник содержит стихотворные переводы тридцати русских поэтов, далекие от оригиналов и, кроме того, написанные на французском языке подчас невысокого уровня. В этом сборнике помещены, в частности, под заглавием «Переводы нескольких стихотворений Александра Сергеевича Пушкина, жертвы Николая I (1799—1837)» следующие произведения: «Пророк», «Сонет» («Поэт! не дорожи любовью народной...»), «Когда для смертного умолкнет шумный день...», «Безумных лет угасшее веселье...», «Три ключа», «Художник-варвар кистью сонной...», «Если жизнь тебя обманет...», «Для берегов отчизны дальней...», «Я вас любил: любовь еще, быть может...», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», «Последняя туча рассеянной бури...»⁵²

⁴⁹ Conte du coq d'or. Traduit en français par Alexandra de Holstein et René Ghil. Calligraphie et images de Jean Lébédoff, Aux folies de l'ymaigier, Paris, 1954, in-16, 23 pages, 3000 francs.

⁵⁰ La Fille du capitaine. Traduction et adaptation nouvelles de P. S., Collection de Chèvrefeuille, Editions Tournai, Paris, 1954.

⁵¹ Oiseaux de passage, par Ivan Oumow. Choix de poèmes sur la Russie, l'Égypte, Chopin et les plantes. Chez l'Auteur, Alexandrie, 1954.

⁵² Traductions de quelques poèmes de Alexandre Sergueyevitch Pouchkine, victime de Nicolas I (1799—1837): Prophète. Sonnet (Poète, ne tiens pas aux faveurs du vulgaire...). Lorsque pour tout mortel se tait le jour bruyant... Pénible écho de ma folle

1955

Помимо вышедшего в этом году издания Пушкина на русском языке в шести томах,⁵³ были переизданы в переводе Мериме: «Пиковая дама», «Цыганы», «Гусар», «Выстрел».⁵⁴

Журнал «Revue de littérature comparée» в своем первом номере за этот год помещает статью профессора Шарля Корбе «Своеобразие „Каменного гостя“ Пушкина».⁵⁵

1956

В издательстве П. Сегерс выходят в свет избранные сочинения Пушкина.⁵⁶ Это наскоро сделанная книга, не дающая ничего нового, за исключением отрывка (около двадцати страниц) из «Евгения Онегина» в новом переводе, сделанном в ассонирующих восьмисложных стихах.⁵⁷

Другая книга этого года — «Евгений Онегин»,⁵⁸ в переводе, названном «первым полным»; отметим, однако, что здесь, как и во всех предыдущих французских изданиях романа Пушкина, опущено «Посвящение». Перевод сделан прозой и, пожалуй, является более удачным, чем сделанные ранее.

Таким образом, как видно из приведенных выше данных, ни один год после войны не проходил без того, чтобы во Франции или в других странах, говорящих на французском языке, не появлялись бы книги, статьи о Пушкине или переводы его произведений. Еще важнее отметить, что за указанное пятнадцатилетие (1940—1956) на французском языке было издано около половины того, что вышло в свет со времени первого перевода Пушкина на французский язык (1823). Именно в это время наблюдаются попытки объединить в новых изданиях и систематизировать произведения Пушкина, до сих пор разбросанные и трудно находимые.

Впервые предпринято издание «Полного собрания сочинений» Пушкина; уже появился первый том, второй готовится к печати. Французам стали доступными многие тексты, переведенные за эти годы.

Можно надеяться, что еще через десятилетие французы сумеют самостоятельно судить о творчестве Пушкина. Тогда, наконец, они увидят в русском поэте одного из величайших писателей мира.

Париж. Ноябрь 1956.

jeunesse... Les trois sources. Le peintre ignare et fou retouche... Si l'espoir te trompe un jour... Quand pour l'Italie lointaine... Je vous aimais. Mon fol amour peut-être... A mon renom j'érige un monument sublime... Dernière nuée aux échos de l'orage...

⁵³ Librairie du Globe, 6 vol. Указано в «Bibliographie de la France» 1-er semestre 1955, № 1051.

⁵⁴ Nouvelles moscovites (sic). Traduites par Prosper Mérimée (Textes de Mérimée relatifs à Pouchkine et à Tourguénev). Introduction par Maurice Parturier. Club des libraires de France, «Livres de toujours, 12», Paris, 1955, 1280 frs. (De Pouchkine: La Dame de pique. Les Bohémiens. Le Hussard. Le Coup de pistolet).

⁵⁵ C. Corbet. L'Originalité du «Convive de pierre» de Pouchkine. «Revue de littérature comparée», 1955, № 1, Janvier—Mars, p. 48—71.

⁵⁶ Pouchkine. Présentation par Huber Juin. Choix de textes, bibliographies, dessins, portraits, fac-similés, Editions Pierre Seghers, Paris, 1956 (Collection «Poètes d'aujourd'hui», № 54).

⁵⁷ Об этой книге см.: R. Lacôte. Pouchkine. «Lettres françaises», 1956, № 641, 18—24 octobre, p. 3.

⁵⁸ Eugène Oniéguine. Traduit par Michel Bayat. Préface de Stanislas Fumet, Robert Laffont, éditeur, 1956.

Н. А. ШЕЛИНГЕР

ПУШКИН В НЕМЕЦКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ (1945—1955)

Пушкина начали переводить на немецкий язык еще при его жизни; ряд этих переводов (начиная от изданного Ольдекопом в 1823 году, в переводе Вульфберта, «Кавказского пленника») и отзывы о них интересовали и самого поэта, как это видно, в частности, из его писем; Пушкин лично знал также некоторых из своих немецких переводчиков конца 20-х—начала 30-х годов, например А. Дитриха, Е. Розена и др.¹ Смерть Пушкина, как известно, широко отмечена была в немецкой печати, а первые обобщающие статьи о нем начали появляться в Германии с конца 30-х годов. Ни одна из этих статей не имела, однако, столь большого значения, как та, которая была опубликована в 1838 году Фарнгагеном фон Энзе в журнале, основанном Гегелем, «Ежегодник научной критики». От нее, собственно говоря, и следует вести немецкое пушкиноведение; недаром она как классическая переиздавалась еще в наше время.²

Известность Пушкина в немецких землях неуклонно росла в течение всего XIX и начала XX века, хотя, разумеется, здесь наблюдались свои приливы и отливы интереса к Пушкину, связанного отчасти с юбилейными датами и ростом внимания к русской литературе вообще. По подсчетам В. И. Нейштадта, к началу XX века в немецкой литературе имелось уже около ста семидесяти переводов из Пушкина, правда, различного характера, назначения и качества.³

Великая Октябрьская социалистическая революция и образование первого в мире социалистического государства значительно повысили интерес западного читателя к русской культуре. В 1920-е годы в Германии неоднократно появлялись статьи о Пушкине и довольно много новых переводов его произведений. Некоторые из этих переводов получали оценку и в русской печати.⁴ Более всего привлекли к себе внимание переводы Генри фон

¹ Подробно история усвоения Пушкина в Германии в XIX веке изложена в работе М. П. Алексеева «Пушкин на Западе» в книге: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, вып. 3, М.—Л., 1937, стр. 104—151. О сношениях Пушкина с Антоном Дитрихом см. в статье М. П. Алексеева «Несколько новых данных о Пушкине и Батюшкове» («Известия Академии наук, Отделение литературы и языка», 1949, т. VIII, вып. 4, стр. 369—372).

² Varnhagen von Ense. Puschkin und die russische Literatur. «Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik», 1838, Oktober; см. извлечения из нее в журналах: «Aufbau», 1947, № 2, стр. 123; «Forum», 1949, № 6, стр. 12—13.

³ В. Нейштадт. Пушкин в мировой литературе. «Красная новь», 1937, № 1, стр. 152—153; ср. его же статью в книге: Сто лет со дня смерти А. С. Пушкина, М.—Л., 1938, стр. 240.

⁴ А. Гизетти в статье «Пушкин в немецком переводе» с особой похвалой отозвался, например, о новых переводах В. Грегера, давшего «такие удивительные по полноте

Гейзелера,⁵ В. Грегера, Теодора Коммихау, Иоганнеса фон Гюнтера, Зигмунда фон Радецкого и некоторых других. Впрочем, далеко не все эти переводы стояли на одинаково высоком уровне; среди них попадались переводы вялые, бледные, неудавшиеся; советская критика тех лет, отмечая многие успехи отдельных переводчиков, предъявляла именно к переводам из Пушкина хотя и справедливые, но суровые и даже не всегда осуществимые требования.⁶

В годы реакции, наступившей накануне прихода фашизма к власти, и особенно в годы господства фашизма количество изданий произведений Пушкина в Германии резко сократилось: всякое проявление интереса к русской литературе было несовместимо с расистскими теориями и с политикой нацистов.

Разгром германского фашизма, роль Советской Армии — освободительницы народов Европы от фашистского рабства неизмеримо повысили интерес к жизни советских людей, к их истории и культуре, к советской и русской классической литературе.

После войны началась вновь публикация стихов, поэм, повестей и других произведений Пушкина как в старых, так и в новых переводах. В 1946 году появляется несколько сборников его стихов, отдельными изданиями выходят его повести, среди них «Пиковая дама», «Метель», «Станционный смотритель». В 1947 году публикуется «Дубровский», «Выстрел», «Капитанская дочка», «Евгений Онегин» и т. д., в 1948 году вновь переиздаются «Повести Белкина», выходят «Сказка о царе Салтане», стихи Пушкина и т. д.⁷ Наконец, в 1949 году в издательстве «Aufbau»

ности и проникновению духом подлинника опыты, как перевод „Медного всадника“, „Пророка“, „Поэта... и мн. др.“, о переводах Ганса фон Гюнтера, которым «разрешена блестяще такая труднейшая задача, как перевод „Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы“ с полным почти соблюдением их ритма и аллитераций» и некоторых других («Звезда», 1928, № 2, стр. 162).

⁵ Гейзелер (H. v. Heiseler, 1875—1928) известен не только как автор превосходных по своим качествам переводов Пушкина, но и как автор ряда драматических произведений, пропитанных влиянием Пушкина и Достоевского. Еще в 1923 году Гейзелер написал трагедию «Дети Годунова» («Die Kinder Godunofs»), поставленную на сцене в 1930 году; неоконченным остался его опыт комедийного пересоздания «Барышни крестьянки» («Anjutkas Verkleidung») и т. д. О пушкинофильстве Гейзелера см. в статье М. П. Алексеева «Борис Годунов и Дмитрий Самозванец в западноевропейской драме» в книге: «Борис Годунов» А. С. Пушкина. Сборник статей, Л., 1936, стр. 122—123. К указанной здесь литературе о Гейзелере прибавим более позднюю монографию о нем, в которой подробно говорится о его изучениях и переводах Пушкина: A. Gronicka. Henry von Heiseler, a Russo-German Writer, N. Y., 1944, 244 стр.

⁶ Так, Андрей Белый, имея в виду именно подобные переводы, писал еще в начале 20-х годов: «Если немецкий переводчик, переводя строчку Пушкина „Шли годы. Бурь порыв мятежный“ и т. д., не задумается над тем, как передать ему паузу, обусловленную точкой, которая разрывает строку, если не задумается он над *ропалическим* строением второй половины строки, если не будет ломать голову над тем, как передать аллитерацию бр—пр в словах „бурь порыв“ — он не переводчик». Для ясности А. Белый тут же напоминал, что «ропалическим» стихом называется «тот стих, которого слова построены так, что каждое следующее на слог длиннее предыдущего: бурь (односложное), порыв (двусложное), мятежный (трехсложное)» (Альманах «Свиток», вып. 3, М., 1924, стр. 64).

⁷ Наиболее полный перечень переводов Пушкина на немецкий язык, появившихся за последнее десятилетие, см. в брошюре: Irmgard Strahl. Gogol, Puschkin und Tschadow. Verzeichnis der seit 1945 erschienen in deutschen Übersetzungen ihrer Werke. Nach dem Stand vom 1 Juli 1955, Deutsche Staatsbibliothek, Berlin, 1955, стр. 9—22 (= Bibliographische Mitteilungen, 8). Характерно, что из общего числа перечисленных здесь переводов (386 номеров) на долю Гоголя пришлось 79 переводов, на долю Пушкина — 183, Чехова — 124.

выходит четырехтомник избранных произведений Пушкина, включающий около одной трети произведений великого русского писателя.⁸ Составителем и переводчиком этого собрания является один из лучших переводчиков и знатоков Пушкина — Иоганнес фон Гюнтер. До настоящего времени это издание является наиболее полным собранием сочинений Пушкина на немецком языке.

Начиная с 1945 года немецкие демократические журналы и газеты публикуют ряд статей о Пушкине, наибольшее количество которых приурочено к памятным пушкинским датам (к 110-й и 115-й годовщине со дня смерти поэта в 1947 и 1952 годах и к 150-й и 155-й годовщине со дня рождения Пушкина в 1949 и в 1954 годах).

В 1946 и 1947 годах в немецких журналах преобладают еще перепечатки работ о Пушкине советских литературоведов. В дальнейшем, однако, появляется всё больше статей и книг о Пушкине, принадлежащих перу немецких авторов. Особенно много статей было опубликовано в связи со 150-летним юбилеем со дня рождения поэта, юбилеем, который широко отмечался в Германии.

Немецкая общественность задолго начала готовиться к этой дате. 4 марта 1949 года был образован юбилейный комитет, который и руководил подготовкой и организацией пушкинских торжеств. В состав комитета вошли крупнейшие писатели, общественные деятели и ученые демократической Германии. Среди них: Александр Абуш, Стефан Хермлин, Герберт Иеринг, Бруно Кайзер, Юрген Кучинский, Ганс Роденберг, Арнольд Цвейг и другие, а также представители различных общественных организаций. Председателем комитета была избрана Анна Зегерс.

В дни юбилея, в конце мая и в июне, по всей стране были организованы специальные пушкинские выставки, в том числе интересная выставка в Берлине детских рисунков на сюжеты сказок Пушкина. В стране состоялись тогда многочисленные доклады о творчестве великого русского поэта. Лекции о Пушкине, чтение пушкинских стихов и исполнение музыкальных произведений на сюжеты его произведений происходили не только на специальных собраниях и вечерах, но и непосредственно на предприятиях в цехах, в обеденные перерывы. Начиная с конца мая в Берлине и других городах проводились многочисленные пушкинские вечера.

7 июня в Немецкой государственной опере состоялось торжественное заседание Общества изучения культуры Советского Союза и Управления культуры совместно с представителями общественных организаций, на котором с докладом о Пушкине выступила Анна Зегерс. Аналогичные заседания при участии широкой общественности состоялись в Дрездене, Веймаре, Шверине и т. д. Ряду улиц и площадей в городах и селениях Германии было присвоено имя Пушкина. Так, например, Эрфуртская площадь в Дрездене названа площадью Пушкина. В Берлине известная Трептов-аллея, ведущая к памятнику погибшим советским воинам, была переименована в аллею Пушкина. На состоявшейся по этому поводу 7 июня торжественной церемонии с речью выступил обер-бургомистр Берлина Эберт. На специальном заседании немецкой Академии наук профессор Берлинского университета М. Вольтнер сделала доклад «Пушкин в Германии в XIX веке». Деятельно готовились к этой дате и немецкие оперные театры, которые поставили оперы — «Евгений Онегин», «Борис

⁸ А. Puschkin. Ausgewählte Werke. Herausgegeben und aus dem Russischen übertragen von Johannes von Guenther, Bd. I—IV, «Aufbau-Verlag», Berlin, 1949.

Годунов» и «Моцарт и Сальери». В дни юбилея была осуществлена также радиопостановка «Каменного гостя».

Только за 1949 год в самых различных органах печати демократической Германии — партийных, профсоюзных, молодежных, культурно-просветительных и т. д. — появилось более ста журнальных и газетных статей о Пушкине. В большинстве они невелики по объему, но дают наиболее важные сведения о жизни и творчестве писателя и тем самым выполняют свою главную задачу — познакомить широкие массы немецких трудящихся с Пушкиным.

Немецкая демократическая критика (Зегерс, Бредель, Фабиан и многие другие)⁹ единодушно признает, что, хотя со времени первого знакомства немецкого читателя с Пушкиным прошло более ста лет и произведения его десятки раз переводились на немецкий язык, широкие читательские слои знают его творчество плохо, и если и знают, то главным образом по романсам и операм Глинки, Мусоргского, Чайковского. Сравнительно хорошо известен «Евгений Онегин», хуже — лирика и проза и почти не известны его сказки и драматические произведения. Из всех драм Пушкина за сто с лишним лет, до 1949 года, в Германии ставился только один «Каменный гость» (в 1932 и в 1947 годах). Ни «Борис Годунов», ни «Маленькие трагедии» не ставились вообще. «В эпоху империализма с Пушкиным было, как и со многими другими действительно великими поэтами. Многие знали его имя, у многих в книжном шкафу стояли его произведения в роскошных изданиях классиков, некоторые даже его читали, но немногие знали его действительно», — пишет Ганс Вернер.¹⁰ «Мы, народ „поэтов и мыслителей“, не знали Пушкина и едва знаем его сейчас», — отмечал в юбилейные дни Эрих Фабиан.¹¹

По-видимому, одной из важнейших причин этого было отсутствие достаточно хороших переводов из Пушкина; не так много их еще и сейчас. В прошлом веке многие немецкие переводчики видели в Пушкине прежде всего лирического поэта, но именно лирика Пушкина труднее всего поддается переводу. Большинство переводчиков не передавало даже лирических особенностей пушкинского стиха, строфики, размеров, системы рифмовки. Так, например, в ряде переводов «Евгения Онегина» (известно до десяти немецких стихотворных переводов этого произведения), не соблюдается «онегинская строфа».

Журнал «Die neue Gesellschaft» в 1949 году поместил один и тот же отрывок из «Евгения Онегина» — письмо Татьяны — в трех различных переводах: Боденштедта, Зейберта и Коммихау, а в следующем номере статью Дитриха Локиса, подробно анализирующую эти переводы.¹² На ряде конкретных примеров Локис показывает их несовершенство как с точки зрения смысла того или другого выражения, так и со стороны строя и форм пушкинского стиха. Интересно, что из 79 стихотворных строк оригинала у Боденштедта получилось 99, а у Зейберта 84 строки.

Переводы, сделанные в последние десятилетия Генри фон Гейзелером, Теодором Коммихау и Иоганнесом фон Гюнтером, безусловно значительно

⁹ A. Seghers. Puschkin. «Die neue Gesellschaft», 1949, № 7, стр. 520—522; W. Bredel. Sieben Dichter. 2-te Auflage. «Petermänken-Verlag», Schwerin, 1952, стр. 36—53; E. Fabian. Von Puschkin bis Gorki. Neun russische Dichter. «Petermänken-Verlag», Schwerin, 1952, стр. 13—42.

¹⁰ H. Werner. Alexander Puschkin. «Theater der Zeit», 1949, № 6, стр. 3—4.

¹¹ E. Fabian. Von Puschkin bis Gorki, стр. 42.

¹² D. Lokys. Brief Tatjanas an Onegin. Kritische Überlegungen zu unserer Veröffentlichung in Heft 6. «Die neue Gesellschaft», 1949, № 7, стр. 534—542.

совершеннее, чем переводы хотя бы Боденштедта, но и в них можно обнаружить много недостатков. Поэтому авторы многих немецких статей о Пушкине уделяли большое внимание проблемам перевода его немецкими стихами.

В 1949 году в Берлине был объявлен специальный конкурс на лучший немецкий перевод письма Татьяны к Онегину и «Памятника» Пушкина (а также стихотворения Лермонтова «Смерть Поэта»). Для определения результатов конкурса было создано специальное жюри, в состав которого вошли видные писатели и критики Германии — А. Зегерс, Ст. Хермлин, Б. Кайзер и другие. В обращении комитета по поводу этого конкурса отмечалось, что до сих пор Пушкин недостаточно известен широким трудящимся массам Германии и что это в значительной степени является следствием отсутствия хороших немецких переводов важнейших произведений. «Эти переводы, — говорилось здесь, — не достигают крылатой легкости стиха, звучности оригинала, его своеобразного ритма, необычайной силы образности, выразительной меткости».¹³

На призыв к участию в конкурсе откликнулись многие литературные деятели, но, хотя экспертная конкурсная комиссия рассмотрела 241 представленный перевод, она не сочла возможным удостоить первой премии ни один из них. «Надежда путем объявления конкурса получить удовлетворяющий всем литературным требованиям немецкий перевод поэтических произведений Пушкина не осуществилась», — говорилось по этому поводу в сообщении жюри о результатах этого конкурса.¹⁴

Анна Зегерс в упоминавшейся речи ее о Пушкине на торжественном заседании в качестве одной из первоочередных задач выдвигала создание новых переводов Пушкина, лишенных излишней сентиментальности и сусальности («Sonntagsdeutsch»)¹⁵.

Что же привлекает в Пушкине немецких читателей и литераторов, почему именно Пушкина так важно читать и изучать сейчас? Дать ответ на эти вопросы пытаются многие критики, которые на первый план выдвигают глубокий гуманизм и демократизм Пушкина, присущий ему бунтарский дух, непримиримость ко всякому угнетению.

В 1945 году, через несколько месяцев после окончания войны, журнал «Aufbau» перепечатал мнение о Пушкине Томаса Манна, высказанное им еще в 1937 году. Эти слова крупнейшего немецкого писателя, большого знатока и поклонника русской литературы, в значительной степени определили отношение демократически настроенной антифашистской интеллигенции Германии к Пушкину; поэтому их интересно привести здесь полностью:

«Если бы меня спросили, кого люблю я больше всех гениев поэзии и кого бы я выбрал, если бы я должен был назвать из них только шестерых или даже только четырех, я бы никогда не забыл имени Пушкина. Я целиком согласен с Толстым, который писал: „Сделайте мне дружбу — прочтите с начала все повести Белкина. Их надо изучать и изучать каждому писателю. Я на днях это сделал и не могу вам передать того благодетельного влияния, которое имело на меня это чтение“.¹⁶ „Благодетель-

¹³ «Die neue Gesellschaft», 1949, № 6, стр. 420.

¹⁴ Müller-Muck. Das Ergebnis des Puschkin-Preiswettbewerbens. «Die neue Gesellschaft», 1950, № 2, стр. 152.

¹⁵ A. Seghers. Puschkin. «Die neue Gesellschaft», 1949, № 7, стр. 522.

¹⁶ Томас Манн цитирует здесь слова из известного письма Л. Н. Толстого к П. Д. Голохвастову от 9... 10 апреля 1873 года. Мы приводим их по оригиналу (Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 62, Гослитиздат, М., 1953, стр. 22).

ное“, это верное слово. Оно объе́млет меру и счастье, которые были при-
сущи этому великому Аполлинийцу, — меру полноты и счастье, которое
является просветлением богатого и глубокого страдания. Благословенное
жизнью совершенство — это то художественное достижение, которое пи-
тает всю последующую русскую поэзию. Пушкин, этот славянский лати-
нянин, был подлинно народен и в то же время он был европейцем, как
Гете, как Моцарт. То, что основатель русской национальной литературы,
перед которым преклоняется Достоевский в своей знаменитой речи, был
правнуком негра, это факт, который не лишен актуального юмора. Но
его образ, европеизм его формы, его классицистичность приоб-
ретают еще большую актуальность в настоящее время, когда Рос-
сия, как государство союза народов, присоединяется к силам мира Запада
и в области духовной жизни восстанавливаются новые отношения тер-
пимости, внимания и дружбы между социализмом советского мира и гу-
манизмом еще буржуазной Европы. Он мог бы стать символом для мно-
гого грядущего».¹⁷

Одна из первых задач, которые ставили и ставят перед собой лите-
раторы демократической Германии, — показать немецкому читателю под-
линного Пушкина. Немецкая критика стремится опровергнуть ряд невер-
ных представлений о нем, ряд ошибочных точек зрения, в свое время
прочно утвердившихся в западном пушкиноведении.

Еще Фарнгаген фон Энзе защищал Пушкина от критиков, дававших
ему клеймо байрониста, но подобная точка зрения, отношение к Пушкину,
как к «эпигону» Байрона, продолжает встречаться в работах западных
литературоведов и сейчас. Критику подобных взглядов дают в своих
статьях Фабиан, Лембрук, Кауль¹⁸ и др.

Против другого ложного, но еще широко бытующего взгляда, будто
бы Пушкин был бунтарем только в молодости, а после декабрьского вос-
стания примирился с николаевским самодержавием, выступают Герхард
Штейнер и Вилли Бредель.¹⁹

Статья Бределя представляет собой доклад, сделанный им в Меклен-
бургском театре 6 июня 1949 года на праздновании 150-летнего юбилея
со дня рождения Пушкина. Доклад этот был озаглавлен «Пушкин и Гете».

Обратившись к статьям о Пушкине, опубликованным в немецкой де-
мократической печати, читатель во многих из них найдет разного рода
сравнения и сопоставления Пушкина с Гете. Дело заключалось не только
в том, что юбилеи этих двух великих писателей почти совпали (в июне
1949 года отмечалось сто пятьдесят лет со дня рождения Пушкина, а в ав-
густе — двести лет со дня рождения Гете), не только в том, что они были
почти современниками и величайшими поэтами своих народов. Сопостав-
ление Пушкина с Гете имеет свою историю. Еще Фридрих Боденштедт
называл Пушкина «русским Гете», и «восточным Гете» называл его Томас
Манн; сопоставление Пушкина и Гете делалось неоднократно и в русской
литературе. Речь на этот раз шла, однако, не о литературных параллелях,
а о более глубокой, важной и принципиальной проблеме.

¹⁷ T. Mann. Über Puschkin. «Aufbau», 1945, № 3, стр. 265—266.

¹⁸ E. Fabian. Von Puschkin bis Gorki, Schwerin. 1952; G. W. Lehbruck. Alexander Puschkin. «Pädagogik», 1949, № 5, стр. 44—47; W. Kaul. Puschkin und die Weltliteratur. «Rolland von Berlin», 1949, № 23, стр. 12—13.

¹⁹ G. Steiner. Die Erscheinung Puschkin 1799 bis 1837. «Urania», 1949, № 7, стр. 241—246; W. Bredel. Puschkin und Goethe. «Heute und Morgen», 1949, № 6, стр. 339—343.

После второй мировой войны, в годы отрезвления немецкого народа от фашистского угара, от демагогических расистских теорий и нацистского варварства, в период своего духовного обновления немецкий народ обратился к творчеству величайших гуманистов — к Гете и к Пушкину.

«Пушкин и Гете — гении равновеликого значения и великие гуманисты — олицетворяют собой всё то благородное и прекрасное, что заложено в русском и немецком народах», — говорил Иоганнес Бехер, выступая в Москве на праздновании 150-летнего юбилея со дня рождения Пушкина. Свою речь Бехер закончил словами:

«Пусть имена величайших поэтов России и Германии станут символом дружбы народов и символом мира.

«Тот, кто в состоянии постичь творения Пушкина или творения Гете, кто со всей ясностью и логикой осмысливает до конца идеи, заложенные в их произведениях, не может не быть на стороне людей, отстаивающих дело дружбы народов и мира, — на стороне народов Советского Союза, на стороне партии большевиков...»²⁰

Благородные, проникнутые горячей любовью к человеку идеи двух величайших поэтов способствуют борьбе за демократию и гуманизм в Германии.

«Мы чествуем Гете и Пушкина, — пишет Густав Лейтеритц, — потому что Фауст и Борис Годунов, Эгмонт и Онегин, Ифигения и Татьяна были не только типическими образами своей эпохи, но и помогают нам сейчас в нашем стремлении откопать человека из грязи последних лет и сделать его снова мерой вещей».²¹

Стремясь установить факт личных связей между Гете и Пушкиным, ряд авторов напоминает о сообщении в письме польской пианистки Марии Шимановской к канцлеру фон Мюллеру о том, что Гете послал Пушкину свое перо. «Если мы подумаем, как скептически и сдержанно относился престарелый Гете к молодым поэтам в Германии, — замечает Бредель, — то этот дружественный жест приобретает символическое значение!»²²

Однако в своих попытках во что бы то ни стало установить близость Пушкина к Гете некоторые критики, с нашей точки зрения, прибегают к несколько упрощенным сравнениям. Так, Бруно Кайзер пытается установить связь между обличением капитализма в речах Мефистофеля и скупого рыцаря.²³ Впрочем, большинство немецких критиков видит сходство Пушкина и Гете не в частностях, а в том, что они были самыми передовыми людьми своего времени, в том, что они в своих произведениях показали живого человека-борца, что они видели новые общественные тенденции в недрах старого общества.

Но немецкие критики видят и разницу между ними. В. Бредель и Г. Лукач²⁴ подчеркивают, что в одном отношении русский поэт выгодно отличается от немецкого: Пушкин совершенно лишен филистерских черт,

²⁰ И. Бехер. Выступление на торжественном заседании общего собрания Академии наук СССР 7 июня 1949 года. В книге: А. С. Пушкин. 1799—1949. Материалы юбилейных торжеств, М.—Л., 1951, стр. 58.

²¹ G. Leuteritz. Alexander Puschkin und die Gegenwart. «Die Arbeit», Berlin, 1949, № 7, стр. 304.

²² W. Bredel. Puschkin und Goethe. «Heute und Morgen», 1949, № 6, стр. 341.

²³ B. Kaiser. Goethe und Puschkin. «Die neue Gesellschaft», 1949, № 8, стр. 567—569.

²⁴ Георг Лукач — венгерский литературовед, часто выступавший в немецкой демократической печати тех лет как по вопросам немецкой, так и других литератур.

свойственных Гете. Именно отношение к революции более всего отличает Пушкина от Гете, утверждает Лукач.²⁵

Бредель считает, что эти черты Пушкина и Гете, вытекающие из различия исторической обстановки в Германии и в России, являются в значительной степени определяющими для всего последующего развития русской и немецкой литературы:

«И Пушкин и Гете оба стали образцами у своих народов для целых поколений поэтов, и кажется, будто Пушкин — основоположник русской литературы — оставил в наследство писателям своего народа прежде всего своей революционный дух и свое фанатическое стремление к правде и справедливости, Гете — предок немецкой литературы — оставил в наследство писателям нашего народа прежде всего отрешенность от своих общественных проблем и раздвоенность».²⁶

Среди статей о Пушкине есть ряд работ, посвященных отдельным произведениям писателя или эпизодам его биографии и творческой деятельности. Такова, например, статья Петера Бранга о «Пиковой даме»²⁷ или работа Лукача о «Борисе Годунове».²⁸

Заслуживает внимания статья Йози фон Коскуль «Арина Родионовна — няня Пушкина», в которой он полемизирует с комментаторами ряда советских изданий Пушкина, обычно утверждающими в пояснениях к стихотворению Пушкина «Сон» (1816), что стих: «Ах! умолчу ль о мамушке моей» и последующие имеют в виду бабушку Пушкина — М. А. Ганнибал. По мнению И. Коскуля, Пушкин говорит здесь об Арине Родионовне. Подобное мнение высказывалось и ранее в пушкинской литературе, и аргументация немецкого исследователя не является ни новой, ни оригинальной; тем не менее она свидетельствует о довольно хорошем знакомстве с источниками для биографии Пушкина.²⁹

Статья Беавера «Пушкин и легенда о смерти Моцарта»³⁰ направлена против легенды о Сальери как отравителе Моцарта и приводит ряд аргументов по этому поводу. Беавер считает, что поводом для распространения легенды об отравлении Моцарта служила новелла Густава Николаи «Враг музыки» (1825), но явно преувеличивает значение этого второстепенного источника. О знакомстве Пушкина с этой новеллой не имеется никаких данных, о других же источниках легенды собраны в пушкинской литературе более подробные данные. Беавер высказывает соображение, что то обстоятельство, что «Моцарт и Сальери» очень мало ставится и редко издается, в известном смысле связано с тем, что эта легенда не подтверждается реальными фактами из биографий Моцарта и Сальери.

²⁵ G. Lukács. Der russische Realismus in der Weltliteratur. 3-te Auflage, «Aufbau-Verlag», Berlin, 1953, стр. 44.

²⁶ W. Bredel. Puschkin und Goethe. «Heute und Morgen», 1949, № 6, стр. 342.

²⁷ P. Brang. «Pique Dame». Eine Erzählung von Puschkin. «Die neue Gesellschaft», 1949, № 10, стр. 766—768.

²⁸ G. Lukács. Der russische Realismus in der Weltliteratur. 1953, стр. 50—64.

²⁹ I. Koskull. Arina Rodionowna, Puschkins Kinderfrau. «Die neue Gesellschaft», 1949, № 7, стр. 528—533. Коскуль в качестве доказательства выдвигает три соображения. Во-первых, то, что Пушкин вряд ли счел бы удобным упоминать о дрожащем беззубом рте своей бабушки — светской дамы, тем более, что во время написания стихотворения она еще была жива. Во-вторых, автор находит мало вероятным, что она сидела у постели ребенка. И, наконец, ссылаясь на словарь Ушакова, Коскуль считает, что «мамушка» также может значить и «кормилица», и «няня».

³⁰ J. C. Beaver. Puschkin und die Legende um Mozart Tod. «Neue deutsche Literatur», 1956, № 2, стр. 156—157.

Две статьи о Пушкине Георга Лукача появились в 1947 и 1949 годах,³¹ в которых он подробно останавливается на мировом значении Пушкина, рассматривает отдельные произведения писателя — «Дубровского», «Пиковую даму», «Евгения Онегина». Статья о «Борисе Годунове» исследует эту драму на фоне исторических романов Вальтера Скотта, драм Бюхнера и Геббеля. Автор останавливается на стиле Пушкина, на приемах его композиции и приводит ряд интересных сопоставлений.

Статьи не лишены и многих спорных положений, некоторых упрощений. Но главное достоинство этих статей в том, что Лукач стремится показать, что всё творчество Пушкина, любое его произведение, любой образ закономерно вытекают из общественной ситуации, и это чрезвычайно важно для немецкого читателя.

Годы после второй мировой войны, по существу, можно считать началом немецкого пушкиноведения именно потому, что впервые биография и творчество Пушкина были поставлены на социально-исторический фундамент. Еще в 1949 году Иоганнес фон Гюнтер в предисловии к четырехтомнику Пушкина указывал, что до сих пор пушкинские биографии излагали лишь личную жизнь поэта, вне связи с социальными движениями в России и в Европе в эпоху Пушкина.³² Этот пробел в настоящее время и стремится восполнить немецкая критика.

«Развитие Пушкина поймут только неправильно, — пишет Лембрук, — если будут рассматривать его чисто эстетически, как развитие поэтическое. Оно теснейшим образом связано с его личной судьбой, с историческим развитием и тенденциями его времени».³³

Все новейшие немецкие статьи объясняют Пушкина прежде всего в связи с общественным движением в России в первой трети XIX века, в связи с Отечественной войной, восстанием декабристов, николаевской реакцией. Гольдберг, Эйхлер и многие другие специально останавливаются на проблеме взаимоотношений Пушкина и декабристов.³⁴

В этих работах нет каких-либо новых для советского пушкиноведения материалов, но эти статьи чрезвычайно важны для Германии, они впервые показывают немецкому читателю подлинного Пушкина.

О том, как быстро растет интерес к его творчеству, свидетельствует тот факт, что четырехтомник Пушкина, вышедший в 1949 году, разошелся очень быстро и вскоре был переиздан.³⁵

Молодость, свободолюбие, жизнерадостность, оптимистическая перспектива, простота и поэтичность произведений Пушкина привлекают к ним немецкого читателя.

В уже цитированной речи на пушкинском юбилее Вилли Бредель говорил:

«В начале последних столетий русской и немецкой истории стоят два великана духа — Пушкин и Гете. Они бросают свою тень и на наше время, и даже еще дальше. Если мы хотим... усвоить великое духовное и худо-

³¹ G. Lukács. Puschkins Platz in der Weltliteratur (1949), «Boris Godunow» (1947). В его книге: Der russische Realismus in der Weltliteratur. 1953, стр. 21—64.

³² J. v. Guenther. Geleitwort des deutschen Herausgebers. В книге: A. Puschkin. Ausgewählte Werke, Bd. I, Berlin, 1949, стр. 49—50.

³³ G. W. Lehmbрук. Alexander Puschkin. «Pädagogik», 1949, № 5, стр. 44.

³⁴ H. Goldberg. Der Geburtstag des russischen Realismus. Zum 125 Jahrestag des Dekabristenaufstandes. «Heute und Morgen», 1950, № 12, стр. 735—739; E. Eichler. Puschkin und die Dekabristen. «Russischunterricht», 1952, № 10, стр. 433—439.

³⁵ A. Puschkin. Ausgewählte Werke in 4 Bänden. «Aufbau-Verlag», Berlin, 1952.

жественное наследие, которое Гете оставил нам, немцам, это множество мудрых мыслей и гуманистических требований в гетевском смысле, то может случиться, что нам кое-чего будет не хватать, а именно неукротимой воли пробиться вопреки всем противникам. Этот боевой дух дает нам Пушкин. Он, который не прожил и половины того времени, какое прожил Гете, среди гениев человечества — неукротимый бунтарь и вечный юноша. И вечно молоды его творения, вечно молоды как правда, вечно молоды как свобода, вечно молоды как красота.³⁶

В дни празднования 150-летнего юбилея известный поэт демократической Германии Макс Циммеринг выступил со стихотворением, посвященным Пушкину, которое сначала было напечатано в газете,³⁷ а затем включено было в сборник стихотворений этого поэта.³⁸

Циммеринг на первый план выдвигает любовь народа к Пушкину, его доступность самым широким массам, его жажду правды и свободы и присущую ему страстность в борьбе.

Стопятидесятилетний юбилей со дня рождения поэта почти совпал с образованием Германской Демократической Республики, и именно в это время Пушкин получил в Германии более полное и правильное историческое освещение: его стихи и повести, драмы и баллады, поэмы и сказки впервые получили подлинную жизнь.

Свою статью 1954 года «Пушкин в Германии», посвященную истории распространения произведений Пушкина в Германии, Ганс Купфершмидт закончил словами:

«Немецкий народ в своей борьбе за единство и мир видит в Пушкине своего могучего друга и помощника, который некогда воскликнул: „Да здравствует солнце! Да скроется тьма!“»³⁹

Изучение Пушкина, переводы Пушкина, распространение его произведений как в Германской Демократической Республике, так и в Федеративной республике Германии помогают решению этой благородной задачи, помогают культурному сближению немецкого народа и народов Советского Союза.

Из настоящего краткого обзора видно, что в Германии пока еще нет больших и обстоятельных работ о творчестве Пушкина. Но важно то, что появившиеся в последние годы статьи дают верные оценки его творчества, содержат ряд интересных наблюдений, правильно ориентируют немецких читателей и литераторов. Несомненно, что в ближайшем будущем писатели и критики демократической Германии внесут свой вклад в мировое пушкиноведение.⁴⁰

³⁶ W. Bredel. Puschkin und Goethe. «Heute und Morgen», 1949, № 6, стр. 343.

³⁷ M. Zimmering. An Puschkin (Gedicht). «Sächsische Zeitung», 1949, № 127, 2 Juni.

³⁸ M. Zimmering. Im herben Morgenwind (Gedichte). Berlin, 1953, стр. 161.

³⁹ H. G. Kupferschmidt. A. S. Puschkin in Deutschland. «Börsenblatt für den deutschen Buchhandel», 1954, № 23, стр. 510.

⁴⁰ В следующем томе настоящего сборника будет напечатан обзор научных работ о Пушкине, появившихся в немецких филологических журналах за последнее время. — *Ред.*

Х Р О Н И К А

ВОСЬМАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ ПУШКИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ¹

Восьмая Всесоюзная Пушкинская конференция в 1956 году была посвящена пятидесятилетию со дня основания Пушкинского Дома. Работе конференции (7—8 июня) предшествовало общее собрание Отделения литературы и языка Академии наук СССР (4—5 июня) в Ленинграде, посвященное юбилею Пушкинского Дома.²

Истории Пушкинского Дома был посвящен доклад члена-корреспондента Академии наук СССР Д. С. Лихачева. Идея создания Пушкинского Дома возникла в связи с подготовкой к празднованию столетия со дня рождения Пушкина 26 мая 1899 года. В 1905 году юбилейная комиссия, не прекращавшая свою деятельность и в дальнейшем, решила отметить память великого поэта организацией особого Пантеона русской литературы. В 1906 году было составлено положение о Пушкинском Доме, утвержденное в 1907 году. Д. С. Лихачев назвал имена первых собирателей, хранителей и публикаторов материалов Пушкинского Дома: Н. А. Котляревского, Б. Л. Модзалевского, И. А. Кубасова, А. Ф. Кони, Н. К. Козмина, В. И. Чернышева, П. Е. Щеголева, В. Д. Комаровой-Стасовой, С. А. Переселенкова. В 1918 году Пушкинский Дом был включен в состав научных учреждений Академии наук. В 1933 году при Институте организована Пушкинская комиссия, ставшая крупным научным центром в области изучения творческого наследия великого русского поэта. Особое внимание в докладе Д. С. Лихачева было уделено истории возникновения научно-исследовательских отделов, секторов и комиссий Института, их задачам и научным трудам.

Профессор Б. В. Томашевский прочитал доклад «Основные этапы пушкиноведения». Он характеризовал общие направления в изучении Пушкина за столетие.

Первый период изучения Пушкина охватывает время от выхода в свет в 1847 году статей Белинского о Пушкине до середины 50-х годов. Этот период знаменуется стремлением дать историко-литературное и критическое обозрение творчества Пушкина. Исключительное значение имели работы Белинского, оценки которого во многом определили подход к изучению Пушкина и в последующие годы. К этому же периоду принадлежит первое критическое издание сочинений Пушкина, осуществленное в 1855 году П. В. Анненковым.

Второй период изучения Пушкина начинается приблизительно с конца 50-х годов и простирается вплоть до юбилея 1899 года. В это время Пушкин является объектом общественно-литературной борьбы между представителями революционно-демократического и реакционного направления в русской критике. Специальное изучение Пушкина в эти годы становится достоянием библиографов (М. Н. Лонгинов, С. Д. Полторацкий, П. А. Ефремов и др.). Параллельно продолжалось и собирание биографических материалов о Пушкине, впервые предпринятое П. В. Анненковым и П. И. Бартеневым.

Третий период — с 1899 и примерно до 1914 года — отмечен пробудившимся в широких общественных и научных кругах интересом к Пушкину, возникшим под влиянием празднования в 1899 году столетия со дня его рождения. Издается ряд сборников, посвященных Пушкину, предпринимается академическое издание его сочинений. К этому периоду относится и возникновение Пушкинского Дома.

Следующий, четвертый период — от 1914 до середины 20-х годов — характерен тем, что пушкиноведение перестает быть областью дилетантских разысканий и включается в общую систему филологических наук. Среди историко-литературных тем особенно значительное место занимают темы сравнительно-исторического характера. Именно в эти

¹ В настоящем томе хроника пушкиноведения доведена до 1956 года включительно. Хроника за 1957 год будет помещена в III томе сборника. — *Ред.*

² См.: «Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка», 1956, т. XV, вып. 5, стр. 481—484; «Вестник Академии наук СССР», 1956, № 8, стр. 126—129; Н. Г. Айденков. Пятидесятилетие Пушкинского Дома. «Литература в школе», 1956, № 5, стр. 85—90; «Вечерний Ленинград», 1956, 4, 6—9 июня; «Смена», 1956, 12 июня; «Литературная газета», 1956, 7, 14 июня.

годы были поставлены вопросы об уточнении текстов сочинений Пушкина и о новом критическом издании его произведений.

Начало пятого периода — с середины 20-х до середины 30-х годов — было ознаменовано методологическими спорами вокруг формализма, а затем вульгарного социологизма и установлением научного метода исторического материализма в области изучения истории литературы.

Последний, шестой период начинается с юбилейного 1937 года. Крупнейшим достижением этого периода является издание полного академического собрания сочинений Пушкина.

К юбилейным дням в Институте открылась выставка, посвященная истории возникновения и развития Пушкинского Дома.

Восьмая Всесоюзная Пушкинская конференция началась докладом члена-корреспондента Академии наук СССР М. П. Алексеева «Пушкин и мировая литература».

По мнению докладчика, комплекс вопросов об отношении Пушкина как к отдельным западноевропейским писателям, так и к западноевропейским национальным литературным школам нуждается в пересмотре и новых обобщениях. Творчество Пушкина, имеющее глубокие корни в русской исторической действительности, не может быть отчуждено от западноевропейских литератур.

В докладе Н. В. Измайлова были подведены итоги изучения рукописей Пушкина и сделан обзор пушкинских рукописей и истории изданий пушкинских текстов. В связи с этим в докладе были охарактеризованы работы ряда советских пушкинистов, отмечены достижения и ошибки отдельных изданий.

Участники конференции приветствовали гостя из Италии, профессора Римского университета Этторе Ло Гатто, прочитавшего доклад «„Евгений Онегин“ как лирический дневник Пушкина». В результате сопоставлений романа Пушкина с некоторыми из лирических стихотворений поэта докладчик пришел к заключению, что лирические отступления в «Евгении Онегине» содержат в себе элементы авторского дневника. Сам по себе роман не является автобиографическим и Онегина не следует отождествлять с поэтом, но и в лирических отступлениях и в характеристиках героев Пушкин отразил свои собственные переживания, раздумья и сомнения как личного, так и общественно-литературного порядка.

Отношение Пушкина к освободительному движению его времени осветил в своем докладе профессор Б. П. Городецкий.

Профессор Б. С. Мейлах в докладе «Пушкин и русская поэзия» подвел некоторые итоги изучения данной темы в дореволюционном и советском литературоведении и охарактеризовал дальнейшие задачи в этой области.

Б. И. Бурсов в докладе «Пушкин и русский роман XIX века» определил некоторые существенные признаки русского реалистического романа, впервые заложенные в произведении Пушкина «Евгений Онегин».

О близости Пушкина нашему народу, о горячей любви к поэту миллионов простых людей говорил в своем докладе «Пушкин и советская культура» доктор исторических наук А. В. Предтеченский. Докладчик охарактеризовал некоторые произведения художественной литературы и драматургии, посвященные Пушкину, постановки его произведений на сценах советских драматических и оперных театров.

Е. М. Хмельская

ПУШКИНСКАЯ ГРУППА ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

На очередном заседании Пушкинской группы, состоявшемся 3 февраля 1956 года, с докладом «Декабристы — друзья Пушкина (Идейные и личные связи)» выступил Л. А. Черейский. Черейский много лет работает над составлением «Словаря современников Пушкина», где делается попытка свести воедино сведения о лицах, с которыми общался поэт, в том числе и о декабристах, знакомых ему. По сведениям докладчика, Пушкину знакомы были около девяноста лиц, причастных к декабристскому движению. Черейский привел ряд данных, в частности забытое свидетельство о знакомстве поэта с декабристом Д. И. Завалишным, а также другие малоизвестные факты.

Следующее заседание, 25 февраля, было посвящено докладу Ю. Г. Оксмана «Проблематика „Истории Пугачева“ А. С. Пушкина в свете „Путешествия из Петербурга в Москву“ А. Н. Радищева»¹. Ю. Г. Оксман поставил важные проблемы, свя-

¹ Основные положения доклада Ю. Г. Оксмана см. в книге: Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. Научный ежегодник за 1954 год, изд. «Коммунист», Саратов, 1955, стр. 149—154.

занные с изучением творчества Пушкина 30-х годов и высказал ряд предположений о связях «Истории Пугачева» с идеями Радищева о народном восстании. Доклад вызвал оживленную дискуссию по высказанным в нем спорным положениям, в частности против того, что после восстания декабристов лозунг борьбы с самодержавием был снят, против признания Радищева дворянским революционером, против данной докладчиком трактовки стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» и др.

6 апреля с докладом «Общество „Зеленая лампа“» выступил Б. В. Томашевский. Докладчик подчеркнул связь «Зеленой лампы» с Союзом благоденствия, «вольным обществом» которого она являлась, предупредив при этом против преувеличения ее политической роли, дал подробную характеристику заседаний «Зеленой лампы», впервые точно определил границы ее деятельности, а также привел ряд новых материалов, связанных с замыслом составления ее членами исторического биографического словаря.²

На заседании 4 мая обсуждалась новая биографическая пьеса Л. С. Дэль-Любашевского «В садах Лицея», с чтением которой выступил автор.

На очередном заседании группы 14 сентября с докладом «Первое полное собрание сочинений А. С. Пушкина на французском языке (Состав и принципы)» выступил зарубежный гость Института профессор Андре Меньё (Париж). Профессор Меньё подробно осветил в своем докладе историю издания собрания сочинений Пушкина, впервые дающего французскому читателю перевод почти всех произведений поэта, включая и незавершенные его произведения, а также дневники и избранные письма. Первый том этого собрания вышел в Париже в 1953 году.³ В нем содержатся все драматические произведения Пушкина и художественная проза. Второй том, готовящийся к изданию, содержит поэтические произведения Пушкина, третий — критические статьи, дневники и письма, а также «Путешествие в Арзрум» и «Историю Пугачева». А. Меньё охарактеризовал композицию своего издания, принципы перевода произведений Пушкина и ознакомил присутствующих с некоторыми их образцами, вызвавшими общее одобрение.

На заседании 5 октября Г. М. Кока прочел доклад «Русская художественная культура в лирике Пушкина («К бюсту завоевателя», «Полководец», «Художнику»)».⁴

2 ноября с докладом на тему «Кто такой Белкин?» выступил доцент Чувашского государственного педагогического института М. И. Мальцев. В своем докладе он, рассматривая существующую точку зрения на образ Белкина, стремился доказать, что в этом образе нашли свое отражение радищевские идеи и что Белкин является положительным героем, воплотившим идеалы самого Пушкина.

Большинство выступивших в прениях указывали на методологическую несостоятельность доклада.

На заседании 14 декабря рассматривался вопрос о современном состоянии памятных пушкинских мест в Ленинграде (доклады М. П. Руденской и М. М. Калаушина).

Участники заседания выразили глубокую обеспокоенность состоянием памятных пушкинских мест.

На заседании 4 января 1957 года с докладом «О проекте восстановления исторических памятников в Пушкинском заповеднике» выступил директор заповедника С. С. Гейченко.

Очередное заседание Пушкинской группы состоялось 5 апреля. На нем выступила Г. И. Назарова с докладом «Нащокинский домик», подробно осветившая историю возникновения и дальнейшую судьбу этого своеобразного памятника быта Пушкинской эпохи.

Л. С. Сидяков

ВСЕСОЮЗНЫЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА

Всесоюзный музей А. С. Пушкина в Ленинграде с его филиалами (музей-квартира А. С. Пушкина, музей-квартира Н. А. Некрасова и Лицей в городе Пушкине), находившийся до этого времени в составе Академии наук СССР, по решению правительства в декабре 1953 года передан был в ведомство Министерства культуры СССР. С этого времени музей является самостоятельным научно-исследовательским и культурно-просветительным учреждением.

Музей собирает, хранит и изучает музейные фонды, организует их экспозиции (постоянные и временные в виде отдельных выставок), заботится о восстановлении и

² Подробнее об этом см. в вышедшей несколько позднее книге Б. В. Томашевского: Пушкин, кн. I, (1813—1824). Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1956, стр. 193—234.

³ Pouchkine, Oeuvres complètes. Publiées par André Meunieux. Préface de Henri Troyat, I, Drame, romans, nouvelles, André Bonne, éditeur, Paris, 1953.

⁴ См. выше, стр. 324—333.

охране мемориальных памятников, входящих в состав музея. Музей издает путеводители, справочники и отдельные исследования, связанные с работой сотрудников музея.

В связи с организацией музея в самостоятельное учреждение при нем с 1953 года учреждена библиотека. В настоящее время библиотечный фонд музея вырос до 23 тысяч библиотечных единиц. Библиотека располагает коллекцией изданий произведений Пушкина от первых прижизненных до изданий нашего времени, справочно-библиографических указателей, а также собранием комплектов русских периодических изданий за полтора столетия. Библиотека получает издания произведений Пушкина, переведенные на языки народов СССР (в счет обязательного экземпляра из Всесоюзной книжной палаты), и зарубежные издания, пересылаемые музеем через ВОКС.

Фонды Всесоюзного музея А. С. Пушкина, состоящие из материалов первостепенного значения и материалов справочного характера (имеющих научно-историческую ценность), насчитывают около 38 тысяч единиц музейного хранения, причем только за последние три года фонды увеличились на 3 тысячи единиц.

С наибольшей полнотой музей стремится собрать в своих фондах изобразительный материал и бытовые предметы пушкинского времени. Приобретены живописные и акварельные портреты: З. А. Волконской, А. И. Истоминой, А. Ф. Смирдина, А. С. Шишкова, Е. П. Ганнибал, Б. К. Данзаса, а также акварель И. В. Малафеева «Первоначальный вид могилы А. С. Пушкина». Из портретов более позднего времени переданы в дар музею фотографии внучки А. С. Пушкина — Наталии Александровны, ее детей и внуков. Из мемориальных вещей — 94 предмета «Нащокинского домика», письменный стол из Триторского, бюро красного дерева из Малинников, бювар Е. П. Ганнибал, лидейская наградная медаль 1817 года; из мемориальных вещей более позднего времени — бумажник, принадлежавший дочери Пушкина — М. А. Гартунг, осколок лидейского колокола (бронза) 38-го выпуска, принадлежавший лицеисту П. М. Азанчеву-Азанчевскому. Среди предметов мебели и убранства пушкинского времени, приобретенных музеем, следует отметить редчайший экземпляр рабочего кресла начала XIX века английского типа (миниатюрная копия подобного кресла сохранилась в кабинете Пушкина в «Нащокинском домике»). Кроме того, музей приобрел рукописи товарища Пушкина по Лицею — И. В. Малиновского (тетрадь-учебник на французском языке 1817 года и список стихотворений Пушкина и Рыльева — 1824 года). Значительно пополнились фонды музея иконографией пушкинских современников и видами пушкинского Петербурга, представленными редкими в настоящее время гравюрами и литографиями.

Из произведений советских художников музей приобрел: 20 оригинальных работ Н. П. Ульянова (живопись и рисунки 1935—1949 годов), 11 работ Г. К. Савицкого (живопись и рисунки 1935—1949 годов), 2 рисунка Д. Н. Кардовского, карточки Н. М. Чернышева и Г. Н. Веселова, акварели и рисунки: Н. М. Коцержина, Д. А. Дубинского, П. П. Соколова-Скала, П. А. Алякринского, серии гравюр на дереве В. А. Фаворского и Ф. Д. Константинова к отдельным произведениям поэта; работы В. В. Мешкова, В. К. Бялинского-Бирули, В. А. Успенского, А. В. Каплуна, Л. С. Хижинского и А. Л. Каплана с изображением памятных пушкинских мест.

Со всех концов Советского Союза музей получает многочисленные фотографии учреждений, носящих имя поэта (школ, библиотек, улиц, клубов, дворцов культуры, пароходов), фотоснимки театральных и кинематографических постановок произведений Пушкина и пьес о нем, портреты артистов-исполнителей.

Музей хранит письма художников, писателей и артистов, рассказывающие об их работе над пушкинскими темами и образами, и автографы переводчиков пушкинских произведений: М. Рыльского, Якуба Коласа, Антанаса Венцловы и др.

Собирательской работе музея содействует и Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. В музей поступают автографы и портреты иностранных писателей и общественных деятелей, изучающих и пропагандирующих Пушкина на своей родине, фотографии учреждений имени Пушкина и памятников поэту за рубежом. Назовем из них: портрет китайского поэта Кэ Чжун-пина и автограф его стихотворения «Пою народного гения — Пушкина» (см. настоящей сборник, стр. 417), портрет и письмо Поля Робсона, портреты с автографами писателей: Джека Линдсея (Англия), Тейна де Фриса (Голландия), Шандора Гергеля (Венгрия), Эденка Неелды, Яна Пиляржа и Вацлава Ржезача (Чехословакия); фотографии памятников Пушкину в Шанхае, с дарственной надписью китайского литературоведа и переводчика Гэ Бао-цюаня, в Бургасе, Вей-маре и др.

Экспозиция музея, посвященная жизни и творчеству великого поэта, размещена в семнадцати залах Государственного Эрмитажа. За последние годы в экспозиции были произведены значительные изменения и дополнения.

В 1954 году в связи со 150-летием со дня рождения М. И. Глинки пополнилась новыми материалами тема «Пушкин и Глинка». Дополнительно экспонированы: портреты первых исполнителей оперы Глинки «Иван Сусанин» (Степановой, Петрова, Петровой-Воробьевой), автограф оперы, копия рисунка Г. Гагарина сцены из оперы и

материалы, характеризующие взаимоотношения Пушкина и Глинки. Среди последних — автографы воспоминаний М. И. Глинки о его встречах с Пушкиным.

В июне 1955 года, к 156-й годовщине со дня рождения поэта, в экспозицию музея были введены новые темы: «Отклики на смерть Пушкина за рубежом», «Юбилей 1899 года за рубежом» и «Переводы Пушкина за рубежом». Здесь представлены: портрет Адама Мицкевича и написанный им 25 мая 1837 года некролог Пушкина, номер чешского журнала «Кветы» 1837 года с напечатанным в нем стихотворением Людовита Штура «Плач над Пушкиным», портреты немецкого литератора Фарнгагена фон Энзе, опубликовавшего в 1838 году статью о творчестве Пушкина, английского писателя Джорджа Борро и других деятелей зарубежной культуры, писавших о Пушкине. В книжной витрине помещены: книга немецкого литератора Кёнига «Literarische Bilder aus Russland» («Русские литературные очерки»), вышедшая в 1837 году в Штутгарте с портретом Пушкина; книги и высказывания о Пушкине П. Мериме, Х. К. Андерсена, национального поэта Финляндии И. Рунеберга, немецкого поэта и переводчика Ф. Боденштедта, болгарского писателя Л. Каравелова. Здесь можно ознакомиться с текстами телеграмм и приветствий, полученных по поводу пушкинского юбилея 1899 года от В. Гюго, А. Теннисона, Э. Золя, Ж. Верна, М. Прево, Э. Ожешко и других писателей. Эти материалы, а также представленные в музее переводы пушкинских произведений на многочисленные языки мира утверждают слова Белинского о том, что Пушкин «не только великий русский поэт своего времени, но и великий поэт всех народов и всех веков, гений европейский, слава всемирная».¹

Заново в экспозицию введены темы: «Пушкинские музеи в Советском Союзе» и «Пушкинские места в изображении советских художников». Интересен монтаж из почтовых марок, вышедших в честь Пушкина не только в Советском Союзе, но и в зарубежных странах.

В 1955 году коренной переработке подверглась экспозиция, посвященная пребыванию Пушкина в ссылке в селе Михайловском. В экспозицию включены автопортрет поэта, сделанный на полях рукописи третьей главы «Евгения Онегина», рисунки Пушкина, изображающие С. А. Пушкина и Анну Вульф, автографы писем и произведений поэта, написанных в Михайловском (все в фотокопиях). Расширены разделы, посвященные интересам Пушкина к народным песням, переписке и свиданиям поэта с друзьями. Экспозиция пополнилась работами некоторых советских художников: картиной Г. К. Савицкого «Прощай, друг!» (1941), посвященной приезду в Михайловское И. И. Пушкина, картиной Л. Бродской «Дом Пушкина в Михайловском» (1949), рисунком Н. П. Ульянова «Пушкин на ярмарке» (1936) и А. Д. Моравова на эту же тему (1949). Экспонированы картины В. К. Бялыницкого-Бирули, автолитография П. Шиллинговского, гравюры Л. Хижинского и фотографии М. Величко, изображающие пушкинские места: Михайловское, Тригорское, Савкину горку. Иллюстрации к «Борису Годунову» пополнились работами П. Соколова-Скала, П. Алякринского. В экспозицию зала, посвященного селу Михайловскому, включена также и картина В. А. Серова «Пушкин в деревне» (1899), ранее находившаяся в другом разделе. Дополнительно представлены книжные издания.

Темы «Южная ссылка», «Восстание 14 декабря» и «Пушкинские спектакли на сцене советского театра» тоже были дополнены новыми экспонатами.

Кроме работы над основной экспозицией, музеем занимается также организацией временных выставок. Так, в 1954 году, в ознаменование трехсотлетия воссоединения Украины с Россией была открыта выставка «Пушкин и Украина», раскрывающая связи Пушкина с украинским народом, его историей и литературой. В декабре 1955 года, в связи со 100-летием со дня смерти Адама Мицкевича, музеем разработан и организовал при участии Государственного Русского музея большую юбилейную выставку памяти великого польского поэта.² Выставка эта, развернутая в залах Русского музея, существовала более полугода.

В экспозиции Лицея за последнее время были произведены дополнения. Включены экспонаты, посвященные лицейским годовщинам, ноты романсов, написанных при жизни Пушкина на его лицейские стихотворения; новыми книгами пополнилась витрина. Включена в экспозицию и приобретенная музеем акварель Д. Н. Кардовского «Пушкин в Царском Селе» (1937).

Научно-издательская деятельность музея за последнее время представлена следующими работами: в 1956 году в новой редакции изданы путеводитель по музею-квартире А. С. Пушкина (составитель Е. В. Фрейдель) и путеводитель по экспозиции Лицея (составитель В. К. Зажурило), в издательстве «Искусство» вышло новое изда-

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. VII, Изд. Академии наук СССР, М., 1955, стр. 104.

² См.: С. С. Ланда. Выставка памяти Адама Мицкевича. Краткий путеводитель. Изд. «Искусство», М., 1955.

ние книги А. М. Гордина «Пушкинский заповедник». Научный коллектив музея провел большую работу по подготовке к изданию каталога всей экспозиции музея. Закончен также написанный группой научных сотрудников путеводитель по Всесоюзному музею А. С. Пушкина.

Музей ведет большую массовую и культурно-просветительную работу. Научные сотрудники проводят экскурсии по музею, читают лекции в учреждениях и на предприятиях Ленинграда, организуют научные заседания и литературно-музыкальные вечера. За консультацией в музей постоянно обращаются научные сотрудники других музеев страны, а также художники, скульпторы, актеры, работающие над созданием образа поэта или героев его произведений. Музей поддерживает тесную связь с коллективом Пушкинского заповедника в Псковской области, оказывая ему помощь в разыскании материалов Пушкинской эпохи, а также в экспозиционной работе. Ежегодно многие тысячи советских граждан и зарубежных гостей проходят через залы музея и его филиалов. В 1955 году только в музей-квартире А. С. Пушкина побывало свыше 69 тысяч посетителей, проведено 1184 экскурсии, а Всесоюзный музей А. С. Пушкина в том же 1955 году посетило 830 тысяч человек и в нем было проведено 3307 экскурсий. Музей пользуется большой любовью среди ленинградцев и многочисленных посетителей из других городов и сел Советского Союза.

За последние годы резко возросло количество зарубежных гостей, побывавших в Пушкинском музее и его филиалах. Туристы из Англии, артисты французского театра, китайские ученые, члены польской делегации, албанские студенты и шведские учителя, индийские и вьетнамские друзья Советского Союза приходят в Пушкинский музей, чтобы больше узнать о жизни и творчестве великого сына русского народа. «Тропу к этому гиганту, — как говорит о Пушкине в письме, адресованном музею, Поль Робсон, — проложили и прокладывают миллионы старых и новых читателей, которые любят его».

А. М. Мухина, О. А. Пини

ПУШКИНСКИЕ ПАМЯТНЫЕ МЕСТА

Москва

Памятник Пушкину. В ночь с 13 на 14 августа 1950 года состоялась передвижка памятника Пушкину работы скульптора А. М. Опекушина. Памятник был сооружен в 1880 году. Первоначально предполагалось установить памятник на Страстной (ныне Пушкинской) площади перед зданием стоявшего тогда монастыря. Но разрешение на это не было дано, и памятник был поставлен у начала Тверского бульвара. В настоящее время на углу улицы Горького и Тверского бульвара выстроен большой многоэтажный дом. Планируется постройка другого многоэтажного дома, по другую сторону бульвара. Таким образом, памятник Пушкину оказался бы между двумя высокими зданиями. Московский Совет депутатов трудящихся принял решение передвинуть памятник на первоначально предназначавшееся для него место, т. е. на площадь Пушкина, которая находится по другую, от Тверского бульвара, сторону улицы Горького.

Памятник, весом вместе с постаментом около 70 тонн, был приподнят на двутавровых металлических балках и установлен на специальные тележки. Благодаря тщательной подготовке, работы по передвижке и повороту памятника лицом к улице Горького заняли всего шесть часов («Вечерняя Москва», 1950, 15 августа). Архитектурные работы по оформлению памятника были закончены 4 сентября 1950 года («Литературная газета», 1950, № 78, 5 сентября; «Известия», 1950, № 212, 6 сентября).

Мемориальные доски. В ознаменование 153-й годовщины со дня рождения Пушкина 6 июня 1952 года было установлено пять мемориальных досок на зданиях, в которых бывал поэт: на доме № 4 по Кривоколенному переулку, где жил поэт Д. В. Веневитинов, у которого в 1826—1827 годах бывал Пушкин и где 12 октября 1826 года он читал «Бориса Годунова»; на доме № 6 по улице Немировича-Данченко (б. Глинищевский переулок), в котором помещалась гостиница «Север» (с 1829 года — «Англия»), здесь Пушкин жил наездами в 1828—1832 годах;¹ на доме № 9 по улице Станкевича, где жил П. А. Вяземский, у которого Пушкин гостил с 14 августа по 1 сентября 1830 года; на доме № 4 по Гагаринскому переулку, где жил П. В. Нащокин; здесь Пушкин бывал в 1831—1832 годах; на доме № 12 по Ворониковскому переулку, где жил П. В. Нащокин, у которого Пушкин гостил с 3 по 20 мая 1836 года. Мемориальные доски сделаны по проектам архитекторов К. Т. Топуридзе и Г. И. Луцкого («Вечерняя Москва», 1952, 6 июня; «Литературная газета», 1952, 7 июня; «Огонек», 1952, № 25).

21 июля 1956 года на доме № 6 по улице В. И. Немировича-Данченко, в доме, где помещалась гостиница «Север», в которой останавливался Пушкин, и где он встре-

¹ Впоследствии на месте этой доски была установлена доска-горельеф (см. ниже).

чался с Адамом Мицкевичем, была установлена вторая мемориальная доска-горельеф в ознаменование 120-летия их встречи.

Горельеф изображает фигуры поэтов во весь рост. На верхней части доски надпись: «В этом доме в 1829 году встречались А. Пушкин и А. Мицкевич». Вызвус доски — пушкинские стихи о Мицкевиче:

Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.

Еще ниже — слова Мицкевича на польском языке: «Знали друг друга недолго, но много. Через несколько дней — они уже друзья».

Автор горельефа — польский скульптор М. Милбергер («Вечерняя Москва», 1956, 21 июля; «Правда», 1956, 22 июля; «Труд», 1956, 22 июля; «Известия», 1956, 22 июля; «Литературная газета», 1956, 24 июля).

Ленинград

Вотчина предков Пушкина. С именем Пушкина связаны многие места Ленинграда и Ленинградской области. Издавна они привлекали внимание исследователей Пушкина — искусствоведов, музейных работников и других.¹ Старший научный сотрудник Архива Академии наук СССР Г. П. Блок сообщил в заметке «Предки великого поэта» полузабытые сведения о том, что еще задолго до основания Петербурга часть земли будущего города принадлежала роду Пушкиных. После присоединения новгородских земель к Московскому государству, за двести лет до основания Петербурга, в 1503 году обширная вотчина крупного новгородского феодала Богдана Есипова, захватывающая всю дельту Невы и прилегающие к ней морские берега, была отдана московским правительством во владение четырем семействам. «Одним из этих семейств являлись Пушкины. Их было четыре брата: Михаил, Яков, Юрий и Федор Андреевичи.² Они не были прямыми предками поэта, но принадлежали, бесспорно, к тому же старому русскому роду, что и А. С. Пушкин. Прямой прапращур поэта, подмосковный помещик Михаил Иванович Пушкин приходился им четвероюродным братом... Сохранилось довольно подробное хозяйственное описание этого района, составленное в 1504—1505 годах финансовыми агентами московского правительства... Неизвестно, какими именно деревнями владели Пушкины. Лишь об одном из упомянутых четырех братьев говорится в документах, он как бы разговаривает с окружающими. Памятник установлен в Неву реки Охты. Отрывок из древней писцовой книги, откуда заимствованы эти сведения, опубликован свыше сорока пяти лет назад.³ Можно не сомневаться, что если бы эта случайно обнаруженная в Киеве ветхая рукопись была известна А. С. Пушкину, она, конечно, оставила бы след в его поэзии» («Вечерний Ленинград», 1953, 10 февраля).

Памятники и скульптуры. 9 октября 1950 года во дворе дома, где находится последняя квартира Пушкина (набережная Мойки, дом № 12), состоялось открытие памятника Пушкину работы ленинградского скульптора Н. В. Дыдыкина, пьедестал работы архитектора Н. А. Медведева. Поэт изображен во весь рост, правая рука его слегка приподнята, он как бы разговаривает с окружающими. Памятник установлен по инициативе и на средства Пушкинского общества. («Вечерний Ленинград», 1950, № 237, 9 октября; «Смена», 1950, № 239, 10 октября; «Известия», 1950, № 244, 13 октября).

¹ За последние годы памятным пушкинским местам Ленинграда и его окрестностей посвящены следующие книги: Пушкинский Петербург. Лениздат, Л., 1949; Л. А. Медерский. Архитектурный облик пушкинского Петербурга. Стенограмма публичной лекции, Л., 1949 (Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний); По пушкинским местам Ленинграда. Литературные экскурсии, Л., 1949 (Отдел культурно-просветительной работы исполкома Ленгорсовета); Н. П. Андиферов. Петербург Пушкина. Госкультпросветиздат, М., 1950; Н. Андиферов. Пушкин в Царском Селе. Госкультпросветиздат, М., 1950; В. К. Зажурило. Лицей. Путеводитель, изд. Пушкинского общества, Л., 1951; Е. В. Фрейдель. Музей-квартира А. С. Пушкина. Путеводитель, изд. Пушкинского общества, Л., 1951; Г. Перцева. Лицейский садик и памятник Пушкину. Путеводитель, изд. Пушкинского общества, Л., 1951, и др.

² См.: Б. Л. Модзалевский и М. В. Муравьев. Пушкины. Родословная роспись. Изд. Академии наук СССР, Л., 1932 (на правах рукописи), стр. 14, №№ 114—117.

³ А. М. Гневусhev. Отрывок писцовой книги по Водской пятине. Киев, 1908; см.: Б. Л. Модзалевский и М. В. Муравьев. Пушкины. Родословная роспись, 1932, стр. 7.

В мае 1954 года в бронзолитейной мастерской Академии художеств СССР была завершена отливка еще одного такого же памятника для литературно-мемориального музея А. С. Пушкина и П. И. Чайковского в Каменке Черкасской области («Вечерний Ленинград», 1954, 28 мая).

В ознаменование 155-летней годовщины со дня рождения поэта в Доме культуры трудовых резервов была установлена бронзовая скульптура юного Пушкина работы Г. Д. Гликмана («Вечерний Ленинград», 1954, 28 мая).

К этой же дате был реставрирован памятник-obelisk на месте дуэли Пушкина у Черной речки, сооруженный в 1937 году по проекту народного художника РСФСР М. Манизера и архитектора А. Лапирова («Вечерний Ленинград», 1954, № 134, 8 июня).

В Ленинградском метрополитене имени В. И. Ленина, на станции «Пушкинская», установлена скульптура А. С. Пушкина работы скульптора М. Аникушина («Вечерний Ленинград», 1955, 13 сентября; «Строительный рабочий», Л., 1955, 10 декабря).

Могила А. П. Ганнибала. Вблизи станции Суйда Гатчинского района, в селе Воскресенском, было имение прадеда Пушкина Абрама Петровича Ганнибала. Здесь он жил последние годы своей жизни, здесь же находится и его могила. В июне 1953 года над могилой А. П. Ганнибала было установлено надгробие со следующей надписью: «Здесь похоронен выдающийся русский математик, фортификатор и гидротехник, прадед А. С. Пушкина Абрам Петрович Ганнибал (1697—1781)» («Гатчинская правда», 1953, № 122, 23 июня).

На родине Арины Родионовны. Село Воскресенское Гатчинского района является родиной няни Пушкина Арины Родионовны. 20 июня 1954 года в ознаменование 155-летней годовщины со дня рождения поэта на здании начальной школы села была установлена мемориальная доска с надписью: «В селе Воскресенском 10 апреля 1758 г. родилась и до 1781 г. жила няня А. С. Пушкина — Арина Родионовна Яковлева (1758—1828)» («Ленинградская правда», 1954, 23 июня).

Е. М. Хмелевская

Кишинев

К 111-й годовщине со дня смерти А. С. Пушкина, 10 февраля 1948 года, в городе Кишиневе, в доме И. Н. Наумова (Антоновская ул., № 19), в котором проживал Пушкин с 21 сентября до середины ноября 1820 года, был открыт Дом-музей А. С. Пушкина.

Экспозиция Дома-музея посвящена жизни и творчеству поэта. Значительное место в экспозиции музея занимает раздел «Пушкин в Молдавии». Здесь экспонируются десять картин художника Б. Лебедева: «Пушкин у дома Наумова», «Пушкин у виноградарей», «Пушкин и молдавский писатель Стамати», «Пушкин и декабристы» и др. Интересными экспонатами являются: картина молдавского художника М. Аникеева «Пушкин в Молдавии», Л. Грегоращенко — «Гайдуки», заслуженного деятеля искусств Молдавской ССР Васильева — «Село Долда» (ныне село Пушкино), А. Шубина — бронзовые барельефы: «Пушкин слушает „Дойну“», «Бой Руслана с Черномором» и др. Из скульптур в музее экспонируются: копия с бюста А. С. Пушкина работы Витали и проект памятника Пушкину И. Д. Шадра. В 1956 году приобретена скульптура молдавского мастера К. С. Кобизевой «Пушкин слушает „Дойну“». Экспонируются также номера журналов «Сын отчества» за 1820 год и «Сын отчества и Северный архив» за 1831 год, в которых впервые помещены: третья часть поэмы «Руслан и Людмила» и критические разборы — поэмы «Руслан и Людмила» и трагедии «Борис Годунов». В библиотеке музея хранится книга молдавского писателя-классика, современника Пушкина Константина Негруци «Грехи молодости» («Пэкателе тинерецилор»), 1857 года, в которой помещен перевод стихотворения Пушкина «Черная шаль» («Shalul negru»), а также рассказ К. Негруци о встрече его с Пушкиным.

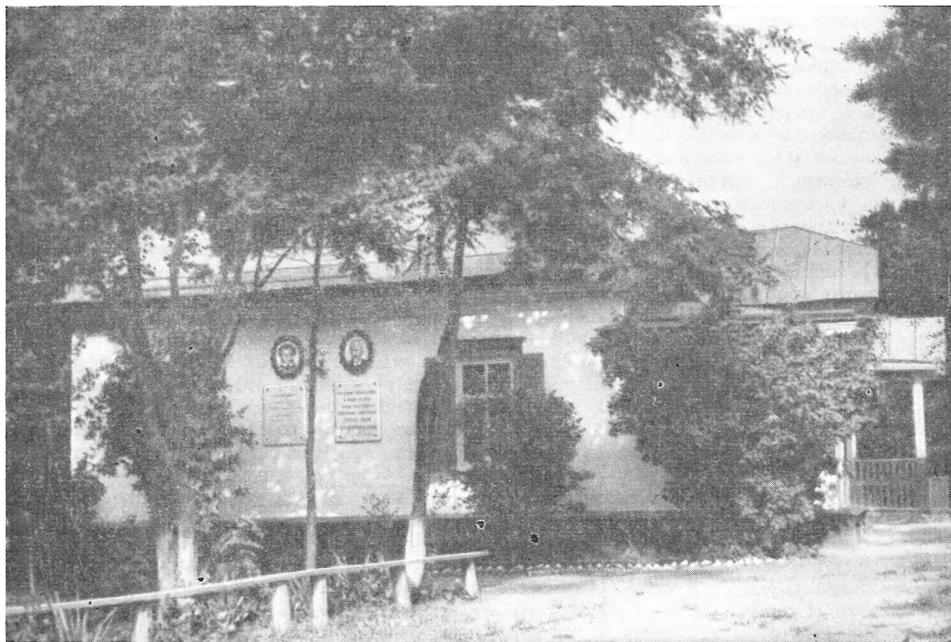
В ознаменование 155-летней годовщины со дня рождения А. С. Пушкина Институтом истории, языка и литературы Молдавского филиала Академии наук СССР и Пушкинской комиссией при Одесском доме ученых была впервые проведена в Кишиневе 19—21 июня 1954 года совместная Пушкинская конференция. На конференции были прочитаны доклады о жизни и творчестве поэта пушкинистами Молдавии и Украины. Эти Пушкинские конференции стали традицией: в 1955 году Пушкинская конференция состоялась в Одессе, а в 1956 году снова в Кишиневе.

А. Сухомлинов

Каменка

Среди многих мест Украины, где бывал Пушкин, город Каменка (ныне районный центр Черкасской области) заслуживает особого внимания. Здесь, в живописном имении Давыдовых, Пушкин гостил дважды: с ноября 1820 по конец марта 1821 года и в ноябре 1822 года.

В 20-х годах прошлого века Каменка была одним из центров Южного общества декабристов, а ее гостеприимный хозяин Василий Львович Давыдов одним из ревностных его участников. К нему часто собирались декабристы по делам Общества, используя семейные праздники, чаще всего в ноябре, когда отмечали именины Екате-

Государственный литературно-мемориальный музей А. С. Пушкина и П. И. Чайковского в Каменке. Фотография. 1954.

рины Николаевны Давыдовой — матери декабриста. Общество декабристов, «лучших людей из дворян», и привлекало Пушкина из Кишинева в Каменку. Об одной из встреч Пушкина с декабристами в Каменке рассказал в своих воспоминаниях декабрист И. Д. Якушкин (Записки, статьи, письма И. Д. Якушкина. М., 1951, стр. 40—43).

Невдалеке от Каменки расположена Болтышка, имение генерала Н. Н. Раевского, близкого родственника Давыдовых, в семье которого Пушкин провел «счастливейшие минуты жизни» во время поездки на Кавказ и Крым летом 1820 года. Раевские были постоянными гостями в Каменке.

В первый свой приезд в Каменку Пушкин окончил поэму «Кавказский пленник» и написал два стихотворения: «Редеет облаков летучая гряда...» и «Я пережил свои желанья...» О своем пребывании в Каменке поэт сообщал Гнедичу в письме от 4 декабря 1820 года. У Давыдовых была богатая библиотека, которой пользовался Пушкин. В 1920 году два каменских учителя, делая отбор книг в библиотеке Давыдовых, на полях некоторых книг на французском языке обнаружили пометки и замечания, по их утверждению, сделанные рукой Пушкина. Между прочим, они прочли две строчки стихотворения:

Ваш тихий, милый Каменград
Я покидать совсем не рад.

(«Коллективна праця», 1936, 16 февраля). До наших дней в Черкасском государственном областном архиве в фонде Давыдовых сохраняется «Журнал исходящих бумаг Каменской экономической конторы Давыдовых» за 1808, 1821, 1823 годы. Ежедневная

запись всех важных распоряжений в имени Давыдовых служит прекрасным комментарием для характеристики хозяйственного и культурного быта Каменки в период пребывания Пушкина и декабристов. Частично эти материалы опубликованы в книге: О. С. Пушкин. Статті та матеріали. Изд. Академии наук УССР, Киев, 1938, стр. 162—169.

Жители Каменки, как и весь украинский народ, бережно и с любовью сохраняют места и памятники на Украине, связанные с именем великого русского поэта.

В 1937 году в Каменке, в уездевшем «Зеленом домике» декабриста В. А. Давыдова, который служил местом развлечений гостей и где часто работал Пушкин, был открыт Государственный литературно-мемориальный музей А. С. Пушкина. Через три года в экспозиции и названии музея произошло важное изменение. Рядом с именем Пушкина появилось имя великого русского композитора Петра Ильича Чайковского. Сестра композитора, Александра Ильинична, была замужем за сыном декабриста В. А. Давыдова, и в их семье подолгу гостил и работал П. И. Чайковский. В 100-летнюю годовщину со дня рождения композитора, в 1940 году, Музей А. С. Пушкина, согласно постановлению правительства, включил в свою экспозицию материалы о жизни и творчестве Чайковского и стал именоваться Государственным литературно-мемориальным музеем А. С. Пушкина и П. И. Чайковского.

Во время фашистской оккупации 1941—1943 годов музей был разграблен и уничтожен. «Зеленый домик», как и усадьба музея, был поврежден. После освобождения начались восстановительные работы. Музей был вновь открыт в мае 1947 года, в 107-ю годовщину со дня рождения П. И. Чайковского.

В настоящее время музей имеет три отдела: 1) жизнь и творчество А. С. Пушкина; 2) жизнь и творчество П. И. Чайковского; 3) увековечение памяти Пушкина и Чайковского народами Советского Союза.

В семи залах экспозиции музея представлено около 1500 экспонатов. Здесь находятся редкие издания произведений поэта: «Кавказский пленник» (1822), «Братья разбойники» (1827), «Стихотворения» (1826), «Евгений Онегин» (1825), первые прижизненные переводы произведений Пушкина на украинский язык, также рукописные списки глав «Евгения Онегина» и других произведений, ходившие по рукам на Украине.

В музее собраны репродукции рисунков и автографов великого поэта, произведения дореволюционных художников и скульпторов на темы из жизни и творчества Пушкина.

Центральное место в экспозиции музея занимает раздел «Пушкин и Украина». Здесь широко показаны связи Пушкина с Украиной, его интерес к истории Украины, отображена вековая дружба украинского и русского народов. Материалы музея рассказывают о влиянии Пушкина на творчество народного поэта Украины Т. Г. Шевченко, Ивана Франко, Леси Украинки, Павла Грабовского, показаны и дореволюционные переводы произведений Пушкина на украинский язык.

В экспозиции музея представлены оригинальные картины украинских художников и копии. Среди них: «Пушкин среди декабристов в парке Давыдовых» — К. Крылова, «Пушкин на скале реки Тясмин» — И. Лося, «Пушкин в Одессе» — Попова, «Пушкинская скала» — Л. Чичкана, «Смерть поэта» С. Беседина, портрет Пушкина 20-х годов — Л. Бойченко, и др. Из скульптурных произведений: «Пушкин и Мицкевич», «Пушкин на берегу Невы» — украинского скульптора академика М. Лысенко, бюст Пушкина работы скульптора А. Ковалева, «Александр Одоевский» и бронзовая фигура Пушкина — скульптора Н. Дыдыкина, «Пушкин и няня» (фарфор) — Я. ТROUPЯНСКОГО.

Много оригинальных экспонатов собрано в отделе «Увековечение памяти Пушкина народами нашей страны», и в частности на Украине. Фотографии, представленные в экспозиции, демонстрируют любовь украинского народа к великому русскому поэту. Они изображают юбилейные пушкинские вечера и митинги в 1937 году и заседание Пушкинского юбилейного комитета УССР в Киеве и Каменке в 1949 году, предприятия и учреждения, носящие имя поэта, памятники Пушкину на Украине: в Одессе, Днепропетровске, Кадиевке, Киеве, Харькове, Житомире, Каменке, Ворошиловграде и др. Много места уделено теме «Пушкин на сцене украинского театра», а также «Пушкин в музыке». Экспонируются клавиры балетов и романсы советских композиторов, написанных на пушкинские темы, и среди них рукописные и печатные издания произведений композиторов Украины — В. Косенка, Б. Лятошинского, Ф. Надененка, Ф. Козичкого, Ю. Мейгуса, Е. Юцевича и др. В отдельных витринах показаны переводы произведений Пушкина на различные языки народов СССР и стран народной демократии — Китая, Польши, Чехословакии, Румынии.

Отдельный зал музея отведен замечательным произведениям мастеров народного творчества: портреты Пушкина (вышивка гладью) Т. Левичкой и Е. Костыркиной, «Сказка о рыбаке и рыбке» (вышивка крестом) К. Гавриленко, портреты Пушкина и Чайковского (выжигание по дереву) художницы О. Грицай, вазы с барельефом Пушкина — работы ополчанских мастеров, юбилейный чайный сервиз на темы пушкинских произведений — художника Коростенского фарфорового завода Архиреева, шкатулки

с рисунками на пушкинские сюжеты палехских мастеров, художественные произведения и фотокерамические работы Киевского и Ленинградского фарфоровых заводов.

Каменский музей А. С. Пушкина и П. И. Чайковского пользуется большой популярностью. За двадцать лет существования музея в нем побывали сотни тысяч советских людей из разных концов нашей Родины, а также гости из Польши, Румынии, Чехословакии.

Продолжением экспозиции музея служат сохранившиеся на территории Каменки архитектурные памятники пушкинских времен: напротив музея большой парк имени Декабристов, в нем искусственный грот, называемый Пушкинским гротом; на реке Тясьмин — Пушкинская скала, где, по преданию, любил отдыхать поэт. Среди высоких современных построек сахарного завода сохраняется небольшая оригинальной формы круглая башенка, которую народ прозвал «мельничкой декабристов», упорно связывая с этим памятником первый донос на декабристов — Шервуда. В парке и в усадьбе музея сохранилось много старых дубов, современников не только Чайковского, но и Пушкина. В центре парка — памятник Пушкину с надписью: «В Каменке, находясь в ссылке, пребывал в гг. 1820, 1821, 1822 великий русский поэт А. С. Пушкин. 10 февраля 1937 г.».

Память о пребывании Пушкина в этих местах свято хранит советский народ. Из поколения в поколение передаются различные варианты народных преданий о поэте. Большинство их опубликовано в юбилейный год в книге «Пушкин, Шевченко, Горький в народных пересказах» (Киев, 1937) и в местной прессе.

Пушкинские места в Каменке стали любимым местом отдыха и развлечений трудящихся.

М. А. Шкалиберда

Тульчин

Тульчин — живописный городок Винницкой области УССР — тесно связан с декабристами и Пушкиным. В этом городке много старинных зданий и различных памятников старины, превращающих его в исторический музей. В XVII веке это был один из центров борьбы украинского народа против польской шляхты. В XVIII веке здесь жил А. В. Суворов. С начала 20-х годов XIX века Тульчин был главным центром Южного общества декабристов.

Здания, улицы и другие памятные места еще и в наши дни напоминают о деятельности здесь декабристов и о пребывании Пушкина.

По улице Пестеля сохранился домик, в котором жил Пестель. Домик расположен на окраине города, на берегу реки, в садике. Рядом с домиком находится подвальное помещение, связанное подземным ходом с подвалом под домом. Существуют легенды, что здесь происходили совещания декабристов и что якобы там же находилась их типография.

По распространенным донным преданиям, сохранившимся в Тульчине, в этом именно домике Пушкин встречался с Пестелем. С пребыванием здесь Пушкина старожилы связывают растущие около домика липы, сад, аллеи и даже указывают на окно, через которое якобы Пушкин разговаривал с Пестелем.

Сохранилось также здание, где помещался штаб второй Южной армии и квартира начальника штаба Н. Д. Киселева. По свидетельству декабриста Н. В. Басаргина в его «Записках», бывал здесь и Пушкин.

С восточной части города открывается живописная панорама на Белоусовские горы — «холмы», которые нашли отражение в десятой главе «Евгения Онегина».

В центре города, в старинном ампирином здании, где, по народным преданиям, собирались декабристы, в настоящее время размещается Краеведческий музей. Его богатые фонды по истории и этнографии края погибли во время второй мировой войны.

В музее создана экспозиция, посвященная декабристам и их связям с Пушкиным. Музей вызывает большой интерес у посетителей, особенно отдел, где отражена деятельность декабристов и Пушкина.

В 1956 году места, связанные с декабристами и Пушкиным, посетило около 20 тысяч человек.

Для создания расширенной полноценной экспозиции и увековечения памяти декабристов и Пушкина следовало бы передать музею дом, в котором жил представитель первых благовестителей свободы Павел Иванович Пестель.

М. И. Недобой

Одесса

В марте 1950 года закончено восстановление разрушенного гитлеровскими оккупантами дома № 13 по Пушкинской улице, в котором жил Пушкин в 1823—1824 годах («Литературная газета», 1950, № 23, 18 марта). На доме установлена мемориальная

доска с надписью: «В цьому будинку під час заслання в 1823—24 рр. жив і працював великий російський поет О. С. Пушкін».

На улице Карла Маркса под № 14 стоит дом, в котором во время южной ссылки останавливался Пушкин. В этом же доме некоторое время жил Адам Мицкевич. Позднее в этом доме жил Д. И. Менделеев, а в 1927—1928 годах — Георгий Димитров («Правда Украины», 1956, 5 сентября).

В мае 1955 года в Одессе состоялась вторая Пушкинская объединенная конференция, участниками которой были представители четырех городов Украины и Молдавии: Одессы, Кишинева, Черновца и Ворошиловграда. Были прочитаны доклады: председателя Пушкинской комиссии при Одесском доме ученых Э. А. Бориневич-Бабайцевой — «Высылка Пушкина из Одессы в 1824 году», С. Я. Борового — «Литературная Одесса времен пребывания Пушкина и Мицкевича», Н. Н. Фатова — «Эзопов язык Пушкина», В. В. Мартынова — «Творческие взаимосвязи лирики Пушкина и Мицкевича», Г. Ф. Богача — «Молдавские фольклорные варианты баллады о двух разбойниках», А. К. Пензул — «Пушкин и К. Стамати», В. В. Гацак — «Пушкин и К. Негруци», Б. А. Трубецкого — «Кишиневские знакомые Пушкина», Л. А. Аксенова — «Пушкин и молдавская народная песня», Н. Ф. Таточко — «Пушкин и искусство Молдавии» и др. («Советская Молдавия», 1955, 31 мая).

Бахчисарай

В Бахчисарайском музее-дворце с 1949 года существует постоянная выставка «Пушкин в Крыму». С 1955 года оборудована новая экспозиция выставки на тему «А. С. Пушкин в ссылке на юге» («Слава Севастополя», 1955, 29 июня).

Е. М. Хмелевская

Пушкинский заповедник Псковской области

Пушкинский государственный заповедник входит в состав Пушкиногорского района Псковской области. Низовье неширокой реки Сороти, впадающей в реку Великую, небольшие озера вблизи Сороти; древние городища Воронич и Савкина Горка; парки, сады и леса угодий Михайловского, Петровского, Савкина; старый Святогорский монастырь с могилой Пушкина у древнего собора на Синичьей Горе, — вот что представляет собой Пушкинский уголок на пространстве свыше 600 гектаров. В 1899 году Михайловское было приобретено в государственную собственность у сына Пушкина, Григория Александровича. В 1922 году постановлением Совета Народных Комиссаров Михайловское, Тригорское и могила Пушкина были объявлены Государственным заповедником. В 1936 году к Заповеднику была присоединена вся территория Святогорского монастыря, Петровское и Савкино.

В 1937 году, к столетию со дня смерти великого поэта, в Заповеднике были проведены большие восстановительные работы, создан музей, библиотека, приведены в порядок парки и многочисленные исторические памятники.

Пушкинский заповедник сильно пострадал в годы фашистской оккупации (1941—1944). В основном он был восстановлен в 1949 году Академией наук СССР ко дню всенародного чествования памяти Пушкина в 150-летнюю годовщину со дня его рождения. Но и в последующие годы в Заповеднике продолжались работы, имевшие целью, по возможности, воссоздать пушкинские места в современном Пушкину виде.

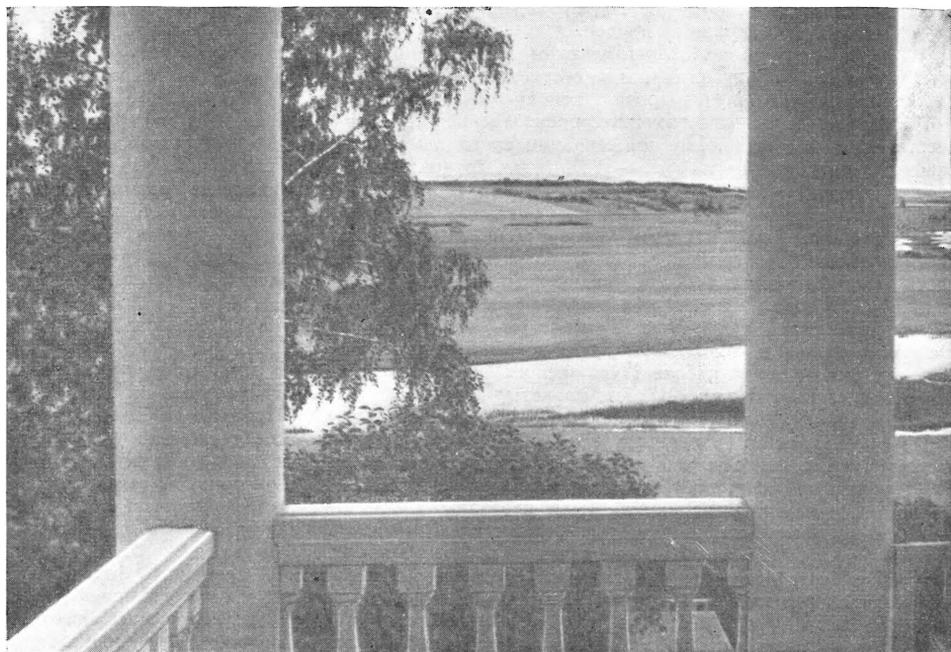
В 1951 году в парке Михайловского на каменном фундаменте, обнаруженном еще в 1936 году, была восстановлена пушкинская беседка.

Летом 1952 года произведено археологическое обследование фундаментов господских домов в Воскресенском, Петровском и Тригорском. При проведении этих работ обнаружен целый ряд бытовых предметов пушкинского и допушкинского времени и элементы отделки помещений. На основании археологических данных были составлены планы фундаментов зданий и их описания.

Осенью 1953 года произведена реставрация памятника на могиле Пушкина. Под действием взрывной волны при обстреле Святогорского монастыря в 1944 году памятник отклонился от своей оси и стал постепенно спускаться под откос. Одновременно с реставрацией пушкинского надгробия были произведены работы по укреплению склепа, в котором находится прах Пушкина. В процессе подготовительных работ удалось установить новые данные об авторе памятника, художнике А. Пермагорове. В некрополе Александров-Невской лавры были обнаружены два подписных мраморных памятника, сооруженных Пермагоровым в начале XIX века. В архиве игумена Святогорского монастыря, хранящемся в Пскове, обнаружен документ, из которого следует, что отец и мать А. С. Пушкина похоронены под теми же плитами, под которыми покоится прах деда и бабки Пушкина, Осипа Абрамовича и Марии Алексеевны Ганнибал. На городище

Михайловское. Фотография. 1956.

Михайловское. Вид на реку Сорочь с балкона дома. Фотография. 1956.

Воронич было восстановлено мраморное надгробие П. А. Осиповой, в 1944 году почти полностью уничтоженное прямым попаданием артиллерийского снаряда.

В том же 1953 году группой топографов и сотрудников Заповедника было произведено инструментальное сличение данных плана и межевого описания села Михайловского, исполненных в 1785 году, с натурой. В результате этого сличения удалось совершенно точно установить границу «владений дедовских» и уточнить направления дорог, ведущих из Михайловского.

В 1953—1954 годах в рощах Михайловского было произведено обследование древних курганов. Результаты этого обследования показали, что в Михайловском находится не три кургана, как это считалось до сих пор, а свыше тридцати, в том числе имеются курганы раннеславянские (кривичские) и великокняжеского периода. Открытие этих курганов, большинство которых очень хорошо сохранилось, вносит ценный корректив в чтение известных стихов Н. М. Языкова, посвященных этим местам:

В стране, где вольные живали
Сыны воинственных славян.

В 1954 году Лабораторией аэрометодов Академии наук СССР сделана генеральная аэрофотосъемка территории Заповедника, в масштабе 1 : 5000 и 1 : 10000, и в более крупном масштабе — съемка центральных частей угодий Михайловского, Тригорского и Петровского. На основании данных аэрофотосъемки 1954 года летом 1956 года удалось обнаружить в селе Михайловском местоположение пушкинской часовни. При проведении археологической раскопки этого места обнаружены четкие ряды камней фундамента — вещественные остатки исчезнувшего памятника. Удалось установить со всей очевидностью, что Еловая аллея при Пушкине была значительно длиннее, чем сейчас. Удалось также установить местоположение в селе Михайловском ныне исчезнувших хозяйственных построек, существовавших в пушкинское время.

В 1954—1956 годах было произведено обследование памятных пушкинских мест, находящихся далеко за пределами Заповедника. Были осмотрены имения А. Н. Пещурова (Лямоново), П. С. Пушина (Жадрицы), Бухарова (Михалево), Вревских (Голубово) и др. Несмотря на сильный урон, причиненный этим местам войной 1941—1944 годов, в них сохранилось много интересного: парки, угодья, архитектурные сооружения. Всё это было описано, сфотографировано, запечатлено на киноплёнках. Проведены большие работы по оздоровлению парков и рощ, по общему благоустройству территории. В 1954 году в селе Михайловском построена электростанция со скрытой электропроводкой, оборудован водопровод, при помощи которого удалось поднять зеркала высыхающих парковых прудов.

В 1955 году в селе Михайловском на сохранившихся камнях старого фундамента, обнаруженных при раскопках, и в соответствии с изображением усадьбы Михайловского на литографии Г. Александрова, пополненной по рисунку с натуры И. И. Иванова в 1837 году, и описью имения, произведенной 19 мая 1838 года, в центре усадьбы восстановлен флигелек. При реставрации этого памятника учтены принципиальные соображения, высказанные в 1937—1938 годах специалистами-пушкиноведами. Как известно, этот флигелек, в котором помещались кухня и людская, в пушкинское время являлся частью господского дома села Михайловского. Во время проведения реставрационных работ в земле были найдены многочисленные фрагменты бытовых предметов пушкинского времени (кухонной и столовой посуды). С восстановлением флигелька центральная часть усадьбы приняла более законченный вид и теперь вполне соответствует изображению 1837 года.

В недалеком будущем в Тригорском начнутся работы по восстановлению дома Осиповых-Вульф и знаменитой пушкинской баньки.

Большое место в работе Пушкинского заповедника уделено экспозиции музеев села Михайловского и Святогорского монастыря. Экспозиция Михайловского в настоящее время подчинена основной теме — «Жизнь и творчество Пушкина Михайловского периода». Всё, не относящееся к этой теме, из экспозиции музеев исключено. Дом-музей и домик няни пополнились коллекцией пушкинских предметов, поступивших в 1951—1952 годах из вильнюсского имения жены сына Пушкина Григория Александровича, Варвары Алексеевны. Вещи эти были переданы Заповеднику в соответствии с заведательным распоряжением Варвары Алексеевны. В домик няни поступила шкатулка Арины Родионовны, которая хранилась у наследников Н. М. Языкова. В воссозданном флигельке сосредоточены подлинные предметы пушкинского времени, бывавшие в помещичьих домах Псковщины, в частности вещи, о которых упоминает опись опеки Пушкина 1838 года. Работы по реставрации комнат в их прежнем виде продолжаются: в 1955 году восстановлено зальце, а в 1956 году — девичья комната. В мемориальном плане обставлены кабинет Пушкина и домик няни. Кабинет поэта пополнился портретом Байрона, принадлежавшим Пушкину. Из Всесоюзного музея А. С. Пушкина в Ленинграде поступили оригинальные портреты Е. П. Ганнибал, М. А. Пушкиной. Продолжает по-

полняться библиотека поэта. Недавно из Италии от профессора Ло Гатто, посетившего Михайловское в июне 1956 года, были присланы в дар Заповеднику пять томов трагедий Альфиери в издании конца XVIII века.

Наряду с постоянной экспозицией, в специальном выставочном зале, находящемся в Пушкинских Горах, в 1951—1956 годах организованы долговременные выставки: «Пушкин и народное творчество», «Пушкинский заповедник в творчестве советских художников» и «Пушкин в странах народной демократии».

Ежегодно в творческую командировку в Заповедник приезжают многие деятели искусства и литературы. Художники С. Герасимов, В. Мешков, Ю. Непринцев, А. Самохвалов, Т. Веселов, Н. Шестопалов и многие другие написали ряд картин и этюдов на михайловские темы. Несколько работ этих художников помещены в экспозиции Дома-музея. Частыми и желанными гостями Заповедника являются писатели и поэты нашей родины. Многие из них написали стихи, посвященные заповедным пушкинским местам (М. Рыльский, Вс. Азаров, Е. Рывина, Г. Семенов, И. Виноградов и др.).

Число посетителей Заповедника растет из года в год. Только за летний экскурсионный сезон 1956 года в нем побывало около 70 тысяч трудящихся со всех концов СССР. К услугам приезжающих в Заповеднике имеется гостиница и Дом туриста ВЦСПС.

Как большой народный праздник отмечается в Михайловском ежегодно день рождения поэта. В этот день в Заповедник прибывают десятки тысяч человек из Псковской, Великолукской, Новгородской и Ленинградской областей, из Москвы, Латвии и Эстонии. В проведении традиционного праздника принимают участие научные работники Пушкинского Дома Академии наук СССР, Всесоюзного музея А. С. Пушкина, писатели, художники, артисты. Широко отмечаются в Заповеднике годовщины смерти Пушкина и ссылки его в Михайловское. Коллектив научных работников Заповедника ведет работу по широкой популяризации творчества Пушкина. В Заповеднике систематически работает лекторий, в котором читаются лекции, доклады, сообщения. Такие же лектории работают в Доме туриста и районном Доме культуры имени А. С. Пушкина.

В помощь экскурсанту и туристу Заповедник ежегодно печатает массовым тиражом краткие путеводители по пушкинским местам. Псковиздат, Ленизо и издательство «Советский художник» систематически выпускают массовым тиражом открытки с видами Заповедника.

С. С. Гейченко

Болдино

Заповедник А. С. Пушкина в районном центре Горьковской области, селе Большое Болдино, существует с 1945 года. В его состав входят усадьба, парк площадью в 8,5 гектаров и роща «Лучинник» площадью в 28 гектаров.

Относительно сохранности дома, в котором жил Пушкин, существует два мнения. По мнению одних исследователей, сохранившийся до настоящего времени большой господский дом, в котором теперь расположена средняя школа, выстроен в 1846 году на месте старого, где жил поэт. По народным же преданиям, подтвержденным в 1948 году архитектором Вагиным, специально занимавшимся этим вопросом, дом этот, только несколько перестроенный, и есть тот самый, в котором жил Пушкин. В 1937 году 10 февраля на доме установлена мемориальная доска с надписью: «Болдино. А. С. Пушкин провел осени 1830, 1833, 1834 гг. Здесь им написаны Повести Белкина, Моцарт и Сальери, Скупой рыцарь, Пир во время чумы, Домик в Коломне и другие произведения».

В 1941 году 10 февраля перед зданием Райсовета был открыт памятник Пушкину работы скульптора С. Меркулова.

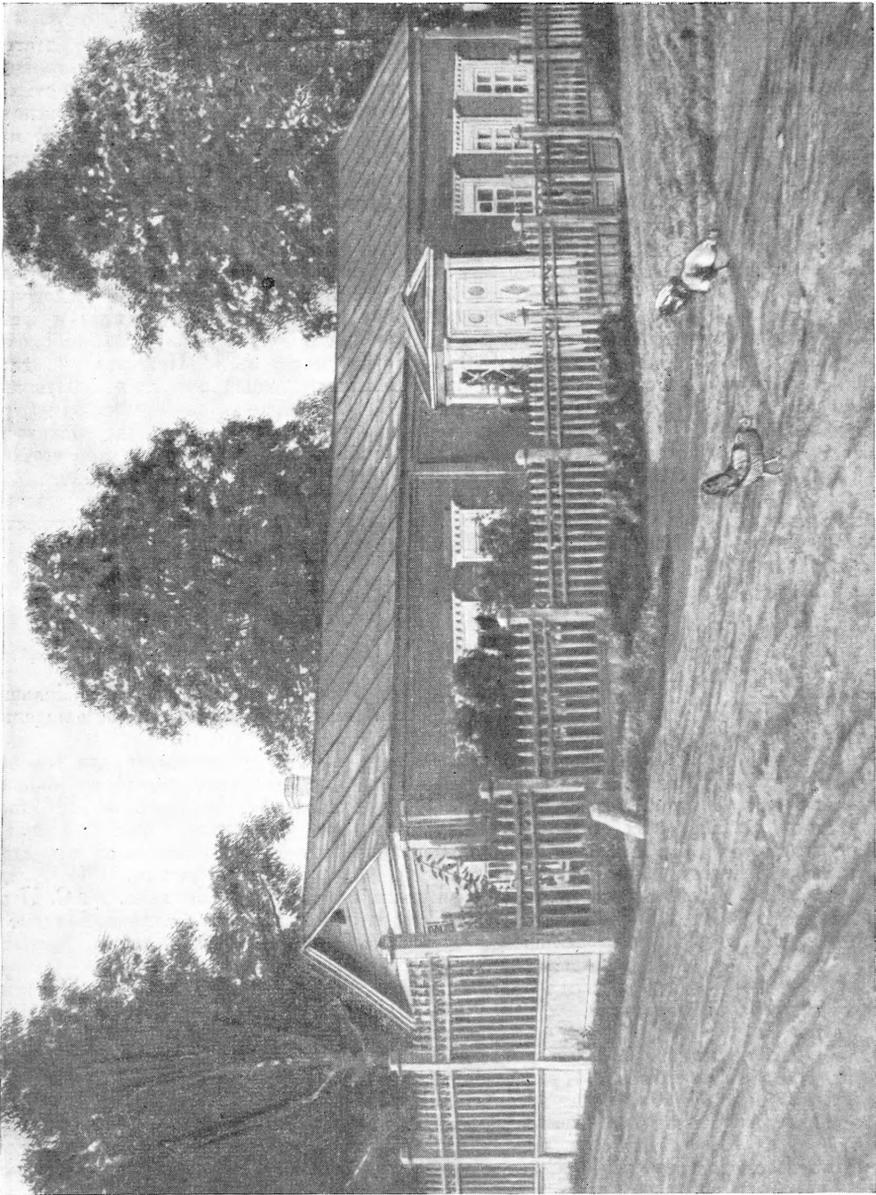
Музей. В 1949 году 18 июня в уцелевшем со времен Пушкина здании, бывшей вотчинной конторе, начал работу музей заповедника. При открытии музея присутствовал правнук поэта Григорий Григорьевич Пушкин.

В музее экспонируются книги, рукописи, картины, отражающие жизнь и творчество поэта, причем особое внимание уделено произведениям Пушкина, написанным в Болдине в 1830, 1833 и 1834 годах. Отдел «Пушкин и наша современность», расширенный в 1953 году, освещает темы: «Советское пушкиноведение», «Пушкин на советской сцене», «Пушкин в произведениях советских художников» и т. д. Подлинных мемориальных предметов в музее не имеется. Экспонаты представляют собой копии работ различных художников и предметы домашнего обихода времен Пушкина: диван, трюмо, ларец, подсвечники и т. д.

Мемориальную ценность представляют как сам заповедник, так и расположенные неподалеку места, связанные с именем поэта, — Кистенево, Малое Болдино, Львовка, Лукьяново и др. С именем Пушкина местные жители связывают ряд народных рассказов и преданий. Утверждают, например, что лиственница перед домом и куст барбариса на берегу пруда были посажены самим поэтом, что дерновая скамья в парке

была его любимым местом отдыха. Жители Болдина убеждены, что где-то недалеко от их села жили и Дубровский, и Троекуров (Е. Дунаева. Болдино. 1951, стр. 140—141).

В 1951 году в парке заповедника был открыт памятник поэту работы скульптора

Музей А. С. Пушкина в Болдино. Фотография. 1949.

Н. Чугурина («Горьковская коммуна», 1951, 14 сентября). В июне 1953 года в парке, рядом с музеем, был установлен новый бюст Пушкина («Горьковская правда», 1953, 11 июля). В 1953 году музей-заповедник посетило 8060 человек, в 1954 — 12800, в 1955 — 10880, в 1956 — 10672 человека.

Кроме повседневной экскурсионной работы, сотрудники музея проводят большую массовую работу среди местного населения. Ежегодно музей отмечает памятные даты

из жизни поэта — день его рождения, приезды в Болдино, день смерти: читаются лекции и доклады о Пушкине, организуются литературные вечера, выездные выставки, народные гулянья и т. д. 3 сентября 1955 года торжественно отмечалось 125-летие со времени первого приезда поэта в Болдино.

Ф. Е. Краско

Полотняный завод

Старинное фабричное село Полотняный завод Калужской области, связанное с воспоминаниями о Пушкине, было сожжено дотла фашистами в 1941 году. Ныне поселок вновь отстроен. Расширена восстановленная с первых дней освобождения бумажная фабрика (полотняная фабрика прекратила свое существование во второй половине XIX века), построены кинотеатр, рабочий клуб, амбулатория, магазины, библиотеки, жилые дома. По количеству домов поселок стал больше, чем был до войны.

В бывшем доме Гончаровых, в котором останавливался поэт, до 1941 года размещалась Полотнянозаводская средняя школа; с 1937 года в нем существовала комната-музей А. С. Пушкина. Дом был сожжен на третий день прихода фашистов в село, от него остался лишь остов. В настоящее время, скрытый деревьями, он кажется со стороны калужской дороги неповрежденным; кое-где видны остатки прежних стен и каминов, между которыми зеленеют деревья. Вокруг дома уцелели белокаменные постройки. Так называемые Спасские ворота (въезд в усадьбу) мало изменились со времен Пушкина. Примыкавшие к ним церковь и родовое кладбище Гончаровых уничтожены; сохранились лишь ступени, могильные плиты и часть ограды.

Рядом со Спасскими воротами — вход в Полотнянозаводскую бумажную фабрику. Среди новых фабричных зданий выделяется небольшое здание с колоннами. Это бывшая так называемая «заправильная». Здесь во времена деда Н. Н. Гончаровой заправляли лампы для освещения цехов. Неподалеку от фабрики, на реке Суходрев, сохранились остатки плотины, поставленной присланными Петром I голландскими мастерами. Сохранились расположенные возле дома манеж, «дворня» (дом для крепостных дворовых крестьян), ворота в парк, каретник, конюшни, телятник, остатки оранжереи. Все эти строения и остов дома состоят на учете Комитета по охране памятников архитектуры.¹

Знаменитый гончаровский парк был уничтожен совершенно. Гитлеровцы вырубili его на дрова. На любимой аллее Пушкина оставалось лишь несколько полусохших лип. Ученики Полотнянозаводской средней школы во главе с директором В. М. Пантелеевым осенью 1948 года посадили на ней липы. От корней сохранившихся старых лип разрослись молодые побегии. Эта аллея по-прежнему называется «Пушкинской».

Сохранился сосновый бор, прилегающий к парку. Здесь все жители Полотняного завода с гордостью указывают место, называемое «Пушкинской беседкой». С обрыва, где некогда действительно стояла деревянная беседка, открывается живописный вид на излучину реки Суходрев, луга, бор, деревеньку Устье. Беседка давным-давно развалилась от ветхости. Многие старики помнят точную копию ее, поставленную Д. Д. Гончаровым в 1899 году. В 1910 году она уже не существовала.

В настоящее время «Пушкинская беседка» является любимым местом отдыха жителей Полотняного завода, здесь построены помещение для оркестра и площадка для танцев, проведено электрическое освещение. Неподалеку находится стационарный пионерский лагерь.

В 1956 году на месте, где когда-то во времена Пушкина стояла беседка, построена новая. Рядом с беседкой поставлен памятник поэту работы Н. Альтшулера: молодой Пушкин сидит на скамейке.

Со стороны беседки хорошо виден расположенный на берегу реки, спасенный войсками Советской Армии от мин дом, принадлежавший фабрикантам Щепочкиным, компаньонам Гончаровых. В этом доме в настоящее время размещается средняя школа. Дом этот также состоит на учете государственной охраны памятников архитектуры. Он строился крепостными мастерами одновременно с гончаровским домом и напоминает его по росписи стен и архитектуре. По преданиям, Пушкин бывал и в этом доме.

Буквально все жители села, особенно школьники, встречают впервые приехавшего в село человека рассказами о Пушкине, показывают аллею, «беседку», «дом», ведут к памятнику. Старики утверждают даже, что Пушкин бывал в Полотняном заводе много раз.² У одной из жительниц села хранится столик с инкрустациями из «пушкинской залы» в гончаровском доме.

¹ Современные фотографии этих строений см.: Г. Коган. Полотняный завод. Госкультпросветиздат, М., 1951, стр. 97, 101, 103.

² Пушкин приезжал в Полотняный завод дважды: в 1830 году, после помолвки с Натальей Николаевной, и в 1834 году. Существует предположение, что Пушкин был в Полотняном заводе еще один раз, до помолвки, в 1829 году, во время путешествия на Кавказ. Об этом сохранился рассказ детей некоего Марушкина, современника Пушкина, содержавшего в селе Полотняный завод постоялый двор. Калужский краевед Д. В. Раз-

В памяти многих старейших жителей села живы воспоминания о Народном доме имени Пушкина, основанном в 90-е годы в «Красном доме» Гончаровых, в котором в 1834 году жил Пушкин. В этом доме на спектаклях для народа вместе с рабочими фабрики выступала впервые на сцене О. Л. Книппер, приезжавшая в Полотняный завод.

Большая часть обстановки гончаровского дома — мебель, портреты, книги, картины, люстры, посуда — была вывезена в 1921 году в Калугу, в Краеведческий музей. На основе этих и других материалов, сохранившихся после оккупации Калуги, Калужский краеведческий музей к юбилею 1949 года открыл экспозицию, посвященную пребыванию Пушкина в Калужском крае.

В тяжелые годы оккупации Калуги в здании музея находилась немецкая полицейская управа. Многие музейные экспонаты были выброшены на улицу. Всё, что удалось найти и сохранить из музейных ценностей, находится сейчас в краеведческом и художественном музеях этого города. Среди вещей гончаровского дома сохранилась мебель работы крепостного Алимпиева, датируемая 1830 годом, кресла Петровского времени, купленные еще основателем Полотняного завода, столик из пушкинской комнаты, часы, восковая группа, изображающая оркестр крепостных в доме Гончаровых, люстры и др. Из портретов сохранились: портреты Афанасия Абрамовича Гончарова, Дмитрия Николаевича Гончарова, брата Н. Н. Пушкиной, и миниатюры-акварели неизвестного художника, изображающие братьев и сестру Н. Н. Пушкиной в детском возрасте: Дмитрия Николаевича, Александру Николаевну, Ивана Николаевича. Там же, в Калужском краеведческом музее, в 1949 году были обнаружены нами подлинный документ «Регистр книгам у г. А. С. Пушкина» и книги из библиотеки Гончаровых.³

Г. Ф. Коган

Берды

5 июня 1949 года состоялась открытие памятника А. С. Пушкину в селе Берды Оренбургского района, близ города Оренбурга. В Бердах, старинной казачьей станице, находилась зимой 1773—1774 годов ставка Е. И. Пугачева и главная квартира предводительствуемых им крестьянско-казацких войск. Отсюда они вели осаду Оренбурга. Сюда явился к Пугачеву предводитель восставших башкир, поэт и воин Салават Юлаев с предложением помощи и союза. Здесь стояла «золотая палата» Пугачева, т. е. изба, обитая внутри листами золотой фольги, описанная в «Капитанской дочке». Сюда, в Берды, 18 сентября 1833 года приехал из Оренбурга Пушкин, сопровождаемый В. И. Далем, чтобы посмотреть места, прославляемые в истории восстания и распространить стариков, помнивших еще пугачевские времена. Здесь он долго беседовал со старухой-казачкой Бунтовой, и ее рассказы о Пугачеве явились одним из ценнейших свидетельств народного восприятия восстания, тщательно собиравшихся поэтом-историком. Памятник Пушкину поставлен на площади, близ того места, где стоял дом Бунтовой. Он представляет собой бронзовый бюст поэта работы чкаловского скульптора-самоучки А. И. Козырева. Бюст установлен на каменном постаменте трехметровой высоты. Открытие памятника вылилось в большое народное торжество, в котором приняли участие колхозники бердских и окрестных колхозов, представители местных и областных организаций, предприятий и учебных заведений («Чкаловская коммуна», 1949, № 110, 7 июня).

Н. В. Измайлов

Вильнюс

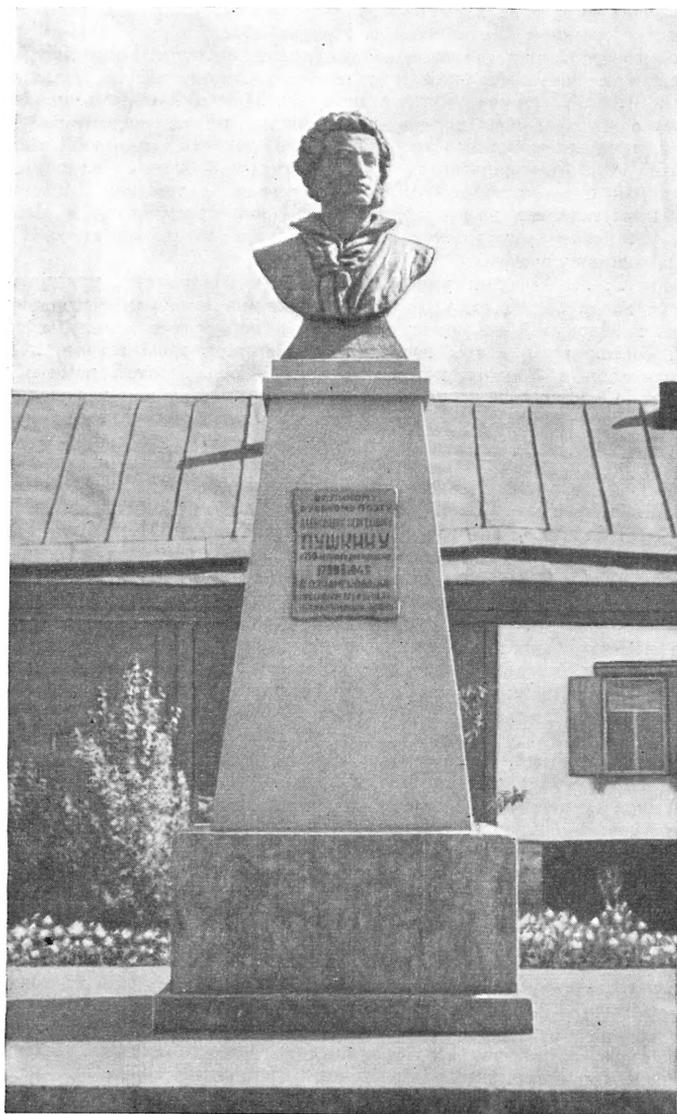
В живописном предместье Вильнюса — Маркучай, на берегу речки Вильняле, окруженном дубовой рощей, где некогда собирались участники польских студенческих объединений (филоматы и филареты) и неоднократно бывал великий польский поэт

домалин записал этот рассказ и дважды опубликовал его: в статье «Пушкин в Калужском крае» («Коммуна», Калуга, 1936, № 157, 12 июля, стр. 3) и в статье «А. С. Пушкин — великий русский поэт в Калужском крае» («Коммуна», Калуга, 1937, № 34, 10 февраля, стр. 7). Однако никаких подтверждений в мемуарной и эпистолярной литературе о Пушкине данное сообщение не имеет. Вопросу о заезде Пушкина на Полотняный завод в 1829 году и о стихотворении «Дорожные жалобы», написанном им якобы в связи с этим заездом, посвящены страницы книги И. Н. Маслова «А. С. Пушкин и Калужский край» (изд. газеты «Знамя», Калуга, 1951, стр. 16—18).

³ Г. Коган. Библиотека Гончаровых. «Огонек», 1949, № 24, стр. 16; Г. Коган. Полотняный завод. По пушкинским местам, Госкультпросветиздат, М., 1951, стр. 75—89. См. также заметку: Там, где бывал А. С. Пушкин. «Советская культура», 1957, № 76, 8 июня.

Адам Мицкевич, расположен Музей имени А. С. Пушкина Академии наук Литовской ССР.

Пушкину в Вильнюсе побывать не пришлось. Однако с древней столицей Литвы великого поэта тесно связывают его предки и потомки. Более шестисот лет назад в Вильнюсе по приказу жены литовско-русского князя Ольгерда, Марии Ярославны,

Памятник А. С. Пушкину в селе Берды Оренбургской области работы скульптора-самоучки А. И. Козырева. Фотография. 1955.

была построена церковь Параскевы Пятницы. Здесь Петр I служил молебен в честь победы над шведами под Полтавой и, как свидетельствует мемориальная доска, «крестил в ней африканца Ганнибала, прадеда знаменитого поэта нашего А. С. Пушкина» («Советская культура», 1954, № 11, 26 января). В течение шести лет, с 1899 по 1905 год, в Вильнюсе жил младший сын поэта Григорий Александрович Пушкин, в бывшей усадьбе которого ныне и размещен Музей имени А. С. Пушкина.

До 1867 года усадьба Маркучяй принадлежала врачу Игнатию Годлевскому, оказывавшему медицинскую помощь участникам восстания 1863 года, отряды которых были сосредоточены в прилегающих к имению лесах. Опасаясь преследования со стороны царских властей, Годлевский продал усадьбу генерал-инженеру А. П. Мельникову и уехал из Маркучяй. А. П. Мельников отдал ее в приданое своей дочери, Варваре Алексеевне, вышедшей замуж за отставного гвардии поручика Машкова. В 1884 году она вторично вышла замуж за Григория Александровича Пушкина, сына поэта, владевшего по наследству имением Михайловское. Продав Михайловское Российской Академии наук в связи с празднованием столетия со дня рождения отца, Григорий Александрович в 1899 году переехал на постоянное жительство в Маркучяй. В Вильнюс он привез некоторые вещи А. С. Пушкина: мягкую кушетку, кресло с обрамлением из орехового дерева, два кресла из орехового дерева, две книжные полки, письменный стол флорентийской работы, принадлежавший жене поэта, три дверные занавеси, вышитые дворовыми девушками села Михайловского, и двухметровый ствол одной из трех сосен, воспетых Пушкиным и сложенных бурей в 1895 году. В том же 1899 году Григорий Александрович присутствовал при открытии памятника своему отцу в Вильнюсе. Бюст великого поэта установлен у подножия того холма, где литовский князь Гедимин основал крепость, положившую начало городу.

В 1905 году Г. А. Пушкин умер (похоронен в Маркучяй), тридцать лет спустя скончалась и его жена. Перед смертью В. А. Пушкина оставила завещание, в котором писала, что дом в Маркучяй не может сдаваться в наймы или аренду, а всегда должен быть «в таком состоянии, в каком находится теперь при моей жизни, дабы в имении Маркучяй сохранялась и была в почете память отца святой памяти моего мужа, великого поэта А. С. Пушкина, и дабы равно центр имения, как и находящийся в нем жилой дом, в доказательство его памяти всегда служили культурно-просветительной цели».

В 1937 году в Вильнюсе была открыта выставка на тему «Жизнь и творчество А. С. Пушкина». Среди экспонатов выставки были представлены личные вещи и мебель поэта, хранящиеся в имении Маркучяй (M. T o r o g o w s k i. P u s z k i n w P o l s c e. Z a r y s bibliograficzno-literacki, изд. Państwowy instytut wydawniczy, Kraków, 1950, № 766, стр. 224). До восстановления Советской власти в Литве ценности и реликвии, хранившиеся в бывшей усадьбе Г. А. Пушкина, расхищались и портились.

Музей. В 1940 году решением советского правительства Литвы усадьба была превращена в мемориальный музей имени А. С. Пушкина.

Нашествие немецко-фашистских захватчиков привело музей в полное запустение. Многие вещи Пушкина бесследно исчезли. От окончательного разрушения музей спасла Советская власть. После войны музей был восстановлен и в 1948 году открыт для массового посещения. В связи со 150-летием со дня рождения А. С. Пушкина постановлением Совета министров Литовской ССР музей был передан Академии наук Литовской ССР, в ведении которой находится и в настоящее время.

Ныне экспозиция музея состоит из двух разделов. В первом разделе экспозиции, занимающем четыре комнаты, отображены жизнь и творчество поэта. Отдельные стенды выставки рассказывают о предках и потомках, друзьях и современниках Пушкина, о его связях с декабристами, о дружбе его с Адамом Мицкевичем, о дуэли и смерти поэта; здесь выставлены также фотокопии с рукописей поэта, репродукции его рисунков и документов. На выставке представлены отзывы советских писателей о Пушкине и другие материалы, свидетельствующие о всенародной популярности поэта в Советском Союзе.

Особое место на выставке занимают стенды на тему «Пушкин и литовская литература». Здесь представлены переводы произведений великого поэта на литовский язык. Среди них первый перевод произведения Пушкина на литовский язык — стихотворения «Утопленник», сделанный в 1885 году Арминас-Групиниеласом; также выставлены произведения Пушкина в переводах П. Вайчайтиса, Мачиса-Кекштаса, Юлюса Янониса, Йонаса Билюнаса¹ и современных советских литовских писателей — Людаса Гиря, Пятраса Цвирки, Саломеи Нерис, Антанаса Венцловы, Теофилиса Тильвитиса, Костаса Корсакаса.² На литовский язык переведены свыше пятисот произведений Пушкина — стихотворения, поэмы, сказки, драмы, прозаические произведения.

Восемь комнат усадьбы составляют вторую часть музейной экспозиции. В них Г. А. Пушкин стремился воспроизвести обстановку дома в Михайловском, когда там жил поэт. Здесь был устроен камин, поставлен бильярдный стол. Одна из этих комнат, названная «Пушкинский уголок», и в настоящее время сохраняется в том же виде, какой она имела и при жизни Г. А. Пушкина. В ней, как и прежде, хранятся личные вещи

¹ Об этих переводах см. подробнее в статье К. Корсакаса «Влияние Пушкина на литовскую литературу» в книге: Труды первой и второй Всесоюзных Пушкинских конференций, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1952, стр. 192—206.

² См.: «Дружба народов», 1949, № 3, стр. 157—159.

поэта: стул, кресло, ломберный столик; на стене висит портрет Наталии Николаевны (акварель), подаренный ею Григорию Александровичу. В этой же экспозиции находятся рисунки с посмертной маски поэта и копия с картины Н. Н. Ге «Пушкин в селе Михайловском» с автографом: «Григорию Александровичу Пушкину от Николая Ге. 1875 год». В усадьбе-музее сохранилась мебель работы мастеров XVII века, шкафы, письменный стол, зеркала с родовым гербом Пушкиных и инициалами «В. П.» (т. е. Варвара Пушкина) работы вильнюсских мастеров прошлого столетия, выполнявших заказы Григория Александровича и Варвары Алексеевны Пушкиных из древесины деревьев приусадебной рощи.

В юбилейный 1949 год, описывая Маркучяй, пушкинский уголок Литовской ССР, К. Корсакас в стихотворении «Пушкину» вспоминал также о событиях, связавших имя русского поэта с Литвой:

Здесь, в нашем Вильнюсе старинном
Твое немеркнувшее имя
Начертано на стенах городских.
Здесь Петр Великий, как родного сына,
Крестил арапа Ибрагима,
В года своих походов боевых...³

Музей имени А. С. Пушкина в Вильнюсе бережно хранит реликвии, связанные с именем великого поэта, неустанно пропагандирует его произведения среди широких слоев советской общественности, является очагом русской культуры в столице Литвы.

13 августа 1955 года в Вильнюсе, в городском саду, был открыт памятник А. С. Пушкину работы скульптора Б. Вишняускаса и архитектора Насвитиса — бронзовый бюст, установленный на высоком полированном пьедестале, высеченном из куска огромного валуна. При открытии памятника состоялся митинг, на котором выступил поэт Советской Литвы Т. Ю. Тильвитис («Советская Литва», 1955, 14 августа).

Я. Кановичюс

Саратов

В Саратове на Советской улице¹ находится дом (№ 30), принадлежавший некогда адвокату Вольскому, построенный в 1905 году архитектором А. Н. Клементьевым. Этот

Дом в Саратове на Советской улице, № 30. На фасаде бюсты А. Пушкина и А. Мицкевича. Фотография. 1956.

скромный двухэтажный особняк, выстроенный в год пятидесятилетнего юбилея со дня

³ Костас Корсакас. Избранное. Перевод с литовского. Под редакцией М. Петровых, Вильнюс, 1953, стр. 103—104.

¹ Бывшая Константиновская.

смерти великого польского поэта А. Мицкевича, не случайно имеет одну чрезвычайно интересную архитектурную деталь: на его фасаде по обеим сторонам небольшого балкона, в глубоких круглых нишах поставлены бюсты Пушкина и Мицкевича. Бюсты эти, по сведениям, полученным от научного сотрудника Государственного музея Н. Г. Чернышевского в Саратове А. В. Леонтьева, были выписаны из Варшавы.²

Во второй половине XIX века в Варшаве на Иерусалимской аллее был дом, принадлежавший известному в Польше владельцу русского книжного магазина Всеволоду Истомину.³ В 1887 году Истомин украсил свой дом бюстами Пушкина и Мицкевича, выполненными по его заказу польским скульптором Анджеем Прушинским. Для бюста Мицкевича скульптор воспользовался оригиналом В. Олещинского; для бюста Пушкина оригиналом, очевидно, послужил бюст, сделанный И. Витали. Вплоть до 1898 года,

Дом в Варшаве на Иерусалимской аллее, № 32. На фасаде бюсты А. Пушкина и А. Мицкевича работы А. Прушинского. Фотография. 1957.

когда в Варшаве был воздвигнут памятник Мицкевичу по проекту К. Годембского, бюст этот на фронтоне дома русского книготорговца оставался единственным памятником великому польскому поэту.

В 1944 году принадлежавший Истомину дом, являвшийся своеобразным свидетельством дружбы двух великих поэтов, был разрушен гитлеровскими захватчиками. Как нам сообщили из Варшавы, в 1949 году, т. е. к знаменательной дате столетия юбилея со дня рождения Пушкина, бюсты обоих поэтов были реставрированы и установлены на фасаде дома, выстроенного на месте разрушенного (ныне дом № 32 по Иерусалимской аллее).⁴

² См. об этом: Л. Попов. Ул. Советская, 30. «Заря молодежи», 1956, № 138, 18 ноября.

³ По сведениям, приведенным в статье Леопольда Мейета, — дом № 56 (L. Méyet. *Oblicze poety. Spis Wizerunków Adama Mickiewicza*. «Kłosy», 1889, t. XLIX, № 1272, стр. 318—394). С. Либрович в статье «Русские портреты Мицкевича» («Новь», 1890, № 21, стр. 39) указывает этот дом под № 55.

⁴ Необходимо отметить также, что барельефы Мицкевича и Пушкина имеются на фасаде здания гимназии имени Замојского в Варшаве на улице Смольной, № 34. Барельефы расположены в следующем порядке: Мицкевич, Горький, Гомер, Данте, Пушкин.

На фасаде дома, над круглыми нишами, в которых поставлены бюсты поэтов, на прямоугольной филенке выбита на польском языке надпись, гласящая: «Puszkini i Mickiewicz. Rzeźby dłuta Andrzeja Pruszyńskiego. Umieszczone w roku 1887. Zniszczone przez najeźdźców hitlerowskich w roku 1944. Zostały odnowione w roku 1949 na pamiątkę przyjaźni dwóch wielkich poetów».⁵

Выше мы воспроизводим фотографии, изображающие оба дома.

Судя по стилю архитектуры, вновь выстроенный в Варшаве дом не является в подлинном смысле слова реставрацией здания, принадлежавшего Истомину. Поэтому, к сожалению, невозможно судить, была ли и архитектура дома в Саратове близка к варшавскому. Но вряд ли можно сомневаться, сравнивая эти два изображения, что не только идея украсить свой дом бюстами поэтов была заимствована саратовским адвокатом Вольским у Истомина, но и сами бюсты, как уже упоминалось выше, выпланные из Варшавы, являются вариантами варшавских, с незначительным отклонением (в отличие от варшавских, бюсты на доме в Саратове не антикизированы, но иконографический тип изображений тот же).

Бюсты Мицкевича и Пушкина, стоящие рядом на домах русского книготорговца в Варшаве и польского адвоката в Саратове, — ценные исторические памятники, символизирующие духовное братство русского и польского народов.

Е. А. Ковалевская

Могила А. П. Керн в Калининской области

Анна Петровна Керн (1800—1879), приятельница Пушкина и автор известных воспоминаний о нем (1859), умерла в Москве; между тем могила ее находится в деревне Прутне Новоторжского района Калининской области, в десяти километрах от города Торжка. Сведения об этой могиле, на которой находится гранитная плита с высеченными на ней начальными строками стихотворения Пушкина: «К***» («Я помню чудное мгновенье...», 1825), доставлены Институту русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР Н. Д. Гроссом вместе с серией выполненных им фотоснимков памятных пушкинских мест в Калининской области. «Чем объясняется, что А. П. Керн похоронена в Прутне? — пишет Н. Д. Гросс в сопроводительном письме Институту. — Второй муж Анны Петровны, Александр Васильевич Марков-Виноградский, часто гостил у Бакуниных, в поместье Прямухино, которое находилось недалеко от Торжка (сестра А. В. Маркова-Виноградского, Елизавета Васильевна, была замужем за А. А. Бакуниным, братом М. А. Бакунина). А. В. Марков-Виноградский и умер (28 января 1879 года) в поместье Бакуниных — Прямухине и там похоронен. А. П. Керн горячо любила своего второго мужа и выражала просьбу похоронить ее вместе с Александром Васильевичем, т. е. в поместье Бакуниных».¹ «А. П. Керн, — продолжает Н. Д. Гросс, — умерла 27 мая 1879 года. В то время железная дорога проходила от Лихославля через Торжок на Вязьму; Прямухино находилось в стороне от железной дороги, поэтому, когда гроб с телом А. П. Керн по пути следования из Москвы в Прямухино прибыл в Торжок, его сняли с железной дороги. Весеннее бездорожье не позволило доставить гроб в Прямухино, и Анну Петровну похоронили в Прутне, где была похоронена ее тетка, Татьяна Сергеевна Львова. Прутня — небольшая деревушка, расположенная на левом высоком берегу реки Тверцы. В тени густых деревьев притаилось небольшое кладбище. На этом кладбище и находится могила А. П. Керн. Могила постоянно поддерживается и живые цветы до глубокой осени украшают ее».²

Е. М. Хмелевская

⁵ «Пушкин и Мицкевич. Бюсты работы Анджея Прусиńskiego. Поставлены в 1887 году. Уничтожены гитлеровскими захватчиками в 1944 году. Восстановлены в 1949 году в память дружбы двух великих поэтов».

¹ О последних годах жизни А. П. Керн см. в книге: Б. Л. Модзалевский. Анна Петровна Керн. Изд. М. и С. Сабашниковых, М., 1924, стр. 115—126.

² О посещении могилы в 1930 году см.: Н. Щербатов. Могила Анны Керн. «Нева», 1956, № 12, стр. 191.

**УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. ПУШКИНА, УПОМИНАЕМЫХ
В НАСТОЯЩЕМ ТОМЕ ¹**

- Акафист Е. Н. Карамзиной** 251, 294, 295.
Аквилон 11, 15, 40—42, 64.
Александр Радищев 30, 342.
Ангел 45, 64.
Андрей Шенье (Меж тем, как изумленный мир) 10, 43, 45, 67, 78, 201, 239, 240, 257, 259, 308.
Анчар 11, 14, 16, 18, 19, 45, 277, 310—323, 453, 454.
Аптеку позабудь 138.
Арап Петра Великого 24, 293—309, 410, 427, 453.
Арион 11, 15, 210.
Баллада (Что ты, девица, грустна) 231.
Барышня-крестьянка 367, 411, 460.
Батюшкову (В пещерах Геликона) 88, 89.
Бахчисарайский фонтан 94, 113, 128, 185, 200, 244, 245, 391, 412, 422, 423, 426, 427, 429, 453.
Безверие 57.
Безумных лет угасшее веселье (Элегия) 11, 16, 19, 20, 446, 452, 455, 457.
Бесы 11, 13, 102, 452, 453.
Битва у Зеницы-Великой 35.
Бова 108, 110.
Бог помочь вам, друзья мои (19 октября 1827) 11, 14, 16, 65, 210, 211.
Бонапарт и червогорцы 98.
Борис Годунов 21, 43, 62, 101, 128, 194, 195, 200, 300, 410, 426, 429, 430, 456, 460—462, 465—467, 475, 476, 478.
Бородинская годовщина (На взятие Варшавы) 11, 12, 14, 60, 94.
Братья разбойники (Молдавская песнь) 104, 113, 411, 412, 415, 426, 480.
Брожу ли я вдоль улиц шумных (Стансы) 11, 13, 64, 434, 453.
Будрыс и его сыновья 50, 63, 105, 107, 111.
Буря (Ты видел деву на скале) 452.
Была пора: наш праздник молодой (19 октября 1836) 38, 61.
Быть может, уж недолго мне (П. А. О ***) 78.
Вадим 456.
Вакхическая песня 43.
В дыму, в крови (Генералу Пушкину) 72.
Вези, вези, не жалей 138.
Великим быть желаю (Про себя) 138.
Видение короля 35.
В надежде славы и добра (Стансы) 10, 202—204.
В начале жизни школу помню я 97, 454.
Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий 14.
Вновь я посетил 22, 28, 35, 38—40 (Сосны), 41, 43.
Во глубине сибирских руд (В Сибирь) 204—206, 209, 412, 453.
Вода и вино 85.
Воєвода 53, 102, 105.
Возрождение (Художник-варвар кистью сонной) 457.
Волнѐм жизни утомленный 258, 259.
Вольность 52, 56, 86, 87, 200, 201, 232, 385.
Вольтер 31.
Воображаемый разговор с Александром I 286.
Ворон к ворону летит 57, 99.
Воспоминание (Когда для смертного умолкнет шумный день) 33, 35, 43, 45, 67, 69, 193, 254, 454, 457.
Воспоминание (К Пушкину) 98.
Воспоминания в Царском Селе 61, 91—93, 110.
Восстань, о Греция, восстань (Опять увенчаны мы славой) 13.
В отдалении от вас (Ек. Н. Ушаковой) 277.
В печальной праздности я лиру забывал (К ней) 452.
В пещерах Геликона (Батюшкову) 88, 89.
В последний раз твой образ милый (Прощание) 12, 17, 18, 78.
В роше Карийской 14.
Всѐ в ней гармония (Красавица) 19, 88, 452.
В Сибирь (Во глубине сибирских руд) 204—206, 209, 412, 453.
В степи мирской (Три ключа) 452, 457.

¹ В указатель не вошли произведения Пушкина, включенные в каталог (стр. 137—184) к статье Б. В. Томашевского «Строфика Пушкина».

- В столице он** — капрал (На Аракчеева) 138, 384.
Бурдалак 98.
В часы забав иль праздной скуки 13, 14, 33, 64.
Вчера был день разлуки шумной (Друзьям) 258.
В чужбине свято наблюдаю (Птичка) 10.
Вы избалованы природой (Е. Н. Ушаковой) 10, 251, 252, 277, 278.
Выстрел 191, 192, 411, 412, 453, 458, 460.
Вяземскому (К.) (Так море, древний душегубец) 35.
Гавриилада 196, 205, 238, 240, 241, 269, 308.
Гараль и Гальвина 80, 81.
Генералу Пушкину (В дыму, в крови) 72.
Герой 24, 204.
Гнедичу (С Гомером долго ты беседовал один) 67.
Город пышный, город бедный 247, 274, 287.
Гости съезжались на дачу 26, 457.
Граф Нулин 25, 411, 415, 426, 453.
Гроб Анакреона 8.
Грузинская песня (Не пой, красавица, при мне) 88, 193, 256, 257, 454.
Гусар 19, 65, 456, 458.
Дар напрасный, дар случайный 11, 15, 99, 255.
19 октября 1825 (Роняет лес багряный свой убор) 45, 61, 89, 111.
19 октября 1827 (Бог помог вам, друзья мои) 11, 14, 16, 65, 210, 211.
19 октября 1836 (Была пора: наш праздник молодой) 38, 61.
Делибаш 11, 12.
Делия 60, 102, 110.
Демон 45, 237.
Деревня 200, 232, 369—385, 387, 446.
Десятая заповедь 65.
Джон Теннер 36.
Для берегов отчизны дальней 12, 17, 86, 457.
Домик в Коломне 12, 53, 95, 185, 186, 485.
Домовому 200, 452.
Дон 11, 12.
Дорожные жалобы 12.
Друзьям (Вчера был день разлуки шумной) 258.
Друзьям (Нет, я не льстец) 203.
Дубровский 410, 411, 427, 450, 451, 453, 460, 467.
Евгений Онегин 7, 16, 19—21, 38, 59, 70, 84, 94, 102, 111, 113—116, 118—128, 130—133, 186, 192, 194, 195, 210, 213, 243—245, 256, 267, 271, 277, 280—283, 294, 295, 307, 332, 352, 363, 404, 407, 410, 411, 413—415, 420, 422, 423, 426, 428—431, 434, 445, 447—449, 452, 453, 455, 458, 460—463, 465, 467, 472, 475, 480, 481.
Египетские ночи 187, 394, 396, 453.
Ее глаза 247, 250, 253, 275.
Езерский 12, 16, 27, 28, 38, 91, 304.
Если жизнь тебя обманет 457.
Желание славы 35, 43, 57.
Жених 45, 89—91, 110.
Жил на свете рыцарь бедный 99.
Журналами обиженный жестоко 15.
Завещание Кюхельбекера 138.
Заздравный кубок 108.
Заклинание 12, 17, 87, 88.
За Netty сердцем я летаю 279.
Зачем безвременную скуку 291.
Зачем кричишь ты (На Пучкову) 138.
Зачем твой дивный карандаш 252.
Зима. Что делать нам в деревне? 282, 452.
Зимнее утро 79, 282, 452, 453.
Зимний вечер 15, 412, 446, 452.
Зимняя дорога 99, 289, 452, 453.
Золото и булат 453.
Золотой петушок (Сказка о золотом петушке) 185, 411, 453, 457.
И дале мы пошлал 97.
Из Alfred Musset (Из Пиндемонти) 29, 34—39, 40 (Не дорого ценю), 41, 42.
Из А. Шенье (Покров, упитанный язвительною кровью) 28.
Издревле сладостный союз (К Языкову) 14, 15.
Из Пиндемонти (Из Alfred Musset) 29, 34—39, 40 (Не дорого ценю), 41, 42.
Истина 85, 453.
История Петра 7, 22, 221, 293, 294, 304, 305, 308, 335, 337—339.
История Пугачева (История Пугачевского бунта) 7, 21, 22, 32 (Пугачев), 221, 245, 246, 337, 404, 421, 451, 472, 473.
История Пугачевского бунта см. История Пугачева.
История села Горюхина 17, 410, 451, 453, 457.
Ищи в чужом краю (Н. Д. Киселеву) 69.
К * (Не спрашивай, зачем унылой думой)** 66.
К * (Нет, нет, не должен я)** 66.
К. А. Б. (Что можем наскоро стихами молвить ей?) 67.
К. А. П. Керн (Я помню чудное мгновенье) 64, 267, 452, 493.
Кавказ 11, 12, 53, 105, 452.
Кавказский пленник 79, 94, 112, 116, 117, 128, 185, 186, 200, 236, 352, 363, 364, 391, 412, 421, 423, 426, 427, 429, 453, 459, 479, 480.
Казак 101.
Как жениться задумал царский арап 299.
Каков я прежде был 12, 15, 18, 19, 288, 289.
Как сатирой безымянной 15.
Как с древа сорвался предатель ученик (Подражание итальянскому) 29, 32, 34.
Калмычке 12.
Каменный гость 131, 185—195, 394—396, 410, 454, 458, 462.

- Каштанская дочка** 7, 31, 284, 307, 308, 402, 403, 409—411, 420, 425, 427, 429, 430, 446, 450, 451, 453—457, 460, 488.
К бюсту завоевателя 324—333, 473.
К вельможе 8, 11, 13, 454.
К Делии (О Делии драгага!) 85, 102, 110.
К Дельвигу (Кто на снегах возрастил) 11, 14.
Кияжал 200, 232, 425, 426.
Кипренскому 79.
Кирджиали 410.
Киселеву Н. Д. (Ищи в чужом краю) 69.
Кладбище (Когда за городом, задумчив, я брожу) 29, 30, 38—40, 42.
Клеветникам России 12, 14, 452.
Клеопатра 277.
К морю 8, 9, 45, 51, 78, 200, 402, 446, 452.
К Наташе 103.
К ней (В печальной праздности я лиру забывал) 452.
К ней (Эльвина, милый друг) 74, 75.
Кобылица молодая 256.
Коварность 35, 66.
К Овидию (Овидий, я живу близ тихих берегов) 8, 9, 45, 57, 210.
Когда б не смутное влеченье 287.
Когда б писать ты начал слуху 138.
Когда бывало в старину (Ек. Н. Ушаковой) 277.
Когда в объятия мои 192, 193.
Когда для смертного умолкнет шумный день (Воспоминание) 33, 35, 43, 45, 67, 69, 193, 254, 454, 457.
Когда за городом, задумчив, я брожу (Кладбище) 29, 30, 38—40, 42.
Когда помилует нас бог (Е. П. Полторацкой) 284.
Когда твои младые лета 11.
Красавица (Всё в ней гармония) 19, 88, 452.
Кто видел край 53, 94.
Кто на снегах возрастил (К Дельвигу) 11, 14.
К Чаадаеву (Любви, надежды, тихой славы) 201, 206, 385—387, 432, 446.
К Юрьеву (Любимец ветреных Лаис) 79.
К Языкову (Издревле сладостный союз) 14, 15.
Леда 51, 108, 110.
Литературное известие 15.
Лицинию 9.
Лицинский околед 138.
Любви, надежды, тихой славы (К Чаадаеву) 201, 206, 385—387, 432, 446.
Любимец ветреных Лаис (К Юрьеву) 79.
Мадонна 11, 14, 96, 452.
Мальчику (Из Катутла) 100.
Мальчишка Фебу гимн поднес 15.
Мансурову 72.
Марья Шонинг 457.
Медный всадник 37, 113, 116—118, 185, 186, 193, 308, 333, 404, 410—415, 434, 454, 460.
Меж тем, как изумленный мир (Андрей Шенье) 10, 43, 45, 67, 78, 201, 239, 240, 257, 259, 308.
Метель 410, 411, 450, 453, 460.
Мечтатель (По небу крадется луна) 73, 74, 89, 134.
Мечтателю (Ты в страсти горестной находишь наслажденье) 452.
Мирская власть 22, 29, 30, 32, 34—36, 38, 39.
Митрополит, хвастун бесстыдный (К Огаревой) 287.
Мне не спится (Стихи, сочиненные ночью, во время бессонницы) 40—42, 460.
Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности 24, 31.
Мой друг, забыты мной 10.
Мой первый друг (И. И. Пушкину) 210.
Молитва (Отцы пустынники и жены непорочны) 29, 32, 34, 38, 40—42, 452.
Монастырь на Казбеке 11, 454.
Мордвинову (Под хладом старости угрюмо угасал) 75, 76.
Моцарт и Сальери 13, 45, 390, 453, 462, 466, 485.
Моя родословная (Смесь жестоко над собратом) 27, 64, 86, 300.
Мы проводили вечер на даче 451, 453, 457.
На Аракчеева (В столице он — капрал) 138, 384.
На Булгарина (Не то беда, что ты поляк) 15.
На взятие Варшавы (Бородинская годовщина) 11, 12, 14, 60, 94.
На выздоровление Лукулла 8, 21, 91.
Над озером, в глухих дубравах (Русалка) 8, 86, 134, 452, 454.
На Надеждина (Надеясь на мое презренье) 15.
На женитьбу генерала Н. М. Сипягина 138.
На Испанию родную 35.
На перевод «Илиады» 14.
Наполеон (Чудесный жребий совершился) 8, 9, 56, 86.
Наполеон на Эльбе 75, 76.
Напрасно я бегу к сионским высотам 39.
На Пучкову (Зачем кричишь ты) 138.
Наслаждение 86.
На углу маленькой площади 457.
На холмах Грузии 45, 67, 454.
Начало автобиографии 300.
Не видала ль, девица 404.
Невод рыбак расстилал (Отрок) 11 (Рыбак).
Не дай мне бог сойти с ума 37, 83.
Недвижный страж дремал 83—85.
Не знаю где, но не у нас 65.
Не пленяйся бранной славой (Фаргат-Беку) 11, 12.
Не пой, красавица, при мне (Грузинская песня) 88, 193, 256, 257, 454.
Не спрашивай, зачем унылой думой (К ***) 66.

- Нет, нет, не должен я (К***) 66.
 Не то беда, Авдей Флюгарин (Эпиграмма) 15.
 Не то беда, что ты поляк (На Булгарина) 15.
 Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем 193.
 Нет, я не льстец (Друзьям) 203.
 Но ты забудь меня, мой друг 255.
 Ночной зефир 18, (Гишпанская песня) 49, 50, 110.
 Ночь 452.
- Обвал 11, 82, 111, 453.
 Объяснение 28.
 Овидий, я живу близ тихих берегов (К Овидию) 8, 9, 45, 57, 210.
 Огаревой (К) (Митрополит, хвостун бестыдный) 287.
 Ода Д. И. Хвостову (Султан ярится. Кровь Эллады) 93.
 О дворянстве 222.
 О Делия драгая! (К Делии) 85, 102, 110.
 Окно 85.
 Октябрь уж наступил (Осень) 16, 28, 39, 41, 76, 96.
 Олегов щит 11, 12.
 О народном воспитании 202, 203.
 Опытность 60, 104.
 Опять увенчаны мы славой (Восстань, о Греция, восстань) 13.
 Осгар 89, 134.
 Осень (Октябрь уж наступил) 16, 28, 39, 41, 76, 96.
 Ответ анониму 13, 14, 25.
 От меня вечер Лейла 403, 404, 407.
 Отрок (Невод рыбак расстилал) 11 (Рыбак).
 Отрывки из писем, мысли и замечания 294, 296.
 Отцы пустынножители и жены непорочны (Молитва) 29, 32, 34, 38, 40—42, 452.
- П. А. О*** (Быть может, уж недолго мне) 78.
 Паж 78, 111.
 Памятник (Я памятник себе воздвиг) 22, 29—31, 37, 39, 76, 77, 324, 412, 446, 455, 457, 463, 473.
 Певец 8, 45, 73.
 Перед гробницею святой 28, 79, 80.
 Песни западных славян 19—22, 35, 45, 46, 98, 111.
 Песнь о вещем Олеге 8, 9, 107, 110, 455.
 Песня о Георгии Черном 35.
 Пиковая дама 54, 354—361, 394, 410, 427, 429, 430, 432, 450, 453—456, 458, 460, 466, 467.
 Пир во время чумы 45, 80, 186, 192, 193, 454, 456, 485.
 Пир Петра Первого 23, 24, 301 (Пир Петра Великого).
 Пирующие студенты 73.
 Посланец мод, большого света друг (Послание А. М. Горчакову) 68.
- Повести Белкина 410, 425, 427, 450, 453, 455, 460, 463, 485.
 Повесть из римской жизни 451, 457.
 Погасло дневное светило 9, 45.
 Под вечер, осенью ненастной (Романс) 56, 85.
 Под небом голубым 67, 111.
 Подражание арабскому 404.
 Подражание итальянскому (Как с древа сорвался предатель ученик) 29, 32, 34.
 Подражания Корану 8, 9, 45, 58, 84, 85, 93, 105, 110.
 Под хладом старости угрюмо угасал (Мордвинову) 75, 76.
 Подъезжая под Ижору 14, 15.
 Пожалуй, Федоров (Б. М. Федорову) 138.
 Пока не требует поэта (Поэт) 452, 460.
 Покойник, автор сухощавый 138.
 Покойник Клит (Эпиграмма на смерть стихотворца) 138.
 Покров, упитанный язвительною кровью (Из А. Шенье) 28.
 Полководец 22—25, 38, 39, 333, 454, 473.
 Полтава 21, 24, 25, 65, 113, 116, 117, 128, 244, 245, 251, 273, 274, 277, 293, 307, 308, 412, 426, 430, 434, 453, 455.
 Полторацкой (Е. П.) (Когда помилует нас бог) 284.
 По небу крадется луна (Мечтатель) 73, 74, 89, 134.
 Пора, мой друг пора! 28, 33, 38, 39, 454.
 Передали, побелели 99.
 Послание А. М. Горчакову (Питомец мод, большого света друг) 68.
 Послание Дельвигу 294.
 Послание цензору (Угрюмый сторож муз) 57.
 Последняя туча рассеянной бури (Туча) 39—42, 57, 446, 452, 457.
 Поэт (Пока не требует поэта) 452, 460.
 Поэт и толпа (Чернь) 10, 45, 47, 277.
 Поэт! не дорожи любовию народной (Поэту) 11, 13, 96, 452, 454, 457.
 Поэту (Поэт! не дорожи любовию народной) 11, 13, 96, 452, 454, 457.
 Пред испанкой благородной 102.
 Предчувствие 103, 111, 240, 247, 259, 260, 275.
 Признание 284.
 Приметы (Я ехал к вам: живые сны) 11, 13—15, 287, 288, 291, 452.
 Пробуждение 452.
 Прозерпина 8, 45, 452.
 Пророк 10, 13, 34, 45, 201, 412, 434, 452—455, 457, 460.
 Про себя (Великим быть желаю) 138.
 Простишь ли мне ревнивые мечты 10, 452.
 Продание (В последний раз твоей образ милый) 12, 17, 18, 78.
 Птичка (В чужбине свято наблюдаю) 10.
 Птичка божия не знает 102, 128.
 Путешествие в Арзрум 24, 405—407, 451, 473.
 Путешествие из Москвы в Петербург 36, 111, 341.
 Путешествие Онегина 16, 282.

- Пушкиной О. С. (Семейственной любви) 138.
 Пушину И. И. (Мой первый друг) 210.
 Пушину (К) (Воспоминание) 98.
 Пью за здравие Мери 104.
- Раевскому В. Ф. (Ты прав, мой друг) 77, 110.
 Разговор книгопродавца с поэтом 19, 20, 45, 47 (Не продается вдохновенье).
 Рассудок и любовь 80, 81, 110.
 Редеет облаков летучая гряда 452, 479.
 Рефутация г-на Беранжера 89.
 Рифма (Эхо, бессонная нимфа) 11.
 Рифма, звучная подруга 102.
 Родословная моего героя 23—26, 28, 38.
 Родрик 99.
 Роза (Что наша роза) 108.
 Роман в письмах 28, 282—284, 286, 457.
 Роман на Кавказских водах 457.
 Романс (Под вечер, осенью ненастной) 56, 85.
 Роняет лес багряный свой убор (19 октября 1825) 45, 61, 89, 111.
 Рославлев 307, 451, 456, 457.
 Российская Академия 31.
 Румяный критик мой 16—18, 38, 40 (Осень в деревне), 41, 42.
 Русалка (драма) 193.
 Русалка (Над озером, в глухих дубравах) 8, 86, 134, 452, 454.
 Руслан и Людмила 51, 65, 112, 113, 128, 200, 229, 235, 236, 281, 299, 352, 363, 412, 422, 423, 452, 454, 478.
 Русский Пелаг 457.
- Сапожник 15, 23—25.
 Сафо (Счастливый юноша) 138.
 Свободы сеятель пустынный 201.
 С Гомером долго ты беседовал один (Гнедичу) 67.
 Седой Свистов! ты царствовал со славой (Эпиграмма) 15.
 Семейственной любви (О. С. Пушкиной) 138.
 Сестра и братья 35.
 Сказка о золотом петушке (Золотой петушок) 185, 411, 453, 457.
 Сказка о мертвой царевне 412, 453.
 Сказка о попе и о работнике его Балде 412.
 Сказка о рыбаке и рыбке 412, 425, 446, 453, 480.
 Сказка о царе Салтане 18, 45, 412, 447, 453, 460.
 Скупой рыцарь 24, 192, 394, 453, 485.
 Слеза 71.
 Смясь жестоко над собратом (Моя родословная) 27, 64, 86, 300.
 Собрание насекомых 14, 15.
 Соловей 452.
 Сон 466.
 Сонет (Суровый Дант не презирал сонета) 11, 96.
 С позволения сказагь 109.
 С португальского (Там звезда зари взошла) 99.
- Сраженный рыцарь 105, 109.
 Стамбул гяуры нынче славят 24.
 Стансы (Брожу ли я вдоль улиц шумных) 11, 13, 64, 434, 453.
 Стансы (В надежде славы и добра) 10, 202—204.
 Станционный смотритель 410, 411, 450, 453, 460.
 Старик 64.
 Статуя (Царскосельская статуя) 11.
 Соболевскому (Из письма к) (У Гальяни иль Кольони) 98.
 Стихи, сочиненные ночью, во время бессонницы (Мне не спится) 40—42, 460.
 Стою печален на кладбище 38, 40.
 Странник 22, 23, 25, 34, 37—40, 42.
 Султан ярится. Кровь Эллады (Ода Д. И. Хвостову) 93.
 Суровый Дант не презирал сонета (Сонет) 11, 96.
 Сцена из Фауста 45, 430.
 Сцены из рыцарских времен 36, 451, 454, 457.
 Счастливый юноша, ты всем меня пленил (Сафо) 138.
- Таврида 94, 112.
 Тадарашка в вас влюблен 101.
 Тацит 282.
 Так море, древний душегубец (К Вяземскому) 35.
 Талисман 86, 111.
 Там, где доевний Кочерговский (Эпиграмма) 15.
 Там звезда зари взошла (С португальского) 99.
 Телега жизни 452.
 Торжество Вахка 9, 200 (Празднество Вахка).
 Три ключа (В степи мирской) 452, 457.
 Труд 11.
 Туча (Последняя туча рассеянной бури) 39—42, 57, 446, 452, 457.
 Ты видел деву на скале (Бура) 452.
 Ты в страсти горестной находишь наслаждение (Мечтателю) 452.
 Ты вянешь и молчишь 10.
 Ты и вы 247, 254, 255, 275, 287, 452.
 Ты прав, мой друг (В. Ф. Раевскому) 77, 110.
 Ты просвещением свой разум осветил 67.
- Увы! Язык любви болтливый 252.
 У Гальяни иль Кольони (Из письма Соболевскому) 98.
 Угрюмый сторож муз (Послание цензору) 57.
 Угрюмых тройка есть певцов 110.
 Уединение 8.
 Узнают коней ретивых 96.
 Узник 14, 18, 58, 104, 110, 412.
 Усы 79.
 Утопленник 102, 452, 489.
 Участь моя решена 457.
 Ушаковой Ек. Н. (В отдалении от вас) 277.

- Ушаковой Ек. Н. (Когда бывало в старину) 277.
 Ушаковой Ел. Н. (Вы избалованы природой) 10, 251, 252, 277, 278.
 Фаргат-Беку (Не пленяйся бранной славой) 11, 12.
 Федорову Б. М. (Пожалуй, Федоров) 138.
 Фонтану Бахчисарайского двора 8.
 Французских рифмачей суровый судия 39.
- Храни меня, мой талисман 65, 111.
 Художник-варвар кистью сонной (Возрождение) 457.
 Художнику 329, 332, 473.
- Царскосельская статуя (Статуя) 11.
 Цветок засохший, безуханный 64.
 Цыганы 14, 38, 102, 104, 112, 116, 117, 128, 364, 391, 392, 410—412, 422, 424, 426, 427, 429, 453, 456, 458.
- Чаадаеву см. К Чаадаеву (Любви, надежды, тихой славы).
 Чем чаще празднует лицеи 56, 86.
 Черкесская песнь 79.
 Черная шаль (Молдавская песнь) 57, 58, 62, 104, 110, 478.
 Чернь (Поэт и толпа) 10, 45, 47, 277.
 Что в имени тебе моем? 11, 65, 289—292.
 Что же сухо в чаше дно? 99, 100.
 Что можем наскоро стихами молвить ей? (К. А. Б.) 67.
 Что наша роза (Роза) 108.
 Что ты, девица, грустна (Баллада) 231.
 Чудесный жребий совершился (Наполеон) 8, 9, 56, 86.
- Чу, пушки грянули 66.
 Эвлега 80, 81, 129.
 Элегия (Безумных лет угасшее веселье) 11, 16, 19, 20, 446, 452, 455, 457.
 Элегия (Я видел смерть) 68.
 Эльвина, милый друг (К ней) 74, 75.
 Эпиграмма (Не то беда, Авдей Флюгарин) 15.
 Эпиграмма (Седой Свистов! Ты царствовал со славой) 15.
 Эпиграмма (Там, где древний Кочерговский) 15.
 Эпиграмма на смерть стихотворца (Покойник Клит) 138.
 Эхо 11, 13, 14, 25, 82, 446.
- Юрьеву (Любимец ветреных Лаис) 79 (К Юрьеву).
- Я вас любил 238, 275, 289, 292, 452, 457.
 Я вас узнал, о мой оракул 11.
 Я видел смерть (Элегия) 68.
 Я ехал к вам: живые сны (Приметы) 11, 13—15, 287, 288, 291, 452.
 Я здесь, Инезилья 104.
 Я памятник себе воздвиг (Памятник) 22, 29—31, 37, 39, 76, 77, 324, 412, 446, 455, 457, 463, 473.
 Я пережил свои желанья 452, 479.
 Я помню чудное мгновенье (К А. П. Керн) 64, 267, 452, 493.
 Я сам в себе уверен 138.
- Amour, exil 138.
 Ex ungue leonem 452.
 Noël (Сказки) 89, 383, 385, 387, 388.
 Quand un poète en son extase 109.
 To Dave esq-r 275.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

- Аблесимов А. А. 298.
 Абуш А. 461.
 Авдеев И. 375, 376.
 Авдулин А. Н. 251.
 Авдулина Е. С., рожд. Яковлева 251.
 Агуб Ж. 404.
 Адамец Ф. 428.
 Адарюков В. Я. 329.
 Адрианова-Перетц В. П. 234.
 Азанчеев-Азанчевский П. М. 474.
 Азаров В. Б. 485.
 Аксенов Л. А. 482.
 Александр I 87, 236, 237, 286, 324—333, 382—385, 388, 421.
 Александров Г. 484.
 Алексеев, штабс-капитан 201.
 Алексеев В. М. 410.
 Алексеев М. П. 2, 334, 391—393, 408, 459, 460, 472.
 Алексеев Р. 376.
 Алексиев А. 447.
 Алимпиев 488.
 Альтшулер Н. 487.
 Альфиери 485.
 Алякринский П. А. 474, 475.
 Анакреон 21, 65, 99—101.
 Андерсен Х. К. 475.
 Андерсон В. 228.
 Андроников И. Л. 31, 48, 297.
 Андросов В. П. 400.
 Аникеев М. 478.
 Аникушин М. К. 478.
 Анна Иоанновна, имп. 338, 339.
 Анненков П. В. 17, 37, 39, 229, 287—289, 297, 324, 384, 388, 404, 471.
 Антон Карл 393.
 Антонов З. 377.
 Антрекато де 314.
 Анциферов Н. П. 477.
 Ань Шоу-и 410.
 Апраксин М. Ф. 373.
 Апраксин Ф. М. 339.
 Аракчеев А. А. 204, 236, 281, 384, 430.
 Арденс Н. 391.
 Ариель-Залесская Г. Г. 46, 334—353.
 Арина Родионовна см. Яковлева А. Р.
 Ариосто 61, 95, 97.
 Аристотель 130.
 Арминас-Трупинелис П. 490.
 Архиреев 480.
 Астафьев 388.
 Ауслендер С. 306.
 Афиней 21.
 Ахматова А. А. 185—195.
 Базилевич В. М. 290.
 Базилевич К. В. 404.
 Байрон Дж. 61, 83, 94, 95, 129, 133, 195, 312, 364.
 Бакалов Г. 435.
 Бакунин А. А. 493.
 Бакунин М. А. 493.
 Бакунина Е. П. 272, 291.
 Бакунины 493.
 Балашов А. Д. 239.
 Бальзак О. 321.
 Баратынский Е. А. 16, 69, 70, 108, 132, 185, 186, 199, 232, 257, 267, 280, 297, 299.
 Барбье О. 67—69.
 Барклай-де-Толли М. Б. 25, 329, 330.
 Барков Д. Н. 239.
 Барроу Д. 314.
 Барт И. 431.
 Бартенов П. И. 229, 324, 327, 382, 383, 471.
 Басаргин Н. В. 481.
 Батовский Г. С. 408.
 Батюшков К. Н. 8, 69—73, 88, 91—93, 98, 110, 230, 242, 264, 267, 459.
 Бах А. 425.
 Бахрушин А. А. 224, 334.
 Беввер Ж. К. 466.
 Бегров А. К. 246.
 Безъязычный В. И. 385—388.
 Белев Г. 435.
 Белев К. 435.
 Белинский В. Г. 19—23, 26, 31, 48, 186, 293, 306, 339, 343, 344, 415, 425, 471, 475.
 Беллизар Ф. М. 404.
 Белослюдов В. 366.
 Белый Андрей 460.
 Беляев М. Д. 273, 280.
 Бем А. Л. 394.
 Бендл В. 425—427, 429, 431.

¹ Фамилии, воспроизведенные в книге только в иностранной транскрипции, помещены в конце указателя после русского алфавита.

- Бенедиктов В. Г. 19, 22, 108, 400.
 Бениан Дж. 33.
 Бенкендорф А. X. 19, 32, 42, 48, 196, 197, 200, 202, 203, 275.
 Беральд Савойский 295.
 Берков П. Н. 337, 394.
 Берне Л. 221.
 Берников 376.
 Бернс Роберт 82, 83.
 Берх В. Н. 335, 338, 339.
 Беседин С. 480.
 Бестужев А. А. (Марлинский) 198, 203, 208, 209, 212, 213, 242, 275, 301, 332.
 Бестужев Н. А. 212.
 Бестужев П. А. 212.
 Бестужев-Рюмин М. П. 229, 232, 248, 385.
 Бехер И. 465.
 Бибииков А. И. 344.
 Бибииков И. П. 196.
 Биллонас И. 490.
 Бирон Э.-И. 338, 339, 342.
 Вируков А. С. 31.
 Битовт Ю. 338, 340, 343, 344.
 Благой Д. Д. 19, 250, 256, 262, 310—312, 321, 369, 371.
 Бланджини Дж.-М. 67.
 Бленэ К. 452.
 Блок Г. П. 477.
 Блудов Д. Н. 370, 400—402.
 Блументрост Л. А. 339.
 Блюхер Г.-Л. 330.
 Боброва Е. И. 354—361, 450.
 Богач Г. Ф. 482.
 Богданович И. Ф. 86.
 Боголюбова В. Г. 19, 310—323.
 Богородский Б. Л. 293.
 Боден Н. 313.
 Боденштедт Ф. 426, 462—464, 475.
 Божков С. 434.
 Бойченко Л. 480.
 Болотов В. 374, 380.
 Бонди С. М. 33, 286.
 Бонциус 312.
 Бонч-Бруевич В. Д. 238, 243, 247, 253.
 Бориневич-Бабайцева Э. А. 482.
 Борисова М. В. 283, 284.
 Боров Т. 434.
 Боровкова-Майкова М. С. 250, 251, 254.
 Боровой С. Я. 482.
 Бороздин А. К. 203.
 Бороздин К. М. 244, 245, 352.
 Борро Дж. 475.
 Ботев X. 433, 443.
 Бошняк А. К. 207.
 Бояджиски Б. 446.
 Бранг П. 466.
 Браун Ж. 455.
 Бредель В. 462, 464, 465, 467, 468 (Bredel).
 Брем А. 350.
 Брискман М. А. 209.
 Бродская Л. И. 475.
 Бродский Н. Л. 301, 308.
 Брут М.-Ю. 425.
 Брюллов К. П. 230, 238.
 Брюсов В. П. 134.
 Брянский А. М. 230.
 Брянский Я. Г. 253.
 Будберг А. И., рожд. Баранова 258.
 Будзак К. 107.
 Буйи Ж.-Н. 87.
 Булгаков А. Я. 198.
 Булгакова Е. Я. 198.
 Булгарин Ф. В. 15, 23, 25—27, 31, 199, 209, 307, 308.
 Булич С. К. 18.
 Бунтова 488.
 Бурова Н. 456.
 Бурсов Б. И. 472.
 Бурцев И. Г. 209.
 Бурьенин Л.-А. 204.
 Бухаров 484.
 Быкова Т. А. 337, 338.
 Быстров И. П. 246.
 Бычков А. Ф. 234.
 Бычков И. А. 220.
 Бюргер Г.-А. 90, 103.
 Бюхнер Г. 467.
 Бялыницкий-Бируля В. К. 474, 475.
 Вазик А. 107.
 Вазов И. 433, 443, 444.
 Вайчайтис П. 490.
 Вальденберг В. Е. 87.
 Ван Я-пин 415.
 Вапцаров Н. 434—437.
 Вапцарова Б. 434.
 Варламов А. Е. 18.
 Василевская Е. Е. 256, 264, 269, 270, 272, 273, 275.
 Васильев 478.
 Васильев А. 374, 375, 380.
 Васильев И. 375.
 Васильчиков И. В. 235, 272, 382—384.
 Васильчикова Е. И., в замужестве Лужина 272.
 Васильчикова С. И. 272.
 Васильчикова Т. В., рожд. Пашкова 272.
 Вейдле В. 453, 455, 456.
 Величко М. А. 475.
 Велчев В. 433—444.
 Вельяшева Е. В. 288.
 Венгеров С. А. 14, 205, 261, 288, 289, 306.
 Веневитинов Д. В. 199, 200, 400, 476.
 Венецианов А. Г. 230.
 Венцлова А. 474, 490.
 Вересаев В. В. 250, 251, 253.
 Верн Ж. 475.
 Верне О. 221.
 Вернер Г. 462.
 Верховский Ю. Н. 248.
 Верье П. 83.
 Веселов Г. Н. 474.
 Веселов Т. 485.
 Веттерштедт 220.
 Вигель Ф. Ф. 281.
 Виейльгорские, братья 401.
 Виейльгорский М. Ю. 224.

- Виже Л.-Ж. 72.
 Вильсон Дж. 83.
 Вингебер 405.
 Виноградов В. В. 68, 74, 118, 310.
 Виноградов И. 485.
 Винокур Г. О. 91, 93, 111, 114, 118, 121, 123.
 Виргилий Публий Марон 344.
 Витаи И. 478, 492.
 Витгенштейн Л. П. 250.
 Вишневский В. 392, 393.
 Вишняускас Б. 491.
 Воейков А. Ф. 332.
 Волков Ан. 86.
 Волков А. А. 200.
 Волков А. И. 327.
 Волконская З. А. 474.
 Волконская М. Н., рожд. Раевская 12. 207, 280.
 Волконский Г. С. 272.
 Волконский Н. Г. 272.
 Волконский П. М. 237, 330, 331.
 Вольтинский А. П. 341, 342.
 Вольский 491, 492.
 Вольтер Ф.-М. 63, 75, 130, 294, 461.
 Вольф М. О. 410.
 Вордсворт В. 96.
 Воронцов М. С. 286, 370.
 Воронцова Е. К. 17, 280, 406—408.
 Воронцов-Дашков И. И. 326.
 Востоков А. Х. 69, 111, 234, 235.
 Вревские 484.
 Всеволожские 230.
 Всеволожский Н. В. 230, 239.
 Вульф А. И., в замужестве Трувеллер 279, 283.
 Вульф Алексей Н. 279, 280, 282—284, 288, 295, 296.
 Вульф Анна Н. 255, 282, 475.
 Вульф Е. Н., в замужестве Вревская 283.
 Вульф П. И. 284.
 Вульфферт А. Е. 459.
 Вульфы 277, 280.
 Вындомский А. М. 371—374, 376—381.
 Вындомский М. Д. 371, 374.
 Вяземская В. Ф. 237, 240, 250—252, 254, 277, 279, 382, 403, 407.
 Вяземские, князья 402.
 Вяземский П. А. 16, 31, 65, 67, 77, 88—90, 186, 187, 191, 198, 199, 220, 230, 237, 240—242, 245, 247, 250—255, 258, 263, 264, 267, 271, 274, 277, 279, 280, 284, 296, 307, 309, 333, 369, 382, 383, 400—402, 476.
 Гавличек К. 424—426.
 Гавриленко К. 480.
 Гагарин Г. И. 327, 475.
 Гаевский В. П. 82.
 Гайденков Н. 471.
 Гайдн И. 256, 273.
 Галек В. 425, 426.
 Гальберг С. И. 329, 330, 332.
 Гангеблов А. С. 199.
 Ганка В. В. 421, 424, 426.
 Ганнибал А. 373 (Ганнибалов).
 Ганнибал А. П. 295, 296, 298, 300, 303, 305—307, 478.
 Ганнибал Е. П. 373, 474, 484.
 Ганнибал Исаак 371.
 Ганнибал М. А., рожд. Пушкина 466. 482, 484.
 Ганнибал О. А. 482.
 Ганнибалов А. см. Ганнибал А.
 Ганнибалова Е. см. Ганнибал Е. П.
 Ганнибалы 453.
 Гара Ж.-П. 86.
 Гарбинская А. Ф. 275.
 Гартунг М. А., рожд. Пушкина 474.
 Гаттерер И. Х. 344.
 Гацак В. В. 482.
 Ге Н. Н. 491.
 Геббель Ф. 467.
 Гебель И.-П. 8.
 Гегель В.-Ф. 459.
 Гедимин, князь 489.
 Гейзелер Г. фон 459, 460, 462.
 Гейне Г. 217, 220—223.
 Гейтман Е. 236.
 Гейченко С. С. 473, 485.
 Геккерн Л. 452.
 Геннад Г. Н. 39, 338, 344.
 Георгиевский Г. П. 236.
 Герасимов И. Г. 348—350.
 Герасимов С. В. 485.
 Гербель Н. В. 287.
 Герберт Т. 312.
 Гергель Ш. 474.
 Гердер И.-Г. 100.
 Герцен А. И. 197, 201, 223, 262.
 Гершензон М. О. 14, 90.
 Гессен С. Я. 227, 228.
 Гёте Вальтер 391—393.
 Гёте И.-В. 94, 95, 105, 110, 391—393, 464—468.
 Гизетти А. 459.
 Гильом IX, герцог Аквитанский 83.
 Гинзбург С. Л. 257.
 Гира Л. 490.
 Гитович А. 416.
 Глебов С. 132.
 Гликман Г. Д. 478.
 Глинка В. М. 326, 327, 331.
 Глинка М. И. 256, 257, 264, 267, 271, 462, 474, 475.
 Глинка Ф. Н. 232, 235, 384, 385.
 Глинский Б. Б. 23.
 Гневушев А. М. 477.
 Гнедич Н. И. 14, 67, 70, 71, 90, 129, 229—231, 233—236, 242, 243, 245, 246, 267, 329, 332, 479.
 Гоголь Н. В. 25, 31, 339, 394, 400, 401, 424, 434, 460.
 Годлевский И. 490.
 Голенцишев-Кутузов П. В. 269.
 Голицын А. 451.
 Голицын А. М. 86, 240.
 Голицын А. Н. 231, 232, 237, 256.
 Голицын В. П. 268.
 Голицын П. 339.

- Голицын С. Г. (Фирс) 263, 264, 267, 269, 271—273.
 Голицына А. П., в замужестве Наумова 268.
 Голицына П. С. 272.
 Головенченко Ф. М. 59, 105.
 Голомбек И. 364.
 Голохвастов П. Д. 463.
 Гольдберг Х. 467.
 Гомер 492.
 Гончаров А. А. 488.
 Гончаров Д. Д. 487.
 Гончаров Д. Н. 488.
 Гончаров И. А. 197.
 Гончаров И. Н. 488.
 Гончарова А. Н. 488.
 Гончарова Н. И. 192.
 Гончарова Н. Н. см. Пушкина Н. Н.
 Гончаровы 487, 488.
 Гора И. 430.
 Гораций 21, 30, 68, 77, 92.
 Горбачевский И. И. 211, 212.
 Гордин А. М. 381, 476.
 Гордон П. 338.
 Горн 339.
 Городецкий Б. П. 472.
 Городецкий С. 313—315, 317, 318.
 Горчаков А. И. 277.
 Горчаков В. П. 258.
 Горчаков Д. П. 89, 241.
 Горький А. М. 433, 434, 443, 462, 464, 481, 492.
 Горяинов Д. Р. 380.
 Гофман М. Л. 112, 288, 405, 453, 454.
 Гофман Р. М. (Hofmann) 453, 454.
 Гофман Э.-Т.-А. 223.
 Грабовский П. 480.
 Граммон М. 52, 53, 55, 67.
 Гребеньщиков Г. 365, 366.
 Грегер В. 459, 460.
 Грегоращенко Л. 478.
 Грибоедов А. С. 90, 199, 209, 242, 254—256, 263, 264, 301.
 Григорович В. И. 328.
 Григорьян К. Н. 334.
 Грин Д.-Б. 224.
 Грифцов Б. А. 321.
 Гриц Т. 352.
 Грицай О. 480.
 Гросс Н. Д. 493.
 Гроссман Л. П. 111, 114, 118, 127, 128.
 Грубешлиева М. 435—438.
 Грум-Гржимайло А. Г. 293.
 Губерти Н. В. 337.
 Гумбольдт А. 319.
 Гурвич И. 410.
 Гуревич А. 211.
 Гуревич М. М. 337, 338.
 Гуркин Г. 366.
 Гурьев Д. А. 236.
 Гурьев М. В. 369.
 Гэ Бао-цюань 409—413, 474.
 Гюго В. 53, 77, 475.
 Гюнтер И. фон 460—462, 467.
 Давиньон 246.
 Давыдов В. Л. 479, 480.
 Давыдов Д. В. 30, 31.
 Давыдова Е. Н. 479.
 Давыдовы 479, 480.
 Даламбер Ж.-Л. 312.
 Даль В. И. 212, 363, 404, 488.
 Данзас Б. К. 474.
 Данилов В. В. 76, 399, 404.
 Данте А. 97, 98, 492.
 Дантес-Геккерн Ж. 246, 423, 452.
 Дапонте Л. 187, 189.
 Дарвин Ч. 368.
 Дау Дж. 252.
 Дебро П.-Э. 62, 89.
 Дейч Г. М. 371.
 Делессер В. 355, 356, 361.
 Делессер-Валон С. 355, 356, 361.
 Делиль 314, 315.
 Делорм Ж. 78.
 Дельвиг А. А. 14, 16, 60, 69, 95, 109, 199, 239, 279, 294—296, 328, 329, 332, 341.
 Демулен К. 221.
 Демут-Малиновский В. И. 327.
 Депорт Ф. 68, 75.
 Державин Г. Р. 30, 76, 86, 87, 91, 229, 298.
 Дешан Л. А. 314, 315.
 Джанин Ф. 34.
 Дибич И. И. 12.
 Дидро Д. 294, 312.
 Диккенс Ч. 350.
 Димитров Г. М. 482.
 Дитрих А. 459.
 Диц, барон 379.
 Длушка М. 107.
 Дмитриев И. И. 66, 98, 197, 198, 296, 298, 400, 401.
 Дмитриев М. А. 69.
 Дмитриевский И. А. 337.
 Добровольский Л. М. 402.
 Добролюбов Н. А. 434.
 Доланский Ю. 419—432.
 Долгорукий А. И. 277.
 Долгорукий И. М. 86, 277.
 Долгоруков А. А. 240.
 Долгоруков Д. И. 250.
 Долгоруков М. И. 250.
 Долинин А. С. 394.
 Дондуков-Корсаков М. А. 30.
 Дорохов Р. И. 388.
 Достоевский Ф. М. 394—396, 460, 464.
 Доу Дж. 327, 331.
 Дрир Ф. 224.
 Дрозд О. 376.
 Дружинин А. В. 82.
 Дубенская-Лагрена В. И. 358, 361.
 Дубинский Д. А. 474.
 Дубровский П. 365.
 Дунаева Е. 486.
 Дуров В. А. 388.
 Лыдыкин Н. В. 477, 480.
 Дэль-Любашевский Л. С. 473.
 Дюбелле И. 96.

- Дюдан К. 452.
Дягилев С. П. 402, 403.
- Е**
Е Кэ-чен 412.
Евгеньев-Максимов В. Е. 23.
Евдокимов И. 23.
Евдокия, царица 339.
Еврипид 101.
Еголин А. М. 111.
Екатерина I 218, 335, 338.
Екатерина II 332, 335, 336, 344, 371, 372, 377, 425.
Елена Ефимовна см. Василевская Е. Е.
Елизавета Алексеевна, имп. 235 (государыня).
Елизавета Петровна, имп. 340.
Еремин М. П. 23.
Ермолаев А. И. 233—235, 261.
Ермолов А. П. 12.
Ерофеев В. В. 23.
Есаулов А. П. 18.
Есипов Б. 477.
Ефимов Д. 380.
Ефимовский П. А. 201.
Ефрем Сирин 34.
Ефремов П. А. 39, 287, 324, 327, 329, 370, 471.
- Ж**
Железнов М. И. 238.
Жерар Ф. 327, 331.
Жильбер Н.-Ж. 68—70, 84.
Жирмунский В. М. 66, 129.
Жихарев М. И. 382, 383.
Жуковский В. А. 8, 9, 16, 17, 35, 39, 42—47, 50, 57, 58, 71—74, 76, 77, 86, 88, 90, 93, 95, 98, 100, 102—104, 107—111, 186, 187, 197, 198, 202, 211, 212, 220, 230, 231, 234, 235, 242, 296, 297, 307, 332, 370, 400, 401.
Жюссё А. 314.
- З**
Заблоцкий-Десятковский А. П. 261.
Заборова Р. Б. 44, 224—228, 408.
Завалишин Д. И. 472.
Заводзинский К. В. 106.
Загоскин М. Н. 245, 293, 307.
Зажурило В. К. 475, 477.
Закревская А. Ф., рожд. Толстая 251, 267.
Закревский А. А. 267.
Закревский А. Ф. 257.
Замойский 492.
Занд К. 425.
Здобнов Н. В. 23.
Зегерс А. 461—463.
Зейберт А.-Ф. 462.
Зелинский Г. 362—368.
Зелинский И.-Ф. 366.
Зенгер Т. Г. см. Цявловская Т. Г.
Золя Э. 475.
Зубков В. П. 369.
Зубов А. 302.
Зубов А. Н. 251, 267.
Зубов В. Я. 201.
- Зубова Н. П., рожд. Щербатова** 250, 251, 267, 268.
- И**
Иванов, приказчик 375.
Иванов И. И. 484.
Иванов М. 377.
Иванов Р. 380.
Ивановски С. 446.
Иевлев В. 380.
Иеринг Г. 461.
Изабе Ж.-Б. 327.
Измайлов В. В. 199.
Измайлов Н. В. 4, 7—48, 226, 250, 274, 288, 293, 300, 311, 312, 472, 488.
Измридлиева Н. 434.
Илличевский А. Д. 90.
Илья, кучер Александра I 236.
Инзов И. Н. 286.
Ипсиланти А. 12.
Исаев М. 435, 436, 438, 439.
Исаков Л. 376.
Истомин В. 492, 493.
Истомина А. И. 474.
Ишимова А. И. 322.
- Каверин П. П.** 369.
Кайзер Б. 461, 463, 465.
Калаушин М. М. 473.
Каменский М. Ф. 76.
Каминский Б. 428.
Канова А. 327.
Кановичюс Я. 491.
Каплан А. Л. 474.
Капуан А. В. 474.
Капнист В. В. 77, 79.
Каравелов Л. 475.
Караджич В. 20.
Карамзин А. Н. 296, 297.
Карамзин Ал-др Н. 31, 37, 48.
Карамзин Андр. Н. 31, 48.
Карамзин Н. М. 100, 110, 197—199, 230, 234, 235, 242, 294, 295, 370, 390, 400—402.
Карамзина Е. А., рожд. Вяземская 263, 297, 401.
Карамзина С. Н. 263, 266 (Софья), 296, 297.
Карамзины 31, 48, 263, 401.
Караславов Г. 434.
Кардовский Д. Н. 474, 475.
Карпович М. 402.
Касторский М. 339.
Катенин П. А. 60, 71, 72, 90, 95, 97, 100, 103, 230, 245.
Катков М. Н. 392.
Кауль В. 464.
Кафенгауз Б. Б. 293.
Каховский П. Г. 202.
Каченовский М. Т. 15, 340.
Кек В. Т. 258.
Кёлер Д. Е. 338.
Кёниг Г. 391—393, 475.
Кепески К. 445.
Керн А. П. 192, 229, 230, 248, 275, 287, 288, 493.
Керубини Л. 87, 88.

- Кикин А. 339.
 Кипренский О. А. 230, 329, 330, 332.
 Киреевский И. В. 221.
 Кирпотин В. Я. 256.
 Киселев Н. Д. 238, 254, 261—264, 271, 276—278, 286, 481.
 Киселев П. Д. 261, 263.
 Киселев С. Д. 261, 263, 277.
 Киселева Е. Н. 277.
 Киселева П. П. 263.
 Клейнер Ю. 107.
 Клементьев А. Н. 491.
 Книппер-Чехова О. Л. 488.
 Кобизева К. С. 478.
 Кобылин В. 385—387.
 Ковалев А. 480.
 Ковалевская Е. А. 493.
 Ковалевская Н. 325, 330.
 Коган Г. Ф. 487, 488.
 Коган Л. Е. 355, 357, 360.
 Кожевников С. 416.
 Кожин 376—379.
 Козицкий Ф. 480.
 Козлов И. И. 82, 265, 274.
 Козловский П. Б. 223.
 Козмин Н. К. 238, 247, 471.
 Козодавлев О. П. 86, 373.
 Козырев А. И. 488.
 Кок Д. 320.
 Кока Г. М. 324—333, 473.
 Колас Якуб 474.
 Коллар Я. 423, 424.
 Колосов В. И. 284.
 Кольридж С.-Т. 312.
 Кольцов А. В. 400.
 Комарова-Стасова В. Д. 471.
 Комарович В. Л. 394, 396.
 Коммихау Т. 460, 462.
 Конески Б. 446.
 Кони А. Ф. 471.
 Коновницына, генеральша 207.
 Константин Павлович, вел. князь 328.
 Константинов Ф. Д. 474.
 Коперник Н. 327.
 Копиевич И. 301.
 Корбе Ш. 458.
 Корнель П. 52, 77, 129, 130.
 Корнилович А. О. 210, 293.
 Корнюль Б. 82, 83, 95, 104, 105.
 Корсакас К. 490, 491.
 Корсаков 254.
 Корсаков П. А. 225.
 Корф М. А. 197.
 Косенко В. 480.
 Косичкин Феофилакт (псевдоним Пушкина) 15.
 Коскуль И. 466.
 Костыркина Е. 480.
 Котляревский Н. А. 471.
 Коттен М. 88.
 Коубек Я. П. 424.
 Коцебу А. 425.
 Кочергин Н. М. 474.
 Кочубей В. П. 236, 240, 370.
 Краевский 262, 272.
 Краевский А. А. 31, 400, 403.
 Краско Ф. Е. 487.
 Красногорская Э. 429—431.
 Красовский А. И. 31.
 Крашевский И. И. 290.
 Крестова Л. В. 250, 262.
 Критские, братья 201.
 Критский П. И. 201.
 Кроненберг И. Я. 200.
 Кршичка П. 430.
 Крылов А. А. 132.
 Крылов И. А. 230, 231, 233, 235, 242—246, 262, 267, 279, 288, 292, 329, 401, 434.
 Крылов К. 480.
 Крюгер Ф. 331.
 Крюков А. П. 363.
 Кубасов И. А. 471.
 Кузьмина В. Д. 345.
 Кукольник Н. В. 19.
 Кукулевич А. М. 91.
 Кульман Н. К. 369, 370.
 Кульнев Я. П. 344.
 Куник А. А. 234.
 Купер Ф. 267, 268.
 Купиньи А.-Ф. 66.
 Купфершmidt Г. 468.
 Куракин А. Б. 240.
 Курбатов И. 344.
 Кутайсова П. П. 269, 270.
 Кутузов Г. 240.
 Кутузов М. И. 25, 28, 329, 330.
 Куфяев М. Н. 334, 335, 338.
 Кучинский Ю. 461.
 Кушников С. С. 401.
 Кэ Чжун-пин 416—418, 474.
 Кюхельбекер В. К. 109, 208, 210, 211, 213, 297, 298, 377.
 Кюхельбекер К. И. 377.
 Лабзин А. Ф. 236.
 Лаборд 356.
 Лабри Р. 455.
 Лажечников И. И. 293, 307, 339, 341, 342.
 Ламартин А. 77, 267.
 Ламбер Л. 452.
 Лангер В. П. 332.
 Ланда С. С. 475.
 Лаперуз Ж.-Ф. 314.
 Лапиров А. 478.
 Лапкина Г. А. 293—309.
 Лапшина Н. В. 54, 134.
 Латеньян 72.
 Лебедев Б. 478.
 Лебрен Д.-Э. 63, 75, 77, 84.
 Лёве К. 393.
 Лёве-Веймар Ф. А. 343.
 Левицкая Т. 480.
 Легер К. 428.
 Лейеритц Г. 465.
 Лембрук Г. В. 464, 467.
 Лемерсье Л.-Ж. 86.
 Ленин В. И. 197.
 Леонтьев А. В. 492.
 Леопольдов А. Ф. 201, 239.
 Лермонтов М. Ю. 62, 209, 363, 364, 388, 433, 443, 463.

- Лернер Н. О. 261, 273, 288, 289, 297, 299.
 Лесаж А.-Р. 190.
 Лесков Н. С. 349.
 Летронн Л. 328.
 Лефран Помпийнъян Ж.-Ж. 84.
 Лешено да ла Тур Ж. 313—319, 321—323.
 Ли Бо 411.
 Ли Цзи-е 415.
 Либрович С. 492.
 Линдсей Дж. 474.
 Лирондель А. 455.
 Лисица Б. 409.
 Лифарь С. 405.
 Лихачев Д. С. 471.
 Ло Гатто Э. 472, 485.
 Лобанов М. Е. 245.
 Лобанов-Ростовский А. Я. 258, 264, 265 (Алексей), 277, 286.
 Лобанов-Ростовский Д. И. 240.
 Локис Д. 462.
 Ломоносов М. В. 65, 94, 100, 340—342.
 Лонгинов М. Н. 382, 383, 471.
 Лопаткин Я. М. 404.
 Лопаткувна Б. 106.
 Лортолари А. 457.
 Лось И. 480.
 Лотман Л. М. 91.
 Лоуренс Т. 327.
 Лу Синь 410.
 Лужин И. Д. 272.
 Луи Филипп, франц. король 223.
 Лукач Г. 465—467.
 Лунин М. С. 208.
 Луцкий Г. И. 476.
 Лысенко М. 480.
 Львов 275.
 Львов Н. А. 100.
 Львова Т. С. 493.
 Лэй Жань 411, 412.
 Люблинский П. И. 293.
 Людовик XII 75.
 Люй Ин 411, 413—415.
 Лян Сян 411.
 Лятошинский Б. 480.
 Маврин Е. 339.
 Маженди 315.
 Майков Л. Н. 277—279, 404.
 Макаров И. 376, 380.
 Максимов Д. Е. 23.
 Максимович М. А. 319.
 Малафеев И. В. 474.
 Малеванов Н. А. 369—381.
 Малерб Ф. 59, 75, 80, 84, 96.
 Малиновская Т. А. 409—418.
 Малиновский И. В. 474.
 Малов А. И. 245.
 Малова М. И. 402.
 Мальгин Г. 344.
 Мальи 75.
 Мальцев М. И. 473.
 Мальчевский А. 365.
 Мандерстрём Л. 217.
 Манизер М. 478.
 Манн Т. 463, 464.
 Мануйлов В. А. 25.
 Марек А. 421, 422, 424.
 Мария Ярославна, княгиня 489.
 Марков-Виноградский А. В. 493.
 Маркова-Виноградская Е. В., в замужестве Бакунина 493.
 Мармонтель Ж.-Ф. 344.
 Маро К. 63, 78, 79.
 Марсден В. 321, 322.
 Мартинов Ф. 59, 63, 72, 75, 77—80, 85, 86, 103, 108, 133.
 Мартос И. П. 325, 329, 330.
 Мартынов В. В. 482.
 Мартынов И. И. 101.
 Марчевски М. 435.
 Масальский К. П. 322.
 Маслов И. Н. 488.
 Маслова Н. И. 355.
 Маслянка Ю. 407, 408.
 Матвеев А. 337.
 Матвеев П. 435, 436, 439.
 Матвеева Е. В. 342.
 Матезиус Б. 430.
 Матушинский А. М. 326.
 Матюшин Я. В. 46, 348—353.
 Маха К.-Г. 422—424.
 Махар 429.
 Мацуев Н. И. 334.
 Мачис-Кекштас 490.
 Машков 489.
 Машковцев Н. Г. 332.
 Маяковский В. В. 433, 436, 443.
 Медведев Н. А. 477.
 Медерский Л. А. 477.
 Межов В. И. 363, 365.
 Мейендорф А. К. 256, 262.
 Мейлах Б. С. 196—213, 326, 472.
 Мейтус Ю. 480.
 Мельгунов Н. А. 392.
 Мельников А. П. 490.
 Менделеев Д. И. 482.
 Мендельсон-Бартольди Ф. 391.
 Меньё А. 354, 355, 450—458, 473.
 Меньшиков А. Д. 339.
 Меньшиков А. С. 263.
 Мерзляков А. Ф. 86.
 Мериме П. (Mérimee) 20, 354—361, 450, 453, 454, 456, 458, 475.
 Мертваго Д. Б. 279.
 Меттерних К.-В. 332.
 Мехура Л. 427.
 Мешков В. В. 474, 485.
 Мещерская Е. Н., рожд. Карамзина 251.
 Мещерский А. И. 86.
 Мещерский П. И. 251.
 Мещерский Э. 454.
 Миковец Ф.-Б. 426.
 Миллер Г. Ф. 337.
 Мильбергер М. 477.
 Мильвуа Ш. 66, 70, 81, 312.
 Миних Б.-Х. 335, 338, 339.
 Мирович Э. 331.
 Мицкевич А. 19, 50, 105—107, 254, 263, 362, 363, 365, 421—423, 475, 477, 480, 482, 489—493.

- Могилянский А. П. 400.
 Модзалевский Б. Л. 10, 33, 196, 218, 220, 223—225, 300, 334, 336—340, 344, 369, 403, 404, 471, 477, 493.
 Модзалевский Л. Б. 11, 18, 25, 44, 46, 47, 226, 228, 231, 251, 255, 273, 294, 322, 334, 335, 337, 344, 402.
 Молчанов Л. А. 201, 239.
 Мольер Ж.-Б. 52, 187, 188, 191.
 Монго А. 354—360.
 Монкриф Ф.-О. 72.
 Монс А. 339.
 Монтескье Ш.-Л. 87.
 Моравов А. Д. 475.
 Мордвинов Н. С. 75, 76, 239, 257.
 Морозов П. О. 11, 16, 287, 299.
 Моцарт В.-А. 187, 188, 190, 191, 390, 464, 466.
 Мунтин К. Я. 373—376, 380.
 Мур Т. 82, 83.
 Муравьев А. Н. 108, 276.
 Муравьев М. В. 477.
 Муравьев Н. М. 232, 363.
 Муравьев-Апостол С. И. 232.
 Муравьева А. Г. 205, 210.
 Муравьевы, братья 231.
 Мусоргский М. П. 456, 462.
 Муханов Н. А. 31.
 Муханов П. А. 271.
 Мухина А. М. 476.
 Мэн Хай 412.
 Мэн Хуань 410.
 Мэн Ши-хуань 411, 412.
 Мюллер Ф. фон 465.
 Мюссе А. 36, 78, 111, 190, 191.
 Мятлев И. П. 350.
 Надеждин Н. И. 15, 25, 340.
 Надененко Ф. 480.
 Назарова Г. И. 473, 477 (Перцева).
 Найдич Э. Э. 217—223, 408.
 Наков Г. Д. 434.
 Наполеон I 204, 222.
 Наумов Д. М. 278.
 Наумов И. Н. 478.
 Наумов Н. П. 268.
 Нащокин П. В. 18, 476.
 Негоро Д. 320.
 Негруци К. 478, 482.
 Недобой М. И. 481.
 Недумов С. И. 388, 389.
 Нееды Э. 474.
 Нейман И. 430.
 Нейштадт В. И. 387, 391, 459.
 Некрасов Н. А. 17, 97, 322, 434, 473.
 Нелединский-Мелецкий Ю. А. 75, 84, 85.
 Немирович-Данченко В. И. 365.
 Немцова Пр. 425, 426.
 Непринцев Ю. М. 485.
 Нерис С. 490.
 Нерон 384.
 Неруда Я. 425—427.
 Нессельроде К. В. 263.
 Нечаев И. В. 355.
 Нечаева В. С. 255.
 Низовцев 373.
 Никитин М. 352.
 Николай Г. 466.
 Николай I 12, 32, 36, 196, 197, 200, 202—204, 206—208, 212, 218, 220, 237, 239, 240, 249, 250, 275, 308, 309, 326, 330, 331, 341, 457.
 Николев Н. П. 98.
 Новиков Н. И. 336, 337, 343, 351.
 Новицкий П. И. 248.
 Нодье Ш. 72.
 Нордин Г. 217—223, 408.
 Нордин К.-Г. 218.
 Норов А. С. 97.
 Обольянинов Н. А. 329.
 Овидий 14.
 Овсянников Н. Г. 348—351.
 Огарев Н. П. 396.
 Одоевский А. И. 206, 208, 209.
 Одоевский В. Ф. 29, 31, 223, 391, 399, 400.
 Одровонж-Пенёнжек Я. 362—368.
 Ожешко Э. 475.
 Озеров В. А. 253.
 Оксман Ю. Г. 293, 297, 300, 305, 307, 325, 334, 335, 403, 472.
 Окунев 371.
 Оленин А. А. 245, 254, 263, 275.
 Оленин А.-др А., композитор 247, 248, 253, 271, 288, 291.
 Оленин А. Н. (отец, бабушка) 229—248, 254, 256—259, 262, 275—277, 280, 281, 327, 329, 332, 352.
 Оленин Г. Н. 237.
 Оленин П. А. 230—233, 240, 245.
 Оленина А. А., в замужестве Андро 229, 230, 237—243, 246—292, 306.
 Оленина А. С. 272.
 Оленина В. А. 231, 237, 242.
 Оленина Е. М., рожд. Полторацкая (маменька) 229—231, 237—241, 243, 250, 272, 273, 275, 280, 287.
 Оленины 286.
 Олешинский В. 492.
 Ольгерд, князь 489.
 Ольдекоп Е. 352, 459.
 Онегин А. Ф. 300, 325, 356.
 Оом А. Ф., рожд. Фурман 261.
 Оом О. Н., рожд. Сталь-фон-Голстейн 238, 239, 241, 242, 247, 261, 275, 290—292.
 Опекушин А. М. 476.
 Оппель К. 350.
 Опшерман К. И. 240.
 Орлов А. С. 335.
 Орловский Б. И. 325, 327, 329, 332.
 Осипова А. И. (Саша) 283, 284.
 Осипова-Вульф П. А. 78, 191, 279, 283, 284, 371—373, 380, 484.
 Осиповы-Вульфы 484.
 Оссиан 272.
 Остерман А. И. 339.
 Островская Б. 106.
 Островский Н. А. 433.
 Отто Я. 428.
 Очкин А. Н. 322.

- Павел I 376.
 Павлов Т. 435.
 Пантелеев В. М. 487.
 Пантелеев Л. Ф. 404.
 Паньков Ф. X. 350.
 Парни Э.-Д. 63, 70, 72, 81, 129.
 Партюрье М. 355—359, 458 (Parturier).
 Паскаль П. 456 (Pascal), 457.
 Паскевич-Эриванский И. Ф. 12, 244.
 Пекарский П. П. 338, 340.
 Пенев К. 435, 436, 440.
 Пензул А. К. 482.
 Переселенков С. А. 471.
 Перовский В. А. 404, 405.
 Перцева Г. И. см. Назарова Г. И.
 Пестель П. И. 481.
 Петр I 22—24, 203, 204, 220—222, 293—309, 335—339, 345, 347, 348, 487, 489.
 Петр II 339.
 Петрарка Ф. 199.
 Петрашкевич О. 362.
 Петров, унтер-офицер 385, 386.
 Петров В. П. 91, 92, 344.
 Петров О. 385.
 Петров О. А. 474.
 Петров С. М. 293, 308.
 Петрова-Воробьева А. Я. 475.
 Петровых М. 491.
 Пиксанов Н. К. 36, 111, 303.
 Пиларж Я. 474.
 Пиндемонти И. 36.
 Пини О. А. 476.
 Писарев А. И. 93.
 Плетнев П. А. 8, 9, 97, 125, 191, 192, 198, 199, 245, 393, 400—402, 448.
 Пляшар А. А. 44, 221, 224—228, 408.
 Погодин М. П. 200, 271, 296, 341, 342.
 Подолинский А. И. 99, 111.
 Покровский М. Н. 207.
 Полевой К. А. 212.
 Полевой Н. А. 26, 27, 212.
 Полежаев А. И. 16, 364.
 Полторацкая В. Д., рожд. Киселева 258, 262, 264.
 Полторацкая Е. П. 283.
 Полторацкая Т. М., рожд. Бакунина 258.
 Полторацкий А. М. 258.
 Полторацкий М. А. 258.
 Полторацкий П. М. 275.
 Полторацкий С. А. 258.
 Полторацкий С. Д. 471.
 Поль В. 106.
 Полянов Д. И. 435.
 Попов 480.
 Попов А. 110.
 Попов Л. 492.
 Попов П. С. 248, 253, 271, 291, 334.
 Попов С. С. 18.
 Поспишил Я. 427.
 Потоцкая С. С., в замужестве Киселева 261.
 Потоцкие 408.
 Прево М. 475.
 Предтеченский А. В. 472.
 Прийма Ф. Я. 229—246, 248, 257, 259, 352.
 Прокопович Ф. 301, 335, 338.
 Прутков Козьма 100.
 Прушиньский А. 492, 493.
 Пу Фэн 412.
 Пугачев Е. И. 21, 341, 422, 443, 488.
 Пулята Н. В. 199.
 Пушкин В. Л. 88, 92 (дядя), 277, 298.
 Пушкин Г. А. 484, 489—491.
 Пушкин Л. С. 256, 280, 356.
 Пушкин М. А. 477.
 Пушкин М. И. 477.
 Пушкин С. Л. 11, 32, 211, 482, 256.
 Пушкин С. Ф. 289, 306.
 Пушкин Ф. А. 477.
 Пушкин Ю. А. 477.
 Пушкин Я. А. 477.
 Пушкина В. А., рожд. Мельникова 484, 489, 490.
 Пушкина Н. А. 474.
 Пушкина Н. Н., рожд. Гончарова 12, 14, 33, 195, 212, 278, 280, 283, 292, 487, 488, 491.
 Пушкина Н. О. 11, 256, 482.
 Пушкина О. С., в замужестве Павлищева 256.
 Пушин И. И. 210—213, 388, 475.
 Пушин П. С. 484.
 Пфлегер-Моравский Г. 425, 426.
 Радевски Х. 434.
 Радецкий Э. фон 460.
 Радзивил С. 250.
 Радичев А. Н. 25, 39, 337, 341, 342, 371, 472, 473.
 Радичев Н. А. 85.
 Раевский В. Ф. 77, 208.
 Раевский Н. Н. 43.
 Раевский Н. Н. (младший) 280.
 Разломалин Д. В. 487, 488.
 Разумовская В. А. 272.
 Разумовский К. Г. 379.
 Ралец С. 441.
 Расин Ж. 52.
 Расин Л. (сын) 75, 77.
 Раух X.-Д. 330—332.
 Рафльз Т.-С. 321, 322.
 Ре Э. 454.
 Ребров А. Ф. 388.
 Рейзов Б. Г. 334, 335.
 Реньяр Ж.-Ф. 131.
 Репнин В. Н. 272.
 Репнин Н. Г. 32.
 Ржезач В. 474.
 Ризнич А. 17.
 Риман Г. 392.
 Роберт Ж. 454.
 Робеспьер М. 221, 222.
 Робсон П. 474, 476.
 Ровинский Д. А. 327, 329.
 Рогов В. Н. 410, 411.
 Рогожин В. Н. 338.
 Роденберг Г. 461.
 Родзянко А. Г. 239.
 Родиндепоро 319, 320.

- Розанов М. Н. 35.
 Розен Е. 459.
 Розен Н. Н. 345.
 Романович И. К. 54, 133, 134.
 Рондо 335, 338, 399.
 Ронсар П. 63, 96, 396.
 Рославлев 455.
 Россет А. О. см. Смирнова-Россет А. О.
 Россиев П. 230, 237.
 Ростопчина Е. П. 199.
 Рудаков С. Б. 111.
 Руденская М. П. 473.
 Рудман В. 409.
 Рудников И. 442.
 Рунеберг И. 475.
 Руссо Ж.-Б. 63, 75, 77, 84, 110.
 Руссо Ж.-Ж. 294.
 Рывина Е. И. 485.
 Рылеев К. Ф. 54, 77, 198, 200, 201, 212, 232, 256, 267, 275, 474.
 Рыльский М. Ф. 474, 485.
 Сабатье И. 224.
 Сабашниковы М. и С. 493.
 Сабуров Я. И. 384.
 Савенков 246.
 Савицкий Г. К. 474, 475.
 Саитов В. И. 224, 229, 403.
 Саларев С. 132.
 Сальери А. 466.
 Самодумов Т. 435.
 Самохвалов А. 485.
 Санковский П. 209.
 Сарайлия С. М. 423.
 Свербеев Д. Н. 382, 383.
 Свешников Н. И. 348—351.
 Свиньин П. П. 327, 328, 331.
 Сегерс П. 458.
 Селивановский С. И. 33.
 Семевский В. И. 385.
 Семенов В. 405.
 Семенов Г. 485.
 Семенов Л. П. 388, 389.
 Семенов Тян-Шанский П. П. 369.
 Семенова Е. С. 230.
 Сенека Л.-А. 130.
 Сенковский О. И. 21, 22, 25—27, 31, 343.
 Сент-Аман М.-А. 79.
 Сент-Бев Ш.-О. 78, 96.
 Серебряков Е. 409.
 Серман И. Э. 390.
 Серов В. А. 475.
 Си Цзинь 415.
 Сидяков Л. С. 473.
 Симонова Е. 364.
 Симицына Е. Е. 284.
 Синявский Н. 18, 22, 404.
 Синягин Н. К. 328, 329.
 Сисмонди Л. 98.
 Ситников, штабс-капитан 206.
 Скляев 339.
 Скотт В. 50, 106, 129, 307, 467.
 Славейков П. П. 433.
 Славейков П. Р. 433, 443.
 Слепцов А. 272.
 Словацкий Ю. 106, 362, 365, 421.
 Слонимский А. Л. 414.
 Сметана Б. 427.
 Смирдин А. Ф. 337, 338, 344, 474.
 Смирненский Х. 434.
 Смирнова-Россет А. О. 219, 250, 252, 253, 262, 263, 279.
 Снегирев И. М. 246.
 Собаньская К., в замужестве Чиркович 290—292.
 Соболевский С. А. 98, 262, 358, 361, 400.
 Соколов П. И. 245.
 Соколов-Скаля П. П. 474, 475.
 Соллогуб В. А. 32.
 Солнцев Ф. Г. 229, 237.
 Соловьев С. М. 347.
 Соловьева О. С. 399—408.
 Сомов О. М. 95, 332.
 Сопиков В. С. 337, 338, 344.
 Софья Алексеевна, правительница 304, 305.
 Соц В. И. 221.
 Спасский И. Т. 212.
 Сперанский М. М. 240, 244.
 Стайков Н. 442, 443.
 Сталев Г. 445—448.
 Сталь-фон-Голштейн С. Ф. 275.
 Стамати К. 478, 482.
 Стасов В. В. 229, 325.
 Стейльс А. 339.
 Степанов Н. Л. 23, 232, 308.
 Степанова 474.
 Стоянов Л. 434, 435.
 Стрелков Л. 440, 441.
 Строганов Г. 240.
 Строганов П. А. 271.
 Строганова О. П., в замужестве Ферзен 272.
 Строганова С. В., рожд. Голицына 271, 272.
 Струве Г. 223.
 Стюарты 33.
 Су Фу 411.
 Суворин А. С. 324, 329.
 Суворов А. В. 481.
 Сукин А. Я. 240.
 Султан-Шах М. П. 12, 450.
 Сумароков А. П. 79, 100, 340, 341.
 Сумороцкий 371, 379.
 Сунь Юн 411.
 Сухинов И. И. 207.
 Сухомлинов А. 478.
 Сухомлинов М. И. 245.
 Сухорева 266.
 Сухоруков В. Д. 209.
 Таборский Ф. 429—431.
 Тальони М. 396.
 Гарле Е. В. 403, 404.
 Тассо Т. 61, 97, 199.
 Таточко Н. Ф. 482.
 Тевяшов Е. Н. 328.
 Теннисон А. 475.
 Тербовальский В. 234.
 Тизенгаузен Е. Ф. 272.
 Тиле И.-М. 327.

- Тильвитис Т. Ю. 490, 491.
 Тимирязев В. А. 333.
 Тимофеев А. В. 19.
 Тимофеева О. В. 355, 360.
 Титов А. А. 345.
 Тиханов П. Н. 245.
 Тихомиров В. А. 313, 317.
 Тодоров А. 435, 436, 439.
 Тодоровски Г. 445—449.
 Толстой Л. Н. 318, 394, 434, 443, 463.
 Толстой П. А. 240.
 Толстой С. Л. 318.
 Толстой Ф. И. 280, 332.
 Толстой Ф. П. 229, 245.
 Тома А. 84, 85.
 Томашевский Б. В. 10—13, 16, 17, 21, 34, 49—184, 235, 255, 273, 281, 283, 285, 294, 322, 325, 327, 394, 396, 471, 473.
 Томичек Я.-С. 422.
 Топоровски М. 490.
 Топуридзе К. Т. 476.
 Торвальдсен А.-Б. 324—333.
 Травин Л. А. 381.
 Тредиаковский В. К. 340—343.
 Тренин В. 352.
 Троупянский Я. 480.
 Трофим, крестьянин 375.
 Грубецкой Б. А. 482.
 Грубецкой С. П. 231, 232.
 Тropicин В. А. 332, 457.
 Труайа А. 452, 456, 457.
 Трудин (Сава Гановски) 435.
 Туманский В. И. 70, 78, 81, 108, 132.
 Тургенев А. И. 30, 197, 222, 234, 296, 369—371, 401, 402.
 Тургенев И. С. 221, 325, 356, 434, 458 (Tourguénev).
 Тургенев Н. И. 369, 370, 384, 385.
 Тургенев С. И. 369, 370, 384, 385.
 Тургеневы, братья 296, 369.
 Тыркова-Вильямс А. В. 454.
 Тютчев Ф. И. 31, 326.
 Уваров С. С. 30, 32, 77, 234, 401, 402.
 Уварова А. Ф., по второму мужу Войде 275.
 Украинка Леся 480.
 Уланд И.-Л. 58.
 Улыбышев А. Д. 239.
 Ульянов Н. П. 474, 475.
 Унбегаун Б. 450, 451 (Unbegaun).
 Урусов 268.
 Урусов А. М. 268.
 Успенский В. А. 474.
 Устинович П. М. 241, 247, 253, 254, 275.
 Ушаков В. А. 363.
 Ушаков Д. Н. 466.
 Ушаков Н. В. 278.
 Ушаков О. 372.
 Ушакова Ек. Н. 263, 277—279, 282, 306.
 Ушакова Ел. Н. 263, 278.
 Ушаковы 277—279, 285.
 Фабиан Е. 462, 464.
 Фаворский В. А. 474.
 Фарнгаген фон Энзе 391—393, 459, 464, 475.
 Фатов Н. Н. 482.
 Федоров А. В. 221, 223.
 Федоров Д. Ф. 348, 353.
 Федосеев Ф. 375—377, 379, 380.
 Федотов О. 380.
 Фейнберг И. Л. 24, 294, 301, 304, 334, 335.
 Фельчакувна Г. 107.
 Фенне А. фан дер 393.
 Фетисов М. И. 363, 364.
 Фиски Дж. 222.
 Фикельмон Д. Ф. 219.
 Фикельмон К.-Л. 220, 221.
 Филарет, митрополит 13, 33.
 Фирсов Д. 380.
 Фитингоф фон 371.
 Фишер О. 430, 431.
 Фок М. Я. фон 200.
 Фонвизин Д. И. 232.
 Фонтанье В. 407.
 Фонтон Ф. П. 221.
 Франко И. 480.
 Францев В. А. 419, 428.
 Фредро А. 368.
 Фрейдель Е. В. 475, 477.
 Фринга А. 445.
 Фрис Т. де 474.
 Фурш Ф. 311, 312, 314, 321, 323.
 Хвостов Д. И. 198, 401, 402.
 Херасков М. М. 79, 110, 128, 337.
 Херман С. 461, 463.
 Хижинский Л. С. 474, 475.
 Хитрово Е. М. 219, 248, 250, 255, 272, 403.
 Хлебников П. К. 336, 337.
 Хлюстин С. С. 32, 400.
 Хмелевская Е. М. 472, 478, 482, 493.
 Хмельевский П. 366.
 Хмельницкий Н. И. 230.
 Холмушин В. В. 348—350.
 Хольдхауер Г. 393.
 Хорсфильд Т. 312, 314, 321.
 Хрелков Н. 435.
 Хуан Юань 410.
 Цанев Г. 435.
 Цвейг А. 461.
 Цвирка П. 490.
 Цейдлер И. Б. 265.
 Цейтц Н. В. 334, 335.
 Цертелев Н. А. 111.
 Цзян Кэ-цзя 416.
 Циклер И. Е. 304, 305.
 Циммеринг М. 468.
 Цинцендорф Н.-Л. 77.
 Цюй Цю-бо 411.
 Цявловская Т. Г. (Зенгер) 17, 30, 210, 238, 247—292.
 Цявловский М. А. 16—18, 22, 40, 41, 251, 256, 257, 271, 274, 287, 293, 325, 382—384, 388, 404, 452.

- Ча Лян-чжэн 412, 413.
 Чаадаев П. Я. 24, 32, 222, 223, 235, 294, 382—384.
 Чайковский П. И. 428, 462, 478—481.
 Челяковский Ф. Л. 422, 424.
 Черейский Л. А. 472.
 Черкасский Л. 409.
 Чернова Е. Б. 408.
 Черных П. Я. 370, 371.
 Чернышев А. И. 240.
 Чернышев В. И. 299, 300, 471.
 Чернышев Н. М. 474.
 Чернышевский Н. Г. 23, 434, 443.
 Черняев Н. И. 34.
 Чех Сватопок 427, 429.
 Чехов А. П. 434, 460.
 Чечурин А. П. 256, 265—268, 274—276, 286.
 Чжань Хуай-синь 412.
 Чжао Чэн-чжи 410.
 Чжэн Вэнь 415.
 Чжэн Чжэнь-до 410.
 Чижевский Д. 402.
 Чичкан Л. 480.
 Чубова А. П. 330.
 Чугурин Н. 486.
 Чулков М. Д. 343.
 Чэнь Бо-чуй 411, 412.
 Шадр И. Д. 478.
 Шадури В. С. 209.
 Шампиньон Э. 354, 357.
 Шапель П. 102.
 Шапошников Б. В. 334, 335.
 Шафарик П.-И. 423, 424.
 Шевченко Т. Г. 480, 481.
 Шевырев С. П. 20, 22, 95, 199, 400, 424.
 Шекспир В. 189.
 Шелингер Н. А. 459—468.
 Шенье А. 14, 18, 59, 63, 67—69, 77, 288.
 Шервуд И. В. 481.
 Шереметев П. В. 388.
 Шестопалов Н. 485.
 Шиллер Ф. 98, 102, 107, 108.
 Шиллинг П. Л. 254, 263.
 Шиллинговский П. 475.
 Шильдер Н. К. 329.
 Шимановская М. 465.
 Шимкевич К. А. 97.
 Шишкин А. П. 404.
 Шишкина Л. А. 404.
 Шишков А. А. 132.
 Шишков А. С. 474.
 Шкалиберда М. А. 481.
 Шкловский В. Б. 297, 301, 307, 308.
 Шолохов М. А. 433.
 Шопов А. 446.
 Шредер А. А. 370.
 Штейнер Г. 464.
 Штерич Е. П. 269, 270.
 Штефан К. 425.
 Штоль 262.
 Штольберг 101.
 Штрайх С. Я. 385.
 Штур Л. 475.
 Шуазель-Гуффье 331.
 Шубин А. 478.
 Шуй Фу 411.
 Шульговский Н. Н. 59, 105.
 Шюзевиаль Ж. 453, 454.
 Щеголев П. Е. 17, 211, 220, 234, 239, 257, 471.
 Щербатов М. М. 294.
 Щербатов Н. 493.
 Эберт 461.
 Эвальд В. Ф. 332.
 Эглантин Ф. де 86.
 Эйдиан Л. Э. 409, 416.
 Эйхлер Е. 467.
 Эльмпт М. Ф. 258, 263 (Marie), 264 (Маша), 265.
 Эльмпт Ф. И. 258.
 Эми Сяо (Сяо Сань) 409, 411.
 Энгель Ф. И. 240.
 Энгельгардт Е. А. 212.
 Эрнст С. 328.
 Эсхил 101.
 Эфрос А. М. 256, 273, 278.
 Югер К. 320.
 Юй Чжэнь 412.
 Юлаев Салават 488.
 Юнг В. А. 428—431.
 Юнгман И. 421, 424.
 Юнгман И. И. (младший) 421.
 Юнгхун Ф. 317.
 Юсупова П. П., рожд. Щербатова 251.
 Юцевич Е. 480.
 Ягужинский П. И. 339.
 Языков Д. И. 245.
 Языков Н. М. 16, 263, 297, 298, 484.
 Яковлев И. 374, 375.
 Яковлев Л. 375, 380.
 Яковлев М. 380.
 Яковлев Н. 375, 380.
 Яковлев Н. В. 82, 96.
 Яковлева А. Р. 466, 478, 484.
 Якубович Д. П. 14, 230, 233, 334, 335.
 Якушкин В. Е. 44, 294, 297.
 Якушкин И. Д. 385, 479.
 Янев Т. 434.
 Яневски С. 446.
 Янонис Ю. 490.
 Янушкевич А. 362.
 Яремич С. П. 331.
 Ярхо Б. И. 54, 134.
 Ясинский Я. И. 334, 335.

- Abraham G. 456.
Babel 450.
Baguette S. 453.
Bayat M. 458.
Bonne A. 456.
Boutchik V. 450.
Campion V. de 456.
Chapiro N. 455.
Chère E. 456.
Clavé de 453.
David J. 452.
Delines M. 456.
Dixmude I. de 453.
Dresch J. 220.
Eimard H. 450.
Engelson S. 453.
Fumet S. 454.
Gasnier M. 451.
Ghil R. 457.
Gide A. 455.
Grasset S. 455.
Hazan F. 454.
Haumant E. 454.
Holstein A. de 457.
Jaubert E. 455.
Juin H. 458.
Kotzebue R. 451, 455.
Lacôte R. 458.
Laloy L. 456.
Lamoureux R. 451.
Landré A. 453.
Larousse P. 88.
Lebedeff J. 457.
Leyris R. 454.
Livain R. 451.
Maguelonne P. 453.
Mahoé J.-J. 453.
Michel A. 452.
Mortier R. 453.
Müller-Muck 463.
Nathan F. 455.
Oumow J. 457.
Parnac V. 454.
Poltavzev N. 451.
Procházková H. 420.
Rousseau P. 453.
Saurel L. 455.
Schiffirin J. 455.
Selikoff E. 450.
Semenoff M. 456.
Staritsky A. 454.
Strahl I. 460.
Thomas H. 454.
Tooke W. 337.
Trahard P. 354.
Trask W.-R. 452.
Viardot L. 451, 454, 456.
Wellé H. 453.
Whynis 451.
-

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	Стр.
Письмо А. С. Пушкина к Г. Нордину. 1835. Первая страница. Королевская библиотека в Стокгольме	218
Письмо А. С. Пушкина к Г. Нордину. 1835. Вторая страница и адрес. Королевская библиотека в Стокгольме	219
Письмо А. С. Пушкина к А. А. Плюшару. 29 декабря 1836 года. Первая страница. Пенсильванское историческое общество. Филадельфия	226
Письмо А. С. Пушкина к А. А. Плюшару. 29 декабря 1836 года. Вторая страница. Пенсильванское историческое общество. Филадельфия	227
Гостиная в доме Олениных в Приютино. Акварель Ф. Г. Солнцева. 1834. На рисунке изображены: 1. М. Ф. Коранеева, 2. Г. Н. Оленин, 3. А. А. Оленина, 4. А. А. Оленина, 5. А. Д. Блудова, 6. В. А. Савельев, 7. Л. Д. Блудова, 8. А. Н. Оленин, 9. А. Т. Домрач«ева?», 10. В. А. Оленина, 11. А. А. Оленин, 12. Е. М. Оленина, 13. Граф Ф. Д. Алопеус, 14. Г-н Дамето. Всесоюзный музей А. С. Пушкина	232—233
Бюст Александра I работы скульптора Б. Торвальдсена. Мрамор. 1820. Государственный Эрмитаж	324—325
«Послание к Чаадаеву». Список В. Кобылина. Московский областной государственный исторический архив	386
Предисловие к «Путешествию в Арзрум». Заглавный лист. Цензурный беловой автограф с поправками рукой Пушкина. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР	404—405
Предисловие к «Путешествию в Арзрум». Лист 5 об. Цензурный беловой автограф с поправками рукой Пушкина. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР	404—405
Письмо А. С. Пушкина к Е. К. Воронцовой. 5 марта 1834 года. Первая страница. Краковский Государственный архив	406
Письмо А. С. Пушкина к Е. К. Воронцовой. 5 марта 1834 года. Вторая страница. Краковский Государственный архив	407
Стихотворение «Пою народного гения — Пушкина» китайского поэта Кэ Чжунпина. Листы 1 и 4. Автограф. 1949. Всесоюзный музей А. С. Пушкина. Государственный литературно-мемориальный музей А. С. Пушкина и П. И. Чайковского в Каменке. Фотография. 1954	479
Михайловское. Фотография. 1956	483
Михайловское. Вид на реку Сороть с балкона дома. Фотография. 1956	483
Музей А. С. Пушкина в Болдине. Фотография. 1949	486
Памятник А. С. Пушкину в селе Берды Оренбургской области работы скульптора-самоучки А. И. Козырева. Фотография. 1955	489
Дом в Саратове на Советской улице, № 30. На фасаде бюсты А. Пушкина и А. Мицкевича. Фотография. 1956	491
Дом в Варшаве на Иерусалимской аллее, № 32. На фасаде бюсты А. Пушкина и А. Мицкевича работы А. Прушиньского. Фотография. 1957	492

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
СТАТЬИ	
Н. В. Измайлов. Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов	7
<u>Б. В. Томашевский</u> . Строфика Пушкина	49
А. А. Ахматова. «Каменный гость» Пушкина	185
Б. С. Мейлах. Пушкин и декабристы в период после поражения восстания 1825 года	196
МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ	
Э. Э. Найдич. Письмо Пушкина к Густаву Нордину	217
Р. Б. Заборова. Автограф письма А. С. Пушкина к А. А. Плюшару	224
Ф. Я. Прийма. Пушкин и кружок А. Н. Оленина	229
Т. Г. Цявловская. Дневник А. А. Олениной	247
Г. А. Лапкина. К истории создания «Арапа Петра Великого»	293
В. Г. Боголюбова. Еще раз об источниках «Анчара»	310
Г. М. Кока. Стихотворение «К бюсту завоевателя»	324
Г. Г. Ариель-Залеская. К изучению истории библиотеки А. С. Пушкина	334
Е. И. Боброва. Перевод П. Мериме «Пиковой дамы» (Автографическая рукопись)	354
Януш Одровонж-Пенёнжек. Пушкин и польский романтик Густав Зелинский	362
Н. А. Малеванов. Волнения крестьян в селе Тригорском в конце XVIII века и стихотворение Пушкина «Деревня»	369
Заметки	
М. А. Цявловский. Представление «Деревни» Пушкина Александру I	382
В. И. Безъязычный. «Солдатский список» стихотворений Пушкина	385
С. И. Недумов. О пребывании А. С. Пушкина на Кавказских минеральных водах в 1829 году	388
И. Э. Серман. Один из источников «Моцарта и Сальери»	390
М. П. Алексеев. Легенда о Пушкине и Вальтере Гете	391
П. Н. Берков. Об одном отражении «Каменного гостя» Пушкина у Достоевского	394
КРИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ	
О. С. Соловьева. Новейшие приобретения пушкинского текста (1955—1956)	399
Т. А. Малиновская. Пушкин в Китайской Народной Республике	409
Юлиус Доланский. Пушкин в истории чешской культуры	419
В. Велчев. Пушкин в изображении современных болгарских поэтов	433
Гане Тодоровски. Пушкин на македонском языке	445
Андре Меньё. Пушкин во Франции в 1940—1956 годах	450
Н. А. Шелингер. Пушкин в немецкой демократической печати (1945—1955)	459

ХРОНИКА

Восьмая Всесоюзная Пушкинская конференция (Е. М. Хмелевская)	471
Пушкинская группа Института русской литературы (Л. С. Сидяков)	472
Всесоюзный музей А. С. Пушкина (А. М. Мухина, О. А. Пини)	473
Пушкинские памятные места: Москва, Ленинград, Кишинев, Каменка, Тульчин, Одесса, Бахчисарай, Пушкинский заповедник Псковской области, Болдино, Полотняный завод, Берды, Вильнюс, Саратов, Могила А. П. Керн в Калининской области	476
Указатель произведений А. С. Пушкина, упоминаемых в настоящем томе (Е. М. Хмелевская)	494
Указатель имен (Е. М. Хмелевская)	500
Список иллюстраций	513

ПУШКИН
ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) Академии наук СССР

*

Редактор Издательства А. И. Соболева
Технический редактор Н. А. Кругликова

*

Сдано в набор 18/1 1958 г. Подписано к печати
10/VI 1958 г. РИСО АН СССР № 39—3В. Формат
бумаги $70 \times 108/16$. Бум. л. $16^{1/8}$. Печ. л. $32^{1/4} =$
 $= 44.18$ усл. печ. л. + 3 вкл. Уч.-изд. л. $45.36 +$
 $+ 3$ вкл. (0.25). Изд. № 622. Тип. зак. № 515.
М-35057. Тираж 2750.

Цена 29 р. 35 к.

Ленинградское отделение
Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12